

Дин Кунц

Темные реки сердца

Аннотация

Загадочного человека, сменившего имя, уничтожившего все документы, свидетельствовавшие о его прошлом, разыскивает таинственное и беспощадное Агентство. А он в это время увлечен поисками женщины, с которой был знаком всего лишь один вечер. Внезапно вспыхнувшее чувство заставляет его безрассудно устремиться навстречу смертельной опасности.

Дин Кунц

Темные реки сердца

Часть первая В незнакомых водах

*Для заблудших путников, для нас,
Нет тарифов у вокзальных касс.
Недоступен нам любой маршрут,
За который денежки берут.
Странный, ускользающий пейзаж
Превращает видимость в мираж,
Как и нашу собственную суть.
Так все зыбко, что посмертный путь,
Где царят безмолвие и тьма,
Меньше тайн хранит, чем жизнь сама.
«Книга памятных печалей»
Нити жизни из клубков судьбы
Нежат нас, воздушны и слабы,
Но пророчит дней грядущих даль*

Глава 1

С мыслями об этой женщине и печалью в сердце Спенсер Грант мчался сквозь дождливую ночь в поисках красной двери. Рядом с ним в машине молча сидела собака. По крыше автомобиля негромко стучали капли дождя.

Когда февральские сумерки совсем сгустились, ближе к ночи, с Тихого океана принесло грозовые тучи и начался сильный дождь. Его, пожалуй, нельзя было назвать ливнем, но он, казалось, вымыл из города всю энергию. Лос-Анджелес вместе с пригородами утратил четкие линии, размылись углы, ушло кипение, царившее на магистралях. Здания сливались в одну сплошную стену, машины медленно тянулись по улицам, расплывшимся в серой мгле.

В Санта-Монике, где справа от дороги тянулись по берегу океана пляжи, Спенсер остановился у светофора.

Рокки – дворняга чуть поменьше Лабрадора – с большим интересом смотрел вперед. Когда Спенсер с ним ездил в своем грузовичке, то Рокки иногда смотрел в боковое окно, хотя ему гораздо интереснее было наблюдать, что происходит впереди.

Даже когда ему приходилось ездить на заднем сиденье, он редко смотрел в окно за ним. Он ужасно не любил смотреть назад. Возможно, от этого у него кружилась голова. Когда же пейзаж как бы наезжал на него, неприятного ощущения не было.

А возможно, вид уносящегося назад шоссе ассоциировался у Рокки с прошлым. У него были причины не любить прошлое.

Так же как и у Спенсера.

Ожидая, пока загорится зеленый свет, Спенсер дотронулся до лица. У него была привычка касаться своего шрама, когда его что-нибудь тревожило, – так другие иногда теребят четки. Ощущение в пальцах успокаивало его, возможно, напоминая, что самое страшное в своей жизни он уже пережил и ничего более ужасного с ним произойти не может.

Этот шрам на лице сразу бросался в глаза. Спенсер был меченым.

Бледный, гладкий рубец шириной от восьми до двенадцати миллиметров тянулся от правого уха до подбородка. И хотя в тонкой полоске соединительной ткани не было нервных окончаний, у Спенсера бывало ощущение, что на лице лежит раскаленная проволока. На летнем солнце шрам оставался холодным.

Загорелся зеленый свет.

Собака, предвкушая движение, вытянула вперед лохматую шею.

Спенсер, не торопясь, ехал на юг вдоль темного побережья, положив на руль обе руки. Он с волнением высматривал красную дверь на фасадах множества магазинов и ресторанов.

И хотя он больше не дотрагивался до полоски на лице, но все время ее чувствовал. Он никогда не забывал про свою отметину. Улыбаясь или хмурясь, он чувствовал, как натягивается кожа на правой половине лица. Если же он смеялся, удовольствие всегда портило это напряжение кожи.

Казалось, «дворники» равномерно отщелкивают ритм дождя.

Во рту у Спенсера пересохло, а ладони были влажными. Напряжение в груди росло от волнующего предвкушения встречи с Валери.

Правда, временами появлялась мысль повернуть и поехать домой. Новые надежды, возникшие у него, наверняка были очередным миражом. Он был одинок и всегда будет одинок, если не считать Рокки. Ему самому было стыдно за такой проблиск надежды, за ту наивность, которая еще жила в нем, за тайные желания, за это тихое безумие. Но все же он продолжал двигаться.

Рокки не знал, что они ищут, но когда появилось красное пятно, он беспокойно задвигался. Несомненно, он реагировал на изменение в настроении Спенсера, которое

¹ Перевод М. Яхонтовой.

почувствовал мгновенно.

Коктейль-бар виднелся между китайским рестораном с рисунком на матовых стеклах и пустой витриной бывшей картинной галереи. Витрина была заколочена, и на некогда благородном фасаде не хватало нескольких облицовочных кирпичей, как будто это заведение не просто прогорело, но было вышиблено из бизнеса артиллерийскими снарядами. Сквозь серебристые струи дождя фонари у коктейль-бара освещали красную дверь, которую он запомнил с прошлой ночи.

Спенсер не мог вспомнить название этого заведения. Теперь ему показалось, что провал в памяти был шуткой, – неоновая надпись над входом гласила: «Красная дверь». Он усмехнулся.

После бесконечных шатаний по барам в течение многих лет он уже перестал их различать и не обращал внимания на названия. В сотнях городов и городишек эти бесчисленные забегаловки были, в сущности, чем-то вроде церковных исповедален – только сидя на табуретке перед стойкой, а не стоя коленями на молитвенной скамейке, он бормотал свои признания посторонним людям, хотя они не были священниками и не могли отпустить ему грехи.

Его исповедниками становились пьянчуги, такие же заблудшие души, как и он сам. Они были не в силах определить для него необходимое искупление, чтобы он мог обрести душевный покой. Они сами не знали, в чем смысл жизни.

В отличие от незнакомцев, которым он частенько открывал душу, Спенсер никогда не напивался. Для него опьянение было столь же диким и неприемлемым, как и самоубийство. Напиться – значит потерять над собой контроль. Этого он допустить не мог. Постоянный самоконтроль – это единственное, что ему оставалось в жизни.

Доехав до конца квартала, Спенсер свернул налево и остановил машину в переулке.

Он ходил по барам не для того, чтобы пить, а просто чтобы не быть одному, чтобы рассказывать о своей жизни кому-нибудь, кто уже к утру забудет обо всем. Иногда за весь вечер он выпивал одну-две кружки пива. И потом в своей спальне он долго лежал, уставившись в потолок, и наконец закрывал глаза. Тени на потолке лишь напоминали о том, что ему так хотелось забыть.

Когда он выключил двигатель, барабанная дробь дождя стала еще слышнее – это был холодный звук, от которого мороз пробежал по коже так же, как и от криков тех умиравших детей. Он иногда слышал их в своих самых страшных снах.

Желтоватый отсвет ближайшего фонаря проник внутрь грузовичка, упал на Рокки. Его большие выразительные глаза внимательно смотрели на Спенсера.

– Возможно, это все и ни к чему, – проговорил Спенсер.

Собака подалась вперед, чтобы лизнуть правую руку хозяина, которая все еще лежала на руле. Казалось, пес хотел сказать Спенсеру, чтобы он успокоился и делал то, что собрался.

Спенсер протянул руку, чтобы погладить собаку, и Рокки наклонил голову – не для того, чтобы Спенсеру было удобнее потрепать его за уши и шею, а в знак покорности и преданности.

– И сколько же мы с тобой вместе? – спросил собаку Спенсер. Рокки, все еще наклоняя морду вниз, слегка подрагивал под ласковой рукой хозяина. – Почти два года, – ответил Спенсер на собственный вопрос. – Два года ласки, долгих прогулок, погони за оводами на пляже, регулярного питания... и все же тебе иногда кажется, что я хочу тебя ударить.

Рокки по-прежнему сидел в позе, выражавшей полную покорность.

Спенсер приподнял собачью морду. Чуть посопротивлявшись, Рокки все же уступил.

Глядя псу в глаза, Спенсер спросил:

– Ты мне доверяешь? – Собака смущенно отвела глаза и смотрела куда-то влево. Спенсер ласково потянул ее морду к себе. – Ну-ка давай держать хвост пистолетом, идет? Будем гордыми, ладно? Уверенными в себе. Будем держать голову высоко и смотреть людям прямо в глаза. Ты меня понял? – Рокки высунул язык и лизнул пальцы, державшие его. – Воспринимаю это как согласие. – Спенсер отпустил собаку. – В этот коктейль-бар я тебя

взять не могу. Ты уж не обижайся.

В некоторых забегах Рокки разрешалось сидеть у ног Спенсера или даже на табуретке; хотя он и не был собакой-поводырем, но никто не возражал против подобного нарушения санитарных правил. Обычно собака была наименьшим из нарушений, за которые следовало бы привлечь к ответственности и вызвать полицейского. Однако «Красная дверь» – заведение с определенными претензиями, и Рокки бы там не обрадовались.

Спенсер вылез из грузовичка, захлопнул дверь. Заперев машину, он через дистанционное управление включил систему сигнализации.

Он не мог положиться на Рокки как на сторожа «Эксплорера». Его пес был из тех, кто в жизни не нападет на автомобильного вора и даже не пугнет его, если только этот вор не испытывает особого отвращения к собачьим ласкам.

Проскочив под холодным дождем к спасительному укрытию навеса, Спенсер оглянулся назад.

Собака передвинулась на его место, уткнулась носом в боковое стекло, одно ухо торчало, другое свешивалось вниз. От дыхания Рокки стекло помутнело. Пес смотрел в окно и молчал. Рокки никогда не лаял. Он просто смотрел и ждал. Это были шестнадцать килограммов любви и преданности в чистом виде.

Спенсер отвел глаза, повернул за угол и съехал под пронизывающим ветром.

Звуки этой влажной ночи наводили на мысль, что побережье со всеми строениями, деревьями превращается в массу ледяных глыб, постепенно поглощаемых темной пастью океана. Дождь стекал с навеса, булькал в сточных канавах, брызгал из-под колес проезжавших мимо машин. Едва слышимый, скорее даже не слышимый, а ощутимый, непрерывный шум прибоя свидетельствовал о постоянном и медленном разрушении пляжей и берегов.

Когда Спенсер проходил мимо заколоченных витрин бывшей картинной галереи, из темного подъезда раздался голос. Это был сухой, хриплый, скрипучий голос:

– Я знаю, кто ты.

Остановившись, Спенсер взглянул во тьму. В подъезде сидел человек, раскинув в стороны ноги и прислонившись к двери, ведущей внутрь галереи. В грязной одежде, небритый, он более походил на кучу рванья, чем на человека, к тому же его лохмотья были настолько пропитаны потом и прочими органическими выделениями, что стали настоящим питомником для паразитов.

– Я знаю, кто ты, – тихо, но достаточно четко произнес бродяга.

Из темноты доносился запах немытого тела, мочи и дешевого вина.

В конце семидесятых, когда многих пациентов психиатрических больниц выпустили на волю во имя свободы и человечности, на улицах появилось огромное количество одурманенных наркотиками сумасшедших бродяг. Они заполнили улицы страны, эта армия живых трупов, судьбой которых спекулировали десятки беспардонных политиканов.

Хриплый и пронзительный шепот звучал зловеще, как голос ожившей мумии: *«Я знаю, кто ты»*.

Лучшим ответом было не обращать внимания и идти своей дорогой.

В темноте можно было различить бледное лицо бродяги, обрамленное снизу неопрятной бородой, сверху – длинными и спутанными патлами. Запавшие глаза мерцали, как два заброшенных колодца. *«Я знаю, кто ты»*.

– Никто не знает, – ответил Спенсер.

Коснувшись пальцами шрама, он прошел мимо заброшенной галереи и этого жалкого субъекта.

– Никто не знает, – прошептал бродяга. Возможно, его слова, обращенные к прохожему, вначале показавшиеся зловещими, даже похожими на какое-то пророчество, были всего-навсего бессмысленным повторением последней фразы, которую он слышал от проходящих мимо. *«Никто не знает»*.

Спенсер остановился у входа в коктейль-бар. Не совершает ли он непоправимой

ошибки? Он взялся за ручку, но войти не решался.

Опять из темного подъезда раздался хриплый шепот. Сквозь шум дождя утверждение, казалось, звучит как механический голос далекой радиостанции, расположенной где-нибудь на краю земли. «*Никто не знает...*»

Спенсер толкнул красную дверь и вошел.

В этот вечер, в среду, очереди здесь не было. Возможно, не было очередей ни в пятницу, ни в субботу. В заведение не ломились посетители.

Теплый воздух был пропитан табачным дымом. Было душно. В дальнем левом углу прямоугольного помещения под светом прожектора пианист без особого воодушевления трудился над пьесой «Мандарин».

Зал был отделан в черно-серых тонах и украшен полированной нержавеющейкой, зеркалами и светильниками в стиле арт деко, отбрасывающими большие темно-синие круги на потолок, что придавало заведению старомодно-стильный вид. Но обивка давно потерлась, зеркала потрескались, сталь помутнела от табачного дыма.

Большинство столиков пустовало. Несколько немолодых пар сидели поближе к музыканту.

Спенсер подошел к стойке, справа от двери, и сел на самый крайний табурет, подальше от пианино.

У бармена были жидкие волосы, землистое лицо, водянисто-серые глаза. Его профессиональная вежливость и бледная улыбка не могли скрыть глубочайшей скуки. Он действовал четко, как робот, и так же механически, полностью отвергая возможность вступить с ним в беседу, поскольку всячески избегал встретиться с посетителем глазами.

У стойки, чуть подальше, сидели еще два человека лет пятидесяти, каждый сам по себе, и с угрюмым видом смотрели в свои стаканы. Воротники их рубашек были расстегнуты, галстуки сбились набок. Вид у них был обескураженный и мрачный, как у служащих рекламного агентства, получивших уведомление об увольнении десять лет назад, но все еще не решивших, что им делать дальше. Возможно, они пришли в «Красную дверь», потому что привыкли расслабляться после работы именно здесь в те дни, когда еще на что-то надеялись.

Единственная работавшая сейчас официантка была необыкновенно хороша – наполовину вьетнамка, наполовину негритянка. На ней был тот же костюм, что и накануне вечером (на Валери вчера был такой же): черные туфли на высоких каблуках, короткая черная юбка, черный джемпер с короткими рукавами. Валери называла девушку Рози.

Посидев минут пятнадцать, Спенсер остановил Рози, проходившую мимо него с подносом:

– Валери сегодня работает?

– Должна, – ответила та.

Он почувствовал облегчение. Валери не солгала. Он боялся, что она могла его надуть, вежливо отшить.

– Я немного из-за нее волнуюсь, – сказала Рози.

– Почему это?

– Ее смена началась уже час назад. – Взгляд Рози остановился на его шраме. – Она даже не позвонила.

– Она нечасто опаздывает?

– Вал? Никогда. Она очень *организованный* человек.

– Она уже давно здесь работает?

– Месяца два. Она... – Рози перевела взгляд со шрама и взглянула ему в глаза. – Вы ей друг или просто приятель?

– Я был здесь вчера вечером. Сидел на этом месте. Народу было мало, и мы немного поболтали.

– Ах да, я вас помню, – сказала Рози, и стало ясно, что она не очень-то понимает, почему это Валери тратила на него время.

Он не походил на мужчину чьей-либо мечты. На нем были кроссовки, джинсы, рабочая

рубашка и бумажная куртка, купленная в магазине «Кмарта», – точно так же он был одет и в свой первый приход сюда. Ни одной дорогой вещи. Часы марки «Таймекс». И конечно же, шрам. Всегда этот шрам.

– Я ей звонила, – сказала Рози. – Но никто не ответил. Я волнуюсь.

– Но она опоздала всего лишь на час, это не так много. Может быть, проколола шину.

– В этом городе, – сказала Рози, и лицо ее помрачнело, отчего она показалась старше лет на десять, – ее могли изнасиловать, ее мог пырнуть ножом какой-нибудь накурившийся дряни двенадцатилетний панк, ее даже мог пристрелить угонщик машин прямо на дороге около дома.

– Ну вы и оптимистка!

– Я смотрю телевизор.

Она отнесла напитки на столик, за которым сидели две немолодые пары, вид у них был скорее кислый, чем веселый. Не поддавшись новому веянию, охватившему многих калифорнийцев, они яростно пыхтели своими сигаретами. Казалось, они боялись, что недавнее постановление, запрещавшее курить в ресторанах, сегодня распространит запрет на бары в частных дома, и поэтому курили так, как будто каждая сигарета была последней.

Когда пианист начал брэнчать «Последний вечер в Париже», Спенсер отпил немного пива.

Глядя на унылую физиономию бармена, можно было подумать, что на улице июнь 1940 года, по Елисейским Полям катят немецкие танки, и небо расчерчено зловещими полосами истребителей.

Через несколько минут к Спенсеру опять подошла официантка.

– Думаю, вы приняли меня за сумасшедшую, – сказала она.

– Ничего подобного. Я тоже смотрю новости.

– Просто дело в том, что Валери такая...

– Необыкновенная, – закончил за нее Спенсер и, очевидно, попал в точку, поскольку она с удивлением и даже с некоторой тревогой уставилась на него, как будто он прочел ее мысли.

– Да. Необыкновенная. С ней можно быть знакомой всего неделю и все же... все же хочется, чтобы она была счастлива. Хочется, чтобы у нее все было хорошо.

«Даже не неделю, – подумал Спенсер. – Хватает и одного вечера». Рози сказала:

– Возможно, потому что она очень ранима. Ей пришлось много пережить.

– Правда? – спросил он. – Как это? Она пожала плечами.

– Я точно не знаю, она мне не говорила. Это просто чувствуется.

Он тоже почувствовал в Валери эту уязвимость.

– Но вообще-то она может и постоять за себя, – сказала Рози. – Фу, не могу понять, чего это я так волнуюсь. В конце концов, она же мне не младшая сестренка. Каждый может иногда опоздать.

Официантка отошла, и Спенсер снова отхлебнул тепловатое пиво.

Пианист приступил к мелодии песни «Это был отличный год», которую Спенсер терпеть не мог, даже когда ее пел Синатра, хотя он был большим поклонником Синатры. Он знал, что эта песня написана как немного задумчивая, даже слегка меланхолическая, однако ему она казалась ужасно грустной, и он чувствовал в ней не ту грусть, которую может испытывать немолодой человек, вспоминая о прежней любви, а горечь и печаль человека, у края жизни вдруг осознавшего, что он так и не ощутил настоящей любви, настоящего тепла.

Может быть, его собственная интерпретация этой песни каким-то образом выражала его опасение, что когда-нибудь, через много лет, когда его жизнь подойдет к концу, он также будет тосковать от одиночества и раскаяния.

Он взглянул на часы. Валери опаздывала уже на полтора часа.

Беспокойство ее напарницы передалось и ему. Перед его глазами все время возникала одна и та же картина: Валери на полу с лицом, наполовину закрытым темными прядями волос и залитым кровью. Глаза широко раскрыты и не мигают. Он понимал, что все это

глупость. Она просто опоздала на работу. И ничего в этом нет страшного. Однако с каждой минутой его тревога нарастала.

Спенсер поставил на стойку недопитое пиво, слез с табурета и прошел под синими светильниками к красной двери. Толкнув ее, он вышел в промозглую ночь, где дождь падал на холщовый навес над дверью с таким шумом, как будто маршировал полк солдат.

Проходя мимо картинной галереи, он услышал, как тихо плачет в тени подъезда оборванец. Он остановился, чувствуя жалость и сострадание.

Между всхлипываниями бродяга шептал слова, которые некоторое время назад произнес Спенсер: *«Никто не знает... никто не знает...»* Очевидно, эта короткая фраза имела для несчастного какой-то особый глубокий и очень личный смысл, потому что он произносил эти два слова не тем тоном, которым их произнес Спенсер, – в его голосе слышалась неподдельная мука. *«Никто не знает»*.

Хотя Спенсер и понимал, что делает глупость, помогая саморазрушению этого бедолаги, он вытащил из бумажника хрустящую бумажку в десять долларов. Он протянул ее в темноту в сторону запаха, исходящего от бродяги:

– На, держи.

Показалась рука, она была или в черной перчатке, или же просто невероятно грязная – в темноте он не смог разглядеть. Купюру вытянули из пальцев Спенсера, затем опять послышалось тоненькое поскуливание:

– Никто... никто...

– Все будет хорошо, – сочувственно произнес Спенсер. – Такова жизнь. Всем нам приходится нелегко.

– *Такова жизнь, нам всем приходится нелегко*, – прошептал бродяга.

Все еще видя в своем воображении мертвое лицо Валери, Спенсер поспешно обогнул угол и направился к своему «Эксплореру».

Рокки смотрел на него через боковое стекло. Как только Спенсер открыл дверь, собака передвинулась на свое место.

Спенсер залез в грузовик, захлопнул дверь, вместе с ним в кабину ворвался запах сырой ткани и озона.

– Ну что, бандит, скучал?

Рокки поерзал на сиденье и попытался завилать хвостом, хотя это было непросто, поскольку он сидел на нем. Включая двигатель, Спенсер сказал:

– Тебе будет приятно узнать, что я не стал сегодня делать глупостей. – Пес чихнул. – Но только потому, что она не пришла.

Собака удивленно склонила набок голову.

Дергая за ручку коробки передач, Спенсер сказал:

– Так вместо того, чтобы забыть обо всем, к чертовой матери, и пойти домой, знаешь, что я буду делать, а?

Было ясно, что собака не знала ответа на этот вопрос.

– А я собираюсь сунуть нос не в свое дело, еще раз попытать удачи. Скажи мне честно, дружище, ты считаешь, что я совсем чокнулся?

Рокки лишь тихо сопел.

Отъезжая от тротуара, Спенсер сказал:

– Да, ты прав. Это клинический случай.

Он направился прямо к дому Валери. Она жила в десяти минутах езды от бара.

Прошлой ночью они с Рокки ждали в «Эксплорере» до двух ночи у «Красной двери» и медленно ехали за Валери, когда она после закрытия бара отправилась домой. Благодаря своим навыкам разведчика Спенсер знал, как незаметно вести наблюдение за машиной. Он был совершенно уверен, что она его не засекала.

Он, правда, не был также уверен в том, что сможет вразумительно объяснить ей – или самому себе, – *почему* он вдруг решил ехать за ней. После единственного вечера, когда они немного поговорили, да и то их время от времени прерывали многочисленные посетители,

требуя ее внимания, Спенсер был полон желания узнать о ней все. Абсолютно все.

В сущности, это было не просто желание. Это была потребность, и ему было необходимо ее удовлетворить.

Хотя у него были вполне невинные намерения, ему было ужасно стыдно за свою навязчивую идею. Прошлой ночью он сидел в своем «Эксплорере» напротив ее дома и смотрел на ее освещенные окна с прозрачными занавесками. На какое-то мгновение на них возникла ее тень, легкая и нечеткая, как дух на спиритическом сеансе. Около половины четвертого погас свет. Пока Рокки мирно спал, свернувшись калачиком, Спенсер все сидел, глядя на темный дом, думая о том, какие книги читает Валери, чем она любит заниматься по выходным, какие у нее были родители, где она жила в детстве, о чем она мечтает и как сбывается ее ночная сорочка, когда сон девушки бывает неспокоен и ей снятся тревожные сны. В этих раздумьях он провел еще час.

Теперь, спустя почти сутки, он снова направлялся к ее дому, чувствуя легкую тревогу. Она опоздала на работу. Просто опоздала. Его неоправданное беспокойство подсказывало ему, что как бы он ни хотел это скрыть от себя самого, но эта женщина интересовала его чрезвычайно.

По мере того как он удалялся от набережной в сторону жилых кварталов, движение становилось менее интенсивным. Мокрые крыши проезжавших машин тускло поблескивали, и создавалось ложное впечатление единого движения, как будто улица превратилась в реку с медленным и ленивым течением.

* * *

Валери Кин жила в тихом квартале, застроенном в конце сороковых деревянными оштукатуренными домами. Эти четырех-пятикомнатные домики были скорее уютны, нежели удобны: заросшие диким виноградом крылечки, разукрашенные ставни, резные или лепные наличники и застрехи, красиво оформленные чердачные окна.

Поскольку Спенсеру не хотелось привлекать к себе внимание, он, не замедляя движения, проехал мимо ее дома, расположившегося в южной части квартала, лишь бросив взгляд на темные окна. Рокки сделал то же самое, однако собака не нашла в этом доме ничего необычного, так же, впрочем, как и ее хозяин.

В конце квартала Спенсер свернул. Переулки, убегавшие вправо, заканчивались тупиками. Он миновал их. Он не хотел оставлять машину в тупике. Тупик – это ловушка. На следующем перекрестке он опять свернул направо и остановил машину у обочины на улочке, похожей на ту, где жила Валери. Он выключил «дворники», однако двигатель продолжал работать.

Он все еще надеялся, что возьмет себя в руки, включит нужную скорость и направится домой.

Рокки с интересом взглянул на него. Одно ухо торчало вверх. Другое свисало вниз.

– Что-то я не управляю ситуацией, – сказал Спенсер скорее себе, чем любопытному псу. – И сам не знаю почему.

Дождь стучал по стеклам машины. Сквозь водяную пелену свет фонарей казался мерцающим.

Он вздохнул и выключил двигатель.

Выезжая из дома, он забыл зонт. После небольшой пробежки до входа в «Красную дверь» и обратно он немного промок, но если придется идти до самого дома Валери, то он вымокнет до нитки.

Он и сам не понимал, почему не остановил машину у ее дома. Профессиональное. Инстинкт. Паранойя. А может быть, все три фактора, вместе взятые.

Наклонившись над Рокки, не замедлившим лизнуть его в ухо теплым влажным языком, Спенсер открыл «бардачок» и, вытащив оттуда фонарик, засунул себе в карман куртки.

– Если кто-нибудь полезет в машину, – предупредил он собаку, – выпусти из него все

кишки.

Рокки зевнул, и Спенсер выскочил из грузовика. Он запер машину с помощью дистанционного управления и, дойдя до перекрестка, повернул на север. Он не стал бежать. Как бы он ни спешил, все равно промокнет насквозь, пока дойдет до нужного домика.

Вдоль улицы росли палисандры. Они не очень-то защищали от дождя, даже когда были покрыты листьями и розовыми цветами, теперь же, зимой, ветви вообще были голыми.

Когда Спенсер дошел до улицы, где жила Валери, его одежда была совсем мокрой. Огромные индийские лавры толстыми корнями взламывали тротуар, зато их раскидистые ветки и широкие листья хорошо защищали от холодного дождя.

Эти огромные деревья не давали пробиться желтоватому свету уличных фонарей и тех фонарей, что горели у входной двери. Деревья и кустарники, росшие возле домов, тоже были большими, даже чересчур. Если кому-нибудь из обитателей этих жилищ пришлось бы в голову выглянуть в окно, то вряд ли им удалось бы увидеть сквозь густую зелень, что происходит на тротуаре.

Идя вдоль домов, Спенсер быстрым взглядом окидывал припаркованные у обочины автомобили. Насколько он мог судить, ни в одном из них никого не было.

У дома напротив коттеджа Валери стоял фургон «Мейфлауер» для перевозки мебели. Спенсеру это было на руку, поскольку большой фургон загораживал окна соседей. Около машины никого не было, – очевидно, переезд был запланирован на утро.

Спенсер прошел по дорожке, ведущей к дому, и поднялся на невысокое крыльцо, по обеим сторонам которого рос не дикий виноград, а ночной жасмин. И хотя он еще только расцветал, воздух был напоен его нежным, ни с чем не сравнимым ароматом.

Крыльцо не освещалось, так что Спенсера вряд ли могли увидеть с улицы.

В темноте ему пришлось обшарить рукой чуть ли не всю дверь, прежде чем он обнаружил кнопку звонка. Он нажал ее и услышал, как в глубине дома раздался тихий мелодичный звон.

Он подождал. Свет не зажигался.

Он почувствовал, как по шее поползли мурашки. У него было ощущение, что за ним наблюдают.

Справа и слева от крыльца были окна. Насколько он мог судить, между плотно задвинутыми шторами не было щелей, сквозь которые кто-либо мог на него смотреть.

Он оглянулся. Желтый свет уличных фонарей превращал дождевые потоки в сверкающие струи жидкого золота. У обочины в тени деревьев стоял фургон, лишь передняя его часть освещалась фонарем. Неподалеку стояли «Хонда» устаревшей модели и еще более старый «Понтиак». На улице не было ни души. Ни одного движущегося автомобиля. Тишину нарушал только монотонный шум дождя.

Он еще раз позвонил.

По шее снова побежали мурашки. Он даже провел рукой под воротником, надеясь, что туда попал паук и щекочет его мокрую кожу. Но никакого паука там не было.

Он опять вышел на улицу, и тут ему показалось, что позади фургона что-то зашевелилось. Он с минуту вглядывался во тьму, но больше ничего не заметил, кроме отвесно падающих золотистых потоков дождя, как будто они и вправду были струями драгоценного металла.

Он понимал, почему так нервничает. Он был здесь чужим. Он чувствовал, что не имеет права здесь находиться, и это действовало ему на нервы.

Опять повернувшись к двери, он вынул из кармана брюк бумажник и вытащил свою кредитную карточку.

Хотя он и не желал себе в этом признаваться, он был бы здорово разочарован, если бы в окнах Валери горел свет. Он действительно волновался из-за нее, но не предполагал, что она лежит раненая или даже мертвая в своем темном доме. Он не был психом: образ, возникший у него перед глазами – окровавленное лицо Валери, – он подсознательно вызывал сам, чтобы иметь предлог сюда приехать.

Его стремление узнать о Валери как можно больше походило на юношеское увлечение. В данный момент он не мог рассуждать здраво.

Он испугался. Однако не стал оборачиваться.

Он просунул карточку в щель между дверью и косяком и попытался поднять щеколду. Он предполагал, что на двери может оказаться и засов, поскольку Сан-та-Моника был не менее криминогенным, чем все остальные города в предместье Лос-Анджелеса, но надеялся, что ему повезет.

Ему повезло даже больше, чем он рассчитывал. Входная дверь была не заперта. Даже защелка не была отпущена. Когда он повернул ручку, дверь отворилась.

В полном изумлении и все сильнее чувствуя свою вину, он опять бросил взгляд назад. Индийские лавры. Большой фургон для перевозки мебели. Машины. И дождь, дождь, дождь.

Он вошел. Закрыл дверь и остановился, прислонившись к ней спиной, дрожа всем телом и чувствуя, как с мокрой одежды стекает вода на ковер.

Сначала комната, куда он попал, показалась ему абсолютно темной. Однако, когда его глаза привыкли к темноте, он смог различить занавешенное окно, потом второе и третье – они выделялись темно-серыми прямоугольниками в кромешной тьме.

И хотя в этом мраке могли таиться толпы людей, он почувствовал, что находится в доме один. Дом казался не просто пустым, а нежилым, брошенным.

Спенсер вытащил из кармана фонарик. Он постарался прикрыть левой рукой свет, чтобы тот не был замечен извне.

Луч высветил пустую гостиную, где не было никакой мебели. На полу – ковер цвета кофе с молоком. На окнах легкие занавески бежевого цвета без всякого рисунка. На потолке светильник с двумя лампочками, который, очевидно, включался одним из трех выключателей, расположенных у входной двери. Он не стал их трогать.

В своих хлюпающих кроссовках он прошел в другой конец гостиной, где под аркой был вход в небольшую и такую же пустую столовую.

Спенсер подумал было о мебельном фургоне на другой стороне улицы, но решил, что вещи Валери не могут там находиться. Вряд ли она выехала отсюда утром этого дня, после того как он оставил свой наблюдательный пост около ее дома и отправился спать. У него, скорее, было чувство, что она вообще сюда не въезжала. На ковре никаких следов от мебели. На нем явно давно не стояло никаких столов, торшеров, тумбочек или шкафов. Если Валери и жила в этом доме те два месяца, что работала в «Красной двери», то, по всей вероятности, никак не мебелировала его и не собиралась жить здесь долгое время.

Справа от столовой небольшой проход вел в маленькую кухню, в которой стояли сосновые столы с верхом из красного пластика. Он сделал несколько шагов, оставляя мокрые следы на выложенном серыми плитками полу.

Сбоку от двойной мойки осталась стопка посуды – глубокая тарелка, хлебница, мелкая тарелка, блюдечко и чашка, – все было чисто вымыто. Рядом стоял также и стакан, около которого лежали вилка, нож и ложка – тоже совершенно чистые.

Спенсер повернул фонарик вправо, чуть прикрывая пальцами стекло, чтобы сделать луч менее ярким. Он дотронулся пальцами до края стакана. Хотя Валери и вымыла его, все же ее губы касались этого края.

Он никогда не целовал ее. А может быть, теперь никогда и не поцелует.

Эта мысль смутила его, он почувствовал себя идиотом и еще раз напомнил себе, что в его одержимости есть что-то ненормальное. Он не имел права находиться здесь. Он вторгся без каких-либо оснований не только в ее дом, но и в ее личную жизнь. До этого момента он был честным человеком и всегда уважал закон. Однако, проникнув в этот дом, он пересек какую-то черту, перешел границу порядочности, а то, что утратил, вернуть было невозможно.

И все равно он не ушел оттуда.

Открыв ящички кухонных столов, он не обнаружил в них ничего, кроме консервного ножа. Там не было тарелок, никакой посуды, если не считать той, что стояла на краю мойки.

Большинство полок в небольшой кладовке были пусты. Весь запас продовольствия

состоял из трех банок с персиками, двух – с ананасовым компотом, коробочки с небольшими синими пакетиками заменителя сахара, двух коробок с готовыми завтраками и банки растворимого кофе.

Холодильник был практически пуст, но морозилка забита готовыми и довольно дорогими блюдами.

Холодильник стоял рядом с дверью, стекло которой закрывала желтая занавеска. Он сдвинул ее в сторону и увидел, что дверь выходит на боковое крыльцо, за которым виднелся мокрый дворик.

Он оставил занавеску. Внешний мир его не интересовал, ему было интересно лишь то, что было связано с жизнью Валери, местом, где она дышала, ела, спала.

Хлюпая кроссовками по плиткам кухни, он прошел к двери. Перед ним качались тени и скрывались в углах, когда он проходил мимо них, но тут же вновь возвращались на прежнее место.

Его била дрожь. В доме было холодно и промозгло, почти так же, как и снаружи. Очевидно, отопление было весь день выключено, и это свидетельствовало о том, что Валери ушла из дома уже давно.

Шрам горел огнем на его холодном лице.

Посредине задней стены столовой была еще одна дверь. Он открыл ее и увидел небольшой коридорчик, поворачивающий сначала налево, потом направо. В конце его виднелась приоткрытая дверь, за которой можно было разглядеть выложенный белой плиткой пол и раковину.

Он уже собирался было шагнуть в коридорчик, как услышал звуки, не похожие на стук дождя по крыше. Сначала глухой удар, потом какой-то тихий скрип.

Он моментально выключил фонарик. Стало темно и жутко, как в комнате ужасов, когда замираешь, прежде чем из темноты на тебя выскакивает искусственный скелет со злобещей улыбкой.

Сначала звуки казались специально приглушенными, как будто кто-то крался к дому по мокрой траве, но вдруг поскользнулся и ударился о стену. Но чем дальше Спенсер прислушивался, тем больше убеждался, что звук донесся откуда-то издалека – возможно, просто кто-то хлопнул дверцей машины где-нибудь на улице или около соседнего дома.

Он включил фонарик и стал оглядывать ванную. Полотенце для рук, банное полотенце и мочалка висели на вешалке. В пластмассовой мыльнице лежал наполовину использованный кусок мыла. Аптечка же была пуста.

Справа от ванной в небольшой спальне практически не было мебели. Встроенный шкаф тоже пустовал.

Вторая спальня – слева от ванной – была чуть побольше, чем первая, и он понял, что Валери спала здесь. На полу лежал надувной матрас. Сверху простыни, шерстяное одеяло и подушка. Встроенный шкаф с двойными дверцами открыт, на неокрашенной деревянной палке болтались металлические плечики.

Хотя во всех остальных помещениях не было и намека на какие-нибудь безделушки или украшения, здесь на стене в центре висела какая-то картинка.

Спенсер подошел поближе и осветил ее фонариком. Это была цветная увеличенная фотография таракана, напоминавшая страницу из книги по энтомологии, поскольку надпись под картинкой была сделана в сухом академическом тоне. На этом крупном снимке таракан достигал сантиметров пятнадцати в длину. Фотография держалась на одном гвоздике, который проколол картинку посередине, пронзив спинку насекомого. На полу под картинкой лежал молоток, которым, видимо, гвоздь забили в стену.

Эта фотография не могла служить украшением. Невозможно представить, чтобы кто-либо повесил у себя на стене фотографию таракана с целью украсить спальню. Да и тот факт, что был использован гвоздь, а не кнопки или клейкая лента, или хотя бы булавки, свидетельствовал о том, что человек, приколовший картинку, был сильно рассержен.

Совершенно очевидно, таракан имел какое-то символическое значение.

Спенсеру пришла в голову тревожная мысль, не сделала ли все это сама Валери. Но нет, вряд ли. Женщина, с которой он беседовал прошлым вечером в «Красной двери», показалась ему очень мягкой, нежной, не способной на дикую ярость.

Но если это не Валери, то кто?

Он еще раз осветил таракана фонариком. Его панцирь блестел на глянцевой бумаге, как мокрый. При неровном свете фонарика казалось, что тонкие ноги и усики насекомого слегка шевелятся.

Иногда маньяки-убийцы оставляют на месте своих преступлений что-то вроде визитных карточек. Насколько Спенсер знал, они используют что угодно – от игровой карты до какого-нибудь сатанинского символа, вырезанного на теле жертвы, или слова, или стихотворной строчки, написанной кровью на стене. Эта прибитая гвоздем картинка была похожа на такую визитную карточку, правда, она была еще более необычной, чем то, о чем ему доводилось читать или слышать за свою жизнь.

Он почувствовал приступ тошноты. В доме он не обнаружил никаких следов насилия, но еще предстояло заглянуть в примыкающий к дому гараж. Возможно, он найдет Валери на холодном цементном полу в таком же точно виде, как представлял мысленно, – лицо чуть повернуто, глаза широко раскрыты, на лице следы крови.

Он понимал, что делает поспешные выводы. В последние годы рядовые американцы все время живут в постоянном страхе перед бессмысленной и необъяснимой жестокостью, но Спенсер острее многих воспринимал темные стороны современной жизни. Ему пришлось пережить боль и страх, которые оставили свой след, и теперь он повсюду ожидал встретить насилие – это было так же неизбежно, как чередование восхода и заката.

Он отвернулся от таракана, размышляя, хватит ли у него духу осмотреть гараж, но тут окно спальни резко распахнулось и между занавесками пролетел небольшой черный предмет. С первого взгляда ему показалось, что это фаната.

Инстинктивно он выключил фонарик, еще когда осколки стекла падали на пол. Граната в темноте глухо шмякнулась о ковер.

Спенсер не успел и пошевелиться, как раздался взрыв. Не было ни света, ни грохота, лишь пронзительный звук и картечь, вонзающаяся во все тело – от ног до лба. Он закричал, упал. Он корчился и извивался. Боль была всюду – в руках, ногах, лице. Тело было немного защищено курткой. Но руки! О Боже – руки! Он пошевелил пылающими пальцами. Дикая боль. Сколько же пальцев ему оторвало? Сколько костей раздробило? Боже, Боже! Руки его свело от боли, но одновременно ему казалось, что пальцы онемели, поэтому он никак не мог понять, какие повреждения получил.

Но хуже всего была дикая боль во лбу, на щеках, в левом углу рта. Адская боль. Пытаясь успокоить ее, он закрыл лицо руками. Он боялся дотронуться до лица, боялся нащупать что-либо ужасающее, но его руки так сильно болели и дергались, что он так и не понял, что с лицом.

Сколько же еще шрамов появится у него – сколько еще этих бледных или уродливо-красных полос обезобразят его лицо от лба до подбородка?

Скорее выбраться отсюда, попросить о помощи.

Еле ворочаясь, он, как раненый краб, пополз в темноте. Он плохо соображал, где находится, и был сильно испуган, но все же двигался в нужном направлении, перемещаясь по полу, усыпанному чем-то, похожим на мелкие камешки, в сторону двери. Наконец ему удалось встать.

Он решил, что стал жертвой каких-то бандитских разборок из-за территории. Преступность в Лос-Анджелесе в девяностых ничуть не уступала тому, что было в Чикаго во времена «сухого закона». Современные молодежные банды более жестоки и лучше вооружены, чем мафия, а кроме того, они накачаны наркотиками и в своих расистских выступлениях проявляют чудовищную жестокость.

С трудом дыша и нащупывая дорогу разрывающимися от боли руками, он выбрался в коридорчик. Он почувствовал резкую боль в ногах и чуть не потерял равновесие. Ему было

трудно держаться на ногах – как будто он стоял во вращающемся бочонке в Луна-парке.

Послышался треск разбивающихся окон в других комнатах и несколько последовавших за этим приглушенных взрывов. Однако в коридоре не было окон, так что на этот раз он не пострадал.

Несмотря на растерянность и страх, Спенсер вдруг понял, что не чувствует запаха крови. И вкуса ее тоже не чувствует. Другими словами, никакого кровотечения у него нет.

Вдруг он понял, что произошло. Никакая это не бандитская разборка. Картечь не нанесла ему серьезных ран, значит, это не настоящая картечь. Это твердые резиновые пули. И граната тоже не настоящая, а с пластиковыми пулями. Такие гранаты имеются только в распоряжении служб безопасности. Он сам пользовался ими. Очевидно, несколько секунд назад какая-нибудь группа захвата пыталась совершить налет на этот дом и использовала эти гранаты, чтобы вывести из строя находящихся в доме.

Несомненно, мебельный фургон являлся прикрытием для нападавших. И ему не померещилось, когда он заметил там какое-то движение.

Ему следовало бы успокоиться. Этот налет был делом рук местной полиции, отдела по борьбе с наркотиками, ФБР или еще какой-либо службы безопасности. Очевидно, он оказался в центре одной из их операций. Он знал, что надо делать в таких случаях. Если он ляжет на пол лицом вниз, положив руки на голову и растопылив пальцы, чтобы было видно, что в них ничего нет, в него не будут стрелять. Они наденут на него наручники, станут его допрашивать, но не убьют и не покалечат.

Правда, дело в том, что он не имел права здесь находиться. Он нарушил право собственности. Они могут принять его за грабителя. Все его объяснения относительно того, почему он здесь оказался, покажутся им, в лучшем случае, неправдоподобными. Черт побери, они решат, что это полная чушь. Он и сам не мог понять – почему его так зацепила эта Валери, почему он хотел узнать о ней, почему у него хватило нахальства и глупости войти в этот дом.

Он не лег на пол. На ватных ногах он заковылял по темному коридору, придерживаясь рукой за стенку.

Эта женщина была вовлечена в какую-то незаконную деятельность, и сначала полицейские – или кто они там – решат, что он тоже связан с нею. Его задержат, будут допрашивать, возможно, даже накажут за помощь и содействие Валери в том, в чем ее обвиняют.

Они узнают, кто он такой.

Репортеры разносят все о его прошлом. Его физиономия появится в журналах и на экранах телевизоров. Он прожил немало лет в спасительной безвестности, никто не знал его нового имени, его внешность сильно изменилась со временем, и его невозможно было узнать. Но теперь этому придет конец. Он опять окажется в центре внимания, под лучами прожекторов, вокруг него вечно будут крутиться репортеры, каждый раз, появляясь на публике, он будет слышать шепоток за своей спиной.

Нет. Это невыносимо. Он больше этого не выдержит. Уж лучше умереть.

Эти люди скорее всего полицейские какого-нибудь из подразделений, а он невиновен ни в каком серьезном преступлении, но в данный момент они против него. Даже не желая того, они могут сломать ему жизнь, просто сообщив о нем прессе.

Опять раздался звон стекла – еще два взрыва.

Люди из группы захвата обычно ни перед чем не останавливаются, если полагают, что имеют дело с наркоманами, одуревшими от какой-нибудь травки или еще кое-чего похуже.

Спенсер добрался до середины коридорчика и теперь стоял между двумя дверьми. За правой дверью серел полумрак – это столовая. Значит, слева – ванная.

Он вошел в ванную, закрыл дверь в надежде выиграть хоть немного времени и разобраться в происходящем.

Резкая боль в лице, руках и ногах начинала понемногу успокаиваться. Он несколько раз быстро сжал и разжал кулаки, чтобы наладить кровообращение в руках.

В противоположном конце дома раздался треск такой силы, что дрогнули стены. Очевидно, они выломали входную дверь.

Еще один мощный удар. Дверь на кухню.

Они были в доме.

Они приближались.

У него не было времени на размышления. Необходимо было действовать, полагаясь только на свой инстинкт и на военную подготовку, которая, как он надеялся, была не хуже той, которой обладали ворвавшиеся сюда люди.

На задней стене помещения, прямо над ванной, чернота прерывалась сероватым прямоугольником. Он залез в ванную и обеими руками быстро ощупал раму окна. Он не был уверен, что сможет вылезти через него, однако это был единственный путь к спасению.

Если бы окно было закрыто жалюзи или даже просто как следует закреплено, он бы оказался в западне. К счастью, ординарная рама окошка держалась, на рояльных петлях и открывалась вовнутрь. Он потянул за щеколду, и поддерживавшие фрамугу боковые скобы с тихим щелчком распрямились, окно полностью открылось.

Он боялся, что тихий скрип и щелчок привлекут внимание людей возле дома. Однако шум дождя заглушил звуки. Никто не поднял тревоги.

Спенсер ухватился за оконный карниз и подтянулся к отверстию. В лицо ему плеснули холодные струи дождя. Влажный воздух был насыщен сильным запахом земли, жасмина и травы.

Задний двор казался гобеленом, сотканным из черных и мрачных темно-серых нитей, рисунок которого размыл дождь. По крайней мере, один человек – а скорее всего, два – из группы захвата должен был бы наблюдать за этой частью дома. Однако, хотя зрение у Спенсера было достаточно острым, он не смог различить среди узоров гобелена что-либо, напоминающее человеческие силуэты.

Было мгновение, когда ему показалось, что его плечи не протиснутся в отверстие, однако он весь сжался и буквально вывернулся наружу. Земля была не очень далеко, так что он спрыгнул вниз без особых затруднений. Он прокатился по мокрой траве и замер, лежа на животе, чуть приподняв голову и безуспешно стараясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте.

Растения на клумбах и деревьях, отделявшие соседний участок, сильно разрослись. Несколько старых инжирных деревьев, которые давно не подрезали, возвышались массивными башнями.

Просвечивающее между густой листвой небо уже не было черным. Огни огромного города, отражаясь в плотных облаках, окрасили небо в мрачно-желтый цвет, переходящий в темно-серый на западе, над самым океаном.

Хотя Спенсер не впервые наблюдал такое неестественное освещение, оно наполнило его каким-то мистическим страхом и предчувствием беды, как будто под этим зловещим сводом людям грозила неминуемая гибель, которая всех приведет в ад. Было только удивительно, как при этом мрачном освещении двор оставался таким же темным, но он мог поклясться, что чем больше он вглядывался во тьму, тем чернее она казалась.

Боль в ногах утихала понемногу, руки по-прежнему еще ныли, но он мог ими действовать, лицо тоже горело меньше.

Внутри темного дома раздалась короткая автоматная очередь. Один из копов, наверное, был до смерти рад дорваться до оружия и палил по теням. Странно. Обычно в отряды специального назначения брали людей с крепкими нервами.

Спенсер сделал бросок по мокрой траве в спасительную тень старого фикуса. Встав на ноги и прижавшись спиной к стволу, он осмотрелся: газон, кусты, ряд деревьев, ограничивавших участок, – все это придавало уверенности в том, что ему удастся выбраться из этой переделки, однако не менее он был уверен и в том, что его заметят сразу же, как только он ступит на открытое пространство.

Беспрерывно сжимая и разжимая кулаки, чтобы снять боль, он решил, что будет лучше всего забраться на дерево и спрятаться в его густой листве. Да нет, это бесполезно. На дереве

они найдут его, они не уйдут, пока не обшарят каждый кустик, каждое растение – высокое или низкое.

В доме слышались голоса, хлопали двери. После выстрелов там уже и не пытались действовать тихо и осторожно. Однако света не зажигали.

Времени у него в запасе не было.

Арест, раскрытие его имени, камеры, репортеры, вопросы... Нет, это невыносимо.

Он мысленно отругал себя за свою нерешительность.

Дождь стучал по листьям у него над головой.

Статьи в газетах, в журналах, опять вернется это проклятое прошлое, толпы незнакомых людей будут глазеть на него как на что-то, равнозначное железнодорожной катастрофе, но живое и двигающееся.

Сердце стучало все сильнее, страх его возрастал в таком же бешеном темпе.

Он не мог пошевелиться. Его как будто парализовало.

Однако это оцепенение сослужило ему хорошую службу, когда мимо дерева проскользнул человек в черном, с автоматом, похожим на «узи». Хотя он был всего лишь в нескольких метрах от Спенсера, все его внимание было поглощено домом; по-видимому, он ожидал, что из окна кто-то вот-вот выскочит прямо в ночь, и не подозревал о том, что интересующая его личность находится в нескольких шагах от него. Однако человек заметил открытое окно в ванной комнате и замер.

Спенсер начал действовать прежде, чем человек успел повернуться. Бойцов из отрядов специального назначения нелегко оглушить – будь он из местной полиции или федеральной службы. Вырубить его быстро и без шума можно, только нанеся ему сильный и, главное, неожиданный удар.

Спенсер изо всех сил ударил копа правым коленом в пах, вкладывая в этот удар всю свою силу.

Некоторые отряды перед операцией обычно надевают специальные суспензории с алюминиевыми чашечками, а также бронежилеты. Однако этот парень не был ничем защищен. Он вскрикнул, но сквозь дождь и мглу этот крик не был слышен уже на расстоянии трех метров.

Двинув коленом, Спенсер одновременно двумя руками ухватился за автомат, резко поворачивая его, чтобы выдернуть из рук бойца прежде, чем тот сможет нажать на спуск и предупредить об опасности.

Тот упал на мокрую траву. Спенсер, не удержав равновесия, рухнул прямо на него.

Хотя коп и пытался закричать, но от адской боли потерял голос. Ему трудно было даже вздохнуть.

Спенсер мог бы засунуть его оружие – короткоствольный автомат, насколько он мог судить в темноте – прямо в горло своему противнику и, раздробив его трахеи, заставить его захлебнуться собственной кровью. А сильным ударом в лицо он сумел бы раздробить его нос так, чтобы осколки вонзились в мозг.

Однако он не хотел никого ни убивать, ни калечить. Ему просто нужно было время, чтобы смыться отсюда подальше. Он ударил копа прикладом в висок, не очень сильно, но достаточно для того, чтобы бедняга отключился.

На поверженном были очки ночного видения. Отряд особого назначения проводил свою операцию в полном техническом оснащении, поэтому-то и не понадобилось зажигать огни в доме. Они видели в темноте, как кошки, а Спенсер был мышью.

Он откатился в сторону, затем приподнялся, держа в руках автомат. Это был «узи» – он узнал его по форме и весу. Он повел стволом сначала влево, потом вправо, ожидая увидеть еще кого-либо. Но никого не было.

С того момента, как человек в черном проскользнул мимо дерева, прошло не более пяти секунд.

Спенсер бросился через газон, подальше от дома, прямо в заросли цветов и кустов. Ноги путались в траве. Твердые стебли азалий били по ягодицам, цеплялись за джинсы.

Он бросил автомат. Он не собирался ни в кого стрелять. Даже если его арестуют и отдадут на растерзание газетчикам и репортерам, он скорее сдастся, чем станет стрелять.

Он продрался сквозь кусты между деревьями, пробежал мимо миртового деревца с его белыми, светящимися во тьме цветами и оказался возле стены, разделяющей участки.

До спасения оставался лишь один шаг. Если они и обнаружат его, то не станут стрелять в спину. Они окликнут, назовутся, прикажут ему не шевелиться и схватят его, но стрелять не станут.

Бетонный оштукатуренный забор около ста восьмидесяти сантиметров высотой был украшен сверху коническим кирпичом, ставшим скользким от дождя. Спенсер ухватился как следует и подтянулся, упираясь в стенку ногами, обутыми в кроссовки.

Он навалился животом на холодные кирпичи и только подтянул ноги, как позади раздалась автоматная очередь. Пули ударили в бетонный забор совсем рядом, так что осколки бетона попали ему в лицо.

Никто не окликнул, не предупредил о выстреле.

Он перекатился через стену и оказался в соседнем дворе. В эту секунду опять раздалась автоматная очередь – на этот раз длиннее прежней.

Автоматы в жилом квартале. Это какое-то безумие. Что же за отряд там действует?

Он упал прямо в розовые кусты. Стояла зима, розы были подрезаны, однако даже зимой в Калифорнии достаточно тепло, чтобы на кустах еще держалась зелень. Колючие ветки цеплялись за одежду и царапали кожу.

Послышались голоса по ту сторону забора, приглушенные шумом дождя:

– Вот сюда, давай быстрее!

Спенсер вскочил на ноги и помчался вперед, не обращая внимания на колючки. Одна из них сильно царапнула непокалеченную щеку и запуталась в волосах, как бы образуя над его головой корону. Он с трудом, раздирая руки в кровь, освободился от нее.

Он находился в саду возле соседнего дома. На первом этаже горел свет. За окном, усеянным дождевыми каплями, появилось лицо. Молодая девушка. Спенсер понимал, что подвергнет ее смертельной опасности, если не уберется отсюда до появления своих преследователей.

* * *

Пробежав какими-то дворами, преодолев не один забор, проплутав множеством тупиков и дорожек, так и не зная, удалось ли ему оторваться от преследователей или они продолжают гнаться за ним, Спенсер все же наконец нашел ту улицу, где оставил свой «Эксплорер». Он подбежал к машине и дернул за ручку.

Заперта, разумеется.

Он стал искать ключи по карманам. Нет. Он мог только надеяться, что не потерял их по дороге.

Рокки наблюдал за ним из окна. Очевидно, ему казались забавными все усилия Спенсера найти ключи в своих карманах. Он улыбался.

Спенсер бросил взгляд назад, на пустынную улицу. Никого.

Ага, вот еще один карман. Ух, наконец-то! Он нажал на кнопку дистанционного управления. Раздался сигнал, замок щелкнул. Открыв дверь, он забрался в машину.

Когда он попытался включить двигатель, ключи выскочили из его мокрых пальцев и упали на пол.

– А черт!

Чувствуя тревогу и страх хозяина, Рокки робко забился в угол и прижался к дверце. Он издал какой-то тоненький звук – как будто тоже выражал беспокойство.

Руки Спенсера все еще болели от резиновых пуль, хотя онемение прошло, однако все же казалось, он целый час шарил по полу в поисках ключей.

Может быть, лучше лечь на сиденье, чтобы его не было видно, а Рокки спрятать на

полу. Подождать, когда полицейские подойдут... а потом пройдут мимо. Если же они появятся в тот момент, когда он станет отъезжать, они сразу заподозрят, что именно он и был в доме Валери, и так или иначе задержат его.

С другой стороны, он оказался замешанным в какую-то крупную операцию, где задействовано много человек. Они просто так не отступят. Пока он будет прятаться в машине, они перекроют весь район и устроят облаву. Они также будут осматривать все стоящие на улице машины, заглядывать в окна, его сразу же высветят фонариком, и тут уж ему никуда не деться.

Двигатель включился со страшным шумом.

Он дернул ручной тормоз, перевел скорость и отъехал от обочины, одновременно включая дворники и фары. Он оставлял машину неподалеку от перекрестка, поэтому сразу же развернул ее в обратном направлении.

Он посмотрел в зеркало заднего обзора, потом бокового. Никаких вооруженных людей в черной форме.

Через перекресток промчались несколько машин, направляясь на юг, где улица пересекалась с шоссе. Брызги из-под колес летели во все стороны.

Даже не остановившись на красный свет, Спенсер повернул направо и влился в поток машин, двигаясь в южном направлении подальше от дома Валери. Ему все время хотелось увеличить скорость до предела. Однако он боялся, что его задержат за превышение скорости.

«Что же произошло?» – в смятении думал он.

Собака тихонько взвыла в ответ.

«Что же она такое могла сделать, что они разыскивают ее?»

Вода стекала ему на лоб и попадала в глаза. Он промок до нитки. Он потряс головой, и холодные капли полетели с его волос, забрызгивая щиток управления, обивку сиденья и собаку.

Рокки фыркнул.

Спенсер включил печку.

Он проехал пять кварталов и дважды сменил направление, прежде чем почувствовал себя в безопасности.

"Кто же она такая? Что же она сделала *такого!*"

Рокки почувствовал изменение в настроении хозяина. Он уже больше не сидел, съездившись, в углу, а занял свое обычное место посередине сиденья, и хотя немного еще нервничал, но уже не испытывал страха. Он внимательно изучал мокрый от дождя город и Спенсера, отдавая, однако, предпочтение последнему, и время от времени поднимал одно ухо и вопросительно взглядывал на хозяина.

– Господи, и чего это меня туда понесло? – вслух произнес Спенсер.

Хотя из печки шел горячий воздух, его не переставало трясти. Однако он дрожал не только от холода, и никакое тепло не помогло бы унять эту дрожь.

"Мне там нечего было делать, зачем я пошел? Может быть, *ты*, приятель, знаешь, чего меня туда понесло? М-м-м? Потому что, убей Бог, я и сам этого не пойму. Это была такая *глупость*".

Он сбросил скорость, чтобы пересечь перекресток, залитый водой, на поверхности которой плавал всевозможный мусор.

Лицо его горело. Он взглянул на Рокки.

Он только что солгал псу.

Давным-давно он поклялся никогда не лгать себе самому. Он оставался верным своей клятве немногим больше, чем это делает пьянчужка, когда перед Новым годом дает себе торжественное обещание никогда не притрагиваться к проклятому зелью. По правде говоря, он менее многих поддавался искушению самообмана и самоиллюзий, но все же нельзя было утверждать, что он всегда говорил себе правду. Или даже, что он всегда хотел ее знать. В сущности, он только *старался* быть правдивым с самим собой, но частенько принимал за истину полуправду или лишь намек на истину – и жил вполне спокойно и с этой

полуправдой, и с намеками.

Но он никогда не лгал своему псу.

Никогда.

Между ними были самые искренние и честные отношения, которые только возможны между живыми существами, для Спенсера это значило очень много. Нет. Больше, чем много – для него это было свято.

Рокки, с его большими выразительными глазами, честным сердцем, буквально раскрывавший душу, используя лишь язык движений, главным образом, виляя хвостом, не был способен на обман. Если бы он умел говорить, то был бы совершенно открытым при его абсолютной бесхитростности. Лгать собаке – это даже хуже, чем лгать ребенку. Черт возьми, даже если бы он солгал Богу, он бы не чувствовал себя так скверно, поскольку Бог ожидает от него меньше, чем бедняга Рокки.

Никогда не лги псу.

– Хорошо, – произнес он, останавливаясь перед красным светом светофора, – предположим, я знаю, зачем пошел к ней домой. – Рокки с интересом посмотрел на него. – Хочешь, чтобы я тебе сказал? – Пес ждал. – Тебе это так важно – чтобы я сказал тебе? – Собака фыркнула, облизнулась и склонила набок голову. – Хорошо, я пошел туда, потому что... – Собака внимательно смотрела ему в лицо. – ...потому что она очень приятная и симпатичная женщина.

Дождь по-прежнему барабанил по крыше машины. Безостановочно щелкали дворники.

– Да, она хорошенькая, но нельзя сказать, что красавица. Нет, не красавица. Просто в ней есть что-то... что-то такое. Она какая-то особенная. – Мотор стучал вхолостую. Спенсер вздохнул и произнес: – Ладно уж, на сей раз скажу всю правду. Все как есть, ладно? Больше не буду ходить вокруг да около, ладно? Я пошел в ее дом, потому что...

Рокки смотрел на него немигающим взглядом.

– ...потому что я хотел найти жизнь.

Собака отвернулась от него и стала смотреть вперед. Очевидно, его объяснение вполне ее удовлетворило:

Спенсер стал думать над словами, произнесенными в попытке быть откровенным с Рокки. *«Я хотел найти жизнь»*.

Он и сам не знал, смеяться ему или плакать. В конце концов, он не сделал ни того ни другого. Он просто поехал вперед, то есть сделал то, что делал все эти последние шестнадцать лет.

Включился зеленый.

Рокки теперь смотрел только вперед, и Спенсер ехал домой сквозь дождливую ночь, сквозь одиночество огромного города, под странно расцвеченным небом, которое было желтым, как желток, серым, как пепел крематория, и зловеще черным на самом горизонте.

Глава 2

В девять часов, после провала в Санта-Монике, Рой Миро возвращался в свою гостиницу в Вествуде и обратил внимание на «Кадиллак», стоящий на обочине шоссе. Красные вспышки аварийных огней дождевыми змейками отсвечивали на мокром ветровом стекле. Заднее колесо со стороны водителя было спущено.

За рулем сидела женщина, очевидно, ожидающая помощи. Кроме нее, в машине как будто никого больше не было.

Рой с беспокойством подумал, каково женщине оказаться одной в подобной ситуации, в *любом* районе Лос-Анджелеса. В наше время этот Город ангелов уже не то спокойное место, которым был когда-то. И весьма сомнительно, что в пределах города можно найти хоть одного человека, живущего по-ангельски. Дьявольски – это сколько угодно. Этого хоть пруд пруди.

Он остановился на обочине впереди «Кадиллака».

Ливень был еще сильнее, чем днем. Казалось, его гонит с океана сильнейший ветер. Серебристые струи, колеблющиеся под порывами ветра, напоминали очертания какого-то призрачного корабля во мраке ночи.

Он взял с пассажирского сиденья пластиковый капюшон и натянул на голову. Как всегда в плохую погоду, на нем были плащ и боты, но он знал, что и несмотря на непромокаемую одежду все равно промокнет. Однако у него хватило совести не проехать мимо застрявшей машины как ни в чем не бывало.

Пока Рой шел к «Кадиллаку», проезжавшие мимо машины обдавали его грязной водой, и промокшие брюки прилипли к ногам. Ничего, все равно костюм пора отдавать в чистку.

Когда он подошел к машине, женщина не опустила стекло.

С опаской взглянув на него, она инстинктивно проверила, заперта ли дверца.

Ее подозрительность не оскорбила его. Она прекрасно знала нравы этого города, и ее осторожность была вполне понятной.

Он крикнул, чтобы она могла услышать его через закрытое окно:

– Вам не нужна помощь?

В руках у нее был радиотелефон.

– Я позвонила на станцию техобслуживания. Сказали, что пришлют кого-нибудь.

Рой взглянул на поток машин,двигающихся в восточном направлении.

– И давно вы уже ждете?

Чуть помедлив, она ответила:

– Целую вечность.

– Я вам сменю колесо. Вам не нужно выходить из машины или давать мне ключи. Я знаю эту машину – я ездил на такой. Там у вас есть кнопка замка багажника. Нажмите на нее, чтобы я смог достать домкрат и запаску.

– Вас могут сбить, – сказала она.

На узкой обочине было маловато места для маневра, а машины проносились совсем рядом.

– У меня есть аварийные фонари, – ответил он.

Прежде чем она успела что-либо возразить, Рой вернулся к своей машине и вытащил из аварийного набора все шесть лампочек. Он распределил их вдоль шоссе за пять-десять метров от «Кадиллака», перекрыв первый ряд.

Конечно, если выскочит пьяный водитель, то тут не спасет никакая предосторожность. А в наше время, кажется, трезвых намного меньше, чем одуревших от наркотиков или алкоголя.

Нынче век полной социальной безответственности – именно поэтому Рой и старался, где это было возможно, проявить себя добрым самаритянином. Если хотя бы один человек зажжет свечу, то в мире станет намного светлее. Он искренне верил в это.

Женщина нажала кнопку, и крышка багажника приподнялась.

Рой Миро чувствовал себя сейчас гораздо счастливее, чем весь этот день. С улыбкой на губах делал он свою работу, несмотря на проливной дождь и ветер и грязные брызги от пролетающих мимо машин. Чем больше трудностей, тем больше тебе воздается. Когда он пытался отвернуть тугую гайку, ключ сорвался и больно ударил его по руке. Вместо того чтобы выругаться, он засвистел и продолжал насвистывать, пока работал.

Когда он закончил, женщина немного опустила окно, так что ему не пришлось кричать.

– Все в порядке, – сказал он.

Она с растерянным видом принялась было извиняться за то, что сначала не очень-то доверяла ему, но он прервал ее, заверив, что прекрасно ее понимает.

Она была чем-то похожа на мать Роя, и от этого его настроение стало еще лучше. Она была очень симпатичной, лет пятидесяти с небольшим, возможно, старше Роя лет на двадцать, с рыжевато-каштановыми волосами и голубыми глазами. Его мать была темноволосой с глазами цвета ореха, но и мать, и эту женщину роднила какая-то аура необыкновенной доброжелательности и благородства.

– Вот визитная карточка моего мужа, – сказала она, протягивая ее сквозь щель над приспущенным стеклом. – Он бухгалтер. Если вам когда-нибудь понадобится помощь в этой области, то вы получите ее бесплатно.

– Я не так уж много сделал, – сказал Рой, беря карточку.

– В наше время встретить такого человека, как вы, – просто чудо. Мне бы надо было звонить не на эту проклятую станцию, а Сэму, но он допоздна работает у клиента. Похоже, мы все работаем круглые сутки.

– Экономический спад, – посочувствовал Рой.

– Господи, когда же он кончится? – посетовала она, роясь в сумочке, как будто искала еще что-то.

Он прикрыл карточку ладонью, чтобы она не промокла, и повернул ее к свету, падавшему от ближайшей лампочки. У мужа этой женщины была контора в Сенчури-Сити, квартиры там стоили баснословно дорого, так что немудрено, что бедняге приходилось работать с утра до ночи, чтобы держаться на плаву.

– А вот моя карточка, – сказала женщина, вынимая ее из сумочки и протягивая ему.

Пенелопа Беттонфилд. Художник по оформлению помещений, 213-555-6868.

– Я работаю дома. Раньше у меня была своя контора, но теперь, при этом спаде... – Она вздохнула и улыбнулась ему через полуоткрытое окно. – Тем не менее, если я могу быть вам чем-нибудь полезна...

Он вытащил из бумажника одну из своих карточек и протянул ей. Она еще раз поблагодарила его, закрыла окно и уехала.

Рой пошел назад к своей машине, собирая по дороге лампы, чтобы больше не мешать движению.

Усевшись в машину и снова двинувшись на восток в сторону своей гостиницы в Вествуде, он был счастлив, что сумел сегодня зажечь свою свечу. Иногда он переставал понимать, осталась ли у современного общества хоть какая-нибудь надежда, или же оно постепенно скатывается вниз, в пучину насилия и стяжательства; но затем ему встречался человек типа Пенелопы Беттонфилд, с ее милой улыбкой и аурой доброты и благородства, и он чувствовал, что все же можно еще на что-то надеяться. Она доброжелательный человек и оплатит за его доброту, проявив доброту еще к кому-нибудь.

Однако, несмотря на встречу с миссис Беттонфилд, его благодушное настроение вскоре испарилось. К тому времени, как он съезжал с основной автострады на дорогу, ведущую в Вествуд, его охватила печаль.

Повсюду наблюдались признаки социальной деградации. Надписи, сделанные аэрозольными красками, обезображивали остатки стены вдоль отходящего в сторону шоссе, покрывали некоторые дорожные знаки, делая их непонятными, – и все это было в окрестностях города, который раньше не ведал о подобном тупом вандализме. Мимо промелькнул какой-то бездомный, толкающий перед собой тележку с жалкими пожитками под проливным дождем, лицо его было лишено всякого выражения, он был похож на зомби, бредущего по лабиринтам ада.

У светофора рядом с машиной Роя остановилась машина, набитая злобного вида юнцами, – бритоголовые, с блестящими серьгами в одном ухе, они с подозрением воззрились на него, очевидно, пытаясь решить, не похож ли он на еврея. Они осыпали его грязной бранью, старательно произнося ругательства, чтобы он мог если и не расслышать, то прочитать их по губам.

Он проехал мимо кинотеатра, где шла сплошная дрянь. Насилие и жестокость в самом диком ее проявлении. Извращенный и грязный секс. Эти фильмы снимали известные студии, и в них играли знаменитые актеры, но все равно это была грязь.

Постепенно его мысли под влиянием встречи с миссис Беттонфилд приобрели другое направление. Он вспомнил, что она говорила о спаде, о том, как много им с мужем приходится работать, о тяжелом экономическом положении, из-за которого ей пришлось закрыть свою контору и продолжать работать на дому. А она – такая приятная дама. Он

расстроился из-за того, что ей приходится переживать финансовые трудности. Как и все, она является жертвой системы, пленницей общества, заполненного наркотиками, оружием и лишенного доброты, сочувствия, преданности высоким идеалам. Она заслуживала лучшего.

К тому времени, когда Рой добрался до своей гостиницы, ему уже расхотелось идти к себе, с тем чтобы заказать ужин в номер и лечь спать – как он планировал раньше. Он проехал мимо гостиницы, добрался до бульвара Сансет, свернул налево и немного покрутился на перекрестках.

Наконец он остановил машину у обочины в двух кварталах от университета, но двигатель выключать не стал. Он перебрался на пассажирское сиденье, где руль не мешал ему действовать.

Телефон был заряжен, он выдернул вилку из зажигалки.

С заднего сиденья взял кейс. Открыл его и вытащил компьютер со встроенным модемом. Присоединил его к зажигалке и включил. Засветился экран дисплея. На нем появился основной перечень, из которого он сделал выбор.

Он подключил сотовый телефон к модему, который и соединил его со сдвоенным компьютером «Грей» в его конторе. Через несколько секунд включилась связь, и пошел обычный перечень вопросов, начавшийся с трех слов, которые засветились на экране: «Кто сюда подключен?»

Он нажал на кнопки, указывая свое имя: «Рой Миро».

«Ваш номер?»

Рой дал свой личный номер.

«Пожалуйста, сообщите ваш личный код».

«Пух», – набрал он. Это имя симпатичного героя книжки – любителя меда, неунывающего медвежонка – он в свое время предпочел для кода.

«Предъявите, пожалуйста, отпечаток большого пальца правой руки».

В правом верхнем углу экрана появился белый квадрат, сантиметров по пять в длину и высоту. Рой прижал к нему большой палец и подождал, пока датчики монитора смоделируют рисунок его кожи, направляя на нее пучки лучей. Через минуту раздался негромкий сигнал, свидетельствующий о том, что проверка закончена. Когда он убрал палец, в центре квадрата остался четкий черно-белый отпечаток. Еще через несколько секунд изображение исчезло – оно было закодировано и по телефонной связи передано на компьютер в конторе, где электронное устройство сравнило его с оригиналом, хранившимся в файле, и подтвердило.

Рой имел доступ к гораздо более сложной технике, чем обычный служащий с окладом в несколько тысяч долларов и адресом ближайшего магазина электронной техники. Электронные устройства, подобные тем, что были в его кейсе, равно как и программы, заложенные в компьютер, не продавались широкой публике.

На дисплее появились слова: "Подтверждается доступ к «Маме».

«Мама» – так назывался компьютер в его офисе, расположенном в трех тысячах миль отсюда на Восточном побережье, и посредством сотового телефона Рой имел возможность пользоваться всеми его программами. На экране появилось длинное меню. Он просмотрел его и выбрал программу под названием «Местонахождение».

Он набрал телефонный номер и нужную улицу.

Ожидая, пока «Мама» найдет данные по телефонным компаниям и выдаст список, Рой рассматривал потрепанную грозой улицу. На ней не было видно ни единой машины, ни единого пешехода. В некоторых домах огни были погашены, окна других казались тусклыми от плотных и нескончаемых потоков дождя. Можно было подумать, что произошла какая-то тихая, ни на что не похожая катастрофа – конец света, – которая унесла человеческие жизни, оставив нетронутыми лишь плоды деятельности человека.

Нет, подумал он, настоящий конец света еще *только* наступает. Рано или поздно начнется страшная война: народ пойдет на народ, раса на расу, религия на религию, а идеология на идеологию – все столкнется в неистовой схватке. Человечество движется к смуте и саморазрушению с той же неотвратимостью, с какой Земля совершает свое

обращение вокруг Солнца.

Ему стало еще тоскливее.

На экране дисплея под номером телефона появилось имя. Однако адреса не было – он не был занесен в список по просьбе клиента.

Рой дал инструкцию головному компьютеру проверить все телефонные компании, имеющие электронное оборудование, а также их квитанции на закупку, чтобы найти адрес. Такое проникновение в закрытую информацию считалось незаконным, если на это не было разрешения суда, но «Мама» действовала чрезвычайно осторожно. Поскольку все компьютерные системы в государственной телефонной сети уже находились в указателе субъектов, подвергавшихся ранее несанкционированному вторжению «Мамы», она могла буквально за считанные мгновения вторгнуться в них, изучить их, найти нужную информацию и выйти из системы, не оставив ни малейшего следа своего пребывания там. «Мама» была привидением в их компьютерных системах.

Через несколько секунд на экране появился адрес одного из домов в Беверли-Хиллз.

Он убрал изображение с экрана и попросил «Маму» показать схему улиц Беверли-Хиллз. Через несколько секунд она появилась. Но изображение было слишком мелким, и ничего нельзя было разобрать.

Рой набрал только что полученный адрес. На экране появился квадрат, представлявший для него интерес, а затем часть этого квадрата. Нужный ему дом находился лишь в нескольких кварталах от него, к югу от бульвара Уилшир в менее престижной части Беверли-Хиллз, и найти его не представляло труда.

Он набрал: «Пух отключился» – и тем самым отключил свой портативный терминал от «Мамы», находившейся в своем прохладном, сухом убежище в Вирджинии.

Большой кирпичный дом, покрашенный белой краской, с зелеными ставнями стоял за белым забором из штaketника. На полянке перед домом возвышались два огромных голых платана.

В окнах горел свет, но только в задней части дома и только на первом этаже.

Стоя у входной двери, защищенной от дождя большим портиком с высокими белыми колоннами, Рой слышал, как в доме играет музыка – пела группа «Битлз»: «Когда мне будет шестьдесят четыре». Ему было тридцать три, «Битлз» были в моде еще до его рождения, но ему нравились их песни, поскольку в их мелодиях слышались искренность и доброта.

Тихонечко подпевая парням из Ливерпуля, Рой просунул в дверную щель свою кредитную карточку. Он чуть потянул вверх и открыл один – не столь сложный – замок из двух имевшихся. Он продолжал держать карточку, чтобы пружина не выскочила из паза.

Для того чтобы открыть мощный замок с засовом, ему понадобился более серьезный инструмент, чем кредитная карточка, – револьвер для открывания замков «локейд», который продается только служащим органов правопорядка. Он всунул тонкий ствол револьвера в замочную скважину и нажал на курок. В «локейде» щелкнула пружина, и выскочивший острый кончик надрезал один из стальных брусков. Ему пришлось нажать на курок раз шесть, прежде чем замок полностью открылся.

Стук молоточка по пружине и удар острия по металлу были не очень громкими, однако он был благодарен за шумовое прикрытие со стороны «Битлз». Когда он открыл дверь, песня как раз кончилась. Он подхватил свою кредитную карточку, прежде чем она успела упасть на пол, и, замерев, ожидал, когда начнется следующая песня. При первых звуках «Прекрасной Риты» он перешагнул через порог.

Положив пистолет на пол, справа от двери, он тихо закрыл за собой дверь.

В прихожей было темно. Он стоял, прижавшись к двери спиной, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте.

Когда появилась уверенность, что сможет двигаться, не натыкаясь на мебель, он пошел из комнаты в комнату, в глубь дома, туда, где горел свет.

Ему было жаль, что его одежда так сильно промокла, а боты были такими грязными. Наверное, он здорово испачкал ковер.

Она была на кухне и промывала листья зелени, стоя у мойки, спиной к двери, через которую он вошел. Судя по овощам, разложенным на столе, она собиралась делать салат.

Он осторожно прикрыл дверь, не желая испугать ее. Он не знал, стоит ли ее предупредить о своем присутствии. Он хотел, чтобы она поняла, что он – друг, проявляющий о ней заботу, а не чужак с дурными намерениями.

Она выключила воду и положила салат в пластиковый дуршлаг, чтобы стекла вода. Вытирая руки о посудное полотенце, она обернулась и тут-то, под последние аккорды «Прекрасной Риты», и увидела его.

У миссис Беттонфилд взгляд был удивленный, но не испуганный – по крайней мере сначала, – что, как он знал, было вызвано его чрезвычайно добродушной и симпатичной физиономией. У него было пухлое с ямочками лицо без малейшего признака растительности, гладкое, как у мальчика. Благодаря невинным голубым глазкам и приветливой улыбке из него лет через тридцать получится настоящий Санта-Клаус. Он верил, что его добродушный характер и искреннее сочувствие людям отражались и в его внешности, поскольку незнакомые люди сразу же начинали симпатизировать ему, а для этого одного доброжелательного выражения лица было бы мало.

И видя, что ее удивленный взгляд готов скорее перейти в приветливую улыбку, чем в гримасу страха, он поднял свою «беретту 93-Р» и дважды выстрелил ей в грудь. К стволу был привинчен глушитель, поэтому раздалось лишь глухие хлопки.

Пенелопа Беттонфилд упала на пол и теперь лежала на боку, все еще сжимая в руках посудное полотенце. Глаза ее были открыты и устремлены на его мокрые и грязные боты.

«Битлз» начали песню «Доброе утро, доброе утро». Очевидно, это был альбом «Сержант Пеппер».

Он прошел в другой конец кухни, положил пистолет на стол и нагнулся над миссис Беттонфилд. Он снял кожаную перчатку и дотронулся пальцами до ее горла, нащупывая пульс. Она была мертва.

Одна из двух пуль попала прямо в цель и пронзила ее сердце. И поскольку смерть наступила мгновенно и мгновенно же прекратилась циркуляция крови, то кровотечения почти не было.

Это была красивая смерть – быстрая, чистая, безболезненная и не омраченная страхом.

Он опять натянул перчатку и ласково погладил по шее, в том месте, где искал пульс. Поскольку рука уже была в перчатке, он не боялся, что отпечатки его пальцев смогут снять с ее кожи с помощью лазера.

Необходимо было принять меры предосторожности. Не каждый судья и не каждый присяжный сможет понять чистоту и благородство его мотивов.

Он прикрыл ее левый глаз и подождал несколько секунд, пока не убедился, что глаз не откроется.

– Спи спокойно, моя хорошая, – произнес он, и в тоне его слышались сожаление и симпатия, затем он прикрыл ее правый глаз. – Тебе больше не придется волноваться из-за финансовых трудностей, надрываться на работе, переживать и напрягаться. Ты была слишком хороша для этого мира.

Это был и печальный, и в то же время радостный момент. Печальный, потому что ее красота и элегантность больше не будут украшать этот мир, никогда больше ее улыбка никого не подбодрит, не поддержит, ее мягкость и благородство никогда не встанут на пути варварства, захлестывающего это беспокойное общество. Но радостный, потому что уже никогда ей не придется испытывать страх, проливать слезы, знать печаль и боль.

«Доброе утро, доброе утро» сменилась бодрой, синкопированной мелодией «Сержант Пеппер», которая нравилась ему больше, чем первые вещи из альбома; такая жизнерадостная песня была как нельзя кстати для того, чтобы проводить миссис Беттонфилд в лучший мир.

Рой вытащил из-под стола табуретку, сел и снял боты. Он подвернул мокрые и грязные брючины, чтобы ничего здесь не запачкать.

Но исполнение основной песни альбома длилось недолго, и, когда он снова поднялся,

уже звучал «День моей жизни». Это была грустная песня, чересчур грустная для этого момента, необходимо было выключить ее немедленно. Ему просто срочно надо было выключить ее, чтобы не слишком расстраиваться. Он был очень чувствительным человеком, гораздо более восприимчивым, чем многие, к воздействию музыки, поэзии, живописи, хорошей литературы – вообще искусства.

Он нашел музыкальный центр в кабинете. Аппаратура занимала нишу великолепной мебельной стенки. Он выключил музыку и начал шарить в ящиках, где лежали компакт-диски. Ему хотелось продолжить слушать «Битлз», и он выбрал *«Ночь после трудного дня»*, потому что в этом альбоме не было ни одной грустной песни.

Подпевая мелодии, Рой прошел обратно на кухню, там он поднял миссис Беттонфилд с пола. Она оказалась еще легче, чем он подумал, когда разговаривал с ней через окно машины. Она, очевидно, весила не более сорока килограммов, у нее были узкие запястья, изящная длинная шея, тонкие черты лица. Рой был глубоко тронут хрупкостью этой женщины и нес ее не только с осторожностью и почтением, но и с чувством, похожим на благоговение.

Нажав на выключатель плечом, он пронес Пенелопу в переднюю, затем поднялся с ней наверх, заглядывая по пути во все комнаты, пока не нашел хозяйскую спальню. Там он осторожно положил ее на кушетку.

Он снял и аккуратно сложил покрывало, затем откинул одеяло. Взбил подушки, спрятанные в наволочки из тонкой хлопчатобумажной ткани и отделанные вставками из кружева, – необыкновенно красивые.

Он снял с нее туфли и убрал их в шкаф. Ноги у нее были маленькими, как у девочки-подростка.

Оставив на ней всю одежду, Рой аккуратно положил женщину на кровать, подложив ей под голову две подушки. Он накрыл ее одеялом до середины груди, оставив руки открытыми.

В расположенной рядом со спальней ванной он нашел щетку и расчесал ей волосы. «Битлз» пели «Если я упаду», когда он только положил ее на постель, но теперь, когда он тщательно уложил ее великолепные каштановые волосы вокруг милого лица, они уже заканчивали «Я счастлив танцевать с тобой».

Включив большой бронзовый торшер около кресла, он выключил более резкий верхний свет. Мягкие тени касались лежавшей женщины, как крылья ангелов, спустившихся к ней, чтобы забрать ее из этой юдоли слез в возвышенный мир вечного покоя и блаженства.

Он подошел к туалетному столику в стиле Людовика XVI, отодвинул стоявший перед ним пуфик в том же стиле и поставил его около кровати. Он сел рядом с миссис Беттонфилд, снял перчатки и взял ее руки в свои. Они уже остывали, хотя тепло в них еще было.

Он не мог сидеть здесь долго. Ему было необходимо сделать еще массу вещей, а времени оставалось в обрез. Тем не менее ему хотелось провести несколько умиротворенных минут с миссис Беттонфилд.

Пока «Битлз» пели «И я любил ее» и «Скажи мне почему», Рой с нежностью держал в руке руку своей покойной подруги, не обходя вниманием прекрасную меблировку комнаты, картины и предметы искусства, сочетание теплых тонов в тканях, хотя и различного качества и расцветок, но тем не менее прекрасно гармонирующих.

– Ужасно несправедливо, что тебе пришлось закрыть свою контору, – сказал он Пенелопе. – Ты была прекрасным художником по интерьеру. Нет, серьезно, дорогая. Это действительно так.

«Битлз» все пели.

Дождь стучал в окна.

Сердце Роя было переполнено высокими чувствами.

Глава 3

Рокки узнал дорогу домой. Время от времени, встречая знакомые приметы, он фыркал от удовольствия.

Спенсер жил не в самом шикарном районе Малибу, однако и здесь была своя прелесть.

Все огромные – комнат в сорок – особняки в средиземноморском и французском стилях, ультрамодные здания, построенные на склоне утеса из стали и дерева, с затемненными стеклами, белоснежные коттеджи, похожие на океанские лайнеры, и невероятных размеров постройки из необожженного кирпича в юго-западном стиле, с перекрытиями из настоящих сосновых балок и уютными – персон на двадцать – частными кинозалами со стереозвуком располагались на побережье, на крутых склонах между Тихоокеанской автострадой и пляжами на холмах, с которых открывался вид на море.

А дом Спенсера находился к востоку от того места, где обычно проводили съемки наиболее интересных зданий для журналов по архитектуре и строительству. Его район располагался между фешенебельной частью города и довольно грязным, запущенным и малонаселенным кварталом, примыкающим к каньону. Двухрядное шоссе было покрыто бесчисленными заплатами и трещинами, возникавшими из-за постоянных землетрясений. За воротами, сооруженными из труб и цепей, два огромных эвкалипта давали начало аллее протяженностью в двести метров, ведущей к его дому.

К воротам была проволокой прикреплена табличка с выцветшими красными буквами: «Осторожно, злая собака!» Он прикрепил ее сразу же, купив этот дом, задолго до того, как у него поселился Рокки. Тогда у него не было не то что злой, а вообще никакой собаки. Надпись была пустой угрозой, но тем не менее достаточно эффективной. Никто не беспокоил его в этом убежище.

Ворота не открывались автоматически. Ему пришлось выйти под дождь, чтобы отпереть их и запереть снова, когда машина въехала в аллею.

Строение, которое находилось в конце аллеи, нельзя было даже назвать домом, скорее, это была хижина – одна спальня, гостиная и большая кухня. Деревянное сооружение, поставленное на каменный высокий фундамент, чтобы уберечь дерево от термитов, времени и дождей, приобрело серебристо-серый цвет и постороннему глазу могло бы показаться неказистым, однако Спенсеру при свете фар «Эксплорера» его дом виделся прекрасным и полным очарования.

Его окружала и *скрывала* от глаз эвкалиптовая рощица. Эти красносмольные эвкалипты не подвергались нападению австралийских жуков, пожирающих калифорнийские синесмольные деревья. И с тех пор как Спенсер купил эту землю, эвкалипты не подрезали.

Позади рощи дно каньона и его крутые склоны до самого верха заросли кустарником и невысокими деревьями. Поскольку летом и почти всю осень дули сухие ветры со стороны Санта-Аны, зелень в оврагах и на холмах засыхала. За последние восемь лет пожарные дважды велели Спенсеру эвакуироваться, опасаясь, что пожары в соседних каньонах могут с неумолимой безжалостностью перекинуться и на его владения. Огонь, подгоняемый ветром, двигается со скоростью пассажирского поезда. Когда-нибудь ночью пожар может захватить и это место. Но его красота и уединенность оправдывали риск.

Бывали в его жизни периоды, когда он изо всех сил стремился выжить, но тем не менее смерти не боялся. Иногда он даже мечтал заснуть и не проснуться. И если пожары пугали его, то беспокоился он в основном из-за Рокки, а не из-за себя.

Но в этот февральский вечер еще рано было думать об опасности пожаров. Каждое дерево, каждая травинка были пропитаны влагой, казалось, они никогда не смогут загореться.

В доме было холодно. Можно было зажечь камин, сложенный из камней в гостиной, но кроме него в каждой комнате имелся и электрический обогреватель. Спенсер предпочитал живой огонь, треск поленьев и запах дыма, однако он включил обогреватели, поскольку ждать было некогда.

Сбросив промокшую одежду и облачившись в удобный серый спортивный костюм и толстые гольфы, он сварил себе кофе. Рокки он предложил миску апельсинового сока.

У псыны было много и других странностей, кроме пристрастия к апельсиновому соку. Например, он обожал гулять днем, но не разделял увлечения многих собак ночной жизнью,

предпочитая, чтобы его отделяло от ночной темноты по крайней мере окно. Если же ему *приходилось* выходить на улицу после захода солнца, он держался рядом со Спенсером и подозрительно оглядывался. И еще Пол Саймон. Вообще-то Рокки был довольно равнодушен к музыке, но голос Саймона его просто завораживал. Если Спенсер ставил пластинку Саймона, особенно если звучала песня «Прекрасная страна», Рокки садился перед динамиками, внимательно смотрел прямо в них. Или же медленно и равномерно, хотя и не в такт, бродил взад-вперед по комнате, погруженный в глубокую задумчивость, когда слушал «Алмазы на подошвах» или «Можешь называть меня Эл». Тоже весьма странное поведение для собаки. Еще более странным была необычайная стыдливость пса при отправлении естественных надобностей. Он никогда не делал свои дела, если на него смотрели, и Спенсеру приходилось каждый раз отворачиваться.

Иногда Спенсеру казалось, что пес до того, как попал к нему два года назад, немало настрадался и, решив, что в собачьей жизни радости мало, захотел стать человеком.

Вот в этом Рокки ошибался. Люди чаще ведут собачью жизнь в худшем смысле этого слова, чем многие собаки.

– Развитое самосознание, – как-то сказал Спенсер Рокки в одну из бессонных ночей, – не делает существо более счастливым, дружище. Если бы это было иначе, у нас было бы меньше психиатров и пивнушек, чем у вас, собак, – а ведь это не так, а?

Пока Рокки в кухне лакал из миски на полу свой апельсиновый сок, Спенсер принес в гостиную и поставил на большой письменный стол в углу кружку с кофе. На столе были установлены два компьютера с жесткими дисками, многоцветный лазерный принтер и прочее оборудование.

Эта часть комнаты стала его офисом, хотя он нигде не работал в штате вот уже десять месяцев. С тех пор как он ушел из полиции Лос-Анджелеса, где последние два года работал в калифорнийском многопрофильном отделе компьютерных преступлений, он несколько часов в день проводил за диалогом со своими компьютерами.

Иногда он исследовал интересные для себя явления, используя «Чудо» и «Гения». Однако чаще он пытался найти способы подключиться к частным и государственным компьютерам, преодолеть хитрые системы защиты. Как только ему удавалось это, он начинал заниматься нелегальной деятельностью. Он, правда, никогда не разрушал файлы ни одной компании или организации, никогда не вводил неправильные данные. Однако он все же нарушал право частной собственности, проникая в чужие владения.

Но совесть его не особенно мучила по этому поводу.

Он не искал никакой материальной выгоды от своей деятельности. Его вполне удовлетворяло то, что он получал информацию, а также доставляло удовольствие, если удавалось что-то исправить.

Как, например, в деле Бекуотта.

В декабре прошлого года Генри Бекуотта, осужденного за развратные действия с детьми, собирались освободить из тюрьмы после почти пятилетнего заключения. Государственная калифорнийская коллегия по условному и досрочному освобождению отказалась сообщить его местожительство на время срока условного осуждения, обосновывая отказ защитой прав осужденного. Поскольку Бекуотт избивал свои жертвы и в суде не высказал по этому поводу никакого сожаления, его освобождение вызывало сильное волнение у родителей во всем штате.

Стараясь действовать как можно осторожнее, чтобы не быть обнаруженным, Спенсер проник в компьютерную систему полиции Лос-Анджелеса, оттуда – в компьютер Коллегии по условному и досрочному освобождению, где и узнал адрес, по которому будет проживать Бекуотт в течение срока условного освобождения. Несколько анонимных звонков газетчикам заставили Коллегию приостановить освобождение Бекуотта до тех пор, пока для него не подберут другое местожительство. Однако в течение следующих полутора месяцев Спенсер раскрыл еще три адреса один за другим, вскоре после того как их с большим трудом подобрали.

Официальные круги из всех сил пытались разоблачить того, кто, по их мнению, разглашал секретную информацию, но не высказывали – по крайней мере, публично – опасений, что утечка могла произойти из их электронных файлов, надежно защищенных соответствующим устройством. В конце концов они признали свое поражение и поселили Бекуотта в пустой сторожке на одном из участков Сан-Квентина.

Через пару лет, когда закончится срок его условного наказания и проживания под надзором полиции, Бекуотт снова сможет начать свою охоту на детей и наверняка загубит еще не одного ребенка, если не физически, то психически. Но хотя бы пока он не сможет поселиться инкогнито среди людей, которые не подозревают об опасности.

Если бы Спенсеру удалось найти доступ к компьютеру самого Господа Бога, то он бы и там вмешался в судьбу Генри Бекуотта, позаботившись, чтобы того поразил неожиданный и смертельный удар или же чтобы он случайно оказался под колесами грузовика. Спенсер бы не колебался в восстановлении справедливости, которую трудно было ожидать от морально парализованного и пораженного фрейдистскими комплексами общества.

Он не был героем, не был таким покрытым шрамами компьютерным Бэтманом, не собирался спасать мир. Он просто парил в кибернетическом пространстве – в этом неведомо-жутковатом измерении, средоточии энергии и информации внутри компьютера и компьютерной сети. Оно завораживало и притягивало его, как завораживали и притягивали других людей Таити и далекая Тортуга, как влекут к себе Луна и Марс тех, кто впоследствии становится космонавтом.

Возможно, самым притягательным для него было то, что это измерение можно исследовать, путешествовать в нем, делать открытия, *не вступая в контакт с людьми*. Спенсер избегал всевозможного общения с прочими пользователями компьютеров; кибернетическое пространство было для него необитаемым космосом, хотя и созданным человеком, но абсолютно безлюдным. Он бродил между нескончаемыми рядами цифр и прочих данных, которые были несравненно значительнее и величественнее, чем египетские пирамиды или развалины Древнего Рима или же хитрые завитушки, украшающие множество средневековых городов, но тем не менее он не видел человеческих лиц, не слышал человеческого голоса. Он был Колумбом без команды, Магелланом, путешествующим в одиночестве по электронным дорогам и пересекающим города цифр и фактов, таких же безлюдных, как города-призраки в пустынях Невады.

Он сел перед одним из компьютеров, включил его и, попивая кофе, быстро прошел всю процедуру, предшествовавшую началу работы. Сюда также входила антивирусная программа Нортон, к которой он прибегал, чтобы предохранить все свои файлы от разрушительного вируса во время увлекательного путешествия в мир государственной информации. Его машина не была инфицирована.

Первый номер телефона, появившийся на его экране, принадлежал службе, сообщавшей котировки акций в последние двадцать четыре часа. За несколько секунд включилась связь, и на экране появилась надпись: "Вас приветствует «Всемирная служба биржевой информации»".

С помощью своего абонентного кода Спенсер запросил информацию о японских акциях. Одновременно он включил программу, составленную им самим, которая проверяла его телефонную линию на наличие подслушивающего устройства. «Всемирная служба биржевой информации» была совершенно легальной информационной службой, и у полиции не было никаких причин прослушивать линии ее абонентов, однако Спенсер хотел знать, не проявлен ли интерес к его телефону.

Из кухни притаился Рокки и стал тереться о его колено. Вряд ли пес так быстро выпил весь сок. Очевидно, жажду утолить оказалось проще, чем недостаток общения.

Не отрываясь от дисплея, ожидая сигнала о наличии или отсутствии подслушивающего устройства, Спенсер протянул руку и почесал у собаки между ушами.

Хотя он действовал предельно аккуратно и не мог вызвать подозрений, все же необходимо было постоянно соблюдать осторожность. В последнее время Агентство

национальной безопасности, Федеральное бюро расследований и кое-какие другие организации наладили работу отделов по борьбе с компьютерными преступлениями, и все они тщательно выискивали нарушителей и наказывали их.

Их усердие иногда граничило с беззаконием. Подобно многим государственным организациям с раздутыми штатами, эти отделы изо всех сил старались доказать, что на них не зря тратятся денежки налогоплательщиков. Расходы увеличивались с каждым годом: требовалось все больше арестов и судебных процессов, чтобы доказать, что электронные кражи и вандализм достигли чудовищных размеров. И в соответствии с этой политикой время от времени привлекали к суду «свободных охотников», которые ничего не крали и не портили, и предъявляли им неубедительные обвинения. Их преследовали не для того, чтобы, обличив, отпугнуть остальных, их необходимо было покарать исключительно для того, чтобы увеличить статистику раскрываемости и потребовать под это больше денег из бюджета.

Некоторых сажали в тюрьму.

Жертвы на алтаре бюрократии.

Мученики кибернетического мира.

Спенсер решил, что никогда не станет одним из них.

Он ждал, слушая, как стучит по крыше дождь, как воет ветер в эвкалиптовой роще, и глядел в правый верхний угол экрана. Вскоре появились красные буквы: «Чисто».

Так, значит, никто не прослушивает.

Отключившись от «Всемирной службы биржевой информации», он набрал номер главного компьютера калифорнийского многопрофильного агентства по борьбе с компьютерными преступлениями. Он проник в эту систему через хорошо замаскированную «заднюю дверь» – он ввел этот код в свой компьютер еще до того, как вышел в отставку с поста заместителя начальника подразделения.

Поскольку он работал в управленческой системе, обладавшей максимальным допуском к секретной информации, его возможности были неограниченны. Он мог пользоваться компьютером подразделения как угодно долго и с любой целью, и его присутствие никто не замечал и не регистрировал.

Его не интересовали файлы. Он использовал компьютер лишь как трамплин для того, чтобы впрыгнуть в систему лос-анджелесского полицейского департамента, к которому здесь имелся непосредственный доступ. Было забавно использовать оборудование и программное обеспечение отдела по борьбе с компьютерными преступлениями для того, чтобы совершить небольшое незаконное вторжение.

Но и небезопасно.

Вообще все, что интересно и привлекательно, включает в себе опасность – американские горки, прыжки с парашютом, азартные игры, секс.

Из полицейского департамента Лос-Анджелеса он перескочил в компьютер калифорнийского отдела автотранспорта в Сакраменто. Он получал такое удовольствие от этих перемещений, как будто путешествовал в пространстве, телепортируясь из своего каньона то в Малибу, то в Лос-Анджелес, то в Сакраменто, как это происходит с героями фантастических книг.

Рокки встал на задние лапы и, положив передние на стол, стал внимательно смотреть на экран монитора.

– Тебе это не понравится, – сказал Спенсер. Рокки взглянул на него и тихонько заскулил. – Я больше чем уверен, что тебе будет намного интереснее заняться той косточкой, что я тебе принес. – Рокки, склонив лохматую голову набок, продолжал смотреть на экран. – А хочешь, я поставлю тебе Пола Саймона? – Рокки опять заскулил. На сей раз чуть погромче. Вздохнув, Спенсер поставил рядом с собой еще один стул. – Ну ладно. Когда парню одиноко, то косточка хорошую компанию не заменит. Во всяком случае, у меня так.

Рокки обрадованно вскочил на стул.

И они вдвоем отправились путешествовать в этот кибернетический мир, подключившись к системе отдела автотранспорта в поисках Валери Кин.

Они очень быстро нашли ее. Спенсер надеялся, что адрес окажется другим, не тем, который был ему уже знаком, однако его постигло разочарование. Она была зарегистрирована в этом самом домике в Санта-Монике, где он видел пустые, без мебели комнаты и фотографию таракана, прибитую гвоздем к стене.

В соответствии с информацией, появившейся на экране, у нее были права третьего класса без ограничений. Срок ее удостоверения истечет через четыре года. Она обратилась за водительскими правами и сдавала письменный экзамен в начале декабря два месяца назад.

У нее было второе имя Энн.

Ей было двадцать девять. Спенсер думал, что двадцать пять.

За ней не числилось никаких нарушений.

Она завещала свои внутренние органы для трансплантации, если с ней произойдет несчастный случай и ее невозможно будет спасти.

Остальная информация о ней была предельно скупа:

ПОЛ: Ж. ВОЛОСЫ: ТЕМН. ГЛАЗА: КАРИЕ. РОСТ: 163 СМ. ВЕС: 52 КГ.

Эти бюрократические краткие сведения вряд ли бы помогли, вздумай Спенсер описать ее кому-либо. С их помощью невозможно было вызвать перед глазами тот образ, который действительно отличался от всех остальных: прямой взгляд ясных глаз, чуть асимметричная улыбка, ямочка на правой щеке, нежная линия подбородка.

С прошлого года, получив финансовую поддержку от Национального управления по борьбе с преступностью, калифорнийский отдел автотранспорта начал кодировать и закладывать в электронную память фотографии и отпечатки пальцев водителей, получающих права или прошедших перерегистрацию. Со временем полицейские фотоснимки и отпечатки пальцев каждого человека, имеющего водительское удостоверение, будут внесены в файлы, хотя подавляющее большинство этих людей не только не были в заключении, но даже никогда не находились под следствием.

Спенсер считал, что эта акция – первый шаг для того, чтобы ввести на каждого внутренний паспорт – примерно такого типа, что были в ходу при коммунистических режимах до их падения, и он в принципе был против этого. Однако в данном случае его принципы не помешали ему затребовать из досье Валери ее фотографию.

Экран вспыхнул, и появилось ее лицо. Она улыбалась.

За окном слышались леденящие душу жалобы эвкалиптов на мировую несправедливость и неумолчный, монотонный стук дождя.

Спенсер заметил, что перестал дышать.

Мельком увидел, что Рокки с любопытством смотрит на него, затем – на экран, потом – опять на него.

Спенсер взял кружку и отпил еще немного кофе. Рука его дрожала.

Валери знала, что какие-то силы охотятся за ней, и знала, что они нагоняют ее, именно поэтому она и убежала из своего дома буквально за несколько часов до того, как они пришли. Если она была невиновна, то с чего бы ей вести полную страха и неопределенности жизнь беглянки?

Он поставил кружку на стол и, быстро прикасаясь к клавиатуре, дал команду вывести ее фотографию.

Загудел лазерный принтер. Из аппарата появился тонкий лист белой бумаги.

Валери. Улыбается.

В Санта-Монике никто не приказывал сдаваться, прежде чем началось нападение на дом. Когда нападающие ворвались, никто не крикнул: «Полиция!» Но все же Спенсер был убежден, что эти люди – бойцы какого-то полицейского подразделения. Об этом свидетельствовали их форма, очки ночного видения, вооружение и способы действия.

Валери. Улыбается.

Эта милая женщина с приятным, тихим голосом, с которой Спенсер разговаривал накануне в «Красной двери», казалась симпатичной и порядочной, не способной на ложь, в отличие от многих других. Во-первых, она не отвела взгляда от его шрама и спросила о его

происхождении, и в ее глазах не было ни жалости, ни любопытства – таким же тоном и с тем же выражением она могла бы поинтересоваться, где он купил свою рубашку. Большинство из тех, с кем ему приходилось встречаться, исподтишка разглядывали его шрам и спрашивали о нем лишь тогда, когда чувствовали, что он видит, насколько их мучает любопытство. Прямота Валери была неожиданна. Когда он ответил ей, что шрам он заработал в детстве в результате несчастного случая, Валери сразу же поняла, что он не хочет или не может говорить правду, и перевела разговор на другую тему, как будто ей было и не очень-то интересно. И потом он ни разу не замечал, чтобы она рассматривала бледную полосу на его лице, и, что было еще важнее, у него даже не возникало чувства, что она специально старается не смотреть на его шрам. Она нашла в нем гораздо более интересные качества, чем эта бледная полоса, уродующая его лицо.

Валери. В черно-белом.

Он не мог поверить, что эта женщина способна совершить какое-нибудь тяжкое преступление, а тем более настолько чудовищное, чтобы ее пытались захватить с помощью сил особого назначения, да еще в полной тишине, с автоматами и в самой совершенной экипировке.

Может быть, она состоит в связи с каким-нибудь очень опасным преступником?

Спенсер сомневался в этом. Он вспомнил некоторые детали. Одного обеденного прибора, одного стакана и надувного матраца явно было маловато для двоих.

И все же нельзя исключать такую вероятность. Возможно, она жила и не одна, а тот человек специально принимал все меры предосторожности, опасаясь преследования со стороны полиции.

Фотография, отпечатанная лазерным принтером, была темновата, на ней Валери получилась не очень удачно. Спенсер поднастроил принтер, чтобы получить еще одно изображение, чуть посветлее.

Это изображение было лучше, и он сделал пять копий.

Пока он не взял в руки снимок с ее портретом, Спенсер и сам не осознавал, что собирается искать Валери Кин, где бы она ни была, что хочет найти ее и помочь ей. Независимо от того, что она совершила – даже если она виновна в преступлении, независимо от того, чего это ему будет стоить, независимо от того, как она к нему относится, – Спенсер собирался быть рядом с этой женщиной и вместе с ней бороться с той опасностью, которая грозила ей.

Но тут он вздрогнул, поняв, что будет означать для него взятое на себя обязательство, ведь до этого момента он считал себя абсолютно современным человеком, который не верит ни в Бога, ни в черта, ни в себя самого.

Слегка испугавшись и не в состоянии понять, что же им двигает, он тихо произнес:

– Черт бы меня побрал.

Собака чихнула.

Глава 4

К тому времени, как «Битлз» начали петь «Я лучше заплачу», Рой Миро почувствовал, как начинает холодеть рука покойной, этот холод стал проникать и в него самого.

Он отпустил ее и надел перчатки. Он вытер ее руки уголком простыни, чтобы на них не осталось никаких следов от его пальцев – пот или жир, которые помогли бы обнаружить отпечатки.

Обуреваемый противоречивыми чувствами – горя из-за кончины симпатичной женщины и радуясь, что она освободилась от этого мира, полного боли и разочарований, – он пошел на кухню. Он хотел быть там, откуда сможет услышать, как муж Пенелопы, приехав, отопрет гараж.

На выложенном плиткой полу он заметил несколько капель крови. Рой взял бумажные полотенца и с помощью «Фантастика», обнаруженного в шкафчике под мойкой, все вымыл и

вычистил.

Затем он вытер следы своих грязных бот и тут заметил, что мойка из нержавеющей стали не очень опрятна, и вычистил ее до блеска.

Окно в микроволновой печи тоже было забрызгано жиром. Он протер его так, что оно засияло.

Когда «Битлз» пропели уже добрую половину «Я вернусь», а Рой отмывал дверцу морозильника, щелкнул замок гаража. Рой бросил в мусороизмельчитель использованные бумажные полотенца, поставил на место «Фантастик» и взял пистолет, который положил на кухонный стол после того, как освободил Пенелопу от ее земных страданий.

Кухня отделялась от гаража небольшой комнатой для стирки. Рой повернулся к закрытой двери.

Было слышно, как Сэм Беттонфилд въехал в гараж. Затем замолк двигатель. Раздался скрип закрываемой дверцы.

Наконец-то он пришел домой после своих бухгалтерских сражений. Утомившись от многочасовой работы, от сухих цифр. Устав платить огромные суммы за квартиру в Сенчури-Сити и прилагать громадные усилия, чтобы оставаться на плаву в системе, где деньги ценятся выше людей.

В гараже хлопнула, закрываясь, дверца машины.

Измотанный жизнью в городе, не знающем справедливости, находящемся в постоянной войне с самим собой, Сэм мечтает выпить, обнять Пенелопу, поужинать и посидеть перед телевизором часок-другой. Эти простые радости и восемь часов сна и являются единственными утешениями, предназначенными компенсировать тяжелую жизнь, дающими убежище от жадных и вечно недовольных клиентов, – сон его, наверное, нередко прерывается кошмарами.

Рой мог предложить ему кое-что получше. Счастливое избавление.

Сэм уже поворачивал в замке внутренней двери ключ, клацнул засов, скрипнула открываемая дверь. Сэм вошел в прачечную.

Дверь на кухню стала открываться, и Рой поднял пистолет.

Вошел Сэм – в плаще и с портфелем в руках. Это был человек с быстрыми черными глазами, начинающий лысеть. Он слегка вздрогнул, но голос его прозвучал вполне спокойно:

– Похоже, вы не туда попали.

Чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, Рой произнес:

– Я знаю, каково вам приходится. – И три раза нажал на курок.

Сэм не был крупным человеком, может быть, лишь килограммов на двадцать тяжелее жены. Тем не менее было нелегко поднять его наверх, снять с него плащ, ботинки и уложить в кровать. Когда дело было сделано, Рой почувствовал удовлетворение от того, что поступил правильно, положив Пенелопу и Сэма вместе при таких возвышенных обстоятельствах.

Он натянул одеяло в пододеяльнике на грудь Сэма. Пододеяльник был также украшен вставкой из кружева, такой же, как и на наволочках, так что казалось, что эта супружеская пара обряжена в красивые стихари вроде тех, в которых изображают ангелов.

Пластинка «Битлз» закончилась уже давно. С улицы доносился шелест дождя, такого же холодного, как и тот город, на который он проливался, такого же неумолимого, как время, как тьма.

Хотя он сделал доброе дело и следовало с радостью осознать, что страдания этих людей прекратились, он чувствовал печаль. Это была светлая печаль, и слезы, катившиеся по его щекам, были слезами очищения.

Затем он спустился вниз, чтобы вытереть несколько капель крови Сэма с пола на кухне. В большом встроенном шкафу под лестницей он нашел пылесос и убрал грязь, оставшуюся на ковре от его грязных ног.

В сумочке Пенелопы он нашел карточку, которую дал ей. Там стояло вымышленное имя, но тем не менее он все равно забрал ее.

Наконец он последний раз пошел в спальню и, сняв телефонную трубку, набрал 911.

Когда ему ответил голос диспетчера полиции, Рой произнес:

– Здесь очень грустно. Очень, очень грустно. Кто-то должен сию же минуту приехать сюда.

Он не стал вешать трубку и оставил ее на столе, чтобы связь не прерывалась. Адрес Беттонфилдов должен появиться на экране компьютера у диспетчера, но тем не менее Рой не хотел рисковать, не желая, чтобы Сэм и Пенелопа оставались здесь еще несколько часов или даже дней, прежде чем их обнаружат. Они были славными людьми и не заслуживали того, чтобы их нашли окоченевшими, посеревшими, начавшими разлагаться.

Он отнес свои боты и ботинки к входной двери и быстро их надел. Он не забыл поднять с пола свой револьвер для отпираания замков.

Под дождем он прошел к своей машине и уехал от этого места.

Его часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Хотя на Восточном побережье было на три часа больше, Рой был уверен, что контактер в Вирджинии ждет его звонка.

У первого же красного светофора он взял с пассажирского сиденья свой кейс. Он подключил к сети компьютер, который все еще был соединен с сотовым телефоном. Но не стал его отключать, поскольку оба аппарата были ему нужны. Нажав несколько кнопок, он наладил радиотелефон таким образом, чтобы тот реагировал на заданные голосом инструкции, а также действовал микрофон с громкоговорителем, чтобы руки были свободны для управления машиной.

Когда включился зеленый свет, Рой пересек перекресток и, включив междугороднюю связь словами:

– Соедините, пожалуйста, – произнес вслух нужный ему номер в Вирджинии.

После второго гудка раздался знакомый голос Томаса Саммертона, который невозможно было спутать ни с чьим – такой южный и мягкий, как ореховое масло.

– Алло?

Рой сказал:

– Будьте добры, позовите Джерри.

– Простите, вы ошиблись номером. – Саммертон повесил трубку.

Рой прекратил связь словами:

– Теперь, пожалуйста, разъедините.

Через десять минут Саммертон перезвонит ему из безопасного места, и они смогут поговорить, не боясь подслушивания.

Рой проехал мимо сверкающих витрин магазинов на Родео-Драйв к бульвару Санта-Моника, затем свернул на запад в сторону жилых кварталов. Среди огромных деревьев стояли большие дорогие дома, жилища привилегированных, оскорбляющие его чувства.

Когда зазвонил телефон, он не стал снимать трубку, лишь произнес:

– Пожалуйста, примите вызов. – Соединение произошло по устной команде. – Теперь, пожалуйста, закодируйте, – сказал Рой.

Компьютер издал сигнал, свидетельствующий о том, что все, что будет ими произноситься, станет непонятным ни для кого, кроме них с Саммертоном. При передаче их речь будет расчленена на отдельные звуки, и эти звуки будут передаваться в беспорядочном сочетании. Оба телефона подключены к *одному* устройству, так что бессмысленный поток звуков будет преобразован в нормальную речь на выходе.

– Я видел утренний репортаж из Санта-Моники, – сказал Саммертон.

– Соседи говорят, что утром она была на месте. Но, очевидно, ей удалось улизнуть до того, как мы установили дневное наблюдение.

– Как она узнала?

– Могу поклясться, у нее на нас какой-то нюх. – Рой свернул на запад, на бульвар Сансет, вливаясь в плотный поток машин, скользящих по мокрому асфальту и освещающих тротуары фарами. – Ты слышал что-нибудь о человеке, который там оказался?

– И сбежал?

– Но мы действовали очень грамотно.

- Значит, ему просто повезло?
- Нет, еще хуже. Он знал, что делает.
- Ты хочешь сказать, что он имеет соответствующую подготовку?
- Да.
- Где-нибудь здесь, в местных органах или на федеральном уровне?
- Он сделал одного из наших бойцов как младенца.
- Значит, его уровень повыше местного.

Рой свернул с бульвара Сансет на более тихую улицу, где особняки прятались за высокими заборами, живой изгородью и огромными деревьями.

- Если нам удастся выследить его, что с ним делать?

Саммертон ответил после некоторой паузы:

- Надо выяснить, кто он, на кого работает.
- И задержать его?
- Нет. На карту поставлено слишком многое. Надо, чтобы он исчез.

Извилистые улицы змеились вверх по лесистым холмам, огибая уединенные поместья, где въездные аллеи обрамлялись высокими разлапистыми деревьями, с которых стекала вода.

Рой спросил:

- Должны ли мы переключиться с женщины на него?
- Нет. С ней надо разобраться немедленно. Еще какие-нибудь новости?

Рой подумал о мистере и миссис Беттонфилд, но не стал говорить о них. Необыкновенная доброта, которую он проявил по отношению к ним, не имела никакого отношения к работе, и Саммертон бы его не понял.

Поэтому Рой сказал:

– Она кое-что оставила для нас. – Томас Саммертон ничего не ответил, вполне возможно, он почувствовал, что именно могла она им оставить. Однако Рой уточнил: – Фотографию таракана, прибитую к стене комнаты.

- Разберись с ней как следует, – сказал Саммертон, вешая трубку.

Вписываясь в длинный поворот под мокрыми зарослями магнолии возле чугунной ограды, за которой в дождливой тьме виднелся освещенный дом в колониальном стиле. Рой произнес:

– Прекратить кодирование. – Компьютер издал сигнал, свидетельствующий о том, что команда выполнена. – Пожалуйста, соедините, – сказал Рой и назвал телефонный номер, подключавший его к «Маме».

Мелькнул экран дисплея. Взглянув на него, Рой увидел первый вопрос: «Кто здесь?»

«Мама», в отличие от телефона, не реагировала на устные команды, поэтому Рой съехал с шоссе к аллее, ведущей в поместье, и остановился у высоких кованых чугунных ворот, соответствовавших духу допроса, которому подвергся Рой. После того как он передал изображение отпечатка своего большого пальца, он получил доступ к «Маме» в Вирджинии.

Из ее обширного меню он выбрал «Старший офицерский состав». Затем указал «Лос-Анджелес» и тем самым подсоединился к самому большому из «детешек» «Мамы» на Западном побережье.

Он прошелся по нескольким меню лос-анджелесского компьютера, пока не нашел файлы отдела фотографий. Файл, интересовавший его, постоянно менялся – он так и думал, – и он подключился, чтобы изучить его.

У его портативного компьютера экран давал черно-белое изображение – такая и появилась фотография человека крупным планом. Однако его лицо было повернуто от объектива, наполовину в тени, к тому же за завесой дождя.

Рой был разочарован. Он надеялся получить более четкое изображение.

Это, к сожалению, было больше похоже на картину импрессиониста: в общих чертах понятно, но в деталях – сплошная загадка.

Несколько раньше в Санта-Монике команда наблюдения сфотографировала незнакомца, зашедшего в дом до того, как на него совершила нападение команда специального

назначения. Но ночное освещение, сильный дождь и густые деревья помешали сделать хороший снимок, так что трудно было разглядеть лицо этого человека. Более того, поскольку они никак не ожидали, что он туда зайдет, сочли, что это обычный прохожий, который просто пройдет мимо, и поэтому были чрезвычайно удивлены, когда он вдруг свернул к дому женщины. Тут же попытались сделать снимки, но все они оказались неудачными, и ни на одном нельзя было разглядеть лицо человека, хотя фотокамеры были снабжены телеобъективами.

Более удачные снимки были уже заложены в систему компьютера, где они подверглись обработке по программе усиления. Компьютер выделит дождевые помехи и уберет их. Затем он постепенно высветлит затемненные участки, пока не станет возможным идентифицировать все биологические структуры – учитывая и обширную информацию по строению черепа, справляясь по огромному каталогу отличий, существующих между расами, полами, возрастными группами, – компьютер выделит то, что можно будет выделить по этому снимку, и выдаст информацию.

Однако процесс был непростым и занимал некоторое время, даже учитывая бешеную скорость, с которой действовала программа. В конце концов любой снимок разбивался на темные и светлые точки, называемые пикселями: кусочки мозаики одинаковой формы, но слегка различающиеся по структуре и освещенности. Каждый из сотен тысяч пикселей будет тщательно проанализирован, из него извлечется информация не только относительно того, что он сам несет в себе, но также и о том, как он связан с другими пикселями, его окружающими, а это значило, что компьютеру предстояло совершить несколько сотен миллионов операций по сопоставлению и принятию решения, чтобы сделать изображение четче.

И даже тогда все же не будет гарантии, что изображение, появившееся в результате всей этой работы, адекватно внешности сфотографированного человека. Вся аналитическая работа такого плана была больше искусством – или, скорее, цепью догадок, нежели надежным техническим решением. Рой знал множество примеров тому, как улучшенные компьютером фотографии имели столь же мало сходства с изображенным человеком, как рисунок художника-любителя, толпы которых осаждают туристов у Триумфальной арки в Париже или же на Манхэттене. Однако все же лицо, появляющееся на компьютере, частенько достаточно похоже на свой оригинал.

Теперь, когда компьютер приступил к принятию решения и работал с пикселями, слева направо по изображению на дисплее, казалось, пробегает дрожь. И хотя кое-какие изменения произошли, они не смогли сыграть значительной роли. Все же это было не то. Рой не мог различить черты лица человека.

В течение ближайших нескольких часов эта дрожь будет пробегать по изображению каждые шесть-десять секунд. Истинный эффект можно будет получить лишь через довольно большой промежуток времени.

Рой выехал из аллеи, оставив компьютер в рабочем состоянии так, что ему был виден экран.

Некоторое время он мотался вверх-вниз по холмам, время от времени останавливаясь на красный свет светофоров, пытаясь выбраться из сгустившейся темноты туда, где огни сгрудившихся особняков, не загороженных густыми деревьями, мерцали своим таинственным светом, намекая на загадочную и непонятную ему жизнь.

Время от времени он бросал взгляд на экран компьютера. Лицо, по которому все время пробегала дрожь. Повернутое вполборота к нему. Незнакомое и затененное.

Когда он наконец снова выехал на бульвар Сансет, а затем на улицу у подножия холмов Вествуда, туда, где располагалась его гостиница, он был рад снова оказаться среди людей, более похожих на него самого, чем среди тех, кто жил в роскошных особняках наверху. Здесь, внизу, люди знали и нужды, и страдания, и неуверенность в завтрашнем дне, это были люди, чью жизнь он мог улучшить, люди, которым он мог дать хоть толику справедливости и милосердия – тем или иным способом.

Лицо на экране все еще было призрачным, расплывчатым, возможно, зловещим. Это было лицо хаоса.

Этот человек, как и та неуловимая женщина, стояли на пути порядка, стабильности и справедливости. Возможно, это злой человек или же просто встревоженный и сбитый с толку. В конце концов, это не имеет значения.

– Я подарю тебе покой и мир, – пообещал Рой, глядя на медленно изменяющееся лицо на экране дисплея. – Я найду тебя и дам тебе покой и мир.

Глава 5

Под стук непрекращающегося дождя по крыше, под завывание ветра в роще, пока пес мирно спал, свернувшись в клубок на соседнем стуле, Спенсер попытался с помощью компьютера составить досье на Валери Кин.

В соответствии с данными отдела автотранспорта водительское удостоверение получено ею впервые, это не перерегистрация, и для того, чтобы его получить, она представила в качестве своего удостоверения личности карточку отдела социального обеспечения. Отдел автотранспорта произвел проверку и удостоверился, что ее имя и номер соответствуют тому, что занесено в файлы отдела социального обеспечения.

Это дало Спенсеру четыре отправные точки для того, чтобы отыскать Валери в других банках данных: он знал ее имя, дату рождения, номер водительского удостоверения, номер карточки социального обеспечения. Теперь не представляло труда узнать о ней больше.

В прошлом году он, употребив все свое терпение и искусство, постарался проникнуть во все организации, предоставляющие кредиты. Они были наиболее защищенными из всех. Теперь он опять внедрился в самые крупные из них в поисках Валери Кин.

Их файлы включали сорок две женщины с таким именем. В пятидесяти девяти случаях имя писалось как «Кийн» или «Киин», а в шестидесяти четырех – как «Кинь». Спенсер набрал номер ее карточки системы социального обеспечения, ожидая, что придется отсеять шестьдесят три – шестьдесят четыре номера, однако ни у кого номер карточки не совпадал с тем, что был занесен в данные отдела автотранспорта.

Нахмутив брови, он набрал дату и год рождения Валери, надеясь получить что-нибудь здесь. Из шестидесяти четырех Валери лишь одна родилась в указанные день и месяц, однако – на двадцать лет раньше.

Сидя рядом с похрапывающей собакой, он набрал номер водительского удостоверения девушки и стал ждать, пока система проверит всех Валери. Из тех, у кого были водительские удостоверения, пятеро получили их в Калифорнии, но ни один номер не совпадал с ее номером. Еще один тупик.

Зная, что при введении данных бывают ошибки, Спенсер проверил данные на всех калифорнийских Валери, пытаясь отыскать ту, у которой дата рождения отличалась от имеющейся у него на одну цифру. Он был уверен, что сможет обнаружить, где служащий просто ошибся, введя шесть вместо девяти или перепутав еще какие-нибудь цифры.

Ничего. Никаких ошибок. И судя по полученной по файлам информации, ни одна из этих женщин не могла быть той Валери, которая ему нужна.

Невероятно, но Валери Энн Кин, недавно работавшая в «Красной двери», отсутствовала в списках клиентов организаций, предоставляющих кредиты, очевидно, она никогда ничего не брала в кредит. Это было возможно лишь в том случае, если она никогда ничего не покупала в кредит, никогда не имела никаких кредитных карточек, никогда не открывала счет в банке и не брала там ссуд, ее никогда не проверяли на предмет ее кредитоспособности ни работодатели, ни хозяин квартиры.

Чтобы дожить в Америке в наше время до двадцати девяти лет, не имея дела ни с какими кредитуемыми организациями, надо быть цыганкой или безработным бродяжкой, по крайней мере, с подросткового возраста. Судя по всему, она никак не могла быть ни тем ни другим.

Хорошо. Надо подумать. Налет на дом означал, что за Валери охотится полиция – какой-то из ее отделов. Значит, надо искать среди данных на преступников.

Спенсер вернулся в компьютерную систему полицейского департамента Лос-Анджелеса и оттуда начал проверять все списки города, округа и штата на предмет присутствия в них Валери Энн Кин, выясняя, была ли она когда-либо под судом и следствием, обвинялась ли в каких-либо преступлениях.

Городская система ответила: «Отсутствует».

«Нет данных» – был ответ из округа.

«Не обнаружено» – ответ из штата.

Ничего, пусто, ноль.

Используя совместный банк данных лос-анджелесского полицейского департамента и департамента юстиции в Вашингтоне о лицах, обвиненных в совершении преступлений против государства, он также ничего не получил. Данных о ней не было и там.

В дополнение к десяти разыскиваемым преступникам ФБР, кроме того, разыскивало сотни людей, тем или иным образом причастных к расследованию преступлений – в качестве подозреваемых или возможных свидетелей. Спенсер проверил, имеется ли имя Валери в каком-нибудь из тех списков, но его и там не оказалось.

Это была женщина без прошлого.

Все же она совершила что-то, за что ее разыскивали. Причем с большим усердием.

* * *

Спенсер лег только где-то в начале второго ночи.

И хотя он здорово устал, а монотонный стук дождя звучал убаюкивающе, он не мог уснуть. Он лежал на спине, глядя то на темный потолок, то на кроны деревьев за окном, прислушиваясь к бессмысленному бормотанию порывистого ветра.

Вначале он не мог думать ни о чем, кроме этой женщины. Ее лицо. Ее глаза. Голос. Улыбка. Тайна, ее окружающая.

Затем его мысли перенеслись, как это часто происходило, в прошлое. Для него воспоминания были дорогой, ведущей лишь в одном направлении – к той летней ночи, когда ему было четырнадцать; когда темный мир стал еще темнее; когда все, что он знал, обернулось фальшью; когда умерла надежда, а его постоянным спутником стал страх перед судьбой; когда он проснулся от неумолкающего крика филина, чей невысказанный вопрос так и остался главным вопросом его жизни.

Рокки, обычно хорошо чувствующавший настроение хозяина, все продолжал беспокойно бродить по дому. Казалось, он не понимал, что Спенсер погружается в тихий ад не отпускающих его воспоминаний и нуждается в его обществе. Пес не отзывался, когда Спенсер позвал его.

В полумраке Рокки беспокойно ходил между открытой дверью спальни (там он останавливался, прислушиваясь к завыванию ветра в трубе) и окном (где, положив передние лапы на подоконник, он смотрел, как ветер клонит верхушки эвкалиптов в роще). Хотя он не выл и не ворчал, в нем чувствовалось какое-то беспокойство, как будто эта неуютная погода вызывала и в его памяти нежелательные воспоминания, от которых он также не мог заснуть и вернуть себе тот покой, что излучал, когда мирно спал на стуле в гостиной рядом со Спенсером.

– Эй, парень, – тихо проговорил Спенсер. – Подойди ко мне.

Но собака не обращала внимания на него и продолжала бродить по комнате тенью в ночной мгле.

Во вторник вечером Спенсер отправился в «Красную дверь», чтобы поговорить о том, что произошло июльской ночью шестнадцать лет назад. Вместо этого он встретил Валери Кин и, к своему собственному удивлению, заговорил совсем о другом. Однако тот далекий июль по-прежнему не давал ему покоя.

– Рокки, подойди сюда, – сказал Спенсер, похлопывая по матрасу.

Потребовалось немногим более минуты повторить подобное приглашение, прежде чем пес наконец забрался на кровать. Рокки положил кудлатую голову на грудь Спенсеру и сначала мелко дрожал, затем, под рукой хозяина, дрожь утихла. Одно ухо вверх, другое – вниз, он был готов внимательно выслушать историю, которую уже выслушивал бесчисленное количество раз вот в такие ночи, когда являлся единственным слушателем, а также вечерами, когда сопровождал Спенсера в пивные, где тот покупал выпивку незнакомым людям и те, благодаря алкоголю, слушали его.

– Мне было четырнадцать, – начал Спенсер. – Была середина июля, и ночь была жаркой и влажной. Я спал в своей кровати под одной простыней, а окно спальни было открыто. Я помню... мне снилась мама, которой не было в живых вот уже шесть лет, но я не могу вспомнить, что именно происходило в моем сне, помню только, что мне было хорошо, мне было тепло рядом с ней, я слышал ее ласковый мелодичный смех... У нее был потрясающий смех. Но меня разбудил совсем другой звук – он казался бесконечным, – такой глухой и зловещий. Я сел в кровати, ничего не понимая, еще не вполне проснувшись, но в общем, я не испугался. Я слышал, как кто-то спрашивал: «Кто?» снова и снова. Потом наступала пауза, молчание, потом вопрос повторялся опять: «Кто, кто, кто?» Ну конечно, когда я окончательно проснулся, то понял, что это всего лишь филин, усевшийся на крышу прямо над моим открытым окном...

Спенсер опять унесся мыслями к этой далекой июльской ночи, как астероид, попавший в мощное поле земного притяжения и обреченный на постепенное сближение с Землей, пока не столкнется с ней.

* * *

...Это был филин, усевшийся на крыше прямо над моим открытым окном и кричавший в ночи только по ему одному известным причинам. Во влажной тишине я встал и прошел в туалет в надежде на то, что, когда я вернусь, голодный филин учует запах мыши и снова приступит к охоте. Но и после того, как я вернулся в кровать, он, казалось, вполне довольный своим местом на крыше, продолжал пение, состоящее из единственного слова.

Наконец я подошел к открытому окну и осторожно отдернул занавески, стараясь не спугнуть птицу. Я высунулся наружу, повернув голову вверх, ожидая увидеть его когти, вцепившиеся в кровлю дома, но тут, прежде чем я успел крикнуть «Кыш», а филин свое «Ух», я услышал совсем другой крик. Этот новый звук пришел издалека – это был тонкий, печальный вскрик, в котором слышался невыразимый страх, и раздался он в летней ночной тишине. Я повернул голову в сторону сарая, находившегося метрах в двухстах от дома, посмотрел на залитые лунным светом поля, простиравшиеся за сараем, на поросшие лесами холмы на горизонте. Крик раздался снова, на сей раз он был короче, но более жалобный и поэтому более пронзительный.

Прожив всю свою жизнь в деревне, я знал, что в природе идет непрекращающаяся война и ведется она по самому жестокому на свете закону – закону естественного отбора, победителями в ней являются самые безжалостные. Довольно часто по ночам я слышал зловещие, вибрирующие крики койотов, преследующих добычу, а затем празднующих кровавую победу. Торжествующий рык, эхом разносившийся в ночи, как крик пумы, разорвавшей пойманного кролика, заставлял поверить в существование ада и предположить, что кто-то из грешников, пройдя туда, забыл закрыть за собой дверь.

Но звук, услышанный мной из окна, – он также заставил замолчать и филина на крыше – был криком не охотника, а жертвы. Кричал кто-то слабый, кому было больно и страшно. В полях и лесах множество слабых и робких существ беспрестанно погибает жестокой и ужасной смертью; об их страхе может знать только Господь Бог, который ведает о гибели каждого воробышка, но, похоже, это его не трогает.

И неожиданно ночь стала неправдоподобно тихой, неподвижной, как будто этот

далекий крик ужаса был на самом деле шумом двигателей вселенной, неожиданно остановившихся. Яркие точки звезд перестали мерцать, а луна казалась просто нарисованной на куске холста. А все детали окружающего пейзажа – деревья, кусты, летние цветы, холмы и далекие горы – представлялись хрустальными сине-голубыми силуэтами, хрупкими, как льдинки. И хотя воздух был теплым, я почувствовал, что околел.

Я тихо закрыл окно, отошел от него и опять лег в кровать. У меня тяжелели веки, я буквально не мог шевельнуться от усталости.

Но тут я понял, что пребываю в каком-то странном состоянии, что моя усталость скорее психологического, чем телесного свойства, что я не столько хочу спать, сколько хочу уснуть. Сон для меня был бы избавлением. От страха. Меня била дрожь, но не оттого, что я замерз. Воздух по-прежнему был очень теплым. Я дрожал от страха.

Страх перед чем? Я не мог понять причины своей тревоги.

Я знал, что звук, услышанный мной, не был голосом животного. Он так и звучал в моем мозгу, леденящий, напоминавший что-то слышанное мною очень давно, но я не мог вспомнить, когда, где и что же подобное я слышал. Чем больше я думал об этом жалобном крике, тем сильнее билось мое сердце.

Мне безумно хотелось заснуть, забыть об этом крике, об этой ночи, о филине и о его вопросе, но я знал, что не смогу уснуть.

Я сел и быстро натянул джинсы. Теперь, когда я решил действовать, мне уже больше не хотелось ни спать, ни забыться. Даже наоборот, меня охватило какое-то лихорадочное стремление что-то делать, не менее непонятное, чем недавнее желание забыть обо всем. Я выскочил из комнаты босиком, без рубашки, влекомый невероятным любопытством, жаждой ночных приключений, которая возникает у всех мальчишек, а также ужасной тайной, которую знал, еще сам не осознавая это.

За дверью моей комнаты воздух был прохладным, поскольку во всех других помещениях стояли кондиционеры. В течение нескольких лет я отключал кондиционер у себя, предпочитая свежий воздух, даже в такие душные июльские ночи... а также потому, что в течение нескольких лет не мог уснуть от шипения и шума холодного воздуха, проходящего через решетку радиатора. Мне все время казалось, что этот тихий непрекращающийся звук заглушит другой шум в ночи, который я должен буду услышать, чтобы не погибнуть. Я и представления не имел, что это за звук. Это были обычные беспочвенные детские страхи, и я их стыдился. Однако из-за них мой сон был чуток.

Верхний коридор освещался луной, заглядывавшей в два верхних окошка. От ее света мягко блестел лакированный сосновый пол. Посередине коридора лежала узорчатая дорожка, ее причудливый узор и прихотливые завитушки поглощали лунный свет и тускло вырисовывались в нем. Под моими ногами были сотни бледных светлячков, мне даже казалось, что они не только на поверхности, но и глубже, как будто я шел не по ковру, а, как Христос, по воде и смотрел вниз, на таинственную жизнь глубин.

Я прошел мимо комнаты отца. Дверь была закрыта.

Я дошел до лестницы и остановился.

В доме стояла тишина.

Я спустился по ступеням, весь дрожа, обхватив себя руками и не понимая причины своего непонятного страха. Возможно, даже в ту минуту я в глубине души уж чувствовал, что спускаюсь туда, откуда больше никогда не смогу окончательно вернуться...

* * *

Спенсер продолжал рассказывать своему исповеднику-псу историю о той далекой ночи, о потайной двери, о тайнике, о том, как колотилось от ночного кошмара сердце. Снова прослеживая шаг за шагом путь, пройденный босыми ногами, все происшедшее тогда, он перешел на шепот.

Закончив, он пребывал в том блаженном состоянии, которое, он знал, прекратится с

наступлением рассвета; но оттого, что это чувство столь кратко и столь хрупко, оно было еще приятнее. Облегчив душу, он смог наконец закрыть глаза, чувствуя, что проваливается в глубокий, без сновидений, сон.

Утром он возобновит поиски этой женщины.

У него было какое-то тревожное чувство, что он на пороге настоящего ада, не лучше того, о котором так часто рассказывал своему терпеливому псу. Но он ничего не мог с собой поделать. Перед ним был только один путь, и он обязан был пройти его.

А пока – спать.

Дождь омывал мир, и этот шелест казался очищающим, хотя некоторые пятна отмыть невозможно никогда.

Глава 6

Утром Спенсер обнаружил на руках и лице несколько небольших синяков и красных пятен – следы разрыва пластиковой гранаты. По сравнению со шрамом даже и говорить не о чем.

На завтрак он приготовил оладьи и ел их, запивая кофе, за своим рабочим столом, подключившись к компьютерной системе налоговой службы округа. Он выяснил, что дом в Санта-Монике, где еще день назад проживала Валери Энн Кин, принадлежит Семейному фонду Луиса и Мей Ли. Счета отправлялись на адрес «Китайской мечты» в западном Голливуде.

Из любопытства он затребовал список и других владений, являющихся собственностью Фонда. Их было четырнадцать: еще четыре дома в Санта-Монике, два восьмиквартирных дома в Вествуде, три особнячка в Бель-Эр, четыре сдаваемых внаем, расположенных на одном участке здания, включая «Китайскую мечту».

Луис и Мей Ли неплохо устроились.

Выключив компьютер, Спенсер, допивая свой кофе, еще долго глядел на погасший экран. Кофе был горький. Но он все равно выпил его.

В десять часов они с Рокки направлялись на юг по Тихоокеанской автостраде. Спенсера беспрерывно обгоняли пронесившиеся мимо машины, но он соблюдал скоростной режим.

Гроза за ночь передвинулась к востоку, унеся с собой все тучи. Бледное солнце высвечивало четкие очертания гор, казавшиеся при этом утреннем свете острыми как бритва. Океан был темным, зеленовато-серого цвета.

Спенсер включил радио и настроился на программу новостей. Он надеялся услышать что-нибудь о рейде отряда специального назначения, чтобы, по крайней мере, выяснить, кто же все-таки стоит за всем этим и почему им понадобилась Валери.

Диктор сообщил, что опять возросли налоги. В экономике наблюдается резкий спад. Правительство ввело еще более жесткие ограничения на право владения оружием, а также на показ по телевидению сцен насилия. Грабежи, изнасилования и убийства достигли невероятного размаха. Китайцы обвиняют нас в том, что мы являемся обладателями «смертоносных лазерных лучей, установленных на космических объектах», а мы обвиняем их в том же самом. Кто-то верит, что мир погибнет в огне, другие говорят, что мир покроется слоем льда, и обе стороны выступают в Конгрессе со своими программами, нацеленными на то, чтобы спасти человечество.

Теперь он слушал репортаж о собачьей выставке, подвергшейся пикетированию со стороны противников подобных шоу, требовавших прекратить селекционный отбор и «положить конец эксплуатации животных, которых выставляют для всеобщего обозрения, поскольку это ничем не лучше, чем омерзительные выступления стриптизерш в стриптиз-барах». Тут он понял, что сообщения о налете на дом в Санта-Монике не будет. Ведь операции отрядов особого назначения получают освещение среди новостей гораздо раньше, чем декларации о неприличии демонстраций собачьих прелестей.

Или средства массовой информации не видят ничего интересного в нападении на

частный дом вооруженного автоматами отряда, или же организация, проводившая операцию, сделала все возможное, чтобы запутать прессу. То, что обычно бывало публичным спектаклем, прошло как скрытая и секретная операция.

Он выключил радио и выехал на шоссе, ведущее к Санта-Монике. Где-то на востоке, вернее, северо-востоке, его ожидала «Китайская мечта».

Он сказал Рокки:

– И что ты думаешь об этих собачьих делах? – Рокки с любопытством посмотрел на него. – Ты же все-таки пес и должен иметь свое мнение. Ведь это твоих родичей эксплуатируют.

Но либо Рокки был чрезвычайно осторожен в выражении своей позиции, либо же, будучи простой, малообразованной, неинтеллигентной дворнягой, не имел определенной позиции по самой серьезной проблеме современности, касавшейся его соплеменников.

– Мне было бы неприятно думать, – сказал Спенсер, – что ты – деклассированная личность, что-то вроде млекопитающего люмпена, которого не волнуют вопросы эксплуатации. – Но Рокки по-прежнему внимательно смотрел на дорогу. – Разве тебя не волнует, что чистопородным дамам запрещено любить дворняг вроде тебя, что они вынуждены отдаваться лишь чистопородным самцам? Только для того, чтобы их щенков ждала жалкая участь участников подобных выставок? – Псина стукнула хвостом по дверце машины. – Хороший пес. – Спенсер вел машину левой рукой, а правой потрепал Рокки по спине. Собака с радостью приняла ласку. Хвост так и заходил. – Хороший пес, ласковый пес. Тебе даже не кажется странным, что хозяин разговаривает сам с собой.

Они свернули с шоссе на бульвар Робертсон и двигались в направлении легендарных холмов.

После ночного дождя и ветра огромный город был светел и чист, так же как и побережье, вдоль которого они только что ехали. Пальмы, фикусы, магнолии и еще какие-то деревья с красными цветами были покрыты такой сияющей зеленью, как будто их только что протерли и почистили – каждую веточку, каждый листочек. Улицы были чисто вымыты, стекла высоких зданий сверкали на солнце, в пронзительно синем небе носились птицы, и так хотелось думать, что в этом мире все прекрасно и благополучно.

* * *

Утром в четверг, пока другие агенты с помощью различных подразделений правопорядка разыскивали девятилетний «Понтиак», зарегистрированный на имя Валери Кин, Рой Миро занялся определением личности человека, которого чуть было не схватили во время налета прошлой ночью. Из своей гостиницы в Вествуде он отправился в самый центр Лос-Анджелеса, в Главное калифорнийское управление его организации.

В центре города лишь банки могли соперничать величиной занимаемых зданий со всевозможными административными учреждениями самого разного уровня – от района до штата. В обеденное время разговоры в ресторанах и кафе в основном крутились вокруг денег, больших денег, независимо от того, работали посетители в управленческой или финансовой организации.

В этом процветающем районе организация Роя занимала красивое десятиэтажное здание на одной из самых фешенебельных улиц, рядом с городской ратушей. Банкиры, политики, чиновники и проспиртованные пьянчужки бродили по этим тротуарам, соблюдая взаимную вежливость, за исключением тех случаев, когда вдруг кто-нибудь из них неожиданно дергался, выкрикивал какое-то нечленораздельное ругательство и всаживал нож в одного из своих собратьев, населяющих Город ангелов. Владельцу ножа (или пистолета, или кастета), как правило, мерещились преследования со стороны инопланетян или ЦРУ, и чаще всего он оказывался опустившимся алкашом, нежели банкиром, политиком или чиновником.

Хотя лишь полгода назад один банкир, человек среднего возраста, устроил побоище с

помощью своего пистолета десятимиллиметрового калибра. Этот эпизод привел в полное смятение уличных бродяг, которые стали с большей опаской относиться к «пиджакам», с которыми им приходилось делить тротуары.

На здании Управления, облицованном известняком, между огромными пространствами стекол, затемненных как очки какой-нибудь кинозвезды, не было таблички с названием организации. Люди, с которыми работал Рой, не искали себе славы, они предпочитали действовать незаметно. Кроме того, официально этой организации не существовало, она финансировалась весьма хитрыми путями через другие организации, также находившиеся в ведении министерства юстиции, и у нее не было названия.

Над главным подъездом виднелись сверкающие медью название улицы и номер дома. Под цифрами также медными буквами были выложены четыре имени:

КАРВЕР, ГАНМАНН, ГАРРОТЕ и ХЕМЛОК¹

Если бы какой-нибудь прохожий задался вопросом, что же разместилось в здании, то он, скорее всего, подумал бы о какой-то совместной юридической или бухгалтерской фирме. Ну а спроси он у привратника, тот ответит, что это «международная компания по управлению недвижимостью».

Рой въехал по пандусу в подземный гараж. В самом низу въезд преграждали железные ворота.

Его пропустили не потому, что он показал пропуск вахтеру, и не потому, что просунул магнитную карточку в соответствующее отверстие. Вместо этого он посмотрел прямо в объектив видеокамеры с большой разрешающей способностью, установленной на столбике сантиметрах в семидесяти от окна его машины, и стал ждать, пока его узнают.

Его портрет был воспроизведен на экране в одной из плотно закрытых комнат в подвале, где не было окон. Там, как знал Рой, охранник за дисплеем будет следить, как от его лица на экране останутся только глаза, они будут увеличены, и тогда неумолимая камера с высокой разрешающей способностью просканирует структуру его сетчатки и расположение сосудов в ней и сравнит это изображение с хранившимся в файле машины, а затем признает Роя как одного из немногих избранных.

Вахтер нажал на кнопку, и ворота поднялись вверх.

Вся эта процедура вполне могла бы пройти и без вахтера, однако необходимо было исключить одну опасность. Если какому-нибудь агенту понадобится проникнуть в Управление, то он может убить Роя, вынуть его глаза и предъявить их для сканирования. И если компьютер и можно иногда обмануть, то вахтер сразу же заметит непорядок.

Конечно, трудно было предполагать, что кому-нибудь придет в голову пойти на такую крайность, чтобы проникнуть в это секретное заведение. Но все же возможность такая была. В наше время полной распушенности нравов всего можно было ожидать.

Рой въехал в подземный гараж. Когда он поставил машину, ворота уже снова с лязгом закрылись. Все опасности Лос-Анджелеса, которые невозможно было предвидеть, остались по ту сторону железной заслонки.

Гулкий звук его шагов по бетонному полу отзывался эхом под низким потолком, и Рой знал, что вахтер в подвале тоже все слышит. Гараж не только находился под наблюдением видеокамер, но также и прослушивался.

Чтобы попасть в скоростной лифт, необходимо было прижать большой палец правой руки к стеклянному окошку печатного сканера. Сюда тоже была устремлена видеокамера, установленная над дверью лифта так, чтобы находящийся в отдалении вахтер мог помешать войти тому, кто использует чей-либо отрубленный палец.

И как ни умны машины, все же без человека было не обойтись. Иногда эта мысль радовала Роя, а иногда, наоборот, огорчала, хотя он и сам не понимал почему.

Он поднялся на четвертый этаж, на котором располагались отдел изучения документов, отдел изучения фотографий и отдел изучения веществ.

В лаборатории отдела изучения фотографий два молодых человека и женщина средних

¹ Потрошитель, Стрелок, Душитель и Отравитель (англ.).

лет работали над каким-то секретным материалом. Они все ему улыгнулись и пожелали доброго утра, поскольку физиономия Роя располагала к доброжелательности и всегда вызывала приветливые улыбки.

Мелисса Виклун, их главный фотоэксперт, сидела за столом в своем кабинете в углу лаборатории. Здесь не было окон, однако сквозь две стеклянные перегородки она могла наблюдать за своими подчиненными в другой комнате.

Когда Рой постучал в стеклянную дверь, она подняла глаза от разложенных перед ней бумаг:

– Входи.

Мелисса, блондинка лет тридцати с большим гаком, была одновременно и феей и ведьмой. Казалось, ее огромные зеленые глаза смотрят на мир с наивностью и простодушием, однако было в них что-то и непонятно-загадочное. Дерзкий вздернутый носик соседствовал с чувственным, невероятно соблазнительным ртом. У нее были высокая полная грудь, тонкая талия и длинные ноги – однако она предпочитала скрывать свои достоинства под просторными блузами, белым лабораторным халатом и мешковатыми бумажными брюками. И стоптанные туфли несомненно скрывали такие изящные и красивые ножки, что Рой мог бы часами целовать их.

Он никогда не пробовал за ней ухаживать, потому что она была чрезвычайно сдержанной и деловой, и, как ему казалось, смахивала на лесбиянку. Он не имел ничего против лесбиянок. Живи и жить давай другим. Но, с другой стороны, он боялся проявить к ней интерес и быть отвергнутым.

– Доброе утро, Рой, – весело сказала Мелисса.

– Как ты тут жила? Боже милостивый, ты же знаешь, что меня не было в Лос-Анджелесе, и мы не виделись с...

– Я только что изучала это досье. – Сразу за дело. Ее никогда не интересовала пустая болтовня. – Мы закончили работу над снимком.

Когда Мелисса говорила, Рой терялся, не зная, смотреть на ее глаза или на губы. У нее был прямой, несколько даже вызывающий взгляд, что ему нравилось. Но у нее были такие мягкие, сочные губы!

Она пододвинула ему фотографию.

Рой отвел взгляд от ее рта.

Фотография была значительно лучше прежней – это был цветной, довольно разборчивый вариант того, что он видел на экране своего дисплея накануне вечером, – профиль мужчины крупным планом. Лицо несколько затемнено, однако вполне различимо. Помехи, вызванные дождем, были полностью убраны.

– Отлично сработано, – сказал Рой. – Однако еще недостаточно для того, чтобы мы могли определить, кто это.

– Ну почему же, мы можем довольно много сообщить о нем, – сказала Мелисса. – Ему где-то между двадцатью восемью и тридцатью двумя.

– Как ты узнала?

– Компьютерный анализ линий кожи в углах глаз, количества седины в волосах, примерный уровень мышечного тонуса в мускулах лица и шеи.

– Довольно много, если учесть, что имеется так мало...

– Ничего подобного, – перебила она его. – Наши приборы могут действовать и производить анализ материала при информационной биологической базе в десять мегабайтов, и на результаты вполне можно положиться.

То, как двигались ее губы, произнося «при информационной биологической базе в десять мегабайтов», привело его в совершеннейший восторг. Нет, рот у нее был положительно лучше глаз. Само совершенство. Он откашлялся.

– И мы имеем...

– Шатен, карие глаза.

Рой нахмурился:

– Ну, что касается цвета волос, то понятно, а как ты можешь определить по этому снимку цвет глаз?

Мелисса встала со стула и, взяв у него снимок, положила на стол. Кончиком карандаша она показала на краешек глаза, видный при этом повороте головы.

– Он не смотрит в камеру, так что если ты или я будем изучать снимок под микроскопом, мы все равно не сможем увидеть его радужную оболочку, чтобы определить цвет. Но даже и при таком ракурсе компьютер смог определить несколько цветовых пикселей.

– Значит, у него карие глаза.

– Темно-карие. – Она положила карандаш и уперлась кулачком в бедро, нежная, как цветок, и решительная, как генерал перед сражением. – Очень темные, почти черные. – Рою нравился ее убежденный тон, непоколебимая твердость, с которой она говорила. И еще эти губы. – На основе сравнительного анализа других предметов на снимке, проведенного с помощью компьютера, его рост примерно сто восемьдесят сантиметров. – Она говорила четко и быстро, так что слова вылетали из ее рта отрывисто и энергично, как пулеметная очередь. – Весит он восемьдесят килограммов – плюс-минус два. Он белый, чисто выбрит, в хорошей физической форме, недавно стригся.

– Еще что-нибудь?

Мелисса вытащила из папки еще одну фотографию.

– Вот его изображение. В фас.

Рой с удивлением воззрился на нее:

– Я и не знал, что у нас есть и такой снимок.

– У нас его и не было, – сказала она, с видимой гордостью разглядывая фотографию. – Собственно, это даже не снимок. Это создание компьютера, восстановившее его предполагаемое изображение в фас на основе структуры костей черепа и расположения жировых отложений, о которых сообщили снимки в профиль.

– И машина способна на такое?

– Это недавнее введение в наши программы.

– Оно заслуживает доверия?

– Учитывая качество снимка и ракурс, с которым пришлось иметь дело компьютеру, существует вероятность того, что снимок соответствует реальному изображению процента на девяносто четыре по ста девяносто параметрам, – заверила она Роя.

– Думаю, что это даже лучше, чем обычный полицейский фоторобот, – сказал он.

– Несомненно. – Через секунду она спросила: – Что-нибудь не так?

Она уже смотрела не на снимок, а прямо на него, а он, оказывается, не сводил глаз с ее губ.

– Да, – сказал он, глядя на фотографию таинственного незнакомца. – Не могу понять, что это... что это за линия на правой щеке?

– Шрам.

– Нет, серьезно? Ты уверена? Прямо от уха до середины подбородка?

– Глубокий большой шрам, – сказала она, выдвигая ящик стола. – Давно зарубцевавшийся – ткань в основном гладкая, лишь сморщена в нескольких местах у краев.

Рой взглянул на снимок в профиль и увидел, что часть шрама была видна и на нем, хотя он сразу и не понял, что это.

– Я думал, просто тень так падает на лицо.

– Нет.

– Точно?

– Да. Это шрам, – уверенно произнесла Мелисса и вытащила из раскрытого ящика бумажную салфетку.

– Это же отлично. Теперь его гораздо легче будет найти. Похоже, что этот парень проходил специальную подготовку – в армии или какой-нибудь военизированной организации, а если у него такой шрам, то он, скорее всего, получил его во время какой-нибудь операции. Видно, его здорово ранило. Может быть, даже настолько сильно, что ему

пришлось оставить службу, если не по состоянию физического здоровья, то из-за психической травмы.

– Архивы полиции и армии хранятся вечно.

– Вот именно. Мы найдем его через пару дней, даже еще быстрее. – Рой поднял глаза от снимка. – Спасибо, Мелисса.

Она вытирала рот салфеткой. Она могла не бояться размазать губную помаду, поскольку ею не пользовалась. Помада ей была не нужна. Она не могла сделать Мелиссу лучше.

Рой с восторгом смотрел, как полные, мягкие губы прижимаются к мягкой салфетке.

Он поймал себя на том, что опять уставился на нее и что она видит это. Он посмотрел ей в глаза.

Мелисса чуть покраснела и, отвернувшись, бросила смятую салфетку в мусорную корзину.

– Я могу это взять? – спросил он, указывая на портрет, сделанный компьютером.

Она протянула ему плотный конверт и сказала:

– Я положила сюда пять копий и еще две дискеты с портретом.

– Спасибо огромное, Мелисса.

– Всегда рада.

Нежный румянец еще не сошел с ее лица.

Рой почувствовал, что ему впервые удалось пробить ее холодный панцирь деловой женщины и войти в контакт, хотя и очень слабый, с истинной Мелиссой, натурой ранимой и тонкой, тщательно скрывавшей свои слабости. Он подумал, не стоит ли назначить ей свидание.

Он повернул голову и глянул сквозь стеклянные перегородки на работников компьютерной лаборатории, совершенно убежденный в том, что они улавливают эротические флюиды, которые всюду гуляют в кабинете их начальницы. Однако, казалось, все сотрудники поглощены своими делами.

Повернувшись снова к Мелиссе Виклун, чтобы пригласить ее на ужин, он увидел, что она тихонько трогает кончиком пальца уголок рта. Заметив его взгляд, она кашлянула и сделала вид, что от этого прикрывает рот рукой.

Рой разочарованно подумал, что эта женщина неправильно истолковала его взгляд. Она, по всей видимости, решила, что его внимание привлекла прилипшая к губам крошка или другой след утреннего завтрака, оставшийся на лице.

Она не заметила его влечения. Если она действительно лесбиянка, то считает, что Рой знает об этом и не может проявлять к ней интереса. Если же она не лесбиянка, то, возможно, просто не испытывает интереса к такому, как он, а возможно, и не представляет себя способной вызвать интерес у мужчины с круглыми щеками, мягким подбородком и намечающимся брюшком. Он и раньше встречался с этим предрассудком – судить по внешности. Многие женщины, одурманенные культурой потребительского общества с его ложными ценностями, интересовались лишь мужчинами типа Кэвина Клейна или таких, что рекламируют «Мальборо». Им не понять, что мужчина с добродушной и веселой физиономией любимого дядюшки может быть более добрым и умным, более чутким и искусным в любви, чем какой-нибудь громила, все свободное время проводящий в спортивном зале. Как жаль, что и Мелисса, возможно, такая же недалекая. Как это печально. Очень печально.

– Еще что-нибудь? – спросила она.

– Нет, все отлично. Мне этого хватит. С этим мы его быстро словим.

Она кивнула.

– А теперь хочу зайти в дактилоскопическую лабораторию, узнаю, что им удалось получить с этого окошка в ванной.

– Да, конечно, – неуверенно произнесла она.

Он бросил последний взгляд на ее *совершенный* рот, вздохнул и сказал:

– Ну, до встречи.

Выйдя из ее кабинета, закрыв дверь и пройдя длинную комнату лаборатории почти до конца, он обернулся в надежде, что она с тоской смотрит ему вслед. Однако она сидела за столом и изучала свое лицо в зеркальце пудреницы.

* * *

Ресторан «Китайская мечта» располагался в западном Голливуде, в причудливом трехэтажном кирпичном здании среди шикарных магазинов. Спенсер направился туда, оставив машину за квартал от ресторана и как обычно, закрыв в кабине Рокки.

Был приятный теплый день. Дул мягкий ветерок. Это был один из тех дней, когда кажется, что все-таки стоит жить и стоит бороться за жизнь.

Ресторан еще не принимал посетителей, однако дверь была не заперта, и Спенсер вошел.

«Китайская мечта» не был похож на обычный китайский ресторан с присущей ему атрибутикой: драконами, фонариками, иероглифами на стенах. Это был почти ничем не украшенный современный зал, отделанный в жемчужно-сером и черном тонах, с белоснежными скатертями на тридцати или сорока столиках. Единственным китайским предметом здесь была вырезанная из дерева в полный человеческий рост статуя женщины в национальном костюме с добрым лицом, державшей в руках какой-то предмет, напоминающий перевернутую бутылку. Она стояла у самой двери.

Два китайца лет двадцати с небольшим раскладывали приборы и расставляли бокалы. Третий китаец, лет на десять старше, быстро сворачивал накрахмаленные салфетки каким-то причудливым образом. Его руки, действовали с ловкостью жонглера. На всех троих были черные ботинки, черные брюки, черные рубашки и черные галстуки.

Старший из них с улыбкой подошел к Спенсеру.

– Простите, сэр. Но мы открываемся лишь в половине двенадцатого.

У него был мягкий голос, и говорил он почти без акцента.

– Я пришел поговорить с Луисом Ли, если это возможно, – сказал Спенсер.

– Вы с ним договорились о встрече, сэр?

– Нет.

– Вы не могли бы сказать, что именно собираетесь обсудить с ним?

– Мне бы хотелось поговорить об одном из жильцов дома, которым он владеет.

Тот кивнул:

– Если не ошибаюсь, о Валери Кин?

Мягкий вкрадчивый голос, безупречная вежливость должны были производить впечатление человека смиренного и робкого, и через эту завесу было нелегко угадать, что специалист по салфеткам был человеком чрезвычайно умным и наблюдательным.

– Да, – сказал Спенсер. – Меня зовут Спенсер Грант. Я... я друг Валери. Я очень за нее волнуюсь.

Из кармана брюк китаец достал предмет размером с карточную колоду, хотя и потоньше ее. Так он выглядел в сложенном состоянии, но через мгновение Спенсер увидел, что это совсем крохотный радиотелефон. Он еще никогда в жизни не видел таких маленьких.

Заметив любопытство Спенсера, человек произнес:

– Сделан в Корее.

– Прямо как у Джеймса Бонда.

– Мистер Ли только начал их импортировать.

– Я думал, он занимается ресторанами.

– Да, сэр. Но он занимается многими вещами. – Специалист по салфеткам нажал на одну кнопку и подождал, пока включится связь с занесенным в программу номером. Спенсер был удивлен тем, что разговор происходил не на английском или китайском, а на французском языке.

Затем, сложив телефон и убирая его в карман, метрдотель сказал:

– Мистер Ли примет вас. Сюда, пожалуйста.

Спенсер прошел за ним мимо столов в дальний конец зала и прошел сквозь вращающуюся дверь с круглым окошком посередине. Тут его обступили аппетитнейшие ароматы – чеснока, жареного лука, имбиря, разогретого арахисового масла, грибного супа, жареной утки, миндальной эссенции.

В огромной, безупречно чистой кухне было множество жарочных шкафов, плит, сковородок, котлов, сотейников, столов для подогрева пищи, моек и разделочного оборудования. В основном все было сделано из нержавеющей стали, сверкавшей на фоне белых облицовочных плиток. Не менее дюжины поваров и их помощников, одетых в белое с ног до головы, колдовали над различными блюдами.

Все было отлажено и отрегулировано и работало, как дорогие старинные швейцарские часы с танцующими балеринами, марширующими солдатами, скачущими деревянными лошадками. Так и слышалось: «Тик-так, тик-так».

Спенсер прошел за своим проводником еще через одну крутящуюся дверь и оказался в коридоре, где они миновали многочисленные кладовки, комнату отдыха для служащих и оказались около лифта. Он думал, что они поедут наверх. Но они в полном молчании спустились на один этаж. Когда дверь отворилась, его сопровождающий сделал ему знак выйти первым.

В подвальном помещении не было ни темно, ни мрачно. В отделанном панелями из красного дерева холле стояли несколько красивых, обитых велюром кресел. За столом секретаря сидел мужчина – китаец, совершенно лысый, более ста восьмидесяти сантиметров роста, с широкими плечами и мощной шеей. Он что-то энергично печатал на компьютере. Повернувшись к вошедшим, он улыбнулся, под тесноватым пиджаком явственно проступал пистолет в кобуре под мышкой.

Он сказал:

– Доброе утро.

Спенсер ответил на приветствие.

– Можно войти? – спросил провожатый Спенсера.

Лысый кивнул:

– Да, все в порядке.

Когда они подошли к двери, электрический замок щелкнул, открытый секретарем с помощью дистанционного управления.

Лысый опять вернулся к прерванному занятию. Его пальцы так и бегали по клавишам. Если он владеет пистолетом так же искусно, как и компьютером, то с ним опасно иметь дело.

Выйдя из холла, они оказались в коридоре с белыми стенами и серым виниловым покрытием на полу. По обеим сторонам через открытые двери кабинетов без окон Спенсер видел мужчин и женщин – многие, но не все, были китайцами или вьетнамцами, они работали за письменными столами, компьютерами, у картотек, как и обычные служащие в обычном мире.

Дверь в конце коридора вела в кабинет Луиса Ли, и там Спенсера ждал очередной сюрприз. Пол из итальянского известняка. Великолепный персидский ковер в серых, сиреневых и зеленых тонах. Стены увешаны гобеленами. Французская мебель начала девятнадцатого века с тончайшей инкрустацией и позолотой. Книги в кожаных переплетах за стеклянными дверцами шкафов. Большая комната уютно освещена настольными лампами и торшерами, на некоторых – шелковые абажуры или плафоны из дутого цветного стекла. Спенсер был убежден, что все вещи подлинные.

– Мистер Ли, это мистер Грант, – сказал его спутник.

Человеку, вышедшему из-за искусно отделанного стола, было лет пятьдесят с небольшим, он был худощав, ста семидесяти сантиметров роста. Его густые иссиня-черные волосы начали седеть на висках. На нем были черные открытые туфли, темно-синие брюки с подтяжками, белая рубашка и галстук-бабочка синего цвета в мелкий красный горошек, а также очки в роговой оправе.

– Рад вас видеть, мистер Грант. – У него был приятный акцент, то ли европейский, то ли китайский. Рука была небольшая, но рукопожатие сильное.

– Спасибо, что согласились принять меня, – сказал Спенсер, чувствуя себя несколько сбитым с толку, как Алиса, ринувшаяся за кроликом и оказавшаяся в мягко освещенной шелковой норе.

У Ли были антрацитово-черные глаза. Он устремил на Спенсера взгляд, который словно проникал тому прямо под кожу, как скальпель.

Спутник Спенсера, которого он считал метрдотелем, теперь стоял сбоку от двери, держа руки за спиной. Он не вырос за это время, однако теперь он казался таким же крупным, как и лысый телохранитель.

Луис Ли пригласил Спенсера сесть в одно из кресел возле стола. Стоявший рядом торшер под шелковым абажуром отбрасывал пятна света синего, зеленого и красного оттенков.

Ли сел напротив Спенсера, держась очень прямо. В своих очках, подтяжках, галстук-бабочке, с рядами книг за спиной он был больше похож на профессора-филолога в своем домашнем кабинете где-нибудь в домике неподалеку от Йеля или близ еще какого-нибудь престижного университета.

Он держался сдержанно, но дружелюбно.

– Так, значит, вы – друг мисс Кин? Может быть, вы учились вместе? В школе? В колледже?

– Нет, сэр. Я не так давно знаком с ней. Я познакомился с ней там, где она работает. Так что я ее недавний знакомый. Но она мне очень дорога, и... я очень боюсь, чтобы что-нибудь с ней не случилось.

– Почему вы решили, что с ней должно что-то случиться?

– Не знаю. Но я уверен, что вам известно о налете отряда специального назначения на ваш дом прошлой ночью; на тот, который она у вас снимала.

Ли помолчал с минуту. Затем сказал:

– Да, вчера вечером приходили и ко мне домой, после этого налета. Спрашивали о ней.

– Мистер Ли, те, кто приходил... кто они?

– Их было трое. Заявили, что они из ФБР.

– Что значит «заявили»?

– Они показали мне удостоверения, но говорили неправду.

Нахмурившись, Спенсер спросил:

– Почему вы так думаете?

– За свою жизнь я не раз сталкивался с ложью и предательством, – сказал Ли. В его словах не было озлобленности или горечи. – Так что у меня прекрасное чутье на вещи такого рода. – Спенсер не знал, предупреждение это или действительно только объяснение. Однако, как бы там ни было, он понимал, что перед ним не обычный предприниматель. – И если они не являются представителями правительственных органов...

– Да нет, я уверен, что они из правительственной организации, просто думаю, что они действуют под прикрытием ФБР.

– Да, но если они из другого учреждения, почему бы им не показать свои истинные удостоверения? – Ли пожал плечами. – Несчастные агенты, действующие без ведома своих организаций и надеющиеся конфисковать доход от торговли наркотиками в свой карман, например, имеют все основания действовать по подложным документам.

Спенсер знал, что такие вещи случаются.

– Но я не... я *просто не могу* поверить, что Валери была связана с торговлей наркотиками.

– Я убежден, что это не так. Если бы я сомневался, то не стал бы сдавать ей дом. Эти люди – мерзавцы: развращают детей, губят человеческие жизни. Кроме того, хотя мисс Кин и вносила плату за проживание наличными, она в деньгах не купалась. И она работала с утра до вечера.

– Так если это не мошенники из Агентства по борьбе с наркотиками, действующие в своих собственных корыстных интересах и набивающие карманы деньгами от продажи кокаина, и если они не агенты ФБР – то кто же они?

Луис Ли переменял позу, но сидел так же прямо, он чуть поднял голову, блики от разноцветного абажура падали на стекла его очков, отчего глаза его стали невидимыми.

– Иногда правительству – или какой-нибудь правительственной организации – надоедает играть по правилам. Имея в своем распоряжении колоссальные денежные средства и неэффективную систему учета, над которой бы посмеялся любой уважающий себя предприниматель, они получают возможность образовывать тайные учреждения для достижения целей, которых нельзя добиться с помощью легальных средств.

– Мистер Ли, а вы не читались шпионских романов?

Ли чуть улыбнулся:

– Я ими не интересуюсь.

– Простите меня, сэр, но то, что вы говорите, похоже на бред.

– Я опираюсь на собственный опыт.

– Значит, у вас была более интересная жизнь, чем это может показаться с первого взгляда.

– Да, – сказал Ли, но не стал вдаваться в подробности. После некоторого молчания, глядя на Спенсера невидимыми из-за отражающих свет стекол глазами, он продолжил: – Чем больше правительство, тем больше вероятность того, что оно содержит подобные организации: и совсем небольшие, и другого рода. А у нас, мистер Грант, очень большое правительство.

– Да, но...

– Прямые и косвенные налоги заставляют простого гражданина работать с января до середины июля на содержание этого правительства. И только потом уже можно работать непосредственно на себя.

– Я тоже слышал об этих расчетах.

– Когда правительство так разрастается, оно нагнет.

Луис Ли не был похож на душевнобольного. В его голосе не было ни злобы, ни горечи. И хотя он окружил себя чрезвычайно изысканными и дорогими вещами, в нем чувствовалась простота, свойственная последователям дзэн-буддизма, а также типично азиатское философское отношение к жизни. Он был скорее прагматик, нежели борец за идею.

– И враги мисс Кин – мои враги тоже, мистер Грант.

– И мои.

– И однако я не собираюсь подставляться, как это делаете вы. Вчера вечером я не стал выражать сомнений в подлинности их удостоверений, когда они представились как агенты ФБР. Это было бы неразумно. Я не смог им помочь, но я очень *старался*. Вы меня понимаете?

Спенсер вздохнул и обмяк в своем кресле.

Ли подался вперед, его пронзительные черные глаза опять стали видимыми, поскольку на них не падал свет лампы. Он спросил:

– Это вы приходили в ее дом вчера вечером?

Спенсер удивился:

– Откуда вы знаете, что я там был?

– Они интересовались человеком, с которым она, возможно, живет. Ваш рост, вес. Можно спросить, что вы там делали?

– Она опоздала на работу. Я очень волновался. Я пошел к ней, чтобы посмотреть, не случилось ли чего.

– Вы тоже работаете в «Красной двери»?

– Нет. Я просто ждал ее там. – Больше он ничего говорить не хотел. Остальное было бы слишком трудно объяснить – да и как-то неловко. – А не знаете ли вы о Валери что-нибудь такое, что помогло бы ее найти?

– В сущности, ничего.

– Я только хочу помочь ей, мистер Ли.

– Я верю вам.

– Ну хорошо, сэр, тогда вы хотя бы поможете мне? Что было в ее заявлении о найме дома? Может быть, прежний адрес, место работы, данные о получении кредитов – хоть что-нибудь, что могло бы пригодиться.

Тот откинулся и, убрав руки с колен, положил их на ручки кресла.

– Не было никакого заявления.

– Хорошо, мистер Ли, но у вас немало домов, и я уверен, что тот, кто управляет вашей собственностью, наверняка получал какой-нибудь документ или заявление.

Луис Ли поднял брови, что для столь сдержанного человека было просто театральной мимикой.

– Так вы уже немало узнали обо мне. Очень хорошо. Да, но в случае с мисс Кин никакого заявления не было, поскольку мне ее рекомендовал кое-кто, работающий в «Красной двери», она тоже снимает у меня жилье.

Спенсер вспомнил красивую официантку-метиску.

– Это, случайно, не Роза?

– Случайно, да.

– Они с Валери подруги?

– Да. Я встретился с мисс Кин, и она мне понравилась. Мне она показалась порядочной девушкой. Больше мне ничего не надо было.

Спенсер сказал:

– Мне необходимо поговорить с Розой.

– Наверняка она будет сегодня вечером на работе.

– Я хочу поговорить с ней прямо сейчас. Отчасти из-за нашего с вами разговора, мистер Ли. У меня такое чувство, что за мной охотятся, и у меня мало времени.

– Думаю, что вы правы.

– Тогда мне нужны ее фамилия, сэр, и ее адрес.

Луис Ли молчал так долго, что Спенсер заволновался. Наконец он заговорил:

– Мистер Грант, я родился в Китае. Когда я был ребенком, нам пришлось бежать от коммунистов, и мы эмигрировали во Вьетнам, в Ханой, где в то время хозяйничали французы. Мы потеряли все, но это было лучше, чем оказаться среди десятков миллионов, уничтоженных Председателем Мао.

Хотя Спенсер и не был уверен, что история жизни этого человека имеет какое-то отношение к его делам, он чувствовал, что какая-то связь между ними есть и вскоре он поймет, в чем она заключается. Хотя мистер Ли был китайцем, но в нем не было ничего загадочного. В сущности, он был достаточно откровенен и прям, как любой житель Новой Англии.

– Китайцам нелегко приходилось во Вьетнаме. Жизнь была тяжелой. Однако французы обещали защитить нас от коммунистов. Они нас предали. Когда в 1954 году Вьетнам разделился на две части, я был еще совсем мальчиком. И нам опять пришлось бежать, мы уехали в Южный Вьетнам – и потеряли все.

– Понимаю.

– Нет. До вас начало кое-что доходить, но вы еще не понимаете. Через год началась гражданская война. В 1959-м моя сестра погибла на улице от выстрела снайпера. Три года спустя, через неделю после того, как Джон Кеннеди пообещал, что Соединенные Штаты помогут нам, от взрыва бомбы, подложенной в автобус террористами, погиб в Сайгоне мой отец.

Ли закрыл глаза и сжал руки. Казалось, он не вспоминает, а молится.

Спенсер ждал.

– В конце апреля 1975 года пал Сайгон, мне было тридцать, у меня было четверо детей и жена Мей. Моя мать была еще жива, и мы жили вместе с одним из моих трех братьев и его

двумя детьми. Нас было десять человек в семье. А после шести месяцев террора погибли моя мать, брат, одна из моих племянниц и один из моих сыновей. Я не мог спасти их. Нас осталось шестеро... и мы решили бежать морем. С нами было еще тридцать два человека.

– "Люди на лодках", – произнес Спенсер сочувственно, поскольку он тоже знал, что значит оторваться от прошлого, от привычного уклада и броситься в плавание в страхе за свою жизнь, пытаясь выжить и спастись.

Не открывая глаз, таким тоном, будто он рассказывает о загородной прогулке, Ли продолжал:

– Однажды, когда штормило, на наше судно напали пираты. Это был военный катер вьетконговцев. То же самое, что пираты. Они убивали мужчин, насиловали и убивали женщин, забирали себе наши жалкие пожитки. Восемнадцать из тридцати восьми погибли, отражая их нападение. Одним из них был мой сын. Ему было десять лет. Его застрелили. Я ничего не мог сделать. Остальные спаслись, потому что погода ухудшилась, поднялись большие волны, и катер срочно ретировался. От пиратов нас спас шторм. Но сильными волнами двоих смыло за борт. И нас осталось восемнадцать человек. Когда погода улучшилась, наше судно, сильно потрепанное, с неработающим двигателем, без парусов и с неисправной рацией, оказалось посреди Южно-Китайского моря.

Спенсер не мог больше смотреть на его спокойно-каменное лицо. Но он и не мог отвести от него глаз.

– Мы дрейфовали шесть дней. Жара была невыносимой. Не было питьевой воды. Очень мало пищи. Прежде чем нас заметили с американского военного судна и спасли, умерли одна женщина и четыре ребенка. В том числе моя дочь – она умерла от жажды. Я не мог ее спасти. Я не мог никого спасти. Из десяти человек моих близких, переживших падение Сайгона, осталось лишь четверо. Моя жена, еще одна дочь – единственный мой ребенок, оставшийся в живых, – и моя племянница. И я.

– Очень вам сочувствую, – сказал Спенсер, но слова не могли выразить истинных чувств и прозвучали фальшиво.

Луис Ли открыл глаза.

– С этой развалюхи двадцать лет назад спасли еще девять человек. Они все, как и я, взяли себе американские имена и сегодня являются совладельцами этого ресторана, партнерами в других моих предприятиях. Я их всех считаю своей семьей. Мы, мистер Грант, держимся довольно замкнуто. Я – американец, потому что верю в американские идеалы. Я люблю эту страну, ее народ. Но я не люблю ее правительство. Я не могу любить то, чему я не доверяю, и я никогда и нигде не буду доверять правительству. Вас это не шокирует?

– Нет. Это можно понять. Но это все очень печально.

– Как отдельные личности, как соседи, члены одного коллектива, – сказал Ли, – представители всех рас и политических убеждений обычно очень симпатичные, приятные, добрые люди. Но, объединившись или же попав в правительство, где в их руках сосредоточивается большая власть, некоторые становятся просто чудовищами, причем иногда даже имея самые благие намерения. Я не могу хорошо относиться к чудовищам.

Но я всегда буду хорошо относиться к своей семье, своим соседям, людям моего круга.

– Думаю, это правильно.

– Рози, официантка из «Красной двери», не была среди тех, кто оказался с нами на судне. Однако ее мать – вьетнамка, а ее отец – американец, погибший там, так что она – одна из людей моего круга.

Спенсер настолько увлекся рассказом Луиса Ли, что совсем позабыл о своей просьбе, которая и вызвала все эти воспоминания. Ему хотелось как можно скорее поговорить с Рози. Ему было необходимо узнать ее фамилию и адрес.

– Нельзя вовлекать Рози в это дело еще больше, – сказал Ли. – Она рассказала этим лжефэбээровцам, что знает о мисс Кин очень мало, и я не хочу, чтобы вы что-либо испытывали у нее.

– Я просто хочу задать ей несколько вопросов.

– Если эти люди увидят ее с вами, а в вас узнают того человека, что был прошлой ночью в доме, то они решат, что Роза с мисс Кин связывает нечто большее, чем общая работа, хотя, по правде, так оно и есть.

– Я буду очень осторожен, мистер Ли.

– Да. Только при этом условии я вам помогу.

Тихо отворилась дверь, Спенсер обернулся и увидел, что в комнату вернулся метрдотель, который привел его сюда. Он даже не слышал, как тот выходил.

– Она его помнит. Все в порядке, – сказал тот Луису Ли, подходя к Спенсеру и протягивая ему листок бумаги.

– В час дня, – сказал Луис, – Роза встретится с вами по этому адресу. Это не ее дом – вдруг за ее домом следят.

Быстрота, с которой было улажено это дело без единого слова между Ли и его человеком, показалась Спенсеру просто волшебной.

– За ней не будет слежки, – сказал Ли, вставая с кресла. – И убедитесь в том, что за вами тоже нет слежки.

Поднимаясь с места, Спенсер сказал:

– Мистер Ли, вы и ваша семья...

– Да?

– Меня это просто потрясло.

Луис Ли слегка поклонился. Затем, направляясь к своему рабочему креслу, произнес:

– И еще одно, мистер Грант. – Когда Ли выдвинул ящик стола, у Спенсера возникло нелепое предчувствие, что этот спокойный, тихий, безобидный господин собирается вытащить пистолет с глушителем и пристрелить его на месте. Что только не придет в голову, когда за тобой гонятся! Ли вынул что-то похожее на медальон из нефрита на золотой цепочке. – Иногда я дарю его тем, кому он может понадобиться.

Боясь, как бы эти двое не услышали, как бешено колотится его сердце, Спенсер подошел к Ли и взял подарок.

Он был сантиметров пять в диаметре. С одной стороны была вырезана голова дракона. С другой – стилизованное изображение фазана.

– Это слишком дорогая вещь, чтобы...

– Это всего лишь мыльный камень. Фазаны и драконы, мистер Грант. Вам нужна их сила. Благополучие и долгая жизнь.

Держа медальон на ладони, Спенсер спросил:

– Это талисман?

– Да, и очень эффективный, – сказал Ли. – Вы видели Кван Инь, когда вошли в ресторан?

– Не понял?

– Деревянную статую около входной двери.

– Да, видел. Женщина с добрым лицом.

– В ней живет добрый дух и не позволяет врагам переступить мой порог. – Ли говорил с той же серьезностью, с какой повествовал о своих мытарствах. – Особенно она оберегает от завистливых людей, а зависть среди самых опасных чувств занимает второе место после жалости к себе.

– И прожив такую жизнь, после всего, что выпало на вашу долю, вы еще верите в это?

– Мы должны во что-то верить, мистер Грант.

Они обменялись рукопожатиями и простились.

Спенсер пошел за своим проводником, держа в руке записку с адресом и медальон.

В лифте, вспоминая короткий обмен репликами между своим сопровождающим и лысым телохранителем, когда они только вошли в приемную, Спенсер спросил:

– Когда мы ехали вниз, вы проверили, нет ли у меня оружия?

Вопрос вызвал у того улыбку, однако он не ответил.

Чуть позже, подойдя к входной двери, Спенсер остановился, чтобы как следует

разглядеть Кван Инь.

– Он действительно думает, значит, так оно и есть, – сказал его сопровождающий. – Мистер Ли – великий человек.

Спенсер посмотрел на него:

– Вы были на том судне?

– Мне было всего восемь. Это моя мать умерла от жажды за день до нашего спасения.

– Он говорил, что никого не смог спасти.

– Он спас нас всех, – сказал тот, отворяя дверь.

Выйдя на улицу, ослепленный ярким солнечным светом и оглушенный шумом проносящихся мимо машин и пролетающего над головой самолета, Спенсер словно неожиданно проснулся от какого-то странного сна. Или же наоборот – заснул и видел сон.

За все то время, что он пробыл в ресторане и прилегающих к нему помещениях, никто ни разу не взглянул на его шрам.

Он повернулся и посмотрел внутрь ресторана через стеклянную дверь.

Человек, чья мать погибла от жажды в Южно-Китайском море, стоял среди столов и опять скручивал салфетки в причудливые остроконечные пирамиды.

* * *

Дактилоскопическая лаборатория, где молодой ассистент Дэвид Дэвис поджидал Роя Миро, занимала одно из помещений дактилоскопического отдела. Здесь находилось большое количество компьютеров для обработки изображений, мониторы с высокой разрешающей способностью и еще более экзотические приборы.

Дэвис готовился к тому, чтобы проявить незаметные глазу отпечатки пальцев на окне в ванной Валери Кин, аккуратно вынутым из стены дома. Оно лежало на мраморном столике лаборатории – вся рама целиком и нетронутое стекло, даже рояльные петли казались в полном порядке.

– Это очень важное дело, – сказал Рой, подходя к столу.

– Ну разумеется, у нас все дела очень важные, – сказал Дэвис.

– Да, но это дело *особой* важности. И к тому же очень срочное.

Рою Дэвис не нравился, и не только потому, что у него было дурацкое имя, а потому, что его раздражали его увлеченность и суматошность. Длинный, тощий, похожий на журавля, с жесткими, как проволока, светлыми волосами, Дэвид не просто входил в помещение, но врывался, влетал, вбегал. Вместо того чтобы просто повернуться, он *вращался*. Вместо того чтобы просто показать на что-то, он *тыкал* пальцем. Рою Миро, всегда избегавшему крайностей в одежде или поведении, Дэвид казался ужасно неестественным.

Его помощник – Рой только знал, что его зовут Верц, – был бледным типом, носившим свой белый лабораторный халат, как робкий новичок-семинарист рясу. Если он не сновал по лаборатории, выполняя поручения Дэвиса, то вечно суетился вокруг своего начальника, глядя на него с нескрываемым восхищением. Роя просто тошнило от него.

– На этой форточке ничего нет, – сказал Дэвид, рисуя ручкой в воздухе огромный ноль. – Ноль! Ни граммулочки. Дерьмо. Эта форточка – просто кусок *дерьма*! Здесь вообще нет ни *сантиметра* гладкой поверхности.

– Очень плохо, – сказал Рой.

– Очень плохо? – произнес Дэвид, глаза его расширились, как будто Рой на новость о покушении на Папу Римского отреагировал лишь пожатием плеч и усмешкой. – Похоже, что эта дрянь специально *придумана* для воров и грабителей – просто оборудована для мафии, ей-Богу.

Верц тоже пробормотал:

– Ей-Богу.

– Так давайте займемся окном, – нетерпеливо произнес Рой.

– Да, мы возлагаем на окно большие надежды, – сказал Дэвис, мотая головой вверх-

вниз, как попугай, слушающий джаз. – Лаковая поверхность. Несколько раз рама была покрыта темно-желтым лаком, чтобы дерево не портилось от влажности ванной. Очень гладкая поверхность. – Дэвис просиял, глядя на маленькое окошко, лежащее на мраморном столике. – И если на нем что-то есть, то мы это найдем.

– Чем раньше, тем лучше, – подчеркнул Рой.

В одном из углов комнаты под вытяжным шкафом стоял пустой аквариум литров на десять. Верц, надев хирургические резиновые перчатки, взял окошко за боковые поверхности и понес его к аквариуму. Более мелкие предметы обычно подвешивались на проволоку с помощью специальных зажимов. Но окно было слишком тяжелым и громоздким для этого, так что Верц поставил его в аквариум под углом, прислонив к одной из стеклянных стенок. Оно еле-еле вошло.

Дэвис положил в чашку Петри три ватных тампона и поставил ее на дно резервуара. С помощью пипетки он нанес на вату несколько капель метилового эфира. Другой пипеткой он накапал такое же количество раствора гидрата окиси натрия.

Тотчас же в аквариуме появились пары цианистого акрилата, которые устремились вверх, к вентиляционному отверстию.

Скрытые отпечатки, оставленные небольшим количеством выделений – жира, пота, грязи, – не видимые простому глазу, обычно проявляются под воздействием одного из следующих веществ: порошка, йода, раствора нитрата серебра или же паров цианистого акрилата, с помощью которого достигаются лучшие результаты на непористых материалах, вроде стекла, металла, пластика и лаковых покрытий. Пары моментально конденсируются в плотную смолоподобную массу на всей поверхности, однако сильнее всего на остатках жира, повторяя рисунок отпечатка.

Процесс занял чуть больше тридцати минут. Если бы оставили окно в аквариуме на более длительное время, мог образоваться слишком плотный слой смолы, скроющий отпечатки пальцев. Дэвис решил, что ему понадобится сорок минут, и оставил Верца следить за процессом.

Рой с трудом пережил эти сорок минут, поскольку Дэвид Дэвис – волшебник в области техники – настоял на том, что покажет гостю новое, ультрасовременное оборудование своей лаборатории. Отчаянно жестикулируя, не умолкая ни на минуту, сверкая маленькими блестящими, как у птицы, глазами, он подробнейшим образом рассказывал Рою о работе каждого прибора, всех его узлов.

К тому времени, как Верц объявил, что окно из резервуара вынуто, Рой уже устал демонстрировать внимание к болтовне Дэвиса. Он с тоской представил спальню Беттонфилдов вчера вечером: как он держал руку милой Пенелопы, как слушал «Битлз». Ему было так хорошо.

Насколько же с мертвыми приятней иметь дело, чем с живыми.

Верц подвел их к фотографическому столику, на котором лежало окно из ванной. На штативе, установленном над столом, был укреплен «Поляроид С-5», чтобы сделать снимки отпечатков пальцев крупным планом.

Окно лежало к объективу внутренней стороной – таинственный незнакомец мог коснуться ее, убегая из дома. С внешней же стороны все следы были, разумеется, смыты дождем.

Хотя идеальным фоном считался черный, деревянная лакированная рама была достаточно темной, чтобы на ней проявились белые узоры от скопления цианистого акрилата. Однако при тщательном рассмотрении они ничего не заметили ни на раме, ни на стекле.

Верц выключил верхний свет, и в лаборатории стало темно, только через закрытые жалюзи проникал дневной свет. Его бледное лицо, казалось, флуоресцировало в темноте, как какая-то тварь морских глубин.

– Возможно, мы сумеем что-нибудь увидеть при боковом освещении, – сказал Дэвид.

На гибком штативе была прикреплена галогеновая лампа с коническим абажуром.

Дэвис включил ее, снял со штатива и стал медленно водить ею над окном, всячески поворачивая лампу под самыми разными углами.

– Ничего, – с досадой произнес Рой.

– Давай-ка посмотрим стекло, – сказал Дэвис, продолжая водить лампой в разных направлениях, с той же тщательностью изучая и стекло.

Ничего.

– Магнетический порошок, – сказал Дэвис. – Он поможет.

Верц опять включил яркий верхний свет. Он подошел к шкафчику и вернулся, держа в руках баночку с магнитным порошком и специальным аппликатором, называемым «магнитной кистью». Рою приходилось видеть, как она действует.

Ручейки черного порошка лучами расходились от этой кисточки и прилипали там, где были хоть какие-то следы жира, а излишки порошка удалялись затем магнитной кисточкой. Преимущество магнитного порошка заключалось в том, что на изучаемой поверхности не оставалось лишнего материала.

Верц покрыл порошком каждый сантиметр рамы и стекла. Никаких отпечатков.

– Ага, значит, так! – воскликнул Дэвис, потирая руки с длинными пальцами, дергая головой, с явным удовольствием принимая вызов. – Ничего, мы еще поборемся. Черт подери! Это делает работу еще интереснее.

– Если все легко получается, то никакого интереса. Легкая работа – работа для придурков, – с улыбкой проговорил Верц, явно повторяя одно из своих любимых выражений.

– Вот именно! – отозвался Дэвис. – Ты прав, юный друг Верц. А мы с тобой не придурки!

Казалось, трудность работы еще больше взвинчивала его.

Рой выразительно посмотрел на часы.

Пока Верц убирал на место порошок и кисточку, Дэвис натянул на руки перчатки из латекса и осторожно перенес окно в соседнюю комнату, чуть поменьше главной лаборатории. Он поставил его в металлическую раковину и, схватив одну из двух пластиковых бутылочек, стоявших на соседнем столике, полил жидкостью рамы и стекло.

– Метиловый раствор родамина-6, – объяснил Дэвис с таким видом, как будто Рой знал, что это за вещество, или даже хранил его в своем домашнем холодильнике.

Тут в комнату вошел Верц и сказал:

– А я знал одну по имени Родамин, и она жила в квартире 6, на моей же площадке.

– Она так же пахла? – спросил Дэвис.

– У нее был более резкий запах, – сказал Верц, и они с Дэвисом расхохотались.

Тупой юмор. Рой не видел в этой шутке ничего смешного. Он не мог дожидаться, когда они закончат.

Затем Дэвис взял вторую бутылку со словами:

– Чистый метанол. Смывает излишки родамина.

– Родамин частенько была невосдержанна, так что ее невозможно было смыть неделями, – сказал Верц, и они снова расхохотались.

Иногда Рой просто ненавидел свою работу.

Верц включил в сеть лазерный генератор с водяным охлаждением, стоявший около стены. Затем стал крутить какие-то ручки.

Дэвис поднес окно к столику для лазерного обследования.

Убедившись, что аппарат готов к работе, Верц раздал им специальные темные очки. Дэвис выключил яркий верхний свет. Теперь единственным освещением был тоненький лучик, проникающий из-под закрытой двери соседней лаборатории.

Надев очки, Рой приблизился к столику и встал рядом с другими двумя.

Дэвис включил лазер. Когда таинственный, пугающий луч упал на нижнюю часть рамы, сразу появился отпечаток, нарисованный родамином, – странный светящийся изгиб.

– Вот ты где, гад! – воскликнул Дэвис.

– Ну, его мог оставить кто угодно, – сказал Рой. – Мы посмотрим.

Верц сказал:

– Похоже на отпечаток большого.

Луч стал двигаться. На ручке, на задвижке, в центре нижней части рамы волшебным образом появились отпечатки пальцев. Целая куча. Некоторые – лишь фрагментарно, некоторые были смазаны, некоторые отпечатались полностью и были смазаны, некоторые отпечатались полностью и были хорошо различимы.

– Если бы я был из тех, что любят заключать пари, – сказал Дэвис, – я бы поспорил на что угодно, что это окно недавно помыли, хорошенько протерли тряпочкой, поэтому так легко разглядеть отпечатки. Могу поклясться, что все эти отпечатки принадлежат одному человеку и появились здесь одновременно, они оставлены прошлой ночью вашим незнакомцем. Их было нелегко разглядеть, потому что на кончиках его пальцев почти не было жировых выделений.

– Ну да, конечно, он же бродил под дождем, – взволнованно произнес Верц.

Дэвис сказал:

– А возможно, он вытер чем-нибудь руки, когда вошел в дом.

– На кончиках пальцев нет сальных желез. – Верц чувствовал себя обязанным просветить Роя. – Кончики пальцев могут покрыться жировыми выделениями, если трогать свои волосы, лицо, другие части тела. Похоже, что люди постоянно трогают себя.

– Эй, эй, поосторожнее, – с притворным возмущением произнес Дэвис, – пожалуйста, *здесь* – никаких глупостей, мой юный коллега Верц.

Они оба расхохотались.

От давивших темных очков у Роя заболел нос. У него начиналась головная боль.

Под мерцающим лучом лазера появился еще один отпечаток.

Сама мать Тереза, даже принявшая мощные поддерживающие препараты, сошла бы с ума в компании Дэвида Дэвиса и этого типа Верца. Тем не менее Рой чувствовал, как поднимается его настроение при появлении каждого нового отпечатка.

Таинственному незнакомцу теперь недолго оставаться таинственным.

Глава 7

Денек был приятным, но не настолько теплым, чтобы можно было загорать. На Венис-Бич Спенсер увидел шесть великолепно загоревших молодых женщин в бикини и двух парней в ярких гавайских плавках. Они все лежали на больших полотенцах и пытались изобразить, что нежатся в лучах солнца, хотя тела у них покрылись гусиной кожей.

Двое мускулистых босых мужчин в шортах установили на песке волейбольную сетку. Они играли энергично – часто подпрыгивали, кричали и отдувались.

По асфальтированной прогулочной дорожке несколько человек скользили на роликовых коньках. Некоторые были в легких спортивных костюмах, а кое-кто в обычной одежде. Бородатый мужчина в джинсах и черной майке запустил воздушного змея с длинным хвостом из полосок красной ткани.

Для учащихся старших классов публика была старовата, многим следовало бы находиться на работе, имея в виду, что был полдень четверга. Спенсер не мог разобрать, кто же из них жертвы недавнего спада в экономике и кто вечные «подростки», которые всю жизнь жили за счет родителей или общества. Калифорния давно славилась обилием таких. Благодаря экономическим усилиям штата и те и другие теперь процветали.

Рози сидела на каменной скамейке с деревянным сиденьем, занимавшей единственный клочок зелени на огромном пространстве песка. Девушка повернулась спиной к рядом стоящему столику для пикников. Ее ласкали тени от растрепанных листьев огромной пальмы.

Рози была в белых босоножках, белых свободных брюках и алой блузке и выглядела великолепной экзотической красавицей.

Она выглядела еще прелестней, чем в полутемном зале «Красной двери». Черты ее лица

свидетельствовали о смешении крови матери-вьетнамки и отца афро-американца. Но как ни странно, национальные черты не были слишком ярко выражены в ней. Она казалась восхитительной Евой, прародительницей новой расы. Роскошная, идеальная, невинная женщина из нового Эдема.

Правда, сейчас она не выглядела слишком невинной и мирно настроенной. Она казалась напряженной и ожесточенной, когда смотрела на море. Ее настроение лишь усугубилось, когда она повернулась и увидела, что к ней приближается Спенсер. Но, увидев Рокки, Роза заулыбалась.

– Какой миленький! – Она наклонилась вперед и начала жестами подзывать его к себе. – Иди сюда, малыш! Сюда, мой маленький!

Рокки радостно бежал, виляя хвостом, разглядывая, что происходит на пляже, но он замер, увидев роскошную красотку, которая звала его к себе. Он поджал хвост и замер, готовый отпрыгнуть в сторону, если она станет слишком настойчивой.

– Как его зовут? – спросила Роза.

– Рокки. Он весьма стеснителен.

Спенсер сел на другой край скамейки.

– Иди сюда, Рокки, – уговаривала она собаку. – Иди ко мне, мой милый! – Рокки наклонил голову и с сомнением смотрел на нее. – Что случилось, милый? Почему ты не хочешь, чтобы тебя приласкали?

Рокки завизжал. Он припал на передние лапы и начал вилять задом. Он не мог заставить себя вилять хвостом. Конечно, ему хотелось, чтобы его приласкали, но он все еще не доверял ей.

– Чем больше вы будете приставать к нему, – сказал ей Спенсер, – тем больше он будет бояться вас. Не обращайтесь на него внимания, и, может, тогда он расхрабрится и решит довериться вам.

Когда Роза оставила собаку в покое и выпрямилась на скамейке, Рокки испугался ее внезапного движения. Он отполз назад и подозрительно уставился на красавицу.

– Он всегда такой боязливый? – спросила Роза.

– Да, сколько живет у меня. Ему, наверное, лет пять или около того, но у меня он два года. Я увидел объявление в газете, из тех, что публикуются каждую пятницу: «Дайте приют бездомной собаке». Никто не желал приютить его, и ему собирались сделать укол.

– Он такой милый. Любой мог его взять к себе.

– В то время он был еще более нервным.

– Вы же не хотите сказать, что он мог кого-то укусить? Он такой милашка.

– Нет, он никогда даже не пытался кусаться. Его слишком забили, чтобы он мог проявлять какую-нибудь агрессивность. Он скулил и дрожал каждый раз, когда к нему пытались приблизиться. Стоило коснуться его, как он сворачивался в клубок, закрывал глаза и начинал скулить еще сильнее, и дрожал, как в припадке. Казалось, что прикосновение причиняло ему боль.

– Его сильно били? – мрачно спросила она.

– Угу. Обычно люди из приюта для животных даже не пытаются куда-то пристроить таких собак. Ее никто не возьмет к себе в дом. Они мне рассказали, что собаки, которые так сломлены эмоционально, как Рокки, трудно приживаются даже в хороших руках, и поэтому их обычно усыпляют.

Роза внимательно смотрела на собаку. Рокки тоже продолжал наблюдать за ней. Потом она спросила:

– Что же с ним случилось?

– Я не спрашивал. Мне не хочется этого знать. В жизни есть слишком много вещей, о которых мне бы не хотелось знать... я потом не смогу забыть о них... – Женщина отвела взгляд от собаки и посмотрела прямо в глаза Спенсеру. Он добавил: – Незнание – это не радость, но иногда...

– Иногда... незнание дает нам возможность спокойно спать ночью, – закончила за него

Рози.

Ей было, наверное, уже далеко за двадцать, ближе к тридцати. И она была достаточно взрослой, когда в Сайгоне взрывались бомбы и звучали пулеметные очереди, когда пал Сайгон, когда пьяные солдаты-победители праздновали победу и когда открылись лагеря по перевоспитанию, ей, наверное, в это время было лет восемь или девять. Она уже тогда была очень хорошенькой – шелковистые черные волосы, огромные глаза. Она была слишком взрослой, чтобы забыть весь этот кошмар. Это было так же невозможно сделать, как забыть боль рождения на свет и ночные страхи младенчества.

Когда в «Красной двери» Рози сказала, что Валери Кин в прошлом слишком много страдала, она не просто догадалась и почувствовала это интуитивно. Она хотела сказать, что видела в Валери страдания, так похожие на ее собственную боль.

Спенсер отвел от нее взгляд и стал смотреть на волны, нежно омывавшие берег. Они выбрасывали на песок постоянно меняющиеся кружева пены.

– Но если вы не станете обращать внимания на Рокки, он, возможно, подойдет к вам, а может, и нет. Но такая вероятность существует, – добавил он.

Он посмотрел на красного змея. Тот кувыркался и плыл в теплых струях воздуха высоко в синем небе.

– Почему вы хотите помочь Вал? – наконец спросила она.

– Потому что ей грозит беда. Вы сами сказали прошлым вечером, что она – особенный человек.

– Она вам нравится?

– Да. Нет. Ну, не так, как вы думаете.

– Тогда как она вам нравится? – спросила Рози.

Спенсер не мог ей объяснить того, чего сам не понимал.

Он перевел взгляд от красного змея, но не на женщину. Рокки тихонько полз от дальнего края скамейки. Он не сводил глаз с Рози. Та делала вид, что совершенно не обращает на него внимания. Собака старалась держаться от нее на расстоянии на тот случай, если женщина вдруг повернется и попытается ее схватить.

– Почему вы хотите ей помочь? – не отставала Рози.

Собака была рядом и могла их слышать.

Никогда нельзя лгать в присутствии собаки.

Это он уже сказал в машине прошлой ночью и сейчас снова повторил:

– Потому что я хочу найти цель в жизни.

– И вы считаете, что сможете это сделать, помогая ей?

– Да.

– Каким образом?

– Я не знаю.

Собака пропала из вида – она поползла сзади скамейки.

Рози сказала:

– Вам кажется, что она – часть той жизни, которую вы ищете? Но что, если это не так?

Он начал разглядывать людей, катавшихся на роликах. Они удалялись, как призрачные образцы, созданные из паутинок, которые под дуновением ветра скользили все дальше от них.

Наконец он ответил:

– Хуже того, что сейчас, не будет.

– А ей?

– Я не хочу от нее ничего, что она не захочет мне дать.

Рози помолчала, а потом сказала:

– Вы – странный человек, Спенсер.

– Я знаю.

– Очень странный, вы такой же необычный, как Валери?

– Я? Нет.

– Ей нужен необыкновенный человек.

– Я не таков.

За их спиной слышались тихие звуки, Спенсер знал, что собака ползла на брюхе под скамейкой, потом под столиком, пытаясь поближе подползти к женщине, чтобы лучше обнюхать ее и решить, опасна она или нет.

– Тогда, во вторник вечером, она долго разговаривала с вами, – сказала Роза.

Он ничего ей не ответил. Пусть она сама составит свое мнение о нем.

– Я видела, пару раз... вы ее рассмешили... – Он все еще ждал. – Хорошо, – сказала Роза. – С тех пор как позвонил мистер Ли, я пыталась вспомнить что-нибудь, что могло бы вам помочь найти Вал. Но я помню весьма мало. Мы понравились друг другу и сразу сошлись довольно близко. Но обычно мы разговаривали о работе, фильмах и книгах, о том, что передавали в новостях. Мы говорили о настоящем, а не о прошлом.

– Где она жила до того, как переехала в Санта-Монику?

– Она не рассказывала.

– Вы не спрашивали ее? Вам не кажется, что, может быть, где-то недалеко от Лос-Анджелеса?

– Нет, она не знала этот город.

– Она никогда не упоминала, где родилась и выросла?

– Я не знаю почему, но мне кажется, где-то на Востоке.

– Она что-нибудь рассказывала о своей матери и отце? О своих братьях и сестрах?

– Нет. Но когда кто-то говорил о семье, у нее в глазах появлялась грусть. Мне кажется, что... у нее все умерли...

– Вы ее не спрашивали о них?

– Нет-нет, это просто мое ощущение.

– Она была замужем?

– Может быть, я никогда ее об этом не спрашивала.

– Вы были друзьями, но очень о многом не спрашивали ее!

Роза кивнула головой.

– Я чувствовала, что она все равно не скажет мне правду. Мистер Грант, у меня не так много друзей, и я не хотела портить наши отношения, заставляя ее лгать мне.

Спенсер прижал правую руку к лицу. В теплом воздухе шрам был ледяным под его пальцами.

Бородатый мужчина продолжал заниматься своим красным змеем. Огромный красный ромб сверкал на фоне синего неба. Его хвост был похож на языки пламени.

– Итак, – заметил Спенсер, – вы решили, что она убегает от чего-то?

– Я подозреваю, что, возможно, от плохого мужа, который бил ее.

– Разве жены часто убегают и начинают жизнь сначала, если у них плохие мужья? Не проще ли было просто развестись с ним?

– В кино подобное случается, – ответила ему Роза. – Особенно, если муж грозный и грубый.

Рокки вылез из-под стола. Он оказался рядом со Спенсером. Собака проделала на брюхе полный круг. Она уже не поджимала хвост, но и не виляла им. Не сводя глаз с Розы, Рокки потихоньку продвигался от стола.

Роза, продолжая делать вид, что не замечает собаку, сказала:

– Я не знаю, поможет ли это вам, но, судя по некоторым высказываниям Вал, кажется, она знает Лас-Вегас. Она не раз бывала там, может, даже часто.

– Она жила там?

Роза пожала плечами.

– Ей нравилось играть, у нее к этому склонность. Шашки, «монополия». Так же хорошо разгадывает кроссворды... Иногда мы играли в карты – в «рамми» или же в «безик». Вы бы видели, как она тасует и сдает карты. Они просто летают у нее в руках.

– Вы думаете, что она могла научиться этому в Лас-Вегасе?

Она снова пожала плечами.

Рокки уселся на траву прямо перед Рози и с обожанием посмотрел на нее. Но он сидел на таком расстоянии, что она не могла дотянуться до него. Рози сказала:

– Он решил, что не следует доверять мне.

– Не принимайте это близко к сердцу, – заметил Спенсер, поднимаясь.

– Может, он знает?

– Что знает?

– Животные много чего знают, – спокойно заметила Рози. – Они могут понять человека, они видят на нем отметины.

– Рокки видит перед собой прекрасную леди, которая хочет приласкать его, и он сходит с ума, потому что ему нечего бояться, но он продолжает бояться самого себя.

Рокки завизжал, как будто понял все, что сказал его хозяин.

– Он видит отметины, – снова тихо повторила Рози, – он все знает.

– Зато я вижу прелестную женщину и солнечный день, – сказал Спенсер.

– Иногда, чтобы выжить, человеку приходится совершать ужасные вещи.

– Такое может случиться с любым, – заметил Спенсер, понимая, что она говорит уже самой себе, а не ему. – Старые отметины, они давно уже пропали.

– Нет, они остаются.

Казалось, что она смотрит не на собаку, а на что-то расположенное на дальнем конце невидимого моста времени.

Спенсеру не хотелось оставлять ее в таком странном настроении, но он не знал, что еще сказать ей.

Там, где трава граничила с белым песком, бородатый мужчина начал спускать своего красного змея. Он держал в руках моток бечевки, и казалось, что он удит красную рыбу в небесах. Наконец кроваво-красный змей приземлился, его хвост метался, как клубок огня.

Спенсер поблагодарил Рози за то, что она поговорила с ним. Она пожелала ему удачи, и он ушел, позвав Рокки. Собака некоторое время оглядывалась на сидевшую на скамейке женщину, потом поспешила догнать Спенсера. Когда они уже почти добрались до автостоянки, Рокки завизжал и рванул обратно к скамейке.

Спенсер стоял, ожидая, чем все закончится.

В последнее мгновение собаку оставила решимость. Она перешла на шаг и приблизилась к Рози, низко опустив голову, дрожа и виляя хвостом.

Рози соскользнула со скамейки на траву и обняла Рокки. Ее громкий мелодичный смех разнесся по парку.

– Молодец, Рокки, – тихо сказал Спенсер.

Мускулистые игроки в волейбол прервали игру и достали банки с пепси из походного холодильника.

Сложив своего змея, бородатый мужчина прошел на стоянку мимо Спенсера. Он был похож на сумасшедшего пророка: грязный, неухоженный, с запавшими безумными голубыми глазами. У него были хищный нос, бледные губы, пожелтевшие сломанные зубы. На его черной майке было написано красными буквами: «Еще один прекрасный день в аду». Всего шесть слов. Он мрачно глянул на Спенсера, крепче прижал к себе воздушного змея, как будто за ним все охотились, и пошел прочь из парка.

Спенсер обнаружил, что прикрыл рукой шрам, когда бородатый посмотрел на него. Он убрал руку.

Рози отошла на несколько шагов от скамейки. Она старалась отогнать от себя Рокки. Спенсеру показалось, что она объясняет собаке, что ее ждет хозяин. Сейчас она уже вышла из тени и стояла на ярком солнце.

Когда собака отошла от своей новой подруги и побежала обратно к Спенсеру, он еще раз поразился удивительной красоте Рози. Она была гораздо красивее Валери. И если он желал сыграть роль спасителя и залечить чьи-то раны, то, наверное, этой женщине он смог бы помочь гораздо лучше, чем той, которую пытался отыскать. Но его тянуло к Валери, а не к

Рози. Он не смог бы объяснить причины. Он только мог обвинить себя в том, что отдался течению своего подсознания, что он был опьянен ею. Он желал плыть по течению вне зависимости от того, какой окажется конечная цель.

Рокки прибежал к нему, задыхаясь и улыбаясь во всю пасть.

Рози подняла вверх руку и помахала ему на прощание.

Спенсер помахал ей в ответ.

Пожалуй, его поиски Валери Кин не были просто наваждением. Он казался себе воздушным змеем, а она словно управляла им. Она обладала какой-то странной над ним властью, – наверное, это называется судьбой. Какая-то сила наматывала бечевку на клубок и настойчиво притягивала его к ней, и в данном случае от него ничего не зависело.

Море катило сюда волны из далекого Китая и плескалось о берега. Солнечные лучи проходили девяносто три миллиона миль через безвоздушное пространство, чтобы здесь ласкать золотистые тела молодых женщин, раскинувшихся на полотенцах в бикини. Спенсер и Рокки пошли к грузовику.

* * *

Дэвид Дэвис влетел в комнату обработки данных с фотографиями двух самых четких отпечатков пальцев на окне ванной. За ним более спокойно шествовал Рой Миро. Дэвид принес фотографии Нелле Шир. Она занималась обработкой данных.

– Вот это точно большой палец. Здесь нет никаких сомнений, – сказал ей Дэвид. – А другой палец может быть указательным.

Нелле Шир было примерно лет сорок пять. С острой мордочкой, как у лисицы, оранжевого цвета волосами, которые вились «мелким бесом», ногти она покрывала зеленым лаком. В ее закутке висели три фотографии, вырезанные из журналов по бодибилдингу: здоровые, накачанные мужики в крохотных бикини.

Дэвид заметил мускулистых мужчин, нахмурился и сказал:

– Мадам Шир, я уже говорил вам, что этого нельзя делать. Вам следует снять эти вырезки.

– Человеческое тело может быть произведением искусства.

Дэвид побагровел.

– Вы прекрасно *понимаете*, что это можно расценить как демонстрацию сексуальных картинок на рабочем месте...

– Да-а-а? – Нелла взяла у него отпечатки пальцев. – Кто же способен на такое?

– Любой представитель мужского пола, работающий в этой комнате. Вот *кто*!

– Ни один из работающих здесь мужиков не выглядит, как эти «качки». Пока кто-нибудь из них не станет таким, как эти глыбы мышц, они могут ничего не бояться.

Дэвис сорвал одну вырезку со стены, потом другую.

– Мне только не хватало замечания от начальства, что в моем подразделении не в порядке с нравственностью.

Хотя Рой был согласен, что Нелла нарушает закон, он в то же время понимал юмор ситуации, заключающийся в том, что Дэвис испугался, как бы его репутации не нанесли урон именно картинки, развешанные Неллой. Между прочим, безымянное агентство, на которое они работали, было нелегальной организацией. У них не существовало официального начальства. Поэтому чем бы ни занимался Дэвид во время своего рабочего дня, он постоянно нарушал то один, то другой закон.

Надо сказать, что Дэвид, как и все остальные работники агентства, не знал, что служит инструментом подпольной деятельности.

Он получал свои чеки от департамента юстиции. Он считал, что является его работником, и подписал клятву о неразглашении тайны, и продолжал верить, что является частью легального отдела, борющегося с организованной преступностью и международным терроризмом. Хотя в их работе можно было заметить некоторые противоречия и неувязки.

Когда Дэвид сорвал третью вырезку со стены и смял ее в руке, Нелла Шир заметила:

– Может, вы так ненавидите эти картинки потому, что они слишком сильно возбуждают вас? Наверное, вы не желаете признаться в этом даже самому себе. Вы никогда не пытались проанализировать свои чувства?

Рой увидел, как Дэвид борется с собой, чтобы не выпалить ей первое, что пришло ему на ум.

Потом Дэвид сказал:

– Нам нужно знать, чьи это отпечатки. Свяжитесь с ФБР и проверьте через них. Начните с «Индекса», который скорее выполнит для нас эту работу.

В ФБР хранилось сто девяносто миллионов отпечатков пальцев. Хотя компьютер последней модели мог сравнивать тысячи отпечатков в минуту, понадобится много времени, если ему придется проверить все имеющиеся отпечатки.

С помощью новой программы – «Индекс латентных описаний» – можно было значительно облегчить задачу и быстрее получить результаты.

Если они искали подозреваемых в серии убийств, им следовало указать, что было характерно для данных убийств – пол и возраст каждой жертвы, способы совершения преступления, любые сходства в состоянии трупов, места, где были найдены тела. Тогда машина могла сравнить все данные с теми, которые имелись в памяти компьютера. Затем она выдавала список подозреваемых и их отпечатки пальцев. Тогда нужно было сравнить только несколько сотен, а иногда и просто несколько десятков отпечатков пальцев вместо нескольких миллионов.

Нелла Шир повернулась к своему компьютеру и сказала:

– Давайте мне сведения по этому человеку, и я создам вам новую базу данных.

– Мы не ищем известного преступника, – сказал Дэвид.

Рой добавил:

– Нам кажется, что он мог быть в специальных войсках или проходил специальные тренировки по особой тактике и оружию.

– Эти парни все такие крутые, – сказала Нелла Шир. Дэвид Дэвис опять нахмурился. – Кто он – морской пехотинец, армейский офицер, летчик или моряк?

– Мы не знаем, – ответил ей Рой. – Может, он вообще нигде не служил. Он мог работать в местной полиции или полиции штата. Мог быть агентом Бюро или служащим каких-то еще отделений или агентств.

– Компьютер сработает, только если я заложу в него данные, которые помогут сузить сферу поиска, – нетерпеливо заметила Нелла Шир.

Сто миллионов отпечатков в системе проверки Бюро составляли файлы криминальных происшествий, а еще оставались девяносто миллионов, которые принадлежали федеральным служащим, военным, работникам секретных служб, государственным и местным офицерам, служившим закону. И кроме того, там находились отпечатки пальцев зарегистрированных иностранцев. Если бы они знали, что их подозреваемый был, например, отставной морской пехотинец, им не нужно было бы трогать эти девяносто миллионов файлов.

Рой открыл конверт, который ему недавно отдала Мелисса Виклун. Он вынул оттуда компьютерный портрет человека, за которым они охотились. На обороте фотографий были данные, которые при фотоанализе смогли собрать о человеке, виденном в бунгало прошлой ночью. Да еще и под прикрытием дождя.

Рой прочитал, что там написано:

– Белый мужчина лет двадцати восьми – тридцати двух. Нелла Шир быстро печатала. На экране появились данные. – Рост пять футов одиннадцать дюймов, – продолжал Рой. – Вес – сто шестьдесят пять, плюс-минус пять фунтов. Шатен с кариными глазами.

Он перевернул фото, чтобы посмотреть на мужчину. Дэвид тоже нагнулся к фотографиям. Рой сказал:

– У него лицо обезображено шрамом. Справа. Начиная от уха и кончая подбородком.

Дэвид предположил:

– Мог бы он получить подобные ранения во время несения службы?
– Возможно. Мы можем предположить, что его уволили со службы по ранению или даже установив ему инвалидность.

– Уволен он или ушел в отставку по инвалидности, – возбужденно заметил Дэвид, – в любом случае можно поклясться, что с ним должен был заниматься психиатр. Такой шрам – это сильный удар по самолюбию и нервам человека. Действительно ведь ужасно!

Нелла Шир быстро развернулась на своем вращающемся кресле, выхватила портрет из рук Роя и посмотрела на него.

– Ну-у-у, не знаю... Мне кажется, что он выглядит достаточно сексуальным. Опасным и сексуальным.

Дэвид сделал вид, что не слышит ее, и сказал:

– В наше время правительство весьма заботится о самоуважении. Отсутствие уважения к себе является источником преступлений и социального беспокойства. Вы не станете грабить банк и не пристукнете старушку, если прежде не решите, что вам в жизни ничего не остается, как только быть дешевым воришкой!

– Да-а-а? – заметила Нелла Шир, возвращая фото Рою. – Я знала тысячи говнюков, которые считали себя лучшими произведениями Боженьки!

Дэвис твердо заметил:

– Добавьте в его описание консультации у психолога.

Нелла внесла это в компьютер.

– Что еще?

– Все. Сколько времени займет проверка? – спросил ее Рой.

Шир еще раз прочитала список данных на экране.

– Трудно сказать. Не более восьми или десяти часов. Может, и меньше. Может, гораздо меньше. Не исключено, что ответ придет часа через два, и тогда у меня будут его адрес, номер телефона, фамилия и имя, и даже сведения о том, как он снимает свои брюки: не выворачивает ли их наизнанку.

Дэвид Дэвис, все еще держа в руках смятые фото культуристов и беспокоясь о своей служебной характеристике, казалось, еще сильнее обиделся на ее замечание.

Рою стало интересно.

– Вот как? Может, через два часа?

– Зачем мне врать вам? – недовольно сказала Нелла.

– Тогда я не стану далеко отходить от вас. Он нам очень нужен.

– Считайте, он почти ваш, – сказала Нелла Шир, начиная поиски.

* * *

В три часа у них был поздний ленч на заднем крыльце. Длинные тени эвкалиптов ползли по каньону в желтом свете заходящего солнца. Спенсер съел сандвич с ветчиной и сыром и запил его пивом. Он удобно устроился в качалке. Рокки быстро одолел миску своей еды и начал клянчить у хозяина остатки сандвича. Он грустно и умоляюще смотрел на Спенсера, улыбался, жалко скулил, виляя хвостом, выдал все свои трюки и получил желаемое.

– Лоуренс Оливье проиграл бы тебе, – сказал ему Спенсер.

Доев сандвич, Рокки спустился по ступенькам и пошел на задний двор в кусты, чтобы на приволье без промедления заняться своим туалетом.

– Подожди, – сказал Спенсер.

Собака остановилась и посмотрела на него.

– Ты вернешься, и у тебя будет полно колючек и репейника в шерсти. Мне понадобится целый час, чтобы вычесать их. У меня на это нет времени.

Он встал с качалки, повернулся спиной к собаке и уставился на домик, допивая пиво.

Рокки вернулся, и они пошли в дом. Тени деревьев уже темнели и росли, но ими никто

не любовался.

Рокки задремал на диване. Спенсер уселся за компьютер и начал поиски Валери Кин. Из бунгало в Санта-Монике она могла уехать куда угодно. Перед ней расстилался огромный мир.

С одинаковым успехом он мог искать ее на Борнео и в соседней Вентуре. Поэтому он должен был отойти назад, в прошлое.

У него была одна-единственная подсказка.

Вегас. *Карты. Они просто порхали в ее руках.*

То, что она знала Вегас и легко манипулировала картами, могло означать, что она там жила и зарабатывала себе на жизнь, работая в казино крупье.

С помощью своей обычной уловки Спенсер проник в главный компьютер департамента полиции Лос-Анджелеса. Отсюда он перепрыгнул в сеть обмена информацией между полицией штатов. В прошлом ему приходилось заниматься этим довольно часто. Потом он быстро пересек границы и попал в сеть компьютера департамента шерифа в Неваде. Там содержались материалы по Лас-Вегасу.

Спящая на диване собака подергивала ногами, наверное, во сне гоняясь за кроликами. Хотя, имея в виду характер Рокки, видимо, за ним гонялись кролики.

Слегка покопавшись в компьютерных сведениях шерифа и между прочим «полистав» личные дела его сотрудников, Спенсер наконец обнаружил файл под названием «Коды Невады».

Спенсер подозревал, что там находится, и ему очень хотелось попасть в этот файл.

«Коды Невады» имели специальную защиту. Чтобы пользоваться ими, ему требовался номер, дававший право входа в файл.

Как ни странно, но во многих полицейских агентствах для этого использовался номер жетона полицейского офицера или, если дело касалось служащих, номер чьей-то личной карточки. Все эти номера можно было получить из списков персонала – они защищались не так строго. Он еще раньше получил несколько номеров полицейских значков на тот случай, если они ему понадобятся. Теперь он набрал один из них, и коды Невады открылись ему.

Это был перечень цифровых кодов, с помощью которых он мог получить любые данные, находящиеся в компьютере любого государственного агентства и учреждения, находившегося в штате Невада. Спенсер не успел моргнуть глазом, как пролетел пространство от Лас-Вегаса до Невады и добрался до комиссии по азартным играм в городе Карсоне.

Эта комиссия выдавала лицензии всем казино в штате и следила за выполнением всех законов и правил, которые регламентировали работу казино. Все, кто желал сделать инвестиции или стать служащим казино и вообще индустрии азартных игр, проходил проверку и должен был доказать, что не связан с известными криминальными личностями. В семидесятых годах усиленными действиями комиссия смогла выдворить большинство мафиози, основавших самую выгодную индустрию в Неваде. Они уступили место киномагнатам «Метро-Голдвин-Майер» и хозяевам сети отелей «Хилтон».

Было бы логичным предположить, что и остальные служащие казино, но более мелкого ранга – хозяйки игровых столов и девушки, разносившие коктейли, – тоже проходили такую же, но менее тщательную проверку и также получали идентификационные карточки – удостоверения личности. Спенсер проверял разные меню и списки и через двадцать минут нашел записи, которые искал.

Данные, которые относились к разрешению работать в казино, делились на три основные файла: «Закончившие срок службы», «Работающие в настоящее время» и «Ожидающие решения».

Валери работала в «Красной двери» в Санта-Монике уже два месяца, и Спенсер решил начать с файла «Закончившие срок службы».

Пока Спенсер пробирался в компьютерных дебрях, он наткнулся еще на несколько файлов, которые были так же основательно защищены, как и эти, но были косвенно связаны

друг с другом. Эти файлы содержали важные сведения, касающиеся национальной обороны. Система позволяла искать кого-либо в этой категории с помощью двадцати двух признаков, начиная от цвета глаз и кончая местом работы в настоящее время.

Он набрал: Валери Энн Кин.

Через несколько секунд система ему ответила: «Не значится».

Он перешел к файлу «Работающие в настоящее время» и снова напечатал ее имя.

Не значится!

Спенсер перешел к файлу «Ожидающие решения». Результат был прежним.

Валери Энн Кин была неизвестна комиссии в Неваде, занимавшейся игорным бизнесом.

Некоторое время он расстроено смотрел на экран, потому что верная, казалось бы, догадка завела его в тупик. Потом он решил, что женщина, которая переезжала с места на место, не могла везде называться одним и тем же именем, иначе ее легко было бы выследить. И если Валери жила и работала в Вегасе, то, скорей всего, под другим именем.

Чтобы найти его в файле, Спенсеру нужно было быть семи пядей во лбу.

* * *

Ожидая, пока Нелла Шир найдет им мужчину со шрамом, Рой Миро очень опасался, что ему придется провести долгие часы за вежливыми разговорами с Дэвидом Дэвисом. Он бы предпочел сразу съесть булочку, начиненную цианистым калием, и запить ее огромным бокалом охлажденной кислоты, а не терять зря время с гениальным исследователем отпечатков пальцев.

Ему пришлось сказать, что он накануне не спал всю ночь, хотя на самом деле проспал ее сном безгрешного святого после того бесценного подарка, который сделал Пенелопе Беттонфилд и ее мужу. Рою удалось очаровать Дэвида, что тот предложил ему воспользоваться для отдыха его офисом.

– Я настаиваю на этом. Действительно, вы даже не пытайтесь сопротивляться! – заявил ему Дэвид, резко жестикулируя и часто кивая головой. – У меня здесь есть кушетка. Вы можете прилечь. Вы мне совсем не мешаете. Меня ждет работа в лаборатории. Мне здесь совершенно нечего делать.

Рой не собирался спать. В прохладном полумраке офиса, куда калифорнийское солнце не проникало сквозь жалюзи, Рой решил полежать и, глядя в потолок, попытаться представить себе ядро своего духовного бытия, где его душа соединялась с мистической силой, правящей космосом, и подумать о смысле существования.

Каждый день он все яснее ощущал свое предназначение. Он искал истину, и его волновали поиски новых познаний. Но как ни странно, он заснул.

Ему снился идеальный мир. Там не было зависти или жадности, не было горя. Там все были похожи друг на друга. Секс был един для всех, и человеческие существа репродуцировались с помощью скромного партеногенеза в изоляции ванной комнаты, и это случалось не так часто. Кожа у всех была одного цвета – бледная с голубизной.

Все были весьма красивы. Там не было глупых существ, но никто не выделялся своим умом. Все носили одинаковую одежду и жили в похожих домах. По вечерам в пятницу вся планета играла в бинго. Выигрывали все, а по субботам...

В этот момент его разбудил Верц. Рой был вне себя от ужаса, потому что спутал сон и реальность. Глядя в бледное и круглое, как луна, лицо помощника Дэвиса, освещенное настольной лампой, Рой решил, что он сам со всеми остальными людьми в мире стал похож на Верца. Он пытался закричать, но у него пропал голос.

Верц заговорил, и Рой окончательно проснулся:

– Миссис Шир отыскала его. Этого человека со шрамом. Она нашла его.

Рой попеременно зевал и морщился от неприятного вкуса во рту. Он пошел за Верцем в офис обработки данных. Дэвид Дэвис и Нелла Шир стояли у ее рабочего стола. У каждого из них была в руках стопка бумаг. Под ярким резким светом флюоресцентных ламп Рой сначала

поморщился от неприятной рези в глазах, а потом с интересом уставился на распечатки, которые страницу за страницей передавал ему Дэвис. Дэвид и Нелла Шир оживленно комментировали все, что им удалось узнать.

– Его имя – Спенсер Грант, – сказал Дэвид.

– Когда ему было восемнадцать лет, сразу после школы он попал в армию.

– У него высокие показатели интеллекта и мотивации, – добавила миссис Шир. – Он хотел пройти специальные тренировки в рядах армейских десантников.

– После шести лет службы он уволился из армии, – продолжал Дэвис, передавая Рою следующую распечатку. – Он поступил в университет в Калифорнии благодаря льготам, предоставленным ему армией.

Рой просмотрел последнюю страницу и заметил:

– Он специализировался в криминологии.

– В криминальной психологии, – заметил Дэвис. – Он старательно занимался и получил ученую степень за три года.

– Молодой человек весьма торопился, – сказал Верц. Он, наверно, сделал это, чтобы они не забывали, что он тоже член их команды, и нечаянно не наступили на него и не раздавили, как какого-то клопа.

Дэвис передал Рою еще страницы. В это время Нелла Шир сказала:

– Он поступил в Полицейскую академию Лос-Анджелеса и окончил ее с отличием.

– Как-то после того, как он меньше года патрулировал улицы, – продолжил Дэвис, – он наткнулся на двух вооруженных мужчин, которые готовились похитить машину. Они увидели, как он приближается к ним, и попытались взять в заложники женщину, которая вела машину.

– Он убил их обоих, – сказала Шир. – Женщина ничуть не пострадала.

– С Грантом расправились?

– Нет, все посчитали, что он имел право сделать это.

Глянув на следующую страницу, переданную ему Дэвисом, Рой отметил:

– Здесь написано, что он перестал патрулировать улицы.

– Грант знает компьютер, поэтому его перевели на работу с компьютером. Это была работа в офисе, – заметил Дэвид.

Рой нахмурился:

– Почему? Он что, пострадал во время перестрелки?

– Некоторые не могут справиться с существующей обстановкой, – со знанием дела отметил Верц. – Они не выдерживают напряжения и просто рассыпаются на куски.

– Если судить по записям о реабилитационной терапии, – продолжила Нелла Шир, – он не страдал от каких-либо травм. Он все перенес нормально. Он сам просил перевести его, но не из-за травм.

– Может, здесь нужно идти от противного, – вклинился Верц. – Он считал себя чуть ли не суперменом, и ему было стыдно своей слабости, он не мог признаться в этом.

– Какова ни была бы причина, – сказал Дэвис, – он обратился с просьбой о переводе. Затем, десять месяцев назад, после того как проработал там двадцать один месяц, он просто ушел из полицейского департамента Лос-Анджелеса.

– Где он сейчас работает? – спросил Рой.

– Мы не знаем этого, но знаем, где он живет, – ответил Дэвид Дэвис, роскошным жестом вручая ему еще одну распечатку.

Глянув на адрес, Рой с сомнением спросил:

– Вы уверены, что это наш человек?

Шир начала перебирать свои бумаги. Она достала отпечатки пальцев сотрудников полицейского департамента Лос-Анджелеса, а Дэвис показал ему отпечатки пальцев, которые они сняли с рамы окна ванной.

Дэвис заметил:

– Если вы умеете сравнивать отпечатки пальцев, вы поймете, что компьютер прав, когда

заявляет, что все точно сходится. Абсолютно точно сходится. Это тот парень, который нам нужен. В этом нет никакого сомнения.

Нелла Шир передала Рою еще один отпечаток и сказала:

– Это его самая последняя фотография из архива полицейского управления.

На фото Грант был снят анфас и профиль. Он был сильно похож на составленный компьютером портрет, который Рою передала Мелисса Виклун из лаборатории фотоанализа.

– Это его последнее фото? – спросил Рой.

– Самое последнее фото, которое имеется в файлах полицейского департамента, – ответила ему Шир.

– Оно было сделано спустя некоторое время после инцидента с похищением машины?

– Примерно два с половиной года назад. Да, я уверена, что фото было сделано гораздо позже. Почему вы спрашиваете об этом?

– Здесь кажется, что шрам полностью зарубцевался, – заметил Рой.

– О, – протянул Дэвис. – Он не получил шрам во время этой перестрелки. Это точно. Шрам у него был очень давно. Еще когда его взяли в армию. Это шрам от травмы, которую он получил в детстве.

Рой поднял взгляд от фотографии:

– Что это была за травма?

Дэвис пожал костлявыми плечами и взмахнул длинными руками. Потом он опустил их.

– Мы об этом ничего не знаем. Ни в одной записи не упоминается об этой травме. Они просто написали, что это самая важная отличительная черта, которая может помочь при его идентификации. «Шрам, идущий от уха до подбородка, является результатом травмы, полученной в детстве». Вот и все.

– Он похож на Игоря, – насмешливо сказал Верц.

– Мне он кажется весьма сексуальным, – не согласилась с ним Нелла Шир.

– Нет, он похож на Игоря, – настаивал Верц.

Рой повернулся к нему:

– Какой такой Игорь?

– Ну Игорь. Вы помните? Из старых картин о Франкенштейне. Другой образ доктора Франкенштейна – Игорь. Старый грязный горбун с кривой шеей.

– Мне не нравятся подобные картины, – заметил Рой. – Они делают героев из уродов и насильников. Мне все это кажется отклонением от нормы. – Он продолжал смотреть на фото. Он думал, что испытывал юный Спенсер Грант, у которого лицо было изуродовано шрамом. Он, наверное, в то время был совсем юным мальчиком. – Бедный парень, – заметил он. – Бедный, бедный парнишка. Как ему было трудно жить с подобным шрамом на лице! Как он должен был страдать от психологической травмы!

Верц нахмурился и сказал:

– Я так понял, что он «плохой парень», и к тому же связанный с терроризмом?

– Даже плохие парни, – спокойно объяснил ему Рой, – иногда заслуживают сочувствия. Этот человек много страдал в своей жизни. Вы это прекрасно понимаете. Да, мне нужно схватить его и сделать так, чтобы общество было застраховано от его поступков. Но к нему все равно стоит относиться с состраданием и, по возможности, милосердно.

Дэвис и Верц непонимающе смотрели на него.

Нелла Шир сказала:

– Вы – хороший человек, Рой.

Рой пожал плечами.

– Нет, – настаивала она, – вы – действительно хороший человек. Мне стало легче, когда я поняла, что в полиции есть люди, подобные вам.

Рой сильно покраснел.

– Спасибо вам, вы очень добры ко мне. Но в этом нет ничего особенного.

Нелла Шир явно не была лесбиянкой, и хотя она, наверное, лет на пятнадцать старше его, Рой все же пожалел, что в ее лице не мог найти ни одной привлекательной черты,

которая могла бы сравниться с восхитительным ротиком Мелиссы Виклун.

Но ее волосы были слишком интенсивного оранжевого цвета и чересчур кудрявые. Глаза у Неллы были холодного голубого цвета, нос и подбородок очень острые, а губы некрасивой формы. Сложена пропорционально, но ничего особенного.

– Ну, – сказал, вздохнув, Рой, – мне придется навестить мистера Гранта и спросить его, что он делал в Санта-Монике прошлой ночью.

* * *

Спенсер сидел перед своим компьютером в Малибу. Он глубоко забрался в дебри файлов о служащих казино в Карсоне. Сами файлы содержались в памяти комиссии Невады по азартным играм. Спенсер просматривал файл на предмет выдачи разрешений на работу в казино. Ему были нужны имена всех крупье – женщин в возрасте от двадцати восьми до тридцати лет. Рост – пять футов и четыре дюйма, вес – сто десять – сто двадцать фунтов, глаза карие и волосы темно-русые. Эти данные сузили круг поисков до всего лишь четырнадцати кандидатур. Он дал задание компьютеру напечатать их имена в алфавитном порядке.

Он посмотрел на начало списка и вызвал файл на имя Дженет Франсины Арбонхолл. Первая страница ее электронного досье, появившаяся на экране, сообщала основное описание ее внешности, день, когда ей выдали разрешение на работу, и содержала ее фото. Оно совершенно не напоминало Валери, и Спенсер стер этот файл, даже не читая его.

Он вызвал следующий файл: Тереза Элизабет Данбери. Нет, не она.

Бьянка Мария Хагуэрро. Тоже не она.

Корина Сериза Хадделстон. Нет.

Лора Линей Ленгстон. Нет.

Рейчел Сара Маркс. Нет.

Жаклин Этель Манг. Он уже проверил семь человек, и ему осталось еще семь.

Ханна Мей Рейни.

На экране появилась Валери Энн Кин. Волосы у нее были причесаны не так, как теперь, когда он видел ее в «Красной двери». Она была прелестна, но не улыбалась на фотографии.

Спенсер затребовал полную распечатку файла на Ханну Мей Рейни. Получилось всего лишь три страницы. Он прочитал все до конца под взглядом женщины с экрана.

Под именем Рейни она проработала около четырех месяцев в качестве крупье за карточным столом, где играли в «блэк-джек». Это было в казино отеля «Мираж» в Лас-Вегасе. Последний день ее работы – двадцать шестое ноября, почти два с половиной месяца назад. Как сообщил менеджер казино комиссии, она уволилась, не уведомив об этом заранее.

Они – неважно, кто были эти «они» – настигли ее двадцать шестого ноября. Ей, видимо, удалось удрать от них. Так же как смогла она скрыться от них в Санта-Монике.

* * *

В углу подземного гаража, расположенного под агентством в Лос-Анджелесе, Рой Миро проводил последний брифинг с тремя агентами, которые должны были ехать с ним в дом Спенсера Гранта, чтобы забрать с собой этого человека. Так как их агентство официально не существовало, они не могли взять его под стражу. Их намерения было легче определить как «похищение».

Рой не страдал от излишних комплексов, его устраивало любое слово. Мораль была относительным понятием. Ничто не могло считаться преступлением, если совершалось во имя правильных идеалов.

У них у всех были с собой удостоверения Агентства по борьбе с наркотиками, поэтому Грант мог поверить, что его забрали для расспросов в федеральное отделение и после

прибытия туда они разрешат ему позвонить адвокату. На самом деле ему будет легче увидеть самого Господа Бога на золотом троне, парящем в воздухе, чем кого-то с юридическим образованием.

Они используют любые методы допроса, чтобы получить у него правдивые ответы на вопросы по поводу его отношений с этой женщиной и о том, где она в настоящее время находится.

Когда у них будет все, что им нужно – или же они будут уверены, что выжали из него все, что он только знал, – им придется от него избавиться.

Рой сам займется устранением Спенсера Гранта. Он сам освободит бедного чертушку со шрамами от страданий этого ужасного мира.

На первом из трех агентов – Кэле Дормоне – были белые свободные брюки и белая рубашка, на которой был вышит фирменный знак местной пиццерии. Он поведет маленький белый фургон с таким же фирменным знаком. Этот знак держался на магнитной прокладке, и было легко прикрепить его к чему-то и так же легко снять, совершенно изменив внешний вид автомобиля. Им часто пользовались в операциях, он помогал производить нужное впечатление.

Альфонс Джонсон был одет в брюки цвета хаки и обычные туфли. На нем также была джинсовая куртка. На Майке Веккио был спортивный трикотажный свитер с длинными рукавами и кроссовки фирмы «Найк».

На Рое, единственном из них, был костюм. Но он дремал, не раздеваясь, на кушетке в офисе Дэвиса и не производил впечатления аккуратного и хорошо одетого федерального агента.

– Итак, это не будет похоже на прошлую ночь в Санта-Монике, – заметил Рой. Они все принимали участие в деле, которое имело место в Санта-Монике. – На этот раз нам нужно *поговорить* с этим парнем.

Прошлой ночью, найдя женщину, они должны были убить ее на месте. Чтобы не смущать местных полицейских, им следовало подложить ей оружие – мощный «магнум» пятидесятого калибра, марки «Орел пустыни». Если из него попадали в человека, входное отверстие было огромным, как кулак взрослого мужчины. Им пользовались только для убийства, а не для защиты. Они должны были показать, что агент убил эту женщину защищаясь.

– Он не должен ускользнуть от нас, – продолжал Рой. – Он грамотный парень, и у него имеется хорошая подготовка. Он так же хорошо тренирован, как и любой из вас. Поэтому он не протянет вам руки, чтобы вы надели на него блестящие браслеты. Если вы сразу не сможете с ним справиться и будет видно, что он собирается удрать от нас, стреляйте ему в ноги. Если вам захочется, изрешетите ему все ноги. После нашей встречи ему уже не придется ходить. Но только не слишком увлекайтесь, ладно? Помните, нам необходимо поговорить с ним!

* * *

Спенсер получил всю интересующую его информацию, которая содержалась в файлах комиссии Невады по азартным играм. Он удалился из этого кибернетического пространства и дошел до полицейского департамента Лос-Анджелеса.

Отсюда он связался с департаментом полиции Санта-Моники и просмотрел все дела, которые были начаты в течение последних суток. Ни одно дело не было связано с Валери Кин или же с адресом бунгало, которое она снимала.

Он вышел из этих файлов и начал просматривать отчеты о происшествиях, случившихся в ночь на среду. Вполне возможно, что полицейские могли написать рапорт в отношении шума в бунгало, но еще не присвоили номер делу. На этот раз он обнаружил ее адрес.

Последняя запись объясняла, почему дело еще не имеет номера. Там была масса

сокращений, которые означали: ведется работа со стороны Бюро по расследованию дел, связанных с алкоголем и незаконным хранением оружия, и для этого имеются легальные основания.

Там было еще кое-что – делом занимались федеральные власти.

Местных полицейских отстранили от него.

Рокки с пронзительным воплем проснулся у себя на кушетке, слетел на пол, потом вскочил на ноги, начал гоняться за хвостом, потом потряс в недоумении головой. Он искал кого-то или что-то, так сильно испугавшее его во сне.

– Это просто страшный сон, – сказал Спенсер собаке.

Рокки с сомнением посмотрел на него и завизжал.

– Что было на этот раз – огромный доисторический кот?

Собака быстро проковыляла по комнате и положила лапы на подоконник. Она смотрела на дорогу и на окружавшие это место леса.

Короткий февральский день превращался в прекрасные сумерки. Внутренняя сторона листьев эвкалипта, обычно серебристого оттенка, сейчас стала золотой от света, проникавшего через узкие просветы в листве. Листья колебались под легким ветерком. Казалось, что деревья украшали гирлянды, как это бывало во время Рождества. Хотя оно уже прошло больше месяца назад.

Рокки опять жалобно завыл.

– Может, это был кот-птеродактиль? – выдвинул новое предположение Спенсер. – У него были огромные крылья и жуткие когти. Он урчал так сильно, что от этого звука рушились скалы?!

Собаке это не понравилось, она отошла от окна и быстро направилась в кухню. Рокки всегда так вел себя, когда внезапно просыпался после страшного сна. Он бродил по дому, переходя от одного окна к другому. Он был совершенно уверен, что враг из кошмарного сна также угрожал ему в реальности.

Спенсер снова взглянул на экран.

Там все еще была надпись, что делом начали заниматься федеральные власти.

Что-то было странное в этой формулировке.

Если отряд, который прибыл в бунгало прошлой ночью, состоял из агентов Бюро по расследованию дел, связанных с алкоголем и незаконным хранением оружия, тогда почему же те люди, которые появились в доме Луиса Ли в Бель-Эр, имели с собой удостоверения ФБР? Бюро действовало под эгидой министра финансов США, а ФБР непосредственно подчинялось генеральному прокурору. Все было так, хотя собирались несколько раз поменять всю структуру этих подразделений.

Разные организации иногда сотрудничали во время проведения различных операций, особенно, когда затрагивались их общие интересы. Но если принять во внимание растущее соперничество между разными учреждениями и тот факт, что они постоянно подозревали друг друга в желании присвоить себе пальму первенства при расследовании интересных дел, данную операцию должны были проводить представители двух агентств. Особенно, когда шел допрос Луиса Ли или кого-то иного, кто мог дать им какую-то подсказку.

Рокки что-то ворчал про себя, как будто он был Белым Кроликом, опаздывавшим на чай к Сумасшедшему Шляпнику. Он вылетел из кухни и через открытую дверь влетел в спальню.

Делом продолжают заниматься.

Нет, здесь явно что-то не так...

ФБР из этих двух Бюро было гораздо сильнее и обладало большей властью. Если что-то интересовало ФБР, то оно никогда не позволяло другой организации вторгаться в сферу своих интересов. На этот счет даже существовало специальное юридическое обоснование, составленное Конгрессом по просьбе Белого дома. Бюро по расследованию дел, связанных с алкоголем и незаконным хранением оружия, подчинялось ФБР. И запись в докладе о происшествии должна быть следующей: ФБР и Бюро по расследованию дел, связанных с алкоголем и незаконным хранением оружия, продолжают заниматься этим делом.

Размышляя об этом, Спенсер перешел к файлам полицейского департамента Лос-Анджелеса.

Некоторое время он соображал, все ли выяснил, что его интересовало, потом перешел к записям отдела, занимавшегося именно этим происшествием. Выходя из очередного файла, он тщательно уничтожал все следы своего присутствия.

Рокки выскочил из спальни и пронесся мимо Спенсера обратно к окну гостиной.

Спенсер вернулся в свою программу и выключил компьютер. Он поднялся из-за стола и, подойдя к окну, стал рядом с Рокки.

Собака прижала черный нос прямо к стеклу, одно ухо у нее стояло, а другое было опущено.

– Что же тебе снилось? – спросил Спенсер. Рокки тихонько заскулил. Он не отводил глаз от темно-фиолетовых теней и золотистых переливов света на листьях эвкалиптов, освещенных заходящим солнцем. – Тебе снились сказочные монстры, которых не существует на самом деле? – спросил его Спенсер. – Или это были... воспоминания?

Рокки начал дрожать.

Спенсер положил руку на шею Рокки и тихо его погладил.

Собака глянула на него и сразу же переключила внимание на эвкалипты. Наверное, потому что плотная темнота медленно поглощала легкие сумерки, Рокки всегда боялся ночи.

Глава 8

Исчезающий свет оставлял красный след на небе. Красный закат отражался в каждой капельке воды, насыщавшей воздух, поэтому казалось, что город подернут легкой дымкой кровавого тумана.

Открыв задние дверцы белого фургона, Кэл Дормон вытащил большую коробку от пиццы и пошел к дому.

Рой Миро находился на другой стороне улицы. Он подъехал из глубины квартала. Рой вышел из машины и тихо закрыл дверцу.

К этому времени Джонсон и Веккио уже оказались сзади дома, пробравшись через соседние участки.

Рой начал переходить улицу.

Дормон уже прошел половину пути. В его коробке не было пиццы, там лежал пистолет «магнум» сорок четвертого калибра, марки «Орел пустыни» с сильным глушителем. Униформа и коробка требовались только для того, чтобы рассеять подозрения Спенсера, если вдруг он выглянет в окно, когда Дормон будет приближаться к дому.

Рой уже подошел к белому фургону сзади.

Дормон встал на первую ступеньку крыльца.

Рой приложил руку ко рту, как бы стараясь справиться с кашлем, и заговорил в маленький микрофон, прикрепленный к манжете его рубашки.

– Считайте до пяти, и вперед! – услышали мужчины, которые находились сзади дома.

У двери Дормон даже не попытался позвонить или постучать, он просто повернул ручку. Дверь была заперта. Тогда он открыл коробку из-под пиццы и вытащил оттуда мощное оружие израильского производства а коробку бросил на землю.

Рой зашагал быстрее, он уже не делал вид, что случайно оказался здесь.

Несмотря на мощный глушитель, пистолет, стреляя, издавал сильный звук. Это не было похоже на выстрел, но прозвучало достаточно громко и могло привлечь внимание случайных прохожих, если бы они оказались поблизости. Пистолетом обыкновенно пользовались, чтобы открывать запертые двери: тремя выстрелами Дормон разворотил ручку и пластинку, на которой она была укреплена.

Если даже уцелела задвижка, ей было не за что цепляться. Вместо планки двери торчали сплошные щепки.

Дормон вошел внутрь. Рой следовал за ним по пятам.

Парень в носках поднимался из винилового кресла синего цвета. В руках – банка пива. На парне были вылинявшие джинсы и майка с надписью: «Иисус Христос». Он с ужасом смотрел на них, потому что последние осколки двери вонзились в ковер прямо перед ним. Дормон посадил его назад в кресло. Он сделал это очень грубо, и парню стало нечем дышать. Банка упала на пол и покатилась, отмечая свой путь пролитым пивом.

Но парень не был Спенсером Грантом.

Держа в обеих руках свою «беретту» с глушителем, Рой быстро прошел под аркой из гостиной в столовую и оттуда через открытую дверь в кухню.

На полу лежала вниз лицом блондинка, лет примерно тридцати. Голова ее была повернута к Рою. Левая рука была протянута вперед, женщина пыталась достать большой разделочный нож, который у нее выбили из руки. Она немного не дотягивалась до него. Двигаться она не могла, потому что Веккио прижал ее к полу коленом и уперся дулом пистолета ей в шею, как раз за левым ухом.

– Ублюдок, ублюдок. Ублюдок! – кричала женщина. Ее крики были не такими уже громкими и внятными, потому что ее лицо было прижато к линолеуму.

Кроме того, ей было трудно дышать, потому что нога Веккио сильно давила ей на спину.

– Тихо, леди, тихо, – говорил ей Веккио, – спокойно, черт бы тебя побрал!

Альфонс Джонсон уже стоял на пороге кухни. Задняя дверь, наверное, не была заперта, и ему не пришлось взламывать ее. Еще одно лицо находилось в помещении: это была маленькая девочка лет пяти. Она стояла, тесно вжавшись в угол, с широко раскрытыми глазами. Очень бледная, она до того испугалась, что даже не плакала.

В воздухе пахло луком и горячим томатным соусом. На разделочной доске лежали разрезанные зеленые перцы. Женщина готовила ужин.

– Пошли, – сказал Рой Джонсону.

Они быстро обыскали остальные помещения. Они уже ничему не удивлялись. Преимущество внезапности пропало, но они еще могли выиграть. Стенной шкаф в холле, ванная комната. Спальня малышки: плюшевые мишки и куклы. Дверь стенного шкафа была открыта: там никого не было. Еще одна маленькая комната – здесь стояла швейная машинка, незаконченное зеленое платье висело на манекене. Стенной шкаф был так набит, что в нем было невозможно спрятаться. Потом спальня хозяев дома, стенной шкаф, ванная комната и – никого.

Джонсон заметил:

– Может, это он, в светлом парике, валяется на полу в кухне...

Рой возвратился в гостиную, где парень в кресле откинулся, как только мог, дальше назад, глядя на направленный на него пистолет, пока Кэл Дормон орал на него, брызгая слюной прямо ему в лицо:

– Спрашиваю тебя еще раз. Ты меня слышишь, грязный засранец? Я еще раз тебя спрашиваю, где он?

– Я уже сказал вам. Боже ты мой, здесь нет никого, кроме нас, – отвечал ему хозяин квартиры.

– Где Грант? – продолжал допрос Дормон.

Мужчина так дрожал, как будто его кресло было присоединено к какой-то массажной установке.

– Я ничего о нем не знаю. Клянусь, я его вообще не знаю! Пожалуйста, если вам не сложно, не можете ли вы отвести немного в сторону вашу пушку?

Рою стало так грустно – его всегда печалило, что люди теряли чувство собственного достоинства, когда их заставляли сотрудничать с ними. Он оставил Джонсона в гостиной вместе с Дормоном, а сам вернулся в кухню.

Женщина все еще лежала на полу, а колено Веккио по-прежнему упиралось ей в поясницу. Она уже не пыталась достать свой нож. Она уже не обзывала Веккио ублюдком. Она уже не бушевала, а начала бояться. Она умоляла не причинить вреда ее маленькой дочке.

Рой поднял нож и положил его на стол.

Она покосилась на него:

– Не обижайте мою малышку.

– Мы не собираемся никого обижать, – заявил ей Рой.

Он подошел к маленькой девочке, присел перед ней и спросил самым нежным голосом:

– Малышка, ты боишься? – Она перевела свой взгляд с матери на Роя. – Конечно, ты боишься, не так ли? – продолжал Рой. Малышка, держа палец во рту, кивнула головой. – Ну, тебе нечего меня бояться. Я не обижу и мухи! Даже если она будет все время летать вокруг моего лица и станет танцевать у меня на ушах и кататься, как с горки, на моем носу. – Малышка серьезно смотрела на него сквозь слезы. Рой ворковал: – Если даже на меня садится комарик и готовится меня укусить, ты думаешь, я его убиваю? Не-е-е-ет! Я кладу перед ним крохотную салфетку, маленькую-маленькую вилочку и ножичек и говорю ему: «Никто не должен голодать в этом мире. Отведайте меня, мистер Комарик!» – У девочки высохли слезы. – Я помню, как один раз, – продолжал свои сказки Рой, – когда слон шел в супермаркет, чтобы купить себе орешки, он так торопился, что просто отшвырнул мою машину со своего пути. Другие люди последовали бы за слоном в супермаркет и постарались бы его больно ущипнуть за хобот. Но я не мог сделать этого! Не-е-е-ет! Я подумал, что когда у слона кончатся орешки, он уже не отвечает за свои действия. Вот что я сказал себе. Но я должен признаться, что все же последовал за слоном в супермаркет и выпустил воздух из шин его велосипеда. Но я не сделал это в злобе. Я только хотел, чтобы он не выезжал на дорогу до того, как поест орешков и немного успокоится. – Девочка была прелестная. Ему так хотелось, чтобы она улыбнулась ему. – Ну что ж, – сказал он. – Теперь ты не думаешь, что я могу кого-нибудь обидеть?! – Девочка отрицательно покачала головой. – Дай мне ручку, сладкая моя, – сказал ей Рой.

Она разрешила ему взять ее за левую ручку. Она как раз сосала большой палец этой руки, и он был влажным. Рой повел ее через кухню.

Веккио убрал ногу со спины матери. Она встала на колени и, рыдая, обняла девочку.

Рой отпустил ручку девочки и снова присел перед ней на корточки. Его растрогали слезы матери. Он сказал ей:

– Извините нас, я ненавижу насилие. Правда. Но мы думали, что здесь скрывается опасный человек. Мы не могли постучать в дверь и попросить, чтобы он вышел к нам. Вы нас понимаете?

У женщины снова задрожала нижняя губа.

– Я... я не знаю. Кто вы такие? И что вы хотите?

– Как вас зовут?

– Мэри. Мэри З-Зелински.

– Как зовут вашего мужа?

– Питер.

У Мэри Зелински был прелестный носик. Просто образец прямизны и формы.

Линия носа была совершенна. Прекрасные тонкие ноздри. Словно их изваяли из тончайшего фарфора. Ему казалось, что раньше он никогда не видел такого идеального носа.

Рой улыбнулся и сказал:

– Ну, Мэри, нам нужно знать, где он.

– Кто? – спросила женщина.

– Я уверен, что вы это знаете. Нам нужен Спенсер Грант.

– Я его не знаю.

Пока она ему отвечала, он отвел взгляд от ее носа и посмотрел ей прямо в глаза. Он видел, что она не лжет ему.

– Я никогда ничего о нем не слышала, – добавила Мэри.

Рой сказал Веккио:

– Выключи газ под томатным соусом, а не то он пригорит.

– Я клянусь, что никогда о нем не слышала, – продолжала убеждать женщина.

Рой почти верил ей. Даже у Елены Прекрасной нос был хуже, чем у Мэри Зелински. Конечно, Елена Прекрасная, хотя и косвенно, повинна в смерти тысяч людей. Много народу пострадало из-за нее, и, конечно, красота не была гарантией невиновности. За века, прошедшие со времен Елены Прекрасной, люди научились скрывать зло, поэтому даже самые невинно выглядевшие существа иногда были виновны в сокрытии правды.

Рой хотел быть уверенным, поэтому он сказал:

– Если я почувствую, что вы мне лжете...

– Я не лгу, – сказала Мэри дрожащим голосом.

Он поднял руку, чтобы она замолчала, и продолжал точно с того места, где она прервала его:

– ...Я могу отвести эту чудную девочку в ее комнату, раздеть ее... – Женщина крепко зажмурила глаза. Казалось, она хотела стереть встававшую перед ее глазами сцену, которую с таким изяществом рисовал перед ней. – ...И там среди ее мишек и кукол я мог бы поучить ее некоторым играм, которыми занимаются взрослые люди.

От ужаса женщина широко раскрыла глаза и раздула ноздри. Да, у нее был действительно прелестный носик!

– Итак, Мэри, посмотрите мне в глаза, – сказал он. – И расскажите мне, знаете ли вы человека по имени Спенсер Грант.

Она еще шире раскрыла глаза и, не отрываясь, смотрела на него.

Они смотрели друг на друга, словно играя в «гляделки».

Он положил руку на головку ребенка, погладил шелковистые волосы и улыбнулся.

Мэри Зелински прижала крепче свою дочь.

– Клянусь Богом, что я никогда о нем не слышала. Я его не знаю. Я не понимаю, что здесь происходит.

– Я вам верю, – сказал он. – Успокойтесь, Мэри. Я вам верю, моя милая леди. Простите нас, что нам пришлось прибегнуть к такой жестокости.

Хотя говорил он извиняющимся тоном и очень тихо, его охватывала ярость. Он бушевал от ненависти к Гранту, который каким-то образом перехитрил его. Он не злился на эту женщину.

Он не злился на ее дочку или ее несчастного супруга в его синем пластиковом кресле.

Хотя Рой старался не выдавать свою ярость, женщина, видимо, все прочла в его глазах, которые всегда сохраняли выражение доброты. Она отшатнулась от него.

Веккио, стоявший у плиты после того, как привернул газ под томатным соусом и кастрюлей с кипящей водой, сказал:

– Он больше здесь не живет.

– Я думаю, что он здесь никогда и не жил, – с напряжением в голосе сказал Рой.

* * *

Спенсер вынул из стенного шкафа два чемодана, посмотрел на них, маленький отложил в сторону и разложил на постели большой. Он отобрал одежду, которой ему должно было хватить на неделю. У него не было костюма, белой рубашки или даже галстука. В шкафу висело пар шесть джинсов, столько же легких хлопчатобумажных брюк коричневого цвета. Там были рубашки цвета хаки и джинсовые рубашки. На верхней полке шкафа лежало четыре теплых свитера – два синих и два зеленых. Он взял по одному каждого цвета.

Пока Спенсер укладывал чемодан, Рокки бродил из комнаты в комнату. Он, волнуясь, наблюдал за каждым окном. Бедный парень, он все еще никак не мог избавиться от страшного сна.

* * *

Оставив своих людей стеречь семью Зелински, Рой вышел на улицу и пошел к машине.

Сумерки превратились из красных в темно-фиолетовые. Зажглись уличные фонари. В воздухе не чувствовалось ни дуновения ветерка. Какое-то мгновение было так тихо, как бывает только в деревне и в поле.

Им повезло, что соседи Зелински ничего не слышали и у них не возникло никаких подозрений.

С другой стороны, в рядом стоящих домах не было видно света. Многие семьи в этом приятном месте, где жили в основном люди среднего достатка, могли продолжать вести привычный образ жизни, если только работали оба супруга. Можно даже сказать, что в такие времена, когда экономика была на спаде, люди едва выдерживали растущие расходы, даже если в семье работали полный рабочий день муж и жена.

Сейчас как раз был час пик, и почти все дома на этой улице ждали возвращения своих владельцев. А те пробирались через транспортные пробки, заезжали за детьми в садики и школы. Кстати, это тоже стоило больших денег. Люди старались как можно быстрее добраться до дома, чтобы там отдохнуть несколько часов и снова вернуться в мясорубку современной напряженной жизни.

Иногда Рой так сочувствовал тяготам людей, что у него от огорчения выступали на глазах слезы.

Но сейчас ему не следовало расслабляться и становиться слишком чувствительным. Он должен был найти Спенсера Гранта.

В машине он завел мотор и сел на пассажирское сиденье, потом включил портативный компьютер и подключил к нему телефон.

Он вызвал Агентство и попросил, чтобы ему нашли телефон Спенсера Гранта, жившего в районе Лос-Анджелеса. Начались поиски из самого центра, расположенного в Вирджинии. Рой надеялся выяснить адрес у телефонной компании, так же как ранее адрес Беттонфилд.

Наверное, Дэвид Дэвис и Нелла Шир уже покинули офис, поэтому он не мог позвонить им и выместить на них свою злобу. Но в любом случае это была не их вина. Хотя ему бы очень хотелось обвинить во всем Дэвиса и Верца. Его, наверное, звали Игорь.

Через несколько минут ему ответили, что Спенсер Грант вообще не значится в справочнике и среди тех, чей телефон засекречен. Был проверен весь район Лос-Анджелеса.

Рой не мог этому поверить. Он полностью доверял «Маме».

Дело было совсем не в ней. Она была такой же безгрешной, как и его собственная дорогая мамочка. Это Грант был умен. Даже слишком умен.

Рой попросил «Маму» проверить счета телефонной компании, *оплаченные* тем же клиентом. Грант мог там фигурировать под псевдонимом. Но прежде чем обеспечивать кому-то услуги, компания требовала настоящую подпись клиента, чтобы знать, с кого спрашивать оплату счетов.

Пока «Мама» выясняла это, Рой обратил внимание на машину, проехавшую по улице и захавшую во дворик недалеко от дома Зелински.

Ночь вступила во владение городом. До самого конца горизонта на западе спустилась темнота. Не осталось ни пятнышка великолепного королевского алого цвета на небе.

Экран дисплея слегка вспыхнул, и Рой взглянул на компьютер у него на коленях. Как сообщила ему «Мама», имя Гранта также не фигурировало в записях разовых счетов телефонной компании.

Стало быть, Грант добрался до своего файла в департаменте полиции Лос-Анджелеса, стер свой адрес и вписал адрес Зелински. Он, видимо, выбрал их адрес случайно. И сейчас, даже если он продолжает жить в районе Лос-Анджелеса и, вполне возможно, у него есть телефон, его фамилия стерта из файлов любой телефонной компании, которая могла до этого обслуживать его.

Грант хотел остаться невидимым.

– Какого черта, кто же он такой? – вслух подумал Рой.

Познакомившись со всеми материалами, которые откопала Нелла Шир, Рой испытывал уверенность, что знает его. Но теперь ему показалось, что он совершенно не знает Спенсера

Гранта. Он мог догадываться о каких-то деталях или общих характеристиках, но он не мог составить цельную картину со всеми подробностями...

Что делал Грант в бунгало в Санта-Монике? Каким образом он связан с этой женщиной? Что он вообще знает?

Рою было необходимо как можно скорее получить ответы на все вопросы.

Еще две машины въехали в гаражи соседних домов.

Рой понимал, что по мере того как проходило время, у него оставалось все меньше шансов найти Гранта.

Он начал срочно анализировать свои возможности. Он снова с помощью «Мамы» вошел в компьютер калифорнийского департамента по выдаче прав на вождение автомобилей в Сакраменто. Через секунду на его экране показалось изображение Гранта. Фото требовалось для получения новых водительских прав. Под фотографией были записаны все его данные и адрес.

– Хорошо, – тихо сказал Рой, как будто боялся, что заговорив громко, он сглазит этот крохотный кусочек удачи.

Рой заказал три распечатки данных с экрана и получил их. Вышел из этой программы, попрощался с «Мамой», выключил компьютер и пошел через улицу к дому Зелински.

Мэри, Питер и их дочка сидели на диване в гостиной. Они были бледны, молчали и держались за руки.

Они были похожи на три привидения, ожидавшие приговора в небесном зале ожидания. Они как бы ждали, когда придут их документы, по которым их будут судить. Они больше верили в то, что получают билеты в один конец – в ад.

Дормон, Джонсон и Веккио стояли рядом. Они были вооружены и безмолвны. Ничего не объясняя, Рой передал им распечатки нового адреса Спенсера, которые выдал ему компьютер.

Он задал Мэри и Питеру несколько вопросов и узнал, что сейчас они без работы и получают пособие. Вот почему они были дома в то время, когда их соседи еще неслись по скоростным шоссе к своим домам. Те, другие люди напоминали ему стайки стальных рыбок в бетонном море дорог. Каждый день Зелински изучали все объявления о работе в «Лос-Анджелес таймс». Они подавали заявления в бесчисленное множество разных компаний и были сильно обеспокоены своим будущим, поэтому неожиданное и громкое вторжение Дормона, Джонсона, Веккио и Роя, как ни странно, не очень поразило их. Казалось, что это было продолжением преследующих их бед и катастроф.

Рой собирался размахивать удостоверением Агентства по борьбе с наркотиками и применять свои обычные штучки для устрашения семейства Зелински, чтобы им даже не пришлось в голову писать жалобу в местную полицию или в федеральное правительство. Но их настолько придавили экономические беды, отсутствие работы и тяготы жизни, что Рою даже не пришлось демонстрировать им свое фальшивое удостоверение.

Они хотели только одного – сохранить себе жизнь.

Они сами отремонтируют разбитую дверь, приведут в порядок квартиру и, наверное, решат, что их терроризировали дилеры наркотиков, которые ворвались не в тот дом, стараясь отыскать проклятого конкурента.

Никто и никогда не писал жалобы на торговцев наркотиками.

В современной Америке торговцы наркотиками были похожи на силы природы. Имело больше смысла – и было гораздо безопаснее – писать гневные жалобы на ураган, торнадо или же на гром и молнию.

Рой вел себя как кокаиновый король. Он их предупредил:

– Если вы не хотите, чтобы вам выбили мозги, то сидите спокойно в течение десяти минут после того, как мы уйдем. Зелински, у тебя есть часы. Как полагаешь, ты сможешь отсчитать десять минут?

– Да, сэр, – ответил ему Питер Зелински.

Мэри не смотрела на Роя. Она низко опустила голову, и он не мог видеть ее чудесный

носик.

– Ты понимаешь, что я абсолютно серьезен? – продолжал спрашивать Рой у ее мужа. Тот кивнул ему головой. – Ты будешь пай-мальчиком?

– Нам не нужны никакие неприятности.

– Рад это слышать.

Такое полное подчинение очень расстроило Роя. Все лишний раз доказывало, что американское общество виновно перед своими членами, настолько запугав их.

С другой стороны, их слабости здорово облегчали его работу. Если бы они оказывали ему сопротивление, все было бы гораздо сложнее.

Рой, Дормон, Джонсон и Веккио вышли из дома. Рой последним уехал с этой улицы. Он несколько раз взглянул на дом. Он не заметил лиц в окнах или в дверях разгромленной квартиры.

Да, здесь чуть не произошла трагедия.

Рой всегда гордился своим присутствием духа. Он не помнил, чтобы когда-нибудь злился так сильно на кого-нибудь, как на Гранта. Он не мог дождаться, когда же наконец доберется до него.

Спенсер положил в парусиновую сумку несколько банок еды для собаки, коробку с бисквитами, новую косточку, чтобы собака могла ее грызть и укреплять зубы. Миски, из которых Рокки ел и пил, тоже оказались в сумке. Не забыл Спенсер и резиновую игрушку Рокки – чизбургер, выглядывавший из булочки с маком. Спенсер поставил сумку рядом со своим чемоданом у входной двери.

Собака продолжала время от времени проверять окна. Но было видно, что ее напряжение спало. Она почти избавилась от ужаса, который мучил ее во сне. Теперь Рокки волновало уже другое – он всегда нервничал, когда чувствовал, что предстоят какие-то перемены. А перемен он не любил.

Он ходил по пятам за Спенсером, словно для того, чтобы самому убедиться, что не случилось ничего неприятного. Постоянно возвращался к чемодану и обнюхивал его. Потом обнюхивал любимые уголки квартиры и вздыхал, как будто понимал, что ему уже не придется спокойно отдыхать здесь.

Спенсер снял с полки над письменным столом портативный компьютер и поставил его рядом с чемоданом и сумкой Рокки.

Он купил его в сентябре, и поскольку компьютер был маленьким, Спенсер мог составлять свои программы, сидя на крылечке, дыша свежим воздухом и поглядывая, как легкий ветерок играет с серебристыми листьями эвкалиптов. Теперь, во время его путешествия, компьютер станет связывать его с огромной американской информационной системой.

Он вернулся к письменному столу и включил большой компьютер. Спенсер сделал копии на мягких дисках некоторых программ, которые сам разработал. В том числе и программу, которая может различить самый слабый электронный сигнал подслушивающего устройства в телефонной линии, использующейся в компьютерном диалоге. Другая программа могла его предупредить, если в то время, когда он влезал в чужие программы, кто-нибудь попытался бы подловить его с помощью современной технологии обратной связи.

Рокки снова стоял у окна и то скулил, то тихо ворчал в темноту ночи.

* * *

Рой ехал с западного края долины Сан-Фернандо, поднимаясь на холмы и пересекая каньоны. Небольшие городки следовали один за другим, но уже возникали пространства первородной черноты между скоплениями ярких огней, обозначавшими каждый городок.

На этот раз он станет действовать более осторожно. Если полученный адрес приведет в дом другой семьи, которая, как и семья Зелински, никогда не слышала о Спенсере Гранте, Рою хотелось бы узнать об этом *до того*, как они вышибут двери в доме, начнут

терроризировать его обитателей с помощью оружия, и соус для спагетти опять подгорит на плите. Или, что гораздо хуже, подвергнут себя риску быть расстрелянными раздосадованным владельцем дома, который может оказаться фанатиком, имеющим при себе достаточно оружия.

Во время царящего кругом социального хаоса вламываться в частные дома, даже под прикрытием настоящих удостоверений, становилось все рискованнее и рискованнее. Не то что раньше. Жильцы этих домов могут оказаться кем угодно – от сектантов-служителей Сатаны, преследующих детей, до убийц с ярко выраженными склонностями к каннибализму, чьи холодильники, возможно, заполнены сочными кусками человечины. И не исключено, что кухонные принадлежности у них окажутся прелестными вещами ручной работы, изготовленными из человеческих костей...

В эти странные времена хватало чертовых лунатиков в дурдоме под названием Америка.

Рой ехал по двухрядной дороге, ведущей в темную долину, затянутую легким туманом. Он начал подозревать, что не найдет обычного дома и не сразу выяснит, обитает в указанном месте Спенсер Грант или нет. Там его ждало что-то иное. Хорошая дорога перешла в дорожку, покрытую гравием, окруженную болезненного вида пальмами, за которыми не ухаживали многие годы. На них болтались веера давно отмерших листьев.

Наконец дорожка привела к воротам забора из металлических прутьев.

Он подошел к воротам, там его ждал Кэл Дормон.

За забором, в серебристом тумане, освещаемом огнями, ритмично двигались странные машины. Они стояли одна рядом с другой и были похожи на огромных доисторических птиц, которые клевали червей в земле. Это были насосы, качающие нефть. Один из нефтедобывающих участков, которых так много разбросано по всей Южной Калифорнии.

К Рою и Дормону подошли Джонсон и Веккио.

– Это нефтяные скважины, – заметил Веккио.

– Проклятые нефтяные скважины, – уточнил Джонсон.

– Просто несколько чертовых нефтяных колодцев, – не останавливался Веккио.

По приказу Роя Дормон пошел к фургону, чтобы принести фонари и кусачки. Его фургон не был просто фургончиком не известной никому пиццерии, а представлял собой прекрасно оборудованную мастерскую, где нашлись бы любые инструменты и электронные приспособления, которые могли понадобиться в военных операциях.

– Мы туда идем? – спросил Веккио. – Зачем?

– Там должен быть домик сторожа, – ответил ему Рой. – И Грант может работать сторожем и жить здесь.

Рой понимал, что им не хочется оставаться в дураках второй раз за один вечер. Как бы то ни было, они понимали, что Спенсер мог вложить свой фальшивый адрес и в другую компьютерную программу при получении водительских прав, и поэтому вероятность найти его здесь практически равнялась нулю.

Когда Дормон открыл им ворота, они все последовали за ним, освещая себе путь фонариками и проходя между качающимися нефть насосами. В некоторых местах сильный дождь, прошедший прошлой ночью, смыл гравий и оставил только грязь. Когда они, побродив между скрипящими, лязгающими и гремящими насосами, вернулись к калитке, не найдя сторожа, Рой окончательно испортил свои новые туфли.

Они молча почистили обувь, пошаркав носками по траве перед воротами.

Рой вернулся к своей машине, пока остальные ждали его приказа по поводу дальнейших действий. Он хотел снова связаться с «Мамой» и найти другой адрес Спенсера трахающего-змеи-и-жрущего-всякое-дерьмо-куска-человеческих-отбросов Гранта.

Он был сильно зол, и это было нехорошо. Злость мешала ему ясно мыслить. Во время припадка ярости трудно разрешить любую проблему.

Он начал глубоко дышать, вдыхая воздух и спокойствие. С каждым выдохом он старался выбросить из себя напряжение. Он представлял себе покой в виде бледного облака

персикового цвета. Напряжение казалось ему туманом ядовитого желто-зеленого цвета. Этот туман выходил из ноздрей двумя языками, подобными пламени.

Он освоил технику регуляции своих эмоций, изучив книжку по тибетской медицине и философии. Но может, это была китайская книга. Или индийская. Он не помнил точно. Он знакомился со многими философскими учениями в своих бесконечных поисках глубокого самопонимания и способов медитации.

Садясь в машину, он услышал сигнал вызова. Он снял приборчик с солнцезащитного козырька. На маленьком экранчике появились имя Клек и номер телефона.

Джон Клек занимался поисками «Понтиака», сделанного девять лет назад и зарегистрированного на имя Валери Кин.

Если она действует по своей обычной схеме, то машина будет оставлена на стоянке или в конце длинной городской улицы.

Когда Рой позвонил по указанному номеру, ему ответил голос Клека. Ошибиться было невозможно. Джону было немногим больше двадцати лет. Тощий, состоящий из острых углов, с огромным кадыком и лицом, напоминавшим форель, он обладал голосом низким, мелодичным и весьма приятным.

– Это я, – сказал Рой. – Где вы?

Слова, произносимые Клеком, были подобны музыке:

– Я нахожусь в аэропорту Джона Уэйна. – Они начали работу в Лос-Анджелесе, но за день круг поисков расширился. – «Понтиак» здесь, он находится на стоянке, где можно оставить машину на длительный срок. Мы узнаем имена служащих, продававших билеты вчера во второй половине дня и вечером. У нас имеются ее фото. Может, кто-то вспомнит, как оформлял ей билет.

– Продолжайте, но мне кажется, что вы зайдете в тупик. Она слишком умна, чтобы бросить машину там, где легко будет проследить ее следующие шаги. Она замечает следы. Понимает, что мы ни в чем не уверены и станем терять время, перепроверяя все возможные версии.

– Мы также пытаемся поговорить с водителями такси, которые работали здесь в это время. Может, она не полетела самолетом, а вместо этого уехала на такси.

– Вам лучше предпринять еще один шаг. Она могла пойти из аэропорта в один из ближайших отелей. Нужно узнать, не помнит ли швейцар или служащие на парковке, не просила ли она их вызвать ей такси.

– Я это сделаю, – ответил ему Клек. – Рой, на этот раз она не сможет удрать от нас далеко. Мы будем сидеть у нее не на хвосте, а прямо на ее заднице.

Роя могла бы убедить уверенность Клека или роскошный тембр его голоса, но, к сожалению, он представил себе, как выглядит Клек. Тот был похож на рыбу, пытающуюся проглотить достаточно большую дыню.

– Пока.

И он отключился.

Потом присоединил телефон к компьютеру, включил его и связался с «Мамой» в Вирджинии. Он поставил перед ней сложную задачу, даже с учетом ее огромных талантов и связей.

Она должна была искать Спенсера Гранта в файлах компаний по водоснабжению, в газовых компаниях, в офисах налоговой инспекции. Ей также следовало искать во всех отделениях и офисах все файлы каждого штата, округа, региональных и городских агентств. И также проверить все отделения компаний, которые управляются из Вентуры, Керна, Лос-Анджелеса, Оранджа, Сан-Диего, Риверсайда и Сан-Бернардино. Он еще просил ее проверить все банковские счета покупателей в Калифорнии – займы, расчеты, накопления и кредитные карточки. На общенациональном уровне проверить файлы Администрации по социальному страхованию и налоговых управлений, начиная с Калифорнии и затем двигаясь на восток от штата к штату.

Наконец, – после того как он объявил, что позвонит утром, чтобы ознакомиться с

результатами работы «Мамы», – он запер за собой электронную «дверь» в Вирджинии и выключил компьютер.

Туман становился все гуще, а воздух с каждой минутой прохладнее. Его ждали у ворот, дрожа, остальные три участника неудачных поисков Гранта.

– На сегодня нам придется закончить, – сказал им Рой. – Начнем все сначала утром.

У них на лицах выразилось облегчение. Кто знает, куда их могут завести поиски Гранта?

Рой похлопал каждого по плечу и успокаивал, пока они шли к своим машинам. Ему не хотелось, чтобы они раскисали. Каждый человек должен гордиться своими действиями.

Сев в машину и выехав с гравия на асфальтированную дорогу, Рой опять медленно и глубоко вздохнул. Вдох – волшебная дымка бледно-персикового покоя, выдох – желто-зеленый туман злобы, напряжения и стресса. Вдыхаем персиковый покой, выдыхаем зеленый туман злобы. Вдох – персик, выдох – зелень злобы.

Он все еще был вне себя от бешенства.

* * *

Ленч у них был поздний, поэтому Спенсер проехал длинный отрезок пути до Барстоу без остановки. Потом он остановился, чтобы поесть и покормить собаку. Через окошко «Макдональдса» он, не вылезая из машины, заказал «Биг-Мак», хрустящий картофель и небольшую порцию ванильного коктейля для себя. Ему не хотелось возиться с банками еды для собаки, и поэтому он заказал для Рокки два гамбургера и большую порцию воды. Потом пожалел пса и заказал вторую порцию ванильного молочного коктейля.

Спенсер припарковался сзади хорошо освещенного ресторана. Он не стал выключать мотор, чтобы в «Эксплорере» было тепло.

Пересев назад, чтобы поесть, и прислонившись спиной к переднему сиденью, он вытянул перед собой ноги.

Рокки облизывался в предвкушении удовольствия, когда Спенсер раскрыл бумажные пакеты и машина наполнилась великолепным ароматом. Перед выездом из Малибу Спенсер убрал задние сиденья, поэтому даже стоявшие там чемодан и сумка не мешали ему и собаке удобно устроиться.

Спенсер вынул гамбургеры Рокки и положил их на бумажную обертку. К тому времени, когда Спенсер достал свой «Биг-Мак» из контейнера и откусил первый кусочек, Рокки уже жадно проглотил свои мясные котлеты и оставил лишь кусок булочки. Он больше не желал есть хлеб. Жадно глядя на сэндвич Спенсера, он начал жалобно скулить.

– Это мое, – сказал ему Спенсер.

Рокки снова заскулил. Он скулил не как испуганное существо. Он скулил не от боли. Это был звук, говоривший: «О-взгляните-на-бедное-существо-и-поймите-наконец-как-же-я-жажду-этот-гамбургер-и-сыр-и-та-кой-вкусный-соус-и-может-быть-даже-эти-чертовы огурчики».

– Ты что, не понимаешь слово «мое»? – Рокки перевел взгляд на упаковку хрустящего картофеля, лежавшую на коленях у Спенсера. – Мое! – Собака начала сомневаться. – Твое, – подсказал ей Спенсер, указывая на недоеденную булочку от гамбургера.

Рокки тоскливо посмотрел на сухую булочку, потом перевел взгляд на чудесный «Биг-Мак» с таким великолепным соусом.

Спенсер откусил еще кусок и, запив его молочным ванильным коктейлем, посмотрел на часы.

– Нам нужно заправиться и вернуться на шоссе к девяти часам. До Лас-Вегаса остается примерно сто шестьдесят миль. Если даже не станем спешить, то будем там к полуночи. – Рокки не сводил глаз с хрустящего картофеля. Спенсеру стало его жаль, и он бросил четыре кусочка на обертку от бургера. – Ты там когда-нибудь был? – спросил он Рокки. Четыре кусочка исчезли в единое мгновение. Рокки жадно глядел на оставшееся в шуршащем пакете,

лежавшем на коленях его хозяина и повелителя. – Вегас жестокий город. У меня такое предчувствие, что там нам с тобой будет худо. Вот так.

Спенсер доел «Биг-Мак», хрустящий картофель и допил коктейль. Он больше ничего не дал собаке, несмотря на обиженное выражение, которое не исчезло с ее морды. Потом Спенсер собрал разорванные упаковки и сложил их в один пакет.

– Я хочу, чтобы ты все понял, приятель. Кто бы ни преследовал ее, это сильные и влиятельные люди. Очень опасные. Они еще любят палить из оружия и очень нервничают. Если судить по тому, как прошлой ночью они палили по тени. Наверное, для них все поставлено на карту. – Спенсер открыл крышку второго молочного коктейля, и собака с интересом наклонила голову. – Ты видишь, что я собираюсь тебе дать? Тебе не стыдно, что ты так плохо думал обо мне? Особенно, когда я не дал тебе еще картошки.

Спенсеру пришлось придержать контейнер, чтобы Рокки не перевернул его.

Собака начала лакать так быстро, как это не смогла бы сделать ни одна другая собака к западу от Канзас-Сити. Она яростно лакала, и через секунду ее нос был глубоко в стакане, где она пыталась отыскать еще вкусное лакомство, которое, к сожалению, так быстро кончилось.

– Если они следили за домом прошлой ночью, у них наверняка имеется моя фотография. – Рокки вытащил нос из бумажного стакана и с любопытством посмотрел на Спенсера. Собачья морда была вымазана молочным коктейлем. – Ты совершенно не умеешь себя вести за столом! – Рокки снова засунул морду в стакан, и машину наполнили приглушенные звуки собачьего пира. – Если у них есть мое фото, они все равно найдут меня. Пока я стараюсь побольше узнать о Валери и путешествую в файлах компьютера в прошлое, я тоже могу попасть в западню и тем самым опять привлеку к себе внимание. – Стакан опустел, и Рокки больше не обращал на него внимания. Удивительно быстро работая гибким языком, он вылизал почти всю свою морду. – Кто бы ни желал разделаться с Валери, я – самый большой глупец на земле, если надеюсь справиться с ними. Я это знаю. Я *совершенно* в этом уверен. Но все равно, я направляюсь в Вегас, вот такая штука. – Рокки закашлялся, ему следовало попить воды. Спенсер открыл стакан с водой и придерживал его, пока Рокки пил. – То, что я делаю, вмешавшись во всю эту кашу... для тебя это тоже плохо. И я это прекрасно понимаю. – Рокки больше не желал пить, с его морды капала вода. Спенсер вновь закрыл контейнер с водой и засунул в пакет с мусором. Потом он взял несколько салфеток и придержал собаку за ошейник. – Не двигайся, неряха.

Рокки терпеливо ждал, пока Спенсер промокал его мордочку бумажными салфетками.

Глядя в глаза собаке, Спенсер сказал:

– Ты – мой лучший и единственный друг. Ты понимаешь меня? Конечно, ты все понимаешь. У тебя тоже нет лучшего друга, чем я. И если меня убьют, кто позаботится о тебе? – Собака пристально смотрела в глаза Спенсера, как бы понимая, что он говорит ей о серьезных вещах. – Ты мне только не рассказывай, что сможешь сам о себе позаботиться. Конечно, ты сейчас в лучшей форме, чем тогда, когда я встретил тебя. Но ты еще не пришел в норму, и может быть, никогда и не станешь самостоятельной собакой. – Пес фыркнул, не соглашаясь с ним. Но они оба знали, что это правда. – Мне кажется, что, если со мной что-то случится, ты опять рассыплешься на куски. Станешь таким, каким был до того, как я тебя взял к себе. Кто будет о тебе заботиться и ласкать, чтобы ты был хотя бы таким, как теперь? А? Никто. – Он отпустил ошейник. – Тебе следует знать, что я не такой хороший друг тебе, каким должен бы быть. Я хочу попытать счастья с этой женщиной. Может, действительно мы одного поля ягоды. И ради этого я рискну своей жизнью, чтобы выяснить... но мне не хочется рисковать и твоей тоже.

Никогда не лги собаке.

– Мне чего-то не хватает, чтобы стать таким же преданным другом, как ты. Я ведь всего лишь человек. Если заглянуть к нам в душу поглубже и попристальнее, то обязательно найдешь там эгоистичного ублюдка. – Рокки завилял хвостом. – Прекрати, ты что хочешь, чтобы мне стало еще хуже? – Рокки работал хвостом, как пропеллером, он вскарабкался на

колени к Спенсеру, чтобы тот его приласкал, Спенсер вздохнул. – Ну что ж, мне придется постараться, чтобы меня не убили. – Никогда нельзя лгать собаке. – Но мне кажется, что счет не в мою пользу, – добавил он.

* * *

Рой Миро снова оказался в городе. Он проехал через несколько торговых районов. Ему было трудно понять, где кончался один и начинался другой. Он все еще злился, но у него начиналась депрессия. В отчаянии он старался найти магазин, где бы продавались разные газеты. Но ему была нужна *особенная* газета.

Весьма интересно, что, проехав два далеко расположенных друг от друга района, Рой был уверен, что там происходило что-то странное. Явно шло наблюдение за кем-то.

В первом операцией руководили из фургона с хромированными колпаками на колесах. На боках машины аэрозолью были изображены пальмы и волны прибоя на пляже, и еще красный закат. На крыше были прикреплены две доски для серфинга. Несведущему человеку могло показаться, что фургон принадлежал специалисту по серфингу, выигравшему большую сумму в лотерею.

Рой же ясно видел то, что выдавало фургон. Все его стекла, включая ветровое, были сильно затемнены. Оба боковых стекла, вокруг которых шла роспись, были такими темными, какими бывают стекла с зеркальным отражением. Если кто-то пытался через них заглянуть внутрь фургона, он ничего не видел. Но зато сидящие внутри люди и их видеокамеры могли фиксировать все, что происходило на улице. На крыше фургона были укреплены четыре прожектора. Они пока не горели. Лампы находились в специальных конических патронах, служащих рефлекторами, благодаря которым свет фокусировался в нужном месте. Но на самом деле это не важно. Один конус мог служить антенной компьютерам, находившимся внутри фургона. С ее помощью можно принимать и отправлять огромное количество информации или связываться сразу с несколькими другими компьютерами одновременно. Остальные три конуса служили сборниками звука направленных микрофонов.

Один такой конус был повернут назад, а три другие смотрели в направлении переполненной закусочной «Субмарин Дайв», находившейся на другой стороне улицы.

Шла запись разговоров восьми или десяти людей, которые стояли на тротуаре перед закусочной. Позже компьютер сумеет проанализировать голоса: он выделит речь каждого человека, присвоит ему номер, свяжет один номер с другим, основываясь на потоке слов, уберет почти весь уличный шум – например, звуки, производимые транспортом и ветром, – и запишет речь каждого на отдельную звуковую дорожку.

Вторая операция проходила в миле от первой, на перекрестке. Наблюдение велось тоже из фургона, закамуфлированного под коммерческий, который вроде бы принадлежал компании по продаже стекол и зеркал «Магия стекла Джерри». Там храбро были выставлены по бокам зеркальные, непроницаемые с улицы стекла, их окружали изображения торговой марки фиктивной компании.

Рою всегда было приятно видеть команды, ведущие наблюдение. Особенно когда у них была первоклассная техника. Это, как правило, были не местные команды, а скорее всего федеральные.

Их тайное присутствие показывало, что кто-то волнуется по поводу общественного спокойствия и мира на улицах.

Когда он их видел, ему обычно становилось спокойнее и он не чувствовал себя одиноким.

Но сегодня ему не стало легче при виде этих двух фургонов. Сегодня он не мог выбраться из трясины отрицательных эмоций.

Сегодня его не радовала встреча с бригадами наблюдения. И не успокаивали ни хорошая работа, которую он выполнял для Томаса Саммертона, ни что другое в окружающем мире.

Ему нужно было найти свой центр, открыть дверь в своей душе, остаться один на один с космосом.

Еще до того, как Рой нашел необходимый ему магазин, он увидел почту. Это было именно то, что нужно. Перед ней стояли десять или двенадцать потрепанных автоматов для продажи газет.

Он остановился у красной полосы тротуара, вышел из машины и проверил автоматы. Ему были не нужны «Таймс» или «Дейли ньюс». Необходимую информацию он мог найти только в альтернативной прессе. Множество публикаций были связаны с сексом: информация по поводу обмена партнерами, поиски подходящего партнера, информация о знакомствах «голубых» или развлечениях для взрослых обеспеченных людей и всяческих услугах. Ему это было неинтересно. Если волновалась душа, секс не мог принести успокоения.

Во многих крупных городах успешно пользовалась еженедельная газета «Нью эйдж». В ней были статьи о здоровой пище и натуральных продуктах, о хилерах и проблемах духа, начиная с терапии реинкарнацией и кончая привлечением духов.

В Лос-Анджелесе таких альтернативных газет было целых три.

Рой купил их все и вернулся к машине.

В полутьме салона он быстро просмотрел все газеты. Он читал только объявления об услугах – гуру, сваи, психоаналитики, гадалки, иглоукалыватели, снимающие порчу, травники, помогающие кинозвездам поддерживать форму. Люди, которые могут разобраться в вашей ауре, гадающие по руке, теоретики хаоса, гиды, сопровождающие в прошлую жизнь. Эти и еще многие специалисты предлагали свои услуги, и имя им было легион...

Рой жил в Вашингтоне, но работа заставляла его ездить по всей стране. Он посетил все святые места, где земля, подобно гигантской батарее, аккумулировала огромные запасы духовной энергии: Санта-Фе, Таос, Вудсток, Ки Вест, Спирит Лейк, Метеор Крейтер и другие. С ним происходили удивительные случаи в этих местах, где накапливалась космическая энергия. Но он уже давно подозревал, что Лос-Анджелес является нераскрытым ядром энергии, не менее мощным, чем известные скопления.

Теперь его предположения подкрепились огромным количеством газетных объявлений с предложениями помощи в повышении уровня сознания.

Из множества предложений Рой выбрал «Место в стороне от дороги» в Бербанке. Объявление обращало на себя внимание, поскольку все буквы в названии были прописные. Во всех словах, и даже в предлогах.

Предлагалось множество способов «найти себя и обнаружить центр универсального шторма». Но искать его советовали не на грязном причале, а «в приятной обстановке нашего дома». Ему также понравились имена учителей, и привлек тот факт, что они указали их в объявлении: Джиневра и Честер.

Он посмотрел на часы – было уже начало десятого.

Его машина все еще стояла перед почтой, где парковка не разрешалась. Он позвонил по телефону, указанному в объявлении. Ответил мужской голос:

– С вами говорит Честер из «Места в стороне от дороги». Чем я могу вам помочь?

Честер и Джиневра принимали посетителей в том доме, где жили. Рой извинился за то, что позвонил так поздно. Он объяснил, что скатывается в духовную пустоту и ему необходимо как можно скорее обрести под ногами твердую почву. Он с радостью узнал, что Честер и Джиневра выполняли свою миссию в любое время. Они рассказали, как ему ехать, и он рассчитал, что доберется до них примерно в десять вечера.

Он приехал в девять пятьдесят.

Перед ним был приличный двухэтажный дом в испанском стиле, с крышей из черепицы. Его окна смотрели из глубины толстых стен. Двор был искусно освещен – роскошные пышные пальмы и австралийские огромные папоротники отбрасывали странные тени на бледно-желтые оштукатуренные стены.

Нажимая кнопку звонка, Рой обратил внимание, что на окне рядом с дверью установлена сигнализация. Через секунду Честер попросил его через переговорное

устройство:

– Пожалуйста, ответьте, кто здесь?

Рой слегка удивился, что такая необычная пара, обладающая талантами экстрасенсов и психиатров, считает необходимым прибегать к помощи автоматической охраны. Да, действительно, мы живем в ужасном мире. Даже мистикам приходится защищаться.

Честер мило улыбнулся и проводил Роя в «Место в стороне от дороги». У Честера было значительное брюшко. Ему было около пятидесяти лет. Он почти облысел, но его лысину окружали клочки волос, как у католического монаха. Хотя сейчас стояла зима, он сильно загорел. Несмотря на возраст, он выглядел сильным и похожим на мишку. На нем были свободные брюки цвета хаки и такая же рубашка. Закатанные рукава обнажали волосатые и толстые руки.

Честер провел Роя через комнаты с желтыми полированными полами из сосны. На них лежали индийские ковры. Стояла прочная и грубая мебель, которая больше подошла бы домику в горах Сангре де Кресто, чем особняку в Бербанке. Они прошли через большую гостиную, где стоял телевизор с огромным экраном, и попали в холл. Из него они перешли в круглый зал, примерно двенадцати футов в диаметре. В помещении были белые стены, а окна отсутствовали. Свет проникал через отверстие в куполообразном потолке.

В центре круглого зала стоял круглый стол из сосны. Честер предложил Рою сесть. Тот сел. Честер предложил ему что-нибудь выпить.

– Что хотите – диетическую коку или чай с травами... – Рой отказался – жаждала только его душа. В центре стола стояла корзина, сплетенная из листьев пальмы. Честер указал ему на эту корзину. – Я всего лишь ассистент. Это Джиневра разбирается во всем как следует. Ее руки никогда не должны касаться денег. Хотя она старается отрешиться от земных забот, но ей все равно нужно есть.

– Конечно, – ответил ему Рой.

Он достал из бумажника три сотни долларов и положил их в корзину. Казалось, Честер был приятно удивлен его щедростью. Рой всегда считал, что может рассчитывать на хорошее обслуживание только после того, как хорошо заплатит.

Честер вышел из комнаты с корзинкой.

Тонкие лучики света лились с потолка, но сейчас они стали менее яркими. Комната наполнилась тенями, разлился полумрак, как бывает в помещении, освещенном свечами.

– Привет. Я – Джиневра. Нет-нет, не вставайте.

Она впорхнула в комнату, как девочка, высоко подняв голову и расправив плечи. Джиневра обошла стол и села в кресло напротив Роя.

Ей было около сорока лет. Она была удивительно красивой, несмотря на то что ее длинные светлые волосы спадали каскадами завитков, как у Медузы Горгоны. Рою не понравилась ее прическа. Зеленые глаза Джиневры светились внутренним светом. Ее лицо напоминало Рою мифических богинь в классических изображениях. На ней были облегающие джинсы и майка. Ее поджарое и красивое тело двигалось весьма грациозно. И большие груди соблазнительно колыхались во время движения. Он видел, как соски терлись о ткань майки.

– Как у вас дела? – задорно спросила она его.

– Неважно.

– Мы поможем вам. Как вас зовут?

– Рой.

– Чего вы пытаетесь добиться, Рой?

– Мне хотелось бы, чтобы на земле царили мир и справедливость. Совершенно идеальный мир. Но люди такие грешные, и они далеки от идеала. Нигде нет совершенства. Но я сильно в нем нуждаюсь. Иногда у меня из-за этого начинается депрессия.

– Вам нужно понять, отчего мир несовершенен и почему это не дает вам покоя. Какую дорогу просвещения вы желаете выбрать?

– Любую дорогу, все дороги!

– Прекрасно! – заявила прекрасная блондинка. Она произнесла это слово с таким энтузиазмом, что золотистые змейки ее волос заплясали у нее по плечам и красные бусинки, которыми заканчивалась каждая прядь, начали громко стучаться друг о друга. – Наверное, нам стоит начать с кристалла.

Вернулся Честер, он толкал перед собой массивный шкаф на колесиках. Он подкатил его к Джиневре с правой стороны.

Рой увидел, что это серо-черный металлический шкаф для инструментов четырех футов высотой, трех футов шириной и двух футов глубиной. В шкафу были дверцы и полочки разной ширины и глубины, расположенные над дверцами. Была видна тусклая марка «Сиерс: умелые руки».

Честер сел на третий стул. Слева от женщины.

Джиневра открыла один ящик шкафа и достала оттуда хрустальный шар, немного больше бильярдного. Она обхватила его двумя руками и протянула Рою. Тот принял шар в свои руки.

– У вас очень темная аура. Кругом все волнуется. Нам нужно сначала все очистить. Держите шар обеими руками, закройте глаза и постарайтесь успокоиться и начать медитацию. Думайте только об одном. Перед вами должен быть только один чистый образ: холмы, покрытые снегом. Мягкие холмы под свежим снегом. Он белее сахара, мягче муки. Мягкие очертания холмов распространяются до самого горизонта. Холмы, холмы... На них все падает и падает снег. Белое на белом. Снежинки падают вниз, спускаясь с белых небес. Белизна производит белизну, падает на белизну, и все становится белым...

Джиневра продолжала монотонно говорить еще некоторое время. Рой все равно не мог себе представить холмы под белым снегом или падающий снег, как бы он ни старался. Вместо этого ему представлялось только одно – ее руки. Ее прелестные ручки, удивительные *руки*.

Она была настолько красива, что он не обратил внимания на ее руки до тех пор, пока она не передала ему шар. Он никогда не видел ни у кого таких рук, как у нее. Удивительные руки. У него пересохло во рту, когда он представил себе, как целует ее ладони. У него бешено забилося сердце при воспоминании о ее красивых пальцах. Они казались просто *идеальными*.

– Так, вот, уже лучше, – радостно заявила Джиневра спустя некоторое время. – Ваша аура стала более светлой. Теперь вы можете открыть глаза.

Рой боялся, что он просто придумал великолепие ее рук и когда он их снова увидит, то поймет, что они ничем не отличаются от рук других женщин, что это не руки ангела. Но этого *не произошло*. Руки ее были тонкими, нежными и удивительно прекрасными. Они взяли у него хрустальный шар и положили его на открытую полку шкафа.

Потом она взмахнула руками – они были подобны расправленным голубиным крыльям. Она показала ему на семь новых хрустальных предметов, которые поставила на квадрат черного бархата на столе. Она это сделала, пока у него были закрыты глаза.

– Переставьте их так, как пожелаете, – сказала она. – А потом я попытаюсь что-то прочесть в них.

Эти предметы оказались хрустальными снежинками, которые продавались как украшения для рождественской елки. Все они отличались друг от друга.

Рой пытался сосредоточиться на задании, но его глаза потихоньку следили за руками Джиневры. Каждый раз, когда он их видел, у него перехватывало дыхание. У него дрожали руки, и он подумал, заметила она это или нет.

Джиневра, оставив хрустальные предметы, читала его ауру через призматические линзы, потом она раскладывала карты Таро, волшебные рунические камни, и ее сказочные руки были еще прекраснее. Ему как-то удавалось отвечать на ее вопросы, выполнять ее указания, и казалось, что он слушал ту мудрость, которую она открывала перед ним.

Она, наверное, решила, что он несколько отстал в своем развитии или был пьяным, потому что он запинаясь, отвечая, и не сводил взгляд с ее рук. Он был ими опьянен!

Рой виновато глянул на Честера и вдруг подумал, что тот – муж Джиневры, и, наверное, злится за то, что ее руки вызывают у Роя запретные желания. Но Честер не обращал на них никакого внимания. Он наклонил лысую голову и чистил свои ногти.

Рой был уверен, что у Матери Божьей руки не были более нежными, чем у Джиневры. А у дьяволицы-соблазнительницы в аду более эротическими. Руки Джиневры были великолепными, как были великолепными сексуальные губы Мелиссы Виклун. Но руки были в тысячу раз, в *десять* тысяч раз более соблазнительными. Они были идеальными, чудесными, прекрасными.

Она взяла мешочек с руническими камнями и снова раскинула их на столе.

Рой подумал, не попросить ли, чтобы она погадала ему по руке. Тогда ей придется держать его руку в своей.

Он даже вздрогнул от такой соблазнительной мысли, и у него закружилась голова. Он не мог уйти из этой комнаты и оставить ее здесь, чтобы она касалась других мужчин этими изумительными неземными руками.

Он протянул руку к скрытой под пиджаком кобуре, достал оттуда свою «беретту» и сказал:

– Честер.

Честер взглянул на него, и Рой выстрелил ему прямо в лицо. Честер дернулся и упал со стула.

Ему нужно поменять глушитель – он стал плохо действовать. Звук выстрела разнесся по всему дому, но, к счастью, не проник за пределы этих стен.

Джиневра смотрела на рунические камни, когда Рой застрелил Честера. Она, видимо, была слишком увлечена своим занятием, потому что лишь странно посмотрела на Роя, когда увидела пистолет.

Он не дал ей времени поднять руки к лицу, он мог повредить их, стреляя. Этого нельзя было делать. Рой выстрелил ей прямо в лоб. Она опрокинулась назад в кресле и упала рядом с Честером на пол.

Рой убрал пистолет, встал и обошел вокруг стола.

Честер и Джиневра лежали и, не мигая, смотрели на свет вверх. За стеклами уже была ночь. Они погибли сразу, поэтому крови почти не было. Их конец был скорым и безболезненным.

Этот момент для Роя был грустным и в то же время радостным. Грустным потому, что мир лишился двух просветленных людей, с их добротой, проникавшей глубоко в души людей. И радостным, потому что Честер и Джиневра больше не должны были жить в обществе равнодушных и непросвещенных людей!

Рой им завидовал.

Он достал из внутреннего кармана перчатки и надел их, чтобы провести определенную и важную церемонию.

Ногой он поднял кресло Джиневры. Придерживая ее тело, он придвинул кресло к столу, зажав мертвую женщину в кресле. Ее голова наклонилась вперед, и подбородок касался груди. Тихонько зазвенели ее бусинки на спутанных прядях волос. Волосы упали вперед, как занавес, скрывший ее лицо.

Он поднял ее повисшую правую руку и положил ее на стол, потом то же сделал с ее левой рукой.

Ее руки. Некоторое время он не отводил от них взгляда.

Ее руки были прекрасными как в жизни, так и в смерти. Великолепные, элегантные, красивые.

Они питали его надеждой. Значит, могло существовать совершенство. Неважно, насколько оно незначительно. Даже если присутствует лишь в паре чудесных рук, и тогда его мечта о *всеобщем* идеальном мире могла стать реальностью со временем.

Он положил свою руку на ее руки. Даже через перчатки его пронзило словно электричеством. Он задрожал от удовольствия.

Ему оказалось труднее справиться с Честером из-за его веса. Тем не менее Рою удалось перетащить его и усадить напротив Джиневры, но он скорчился в своем кресле, а не в том, где до этого сидел Рой.

В кухне Рой проверил все полки, заглянул в кладовку. Он собрал все, что ему было нужно, чтобы довести до конца последнюю церемонию. Он также зашел в гараж, чтобы взять там кое-что. Потом он все отнес в круглый зал и положил сверху ящика на колесах, в котором Джиневра держала все свои приспособления для чтения ауры и гадания.

Он вытер полотенцем кресло, на котором сидел, ведь на нем некоторое время не было перчаток и могли остаться отпечатки пальцев. Он также вытер хрустальный шар, часть стола, где сидел, хрустальные снежинки, которые раскладывал ранее, чтобы Джиневра прочитала его мысли и состояние духа. Он больше ничего не касался в комнате.

Несколько минут он открывал дверцы и просматривал, что находилось в ящике на колесах. Наконец ему попало то, что могло подойти в данной ситуации. Это была пентаграмма, зеленый магический знак, выполненный на черном фетре. Этот знак использовался в более серьезных случаях.

Таких, как попытки установить связь с душами мертвых. Это были более сложные церемонии, чем попытки прочесть значение рунических камней, хрустальных шаров или же карты Таро.

Пентаграмма разворачивалась и превращалась в квадрат со стороной около восемнадцати дюймов. Рой поместил его посередине стола как символ потусторонней жизни.

Потом он включил маленькую электропилу, которую нашел среди инструментов в гараже, и отпилил у Джиневры правую руку. Рой осторожно положил руку в пластиковый контейнер, предварительно подложив под нее чистое кухонное полотенце. Рука как бы покоилась на мягкой удобной подушке. Рой закрыл запор контейнера.

Конечно, ему хотелось забрать с собой и ее левую руку, но он посчитал чересчур эгоистичным желание иметь обе ее руки. Было правильнее оставить левую руку для того, чтобы полиция, и коронер, и все остальные, кто будет заниматься этим делом, увидели, что у нее были самые великолепные руки в мире.

Он также поднял руки Честера на стол, положив правую его руку на левую руку Джиневры, лежавшую в центре пентаграммы. Так он выразил свое убеждение, что в лучшем из миров они будут вместе.

Рою хотелось обладать такой психической энергией или безупречностью, чтобы суметь освободить дух мертвых. Тогда бы он сейчас же узнал у Джиневры, не стала бы она возражать, если бы он забрал себе ее левую руку тоже.

Рой вздохнул, взял контейнер, где лежала рука Джиневры, и неохотно вышел из круглого зала. В кухне он позвонил по телефону 911 и сказал полицейскому дежурному:

– "Место в стороне от дороги" и есть то самое место. Так печально. Пожалуйста, приезжайте туда.

Он не положил трубку на аппарат. Потом быстро вынул еще одно полотенце и поспешил к двери. Насколько он помнил, войдя в дом и следуя за Честером, он ничего не касался. Теперь ему следовало только вытереть дверной звонок и выбросить полотенце по дороге к своей машине.

Он выехал из Бербанка, миновал холмы и углубился в район Лос-Анджелеса. Проехал по улицам Голливуда. Яркие надписи на стенах разных зданий, машины со всякими молодыми подонками, которые раскатывали в поисках всевозможных беспорядков, непристойностей и драк, порнолавки и театрики, пустые магазины и замусоренные тротуары и многие другие признаки свидетельствовали об экономическом и моральном хаосе. Ненависть, зависть, жадность и похоть загрязняли воздух вокруг сильнее любого смога. В данный момент его ничто не волновало, потому что он обладал предметом такой идеальной красоты и великолепия, который доказывал, что во Вселенной работает великая и мудрая творческая сила. В его контейнере лежало подтверждение существования Бога.

* * *

Спенсер ехал по шоссе, вокруг была темнота. О цивилизации свидетельствовали только темное шоссе и машины, которые мчались по нему. Умолкли почти все радиостанции. В этот миг Спенсер почувствовал против своей воли, что его притягивает более глубокая темнота и странная тишина другой ночи, минувшей шестнадцать лет назад. Им завладели воспоминания. Он не мог избавиться от них, не пройдя очищение. Ему нужно было поговорить о том, что он видел и выстрадал.

Ему не перед кем было исповедоваться – кругом были холмы и шоссе. Он мог все рассказать только своей собаке.

* * *

...Я спускаюсь по лестнице. Я обнажен по пояс и иду босиком, потирая руки и не понимая, почему мне так страшно. Возможно, именно в тот момент я почти осознал, что спускаюсь туда, откуда мне никогда не будет суждено подняться.

Мое внимание привлек крик, который я слышал из окна. Потом я увидел сову. Крик был коротким и прозвучал всего два раза, и еще повторился очень тихо, он был таким жалобным и пронзительным, что память о нем не оставляет меня. Должно быть, странные ощущения и ужасы могут соблазнить четырнадцатилетнего парня так же легко, как и загадка секса.

Я спускаюсь по лестнице, пересекаю комнату, где залитые лунным светом окна слабо светятся, как экраны телевизора. В комнате стоит старинная, похожая на музейную, мебель, и ее можно различить только по угловатым теням в сине-черном мраке. Я прохожу мимо произведений Эдварда Хоппера, Томаса Харта Бентона и Стивена Акблома. С картин последнего на меня смотрят странные светящиеся лица с удивительным выражением. Их невозможно понять, как и идеограммы незнакомого языка, разработанные в мире, отдаленном на миллионы световых лет от Земли.

В кухне каменный пол холоден как лед. В течение дня он впитывал в себя холод специально охлаждавшегося воздуха и теперь забирает тепло моих ног.

Рядом с задней дверью горит маленький красный огонек охранного устройства. В смотровом окошке светятся зеленым светом слова: «Подключено к системе безопасности и охраны». Я набираю код, чтобы выключить систему охраны. Красный огонек превращается в зеленый и меняется надпись: «Готово к включению».

Это не обычный сельский дом. Здесь не живут люди, которые питаются плодами своего труда и у которых весьма простые вкусы и нужды. В доме содержатся настоящие сокровища – великолепная мебель и произведения искусства, – и поэтому даже в сельской местности Колорадо необходимо охранять такое богатство.

Я сдвигаю два запора, открываю дверь и выхожу на заднее крыльцо из тихого дома в терпкую июльскую ночь. Босиком спускаюсь по теплым доскам крыльца на выложенный камнем задний дворик, который окружает бассейн. Иду мимо темной, мерцающей воды в бассейне.

Я сам себе напоминаю лунатика. Меня притягивает к себе тот крик.

Призрачное серебряное лицо луны, сияющей позади меня, отражается на каждой травинке, поэтому газон кажется посеребренным морозом, хотя сейчас не тот сезон. Странно, но теперь я начинаю бояться не только за себя, но и за мою мать, хотя она умерла уже более шести лет назад и находится вне всякой опасности. Мой страх становится таким сильным, что я останавливаюсь. Я, напряженный, стою на заднем дворе. Кругом тишина. Моя тень лежит темным пятном на серебристом газоне.

Передо мной сарай, где в течение последних пятнадцати лет не содержались ни животные, ни сельскохозяйственные машины. Так было с тех пор, как я родился.

Все, кто проезжает мимо по дороге, могут считать, что это сарай, но все не так.

Ничего подобного.

Ночь жаркая, и у меня на лице и на голой груди появляются капельки пота. Но внутри меня сохраняется холод. Он не покидает меня. Он под кожей, в крови и внутри моих мальчишеских костей. И жар июля не может растопить этот холод.

Я начинаю думать, что мне так холодно от вспомнившегося вдруг жуткого холода того мрачного дня в марте, шесть лет назад, когда нашли мою мать, пропавшую за три дня до этого. Точнее сказать, нашли ее изуродованное тело, валявшееся в канаве дороги, почти в десяти милях от дома. Ее там оставил чертов маньяк, который напал на нее, а потом и убил. Мне было тогда восемь лет, и я не понимал, что на самом деле означает смерть. В то время никто не осмелился объяснить мне, как жестоко обошлись с ней, как она ужасно страдала перед смертью.

Мне кое о чем рассказали мои одноклассники. Те самые ребята, которые отличались большой жестокостью. Такая жестокость свойственна иногда и взрослым людям, которые почему-либо так и не смогли по-настоящему повзрослеть. Но даже в том возрасте, тогда, я смог понять, что больше никогда не увижу мою мать. Я это понял, даже будучи наивным и невинным ребенком, и ощутил в тот момент, в тот мартовский день такой холод, равного которому я никогда прежде не знал.

Теперь я стоял на залитом лунным светом газоне и никак не мог понять, почему мои мысли опять вернулись к моей бедной матери. И почему тот отдаленный крик, который я слышал, стоя у своего окна, кажется мне странным и в то же время знакомым. Почему я беспокоюсь о матери, когда она мертва уже шесть лет. Я пытаюсь понять, почему мне так страшно самому, если летняя ночь не таит для меня непосредственной угрозы.

Я снова двигаюсь в сторону сарая. Мне почему-то нужно подойти к нему. Хотя сначала я решил, что кричало какое-то дикое животное в полях или на прилегающих холмах. Моя тень двигается передо мной, поэтому я шагаю не по серебру травы, а по темной собственной тени.

Вместо того чтобы идти к огромным воротам, занимающим южную стену сарая, с врезанной в них маленькой дверью в рост человека, я инстинктивно иду к углу, пересекая асфальтовую дорожку, проложенную вдоль дома и гаража. Я снова иду по траве и сворачиваю за угол дома. Мои босые ноги бесшумно ступают по моей тени.

Теперь я останавливаюсь, потому что перед сараем замечаю машину, которой я никогда прежде не видел, – это фургон «Шевроле», изготовленный на заказ. Он кажется черным, но это не так, просто лунный свет превращает все цвета или в серебристый или в темный. На боку фургона нарисована радуга, она тоже кажется состоящей из всех оттенков серого цвета. Задняя дверь фургона открыта.

Кругом царит тишина.

Никого не видно.

Достигнув этого странного возраста – четырнадцати лет, – помня, что в детстве были и плохие сны, и праздники Всех Святых с их страшными масками, я раньше никогда не чувствовал, что ужас и необычность обстановки могут стать так соблазнительны и я не смогу противостоять их извращенному притяжению. Я делаю один шаг к фургону, и...

...и что-то со свистом разрезает воздух над моей головой. Слышится хлопанье крыльев, и я пугаюсь. После этого я спотыкаюсь, падаю, перекатываюсь и поднимаю голову как раз в тот момент, когда надо мной расстилаются огромные белые крылья.

Тень скользит по залитой лунным светом траве, и у меня появляется безумная мысль, что моя мать в виде ангела спустилась с небес, чтобы увести меня от этого фургона. Потом посланница небес взмывает выше, в темноту, и я понимаю, что это просто огромная белая сова с большим размахом крыльев. Она скользит в летней ночи, пытаясь поймать полевую мышь или другую добычу.

Сова исчезает.

Ночь остается со мной.

Я поднимаюсь на ноги.

Я крадусь к фургону, меня влекут к себе тайна и предстоящее приключение. Вернее, его предвкушение. И ужасная тайна. Я еще не знаю, что владею ею.

Я уже забываю хлопанье крыльев совы в полете, хотя это было совсем недавно и весьма испугало меня. Но этот жалобный крик, услышанный у открытого окна, постоянно повторяется в моей памяти. Наверное, я начинаю понимать, что это не была жалоба дикого животного, распрощавшегося с жизнью в поле или в лесу. Это был слабый крик ужаса и мольба о помощи человеческого существа, оказавшегося в объятиях навалившегося ужаса...

* * *

Сидя в машине, мчавшейся по шоссе, Спенсер снова перебирал в уме все подробности случившегося тогда. У него не было крыльев совы, но он обладал ее мудростью. Он проследил весь путь памяти до центра тьмы, до блеска стали, пронзившей тень, до неожиданной боли и запаха крови и до его раны, которая позже превратилась в шрам. Он заставлял себя добираться до конечной истины, которая всегда оставалась тайной для него.

И на этот раз она не открылась ему.

Он никогда не мог вспомнить, что произошло в последние мгновения этой жуткой встречи, случившейся так давно, после того как он нажал курок пистолета... В полиции рассказали ему, как, должно быть, все закончилось. Он читал отчеты о том, что он сделал, написанные репортерами, которые основывали свои статьи и книги на свидетельствах и уликах. Но никого из них там не было. Они не могли знать безусловную правду. Только он один был там. Его воспоминания были такими яркими до определенного момента. Они мучили его. Но потом память проваливалась в черную дыру амнезии. Даже спустя шестнадцать лет он не смог хотя бы крохотным лучиком проникнуть сквозь эту тьму.

Если он когда-нибудь все вспомнит, он заслужит полный покой. Или воспоминания разрушат его. Если в этом черном тоннеле амнезии он узнает о чем-то таком постыдном, что не сможет жить дальше. Бывает, память оказывается нежелательной, и тогда лучше приложить к виску пистолет.

Тем не менее он периодически очищал себя, вновь проживая все, что мог вспомнить. И каждый раз ему на время становилось легче. Он снова проделал это на скоростном шоссе в пустыне Мохав, пересекая ее со скоростью пятьдесят миль в час.

Взглянув на Рокки, Спенсер увидел, что собака дремлет на соседнем сиденье, свернувшись в клубочек. Казалось, что ей неудобно лежать. Ее хвост болтался под приборной доской, но раз она спала, значит, все было в порядке.

Спенсер подумал, что после того, как он много раз за последние годы повторял свою историю разным людям, ритм его повествования и голос, которым он рассказывал, стали ужасно монотонными. Он настолько убаюкал бедную собаку, что ее не смог бы разбудить даже жуткий шторм.

Но, возможно, он не все время говорил вслух. Наверное, иногда он переходил на шепот и потом просто замолкал, продолжая свой монолог мысленно. Ему было неважно, перед кем исповедоваться – собака так же годилась, как и незнакомец из бара. И неважно ему было, слушают его или нет.

Ему нужен был слушатель только для того, чтобы иметь возможность выговориться, пытаясь найти временное отпущение грехов. А может быть, он пытался обнаружить новую деталь, как-то разрядить темноту – обрести мир и покой хотя бы на время.

Он был в пятидесяти милях от Вегаса.

Пучки перекасти-поля, ветерком собранные в шары иногда размером с колесо, перебегали дорогу перед машиной. Сквозь них светили огни фар, они двигались ниоткуда и в никуда.

Чистый сухой воздух пустыни не мешал ему видеть перед собой вселенную. Миллионы звезд сияли от горизонта к горизонту, прекрасные, но холодные, привлекательные, но

недосягаемые. Они отбрасывали так мало света на поля, простиравшиеся по обе стороны от шоссе. Они были великолепны, но хранили вечные тайны.

* * *

Когда Рой Миро проснулся в своем номере в отеле «Вествуд», часы на ночном столике показывали 4:19. Он спал менее пяти часов. Но, включая лампу, он чувствовал себя отдохнувшим.

Рой откинул покрывало и сел на край кровати. Он был в пижаме. Он сощурился, чтобы глаза привыкли к свету, потом улыбнулся, глядя на пластиковый контейнер, стоявший на столике рядом с часами.

Пластиковый контейнер был полупрозрачным, поэтому он мог различить только размытые очертания находившегося внутри предмета.

Он поставил контейнер на колени и открыл крышку. Рука Джиневры. Он чувствовал, что на него снизошло благолепие оттого, что он может обладать такой великолепной красотой.

Как, однако, грустно, что такое чудо долго не выдержит. Через сутки, если не раньше, рука начнет разлагаться, и ее красота останется только в воспоминаниях.

Уже сейчас рука изменила свой цвет. К счастью, белизна только подчеркнула прекрасные линии кисти и длинных элегантных тонких пальцев.

Рой закрыл контейнер, проверил запор и снова поставил контейнер на столик.

Он прошел в гостиную двухкомнатного номера. На столе у большого окна его телефон сотовой связи уже был соединен с компьютером, включен в сеть.

Рой связался с «Мамой» и попросил ее сообщить результаты проверки, которую он велел ей провести прошлым вечером, когда он и его люди обнаружили, что второй адрес Спенсера привел их лишь на безлюдное поле, где работали одни нефтяные насосы.

Как же он тогда разозлился!

Сейчас он был спокоен. Он мог контролировать себя. Он владел собой.

Он читал сообщение «Мамы» на экране, нажимая клавишу «Перевернуть страницу», когда заканчивал чтение очередного фрагмента ее сообщения. Рой сразу же понял, что поиски настоящего адреса Спенсера Гранта – дело весьма сложное.

Когда Спенсер работал в калифорнийском агентстве по компьютерным преступлениям, он многое узнал о национальной сети информации «Инфонет». Он был прекрасно осведомлен о незащищенности тысяч компьютерных систем, входящих в эту сеть. Он, видимо, узнал коды и возможности связи, достал атласы главных компьютерных систем разных телефонных компаний, кредитных агентств и правительственных учреждений. Затем ему, наверное, удалось вынести все эти данные с собой или просто переписать их с помощью электроники в свой компьютер.

Уйдя с работы, он смог стереть все данные о своем пребывании в агентстве из всех файлов. Его имя сохранилось только в файлах, связанных с социальным страхованием. Еще были записи о военной службе, о выдаче водительских прав и записи в файлах полицейского департамента. Но в каждом случае там был указан один из двух адресов, которые уже проверил Рой и которые оказались фальшивыми. Национальные файлы налоговой инспекции содержали данные о людях с такой фамилией. Но это были люди другого возраста, имевшие другие номера карточки социального страхования. Они не жили в Калифорнии и не платили налоги в качестве служащих полицейского департамента Лос-Анджелеса. Грант также отсутствовал в файлах налоговой инспекции штата Калифорния.

Если ничего больше, то уж от уплаты налогов Грант, видимо, постоянно уклонялся. Рой ненавидел подобных людей. Они были примером социальной безответственности.

Если верить «Маме», ни одна компания по коммунальным услугам не присылала счетов Спенсеру Гранту. Но где бы он ни жил, он нуждался в электричестве, воде, телефоне, в том, чтобы у него убирали мусор, и, наверное, ему был нужен газ.

Если даже он стер свое имя со счетов об оплате, чтобы ни за что не платить, он не мог стереть все данные об обслуживании клиентов с файлов этих компаний, иначе могли быть накладки в самих программах и у него все было бы отключено: электричество, вода и так далее.

Но все равно его не удавалось найти.

«Мама» выдвинула два предположения. Первое. Грант все же платил за коммунальные услуги. Но он изменил свои счета и рабочие файлы компаний и все перевел на другое имя, которое он сам себе придумал. Единственной причиной для этого было желание совершенно исчезнуть из всех записей. Его было бы трудно найти, если бы полицейские или правительственные организации желали бы побеседовать с ним. Как, например, сейчас. Второе. Он – нечестный человек. Он не желает платить по счетам и не оплачивает их, продолжая пользоваться услугами коммунальных служб под чужим именем. В любом случае его адрес *все равно* был в файлах компаний, но там было записано другое имя, как бы его секретный псевдоним. Его можно отыскать, только если знать это имя.

Рой на время остановил чтение сообщений и пошел в спальню, чтобы взять там пакет с нарисованным компьютером портретом Спенсера Гранта. Этот человек был удивительно умным противником. Рой желал, чтобы перед ним было умное лицо этого ублюдка, пока он станет читать отчет «Мамы».

Он снова уселся у компьютера и продолжил изучение данных.

«Мама» не смогла найти счет Спенсера в банке или в организации, которая выдавала ссуды. Или он за все расплачивался наличными, или оформлял счета под вымышленным именем. Вернее всего – первое. В действиях этого человека сквозила явная паранойя – он ни при каких обстоятельствах не желал доверять свои средства банку.

Рой взглянул на портрет Гранта, укрепленный рядом с компьютером. У Гранта были странные глаза. Они горели необычным огнем. В этом не было никакого сомнения. В глазах была сумасшедшинка. Может, даже больше, чем сумасшедшинка.

Грант мог образовать свою корпорацию, с помощью которой он мог оплачивать счета и иметь наличность. «Мама» проверила файлы министерства финансов Калифорнии. Она искала там его имя в качестве служащего корпорации. Безуспешно.

Каждый счет в банке должен был содержать номер карточки социальной страховки, поэтому «Мама» также проверила счета на предмет выявления этого номера, вне зависимости от имени, на чей счет могли быть помещены деньги. Ничего.

У него мог быть собственный дом, поэтому «Мама» проверила налоги на недвижимость в тех округах, которые указал ей Рой. Ничего. Если у него был дом, он его зарегистрировал также под чужим именем.

Еще одна подсказка. Если Грант посещал университет или лежал в больнице, он мог забыть, что тогда давал свой адрес, указывал его в разных бумагах, и мог забыть стереть его из этих файлов. Большинство образовательных и медицинских учреждений регулировались федеральными законами, поэтому их записи могли быть использованы различными государственными учреждениями. Если учесть, сколько их было даже в ограниченном поисками пространстве, «Мама» должна была обладать терпением святого или машины, что, собственно, и имело место. Несмотря на все попытки, она ничего не нашла.

Рой снова глянул на портрет Спенсера Гранта. Ему начало казаться, что у этого человека не только проблемы с душевным здоровьем, в нем было что-то еще более темное. Он, видимо, являл собой воплощение *зла* в его активной форме. Все, кто так заботится о своей анонимности, – враги народов.

Рой похолодел и снова взглянул на экран компьютера.

Когда «Мама» по заданию Роя предпринимала такие длительные поиски и они не приводили к результатам, она не сдавалась. Она была запрограммирована так, чтобы использовать свои дополнительные логические цепи. Выполняя более легкую работу или вообще не имея заданий, она пролистывала огромные списки заказов по почте, которые собирались в Агентстве, и таким образом пыталась отыскать имя, которое больше нигде не

значилось.

Это называлось «суп из имен». Списки получали из клубов книголюбов и любителей дисков, национальных журналов и издательств. Также привлекались списки основных политических партий. Использовались заказы компаний, продающих вещи по каталогам, компаний, которые продавали все – от сексуального ночного белья до электронной аппаратуры и мясных продуктов. Учитывались группы по интересам – любители старых машин и филателисты. И еще из очень многих источников черпались данные.

В программе под названием «Суп» «Мама» отыскала Спенсера Гранта, который отличался от своих однофамильцев в файлах налоговой инспекции.

Рой заинтересовался и поудобнее устроился в кресле. Почти два года назад *этот* Спенсер Грант заказал по почте для собаки резиновую игрушку из каталога, издаваемого для владельцев домашних животных. Это была музыкальная косточка из жесткой резины. На этом заказе был указан адрес: Калифорния, Малибу.

Тогда «Мама» снова начала просматривать файлы компаний по коммунальным услугам, чтобы проверить, оказывались ли услуги по этому адресу. Да, оказывались.

Электричество оплачивалось от имени Стюарта Пека.

Водоснабжение и уборка мусора – мистером Генри Холденом.

Счет за газ отправлен на имя Джеймса Гейбла. Телефонная компания оказывала услуги некоему Джону Хэмфри. Но по тому же адресу посылали счет за телефон сотовой связи на имя Вильяма Кларка.

Междугородные звонки оплачивались Уэйном Грегори.

Налоги на недвижимость указывали на владельца Роберта Трейси.

«Мама» нашла человека со шрамом! Несмотря на его усилия скрыться за занавесом разных вымышленных имен и фамилий, вообще стереть свое прошлое и сделать так, чтобы его было практически невозможно поймать, ему это не удалось. Отыскать его было почти так же трудно, как доказать существование лох-несского чудовища, и хотя он почти добился того, что стал неуловимым, как привидение, его подвела пищалка – резиновая косточка для собаки. Собачья игрушка! Грант казался удивительно умным, но обычное человеческое желание доставить удовольствие любимой собаке обернулось против него.

Глава 9

Рой Миро вел наблюдение из синих теней эвкалиптовой рощицы. Ему нравился слегка отдающий лекарством, но приятный запах листьев. В них содержалось так много душистого масла.

Быстро скомплектованный ударный отряд совершил налет на домик через час после наступления рассвета. В каньоне все было спокойно. Только слегка шелестели листья деревьев под легким ветерком, тянувшим с моря. Тишину нарушили звуки разбитого стекла, взрывы гранат и грохот, вызванный тем, что одновременно сорвали с петель парадную и заднюю дверь.

Домик был маленький, и через минуту стало ясно, что хозяин отсутствует. Альфонс Джонсон вышел на заднее крыльцо и показал Рою, что в доме никого нет. У Джонсона в руках был маленький автомат «узи», грудь закрывал бронежилет. Он был таким мощным, что, казалось, задержит даже покрытые тефлоном пули.

Рой, расстроенный, вышел из рощицы и вслед за Джонсоном прошел на кухню. Под ногами хрустели осколки стекла.

– Он куда-то отбыл, – сказал Джонсон.

– Почему ты так думаешь?

– Посмотрите.

Рой последовал за Джонсоном в спальню. Она была обставлена скромно, почти как келья монаха. На грубо оштукатуренных стенах ни одной картинки, которые могли бы немного оживить суровость обстановки. Вместо штор на окнах висели белые виниловые

жалюзи.

Перед ночной тумбочкой стоял чемодан.

– Наверное, решил, что он ему не понадобится, – сказал Джонсон.

Простая простыня из хлопка была немного помята, – видимо, Спенсер ставил сюда другой чемодан, чтобы собрать вещи для путешествия.

Дверь стенного шкафа была открыта. На вешалках осталось несколько пар джинсов и хлопковых легких брюк, но половина вешалок была пуста.

Рой выдвинул один за другим ящики шкафа. Там было очень мало вещей – только носки, трусы и майки. Пояс для брюк. Один зеленый и один синий свитера.

Даже если вернуть на место содержимое другого чемодана, в шкафу все равно будет слишком свободно.

Наверное, Грант взял с собой несколько чемоданов. Но можно было выдвинуть и другое предположение: просто он совсем мало денег тратил на одежду и на то, чтобы как-то украсить дом.

– Собаки не видно? – спросил Рой.

Джонсон покачал головой:

– Я ее не видел.

– Поищи внутри и снаружи, – приказал ему Рой, выходя из спальни.

Еще три члена ударной бригады, те, с которыми Рой прежде не работал, ждали в гостиной. Они были высокими и мощными парнями. Одетые в защитные жилеты и каски, в громоздких ботинках, сверкающие оружием, в этой крохотной комнатке они казались еще громаднее, чем были на самом деле. Когда им не нужно было стрелять или подавлять чьи-то нежелательные действия, они выглядели такими неуклюжими и неуверенными, как профессиональные борцы, которых пригласили на чай в дамский клуб долгожителей – любителей вязания.

Рой собирался приказывать им, чтобы они вышли из комнаты, но вдруг заметил, что экран одного из компьютеров светится. Масса электронного оборудования стояла на большом столе, занимавшем весь угол комнаты. На синем экране светились белые буквы.

– Кто его включил? – спросил Рой у солдат.

Они непонимающе смотрели на компьютер.

– Вы что, ничего не заметили?

– Нет, пожалуй, нет.

– Наверное, Грант спешил, покидая дом, – заметил кто-то из парней.

Альфонс Джонсон, появившийся в комнате, не согласился с ними:

– Компьютер не был включен, когда я вошел. Могу биться об заклад.

Рой подошел к столу. В центре экрана светились две цифры, они повторялись три раза.

Внезапно цифры стали меняться строчка за строчкой, начиная сверху.

Они двигались очень медленно, пока на экране не установился новый ряд:

Когда на экране появилось последнее число «32», послышался тихий звук, что-то вроде «тррррр». Он исходил от какого-то электронного прибора. Звук продолжался лишь несколько секунд, и Рой не смог определить, откуда именно он исходит.

Также начиная сверху, цифры опять поменялись:

33 33 33

И снова – на протяжении двух секунд – тихий звук «тррррр».

Хотя Рой, безусловно, работал с весьма современными компьютерами и знал о них гораздо больше обычного обывателя, ему никогда не приходилось видеть такие удивительные приборы, которые стояли на столе у Спенсера Гранта. Некоторые из них, видимо, были изготовлены самим Грантом. Маленькие красные и зеленые лампочки сияли на некоторых странных аппаратах. Значит, они тоже были включены. Сеть проводов и проводков разного сечения соединяла большинство знакомого ему оборудования с совершенно неизвестной аппаратурой.

«Тррррр».

Здесь происходило что-то важное. Интуиция подсказала это Рою. Но что же именно происходило? Он ничего не понимал и пытался хоть что-то разгадать, уяснив, что за оборудование перед ним.

На экране цифры снова менялись снизу вверх, пока не засветилось число тридцать пять. «Тррррр».

Если бы числа уменьшались, Рой мог бы подумать, что идет отсчет времени до взрыва. Бомба. Конечно, не существовало никаких космических законов, которые бы диктовали производить взрыв по окончании отсчета времени на нуле. Почему бы не сделать все наоборот. Начать с нуля и взорвать бомбу при счете сто. Или пятьдесят, или сорок.

«Трррррр».

Нет, это не может быть бомба. Просто в этом нет никакого смысла. Почему Грант захочет взрывать свой собственный дом?

Легкий вопрос. Потому что он – псих! Параноик. Вспомни глаза на компьютерном портрете: горящие, с эдакой сумасшедшинкой.

Тридцать семь, смена шла снизу вверх. «Трррррр».

Рой начал рассматривать спутанные провода. Он пытался что-то понять, проследить соединения проводов.

По левому виску ползла муха, он нетерпеливо смахнул ее. Это оказалась не муха, а капелька пота.

– В чем дело? – спросил его Альфонс Джонсон.

Он нависал над Роем сбоку – ужасно высокий, в бронежилете и с оружием. Похожий на игрока в баскетбол из далекого будущего, когда игра станет борьбой не на жизнь, а на смерть.

На экране показалось число сорок. Рой замер, в его руках было полно проводов, он послушал очередное «трррррр». Ему стало гораздо легче, когда и после этого домишко не взлетел на воздух.

Если это не бомба, тогда что же?

Чтобы понять, что происходит, ему следует рассуждать, как это делал Грант. Попытаться представить точку зрения на мир параноидного социопата. Посмотреть на все глазами сумасшедшего. Это было не так легко.

Ладно, если даже Грант псих, он еще и очень хитрый человек. Значит, после нападения на бунгало в Санто-Монике, когда его чуть не схватили, он мог додуматься, что агенты получили его фото и теперь его начнут искать. Он ведь бывший полицейский и прекрасно знает все правила. Хотя в последний год он старался стереть следы своего пребывания из любых записей и файлов, он все еще не мог полностью раствориться в небытие и понимал, что раньше или позже особые люди посетят его дом.

– Что не так? – повторил Джонсон.

Грант, видимо, считал, что они ворвутся в его дом точно так же, как ворвались в бунгало. Целым отрядом станут обыскивать дом, обшаривать все уголки.

У Роя пересохло во рту и сильно начало биться сердце.

– Проверь дверную раму, он мог там поставить сигнализацию.

– Сигнализацию? В этой развалюхе?

Джонсон с сомнением посмотрел на него.

– Выполняй, – приказал ему Рой.

Джонсон пошел к входной двери.

Рой начал спешно сортировать все кабели и провода. Работавший компьютер обладал самым мощным центром логики среди собранной Грантом аппаратуры. Он был присоединен ко многим другим установкам, включая зеленый ящик, на котором ничего не было написано и который, в свою очередь, соединялся с модемом, а тот уже с шестиканальным телефоном.

Тогда Рой понял, что один из красных огоньков, светившихся на приборе, был индикатором использования одного из каналов телефона. В это время шло сообщение из дома.

Рой поднял телефонную трубку и стал слушать. Шла передача данных в виде каскада

электронных тонов. Это был скоростной язык потусторонней музыки без всяческой мелодии и ритма.

– На дверях есть магнитный контакт! – воскликнул Джонсон, не отходя от двери.

– Там есть провода? – спросил Рой, кладя телефонную трубку на место.

– Угу. И тут что-то еще прикреплено. Яркая новая медная штучка, она находится на месте контакта.

– Проследи, куда идут провода, – приказал ему Рой.

Он снова посмотрел на компьютер.

На экране уже светилось число сорок пять.

Рой вернулся к зеленому ящику, соединявшему компьютер и модем. Он схватил серый кабель, который тянулся неизвестно куда, и пробежал за ним глазами по столу, через кольца проводов, дальше за оборудование, к краю стола и затем на пол.

На другом конце комнаты Джонсон срывал провода сигнализации, прикрепленные к стене. Он наматывал их на свой кулак в перчатке.

Три остальных участника наблюдали за ним и пяtilись, чтобы не мешать ему.

Рой проследил, где серый кабель, тянувшийся по полу, исчезал из вида. Тот скрылся за высоким книжным шкафом.

Следуя за проводом сигнального устройства, Джонсон добрался до того же шкафа с другой стороны.

Рой дернул за серый кабель, а Джонсон дернул за проволоку.

На пол посыпались книги со второй сверху полки шкафа. Они обрушились со страшным шумом.

Рой наконец оторвал взгляд от кабеля и посмотрел вверх. Прямо перед собой, чуть повыше уровня глаз, он увидел устремленные на него темные линзы диаметром в один дюйм. Они были замаскированы толстыми томами по истории. Он сбросил книги вниз. За ними пряталась компактная видеокамера.

– Какого черта, что это? – спросил Джонсон.

На экране дисплея число менялось на сорок восемь, начиная сверху колонки.

– Когда ты сломал магнитный контакт на двери, заработала видеокамера, – объяснил ему Рой.

Он оставил кабель и сбросил еще одну книгу с полки.

Джонсон сказал:

– Тогда нам нужно испортить кассету, и никто не узнает, что мы здесь были.

Рой открыл книгу и вырвал из нее уголок страницы, потом сказал:

– Все не так просто. Когда ты включил камеру, компьютер тоже включился и заработала вся система. Она запустила также и выходящий телефонный звонок.

– Какая система?

– Видеокамера подает данные в этот зеленый ящик на столе.

– Да-а? И что дальше?

Рой плюнул на клочок страницы, вырванный из книги, и прилепил его к линзам видеокамеры.

– Я не знаю точно, что там происходит, но каким-то образом этот зеленый ящик перерабатывает видеоизображения, он переводит их в другие формы информации и передает в компьютер.

Рой подошел к экрану дисплея. Он немного расслабился, после того как нашел видеокамеру, потому что теперь он хотя бы знал, что здесь творится. Ему это все не нравилось, но он хотя бы понимал, в чем дело.

Вторая колонка поменялась на пятьдесят один, потом третья.

«Trrrrrr».

– Каждые четыре или пять секунд компьютер останавливает кадр с определенной информацией и передает его с видеокамеры в зеленую коробку. Тогда начинает меняться первый номер на экране.

Они подождали, но недолго.

Рой продолжал:

– Зеленый ящик передает кадры с данными в модем, и тогда меняется второй номер на экране.

– Модем трансформирует данные в тональный код и отправляет его по телефону, когда меняется третий номер, и...

52 52 52

– ...на другом конце телефонной связи процесс происходит в обратном порядке. Там идет перевод закодированных данных снова в «картинки».

– Картинки? – переспросил Джонсон. – Там могут видеть нас?

– Он только что получил свою пятьдесят вторую «картинку» с тех пор, как вы вошли к нему в дом.

– Е-е-е...

– Пятьдесят картинок были четкими и хорошими до того, как я заблокировал линзы камеры.

– Где? Где он их получает?

– Нам придется проследить телефонный вызов, который сделал компьютер, когда вы сломали дверь, – ответил Рой, показывая на красный индикатор на первой линии шестиканального телефона. – Грант не собирается встречаться с нами. Но знать нас в лицо ему нужно.

– Значит, он сейчас изучает наши изображения?

– Может, и нет. Другой конец связи может работать в автоматическом режиме, как это происходит сейчас здесь. Но рано или поздно он все равно посмотрит, передали ему что-нибудь или нет. К тому времени, если нам повезет, мы сможем обнаружить телефон, куда направлялись сигналы, и будем его там ждать.

Три рядовых участника «штурма» постарались отойти как можно дальше от компьютеров. Они неприязненно смотрели на все эти электронные игрушки.

Один из них спросил:

– Кто этот парень?

Рой ответил:

– Ничего особенного. Он просто больной и неприятный, ненавидящий всех и вся тип.

– Почему вы не выключили все это в ту минуту, когда поняли, что нас снимают? – потребовал от него ответа Джонсон.

– Он уже успел сделать наши фотографии, поэтому выключать не имело никакого смысла. Может, он так настроил систему, что если мы выключим компьютер, все сотрется с жесткого диска. Тогда мы не сможем узнать, какая программа использовалась и что было записано в памяти компьютера. Пока работает эта система, мы можем много узнать о том, чем занимался здесь этот парень. Может, мы выясним, что он делал в последние дни, недели и даже месяцы. А может, откопаем что-то, подсказывающее, куда он уехал, и, чем черт не шутит, вдруг через него сможем выйти на эту женщину.

«Тррррр».

Экран вспыхнул, и Рой вздрогнул. Колонка номеров заменилась словами: «Волшебное число».

Телефон отсоединился. Красный огонек на первой линии потух.

– Все нормально, – успокоил Рой. – Мы сможем проследить звонок через автоматические линии телефонной компании.

Теперь потух экран дисплея.

– Что там происходит? – спросил Джонсон.

На экране появились новые слова: «Мозг погиб».

Рой заорал:

– Ты ублюдок! Сучий сын! Извращенец со шрамом!

Альфонс Джонсон даже отступил назад. Его поразила злоба в человеке, который

никогда раньше не выходил из себя и держался всегда очень спокойно.

Рой подвинул кресло к столу и сел. Когда он положил пальцы на клавиши, слова «Мозг погиб» стерлись с экрана.

Перед ним был просто пустой синий экран.

Чертыхаясь, Рой пытался вызвать основное меню.

Синий цвет. Экран был спокойным и синим.

Пальцы Роя порхали по клавишам.

Спокойствие, никаких перемен. Синий экран.

Встроенный диск не вызывался. Даже операционная система, которая не была повреждена, никак не реагировала и не желала работать.

Грант после себя вычистил все. Он еще смел над ними издеваться, написав «Мозг погиб».

Медленно вдыхай и выдыхай. Медленно и глубоко дыши. Вдыхай бледно-персиковый дух спокойствия. Выдыхай ядовитый желто-зеленый туман злобы и напряжения. Внутри тебя идет добро, и из тебя выходит зло.

* * *

Когда Спенсер и Рокки прибыли в Вегас, уже пробило двенадцать. Яркие фонари и сверкающие огни неоновой рекламы, продолжающие свой пульсирующий танец вдоль главных улиц, освещали все вокруг так же, как в солнечный день. Даже в этот час движение вдоль Южного бульвара Лас-Вегаса было насыщенным.

Толпы народа двигались по тротуарам. Лица людей выглядели странными и иногда даже демоническими в фантазмагории неоновых огней. Они шли от казино к казино, потом возвращались обратно. Все было похоже на шествие насекомых, которые ищут что-то им необходимое или желаемое.

Рокки тревожили яркий свет и бесконечные толпы прохожих. Сидя в машине, он был в полной безопасности, все окна были плотно закрыты, но пес не переставал дрожать. Он скулил и вертел головой из стороны в сторону, как будто был уверен, что сейчас на него кто-то нападет, но никак не мог понять, откуда ждать опасности. Может, собака шестым чувством восприняла судорожные метания страстных игроков, жадность и хищность проституток и их сутенеров, отчаяние дочиста проигравшихся людей.

Они выехали из этого бедлама и провели ночь в мотеле на Мериленд Парквей, в двух кварталах от главной магистрали. В мотеле стояла тишина, так как не было ни одного игрового автомата.

Спенсер был без сил и вскоре заснул, хотя постель оказалась для него слишком мягкой. Ему снилась красная дверь, которую он постоянно открывал – десять раз, двадцать, может, сто раз подряд.

Иногда с другой стороны оказывалась лишь темнота. Темнота, пахнущая кровью. И от этого у него начинало бешено биться сердце. Иногда там была Валери Кин, но когда он протягивал к ней руки, она исчезала, и дверь за ней плотно захлопывалась.

В пятницу утром, приняв душ и побрившись, Спенсер наполнил одну миску едой, а другую – водой для собаки, поставил их на пол около постели, а сам пошел к двери.

– Здесь есть буфет, я позавтракаю, а когда вернусь, мы уедем отсюда. – Собака не хотела оставаться одна и начала жалобно скулить. – Все будет хорошо, – сказал ей Спенсер.

Он осторожно открыл дверь, так как боялся, что Рокки попытается выскочить.

Вместо того чтобы рваться на волю, Рокки сел, весь скрючился и повесил голову.

Спенсер вышел из номера и оглянулся.

Рокки не двигался и не поднимал голову. Он дрожал мелко-мелко.

Спенсер вздохнул, вернулся в комнату и закрыл дверь.

– Хорошо, давай ешь, а потом пойдешь со мной и будешь ждать, пока я тоже что-нибудь поем.

Рокки закатил глаза, чтобы увидеть из-под мохнатых бровей, как его хозяин устраивается в кресле. Он пошел к миске, оглянулся на Спенсера, потом мрачно глянул на дверь.

– Я никуда не уйду, – уверял его Спенсер. Вместо того чтобы, как обычно, быстро проглотить еду, Рокки ел медленно и очень аккуратно, что было для него совершенно не характерно. Казалось, он подозревал, что это его последняя трапеза, и желал насладиться едой.

Когда он наконец кончил есть, Спенсер вымыл миски, вытер их и весь багаж погрузил в машину.

В феврале в Вегасе может быть очень тепло, но в пустыне погода непредсказуема. У зимы острые зубы, когда она желает вас укусить. В это февральское утро небо затянули тучи и было довольно холодно. С западных склонов гор дул ветер такой же холодный, как и сердце босса – владельца карточных столов.

После того как был погружен багаж, Рокки и Спенсер посетили относительно укромные кусты за мотелем. Спенсер покараулил, стоя спиной к Рокки. Он засунул руки в карманы и сгорбился. Он ждал, пока Рокки закончит свой утренний туалет.

Когда дела были сделаны, они вернулись к машине, и Спенсер проехал от южного крыла мотеля к северному, где располагалась закусочная. Он остановился перед огромными окнами.

Войдя в закусочную, он выбрал столик в кабинке, откуда через окно хорошо была видна машина. Рокки весь тянулся вверх на пассажирском сиденье и смотрел на своего хозяина через ветровое стекло.

Спенсер заказал яйца, жареный картофель по-домашнему, тосты и кофе. Он ел и часто поглядывал на машину. Рокки не сводил с него глаз...

Спенсер несколько раз помахал ему.

Рокки это понравилось. Каждый раз, когда Спенсер махал ему, он начинал вилять хвостом. Один раз он положил лапы на приборную доску, прижал нос к стеклу и заулыбался.

– Что же они сделали с тобой, дружище? Что они могли с тобой сделать, отчего ты стал таким? – вслух спросил себя Спенсер. Он пил кофе и наблюдал за обожающей его собакой.

* * *

Рой Мирó приказал Альфонсу Джонсону и остальным своим людям как следует «прочесать» весь дом в Малибу, пока он съездит в Лос-Анджелес. Если повезет, они смогут найти среди вещей Гранта что-нибудь такое, что поможет понять его психологию, или прольет свет на неизвестные им эпизоды, или подскажет, где он сейчас может находиться.

Агенты уже пытались узнать в телефонной компании, куда был направлен звонок компьютера Гранта. Грант, конечно, постарался замаскировать все свои следы. Если удача улыбнется им, они узнают, в лучшем случае через сутки, номер и местоположение телефона, куда переданы эти пятьдесят кадров с его видеокамеры.

Пока Рой двигался на юг по скоростному шоссе Коуст, он включил свой сотовый телефон и вызвал Клека из Оранж Каунти.

Хотя Клек казался усталым, его голос, как всегда, завораживал.

– Я уже ненавижу эту хитрую сучку, – сказал он низким голосом, имея в виду женщину, которая называлась Валери Кин, во всяком случае, пока она не оставила свою машину в аэропорту Джона Уэйна.

Это было в среду, а теперь ее могли звать как-то иначе.

Рой слушал Клека и с трудом представлял собеседника – тощего неуклюжего мужчину с лицом испуганной форели. Его звучный басистый голос вызывал перед глазами образ высокого, с широкой грудью темнокожего рок-певца. Все, о чем говорил Клек, казалось таким важным и интересным, даже если ему было не о чем докладывать. Именно так было и сейчас. Клек и его команда не имели понятия, куда могла исчезнуть эта женщина.

– Мы начинаем проверять все пункты, где дают напрокат машины, – продолжал Клек. – Также смотрим сообщения об украденных машинах. Заносим все данные о любых приобретениях машин в наш список.

Рой заметил, что Валери никогда прежде не воровала машины.

– Но когда-то все начинается, чтобы не нарушался баланс в природе. Меня больше волнует, не уехала ли она автостопом. Вот тогда мы ее точно не отыщем.

– Если она поехала автостопом, – ответил ему Рой, – то, учитывая, сколько сейчас в мире «чокнутых», нам не следует больше волноваться о ней. Ее уже успели изнасиловать, убить, лишиться головы, расчленить на части и разбросать куски по белу свету.

– Я не против, – ответил ему Клек. – Но мне хотелось бы найти кусочек ее тела, чтобы быть уверенным совершенно, что это она.

После разговора с Клеком, хотя день только еще начинался, Рой был уверен, что сегодня их ждут одни неприятности.

Обычно он старался не думать о плохом. Это было не в его стиле. Он ненавидел пессимистов. Если множество пессимистов одновременно станут излучать отрицательные эмоции, они могут изменить физическую реальность, и, как результат, последуют землетрясения, смерчи, торнадо. В этих случаях происходят автокатастрофы, сталкиваются поезда, сыплются с неба кислотные дожди, возрастает число онкологических заболеваний. Так же плохо работает микроволновая связь, и население бывает мрачным и беспокойным. Но, несмотря на все это, сейчас Рой никак не мог победить свое плохое настроение.

Чтобы получить заряд положительных эмоций, он, ведя машину одной рукой, другой достал сокровище Джиневры из пластикового контейнера и положил ее руку рядом с собой на сиденье.

Пять восхитительных пальчиков, изящные, естественные, с ненакрашенными ногтями. Каждый палец имел идеальную, в форме небольшого полумесяца, луночку у ногтя. Четырнадцать самых прекрасных фаланг в мире.

Каждая из них до миллиметра соответствовала идеальным пропорциям. Ручка изящно изгибалась, кожа плотно обтягивала мышцы, и с тыльной стороны ладони, у начала пальцев, были чудесные ямочки. Он такого прежде никогда не видел и даже не надеялся увидеть в будущем. Кожа была бледной, но чистой и гладкой, как воск от свечей с великолепного стола самого Господа Бога.

Рой ехал на восток в деловую часть города. Его взгляд постоянно останавливался на сокровище Джиневры. И каждый раз, глянув на руку, он чувствовал себя лучше. К тому времени, когда он оказался у Паркер-центра, административного управления полицейского департамента Лос-Анджелеса, он уже просто светился.

Остановившись перед светофором, Рой нехотя положил руку обратно в контейнер. Потом убрал эту реликвию под свое сиденье.

Он отогнал машину на стоянку Паркер-центра в отделение для автомобилей посетителей. Лифт принес его прямо в здание управления. Предъявив удостоверение служащего ФБР, Рой поднялся на пятый этаж. У него была назначена встреча с капитаном Гарри Дескоте. Тот уже ждал его в своем офисе.

Дескоте был из Малибу, поэтому Роя не удивило, что капитан оказался темнокожим. У него была кожа цвета темной ночи. Великолепная кожа, которой могли похвалиться выходцы из стран Карибского бассейна. По-видимому, он уже много лет жил в Лос-Анджелесе, но когда он говорил, были слышны интонации прекрасного острова и речь отличалась удивительной напевностью.

На капитане были темно-синие брюки, полосатые подтяжки, белая рубашка и синий галстук с диагональными красными полосками. В таком наряде Дескоте выглядел весьма импозантным и уверенным, хотя рукава рубашки были закатаны, а пиджак висел на спинке стула.

Гарри Дескоте пожал руку Рою и предложил ему сесть.

Маленький офис не подходил крупному человеку, который его занимал. Вентиляция

была весьма слабой, свет тусклым, мебель потрепанной.

Рою стало жаль капитана. Ни один правительственный служащий такого уровня, даже в правоохранительной организации, не должен работать в таком ужасном офисе.

Служить людям – это благородное призвание. Рой был уверен, что к тем, кто занят этим, должны относиться с уважением, благодарностью и хорошо оплачивать их службу. Сев за стол, Дескоте сказал:

– Бюро подтверждает ваше удостоверение, но мне не сказали, чем вы занимаетесь.

– Проблемы национальной безопасности, – уверенно сказал Рой.

Любые запросы по поводу Роя, которые приходили в ФБР, направлялись к Кассандре Солинко, уважаемому административному помощнику директора. Она поддерживала (только не в письменной форме) ложь о том, что Рой являлся агентом Бюро. И она, конечно, не могла сообщить, какое им велось расследование, потому что ни черта об этом не знала.

Дескоте нахмурился:

– Проблемы национальной безопасности – это слишком расплывчато.

Если Рой когда-нибудь попадет в настоящую беду и газеты запестрят крупными заголовками с его именем или начнется расследование его деятельности со стороны конгресса – Кассандра Солинко, естественно, станет отрицать, что она когда-либо подтверждала его принадлежность к ФБР. Если ей не поверят или потребуют под присягой рассказать то малое, что она знала о деятельности Роя и его безымянного агентства, то можно будет не сомневаться, что она погибнет от мозговой эмболии или обширного инфаркта миокарда, или же на полной скорости врежется в ограждение набережной или мост. Она прекрасно понимала все последствия сотрудничества с Роем.

– Простите, капитал Дескоте, я вам больше ничего не могу сообщить.

У Роя могут быть такие же неприятности, как у Кассандры Солинко, если он сам что-то сделает не так. Служение народу – весьма тяжелый труд, да еще сопровождаемый постоянными стрессами.

Именно поэтому у тех, кто служит народу, должны быть удобные офисы, хорошая плата за труд и другие блага. Рой так считал, и, пожалуй, он был прав.

Дескоте не нравилось, когда от него старались что-то скрыть. Он постарался не хмуриться, изобразил подобие улыбки и, продолжая свою тактику, заметил:

– Весьма сложно оказывать помощь, когда у тебя нет полной картины предстоящего фронта работ.

Было так легко поддаться очарованию Дескоте и решить, что его плавные, но сильные движения естественны для человека, выросшего в тропиках. Можно было поверить его певучему и мягкому голосу и подумать, что он легкий и легкомысленный человек.

Но Рой прочитал правду в глазах капитана. Они были огромными, темными и блестящими. Но кроме этого они были такими пронзительными, а взгляд – прямой, как на портретах Рембрандта.

В его глазах светились ум, терпение и удивительное любопытство. Это был именно такой человек, который мог сильно помешать работе Роя. Рой в ответ на милую улыбку капитана улыбнулся еще шире. Он был убежден, что его взгляд молодого и добродушного Санта-Клауса вполне мог нейтрализовать карибское очарование. Потом он сказал:

– Мне вообще-то помощь не нужна. Мне не нужны поддержка или другие услуги. Мне нужна всего лишь информация.

– Если мы ею располагаем, то с удовольствием поделимся с вами, – ответил ему капитан.

Две лучезарные улыбки на какое-то время даже помогли лучше осветить офис.

– До того, как вас перевели в центральную администрацию, – сказал Рой, – я знаю, вы были капитаном отделения.

– Да, я командовал отделением в западном Лос-Анджелесе.

– Вы не помните такого молодого офицера, который служил у вас немногим больше года, – Спенсера Гранта?

Дескоте широко раскрыл глаза:

– Да, конечно, я помню Спенса. Я прекрасно его помню.

– Он был хороший полицейский?

– Самый лучший. – Дескоте сказал это, ни минуты не думая. – Он закончил полицейскую академию, имел степень по криминологии, проходил специальные тренировки в армии – у него была великолепная *подготовка*.

– Он был очень компетентным, не так ли?

– Применительно к Спенсу это слово ничего не значит.

– Он – умный человек?

– Очень умный и знающий.

– Он убил двоих похитителей машин. Это убийство было оправдано?

– Черт, да, они получили по заслугам. Одного из похитителей разыскивали по обвинению в убийстве, а второго обвиняли в трех тяжких преступлениях. Оба преступника были вооружены и стреляли в него. У Спенса не было выбора. Его оправдали так же быстро, как сам Господь Бог пропустил святого Петра в рай.

Рой заметил:

– Но после этого он перестал патрулировать улицы.

– Он больше не желал носить с собой оружие.

– Но он же был в войсках диверсионно-разведывательного подразделения.

Дескоте кивнул головой:

– Да, он участвовал в действиях в нескольких районах в Центральной Америке и на Ближнем Востоке. Ему приходилось убивать, и наконец он понял, что не желает больше служить в армии.

– Это произошло из-за того, что он чувствовал, убивая людей?

– Нет, скорее, потому... Мне кажется, он всегда был не уверен, действительно ли нужно убивать. Вне зависимости от того, что говорили политики. Но это всего лишь мои предположения. Я не могу точно знать, что сам Спенс думал по этому поводу.

– Если человеку трудно применять оружие против другого человека, что ж, это вполне можно понять, – заявил Рой. – Но меня поражает, что человек может променять армию на полицию...

– Он считал, что, будучи полицейским, он сам сможет решать, когда нужно, а когда нет пускать в ход оружие. Ну, это была его мечта. А мечта умирает последней...

– Он что, мечтал быть копом?

– Необязательно копом. Просто он мечтал быть нормальным парнем в униформе, рисковать жизнью, помогая людям, спасать жизни и выполнять законы.

– Молодой человек – настоящий альтруист, – с иронией заметил Рой.

– Да, у нас работают подобные люди. Даже можно сказать, что весьма многие ему подобны, особенно в начале своей карьеры...

Дескоте посмотрел на свои угольно-черные руки, которые сложил на зеленом сукне стола.

– В случае Спенса высокие идеалы привели его в армию, потом в полицию... но во всем этом было что-то большее. Иногда... помогая людям, как это делают копы, Спенсер старался лучше понять себя и, может, примириться с чем-то в себе.

Рой сказал:

– Значит, у него были какие-то психические отклонения?

– Никаких, которые могли бы ему помешать стать хорошим полицейским.

– О-о! Тогда что же он пытался понять в себе?

– Я не знаю, но мне кажется, что все дело в его прошлом.

– Прошлом?

– Да, казалось, что прошлое давит ему на плечи, как тонна камней.

– Это каким-то образом связано с его шрамом? – спросил Рой.

– Наверное, с этим связано все.

Дескоте поднял свои большие темные глаза. Они были полны сочувствия. У него были удивительно выразительные глаза. Будь это глаза женщины, Рою захотелось бы владеть ими.

– Отчего у него появился шрам? – продолжал он свои расспросы.

– Он сказал, что произошел несчастный случай, когда он был ребенком. Мне кажется, автокатастрофа. Он не желал обсуждать случившееся.

– У него были близкие друзья среди полицейских?

– Нет, близких друзей у него не было. Он был приятный парень, но предпочитал держаться особняком.

– Индивидуалист, – заметил Рой. Но кивнул в знак согласия и понимания.

– Нет, все совсем не так, как вы думаете. Он никогда не окажется в башне, чтобы начать расстреливать всех, кто попадется на глаза. Людям он нравился, и ему нравились люди. Он... ну просто он сохранял дистанцию...

– После того как он расстрелял тех двоих, он пожелал заниматься работой в офисе. Он даже попросил, чтобы его перевели в специальную комиссию по борьбе с компьютерными преступлениями, не так ли?

– Нет, это *ему* предложили такую работы. Многие бывают поражены, но я уверен, что вы знаете об этом, – у нас есть офицеры, обладающие большими познаниями и имеющие научные степени психологов, юристов и криминалистов, как Спенс. Многие офицеры получали образование не потому, что они хотели поменять специальность или же добиться места в администрации. Нет, им хотелось продолжать патрулировать улицы. Им нравилась их работа, и они считали, что дополнительное образование только поможет им лучше выполнять ее. Они преданы своей работе, увлечены ею. Они хотят оставаться копами, и они...

– Я уверен, что всеми этими людьми стоит восхищаться. Но некоторые видят в них жестких реакционеров, не желающих распрощаться со своей властью, которой они обладают, будучи копами.

Дескоте поморгал глазами.

– Ну, если кто-то желает прекратить патрулирование улиц, то не всегда начинает заниматься всякими бумажками. В нашем департаменте можно использовать знания каждого. Административный офис, внутренние дела, разведывательное отделение по организованной преступности, масса детективных отделений – все они желали заполучить к себе Спенса. Но он выбрал специальную комиссию.

– Но он не *настаивал* именно на этой работе?

– Ему не нужно было ни на чем настаивать. Я уже сказал вам, что ему эту работу предложили.

– Он был очень увлечен компьютером до того, как перешел на эту работу. Он не был компьютерным маньяком?

– Маньяком? – Дескоте уже не удавалось больше скрывать свою досаду. – Он знал, как нужно использовать компьютеры в работе, но он не был чересчур увлечен ими. Спенс не увлекался чем-то одним. Он – спокойный человек, и на него можно полностью положиться.

– Но вы же сами сказали, что он все пытался разобраться в самом себе и что-то выяснить...

– Разве так не происходит со всеми нами? – резко заметил капитан.

Он встал и повернулся к маленькому окошку у себя за спиной. Полоски жалюзи из пластика были очень пыльными. Он пытался рассмотреть через них окутанный смогом город.

Рой ждал, пока у Дескоте пройдет приступ ярости. Бедняга, он заслужил отдых. У него такой крохотный офис, и даже нет своего отдельного туалета.

Капитан повернулся лицом к Рою и сказал:

– Я не знаю, что мог сделать Спенс, и мне не стоит спрашивать...

– Национальная безопасность, – нагло заявил Рой.

– ...но вы не правы в отношении его. Он не тот человек, который способен совершить что-то дурное.

Рой приподнял брови:

– Почему вы так в этом уверены?

– Он все время страдает.

– Вот как? И по какому же поводу?

– Он страдает, когда бывает все плохо. Ему хочется, чтобы все было хорошо. Он сомневается в том, что делает, правильно ли принимает решения. Он страдает в одиночку и без громких слов, но все равно страдает.

– Разве так не происходит со всеми нами? – сказал Рой и встал.

– Нет, – ответил ему Дескоте. – Только не в наше время. Большинство людей считают, что все в мире относительно, даже смерть.

Рой понимал, что Дескоте не хотелось бы пожимать ему руку, поэтому он просто сказал:

– Благодарю вас, капитан, за то, что вы уделите мне время.

– Я не знаю, каким преступлением, мистер Миро, вы занимаетесь и почему считаете, что Спенсер каким-то образом связан с ним, но я абсолютно уверен, что он здесь ни при чем.

– Я постараюсь не забыть этого.

– Нет более опасного человека, чем тот, что не сомневается в собственном превосходстве, – с намеком проговорил Дескоте.

– Как вы правы, – ответил ему Рой, открывая дверь.

– Люди, подобные Спенсу, не могут быть врагами нам. Я хочу сказать, что благодаря этим людям наша чертова цивилизация еще не провалилась в тартарары. Выходя в холл, Рой сказал:

– Желаю вам всего хорошего.

– На чьей стороне ни будет Спенс, – продолжал Дескоте спокойно, но очень убежденно, – я могу поклясться моей задницей, что он все желает сделать по справедливости.

Рой закрыл за собой дверь офиса. Идя к лифту, он решил, что необходимо убить Гарри Дескоте. Возможно, он займется этим сам после того, как расправится со Спенсером Грантом.

Когда Рой вышел на улицу, он немного остыл. Сев в машину и увидев сокровище Джиневры, лежавшее на сиденье рядом с ним, ощутив исходившее от него спокойствие, Рой снова смог себя контролировать. Он понял, что убийство не будет адекватной реакцией на обидные инсинуации Дескоте. Рой мог приговорить его к гораздо более страшной казни, чем смерть.

* * *

Три крыла двухэтажного жилого комплекса окружали небольшой плавательный бассейн. Холодный ветер волновал воду, и она билась о бортики, выложенные синим кафелем. Пересекая двор, Спенсер почувствовал, как сильно пахнет хлоркой.

Размытое небо, казалось, нависало над головой. Создавалось впечатление, что с неба на землю летят серые хлопья. Роскошные кроны пальм под напором ветра качались, шелестели и шумели, как бы предупреждая о надвигавшемся урагане.

Шлепая рядом со Спенсером, Рокки пару раз чихнул от запаха хлорки, но он не боялся мечущихся пальмовых листьев. Он еще не сталкивался с деревом, которое могло бы испугать его. Хотя нельзя утверждать, что не существует дерево-дьявол. Когда Рокки был в дурном настроении и боялся абсолютно всего, когда ему чудилось, что в каждом темном углу прячется и желает доставить ему неприятности жуткий дьявол, тогда он, *пожалуй*, был бы в ужасе от любого жалкого росточка, пробившегося в маленьком горшочке.

В соответствии с полученной информацией Валери, называвшая себя в недалеком прошлом Ханной Мей Рейни и обратившаяся с просьбой выдать ей разрешение работать дилером в казино, жила в то время в этом комплексе в квартире номер «2-Д».

Двери квартир второго этажа выходили на крытый балкон, и этот балкон нависал над дорожкой у входа в дом. Рокки и Спенсер поднимались по бетонным ступенькам, куда ветер принес пустой пакет и прижал его к пыльным, покрытым ржавчиной поручням лестницы.

Он взял с собой Рокки, потому что этот пес мог растопить любой лед. Люди обычно доверяют человеку, которому, в свою очередь, доверяет собака. Им легче разговаривать с незнакомым человеком, рядом с которым стоит милая собачка, даже если этот незнакомец не очень приятен на вид и у него на лице шрам от уха до подбородка. Такова сила собачьего очарования.

Бывшая квартира Валери-Ханны находилась в центральном крыле комплекса, в глубине двора. За большим окном справа от двери были видны складки плотной занавески. Слева от двери маленькое окошко показывало, что там находится кухня. Над звонком висела табличка: «Тревен».

Рой позвонил и стал ждать.

Он очень надеялся, что Валери делила квартиру с какой-нибудь девушкой и что эта девушка никуда не уехала. Валери прожила здесь, как минимум, четыре месяца, пока работала в «Мираже».

И хотя, наверное, она рассказывала так же мало правды о себе, как и в Калифорнии, все равно за такое время ее соседка могла составить свое мнение о ней. И возможно, оно помогло бы Спенсеру предположить, куда она двинулась из Невады.

Точно так же, как благодаря Розы он проследил за Валери из Санта-Моники до Лас-Вегаса.

Он снова нажал кнопку звонка.

Как ни странно, но Спенсер мог отыскать ее, только узнав, откуда, а не куда она подалась, то есть следуя назад. У него не было другого выбора, он не мог узнать, куда она отправилась из Санта-Моники. Кроме того, если он двигался назад, у него было меньше шансов столкнуться с федеральными агентами – или кто они там были, – которые преследовали ее.

Спенсер слышал, как внутри звенел звонок, но он все равно постучал в дверь.

Ему ответили на стук, но не из бывшей квартиры Валери. С правой стороны балкона открылась дверь квартиры «2-Е» и оттуда выглянула седая женщина лет семидесяти:

– Я вам могу чем-нибудь помочь?

– Я хотел бы видеть мисс Тревен.

– О, она работает в первую смену в «Цезарь-Паласе». Она еще не скоро вернется домой.

Соседка открыла дверь немного пошире. Это была маленького роста пухлая женщина с милым лицом. На ней были уродливые ортопедические ботинки и эластичные чулки, предохранявшие от расширения вен, толстые, как шкура динозавра, желтый с серым халат и нежно-зеленого цвета длинная кофта.

Спенсер сказал:

– Ну, вообще-то мне нужна...

Рокки, который прятался за Спенсером, попытался выглянуть из-за его ног, чтобы получше разглядеть милую бабулю из квартиры «2-Е». Старушка взвизгнула от восхищения, когда его увидела. Хотя она еле ковыляла, но оторвалась от спасительной двери с радостью ребенка, который никогда не слышал об артрите. Причитая от радости и бормоча какие-то забавные словечки, она двинулась на них с такой скоростью, что Спенсер остолбенел, а Рокки просто пришел в ужас... Собака завизжала, а женщина выплеснула на нее поток обожания.

Рокки пытался вскарабкаться по правой ноге Спенсера, чтобы найти убежище у него под пиджаком, а женщина все причитала:

– Мой сладенький, мой миленький, красавчик!

Рокки шлепнулся на бетонный пол, в страхе свернулся в клубочек и прижал лапы к глазам. Он уже был готов к страшной смерти.

Левая нога Босли Доннера соскользнула с подножки его электрической инвалидной

коляски и проволочлась по дорожке.

Доннер рассмеялся, остановил коляску, поднял двумя руками ничего не чувствующую ногу и с силой вставил ее в крепление своего кресла.

Коляска могла двигаться с помощью сильных батареек, и поэтому транспорт Доннера обладал большей скоростью, чем другие инвалидные коляски. Догоняя Доннера, Рой Миро совсем запыхался.

– Я вам говорил, что эта малышка умеет *быстро бегать*, – заявил ему Доннер.

– Да, я это вижу. Она производит впечатление, – переводя дух, проговорил Рой.

Они находились на заднем дворе поместья Доннера, которое занимало четыре акра и было расположено в Бель-Эр. Широкая полоса дорожки из бетона «под кирпич» кружила по всей территории, чтобы хозяин-инвалид мог добраться до любого уголка своего поместья, где поработали лучшие дизайнеры по ландшафту.

Дорожка поднималась в гору, спускалась с горы, потом пряталась в тоннель у бассейна, извивалась между пальмами-феникс, королевскими пальмами, огромными деревьями индийского лавра и другими вечнозелеными растениями. Видимо, Доннер так прокладывал дорожку, чтобы она служила ему его личным «скоростным шоссе».

– Вы знаете, это же все нелегально, – сказал Рою Доннер.

– Нелегально?

– Ну да, это противозаконно переделывать инвалидную коляску так, как это сделал я.

– Ну, я понимаю, почему это противозаконно.

– Вот как? – поразился Доннер. – А я не понимаю. Это же моя инвалидная коляска!

– То, как вы носитесь по этим дорожкам, наводит на мысль, что вы можете закончить свою жизнь не только с парализованными нижними конечностями, но и полностью парализованным.

Доннер усмехнулся и пожал плечами:

– Тогда я постараюсь применить компьютер, чтобы моя коляска слушалась команды голосом.

Босли Доннер, которому было тридцать два года, уже восемь лет обходился без ног, после того как осколок шрапнели попал ему в спину во время операции на Ближнем Востоке, где прибегли к помощи армейских десантников. Босли Доннер был одним из них. С коротко подстриженными светлыми волосами и серо-голубыми глазами, он был крепким и сильно загорелым. Его глаза глядели веселее, чем глаза Роя. Он, конечно, переживал по поводу своей инвалидности, но, наверное, уже смирился с ней или же научился прекрасно скрывать свою угнетенность.

Рою он очень не нравился из-за своей экстравагантности – образа жизни, раздражающего прекрасного настроения, вызывающе яркой гавайской рубашки и еще из-за чего-то, что было невозможно определить словами.

– Но разве такая бесшабашность не мешает жизни общества?

Доннер не понял и нахмурился, но потом улыбнулся.

– О, вы хотите сказать, что я могу стать обузой для общества? Черт возьми, я никогда не пользовался услугами государственного здравоохранения. Они бы закопали меня в землю через шесть секунд. Оглянитесь вокруг, мистер Миро, я могу за все заплатить. Пойдемте, я покажу вам храм. Он действительно прекрасен.

Доннер быстро разогнался и полетел вперед и вниз по склону холма сквозь мохнатые тени пальм и красно-золотой солнечный свет.

Стараясь скрыть свое раздражение, Рой последовал за ним.

После того как Доннер распрощался с армией, он вспомнил про свой талант и снова начал рисовать интересных персонажей комиксов и карикатуры. Подборка его рисунков помогла ему получить работу в компании, выпускающей поздравительные открытки. В свободное время он также придумывал разные комиксы, и первый же газетный синдикат, познакомившись с его героями, предложил ему контракт. Через два года он стал самым известным художником-карикатуристом в стране.

Таким образом, благодаря своим героям, которых обожали все и которых Рой находил просто идиотскими, Босли Доннер создал целую серию – книги-бестселлеры, TV-шоу, майки с рисунками. Он издавал свои собственные поздравительные открытки, выпускал пластинки и многое другое.

В конце длинного спуска дорожка поворачивала к обнесенному изгородью садовому храму, построенному в классическом стиле. Пять колонн покоились на основании из песчаника и поддерживали тяжелый карниз, купол и шарообразный флерон. Это сооружение окружали английские примулы, все в цвету. Они были ярких цветов – желтые, красные, розовые и пурпурно-фиолетовые.

Ожидая Роя, Доннер сидел на своей инвалидной коляске в центре храма. Его окружали тени. В такой обстановке он должен был быть похож на странную мистическую фигуру, но вместо этого со своей приземистой крепкой фигурой, широким лицом, коротко остриженными волосами и яркой гавайской рубашкой он напоминал героев своих карикатур.

Войдя в храм, Рой сказал:

– Вы рассказывали мне о Спенсере Гранте...

– Неужели? – спросил Доннер с иронией.

Хотя на самом деле в течение последних двадцати минут Доннер заставлял Роя бегать за собой по всему поместью, он тем не менее много рассказал о Гранте. Они служили вместе в армейском десанте. Но Доннер не сказал ничего, что могло бы прояснить что-то в характере этого человека или высветить какие-нибудь важные детали его жизни до армии.

– Мне нравился Голливуд, – сказал Доннер. – Он был одним из самых спокойных людей среди тех, кого я знал. Он также был самый воспитанный и умный, и он всегда старался держаться в тени. Он никогда ничем не хвастался. Но когда он был в подходящем настроении, то становился весьма остроумным, и с ним было приятно общаться. Но он все равно держался в стороне и не откровенничал. Нельзя было сказать, что хорошо его знаешь.

– Голливуд? – переспросил его Рой.

– Ну да, мы его так называли, когда хотели поддразнить. Ему нравились старые фильмы. Я хочу сказать, что он просто был на них помешан.

– Какими фильмами он увлекался?

– Ну, фильмы с напряженным сюжетом, драмы со старомодными героями. Он говорил, что в новом кино совершенно позабыли о том, какими должны быть герои.

– Как это?

– Он говорил, что герои должны всегда разбираться что хорошо, а что плохо. Не так, как сейчас. Ему нравились фильмы «На север через северо-запад», «Печально известный», «Убить пересмешника». Герои этих фильмов обладали высокими принципами и моралью. Они больше пользовались своими мозгами, чем оружием.

– А теперь, – заметил Рой, – мы видим фильмы, где парочка сильных полицейских может перебить и разрушить половину города, чтобы добраться до одного «плохого» парня...

– ...они грязно ругаются и матерятся...

– ...они прыгают в постель к женщинам, с которыми знакомы в лучшем случае часа два...

– ...они, полуобнаженные, бегают по экрану и хвастаются своими мышцами и вообще занимаются самолюбованием.

Рой кивнул:

– Ну, он не так уж не прав.

– Любимыми звездами Голливуда были старые звезды: Кэри Грант и Спенсер Трейси, он часто говорил о них, но над ним потешались из-за этого.

Рой был поражен, что его взгляды на современных героев кино и мнение по этому поводу человека со шрамом полностью совпадали. Его взволновало, что он мог соглашаться с мнением такого опасного социопата, каким был Спенсер Грант.

Размышляя об этом, он вполуха слушал Доннера.

– Простите, из-за чего над ним потешались?

– Ну, все было, в общем-то, не так смешно. Его мамочка обожала, видимо, Кэри Гранта и Спенсера Трейси и назвала его в их честь. Но для парня, подобного Голливуду, который был таким спокойным и скромным, почти не встречался с девушками, все время старался держаться особняком... ну, нам казалось весьма забавным, что он носил имена парочки кинозвезд и мог как-то быть связан с героями, которых они играли. Ему было всего лишь девятнадцать лет, когда он начал тренировки в отряде десантников, но иногда казалось, что Голливуд лет на двадцать старше всех нас. В нем просыпался ребенок только тогда, когда он обсуждал старые фильмы или смотрел их.

Рой понимал, что все, о чем он сейчас узнал, было весьма важным, но он еще не понял – почему.

Он стоял на пороге открытия, но все не мог осознать, в чем оно заключается.

Он даже задержал дыхание, боясь, что если выдохнет, то может исчезнуть то, что он почти держал в руках.

Мягкий ветерок проник в храм.

На полу из песчаника, у левой ноги Роя, черный жук медленно полз по своим непонятным делам.

Потом, как бы в полусне, Рой услышал, как он задает Доннеру вопрос, который сам еще полностью не осмыслил:

– Вы уверены, что его мать дала ему имена в честь Кэри Гранта и Спенсера Трейси?

– Разве это не очевидно? – ответил ему Доннер.

– Вы так считаете?

– Для меня это совершенно очевидно.

– Он никогда не рассказывал вам, почему она его так назвала?

– Я точно не помню, но, наверно, он говорил мне.

Продолжал дуть легкий ветерок, жук полз, и Рой вздрогнул от догадки.

Босли Доннер сказал ему:

– Вы еще не видели водопад. Он – потрясающий. Правда-правда. Пошли, вам следует его посмотреть.

Коляска зафырчала и выехала из храма.

Рой повернулся и увидел, как Доннер на большой скорости мчится среди холодных теней по наклонной дорожке. Его было прекрасно видно между колоннами из песчаника. Его яркая гавайская рубашка, казалось, загоралась каждый раз, когда он попадал в просветы между тенями, яркие золотисто-красные лучи солнца высвечивали ее. Потом он промелькнул и пропал в тенях огромных австралийских папоротников.

Теперь Рой понимал, что больше всего его раздражало в Босли Доннере, – этот чертов карикатурист был слишком уверен в себе и независим. Даже если он был инвалидом, он ни от кого не зависел и не терял бодрости духа.

Такие люди были весьма опасны для существования системы. Общественный порядок не может поддерживаться в обществе, где царили сильные личности. Источником государственной власти была зависимость людей. Если государство не будет обладать огромной силой, нельзя будет достичь прогресса или сохранить мир и порядок на улицах.

Он мог бы последовать за Доннером и уничтожить его во имя социальной стабильности, чтобы остальные люди не брали примера с художника, но был слишком велик риск, что его могут увидеть. В саду работали два садовника. Из окна могла выглядывать миссис Доннер или кто-нибудь еще. Его могли «засечь» в самый неподходящий момент.

Но самое главное: взволнованный, дрожащий от возбуждения, решивший, что обнаружил нечто важное, что поможет ему больше узнать о Спенсере Гранте, Рой жаждал проверить свои подозрения.

Он вышел из храма, стараясь не наступить на медленно ползущего жука, и повернул в сторону, противоположную той, куда умчался Доннер. Он быстро прошел садом, миновал огромный дом и сел в машину, стоявшую на парковке.

Из плотного конверта, который дала ему Мелисса Виклун, он достал один из портретов

Гранта и положил его рядом с собой на сиденье. Если бы не ужасный шрам, лицо Гранта с первого взгляда казалось совершенно обычным. Теперь он знал, что это лицо монстра.

Из того же конверта он достал распечатку информации, которую «Мама» передала ему утром и которую он читал прямо с экрана в отеле несколько часов назад. Он посмотрел на фальшивые имена, под которыми Грант обращался за услугами и платил за них:

Стюарт Пек, Генри Холден, Джеймс Гейбл, Джон Хэмфри, Вильям Кларк, Уэйн Грегори, Роберт Трейси.

Рой вытащил из кармана ручку и переписал список по-своему:

Грегори Пек, Вильям Холден, Кларк Гейбл, Джеймс Стюарт, Джон Уэйн.

Таким образом, у Роя осталось четыре имени из первого списка: Генри, Хэмфри, Роберт и Трейси.

Конечно, Трейси подходило к имени этого ублюдка – Спенсер. Более того, по какой-то причине, которую еще не обнаружили ни «Мама», ни сам Рой, этот проклятый сучий сын со шрамом, наверное, пользовался еще одним именем, в которое входило имя Кэри. Оно отсутствовало в первом списке, но сочеталось с его фамилией – Грант.

Итак, оставались – Генри, Хэмфри и Роберт.

Генри. Наверно, Грант время от времени использовал имя Фонда и имя, заимствованное у Берта Ланкастера или Гэри Купера.

Хэмфри. Наверно, в некоторых кругах Гранта знавали как мистера Богарта. Свое первое имя он, видимо, опять заимствовал у другой звезды давних-давних лет...

Роберт. Обязательно обнаружится, что Грант пользовался именем Митчема или Монтгомери.

Грант так же легко менял свои имена и фамилии, как другие люди меняют рубашки.

Они пытались отыскать фантом, мираж.

Хотя Рой никак не мог доказать это, но он был уверен, что имя «Спенсер Грант» было таким же фальшивым, как и все остальные имена и фамилии. Фамилию Грант этот человек не получил от своего отца, и имя Спенсер не было именем, которым нарекла его мать. Он сам называл себя в честь любимых старых актеров, изображавших благородных старомодных героев.

Его настоящее имя оставалось загадкой, тайной, тенью, привидением, струйкой дыма.

Рой взял в руки компьютерный портрет и начал изучать лицо со шрамом.

В восемнадцать лет эта темная лошадка оказалась в армии под именем Спенсера Гранта. Откуда подросток знал, как создать себе фальшивый образ и получить при этом чистые документы и не попасться с ними? От чего бежал этот таинственный человек в таком раннем возрасте?

Каким образом, черт побери, он был связан с этой женщиной?

* * *

Рокки блаженно растянулся на софе, задрал все четыре лапы в воздух, совершенно расслабленный. Его голова покоилась на толстых коленях Теды Давидович. Он с обожанием смотрел на полную седовласую женщину. Теда гладила его животик, чесала ему подбородок и называла его «мой сладенький», «хорошенький», «чудесные глазки» и «такой чудный носик». Она сказала ему, что он маленький пушистый ангел самого Господа Бога, самый прекрасный пес во всей вселенной, великолепный, чудный, хорошенький, обожаемый, – словом, само совершенство. Она кормила его тонкими ломтиками ветчины. Он брал каждый кусочек из ее пальцев так, как это могла бы сделать настоящая графиня, а не простой пес.

Спенсер пил прекрасный кофе, сидя в слишком мягком кресле с кружевными салфеточками на спинке и на ручках. Теда сварила чудесный кофе с корицей. На столике возле его кресла стоял полный кофейник. Рядом в тарелке лежали домашние шоколадные печенья. Спенсер вежливо отказался от импортных английских печений, итальянских галет с анисом, лимонного торта, посыпанного кокосовым орехом, булочки с черникой, имбирных

пряников, песочных коржиков и булочки с изюмом. Его настолько утомила бешеная гостеприимность Теда, что он согласился отведать ее печенье, но получил не одно, а целую дюжину, и каждое величиной с блюдо.

Не переставая ворковать над Рокки и убеждая Спенсера съесть еще печенье, Теда рассказала ему, что ей уже семьдесят шесть лет и что ее муж – Берни – умер одиннадцать лет назад. У них с Берни было двое детей – Рейчел и Роберт. Роберт был чудесным ребенком, умным и добрым. Он служил во Вьетнаме, отличился там, у него было столько наград, что вы даже не можете себе представить... и он там погиб.

Рейчел. Вы бы только посмотрели на нее. Она была такая красивая, ее карточка стоит здесь. Но фото не могло передать, какая она была красивая. Нет, на фото она совсем не такая, какой была в жизни. Она погибла в автокатастрофе четырнадцать лет назад. Ужасно, когда ты переживаешь своих детей, ты даже начинаешь сомневаться, видит ли все это Бог. Теда и Берни почти всю свою жизнь прожили в Калифорнии. Берни работал бухгалтером, а она учила детей в начальных классах. Выйдя на пенсию, они продали свой дом, получили неплохие деньги и переехали в Вегас, но не потому, что были игроками – ну, может быть, раз в месяц они проигрывали двадцать долларов в игровых автоматах. Они приехали сюда, потому что недвижимость здесь стоила гораздо дешевле, чем в Калифорнии. Именно по этой причине сюда ехали все пенсионеры. Она и Берни заплатили за маленький домик наличными, и все равно они могли положить в банк шестьдесят процентов от той суммы, которую получили после продажи их дома в Калифорнии. Спустя три года после их переезда умер Берни. Он был милым человеком, очень тихим и нежным. Он всегда заботился о ней. Ей так повезло, что она вышла за него замуж. После его смерти вдове не нужен был такой дом, поэтому Теда продала его и переехала в квартиру. У нее тоже была собака, целых десять лет. Ее звали Искорка, и это имя подходило ей. Это был милейший кокер-спаниель, но два месяца назад он умер. Боже, как же она рыдала, глупая женщина. Она проливала потоки слез, но ведь она его так любила. С тех пор она старалась занять себя тем, что убирала в квартире, пекла печенье, смотрела телевизор и еще играла в карты с друзьями два раза в неделю. Она не собиралась больше заводить собаку, потому что она может умереть раньше собаки, а ей не хотелось бы оставлять в беде свое любимое животное. Она увидела Рокки, и у нее растаяло сердце, и теперь она поняла, что все же заведет себе нового любимца. Если она возьмет его из приюта для бродячих собак, где его могут просто усыпить, – все равно, сколько бы животное ни прожило с ней, это будет лучше, чем то, что его ждет без нее. И кто знает, может, она *проживет* достаточно времени, и они еще порадуются, пока не настанет *пора* уйти из жизни. У нее есть знакомые, которым уже далеко за восемьдесят, и они все еще крепкие люди.

Чтобы доставить ей удовольствие, Спенсер выпил третью чашку кофе и съел еще одно громадное печенье.

Рокки вел себя великолепно и ел еще тоненькие ломтики ветчины, и терпел, пока ему чесали брюшко и подбородок.

Время от времени он закатывал глаза, глядя на Спенсера и как бы спрашивая: *«Почему ты мне давно не рассказал об этой леди?»*

Спенсер никогда не видел, чтобы кто-нибудь мог так очаровать собаку. Это удалось Теде. Хвост Рокки время от времени начинал энергично бить по дивану, и было страшно, что он может разодрать обивку в клочья.

– Я хотел спросить у вас, – вклинился Спенсер, когда Теда остановилась передохнуть. – Знали ли вы молодую женщину, которая жила в соседней квартире до прошлого ноября. Ее звали Ханна Рейни, и она...

При упоминании о Ханне, которую Спенсер знал как Валери, Теда снова начала произносить монолог, состоящий только из прилагательных в превосходной степени. Эта девушка, о, эта удивительная девушка. Да, она была чудесной соседкой. Она была такая внимательная, у нее, милочки, было такое чудное сердце. Ханна работала в казино «Мираж» и почти все время в ночную смену, и поэтому она спала, как правило, почти до полудня.

Довольно часто Теда и Ханна вместе обедали. Иногда это происходило в квартире у Ханны, а иногда у Теды. В октябре Теда сильно болела гриппом, и Ханна ухаживала за ней, она ее просто вытащила из болезни. Она была ей как дочь. Нет, Ханна никогда не вспоминала о прошлом, никогда не говорила, откуда она родом, никогда не рассказывала о своей семье, потому что ей не хотелось вспоминать что-то ужасное – это можно было понять, – она смотрела в будущее, только в будущее, и никогда не вспоминала прошлое. Теда даже одно время думала, что она сбежала от неприятного, грубого мужа. Он, возможно, старался разыскать Ханну, и ей пришлось скрываться от него, чтобы он ее не убил.

В наше время так часто приходится слышать о подобных вещах. Мир стал таким ужасным, все перевернуто с ног на голову, и с каждым днем все становится хуже и хуже. Потом в одиннадцать утра в ноябре в квартиру Ханны ворвались люди из отделения по борьбе с наркотиками. В это время девушка обычно спала, но в тот день ее в квартире не оказалось. Она уехала, не сказав никому ни слова, не попрощавшись с Тедой, как будто знала, что ее будут искать. Федеральные агенты были вне себя от злости, и они долго допрашивали Теду. Они так себя вели, словно это она совершила преступление. Представьте! Они заявили, что Ханна Рейни была преступницей, которая скрывалась от властей. Она принимала участие в торговле кокаином в стране и убила двух полицейских офицеров, которым удалось внедриться в эту организацию. Она сделала это, когда им всем грозил провал.

– Значит, они хотели арестовать ее за совершенное убийство? – спросил Спенсер.

Теда Давидович сжала в кулачок пухлую ручку с коричневыми старческими пятнами на коже, которые выдавали ее возраст, и стукнула ногой в ортопедическом ботинке по полу, да так, что раздался громкий *стук*, несмотря на то что на полу лежал ковер. И потом она сказала:

– Это все дерьмо!

* * *

Ева Мария Джаммер работала в комнате без окон в самом низу башни, где были расположены офисы, на четыре этажа ниже делового центра Лас-Вегаса. Иногда она представляла себя горбуном Нотрдама на его колокольне или призраком, бродившим в одиночестве в парижской Опере, а порой даже графом Дракулой в его могиле. Она была таинственной фигурой, владевшей ужасными секретами. Она надеялась, что когда-нибудь ее будут бояться многие. И будет таких гораздо больше, чем тех, кто боялся горбуна, призрака и самого графа, даже вместе взятых.

В отличие от монстров из фильмов, Ева Джаммер внешне была более чем привлекательна. Тридцати трех лет, бывшая шоу-герл, зеленоглазая блондинка, от которой у любого мужчины захватывало дух. Глядя на нее, мужчины теряли голову, а увидев на улице, могли врезаться в фонарный столб. Такое необыкновенное тело, как у нее, могло существовать только во влажных эротических мечтах парней в период пубертации.

Она прекрасно осознавала, насколько великолепна. Она себя обожала, потому что это давало ощущение власти, а Ева ничего на свете так не любила, как власть.

В своем глубоком убежище, где стены и пол были серые, а ряды флюоресцентных ламп отбрасывали жесткий и резкий свет, Ева все равно была великолепна. Хотя ее комната как следует отапливалась и сама Ева время от времени еще включала термостат, эта бетонная коробка никак не могла прогреться, и Еве часто приходилось надевать свитер, чтобы совсем не замерзнуть. Она работала здесь одна и делила комнату только с несколькими пауками, которых не могла отсюда выжить, сколько бы ни брызгала инсектицидами.

В это февральское утро в пятницу Ева аккуратно проверяла банки данных записывающих устройств, которые стояли на металлических стеллажах, занимавших почти всю стену.

К ее бункеру вели сто двадцать восемь линий от личных телефонов, и все они, кроме двух, были присоединены к подслушивающим устройствам. Но записывающие устройства в

данный момент работали не все.

В настоящее время Агентство прослушивало только восемьдесят телефонов в Лас-Вегасе.

В самой современной аппаратуре использовались лазерные диски, а не пленка, и подслушивание и запись начинались, только когда на линии звучал человеческий голос. Поэтому место на дисках не расходовалось на долгие периоды тишины. На лазерных дисках могло уместиться огромное количество информации, поэтому их практически не приходилось менять.

Тем не менее Ева проверяла цифровые записи на каждой машине. Она контролировала, сколько еще места оставалось для записи. Хотя существовали специальные сигнальные устройства, которые срабатывали при малейшем отклонении в работе приборов, Ева все равно проверяла каждый прибор, чтобы быть уверенной, что он работает нормально. Если не сработает даже один прибор или единственный диск, Агентство может недополучить огромное количество информации: Лас-Вегас был центром «теневой» экономики страны. А стало быть, он автоматически становился центром криминальной активности и политических заговоров.

Игры в казино в основном шли на наличные деньги, и Лас-Вегас напоминал огромное ярко освещенное прогулочное судно, плывущее по бескрайнему морю металлической мелочи и бумажных денег.

Даже в казино, которыми владели достаточно приличные конгломераты собственников, как правило, утаивали от пятнадцати до тридцати процентов доходов. Эти проценты никогда не фигурировали в бухгалтерских книгах или в декларациях об уплате налогов. Часть этого тайного богатства циркулировала в местной экономике.

Далее шли чаевые. Десятки миллионов долларов передавали выигравшие игроки в качестве благодарности служащим казино. Эти деньги получали карточные дилеры, крупные рулетки и все остальные работавшие в казино. Большинство этих денег оказывались в глубоких карманах города. Чтобы получить место управляющего в одном из главных увеселительных центров в самых престижных отелях, желавший заключить контракт на три-пять лет должен был заплатить четверть миллиона наличными или даже больше тем, кто решал, дать ему эту работу или нет. Эти деньги назывались «золотым ключиком». Очень скоро чаевые от туристов, желавших получить хорошие места на шоу, возвращали счастливцу его «инвестиции».

Самые шикарные «девушки по вызову», которых служащие казино предоставляли богатым людям, могли в течение года заработать полмиллиона долларов и тоже не упоминали о них, платя налоги.

Здесь часто покупались дома и за них платили наличными стодолларовыми бумажками, доставая их из полиэтиленовых пакетов или пластиковых контейнеров. Каждая такая сделка проходила по особому контракту. К ней не привлекались никакие промежуточные компании, и нигде официально не регистрировалось совершение новой сделки. Поэтому налоговая инспекция не могла определить, получил ли продавец чрезмерную сумму от продажи и сделал ли свое приобретение покупатель с помощью доходов, с которых он не платил налоги. В течение последних двадцати лет самые роскошные особняки в городе уже два или три, а то и четыре раза меняли владельцев. Но на официальной бумаге все еще красовалось имя первого хозяина. Ему продолжали посылать все официальные уведомления даже после того, как он давно умер.

Финансовое управление и другие федеральные учреждения занимали огромные офисы в Лас-Вегасе. Правительство всегда интересовало деньги, особенно те, до которых оно никак не могло дотянуться.

Остальные помещения, которые находились над бункером Евы, занимало Агентство, которое выдавало себя за правительственное учреждение здесь, в Лас-Вегасе. Еве внушали, что она работала на Агентство по национальной безопасности, которое вело здесь тайную, но вполне законную деятельность. Ева прекрасно понимала, что все это было ложью. Их

безымянное ответвление Агентства, выполнявшее самые разные и таинственные задания, имело сложную структуру и действовало вне закона, манипулировало юридическими и законодательными ветвями правительства (может даже, оно принимало непосредственное участие и в управлении). Агентство действовало как единственный судья и его присяжные и даже как палач, когда возникала необходимость или желание, – словом, это было тайное гестапо.

Ева попала в одно из самых важных и сложных отделений в Вегасе в основном благодаря положению своего отца. Но, кроме того, ей доверяли работу в этом подземном записывающем и подслушивающем офисе, потому что считали, что она слишком тупа, чтобы самой воспользоваться информацией, к которой имела доступ. Ее лицо было явным образцом сексуальных фантазий любого мужчины, ноги великолепны, стройны и эротичны настолько, чтобы сделать честь любой сценической площадке в Вегасе. Ее груди были большими и гордо стремились вверх.

Поэтому начальство решило, что у нее хватит ума, только чтобы время от времени менять лазерные диски и вызывать техника, когда начнет барахлить аппаратура.

Хотя Ева действительно успешно изображала красотку-блондинку с мозгами курицы, она была гораздо умнее той толпы злобных исчадий ада, которые занимали офисы у нее над головой. В течение своей двухгодичной работы в Агентстве она тайком прослушивала записи разговоров самых известных владельцев казино, боссов мафии, бизнесменов, политиков и многих других важных личностей.

Она смогла получить доходы, узнав о деталях секретных манипуляций, совершаемых акционерными объединениями. Таким образом, она покупала и продавала акции акционеров обществ, ничем не рискуя.

Она также обладала обширной информацией о гарантированных победах в спортивных соревнованиях, проходивших на национальном уровне. Они приносили огромные прибыли некоторым людям и организациям, связанным с приемом ставок в тотализаторе. Обычно, когда боксер соглашался проиграть, Ева ставила деньги на его противника. Она делала это через букмекерскую контору в Рено, где не могли задаться вопросом, почему ей вдруг выпала такая удача.

Большинство людей, за которыми вело наблюдение Агентство, имели достаточный опыт жульничества и вообще вели антисоциальный образ жизни. Они прекрасно понимали, что говорить о криминальной деятельности по телефону весьма опасно, поэтому проверяли свои телефонные линии двадцать четыре часа в сутки, чтобы вовремя обнаружить электронное подслушивание.

Некоторые использовали «скрэмблеры» – устройства, при включении которых было невозможно разобрать речь. И поэтому они наивно полагали, что их переговоры никто не мог расшифровать.

Но Агентство пользовалось аппаратурой, которой не существовало нигде, кроме Пентагона. Никакое известное электронное устройство не могло обнаружить их подслушивающие аппараты. Ева точно знала, что Агентство подслушивало «безопасный» телефон специального агента ФБР в Лас-Вегасе. Еву бы не удивило, если бы она узнала, что Агентство таким же образом ведет себя по отношению к руководителям ФБР в Вашингтоне.

В течение двух лет постоянно зарабатывая на операциях, о которых никто не догадывался, Ева накопила более пяти миллионов долларов. Она старалась не оперировать крупными суммами. Ее единственный большой улов составил миллион долларов наличными, которые должна была выплатить мафия Чикаго сенатору, приехавшему в Вегас для уточнения некоторых криминальных фактов ее деятельности. Ева постаралась не оставить следов, уничтожив лазерный диск, на котором был записан разговор по поводу взятки. Потом она перехватила двух курьеров в лифте отеля, когда они спускались из пентхауса в вестибюль. Деньги у них были в тряпочной сумке с изображением Микки Мауса. Крупные ребята, жесткие лица, холодные глаза. Под черными хлопковыми спортивными пиджаками у них были яркие шелковые рубашки из Италии. Ева начала копать в своей большой соломенной

сумке, как только вошла в лифт, но эти двое бандюг не сводили глаз с ее огромных грудей, которые почти вываливались из низкого выреза трикотажной блузки. Парни могли действовать очень быстро, несмотря на свой тупой вид, поэтому Ева не стала рисковать и вытаскивать пистолет тридцать восьмого калибра из сумки и застрелила их прямо через сумку, вдавлив в каждого по два патрона. Они так грузно упали на пол, что лифт задрожал, и потом деньги уже принадлежали ей.

Только ей было жаль еще одного, оказавшегося в лифте. Это был маленького роста лысеющий человечек с темными мешками под глазами. Он старался вжаться в угол кабины, как бы надеясь, что станет совсем незаметным. На его рубашке был приколот значок, где было написано, что он приехал на совещание дантистов и что его звали Термон Стуки. Бедный ублюдок оказался свидетелем. Ева остановила лифт между двенадцатым и одиннадцатым этажами и выстрелила ему в голову, но ей было неприятно делать это.

Потом она перезарядила пистолет и засунула порванную соломенную сумку в тряпичную сумку с деньгами и Микки Маусом и спустилась на девятый этаж. Она была готова убить любого, кто мог бы ожидать там лифт, но, слава тебе Господи, там никого не было. Через несколько минут она уже вышла из отеля и направилась домой с миллионом долларов в матерчатой сумке с Микки Маусом.

Ей было жаль Термона Стуки. Ему не следовало находиться в этом лифте. Это было неподходящее для него место и время, просто гримаса судьбы. Действительно, жизнь была полна неожиданностей. За свои тридцать три года Ева Джаммер убила всего пять человек, и Термон Стуки был единственным среди них невинным и случайным. Она некоторое время видела его перед собой таким, каким запомнила перед тем, как он распрощался с жизнью. Она целый день боролась с собой, чтобы перестать переживать из-за него.

Через год ей уже не понадобится самой убивать людей. Она сможет отдавать приказания, чтобы их убивали ради нее.

В скором времени Ева Джаммер станет той, кого будут больше всего бояться самые разные люди, которые сейчас даже и не подозревают об этом, а ее не сможет достать никто из врагов. Те деньги, которые она заработала, росли в геометрической прогрессии. Но не деньги могли дать ей полную независимость. Ее настоящая власть таилась в сокровищнице разоблачений политиков, деловых людей и всевозможных знаменитостей. Эти сведения в форме суперконцентрированной цифровой информации она перегоняла с огромной скоростью по особой телефонной линии с дисков в ее бункере в свои собственные автоматические устройства в Боулдер-Сити. Бунгало там она сняла с помощью разных изощренных уловок, используя сложную цепь фальшивых имен.

Сейчас ведь был как-никак Век Информации, последовавший за Веком Услуг, который, в свою очередь, сменил Век Индустриальный. Она все прочитала по этому поводу в журналах «Форчун», «Форбс» и «Бизнес уик». Будущее уже настало, и информация была равна богатству.

Информация давала силу.

Ева закончила осмотр восьмидесяти работавших записывающих устройств и начала выбирать новый материал для передачи в Боулдер-Сити. В это время электронный сигнал на одном из устройств предупредил ее о том, что поступает важная информация.

Если бы Евы не оказалось в офисе или дома, компьютер подал бы ей сигнал, и после этого она должна была бы немедленно вернуться в свой офис. Она не возмущалась тем, что ей приходилось быть в постоянной готовности двадцать четыре часа в сутки. Все равно это было лучше, чем если бы с ней на пару работал еще кто-то в другую смену. Она не доверяла больше никому. На дисках содержалась слишком ценная информация.

Мерцающий красный огонек привлек ее внимание к нужной установке. Ева нажала кнопку, чтобы отключить сигнал тревоги.

На передней плоскости записывающего устройства была табличка с данными об объекте наблюдения. За номером файла следовал адрес объекта, а еще ниже имя и фамилия: Теда Давидович.

Наблюдение за миссис Давидович не носило характер обычного наблюдения, когда все разговоры от первого слова до последнего записывались на диск. В конце концов, она была старой вдовой, заурядным человеком, чьи действия не могли угрожать стабильности системы, поэтому Агентство не слишком интересовалось ею. Совершенно случайно Теда Давидович на короткое время подружилась с женщиной, которой в настоящее время занималось Агентство. И вдову не выпускали, из поля зрения только потому, что надеялись, вдруг беглянка ей позвонит или, что уж совершенно невероятно, зайдет к ней. Поэтому постоянно записывать скучные разговоры Теды с ее пожилыми подругами и друзьями было бы лишней тратой времени.

Вместо этого автономный компьютер бункера Евы, который контролировал все записывающие устройства, запрограммировали так, чтобы следить постоянно за подслушивающими устройствами у Давидович, но лазерный диск начинал записывать только после того, как прозвучит ключевое слово, связанное с беглянкой. На это слово компьютер отреагировал несколько секунд назад. Ключевое слово появилось на маленьком экране дисплея рекордера: «Ханна».

Ева нажала кнопку «монитор» и услышала голос Теды Давидович. Та разговаривала с кем-то в своей гостиной на другом конце города.

В трубке квартирного телефона вдовы обычный микрофон, воспринимавший только разговор по телефону, был заменен таким, с помощью которого можно было прослушивать все, что происходило и говорилось в любой комнате ее квартиры, даже когда трубка лежала на месте. Постоянная передача шла в станцию мониторинга. Так действовал один из приборов, которые у шпионов назывались «постоянный передатчик».

В Агентстве использовались передатчики, усовершенствованные и значительно отличавшиеся от моделей, имевшихся на вооружении у других учреждений. Этот передатчик мог работать двадцать четыре часа в сутки и не мешать нормальной работе телефона, в котором он был спрятан. Миссис Давидович всегда слышала нормальный сигнал, поднимая трубку, и тех, кто звонил ей, никогда не останавливал сигнал «занято», что было обычным при работе других транзиттеров.

Ева Джаммер терпеливо слушала, пока старуха исходила слюной, разглагольствуя о Ханне Рейни. Давидович рассказывала о ней, а не разговаривала с ней. Это было совершенно ясно.

Когда вдова замолчала, ей задал вопрос, по всей видимости, молодой мужчина, который находился вместе с ней в комнате. Он спрашивал о Ханне. Прежде чем Давидович ответила ему, она назвала его «мой хорошенький носик и очаровательные глазки, моя игрушечка», потом она попросила его, чтобы он «выдал» ей поцелуйчик: «Давай-давай, ну-ка лизни меня, покажи старушке Тед, что ты ее любишь, мой малыш, милая крошка, мой сладенький, да, да, помаши своим чудным хвостиком и поцелуй старушку Теду, лизни ее, давай скорей».

– Боже ты мой! – сказала Ева с гримасой отвращения на лице. Давидович уже шел восьмой десяток. И если судить по голосу мужчины, он был моложе ее лет на сорок или пятьдесят. Больные. Чокнутые и еще к тому же извращенцы. Боже, куда же идет наш мир?

* * *

– Таракан, – сказала Теда, нежно глядя брюшко Рокки. – Большой таракан, длиной примерно четыре или пять дюймов и еще с такими длинными усиками.

После того, как Агентство по борьбе с наркотиками совершило налет на квартиру Ханны и обнаружило, что она уже удрала, восемь агентов долгие часы допрашивали Теду и ее соседей, задавая им самые гнусные вопросы. Эти люди постоянно подчеркивали, что Ханна была опасной преступницей. Хотя тот, кто пообщался с этой милой девушкой хотя бы в течение пяти минут, понял бы, что она не может заниматься наркотиками и убивать полицейских офицеров. Какая полная, абсолютная, глупая, идиотская чушь! Когда эти люди ничего не смогли выяснить у соседей Ханны, они провели долгое время в ее квартире и

неизвестно, что там искали.

Позже в тот же вечер, спустя несколько часов после того, как убрались эти кейстоуновские копы – такая шумная наглая кучка идиотов, – Теда пошла в квартиру «2-Д». У нее был запасной ключ, его дала ей Ханна. Когда копы пытались проникнуть в квартиру, они не вышибли дверь, а просто разбили окно гостиной, выходящее на балкон. Хозяин уже загородил разбитое окно листами фанеры на то время, пока не придет стекольщик и не вставит другое стекло. Входная дверь была в порядке, и замок не сменили, поэтому Теда могла войти туда.

Эта квартира, в отличие от квартиры Теды, сдавалась полностью меблированной. Ханна всегда содержала ее в образцовом порядке. Она не портила мебель. Вообще она была аккуратной и *милой* девушкой. Теда хотела проверить, как сильно там напакостила эта банда ублюдков, чтобы хозяин не стал во всем обвинять Ханну. В случае, если Ханна снова появится здесь, Теда заявит, что она содержала квартиру в идеальном порядке и не портила мебель хозяина; Бога ради, она не допустит, чтобы милой Ханне пришлось платить за испорченную квартиру и мебель, *да еще* идти под суд за убийство, которого она не совершала. Конечно, вся квартира была в ужасном состоянии. Эти агенты – просто свиньи. Они тушили сигареты на полу в кухне, разлили везде кофе, который таскали из кафе на соседней улице, и даже не спустили после себя воду в туалете. Вы просто не поверите этому, они же взрослые люди, и, наверное, матери могли бы научить их чему-то приличному. Но самая странная вещь – таракан, нарисованный на стене в спальне этим, ну как его, фломастером.

– Понимаете, он не был хорошо нарисован, просто очертания противного насекомого, но все равно было понятно, что это такое, – сказала Теда. – Просто набросок, но весьма неприятный. Что хотели доказать эти недоумки, рисуя на стенах тараканов?

Спенсер был совершенно уверен, что таракана нарисовала сама Валери-Ханна, подобно тому, как она прибила вырванную страницу из учебника с изображением таракана к стене бунгало в Санта-Монике. Ясно, что она хотела разозлить и оскорбить своих преследователей. Спенсер не понимал ни значения изображения, ни почему оно бесило ее преследователей.

* * *

Из своего бункера без окон Ева позвонила в операционный отдел, который располагался на нижнем этаже в здании агентства «Карвер, Ганманн, Гарроте и Хемлок» в Лас-Вегасе.

Дежурным офицером в это утро был Джон Котткоул. Ева доложила ему о том, что происходит в квартире Теды Давидович.

Котткоул заволновался, услышав новости, он даже не смог скрыть своего волнения от Евы. Еще разговаривая с Евой, он уже начал раздавать команды своим подчиненным.

– Мисс Джаммер, – сказал Котткоул. – Мне нужна копия диска. Чтобы там все было записано. Вы понимаете меня?

– Конечно, – ответила ему Ева, но он уже бросил трубку.

Они считали, что Ева не знала, кем была Ханна Рейни раньше. Но Ева знала все с самого начала. Она также понимала, что для нее в данном случае открываются необыкновенные возможности. Она сумеет сделать так, чтобы ее состояние возросло, а вместе с ним росли ее сила и власть. Правда, Ева еще не решила, как ей действовать.

По ее столу пробежал жирный паук.

Ева шлепнула по нему рукой и раздавила злодея.

* * *

По дороге обратно к домику Спенсера в Малибу Рой Миро снова открыл контейнер. Ему следовало повысить себе настроение, и созерцание сокровища Джиневры могло помочь ему в этом.

Он был жутко расстроен, когда увидел, что на руке появилось синевато-зеленоватое с коричневым оттенком пятнышко. Оно распространялось от впадинки между большим и указательным пальцами. Ему казалось, что еще слишком рано для того, чтобы на руке начали выступать пятна и она стала разлагаться.

Рой расстроился, что мертвая женщина так подвела его.

Хотя он убеждал себя, что пятнышко слишком мало, что вся рука была такой восхитительной, что ему следует любоваться идеальной формой этой ручки и не обращать внимание на пятно – ему уже не удавалось снова разжечь свою прежнюю страсть к сокровищу Джиневры. Хотя от руки еще не пахло, она уже не была сокровищем. Она стала просто мусором.

Рой очень расстроился и закрыл контейнер.

Он проехал еще пару миль, потом съехал со скоростного шоссе и припарковался у общественной гавани. Кроме него там никого не было.

Рой вышел из машины, захватив с собой контейнер, потом поднялся по ступенькам к пирсу и пошел в самый дальний его конец.

Его шаги раздавались довольно громко, пока он шел по деревянному настилу. Под настилом волновалась вода, она накатывала и снова отходила назад с легким шуршанием.

На пирсе никого не было. Не было рыбаков и молодых влюбленных, которые стояли бы, облокотившись на ограждение. Никаких туристов. Рой был наедине со своим испорченным сокровищем и грустными думами.

Он некоторое время постоял в конце пирса, глядя на огромное пространство сверкающей воды и на голубые небеса, которые далеко впереди сближались с водной поверхностью. Небо останется на том же месте и завтра, и даже через тысячу лет. И океан будет вечно волноваться, но все остальное может погибнуть.

Он старался отогнать от себя грустные мысли, но это было нелегко.

Рой открыл контейнер и выбросил мусор с пятью пальцами в океан. Рука исчезла в лучах солнца, которые золотили гребешки волн.

Он не боялся, что лазер сможет обнаружить его отпечатки на бледной коже ручки. Если даже рыбы не съедят всю до последнего кусочка отрезанную руку Джиневры, то соленая вода смоеет все следы его прикосновений к этому сокровищу.

Пришлось выбросить в воду и контейнер, хотя делать это было так стыдно. Рой никогда не засорял окружающую среду и берег природу.

Его не волновала рука – это была органика, она станет частью океана, и океан не пострадает от руки Джиневры.

Но пластик полностью перерабатывается только в течение трехсот лет. И во время этого периода токсичные химические вещества станут выделяться из контейнера прямо в океан, загрязняя его.

Ему следовало выбросить контейнер в один из мусорных ящиков, которые стояли через определенные промежутки вдоль ограждения пирса.

Но уже слишком поздно. Он был всего лишь человек, и поэтому всегда возникали проблемы.

Некоторое время Рой стоял, прислонившись к ограждению. Он смотрел в бесконечность неба и воды, размышляя над проблемами человечества.

По мнению Роя, самые большие проблемы в мире были связаны с человеческими существами. Несмотря на все желания и старания, люди не могли достичь физического, эмоционального или интеллектуального совершенства. Род человеческий был приговорен к несовершенству. И Рой пребывал в отчаянии или же старался об этом забыть.

Хотя Джиневра была безусловно привлекательной, идеальными у нее были только руки.

И тех теперь уже нет.

Но даже если и так, ей все равно повезло – большинство людей были неидеальными во всех отношениях. Они никогда не испытали уверенности и удовольствия, которые могли доставить даже одна идеальная черта или деталь их фигуры.

Роя постоянно преследовал один и тот же сон. Он ему снился три или четыре раза в месяц. Рой каждый раз просыпался после этого сна в восторге. Во сне он ездил по миру и искал женщин, подобных Джиневре, и у каждой из них он отнимал то, что было в ней великолепно: у одной он забирал такие чудесные глаза, что при взгляде на них у него начинало болеть сердце, у следующей он брал ее роскошные ноги, у третьей заимствовал белоснежные красивые зубы богини. Он держал свои сокровища в волшебных кувшинах, и они там не портились. Так он собрал все, что было необходимо для создания идеальной женщины, для любовницы, о которой он мечтал всю жизнь. Она была настолько прекрасна и идеальна, что он чуть не ослеп, когда взглянул на нее. Ее легкое прикосновение доводило его до экстаза.

К сожалению, он всегда просыпался в тот момент, когда погружался в ее объятия.

В своей жизни он никогда не встречался с подобной красотой.

Сны были единственным утешением для человека, который жаждал совершенства.

Он стоял и смотрел на небо и на океан. Одиноким человек в конце пустынного пирса. В нем самом не было ничего идеального. Но он мечтал о несбыточном.

Он понимал, что в нем сочетается романтик и трагик. Были даже люди, называвшие его глупцом. Но он мечтал, и его мечты были такими возвышенными.

Рой вздохнул, отвернулся от равнодушного моря и пошел к машине.

Сидя за рулем, но еще не заводя мотор, Рой вытащил цветной снимок из бумажника. Он носил его с собой уже больше года и часто разглядывал. Тот его просто заколдовал, и он мог смотреть на него целыми днями и о чем-то мечтать.

Это было фото женщины, которая недавно звалась Валери Энн Кин. Она была привлекательна. Да, почти так же привлекательна, как Джиневра.

Но она притягивала Роя, и он просто был поражен божественной силой, создавшей человечество. Она заколдовала его своими великолепными глазами. Они были более выразительные и красивые, чем глаза капитана Гарри Дескоте из полицейского департамента Лос-Анджелеса.

Темные влажные глаза. Огромные, но совершенно пропорциональные на ее лице. Взгляд был прямой, но все равно загадочный... Это были глаза, которые видели все, что происходило в самом сердце таинственных событий. Это были глаза безгрешной души.

И в то же время они принадлежали бесстыжей, хитрой соблазнительнице. Эти глаза, даже когда они лгали, были прозрачными как стекло, в них были видны душа и сексуальность и полное понимание судьбы.

Рой был уверен, что на самом деле ее глаза еще более выразительны, чем на фото, и имеют большую власть. Он видел и другие ее фотографии и бесконечные кассеты с ее изображением. И каждый новый портрет терзал ему сердце еще сильнее.

Когда он ее найдет, он ее убьет во имя интересов Агентства и Томаса Саммертона, и ради всех людей, кто желал сделать лучше страну и весь мир. Ей нет пощады! Она несла в себе зло. Но только не ее великолепные глаза.

И после того как Рой выполнит свой долг, он заберет себе ее глаза. Он их заслужил. На короткое время эти сказочные глаза дадут ему утешение, в котором он сильно нуждался. Мир становился иногда таким жестоким и холодным, и его было сложно выносить даже тем, кто старался думать только о хорошем, как это делал Рой.

Когда Спенсер наконец смог добраться до двери, держа Рокки на руках (собака не собиралась выходить отсюда по собственной воле), Теда положила в пластиковый пакет оставшиеся десять шоколадных печений с тарелки, стоявшей рядом с его креслом. Она настояла, чтобы он взял их с собой. Она также проковыляла в кухню и вернулась с домашними булочками с черникой, которые положила в маленький пакет из коричневой плотной бумаги. Потом она еще раз выходила туда и принесла для него два куска лимонного торта, посыпанного кокосом, в пластиковом контейнере.

Спенсер начал протестовать, потому что он не мог возратить ей контейнер.

— Ерунда, — сказала ему Теда. — Вам не нужно его возвращать. У меня достаточно

разной посуды, ее мне хватит до окончания моих дней. Я собирала посуду все время и собирала эти удобные контейнеры. В них можно хранить все, что угодно. Но нельзя же собирать что-то до бесконечности. Поэтому вы съедите торт и потом просто выбросите контейнер. Вот и все.

Кроме всяких печеностей и вкусностей, Спенсер получил еще кое-какую информацию о Ханне-Валери. Первое, это был рассказ Теда о рисунке на стене спальни Ханны. Но он все еще не знал, как ему применить полученную информацию. Второе касалось того, что припомнила Теда из рассказа Ханны, когда они сидели за столом. Это было незадолго до того, как Ханна собрала вещички и удрала из Вегаса. Они говорили о местах, где бы им хотелось жить. Теда никак не могла выбрать между Англией и Гавайями. Зато Ханна утверждала, что маленький городок Кармель в Калифорнии так красив и спокоен, как только может желать человек.

Спенсер подумал, что Кармель это слишком уж произвольная догадка, но в данный момент у него не было ничего лучшего.

С другой стороны, она не поехала прямо туда после Лас-Вегаса.

Она сначала пожила в районе Лос-Анджелеса и попыталась существовать там в образе Валери Кин. Но может, сейчас, когда ее таинственные враги два раза настигали ее в больших городах, она попытается проверить, легко ли им будет обнаружить ее в маленьком городке.

О том, что Ханна упоминала о Кармеле, Теда не сказала этой банде грубых, наглых бестолочей, которые к тому же разбивали окна. Возможно, у Спенсера будет перед ними некоторое преимущество?

Ему трудно было оставлять Теду одну с ее воспоминаниями о любимом муже, умерших детях и пропавшей подруге. Но он поблагодарил ее от всего сердца и, выйдя на балкон, начал спускаться вниз по ступенькам, ведущим во двор.

Он удивился, увидев серо-черное небо в облаках. Поднялся сильный ветер. Он долго пробыл в мире Теда и забыл, что кроме него существует еще и другой мир, за стенами ее квартиры. Пальмы качались на ветру, сильно похолодало.

Спенсер с трудом спускался по ступенькам, держа в руках собаку, весившую почти двадцать килограммов, пластиковый пакет с печеньями, еще пакетик с булочками и контейнер с лимонным тортом. Ему пришлось тащить Рокки на руках до самого конца лестницы, потому что он был уверен, что как только отпустит собаку, она сразу же рванется обратно в мир Теда.

Когда Спенсер наконец спустил его на дорожку, Рокки повернулся назад и жадно посмотрел на ступеньки, ведущие в маленький собачий рай.

– Пора вернуться в реальный мир, – сказал ему Спенсер.

Собака взвизгнула.

Спенсер пошел к первому зданию комплекса, к деревьям, гнувшимся под ударами ветра.

Не доходя до бассейна, он обернулся назад.

Рокки все еще стоял у лестницы.

– Эй, дружище. – Рокки посмотрел на него. – Ты чья собака, между прочим? – На морде пса появилось выражение собачьего стыда и вины, и он наконец заковылял к Спенсеру. – Лесси никогда бы не оставила Тимми, даже ради бабульки *самого* Господа Бога. – Рокки зачихал от сильного запаха хлорки. – Что было бы, – сказал Спенсер, когда наконец собака подошла к нему, – если бы меня придавил перевернутый трактор и я не смог бы сам освободиться или на меня напал злой медведь? – Рокки завизжал, как бы стараясь извиниться. – Ладно, я тебя прощаю, – сказал ему Спенсер. На улице, сев в машину, он добавил: – Ты знаешь, парень, я тобой горжусь. – Рокки наклонил голову. Включив мотор, Спенсер сказал: – Ты с каждым днем становишься все более спокойным и не так сильно боишься чужих людей. Если бы я не знал тебя лучше, я бы мог подумать, что ты потихоньку таскаешь у меня припрятанные денежки и бегаешь на сеансы терапии к какому-нибудь дорогому и модному психиатру, живущему в Беверли-Хиллз.

Впереди «Шевроле» грязно-зеленого цвета на бешеной скорости завернул за угол. Завизжали колеса, и из-под них даже показался дымок. Машина чуть не перевернулась, как это бывает во время скоростных гонок. Ей удалось удержаться на двух колесах. Потом она с жуткой скоростью помчалась навстречу машине Спенсера и, завизжав тормозами, остановилась у кромки тротуара на другой стороне улицы.

Спенсер подумал, что машиной управляет пьяный или подросток, который чего-то наглотался. Дверцы распахнулись, и из машины выскочили четыре типа. Он таких слишком хорошо знал. Они бросились к входу в квартиры.

Спенсер начал потихоньку прибавлять скорость.

Один из бегущих людей увидел Спенсера, показал на него остальным и что-то закричал. Все четверо развернулись лицом к машине Спенсера.

– Эй, дружок, держись!

Спенсер резко нажал на акселератор, и машина рванулась подальше от этих людей, чтобы как можно быстрее повернуть за угол.

Спенсер услышал пальбу.

Глава 10

Пуля попала в задние огни грузовика Спенсера. Еще одна с воем прошла рикошетом по металлу. Но бак с бензином не взорвался.

Стекла не побились, и колеса не были спущены.

Спенсер резко повернул направо, за угол кафе. Он почувствовал, как машина сильно накренилась, готовая перевернуться, поэтому попытался продлить скольжение колес. Запахло жженой резиной, а задние колеса завияли по покрытию дороги. Машина неслась по боковой улочке, вне досягаемости стрелявших. Спенсер увеличил скорость.

Рокки боялся темноты, ветра, молнии и котов. Ему не нравилось, когда за ним подглядывали, пока он совершал туалет, и еще многое, многое другое. Но как ни странно, он совершенно не был испуган стрельбой и лихачеством Спенсера за рулем. Эта гонка была похожа на ряд цирковых трюков. Рокки выпрямился, уцепившись когтями за обивку сиденья. Он покачивался в такт движению машины, громко дышал и улыбался.

Глянув на спидометр, Спенсер увидел, что они едут со скоростью шестьдесят пять миль, и это в зоне, где движение было ограничено тридцатью милями в час. Он еще поддал газу.

Сидя рядом с ним, Рокки начал вытворять такое, чего он раньше никогда не делал. Он качал головой вверх и вниз. Казалось, что он желал, чтобы Спенсер еще увеличил скорость, и приговаривал «Да-да-да-да-да...»

– Все сейчас слишком серьезно, – сказал ему Спенсер. Рокки фыркнул, как будто смеялся над опасностью. – Они, наверное, вели наблюдение за квартирой Теды и подслушивали ее разговоры.

«Да-да-да-да-да».

– Они тратили такие средства, подслушивая Теду! И все это начиная с ноября. Какого черта, что им нужно от Валери? Что она может знать или сделать такого важного, что вынуждает их тратить огромные деньги на подслушивание?

Спенсер посмотрел в зеркало заднего обзора. В полутора кварталах от них «Шевроле» повернул за угол у кафетерия.

Ему хотелось проскочить два квартала, прежде чем повернуть налево, чтобы сбить их с толку. Он надеялся, что эти бешеные торпеды, которые с такой радостью жали на курок в машине грязно-зеленого цвета, могли обмануться, подумав, что он свернул на первом перекрестке.

Они преследовали его. «Шевроле» быстро сокращал дистанцию. Он мчался гораздо быстрее, чем можно было ожидать, судя по его внешнему виду. Он был больше похож на одну из тех разбитых машин, которые государство выдавало инспекторам департамента

сельского хозяйства или бюро по проверке блеска зубов у населения. На самом деле эта машина была намного мощнее, чем остальные модели «Шевроле».

Хотя они его и видели, Спенсер повернул налево в конце второго квартала, как и планировал. На этот раз он сделал широкий разворот, чтобы зря не терять время и не портить шины – они ему еще могли пригодиться.

Но он все равно мчался чересчур быстро, так что задел встречную «Хонду». Ее водитель резко отклонился вправо и въехал на тротуар, проскрежетал боком по пожарному крану и врезался в осевший металлический забор, окружавший заброшенную заправочную станцию.

Краем глаза Спенсер увидел, как Рокки силой инерции прижало к дверце салона, но он продолжал радостно качать головой.

«Да-да-да-да-да».

Машину начали обвевать сильные порывы холодного ветра. Справа было несколько акров незастроенной территории, и оттуда несло на улицу тучи песка.

Вегас застраивался хаотично на огромном пространстве долины, в пустыне, и даже развитые районы города перемежались с просторами неиспользовавшейся земли. С первого взгляда они представлялись крупными, пустующими площадками для парковки, но на самом деле свидетельствовали о тихом наступлении пустыни на город. Она только ждала удобного случая. Когда поднимался ветер, пустыня в сердцах срывала с себя маску смирения и обрушивалась на соседние районы.

Спенсер был почти ослеплен наступлением песка, который порывы ветра швыряли на ветровое стекло. Но он молил Бога, чтобы ветер был еще сильнее, а песок еще шире развернул свое наступление. Ему хотелось исчезнуть в кромешной буре, как корабль-призрак растворяется в тумане.

Он опять глянул назад. Видимость была всего лишь десять-пятнадцать футов.

Он начал было прибавлять скорость, но потом передумал. Он и так уже врезался в песчаный шторм на ужасной скорости. Впереди была такая же мгла, как и позади. Если он наткнется на стоящий или медленнодвигающийся автомобиль или неожиданно вылетит на перекресток при встречном движении транспорта, его очень мало будет заботить четыре самоубийцы в мчащейся с бешеной скоростью спецмашине марки «Шевроле».

Когда-нибудь, если ось Земли отклонится на крохотное расстояние или воздушные потоки изменят направление по каким-то неизвестным причинам, тогда ветер и пустыня соединятся вместе, чтобы разрушить Вегас и похоронить развалины под биллионами кубических ярдов сухого, белого, торжествующего песка. Может, как раз сейчас и настал этот момент.

Что-то толкнуло машину сзади. Спенсер качнулся, глянул в зеркало заднего обзора. Этот «Шевроле» сидит у него на хвосте. Потом машина несколько поотстала в бушующем песке, а затем снова ринулась вперед и ударила машину Спенсера. Может быть, они хотели, чтобы он перевернулся, а может, просто напоминали, что следуют за ним.

Спенсер почувствовал, что Рокки смотрит на него, и тоже глянул на собаку.

Казалось, что собака спрашивала: *«Ну и что теперь?»*

Пустыня закончилась, и они влетели в тишину воздуха, свободного от туч летящего песка. В холодном суровом свете надвигавшегося урагана они уже потеряли надежду удрать от преследователей, подобно Лоуренсу Аравийскому, закутавшись в бушующих покрывалах из песка, несшегося из пустыни.

Впереди, на расстоянии полуквартала, маячил перекресток. Светофор зажег красный свет. Ему не прорваться через поток машин.

Спенсер не убрал ногу с акселератора. Он молил Бога, чтоб среди движущихся машин появился просвет. В последний момент ему пришлось нажать на тормоз, чтобы не врезаться в автобус. Казалось, что машина поднялась на передние колеса, потом резко остановилась, застряв в неглубокой дренажной канаве у самого перекрестка.

Рокки взвизгнул, прокатился по сиденью и съехал вниз под приборную доску.

Автобус выпустил бледно-голубые выхлопные газы и проехал мимо по самой ближней полосе дороги.

Рокки удалось развернуться в узком пространстве под сиденьем, и он улыбнулся Спенсеру.

– Парень, оставайся там, так будет безопаснее.

Не обращая внимания на совет, Рокки снова вскарабкался на сиденье, пока Спенсер прибавил скорость, чтобы проскользнуть на перпендикулярную магистраль в дыму удалявшегося автобуса.

Когда Спенсер повернул направо и обогнал автобус, он увидел в зеркало, что грязно-зеленый «Шевроле» проскакал по той же самой канаве и снова выехал на улицу так плавно, как будто спустился по воздуху.

– Этот сучий сын умеет водить машину!

Сзади из-за автобуса появился «Шевроле». Он двигался на большой скорости.

Спенсер опасался, что они начнут в него стрелять, и уже почти не надеялся оторваться от них.

Конечно, они будут просто сумасшедшими, если начнут палить на полном ходу из машины, когда вокруг такое движение. Пули могли поразить невинных водителей или пешеходов. Все же это не Чикаго в «Бурные двадцатые годы». Это не Бейрут и не Белфаст. Господи Боже мой, это ведь даже не Лос-Анджелес!

С другой стороны, они не побоялись начать стрелять в него перед квартирой Теды Давидович. Они в него *стреляли*.

Никаких предварительных вопросов. Они ему ничего не объяснили по поводу его конституционных прав. Черт, они даже не старались выяснить, кто он есть на самом деле. Они не стали проверять, то ли он лицо, которое им требуется. Им настолько хотелось захватить его, что они даже рискнули убить другого человека.

Казалось, они были уверены, что он знал что-то важное насчет Валери, и поэтому его следует убить. Но на самом деле он знал о прошлом этой женщины еще меньше, чем он знал о Рокки.

Если они догонят и убьют его, то начнут размахивать фальшивыми или настоящими удостоверениями ФБР или еще какими-нибудь удостоверениями и поэтому не станут отвечать за его убийство. Они заявят, что Спенсер был в бегах, вооружен и очень опасен. Что он убил полицейского. Он не сомневался, что у них окажется ордер на его арест. Этот ордер будет выдан уже после его смерти. Они также прижмут его мертвую руку к оружию, с помощью которого было совершено множество нераскрытых преступлений.

Он рванулся на желтый свет, когда тот переключился на красный, – «Шевроле» не отставал от него.

Если они не убьют его сразу, а только ранят и возьмут живым, то обязательно заключат его в звуконепроницаемое помещение и будут допрашивать и мучить. Ему не поверят, что он не виновен и ничего не знает. Они убьют его, но будут делать это очень медленно, чтобы попытаться узнать секреты, которыми он не обладает.

У Спенсера не было пистолета, у него были только руки. Он был кое-чему обучен. И еще у него была собака.

– Мы с тобой попали в беду, – сказал он Рокки.

* * *

В кухне домика, затерянного в каньоне Малибу, Рой Миро сидел один у стола и перебирал сорок фотографий. Его подручные нашли их в коробке из-под обуви на шкафу в спальне. Одно фото было в конверте, а остальные рассыпью лежали в коробке.

На шести фотографиях была собака неопределенной породы, коричнево-черная, одно ухо у нее повисло. Наверное, это та самая собака, для которой Спенсер покупал роковую музыкальную пищущую косточку, заказав ее по почте в фирме, где спустя два года после

этого заказа сохранились его адрес и имя.

Еще тридцать три фотографии изображали одну и ту же женщину. На некоторых из них ей было двадцать, на других уже около тридцати. На одной она была в джинсах и свитере с оленями и украшала рождественскую елку. На другой фотографии на ней были простенькое летнее платьице и белые босоножки, и она держала белую сумочку, радостно улыбаясь в камеру. На ней играли солнечные зайчики. Она стояла подле дерева, усыпанного гроздьями белых цветов. На многих фото она была снята рядом с лошадьми. Она их чистила, каталась на лошадях или кормила их яблоками.

Что-то в ней волновало Роя, но он не мог понять, в чем тут дело.

Она была, безусловно, привлекательной женщиной, но не сногшибательной красоткой. Хорошо сложенная блондинка с синими глазами, но ничего особенно выдающегося, что помогло бы ей претендовать на место в пантеоне истинной красоты.

Хотя у нее была ослепительная улыбка. И на всех фотографиях она улыбалась именно такой улыбкой. Улыбка была теплой, открытой, легкой. Очаровательная улыбка. Она казалась такой искренней и свидетельствовала о нежном сердце.

Но улыбка не является *чертой лица*, и это было абсолютной истиной в случае с этой женщиной. У нее был приятный, но обычный рот, совсем не такой соблазнительный, как у Мелиссы Виклун. Форма губ ничем не поражала. Зубы у нее были самыми обычными. Ее рот не зажигал Роя. Но улыбка была все равно великолепной, подобной отражению солнца на обычной поверхности обычного пруда.

В ней не было ничего такого, чем бы он желал обладать.

Но ее образ не оставлял его. Он не был уверен, что когда-то встречался с ней, но чувствовал, что ему нужно знать, кто она такая. Он где-то видел ее раньше, так ему казалось.

Глядя на ее лицо и ослепительную улыбку, он почувствовал, что над ней нависло что-то ужасное, где-то там, за рамками фотографии. Холодная темнота спускалась на нее. Но женщина не подозревала об этом.

Самым последним фотографиям было, по меньшей мере, лет двадцать, а некоторым не меньше тридцати.

Краски пожухли даже на сравнительно поздних снимках. На других оставались только намеки на цвет – они были почти полностью беловато-серыми, а в некоторых местах выступили желтые пятна.

Рой переворачивал все фото, надеясь обнаружить на обороте какие-то надписи, которые могли бы ему помочь. Но там не было ничего. Ни слова, ни даты.

На двух фотографиях женщина была снята вместе с маленьким мальчиком. Роя поразило, насколько ребенок напоминал эту женщину. Но он все еще не мог понять, почему ее лицо казалось ему таким знакомым. И только сообразив, наконец, что мальчик был Спенсером Грантом, он все связал в единое целое и положил рядом две фотографии.

Это был Грант в то время, когда у него еще не было шрама.

Грант сегодняшней в большей мере, чем это обычно бывает, походил на себя в детстве.

На первой фотографии ему было лет шесть или семь – худенький мальчик в плавках, он стоял возле бассейна, и с него текла вода. Женщина стояла рядом с ним в купальнике. Она сыграла с ним глупую шутку – подняла руку над его головой и показала «рожки», растопырив два пальца.

На второй фотографии мальчик и женщина сидели у стола для пикников. Мальчик здесь был года на два старше, чем на первой фотографии. На нем были джинсы и майка и бейсбольная шапочка. Женщина обняла мальчика и привлекла его к себе, сбив набок шапочку.

На обеих фотографиях женщина улыбалась так же радостно, как и на других снимках без мальчика. Но здесь на ее лице можно было увидеть любовь и радость. Рой понял, что она была матерью Гранта.

Но он все равно не мог уяснить, почему лицо женщины так знакомо ему. Удивительно знакомо. Чем дольше он смотрел на нее, на фотографиях с мальчиком или без него, он все

больше убеждался, что знает ее. Но он также чувствовал, что обстоятельства, при которых он видел ее прежде, были совершенно иными, чем на снимках, – мрачными, странными и неприятными.

Рой снова вернулся к снимку, где мать и сын стояли у бассейна. Вдали на некотором расстоянии возвышался огромный сарай. Даже на выцветшей фотографии можно было разобрать остатки красной краски на его высоких гладких стенах.

Женщина, мальчик, сарай.

Наверно, у него начали формироваться какие-то воспоминания, но происходило это еще на уровне подсознания, однако внезапно Рой похолодел.

Женщина, мальчик, сарай.

Он задрожал.

Рой поднял взгляд от карточек, лежавших на столе, и посмотрел в окно над раковиной, туда, где за домом росла небольшая рощица эвкалиптов. Там в редких просветах между ветвями блестели монетки солнечного света. Свет старался пронзить мглу тени. Рой хотел, чтобы воспоминания также пришли к нему, возникли из апокалиптической темноты.

Женщина, мальчик, сарай.

Как Рой ни старался, он ничего не мог вспомнить, хотя ему опять стало жутко неприятно.

Сарай.

* * *

Спенсер несся по улицам, где стояли оштукатуренные домики, а рядом с ними росли кактусы, ростки юкки и приземистые оливковые деревья. Обилие этих растений напоминало пустынный ландшафт. Он промчался через парковку торгового центра, через индустриальный район, через дебри ржавых железных сараев, где люди хранили то, что им, видимо, никогда не потребуется. Потом он свернул с дороги и проехал по парку. Там метались на ветру листья лохматых пальм. Было ясно, что ураган приближается. Спенсер безуспешно старался оторваться от преследующего его «Шевроле».

Раньше или позже они могут встретиться с патрульной полицейской машиной. Как только в дело вмешается один из местных полицейских, Спенсеру будет почти невозможно удрать от них.

Он уже совершенно не ориентировался, потому что без конца менял направление, стараясь оторваться от преследователей. И он был поражен, когда промчался мимо одного из самых современных и новых отелей Вегаса. Тот стоял справа от дороги. Значит, Южный бульвар Лас-Вегаса был от него всего в нескольких ярдах. Впереди горел красный глаз светофора, но Спенсер был готов поклясться, что пока он доедет до него, тот переключится на зеленый.

«Шевроле» по-прежнему не отставал от него. Если он остановится, то эти проклятые ублюдки выскочат из машины и облепят грузовик, а у них в руках оружия больше, чем иголок на ежике.

Триста ярдов до перекрестка. Двести пятьдесят.

Все еще горел красный свет. Движение на дороге не было слишком интенсивным, каким оно могло оказаться дальше на север, но машин все равно было достаточно. Спенсеру пришлось слегка притормозить, чтобы легче было совершить маневр, но это не давало возможности водителю «Шевроле» затормозить рядом с ним.

Сто ярдов. Семьдесят пять. Пятьдесят.

Леди Удача покинула его. Он ждал зеленого света, но красный все не переключался.

Цистерна с бензином приближалась слева от перекрестка, водитель набрал недозволенную скорость и не собирался останавливаться.

Рокки снова начал сильно качать головой.

Наконец водитель цистерны увидел машину Спенсера и попытался быстро затормозить,

чтобы не врезаться в нее.

– Хорошо, хорошо, мы должны успеть проскочить. – Спенсер слушал себя, как он повторяет это снова и снова. Он словно произносил заклинание, как будто собирался повлиять на реальность своими позитивными мыслями. *Никогда не лги собаке.* – Дружок, мы с тобой вляпались в такое дерьмо, – поправился Спенсер, когда вырулил на перекресток, сделав широкий разворот перед наступавшей на него цистерной с бензином.

В панике Спенсер все воспринимал, как при замедленной съемке. Он видел, как цистерна двигалась на него. Ее огромные колеса крутились и подпрыгивали, пока водитель в ужасе пытался нажать на тормоза. Теперь эта цистерна не только приближалась к ним...

Она нависла над ними – огромная, неотвратимая, как тупой бегемот. Цистерна казалась гораздо больше, чем была секунду назад. Сейчас она стала еще больше и заслонила собой весь свет, и от нее некуда было деться. Невозможно избежать ее. Боже ты мой, она казалась больше, чем реактивный самолет. А он был маленькой козявкой на взлетной полосе. Машина Спенсера наклонилась, и Спенсер постарался выпрямить ее, слегка повернув вправо и нажав на тормоза. Но тогда грузовик начал скользить. Его сильно занесло, и шины завизжали, как в агонии. Рулевое колесо моталось из стороны в сторону во влажных руках Спенсера. Он не мог управлять машиной. Цистерна с бензином все еще нависала над ним, она была огромной, как сама судьба. Но машину его занесло в правильном направлении, и она продолжала скользить, но, наверное, не так быстро, чтобы избежать столкновения. Шестнадцатиколесное чудовище промчалось мимо, слегка коснувшись машины Спенсера. Изогнутые бока из сверкающей нержавеющей стали блеснули мимо, пустив на них зайчиков. Порыв ветра от этого чудовища Спенсер почувствовал даже через плотно закрытые окна.

Машина Спенсера совершила полный оборот на триста шестьдесят градусов и еще повернулась градусов на девяносто. Потом со скрежетом остановилась. Она оказалась на другой стороне бульвара и смотрела в противоположном направлении. Цистерна все еще не исчезла из вида.

Машины, шедшие на юг, куда, видимо, теперь следовало мчаться Спенсеру, смогли затормозить перед его грузовиком и не врезаться в него.

Все ограничилось скрежетом тормозов и гневными гудками.

Рокки снова оказался на полу.

Спенсер не знал, слетел ли туда Рокки по инерции или же он испугался и сам сполз вниз.

Он скомандовал ему:

– Останься здесь.

Но Рокки снова влез на сиденье.

Послышался шум мотора. Он доносился слева. Пролетев через перекресток, приближался «Шевроле». Маневрируя мимо остановившейся цистерны, он подбирался к машине Спенсера.

Спенсер вдавил ногу в акселератор. Колеса начали бешено вращаться, и резина задымилась. Машина рванулась как раз в тот момент, когда «Шевроле» пронесся, задев задний бампер. С холодным звуком металл поцеловался с металлом.

Послышались выстрелы – три или четыре. Но, кажется, ни один из них не повредил машину.

Рокки на соседнем сиденье тяжело дышал и когтями цеплялся за обивку. Он не собирался сдаваться.

Спенсер двинулся прочь из Вегаса. Это было хорошо и плохо.

Хорошо, потому что, удаляясь на юг в сторону пустыни, стоило миновать въезд на шоссе № 15, и уже можно не опасаться затора на дороге. Но плохо, что, выбравшись из частотола отелей, оставалось только удирать. Спрятаться было негде. На пустынном пространстве эти негодяи в «Шевроле» могли отстать от него на милю или две, и все равно они не потеряют его из вида.

Тем не менее у него был только один выход – покинуть город. Ведь шум на перекрестке

обязательно привлечет внимание полицейских.

Пока он ехал мимо самого нового казино-отеля в городе и примыкавшего к нему парка «Спейспорт Вегас», разбросавшего на двух сотнях акров свои заведения для развлечений, оказалось, что его единственный разумный выход перестал вообще быть выходом. Впереди, шагах в ста, одна из машин, шедших на север, быстро запрыгала по невысокому газону разделительной полосы, перелетела через низкий ряд кустарников и заскользила по встречной полосе, навстречу тем, кто следовал на юг. Ее занесло при торможении, и машина заблокировала путь, готовая таранить грузовик Спенсера, если он попытается протиснуться мимо нее, все равно с какой стороны.

Он остановился в тридцати шагах от баррикады.

Это был «Крайслер», настолько похожий на «Шевроле», словно изготовленный на том же заводе.

Водитель остался на месте, но пассажиры, крупные, угрожающего вида мужчины, распахнули дверцы и выбрались из машины.

В зеркало Спенсер увидел именно то, что ожидал, – «Шевроле» тоже стоял, перегородив газон, в пятнадцати шагах позади него. Из «Шевроле» тоже вылезали люди, и у них было оружие.

Стоявшие пред ним люди из «Крайслера» тоже были вооружены. Почему-то это не удивило Спенсера.

* * *

Последнее фото находилось в белом конверте, заклеенном скотчем.

Рой не сомневался, что там фотография, потому что конверт был тонким и определенной формы. Снимок был большего размера, чем все остальные фотографии.

Пока Рой срывал скотч, он думал, что обнаружит художественную фотографию, сделанную в фотостудии, и, скорей всего, это будет портрет матери. Память о которой так дорога Спенсеру.

Это был портрет, но черно-белый. Портрет мужчины лет тридцати пяти.

Несколько секунд для Роя не существовало ни рощицы эвкалиптов, ни окна, через которое он мог видеть эту рощицу. Все вокруг куда-то исчезло, и не осталось ничего, кроме него и этой фотографии. Казалось, что-то странным образом связывало его с ней еще более тесно, чем с фотографией женщины.

Рой с трудом дышал.

Если бы кто-нибудь вошел в комнату и задал ему вопрос, он не получил бы ответа.

Казалось, что Роя била лихорадка и он отрешился от реальности. Но на самом деле он начал дрожать от холода. Однако это было не неприятное ощущение. Так холодеет наблюдающий хамелеон, лежа на камне в осеннее утро и изображая из себя выступ камня. Это был холод, который давал энергию, который мобилизовывал все его нервные клетки и подбадривал его ум, стимулируя работать без остановки.

Его сердце не частило, как бывает во время лихорадки. Наоборот, пульс стал размеренным и редким, как у спящего человека. Но каждый удар сердца отдавался в его теле, как удар церковного колокола, записанный на пленку, которую прогоняли с замедленной скоростью: длинные паузы и удары тоже длинные, торжественные и сильные.

Было ясно, что портрет делал талантливый профессионал и фотографировали мужчину, скорее всего, в студии. Там обращали большое внимание на освещение. И выбор идеальной насадки на аппарат. Это был портрет до пояса. На мужчине были белая рубашка с расстегнутым воротом и кожаный пиджак. Мужчина, прислонился к белой стене, скрестив на груди руки. Он был удивительно красив. Густые темные волосы зачесаны назад. Такого типа фотографии обычно делали для молодых актеров. Они раздавали их своим агентам или людям, желающим заключить с ними контракт на съемки. Этот снимок, разумеется, льстил мужчине, но он был прекрасного качества. Фотографу удалось подчеркнуть (хотя и не

пришлось создавать на пустом месте) природную привлекательность этого человека, ту ауру драмы и тайны, которую излучал его облик.

Художник прекрасно проработал свет и тень, причем тени было больше, чем света. Станные тени, которые отбрасывали предметы, находящиеся позади камеры, вне кадра, казалось, ползли по стене. Мужчина словно притягивал их. Так ночь распространяется по вечернему небу под ужасным давлением садящегося солнца.

У мужчины был прямой и пронизывающий взгляд, жестко сомкнутый рот. Аристократические черты лица и непринужденная поза выдавала человека, который никогда ни в чем не сомневался, ничего не боялся и не страдал от угрызений совести. Он был более чем уверен в себе и прекрасно владел собой. Даже на фотографии было видно, что это несколько нагловатый господин. По его выражению можно было понять, что на всех остальных представителей человеческой расы он смотрел с пренебрежением и слегка сверху вниз.

Но он все равно был очень привлекательным, как будто ум и опыт давали ему право чувствовать себя выше всех.

Глядя на снимок, Рой понял, что этот человек мог бы стать интересным, непредсказуемым и даже иногда забавным другом. Глядя на скопления теней, этот человек излучал животный магнетизм, и поэтому его наглое выражение не могло злить никого.

Наоборот, казалось, что ему дано право смотреть свысока на остальных людей. Так выступает лев – как настоящий хищник, но с присущей ему кошачьей грацией и глядя сверху вниз на всех остальных зверей, – он слишком уверен в себе.

Так может быть в себе уверен только лев.

Наконец Рой несколько освободился от влияния фотографии, но не до конца. Медленно перед его взором вновь возникла кухня. Он увидел перед собой окно и за ним эвкалиптовую рощу.

Он знал этого мужчину. Он видел его раньше.

Но это было слишком давно...

Наверное, фотография так сильно на него подействовала, потому что у него было что-то связано с ней. Так же как и с той женщиной. Но Рой не мог вспомнить ни имени мужчины, ни при каких обстоятельствах они встречались раньше.

Рой пожалел, что фотограф слишком затемнил лицо мужчины. Но казалось, что тени любят этого темноглазого человека.

Рой положил фотографию на кухонный стол рядом с фотографией женщины и ее сына, стоявших на фоне бассейна.

Женщина. Мальчик. Сарай в отдалении. И мужчина среди теней.

* * *

Резко затормозив посреди Южного бульвара Лас-Вегаса, когда перед ним и позади него были вооруженные люди, Спенсер начал сигналить, рывком вывернул руль вправо и нажал на акселератор. Машина рванулась в сторону парка «Спейспорт Вегас». От резкого движения Спенсера и Рокки прижало к спинке сидений, словно космонавтов, стартовавших на Луну.

Уверенная наглость молодчиков с оружием доказывала, что они были агентами какого-то важного учреждения, даже если и пользовались фальшивыми удостоверениями, чтобы скрыть, кто они на самом деле... Они бы никогда не напали на него на главной улице в присутствии многих свидетелей, если не были бы уверены, что им все сойдет с рук и местная полиция не станет ни во что вмешиваться.

На тротуаре перед входом в «Спейспорт Вегас» столпились празднующиеся, которые переходили из казино в казино. Машина Спенсера рванулась по полосе, предназначенной для автобусов. К счастью, она была свободна.

Может, из-за внезапного февральского холода и ожидаемого урагана или потому что было довольно рано, но «Спейспорт Вегас» еще был закрыт. Не работали билетные кассы, за

ограждающей стеной были видны замершие аттракционы с поднятыми высоко над землей конструкциями.

Но сама стена сияла огнями, мелькавшими в пляске неоновой пламени. Стена высотой в девять футов была покрашена, как космический корабль, и отливала металлическим блеском. Видимо, огни зажглись с помощью фотоэлементов, которые, перепутав, приняли предштормовой сумрак за начало вечера.

Спенсер провел грузовик между двух строений в виде ракет, где размещались билетные кассы, и поехал к туннелю диаметром футов двенадцать, изготовленному из полированной нержавеющей стали. Туннель проходил сквозь стену парка. В синем неоновом свете слова «Туннель времени» обещали ему возможность удрать отсюда.

Он осторожно проехал в туннель, не нажимая на тормоза, и помчался, ни о чем не думая, «через время».

Массивная труба была длиной в две сотни футов. По потолку струился в трубках ярко-синий неон. Огни постоянно мигали от самого входа в туннель до выхода. Казалось, что грузовик мчался среди вспышек молнии.

Обыкновенные посетители въезжали в парк на маленьких электромобильчиках. Однако вспышки синего неона производили весьма неожиданный эффект, если мчаться под ними на большой скорости. У Спенсера начало рябить в глазах, и он готов был поверить, что, оказавшись в «Туннеле времени», действительно перенесся в другую эру.

Рокки опять начал качать головой.

Спенсер сказал:

– Я никогда не знал, что моя собака помешана на скорости.

Они вылетели из туннеля в дальнем конце парка. Здесь огни не сияли, как это было в туннеле у входа в парк. Пустынная и кажущаяся бесконечной асфальтированная дорога поднималась и опускалась, расширялась и сужалась, петляя по парку.

«Спейспорт Вегас» имел обычный набор аттракционов, от которых у человека сердце оказывалось в желудке. Везде пестрели рисунки на тему научно-популярных фильмов. Посетителей ждала масса всяких загадок и забав: «Световая дорожка к Ганимеду», «Гиперкосмический молот», «Ад солнечного излучения», «Столкновение астероидов», «Космический полет». В парке были сооружены всевозможные аттракционы, дающие возможность почувствовать себя космонавтом. Там возвышались здания в футуристическом стиле и постройки неизвестных в архитектуре направлений. Там были «Планета людей-змей», «Кровавая луна», «Мир смерти» и прочее.

У аттракциона «Война роботов» охраняли вход машины-убийцы с красными глазами, а вход в аттракцион «Звездный монстр» напоминал блестящее отверстие в начале или в конце экстракосмического огромного пищеварительного тракта.

Небо хмурилось, дул холодный ветер, серые сумерки перед ураганом лишали мир красок, и будущее, как его представляли себе создатели «Спейспорт Вегас», было удивительно враждебным человеку.

Как ни странно, но Спенсеру этот мир казался наиболее реалистичным, как будто он попал туда на самом деле. Все здесь, по его мнению, не похоже было на парк развлечений. Такого эффекта, видимо, не надеялись достигнуть его создатели. Все казалось чужим. Кругом были странные машины, и хищники в человеческом образе вышли на прогулку. На каждом шагу грозили космические катастрофы: «Взрывающееся солнце», «Удар кометы», «Разрыв времени», «Разлом», «Пропавшая земля».

«Конец света» ждал на той же самой дорожке, которая предлагала приключение под названием «Уничтожение». Было достаточно посмотреть на все эти страшные аттракционы, и верилось, что суровое будущее, если судить по его наклонностям, даже не вдаваясь в детали, действительно ужасно, еще хуже того, что современное общество создало для себя на самом деле.

В поисках служебного выезда Спенсер катался по извивающимся дорожкам мимо разных аттракционов. Несколько раз мелькали «Шевроле» и «Крайслер» между разными

экзотическими постройками. Но они никак не могли подъехать к нему ближе.

Они походили на акул, которые плавают кругами вокруг жертвы. Каждый раз, как только они обнаруживали его, ему удавалось снова скрыться между фантастическими аттракционами и строениями.

За углом «Галактической тюрьмы» позади «Дворца паразитов» под прикрытием фикусов и олеандра с красными цветами, которые казались жалкими в сравнении с растениями на чуждых планетах-аттракционах, Спенсер все-таки обнаружил двухполосную служебную дорогу. Это означало, что парк заканчивался, и Спенсер свернул к выезду.

Слева росли деревья и между ними достаточно высокая живая изгородь. Справа вместо стены, сиявшей неонов у входа, была металлическая ограда высотой десять футов, которая заканчивалась колючей проволокой. А далее шел кустарник.

Спенсер повернул за угол и в ста шагах увидел металлические ворота. Они могли откатываться на колесах в сторону, если поступала команда с пульта дистанционного управления, которого, конечно, не было у Спенсера.

Он набирал скорость – ему придется выбивать ворота.

Собака поняла, что следует позаботиться о себе. Она слезла с сиденья и свернулась клубком в пространстве под приборной доской, не дожидаясь, когда ее сбросит туда сильный удар о ворота.

– Ты – очень нервная, но совсем не глупая псина, – одобряюще заметил Спенсер.

Он миновал почти половину расстояния до ворот, когда уголком левого глаза заметил какое-то движение. Внезапно возник «Крайслер» между деревьями фикуса и, разрывая в куски живую изгородь из олеандра, машина вырвалась на дорогу в ливне зеленых листьев и красных цветов. «Крайслер» помчался за Спенсером, немного отклонился и врезался в забор настолько сильно, что металл запорхал в воздухе, словно куски материи.

Машине Спенсера едва удалось уклониться от обломков разрушенного забора. Он ударил по воротам с такой силой, что капот погнулся, но, к счастью, не открылся. Пояс безопасности больно врезался Спенсеру в грудь. У него захватило дыхание и застучали зубы. Содержимое багажника почти выскочило из-под предохранительной сетки. Но удар был недостаточным, чтобы выбить ворота.

Они покосились и помялись. С них свисали куски колючей проволоки, но они устояли.

Спенсер рванулся назад, как будто он был пушечным ядром, возвращающимся в ствол оружия в отраженном мире.

Налетчики из «Крайслера» открыли двери и начали выскакивать из машины, приготовив оружие, но тут они увидели, что грузовик Спенсера возвращается и мчится на них. Они быстро все переиграли – снова забрались в машину и закрыли за собой дверцы.

Спенсер задом врезался в «Крайслер». Удар был сильнейшим, и он испугался, что перестарался и здорово разбил свою машину.

Но когда он снова повел ее в наступление на ворота, машина резво рванулась вперед. Колеса не спустили, и бампер был в порядке. Окна тоже целы. Бензобак нетронут – бензином не пахло. Сильно побитая машина гремела, звенела, ворчала и скрипела, но она двигалась! Двигалась грациозно и мощно.

Второй удар сорвал ворота. Грузовик перевалил через обломки забора и ворот и начал удирать из «Спейспорт Вегаса».

Они ехали по бескрайнему пространству, заросшему кустарниками. Там – в пустыне – пока еще никто не построил тематический парк, отель, казино или просто парковку.

С помощью четырехколесной ведущей тяги Спенсер выбрался на запад подальше от города, к шоссе № 15.

Он вспомнил о Рокки и посмотрел вниз, под пассажирское сиденье. Собака свернулась там, крепко закрыв глаза. Она, видимо, ожидала еще одного удара.

– Все в порядке, парень. – Рокки продолжал гримасничать, он ждал еще неприятностей. – Верь мне.

Рокки открыл глаза и вернулся на сиденье, виниловая обивка которого была сильно

поцарапана и хранила следы его когтей.

Они тряслись по лишенной растительности голой земле, пострадавшей от эрозии, но им нужно было добраться до скоростного шоссе.

В тридцати-сорока шагах от них, с востока и запада, возвышалась крутая насыпь из гравия и сланца. Если бы даже Спенсер смог найти проход через ограждение вокруг этой горы, ему все равно не удалось бы выбраться отсюда и достигнуть спасительного шоссе. Те, кто его преследовали, должны были выставить заслоны в обоих направлениях.

Немного поколебавшись, он повернул на юг и двинулся к шоссе.

С востока, мчась прямо по белому песку и по розово-серому сланцу, показался грязно-зеленый «Шевроле». День был холодный, но машина походила на мираж, возникающий во время жары. Низкие дюны могли поглотить его и помешать двигаться дальше. Машина Спенсера – «Эксплорер» – была приспособлена для поездок по бездорожью, а «Шевроле» нет.

Спенсер подъехал к пересохшему руслу реки. Шоссе пересекало его по низкому бетонному мосту. Он въехал в русло реки, на мягкую подушку из ила, скрывавшего затонувшие ветки и деревья. По берегам безостановочно колыхались высохшие травы и тростники. Они были похожи на странные тени в дурном сне.

Он двинулся дальше по высохшему руслу на запад, в негостеприимную пустыню Мохав.

Мрачное небо, такое же твердое и темное, как гранит саркофага, нависало над железными горами. Невеселые долины постепенно поднимались вверх. Они были покрыты сухим кустарником мескито, высохшей травой и кактусами.

Спенсер выехал из русла реки и продолжал двигаться вверх к видневшимся в отдалении пикам, гладким, как кости ископаемых.

«Шевроле» уже больше не было видно.

Наконец, когда Спенсер уверился, что его не могут заметить посты дорожной полиции, он повернул на юг и поехал параллельно шоссе. Ему нельзя было слишком сильно отдаляться от шоссе, иначе в этой пустыне он потеряется. По пустыне неслись клубы пыли, они могли сбить с толку тех, кто мог случайно увидеть выхлопные газы машины Спенсера.

Дождь еще не пошел, но на небе сверкнула молния. Тени от низкого нагромождения камней рванулись вверх, потом упали и снова побежали вверх по снежно-белой поверхности.

Рокки перестал быть храбрецом, как только «Эксплорер» сбавил скорость. Он снова съезжился под гнетом прежнего страха. Собака периодически подвывала и поглядывала на хозяина, как бы ожидая получить от него заряд храбрости.

Небо разбилось на куски под ударами молний.

* * *

Рой Миро отложил в сторону волновавшие его фотографии и поставил свой портативный компьютер на кухонный стол в домике в Малибу. Он включил его в сеть и соединился с «Мамой» в Вирджинии.

Когда Спенсер Грант восемнадцатилетним парнем вступил в армию, а это произошло уже более двенадцати лет назад, ему пришлось заполнять стандартные формы. Среди прочей информации ему следовало указать свое образование, место рождения, имя отца, девичью фамилию матери, назвать близких родственников.

Офицер, которому Спенсер подавал заполненные бумаги, должен был проверить основную информацию. Потом на более высоком уровне происходила дальнейшая проверка. Она проводилась еще до того, как Грант мог приступить к занятиям.

Если Спенсер Грант – фальшивое имя, то парню было сложно поступить в армию. Рой продолжал считать, что в свидетельстве о рождении Гранта стояло совершенно иное имя, настоящее.

Именно его и нужно было узнать.

По заданию Роя «Мама» обратилась в военный департамент с просьбой проверить архивные файлы. На экране показалась основная информация о Спенсере Гранте.

Согласно данным из архива, Грант указал девичье имя своей матери – Дженнифер Корина Порт.

Молодой солдат написал, что мать его уже умерла.

Отец – «неизвестен».

Рой в удивлении заморгал глазами и еще раз прочитал: «неизвестен».

Это было просто удивительно. Грант не только заявил, что он незаконнорожденный. Но из его заявления можно было сделать вывод, что легкомыслие его матери на давало возможности узнать, кто же был его отец. Любой на его месте указал бы какое угодно выдуманное имя весьма удобного придуманного отца, чтобы избавить себя самого и свою покойную мать от всяческих насмешек.

Поскольку отец был неизвестен, то по логике вещей у Спенсера должна быть фамилия матери – Порт. Но может быть, его мать присвоила фамилию Грант – своего любимого киноактера, как в это верил Босли Доннер, или же она назвала своего сына в честь одного из мужчин, бывших в ее жизни, не будучи уверенной, что он является отцом ребенка.

Или же слово «неизвестен» – ложь, а имя и фамилия Спенсер Грант еще одна фальшивка. Может быть, первая из многих, созданных себе этим призраком.

Когда Грант становился солдатом, ему пришлось перечислить своих близких родственников. Этель Мари и Джордж Даниэль Порт, бабушка и дедушка. По-видимому, родители матери, потому что ее девичья фамилия была тоже Порт.

Рой заметил, что адрес Этель и Джорджа Порт в Сан-Франциско был тем же самым, что и адрес Спенсера в то время. Наверное, дед с бабушкой забрали внука к себе после смерти матери.

Только Этель и Джордж Порт могли знать, как складывалась судьба Спенсера и откуда взялся его шрам. Если только они существовали на самом деле, а не на словах, написанных в заявлении о поступлении в армию, которые его офицер не удосужился проверить двенадцать лет назад.

Рой запросил распечатку дела Гранта. Даже если там содержатся кое-какие сведения о семье Портов, Рой уже не был уверен, что он сможет что-то узнать о жизни Гранта в Сан-Франциско.

Он не ожидал, что какие-то сведения сделают этот призрак более земным и дадут ему новую информацию о Спенсере Гранте.

Рой впервые увидел мельком этого человека сорок восемь часов назад сквозь сетку дождя ночью в Санта-Монике.

После того как Грант стер сведения о себе из файлов всех компаний по коммунальному обслуживанию, сведения об уплате налогов на собственность и вообще всех налогов, почему он оставил свое имя в файлах администрации социального страхования? В полицейском департаменте Лос-Анджелеса и в армейских файлах? Он все равно залезал в эти файлы: везде поменял свой адрес на несуществующие адреса. Но он же мог вообще стереть эти записи. У него для этого достаточно знаний и умения. Значит, он преследовал какую-то цель, оставляя свои координаты в банке данных.

Рой вдруг почувствовал, что каким-то образом он играет на руку Спенсеру, даже когда пытается поймать его.

Расстроенный, он снова посмотрел на две самые важные фотографии из всех сорока. Женщина, мальчик, сарай в отдалении. Мужчина в полутьме, среди теней.

* * *

Справа и слева от «Эксплорера» повсюду расстилалась пустыня – песок, мелкий и белый, как размолотые в порошок кости, пепельно-серые вулканические породы и кучи сланца, ставшие мелкой пылью после того, как на него миллионы лет действовали жара,

холод и землетрясения. Редкие растения были жесткими и колючими. Здесь постоянно двигались песок и ветер, раскачивавший растения. А еще бегали и скользили скорпионы, пауки, жуки-скарабеи, ядовитые змеи и другие холонокровные или вообще бескровные создания, которые могли выжить в этом засушливом месте.

В небе сверкали молнии. И быстро неслись черные облака, обещая проливной дождь. Они низко нависали над землей. Ураган старался утвердиться, громко заявляя о себе ударами грома.

Спенсер оказался между мертвой землей и бушующими небесами. Он старался двигаться параллельно отдаленному шоссе, соединявшему разные штаты, и делал крюк, только когда не мог проехать напрямую.

Рокки опустил голову и разглядывал лапы, чтобы не видеть мрачный пейзаж за окном машины. Страх с новой силой охватывал его, и он вздрагивал. Это было похоже на электрический ток, бегущий по замкнутому кругу.

В другое время, в другом месте, захваченный каким-нибудь другим ураганом, Спенсер не молчал бы и старался успокоить собаку. Но сейчас у него было такое же мрачное настроение, как и небо над головой. Сейчас он был в состоянии думать только о предстоящих бедах.

Ради этой женщины он сломал свою жизнь. Это было ясно, как дважды два. Он оставил спокойствие и комфорт своего домика, красоту эвкалиптовой рощи, покой и мир каньона. Он, наверное, никогда не сможет вернуться туда. Он стал мишенью для бешеных стрелков, и теперь его покой и анонимность были потеряны навсегда.

Спенсер ни о чем не жалел – он все еще надеялся, что когда-нибудь сможет вести настоящую жизнь, не бесцельную, но полную смысла. Он хотел помочь женщине, но еще он хотел помочь самому себе.

Но внезапно ставки резко поднялись. Ему не только грозили смерть и разоблачение, если он не бросит влезать в дела Валери Кин, но рано или поздно ему придется убить кого-нибудь. У него не было выбора.

После того как ему удалось удрать от засады к бунгало в Санта-Монике в ночь на среду, он старался не вспоминать жуткие силовые методы команды, напавшей на бунгало. Теперь он вспомнил огонь на поражение, который велся по темному дому, и пальбу по нему, когда он перелезал через стену.

Все это не было проявлением волнения и раздражения нескольких нервных офицеров, которые желали во что бы то ни стало поймать беглянку. Это было преступное увлечение силой, показывавшее, что подразделение, проводившее операцию, вышло из-под контроля и пребывает в наглой уверенности, что ему не придется отвечать за любые жертвы и злодеяния, которые захочется совершить.

Только что он столкнулся с подобным наглым поведением тех, кто гнался за ним, как за бешеной собакой, по улицам Лас-Вегаса.

Он вспомнил Луиса Ли в его элегантном офисе под рестораном «Китайская мечта». Владелец ресторана сказал, что правительства, когда они достаточно крупные, часто перестают действовать в рамках правосудия, при помощи которого они пришли к власти.

Все правительства, даже демократические, сохраняют контроль в стране при помощи угроз, силы и постоянно сажают людей в тюрьмы.

Когда угрозы отделены от правопорядка, даже если это сделано с самыми лучшими побуждениями, тогда почти невозможно отличить федерального агента от простого жулика и хулигана-налетчика.

Если Спенсер найдет Валери и узнает, почему ей приходится постоянно скрываться, будет недостаточно помочь ей деньгами и найти лучшего адвоката, который сможет ее защитить. Его рассуждения были слишком наивными и неопределенными, когда он начинал планировать, что станет предпринимать, если найдет Валери-Ханну.

Избавить ее от наглости и бессердечия ее врагов было невозможно с помощью какого-то суда.

Если ему придется выбирать между необходимостью применить силу и возможностью убежать, он всегда выберет побег, даже рискуя получить пулю в спину, и все равно – всегда, если на карту будет поставлена только его жизнь. Теперь же, взяв на себя ответственность за жизнь этой женщины, он не мог рассчитывать, что она повернется спиной к пулям. Рано или поздно ему придется ответить силой на силу.

Мрачно рассуждая таким образом, Спенсер продолжал ехать на ют, втиснутый между плотным песком пустыни и аморфным небом.

На востоке с трудом можно было различить шоссе, Спенсер же ехал без дороги.

С запада с жуткими молниями и ужасным громом надвигался дождь.

Это была серая стена, за которой полностью пропала из виду пустыня.

Спенсер учуял дождь, хотя он еще только приближался к ним. Он был холодным, пах озоном, сначала освежал, но пронизывал до костей.

– Меня совершенно не волнует то, что мне, возможно, придется убить кого-нибудь, – сказал Спенсер собаке.

Рокки все еще лежал, сжавшись в клубок.

Навстречу им рванулась серая стена. Она мчалась все скорее и скорее с каждой секундой. Казалось, что над ними нависла не только стена дождя. Почему-то это все вызывало страх перед будущим. Спенсер боялся его, так как помнил прошлое.

– Я делал это раньше и сделаю сейчас, если у меня не будет иного выхода. – Даже за шумом мотора он сейчас слышал звуки дождя, похожие на стук миллионов сердец. – И если какой-нибудь ублюдок заслуживает того, чтобы его убили, я это сделаю, и меня не будет мучить раскаяние или чувство вины. Иногда без этого не обойтись. Это – справедливость. У меня не будет с этим проблем.

Дождь обрушился на них. Струи воды развевались, как волшебные шарфы и шали, и все менялось на глазах. Светлая почва сразу же потемнела, приняв первые капли, упавшие на нее. В странном свете бури жалкие растения, которые прежде имели грязно-коричневый цвет, вдруг заблестели и позеленели. Через секунду пожухшие листья и трава стали упругими и лоснящимися, как тропическая растительность.

Но все это была лишь иллюзия.

Спенсер включил «дворники» и передний и задний ведущие мосты. Потом он сказал:

– Что меня волнует... и что меня пугает... может, я убью какого-нибудь ублюдка, который заслуживает смерти... какой-нибудь кусок помойки... но вдруг мне *это* понравится.

Дождь лил потоками, как, наверное, во времена Ноя. Он с такой силой барабанил по машине, что ничего нельзя было услышать. Собака, замершая в ужасе, видимо, не слышала своего хозяина, но Спенсер использовал присутствие Рокки, чтобы вслух высказать терзавшие его сомнения. И признать правду, которую он предпочитал не слышать. Он говорил вслух, потому что мог солгать в мыслях.

– Мне никогда не нравилось убивать, и я никогда не чувствовал себя при этом героем. Но мне и не становилось плохо. Меня не рвало, и я не стал хуже спать. И что, если в следующий раз... или когда-нибудь после этого...

Под нависшими грозowymi облаками, в тяжелых и бархатных струях дождя полдень превратился в темные сумерки. Спенсеру пришлось включить фары, он ехал куда-то в неведомое. Он поразился, что обе фары выдержали тесный контакт с воротами парка развлечений.

Дождь лил на землю такими тяжелыми потоками, что в нем растворился и исчез ветер, который ранее волновал и перемещал песок пустыни с одного места на другое.

Они подъехали к размытой впадине глубиной футов десять, с пологими склонами. При свете фар струя серебристого дождя, широкая и сильная, блестела над ее центром. Спенсер осторожно объехал, не приближаясь к краю, эту впадину и выехал на твердую землю.

Пока машина карабкалась вверх, небо пронзили несколько ярких молний и раздались удары грома. Звук был настолько сильным, что машина задрожала. Дождь полил еще сильнее. Спенсеру казалось, что он никогда не видел подобного дождя, грома и молнии.

Держа руль одной рукой, он другой погладил по голове Рокки. Собака была жутко испугана, она даже не посмотрела на Спенсера и не прижалась к утешающей ее руке.

Не отъехав и пятидесяти ярдов от ямы, Спенсер увидел, как перед ним движется земля. Она плавно двигалась, как будто ее поверхность несли полчища гигантских змей. Когда он остановился, то в свете фар увидел объяснение этому увлекательному, но страшному зрелищу: не земля двигалась, а быстрая грязная река неслась с запада на восток по немного наклонной долине, преграждая ему путь на юг.

Глубина ее русла была неизвестна. Мчащаяся вода уже на несколько дюймов вышла из берегов.

Такого количества воды не было бы, не свирепствовал здесь ураган. Воды текли с гор, где дождь шел уже довольно долго, а каменистые склоны, на которых отсутствовала растительность, почти не впитывали влагу.

В пустыне редко шли такие проливные дожди, но когда это случалось, то с необычайной быстротой вода заливала целые участки шоссе или низкорасположенные районы Лас-Вегаса и смывала машины с парковок у казино.

Спенсер не мог определить глубину воды, – может, два фута, а может, и все двадцать.

Но если даже глубина была и два фута, вода неслась так быстро и с такой силой, что он не мог рисковать и пытаться проехать через поток. Второе русло было гораздо шире первого, наверное, футов сорок. Ясно, что прежде чем он проедет половину этого расстояния, машину поднимет и понесет мощный поток воды. Она будет лететь вверх и опускаться вниз, как кусок сухого дерева.

Он дал задний ход и отвел «Эксплорер» от бушующего потока, развернулся и поехал обратно, возвращаясь к первому руслу реки. Он доехал туда гораздо быстрее, чем ожидал. За короткое время серебристый ручеек превратился в бушующую реку, которая полностью заполнила размыв.

Зажатый между непреодолимыми ямами, Спенсер уже больше не мог двигаться параллельно отдаленному шоссе.

Он подумал, не остаться ли здесь, чтобы переждать бурю. Когда перестанет идти дождь, реки высохнут так же быстро, как они наполнились водой. Но Спенсер понимал, что положение слишком серьезно.

Он открыл дверцу и ступил в ливень. Сделав несколько шагов, он промок до костей. Дождь не только промочил его, но и почти заморозил.

Ему было даже не так плохо от холода и влаги, как от жуткого шума и грома. Шум дождя блокировал все остальные звуки.

Дождь колотил по поверхности пустыни, к этим ударам присоединялся рев воды, мчащейся по песку, и время от времени раздавались раскаты грома. Все вместе делало огромную пустыню Мохав такой ограниченной и создавало впечатление замкнутого пространства, как будто Спенсер сидел в бочке, пытаясь переправиться через Ниагару.

Он хотел лучше рассмотреть поток воды, ему было плохо видно из машины. Но, увидев все вблизи, он перепугался. С каждой секундой вода поднималась все выше в берегах русла. Вскоре она помчится неукротимой лавиной по равнине. Слабые мягкие стены русла обваливались и сразу же растворялись в потоках грязи, смытые водой.

Размывая берега, вода быстро поднималась вверх и разливалась вширь. Спенсер отошел от первого рукава и поспешил ко второму. Он добрался быстрее, чем рассчитывал. Здесь река так же кипела и ширилась, как и первая. Два русла разделяли пятьдесят шагов, когда он проехал между ними в первый раз, но теперь расстояние сократилось примерно до тридцати шагов.

Тридцать шагов – это достаточная дистанция. Спенсеру не хотелось верить, что эти две речушки станут такими мощными и смогут поглотить пространство между ними и слиться воедино.

У его ног в земле показалась трещина, подобная длинной наглой ухмылке. Земля усмехалась, и кусок почвы площадью футов в шесть слетел в мчащуюся реку.

Спенсер резко подался назад, в сторону от опасности. Под ногами земля впитала достаточно влаги и превратилась в грязь.

Казалось, что невероятное стало неотвратимым. Большие пространства пустыни состояли из вулканических камней, сланца и кварцита, но Спенсеру не повезло – он попал в беду как раз над бесконечным морем песка. Если только между руслами двух рек не скрывалось скальное основание, занесенное песком, то нанесенная почва будет быстро смыта потоками воды, и вся поверхность равнины станет иной в зависимости от того, насколько долго и интенсивно будет лить сверху дождь.

Между тем дождь стал еще сильнее, хотя казалось, что это было просто невозможно.

Спенсер побежал к машине, влез внутрь и закрыл за собой дверцу. Он дрожал, и с него потоками лилась вода. Спенсер постарался отвести машину подальше от бушующей реки.

Он боялся, что колеса могут забуксовать.

Рокки, не поднимая головы, из-под бровей с волнением посмотрел на своего хозяина.

– Нам придется ехать на восток или запад между этими двумя руслами, – вслух подумал Спенсер. – Мы будем ехать до тех пор, пока под колесами будет твердый грунт.

«Дворники» не справлялись с каскадами воды, заливавшими стекло. Под дождем все вокруг еще сильнее потемнело, будто наступили настоящие сумерки. Спенсер хотел, чтобы «дворники» работали с большей нагрузкой, но ничего не смог сделать.

– Нам не следует ехать туда, где покатая равнина. Вода прибывает с огромной скоростью. Там нас просто смоет. – Он включил передние фары. Но свет ничего не дал. В блеске фар отражались струи воды, поэтому впереди все казалось размытым, и перед машиной возникал один занавес за другим. Эта пелена была составлена из блестящих бусинок. Спенсер несколько убавил свет фар. – Нам лучше подняться наверх, там может быть основание из гранита. – Собака продолжала дрожать. – Возможно, впереди расстояние между руслами будет пошире.

Спенсер переключил скорость. К западу равнина понижалась.

Гигантские иглы дождя пришивали небеса к земле, и Спенсер двигался в узкий карман темноты.

* * *

По приказу Роя Миро агенты в Сан-Франциско искали Этель и Джорджа Порт, родителей матери Спенсера, которые его воспитывали после ее смерти. А сам Рой поехал в офис доктора Неро Монделло в Беверли-Хиллз.

Монделло был хирургом, очень известным своими пластическими операциями в той области, где проделанная Богом работа весьма часто нуждается в переделке. Он мог сотворить чудо с носом неважной формы, так же, как это делал Микеланджело с огромными глыбами каррарского мрамора. Необходимо только отметить, что доходы Монделло были гораздо выше той платы, которую получал когда-то за свои творения итальянский гений.

Чтобы встретиться с Роем, Монделло пришлось несколько изменить напряженный рабочий график. Доктору Монделло постарались объяснить, что он оказывает ФБР помощь в поисках особенно страшного убийцы, совершившего целую серию ужасных преступлений.

Они встретились в просторном офисе доктора. Там были белые мраморные полы, белые стены и потолок и белые бра в виде раковин. Висели две абстрактные картины в белых рамах. Основной и единственный цвет был белый, и декоратор смог добиться удивительного эффекта только с помощью текстуры самой краски, которая была наложена в несколько слоев. Рядом со столиком из стекла и стали стояли два кресла белого дерева с белыми кожаными подушками. Белый рабочий стол располагался возле окна на фоне белых шелковых портьер.

Рой сел в белое кресло. В этой абсолютной белизне он казался куском земли. Он даже подумал ненароком, какой откроется вид, если отодвинуть портьеры – у него вдруг появилось сумасшедшее ощущение, что за окном, в Беверли-Хиллз, перед ним предстанет заснеженный

пейзаж.

Кроме фотографии Спенсера Гранта, которую Рой принес с собой, на гладкой поверхности стола в сверкающей чудесной хрустальной вазе стояла кроваво-красная роза. Этот цветок словно доказывал, что совершенство возможно. Кроме того, он привлекал внимание посетителей к человеку, сидевшему за столом.

Высокий, стройный, красивый, лет сорока, доктор Неро Монделло был главным ярким пятном в своем бледном и белом королевстве.

Его густые черные волосы были зачесаны назад, кожа у Монделло была приятного смуглого оттенка. Цвет глаз точно передавал лилово-черный цвет созревших слив. Помимо того что хирург был очень привлекателен, в нем чувствовался сильный характер. На груди из-под белого халата выглядывали белая рубашка и красный шелковый галстук. На корпусе его золотых часов «Ролекс» сверкали бриллианты, как будто заряженные потусторонней энергией.

Даже если само помещение и его хозяин явно несли на себе налет театральности, они от этого не становились менее впечатляющими. Монделло занимался тем, что менял правду природы на убедительные иллюзии, а все хорошие фокусники обязательно должны быть убедительными и несколько таинственными.

Глядя на фотографию Гранта и на его портрет, созданный компьютером, Монделло сказал:

– Да, это, видимо, была ужасная рана, ее нанесли с такой силой.

– Чем можно было нанести подобную рану? – спросил его Рой.

Монделло открыл ящик стола и достал оттуда увеличительное стекло с серебряной ручкой. Он внимательно начал рассматривать фотографию.

Наконец он сказал:

– Это больше похоже на порез, а не на рваную рану. Наверное, такую рану можно было нанести очень острым инструментом.

– Нож?

– Или стекло. Но режущий край не везде был ровным. Он был очень острым, но неровным, как срез стекла.

– Или же лезвие могло быть зазубренным. Если применять ровное лезвие, то после него будет более ровным шрам и чистая рана.

Наблюдая за Монделло, внимательно рассматривавшим фотографии, Рой сделал вывод, что черты лица хирурга приобрели такую привлекательность и такие великолепные пропорции, видимо, не без помощи его талантливого коллеги.

– Это рубцовый шрам.

– Простите? – не понял Рой.

– Соединительные ткани немного смяты и сжаты, – ответил ему Монделло, не поднимая глаз от фотографии. – Хотя он относительно гладкий, если учесть его ширину. – Он убрал лупу в ящик стола. – Я больше вам ничего не могу сказать, кроме того, что это старый шрам.

– Можно было бы удалить его хирургическим путем?

– Ну, полностью от него было бы невозможно избавиться, но он стал бы менее заметным – просто тонкая линия. И он мало бы отличался по цвету от остальной кожи.

– Это болезненная операция? – спросил Рой.

– Да, но это, – хирург постучал по фотографии, – не потребовало бы серии длительных операций в течение многих лет, как бывает при шрамах от ожогов.

Лицо самого Монделло было выдающимся, пропорции настолько идеальны, что, безусловно, хирург, проводивший ему операцию, руководствовался не только соображениями эстетика, направляла его руку не интуиция художника, а логический расчет математика.

Доктор совершенствовал свою внешность, подвергая самого себя железному контролю, какой великие политики осуществляли в обществе, чтобы переделать его недостойных членов.

Рой уже давно понял, что человеческие существа имели столько погрешностей, что ни в одном обществе не могла бы восторжествовать безусловная справедливость, если бы руководство не применяло математически строгое планирование и жесткую политику. Но до сих пор он не представлял, что его страсть к идеальной красоте и стремление к справедливости были двумя аспектами того же идеала утопического общества.

Иногда Роя поражала собственная интеллектуальная сложность.

Он спросил Монделло:

– Почему человек продолжает жить с подобным шрамом, если с ним можно было распрощаться без особых трудов? Может быть, у кого-то нет средств заплатить за подобную операцию?

– О, дело совсем не в деньгах. Если у пациента нет денег и за него не станет платить правительство, он все равно может прооперироваться. Большинство хирургов часть своего времени отводят на благотворительную работу именно в подобных случаях.

– Тогда почему?

Монделло пожал плечами и передал ему фотографию.

– Возможно, он боится боли.

– Я так не думаю, это не тот человек.

– Он может бояться врачей, больниц, острых инструментов, анестезии. Существует множество разных фобий, которые не позволяют многим людям соглашаться на операцию.

– Мне кажется, что у этого человека не существует никаких фобий, – заметил Рой, пряча фотографию в плотный конверт.

– У него может быть чувство вины. Если он выжил после катастрофы, в которой погибли остальные люди, у него может развиться чувство вины спасшегося человека. Так бывает, когда погибают любимые люди. Он чувствует, что был не лучшим, и размышляет над тем, почему он жив, а остальные мертвы. Он виноват уже в том, что жив. Его страдания из-за шрама – это просто какая-то мера наказания.

Рой нахмурился и встал.

– Может быть.

– У меня были пациенты с подобными проблемами. Они не желали оперироваться, потому что страдали от чувства вины. Они считали, что заслужили подобные шрамы.

– Но мне кажется, что все не так, хотя бы в отношении этого человека.

– Если у него отсутствуют фобии и он не страдает от чувства вины, связанного со шрамом, – заметил Монделло, выходя из-за стола и провожая Роя к двери, – тогда я могу поклясться, что он испытывает чувство вины из-за *чего-то другого*. Он сам себя наказывает этим шрамом. Напоминает себе о том, что желал бы забыть, но считает, что не имеет права делать этого. У меня встречались и такие случаи.

Пока хирург шел к нему, Рой любовался прекрасными конструкцией и лепкой его лица. Он думал о том, что же было дано природой, а что достигнуто с помощью пластической хирургии.

Но Рой понимал, что не имеет права спрашивать об этом доктора Монделло.

У двери он сказал:

– Доктор, вы верите в идеалы?

Монделло остановился, держа руку на ручке двери. Он был явно удивлен.

– Идеалы?

– Ну да, идеальная личность и идеальное общество? Лучший мир.

– Ну... Я считаю, что к этому стоит стремиться.

– Прекрасно. – Рой улыбнулся. – Я знал это.

– Но я не верю, что этого можно достичь.

Рой перестал улыбаться:

– Да, но я время от времени вижу идеальные черты. Конечно, нет полностью идеальных людей, но в некоторых из них есть отдельные идеальные черты.

Монделло снисходительно улыбнулся и покачал головой:

– То, что в представлении одного человека – идеальный порядок, по мнению другого – воплощение хаоса. Чье-то понятие об идеальной красоте соответствует в глазах других воплощению уродства.

Рой не понравилось это высказывание доктора. Значит, хирург намекал, что утопия может оказаться и адом. Рой хотел убедить Монделло в другом и поэтому сказал:

– В природе существует идеальная красота.

– И все равно всегда бывают какие-то отклонения. Природа не терпит симметрии, гладкости, прямых линий, порядка – всего того, что для нас ассоциируется с красотой.

– Недавно я видел женщину с идеальными руками. Они были прекрасны, без всяких отклонений от канонов красоты, чудесной формы, с великолепной кожей.

– Хирург-косметолог смотрит на людей более пристальным и критическим взглядом, чем остальные люди. Я видел множество разных отклонений от нормы.

Уверенность хирурга раздражала Роя, и он сказал:

– Я бы хотел принести эти руки вам, хотя бы одну из них. Если бы я принес ее вам и вы посмотрели на нее, вы бы согласились со мной.

Вдруг Рой понял, что он необычайно близко подошел к тому порогу, когда может сказать хирургу такое, после чего Монделло будет необходимо убрать.

Рой не желал, чтобы его взволнованность заставила его совершить еще одну фатальную ошибку. Он поспешил распрощаться с доктором Монделло, поблагодарив его за помощь, и вышел из белой комнаты.

Февральское солнце над парковкой было не золотистого, а белого цвета и резко светило прямо в глаза. Ряды пальм отбрасывали резкие тени. Сильно похолодало.

Когда Рой вставил ключ зажигания, зазвучал сигнал вызова. Он посмотрел на маленький экран дисплея. Там был номер телефона регионального офиса в Лос-Анджелесе. Рой позвонил по сотовому телефону.

Новости были чудесными. Спенсера Гранта почти поймали в Лас-Вегасе. Ему удалось оторваться.

Он ехал через пустыню Мохав. Роя ждал самолет, чтобы доставить его в Неваду.

* * *

Спенсер ехал по почти незаметному спуску между двумя бушующими реками. Полоса размокшей земли под колесами становилась все уже и уже. Спенсер пытался отыскать участок, под которым находились бы скальные породы. Ему нужно было найти безопасное место, чтобы переждать ливень. Было трудно вести машину, стало очень темно. Облака были настолько густыми и черными, что дневной свет над пустыней стал размытым, каким он видится в глубине моря. Дождь лил, как во время библейского потопы. «Дворники» не успевали сбрасывать влагу со стекол, и, хотя Спенсер не выключал фары, он почти ничего не видел перед собой.

Небо пронизывали яркие сердитые разрывы молний. Этот парад пиротехники почти не прекращался, один разрыв следовал за другим. Они сотрясали небеса, как будто ангел зла, застигнутый бурей, сердился и старался разорвать оковы.

Всполохи ничего не могли осветить, а целый ряд бесформенных теней метался по земле, усугубляя хаос и мрак.

Внезапно впереди, в четверти мили к западу, возник синий свет на уровне земли. Он появился ниоткуда и начал стремительно двигаться к югу.

Спенсер пытался что-то разглядеть через пелену дождя и темные тени. Он хотел понять, что же это за огонь, каковы его размеры и источник. Но было трудно вообще что-то рассмотреть.

Синий огонек повернул на восток, прошел несколько сотен ярдов, потом свернул на север к «Эксплореру». Свечение было сферической формы и очень яркое.

– Черт возьми, что это такое?

Спенсер поехал совсем медленно, чтобы понаблюдать за удивительным явлением.

Когда свет уже был в сотне шагов от машины, он вдруг повернул к западу, назад, туда, откуда появился. Но теперь он пролетел мимо этого места, поднялся вверх, сильнее разгорелся и пропал.

Но прежде чем исчез первый огонь, Спенсер заметил второй яркий шар. Остановив машину, Спенсер посмотрел на северо-восток.

Новый предмет – синий и мерцающий – двигался необычайно быстро, он летел, извиваясь спиралью, как змея. Приблизившись, он вдруг повернул на восток. Затем резко взмыл вверх, как во время фейерверка, и исчез.

Оба огня не производили никакого шума, они просто скользили по поверхности вымытой дождем пустыни.

У Спенсера по рукам побежали мурашки и похолодела впадинка на шее.

Хотя обычно он скептически относился ко всевозможной мистике, в последнее время все же чувствовал, что сталкивается с чем-то неизвестным и опасным. В какой-то момент реальная жизнь в его стране превратилась в жуткую фантазию.

В ней было много страшного и необъяснимого, как в любой истории о крае, где правили волшебники, где бродили драконы и тролли поедали детей. В среду ночью он переступил невидимый порог, который отделял настоящую жизнь, которую он вел до сих пор, от новой и непонятной жизни. В этой новой реальности Валери была его судьбой и целью. Как только он ее найдет, она станет его волшебными очками, которые подарят ему новое зрение. Все, что до этого таило загадку, станет ясным и понятным, но те вещи, которые он давно знал и понимал, превратятся в загадочные.

Он все это чувствовал. Так человек, страдающий ревматизмом, чувствует приближение дождя задолго до того, как первое облачко появится на горизонте. Он не все понимал, но многое чувствовал. Явление этих двух синих сфер, казалось, подтверждало, что он был на правильном пути и мог найти Валери, путешествуя в неизвестность, которая изменит его.

Он посмотрел на своего четвероногого приятеля. Спенсер надеялся, что Рокки смотрит вслед пропавшему второму шару огня. Ему требовалось, чтобы кто-то подтвердил, что все это не сон, пусть даже подтверждение придет от собаки. Но Рокки лежал, сжавшись в клубок, и дрожал от страха. Он не поднимал головы, и глаза его смотрели вниз.

Справа от «Эксплорера» молния отразилась в волнующейся воде. Река подходила к нему все ближе. Русло реки справа за несколько секунд стало еще шире.

Склонившись к рулевому колесу, Спенсер поехал в сторону небольшого участка земли, который слегка возвышался над окружающим пространством размокшей грязи и воды. Двигаясь вперед, он искал скальное основание.

Спенсер подумал, приготовила ли ему еще сюрпризы таинственная пустыня Мохав.

С неба спустилась третья синяя волнующая тайна. Она падала быстро и резко, как безостановочный лифт. Этот шар огня находился впереди и немного левее машины, на расстоянии двухсот ярдов от нее. Вскоре шар остановился и завис над землей, быстро вращаясь вокруг своей оси.

У Спенсера больно сжалось и сильно забилося сердце. Он притормозил. В нем боролись страх и восхищение.

Светящийся предмет быстро направился к нему. Он был огромным, как грузовик, и молчаливым. Невозможно было выделить в нем какие-то детали. Он выглядел пришельцем из других миров и мчался прямо навстречу Спенсеру. Тот совсем сбросил скорость. Шар переместился и разгорелся еще ярче. Внутренность машины залил синий мертвенный свет. Чтобы стать менее заметной целью, Спенсер свернул вправо и резко затормозил, повернувшись к неизвестному объекту спиной. Предмет ударился о кузов машины, но это был мягкий удар. Посыпались лучи сапфировых искр, и множество электрических дуг перекинулись над кузовом и кабиной.

Спенсер оказался в сфере яркого синего огня, слышались шипение и раскаты. Это была шаровая молния. Вовсе не сознательное существо, не внеземная сила, как он себе

представлял. Молния не выслеживала его и не пыталась поймать в свои сети. Она просто была еще одной составляющей бури, такой же, как обычная молния, гром и дождь.

«Эксплорер» был в безопасности. Как только шар разорвался над ним, его энергия начала рассасываться. Он трещал и шипел и быстро терял интенсивный цвет – синева становилась все слабее, как бы размываясь.

Сердце у Спенсера почему-то радостно билось, как будто он желал столкнуться с чем-то паранормальным, даже если бы это «что-то» оказалось враждебным ему. Он не хотел возвращаться к заурядной жизни без чудес. Обычная шаровая молния, хотя она случалась не так часто, все равно не могла оправдать его ожидания. После такого разочарования его пульс почти пришел в норму.

Толчок – машина наклонилась вперед. Последний разряд электричества ударил слева, промчался зигзагом по ветровому стеклу, и грязная жижа перелилась через капот машины.

Когда в панике Спенсер старался отъехать подальше от синего огня, он повернул и проехал слишком далеко вправо, остановившись на самом краю непрочного берега реки. Мягкий влажный песок начал быстро осыпаться под колесами.

У него опять сильно забилося сердце, он уже позабыл о своем разочаровании.

Он осторожно начал пятиться назад по рассыпавшемуся берегу бушующей реки.

Отвалилась еще одна огромная глыба земли. «Эксплорер» сильнее наклонился вперед. Вода залила капот почти до стекла.

Спенсер потерял хладнокровие и прибавил скорость. Машина *отпрыгнула* назад и вылетела из воды. Колеса глубоко бороздили мягкую влажную почву. Он двигался и двигался назад.

Берег реки был слишком непрочным, чтобы выдержать резкое движение машины. Вращающиеся колеса разрушали зыбкую поверхность. Мотор рычал, колеса без толку вращались в жидкой грязи. «Эксплорер» мягко скатился в воду. Он громко протестовал, как мастодонт, которого засосало в яму с варом.

– Сучий сын. – Спенсер глубоко вдохнул и задержал дыхание, как будто он был мальчишкой, собиравшимся нырнуть в пруд.

Машина боролась под водой, она полностью погрузилась в нее.

Рокки громко завыл, его нервы больше не выдерживали страшных и непонятных звуков и тряски. Казалось, что Рокки оплакивает не только их настоящее положение, но и минувшие ужасы своей трудной и грустной жизни.

«Эксплорер» вынырнул на поверхность, плывя как лодка по штормовому морю. Окна были закрыты, и холодная вода не могла ворваться внутрь, но мотор сразу заглох.

Машину понесло вниз по течению. Ее мотало и вертело, но она держалась на воде выше, чем этого ожидал Спенсер. Вода билась на четыре или шесть дюймов ниже бокового окна.

И сразу началась китайская пытка водой. Громкий стук дождя по крыше и шум мчащейся воды, сталкивающейся с «Эксплорером» – плеск, влажные удары, хлопанье, – мучили его.

Но неожиданно внимание Спенсера привлек новый ясный и хорошо слышный звук – капала вода. Капала где-то рядом, звук не заглушался металлом или стеклом. Спенсер, наверное, меньше бы испугался шипения гремучей змеи. Где-то вода проникала в машину.

Дырочка была, видимо, небольшой. Это было маленькое отверстие, и вода капала, а не лилась потоком. Но с каждой каплей, которая проникает в машину, та все глубже погружается в воду, пока совсем не затонет. Тогда его понесет по ложу реки. Он перестанет быть поплавком, его станут швырять из стороны в сторону поток воды, машина помнется, и стекла разлетятся на мелкие кусочки.

Обе передние двери были в порядке, там не протекало.

Пока машину несло водой, Спенсер обернулся на сиденье, прижатый к спинке поясом безопасности. Он посмотрел, что делается в багажнике. Все окна были целые, в тех местах, где располагались хвостовые огни, не текло. Заднее сиденье было свернуто, и он не мог

заглянуть на пол под ним. Но ему казалось, что вода не могла поступать в машину и через задние двери.

Когда он развернулся вперед, его ноги попали в лужу.

Рокки завыл, и Спенсер сказал ему:

– Все нормально.

Не пугай собаку. Не ври ей, но и не пугай.

А печка? Мотор заглох, но печка еще работала. Вода заливалась в машину через нижние вентиляционные отверстия. Спенсер выключил печку, и капание прекратилось.

Когда машина накренилась, огни фар осветили набухшее небо и отразились в пугающих потоках дождя. Машину начало бросать из стороны в сторону, и свет фар дико заплясал по сторонам. Казалось, что его лучи все больше подрывали берега русла реки – глыбы земли одна за другой срывались в грязный поток, вода пенилась. Спенсер выключил фары, и серый мир стал более спокойным.

«Дворники» работали на батареях, Спенсер не стал их выключать – ему нужно было видеть, что творилось снаружи.

Ему было бы гораздо легче, если бы он, как Рокки, наклонил голову и, закрыв глаза, ждал, как распорядится с ним судьба. Может, он так бы и сделал неделю назад. Теперь он старался что-то разглядеть в кромешной тьме. Руки его покоились на бесполезном сейчас рулевом колесе.

Спенсера пронзило жгучее желание выстоять, выжить. До тех пор пока он не входил в «Красную дверь», он уже ничего не ждал от жизни – ему хотелось сохранить достоинство и умереть, не испытав стыда.

Мимо машины проносились потемневшие куски деревьев, колючие стволы вырванных кактусов, массы спутанной травы, похожей на светлые волосы утонувшей женщины. Все это несло мимо «Эксплорера», ударяясь в него и царапая его поверхность. Состояние Спенсера соответствовало окружающему его хаосу природы, и ему казалось, что он сам, подобно разным предметам, мчавшимся мимо него, уже путешествует целую вечность. Но он пока еще оставался *жив*.

Вода резко падала с высоты примерно десяти или двенадцати футов, и машина проскочила гремящий водопад, как на воздушных крыльях, слегка наклонившись вперед. Она нырнула в темную кипящую воду.

Сначала Спенсера кинуло вперед, а потом его с силой рванули назад ремни безопасности. Его голова слетела с подголовника. «Эксплорер» не дошел до дна, снова вырвался на поверхность и поплыл дальше.

Рокки все еще находился на пассажирском сиденье. Он весь скорчился и выглядел ужасно жалким, вцепившись когтями в обивку.

Спенсер тихонько погладил и сжал шею собаки.

Рокки не поднял головы, но повернулся к хозяину. Он посмотрел на него из-под нависших бровей.

Примерно в четверти мили впереди было расположено шоссе № 15. Спенсера поразило, что машину протащило так далеко за короткое время. Движение воды было удивительно сильным.

Шоссе пролегало над руслом реки, покоясь на массивных подпорках из бетона. Через грязное стекло и потоки дождя поддерживающие опоры моста казались нескончаемыми. Их было слишком много, как будто инженеры проектировали такое абсурдное сооружение только с одной целью: переправить миллионы долларов племяннику сенатора, который занимается бизнесом, связанным с производством бетона.

Центральный проход между опорами моста был настолько широк, что там могли проехать сразу пять грузовиков. Но половина потока захватила узкие промежутки между более тесно стоявшими опорами, находившимися с обеих сторон от главного прохода. Если машину вынесет на опору, все будет кончено.

Грузовик нырнул, вертелся и быстро приближался к мосту.

Вода билась в окно. Течение набирало скорость и становилось все более мощным.

Рокки дрожал еще сильнее и зевал от ужаса.

– Спокойно, парень, спокойно. Не писай на сиденье. Ты меня слышишь?

Были видны огни машин, которые даже в такую бурю мчались по шоссе.

Фары машин «Скорой помощи» отбрасывали яркий свет в темноте. Некоторые автомобили останавливались, чтобы переждать ливень.

Перед машиной Спенсера возвышался мост. Наталкиваясь на массивные опоры, потоки воды рассыпались брызгами в насыщенном дождем воздухе.

Машина набрала страшную скорость, мчась по течению. Она сильно качалась, и Спенсера начало мутить.

– Не писай на сиденье, – повторил он, на этот раз обращаясь не только к Рокки.

Спенсер сунул руку под джинсовую куртку, подбитую мехом, и под вымокшую рубашку и достал зеленый медальон из мыльного камня, который носил на шее на золотой цепочке. С одной стороны камня была вырезана стилизованная голова дракона, с другой – изображен такой же стилизованный фазан.

Спенсер вспомнил элегантный офис без окон под «Китайской мечтой». Улыбку Луиса Ли. Его подтяжки и галстук-бабочку. Тихий голос: *«Я иногда дарю его тем, кому он может понадобиться»*.

Он не стал вынимать его, просто сжал в руке.

Ему было немного неудобно, но он цепко держался за медальон.

Мост возвышался перед ним в пятидесяти шагах. «Эксплорер» должен был пройти справа сквозь лес опор, в опасной близости от них.

Фазаны и драконы. Процветание и долгая жизнь. Он вспомнил статую Кван Инь при входе в ресторан.

Серьезная защита. Охраняющая дом от завистников.

И прожив такую жизнь, после всего, что выпало на вашу долю, вы еще верите в это?

Мы должны во что-то верить, мистер Грант.

До моста оставалось десять ярдов. Потоки воды подняли машину, бросили ее вниз, наклонили вправо, потом отшвырнули влево и с силой хлестнули водой по дверям.

Бурный поток вынес их в полукруглую тень моста, они обошли первые опоры моста справа. Прошли второй ряд опор на огромной скорости. Вода поднялась настолько высоко, что мост нависал всего лишь в каком-то футе от крыши машины. Течением прибило грузовик ближе к опорам. Он пролетел в опасной близости от третьей и четвертой опор.

Фазаны и драконы. Фазаны и драконы.

Течение отнесло машину от бетонных столбов и бросило ее сильно и резко в середину мощного потока. Теперь уже грязная вода доходила до верха окон. Река подразнила Спенсера, вселив надежду на то, что они минуют страшную западню моста. Она толкала и бросала их так, как будто они мчались по скоростному спуску бобслея.

Но робкий огонек надежды угас, когда вода снова подняла машину и ударила ее о следующую опору. Треск был подобен разрыву бомбы, металл заскрежетал, и Рокки завыл.

Резкий толчок откинул Спенсера влево. Его не смог задержать даже ремень безопасности. Головой Спенсер врезался в стекло. Несмотря на шум вокруг, он услышал, как стекло «триплекс», быстро покрываясь миллионами трещин, тонкими, как волосы, издало такой звук, будто хрустящий кусок тоста внезапно смяли в кулаке.

Чертыхаясь, Спенсер приложил левую руку ко лбу. Крови не было, в голове начало пульсировать в такт с сердцем.

Окно стало мозаичным, составленным из тысяч крохотных осколков стекла, которые держались на пленке, проложенной между двух стеклянных плоскостей.

К счастью, боковые окна не пострадали. Но передняя дверь возле Рокки прогнулась внутрь, и там начала капать вода.

Рокки поднял голову, теперь он боялся *не увидеть* опасность. Он жалко скулил, глядя на бешеную воду, на низко нависавший над ними бетонный свод и на треугольник

безрадостного серого штормового света за мостом.

– Черт, – сказал ему Спенсер. – Если хочешь, можешь писать прямо на сиденье.

Машина попала в следующий водоворот.

Они прошли две трети туннеля.

Шипящая, тонкая, как ниточка, струйка воды *потекла* через крохотное отверстие в дверной раме. Рокки завопил, когда вода начала капать на него.

Машина вырвалась из водоворота, но ее не кинуло на опоры. Что было гораздо хуже, вода сильно поднялась, как будто переваливая через высокий порог, и прижала машину к нависавшему бетонному мосту снизу.

Спенсер с силой уцепился двумя руками за руль. Он боялся, что его выбросит через боковое окно. Но он не был готов к броску вперед. Когда крыша прогнулась вниз, он упал на сиденье, но отреагировал не слишком быстро. Потолок с силой обрушился на его голову.

У него из глаз посыпались искры. Боль пронзила позвоночник. Кровь рекой струилась по лицу, градом лились слезы, в глазах потемнело.

Поток понес машину вниз, и Спенсер попытался подняться на сиденье. У него закружилась голова, и он опять съехал вниз, тяжело дыша.

Его слезы были темными, будто смешивались с грязью. Спенсер стал плохо видеть. Вскоре его слезы почернели, как чернила, и он вообще перестал видеть.

Он испугался, что слепнет, но паника помогла ему все понять: слава Богу, он не ослеп, это просто *был* обморок.

Он старался сохранить сознание. Если он упадет в обморок, то может никогда не очнуться. Он балансировал на грани сознания. Сотни серых мошек появились из черноты. Они прыгали из света в тень. Потом он снова увидел кабину.

Спенсер постарался выпрямиться на сиденье, насколько позволяла прогнувшаяся крыша, и в этот момент ему опять стало плохо. Он осторожно коснулся головы – под руками была кровь.

Из раны кровь лишь понемногу сочилась, видно, там была глубокая ссадина.

Они снова оказались на свободе, дождь продолжал стучать по машине.

Аккумулятор еще не сел окончательно, и «дворники» работали.

«Эксплорер» спокойно плыл посредине реки, которая стала еще шире. Ее ширина была равна примерно ста двадцати футам. Вода с силой плескалась о берега и даже заливала их. Было совершенно невозможно представить, какая здесь глубина. Вода неслась быстро, но несколько спокойнее, чем раньше.

Глядя вперед на реку, Рокки жалобно скулил. Он уже не качал головой и не испытывал удовольствия от того, что мчится с такой скоростью. Пес вел себя совершенно иначе, чем на улицах Вегаса. Он не доверял силам природы настолько, насколько мог доверять своему хозяину.

– Милый добрый мистер Рокки-Собака, – ласково сказал ему Спенсер. Он услышал, как нетвердо выговаривает слова.

Несмотря на волнение Рокки, Спенсер не видел впереди какой-либо опасности, подобной мосту, который они с трудом и потерями, но все же миновали. На пару миль впереди, казалось, поток мчался без всяких препятствий, дальше все пропадало в дымке дождя, тумана и холодном свете солнечных лучей, с трудом проходивших через грозовые облака.

По обеим сторонам русла лежала пустыня. Пейзаж был мрачным. Кое-где попадались шуршащие кусты мескита, скатавшиеся в шары перекасти-поле. Из песка торчали изъеденные ветрами обломки камней. Это были природные образования, но под влиянием солнца и ветра они приняли странные геометрические формы древних построек друидов.

У Спенсера вдруг резко усилилась боль в голове. Перед глазами разлилась крошечная тьма. Он не приходил в себя минуту, а может быть и час. Его не донимали ни сны, ни видения. Он просто провалился в бездонную мглу.

Когда он пришел в себя, прохладный воздух обдувал его лоб и холодные капли дождя

падали на лицо. Доносились влажные голоса реки – они жаловались, шипели и чмокали гораздо громче, чем раньше.

Спенсер не сразу пришел в себя. Он не понимал, почему звуки стали слышнее. У него мешались мысли. Наконец он понял, что боковое окно вылетело, пока он был без сознания. Куски стекла лежали у него на коленях.

Вода в кабине достигала его щиколоток. Ноги онемели от холода. Спенсер положил их на педали и накрепко пальцы в насквозь промокших туфлях. Машина погрузилась глубже за то время, что он пробыл без сознания. Вода плескалась всего лишь в дюйме от окна. Течение было быстрым, но более спокойным. Может быть, потому, что река стала гораздо шире. Если русло опять сузится или изменится ландшафт, поток снова станет бурным. Вода проникнет внутрь и зальет их.

Спенсер настолько плохо себя чувствовал, что его не сильно взволновала эта мысль. Ему всего лишь стало неприятно.

Следовало что-то предпринять, чтобы закрыть зиявшее отверстие на месте разбитого окна. Но казалось, что тут ничего нельзя придумать. Чтобы что-то сделать, нужно было двигаться, а двигаться ему не хотелось.

Ему хотелось одного – спать! Он так устал, был совсем без сил.

Его голова откинулась вправо на подголовник, и он увидел пса, сидевшего на пассажирском сиденье.

– Как у тебя дела, лохматик? – невнятно спросил Спенсер. Было такое ощущение, как будто он выпил слишком много пива. Рокки глянул на него, а потом снова уставился вперед на реку. – Не бойся, дружище. Они победят нас, если ты станешь бояться. Не позволяй, чтобы ублюдки победили нас. Они не могут нас победить! Мы должны найти Валери: до того, как они найдут ее. Но он здесь. Он всегда... что-то выслеживает...

Постоянно думая о женщине, Спенсер ощущал на сердце огромную тяжесть. Так они въезжали в мокрый день. Спенсер что-то бормотал в бреду. Он что-то искал – неизвестное и неопределенное. Собака сидела рядом и сторожила его. Она сидела молча, не шевелясь. Дождь капал с продавленной крыши машины.

Может, он снова потерял сознание или просто прикрыл глаза, но когда его нога соскользнула с педальной, вода скрыла ее уже до середины икры. Спенсер поднял голову, которая жутко болела, и увидел, что «дворники» перестали работать. Аккумулятор иссяк.

Река неслась, как скорый поезд. Течение стало беспокойным. Грязные ручейки воды затекали внутрь машины через разбитое окно.

Рядом с окном плыла дохлая крыса. Она плыла влекомая потоком, рядом с машиной. Она была длинная и гладкая. Один немигающий стеклянный глаз уставился на Спенсера. Обнажились острые зубы. Длинный отвратительный хвост застыл, как проволока. Он странно загибался в сторону.

Спенсер перепугался, увидев крысу. Так его не пугала даже вода, заливавшаяся внутрь. Его охватил страх, подобный тому, который вызывали кошмарные сны, и удушающе не хватало воздуха, и бешено билось сердце. Он знал, что умрет, если крысу занесет в машину, потому что это была не просто крыса. Это была Смерть! Это был крик в ночи и шум крыльев совы, блеск стали и запах горячей крови. Это были катакомбы, это был запах времени, и, что еще хуже, это была дверь, через которую его вытянули из невинного состояния мальчишества, это был проход в ад, в комнату, которой кончалось Ничто. Все это олицетворяла холодная плоть крысы! Если она коснется его, он станет кричать до тех пор, пока не лопнут его легкие и после последнего выдоха не наступит темнота.

Если бы только он мог, высунувшись из окна, чем-нибудь отогнать прочь омерзительного грызуна, не прикасаясь к нему рукой! Но Спенсер был слишком слаб, чтобы найти что-то наподобие прута. Его руки лежали на коленях ладонями вверх. У него не было сил даже просто сжать их в кулаки.

Наверное, стукнувшись головой о крышу машины, он пострадал гораздо сильнее, чем думал. Спенсеру показалось, что его парализует. А если так, то тогда ему на все наплевать.

Снова промелькнула по небу молния. Яркий свет превратил мертвый глаз крысы в сверкающий белый шар. Казалось, что глаз задвигался, чтобы повнимательнее разглядеть Спенсера.

Спенсер понимал, что если он не переключит свое внимание, то сам невольно привлечет крысу к себе. Его испуганный взгляд, как магнит, притянет ее черные глаза. Он отвел взгляд и стал смотреть вперед, на реку.

Хотя Спенсер взмок от пота, его била дрожь. Даже рана уже не горела, а была холодна как лед. В этом месте он особенно ощущал холод. Все тело заоченело, но шрам напоминал замерзшую сталь.

Стерев с лица капли дождя, проникавшие через разбитое окно, Спенсер увидел, что течение стало сильнее. Река с силой рвалась вперед к единственному возвышению в ландшафте обычной равнины.

Скалистый хребет, протянувшись с севера на юг, исчезал дальше в тумане. Этот хребет кое-где достигал высоты двадцати или тридцати футов, а местами понижался до трех футов. Это было геологическое формирование, но в некоторых местах ветра и дожди придали ему странную форму. Взгляд отмечал окна, какие-то полуразрушенные башни и крепостные стены. Странные огромные укрепления, которые были воздвигнуты и разрушены во время войн за тысячи лет до нашей эры. В самом верху оставались как бы разбитые или неровно стоящие парапеты. В других местах скалы были пробиты насквозь, как будто нападавшие смогли прорваться в крепость именно через эти пробоины.

Спенсер внимательно разглядывал фантастический «старинный замок». Ему не хотелось думать, что это просто затейливое нагромождение камней. Это помогало ему отвлечься от дохлой крысы, которая плавала рядом с ним за разбитым окном.

Так как он плохо отдавал себе отчет в происходившем, он сначала не обратил внимания на то, что река неотвратно несет его к нагромождению скал. Наконец до него дошло, что столкновение с горными породами может стать фатальным для грузовика, который и так сильно пострадал после того, как его бросало, подобно шарiku для пинг-понга, под бетонным мостом.

Если поток пронесет его через естественный шлюз вдоль русла реки, то странное нагромождение камней останется для них всего лишь интересным явлением природы. Но если машину затащит в одну из трещин...

Хребет возвышался перпендикулярно руслу реки, и поток пересекал его в трех местах. Самый широкий рукав лежал справа. Он проходил под темной башней высотой в двадцать футов и шириной в шесть футов. Ширина самого узкого прохода не достигала восьми футов. Он располагался в середине, между башней и нагромождением обломков десяти футов шириной и футов двенадцати высотой. Между этой кучей камней и левым берегом реки, где тянулись вверх и простирались к северу «укрепления», был третий проход шириной примерно от двадцати до тридцати футов.

— Мы должны прорваться.

Спенсер попытался дотянуться до собаки и не смог сделать этого.

Еще оставалось до каменной гряды около сотни ярдов, и казалось, что «Эксплорер» быстро дрейфует к самому широкому проходу.

Спенсер не мог не смотреть через разбитое окно налево, на крысу. Она продолжала плыть рядом, и теперь гораздо ближе к окну, чем прежде. Ее застывший хвост был в розовых и черных пятнах.

В голове Спенсера промелькнули воспоминания: *крысы в замкнутом пространстве, ненавидящие красные глаза в темноте, крысы в катакомбах, в самом низу катакомб, и впереди комната, ведущая в никуда.*

Он вздрогнул от отвращения и посмотрел вперед. Ветровое стекло заливал дождь, но кое-что рассмотреть он сумел.

Еще оставалось пройти пятьдесят ярдов, и машина направлялась не в широкий проход. Ее сносило влево, к центральному проходу, самому опасному из всех.

Туннель сузился, и скорость нарастала.

– Держись, дружок, держись!

Спенсер надеялся, что их развернет резко влево, пронеся мимо центрального прохода к северному. В двадцати ярдах от преграды движение воды замедлилось. Они не успевали доплыть до северного прохода. Их несло прямо в центр.

Пятьдесят ярдов. Десять.

Проскочить через центральный проход было бы невероятной удачей. Сейчас они мчались к колонне из твердых скальных пород в двадцать футов высотой, стоявшей справа от прохода.

Они могли слегка задеть эту колонну или проскочить в миллиметре от опасной скалы.

Они подошли к каменной гряде так близко, что Спенсер уже не мог видеть основания скал – их загораживал перед машины.

– Пожалуйста, Боже, помоги нам!

Бампер врезался в скалу, как бы пытаясь снести ее до основания. Удар был настолько сильным, что Рокки снова очутился на полу. Правое крыло автомобиля оторвалось и уплыло. Крыша опять погнулась, как будто была сделана из фольги. Ветровое стекло взорвалось, но вместо того, чтобы засыпать осколками Спенсера, «триплекс» разлетелся по приборной доске неприятно острыми матовыми кусками.

После столкновения «Эксплорер» на секунду остановился в воде. Он стоял под углом к движению потока. Потом бушующая масса воды подхватила машину сбоку и начала толкать кузов, разворачивая влево.

Спенсер открыл глаза и в ужасе смотрел, как «Эксплорер» становится поперек течения. В таком положении машина никогда не сможет проплыть между двумя массами камня. Просвет был очень узким, и машина должна была застрять в нем. Потом поток воды будет рваться внутрь, пока полностью не затопит салон, или же плывущее бревно ударит Спенсера по голове через разбитое окно.

Скрепя и скрежеща, «Эксплорер» боком продвинулся глубже в проход, вода билась об машину со стороны Рокки, почти достигая окон. Сбоку от Спенсера, когда машина разворачивалась в проходе, поднялась волна, перевалив через окно. Задняя часть машины врезалась во вторую грудю камней. Вода хлынула внутрь; к Спенсеру устремилась дохлая крыса, крутившаяся в воронке, созданной движением машины.

Крыса проскользнула в его поднятые ладони и утвердилась на сиденье между раздвинутыми ногами. Ее застывший хвост коснулся правой руки Спенсера.

Катакомбы. Злобные глаза, глядящие из теней. Комната, комната, комната в конце неизвестности, увлекавшая в никуда.

Он пытался закричать, но слышал только полузадушенные и хриплые рыдания. Было похоже, что плачет ребенок, испуганный до предела.

Спенсер, видимо, не совсем мог владеть собой после удара. В ужасе, нервным движением рук он сбросил крысу с сиденья. Она упала в грязную лужу на полу.

Теперь он ее не видел, но она находилась там. Внизу. Она плавала у него под ногами.

Не думай об этом.

У него сильно кружилась голова, как будто он часами катался на карусели. Темнота и дурнота мешали ему смотреть.

Он уже не рыдал. Он повторял одни и те же слова хриплым плачущим голосом:

– Прости меня, прости меня, прости меня...

Даже будучи в агонии, он понимал, что просит прощения не у Рокки и не у Валери Кин. Ее он уже не спасет. Он просил прощения у матери, которую не смог спасти.

Она была мертва более двадцати двух лет. Ему было всего восемь, когда она умерла. Он был слишком мал, чтобы ее защитить. Он был слишком мал, чтобы так сильно чувствовать свою вину сейчас. Но слова «прости меня» все же срывались с его губ.

Река упорно вталкивала «Эксплорер» глубже в проход, хотя машина и развернулась поперек потока. Передний и задний бамперы со скрежетом обдирали камни. Бедный «Форд»

трещал, гремел, хрипел и скрипел. Его длина была всего лишь на дюйм меньше ширины прохода, через который его пытались протащить течение. Вода качала машину, увлекая ее вперед.

Толкала из стороны в сторону, сжимала с двух сторон, чтобы протащить еще на фут или даже дюйм, но все-таки протащить.

И кроме того, постепенно поток поднял машину вверх на целый фут. Темная масса воды плескалась сбоку от Рокки, но она уже не доходила до окон, а была где-то внизу.

Рокки молча сидел в полузатопленном пространстве под сиденьем и не двигался.

Когда Спенсер усилием воли справился с головокружением, он увидел, что толщина скалы, через которую рвался поток, оказалась не такой большой, как он думал.

Коридор из камня был не длиннее двенадцати футов.

Течение продвинуло «Эксплорер» уже на девять футов, когда послышался жуткий скрежет рвущегося металла, и машина застряла внутри каменного коридора. Проплыви она еще три фута, и выбралась бы из ловушки, и двинулась бы дальше с бушующей водой, свободная и побитая. Избавление было так близко.

Теперь «Эксплорер» плотно засел в проходе.

Машина больше не сопротивлялась тесным объятиям камня. Стук дождя опять стал очень громким. Он казался совершенно оглушительным, хотя дождь шел не сильнее. Возможно, Спенсеру только так *казалось*, потому что его уже рвало от этого звука.

Рокки снова вскарабкался на сиденье. Он наконец вылез из воды, стоявшей на полу. Он был в ужасе, и с него текли ручьи.

– Прости меня, – сказал ему Спенсер.

Стараясь отогнать от себя отчаяние и постоянную темноту, которая не давала ему возможности оглядеться вокруг, не в состоянии смотреть в доверчивые глаза собаки, Спенсер повернулся к боковому окну. Он смотрел на воду, которую только что боялся и ненавидел, но сейчас готов был обожать.

Реки больше не было.

Ему показалось, что у него начались галлюцинации.

Далеко отсюда, за завесой бушующего дождя, на горизонте, виднелись горные вершины. Самые высокие были закрыты облаками. Никакая река не текла к этим далеким горам. Между горами и машиной вообще ничего не было. Словно на картине, где художник оставил не нарисованным передний план.

Потом, как бы в полусне, Спенсер понял, что не видел того, что нужно было видеть. Восприятию мешали его надежды и полуобморочное состояние. На картине не было пробелов. Нужно было только поменять угол зрения и посмотреть немного вниз, чтобы увидеть хаос глубиной в тысячу футов, в который низвергалась вода.

Скальный хребет, протянувшийся на многие мили, сформированный силами природы и пересекавший, как думал Спенсер, плоскую равнину, на самом деле был неровным ограждением отвесной скалы. По одну его сторону лежала песчаная выветренная пустыня, но с другой стороны, там, куда выходил коридор, в котором они застряли, не было равнины, а лишь сплошной камень и обрыв, с которого река устремлялась вниз с ужасным грохотом.

Спенсер сначала решил, что усилившийся шум дождя – плод его воображения, на самом деле это был шум трех водопадов, которые с ревом низвергались в долину. Они достигали высоты многоэтажного дома.

Спенсер не мог увидеть пенящуюся бездну, потому что «Эксплорер» застрял прямо над ней. У него не было сил, чтобы приподняться повыше и выглянуть из окна. Вода сильно билась в бок машины и лизала его снизу. Таким образом, машина оказалась зажатой у начала самого узкого из трех водопадов. Она не упала вниз только потому, что ее сжимали каменные клещи.

Спенсер помянул Бога, прося помочь ему выбраться из машины и из воды и при этом еще остаться живым. Потом он стал думать о том, что ему следует предпринять. Страх лишил его последней энергии, которая у него еще оставалась.

Сначала ему следует отдохнуть, а потом уже принимать решение.

Спенсер скорчился на сиденье, он не мог видеть, куда падал поток, но он видел широкую долину далеко внизу.

И извивающуюся ленту реки, протекавшей снова по равнине. Высокий обрыв и панорама внизу, на которую он взглянул, склонив голову набок, вызвали новый приступ головокружения, и он отвернулся, чтобы избавиться от него.

Но он опоздал. У него начала жутко кружиться голова – вращающиеся скалы и льющий с небес дождь сошлись в крутую спираль темноты, в которую влетел Спенсер. Он все кружился, кружился и неслился вниз... в никуда...

* * *

...И там в ночи, рядом с сараем, меня все еще пугал летящий ангел, который оказался совой. Странно, но когда я понял, что образ моей матери в небесном облачении и с крыльями – всего лишь фантазия, его сменил другой образ: вся в крови, обнаженная, изломанная и мертвая, мать лежала в канаве, в восьми-десяти милях от дома, где ее обнаружили шесть лет назад. Я не видел ее такой даже на фотографиях в газетах. Мне только рассказывали об этом некоторые ребята в школе. Они были злобные маленькие ублюдки. Но после того как сова исчезла в лунном свете, ко мне уже не возвращался образ ангела, как бы я ни пытался его вызвать. И я не мог изгнать из воображения вид растерзанного трупа.

Я был босиком, обнаженный по пояс. Я двигался из-за флигеля, который раньше был сараем, но не использовался по назначению уже больше пятнадцати лет. Я знал здесь каждый уголок, это была часть моей жизни. Но сегодня сарай отличался от... прежнего сарая. Он изменился, я даже не могу сказать, как именно, но мне стало неприятно.

Это была странная ночь, даже более странная, чем мне представлялось. Я тоже был странным юношей, мучимый вопросами, которые не осмеливался задавать себе. Я искал ответы в июльской тьме, в то время как они были во мне самом. Мне требовалось только поискать их. Я был странным мальчиком, я чувствовал, что жизнь идет как-то не так, но убеждал себя, что такое отклонение было правильным и нормальным. Я странный юноша, который таит в себе свои секреты, и от себя тоже. Скрывая их, как мир скрывает тайну своего значения и существования.

В необычной тишине ночи позади флигеля я осторожно пробираюсь к фургону «Шевроле», которого никогда прежде не видел. Никого нет ни за рулем, ни на пассажирском сиденье. Я кладу руку на капот, он все еще теплый. Металл остывает и слегка потрескивает. Я прошел мимо картинки на боку, изображающей радугу, двинулся к открытой задней дверце.

Хотя в глубине машины темно, но размытый лунный свет проходит через ветровое стекло, и я вижу, что сзади тоже никого нет. Всего лишь два сиденья, ничего особенного, хотя когда видишь машину, сделанную на заказ, можно ожидать роскошной внутренней отделки.

Я чувствую, что с фургоном не все в порядке, даже если не принимать во внимание, что он вообще не должен здесь находиться. Я пытаюсь понять, почему мне так неприятно. Я наклонился и прищурился, пожалев, что не принес с собой фонарик – мне было бы легче разглядеть машину внутри. Мне в нос ударил запах мочи. Кто-то помочился прямо в фургоне.

Боже, как противно. Неприятно. Конечно, может быть, всего лишь собака натворила такое, тогда это понятно. Но все равно очень противно.

Я задержал дыхание и сморщил нос. Потом отошел от дверцы и нагнулся, чтобы рассмотреть номер машины. Номер Колорадо.

Я стою.

Слушаю. Тишина.

Флигель ждет.

Подобно многим хозяйственным постройкам в тех местах, где выпадал снег, сначала его построили без окон. Даже после того как внутри многое изменили, в нем появились только два окна на первом этаже, на южной стороне, и четыре окна на втором, со стороны фасада. Эти четыре окна находились надо мной, они были высокими и широкими и поглощали скудный северный свет с рассвета до захода.

Окна темны. Во флигеле тишина.

В северной стене есть вход. Одна узкая дверь.

После того как я обошел фургон и никого не нашел, я остановился, теряя драгоценное время.

С расстояния двадцати футов в молочном свете луны, которая помогает многое скрывать в тенистых местах, но кое-что и выявляет, я вижу, что дверь флигеля приоткрыта.

В глубине души я чувствую, что мне нужно сделать, что я должен сделать. Но одна моя половина, которая так хорошо хранит секреты, настаивает, чтобы я вернулся домой, в постель, позабыл о крике, который разбудил меня, – мне просто приснилась моя мать – и снова погрузился в сон.

Утром я продолжу жить в выдуманном мною мире, будучи пленником самообмана, когда знания о правде и реальности спрятаны в дальнем уголке моего разума. Возможно, бремя этой тайны станет слишком тяжелым, чтобы продолжать нести его. Возможно, нити, которые крепко-накрепко связали все в узелок, начнут рваться. Где-то, опять же подсознательно, я, наверное, решил прекратить жить в этом странном состоянии обмана и тайны.

Но не исключено, что мой выбор был предопределен. Или моя совесть подталкивала меня к этому шагу, или судьба, которая была мне предначертана в тот день, когда я родился. Возможно, выбор был всего лишь иллюзией, и дороги, которые мы выбираем, уже давно отмечены на карте нашей жизни со дня нашего зачатия. Я молюсь Богу, чтобы судьба не оказалась стальной, и ее можно было бы изменять и выпрямлять. Чтобы она изменялась под влиянием силы правды, милосердия, честности, доброты и тепла. Иначе я не смогу выдержать того, что меня ждет.

Этой жаркой июльской ночью, истекая потом, но дрожа как в лихорадке от волнения, когда мне всего лишь четырнадцать и я стою в лунном свете, я, конечно, ни о чем этом не думаю.

Меня влекут эмоции, а не разум: интуиция, а не причины; даже нужда, а не любопытство. Мне ведь четырнадцать лет. Всего лишь четырнадцать.

Флигель ждет.

Я иду к приоткрытой двери.

Я вслушиваюсь, стоя у дверного проема.

Внутри тихо.

Я неслышно толкаю дверь. Петли хорошо смазаны и не скрипят, обуви на моих ногах нет. Я вхожу так тихо, как тиха темнота, обступившая меня...

** * **

Спенсер открыл глаза в темноте флигеля и оказался в темноте «Эксплорера», зажато между скал. Он понял, что в пустыню пришла ночь. Он находился без сознания часов пять или шесть.

Голова у него наклонилась вперед, и подбородок упирался в грудь. Он посмотрел на свои ладони – они были белыми и вялыми.

Крыса лежала на полу. Он ее не видел. Но она все равно была там, в темноте, и плавала в воде. *Не думай об этом.*

Дождь прекратился. По крыше не стучало.

Он хотел пить, во рту все пересохло, язык был как наждак, и губы потрескались.

Машина слегка покачивалась. Река старалась столкнуть ее со скалы. Эта проклятая бессонная река.

Нет, это не то объяснение. Прекратился шум водопада. Ночь была тихой. Никакого грома, молнии. Плеска воды тоже не слышно.

У него болело все тело, но острее всего была боль в голове и шее.

У него почти не было сил, чтобы посмотреть вверх, оторвав взгляд от рук.

Рокки куда-то пропал.

И дверь с его стороны была открыта.

Машина снова задрожала, заскрипела и загромыкала.

Снизу, у открытой двери, появилась женщина. Сначала ее голова, потом плечи, как будто она возникла из воды. Но только, если судить по относительной тишине, вода отступила.

Его глаза привыкли к темноте, к тому же светила луна между рваными облаками. Спенсер узнал женщину.

Он сказал хриплым голосом, но уже твердо выговаривая слова:

– Привет.

– Привет, привет!

– Входите.

– Спасибо, я так и сделаю.

– Мне это приятно, – продолжал Спенсер.

– Вам здесь нравится?

– Здесь лучше, чем в другом сне.

Она взобралась в машину. Та начала раскачиваться еще сильнее и заскрипела, царапая бока о скалы.

Ему не нравилось это покачивание. Не потому, что он опасался, как бы машина не выскользнула из скалистых тисков и не упала вниз. Нет, просто у него снова закружилась голова. Он боялся, что может вырваться из этого сна. Он боялся снова вернуться в ужас того июля в Колорадо.

Женщина села на сиденье Рокки и помолчала несколько секунд. Она ждала, когда перестанет раскачиваться машина.

– Вы попали в ужасное положение.

– Это была шаровая молния, – сказал он.

– Простите?

– Шаровая молния.

– Конечно.

– Она столкнула машину в русло реки.

– Наверное, – сказала она.

Было так трудно размышлять и правильно выражать свои мысли. Ему было больно думать, и у него начинала кружиться голова.

– Я думал, что это были пришельцы, – объяснил он ей.

– Пришельцы?

– Ну да, маленькие существа с большими глазами, как у Спилберга.

– Почему вы думали, что это были пришельцы?

– Потому что они удивительные, – сказал он, хотя эти слова не выразили того, что он имел в виду. Несмотря на плохое освещение, он увидел, что она странно посмотрела на него. Он попытался найти более подходящие слова, у него сильнее закружилась голова. – Там, где вы появляетесь, случаются странные вещи... и так бывает почти все время.

– О да, я являюсь центром непонятной *активности*.

– Вам, наверное, известно что-то удивительное. Поэтому они преследуют вас. Потому что вам известны удивительные вещи.

– Вы что, принимали наркотики?

– Я бы не отказался от аспирина. Но... они вас преследуют не потому, что вы плохой человек.

– Вот как?

– Да, потому что вы хороший человек. Вы не можете быть плохим человеком.

Она наклонилась и положила руку ему на лоб. Даже это легкое прикосновение причинило ему боль.

– Откуда вы знаете, что я хороший человек? – спросила она.

– Вы хорошо отнеслись ко мне.

– Может, я просто притворялась?

Она достала из куртки маленький фонарик и начала осматривать его левый глаз. Сначала она оттянула веко назад, а потом направила узкий луч прямо в зрачок. Спенсеру был неприятен свет. И вообще болело все. Холодный воздух причинял боль лицу. От боли у него все сильнее кружилась голова.

– Вы хорошо вели себя у Теды, и хорошо к ней относились.

– Может, я и тогда тоже притворялась, – заметила она, глядя в его правый глаз.

– Теду нельзя обмануть.

– Почему?

– Она – мудрая женщина. И она печет *огромные* шоколадные печенья.

Закончив осмотр глаз, она наклонила вперед его голову, чтобы посмотреть рану у него на затылке.

– Неприятная рана, она сейчас несколько подсохла, но ее нужно обработать и наложить швы.

– Ой!

– Сколько времени у вас шла кровь?

– Во сне не чувствуешь боли.

– Вы, наверное, потеряли много крови?

– Вот здесь сейчас очень больно.

– Потому что на этот раз вы не спите.

Он облизал пересохшие губы, язык был покрыт налетом.

– Мне хочется пить.

– Сейчас я вам дам попить, – сказала она, приподняв его подбородок пальцами. Она несколько раз легонько приподнимала, а потом наклоняла вниз его голову, и у него опять началось головокружение, но он смог спросить:

– Я не сплю? Вы в этом уверены?

– Абсолютно. – Она прикоснулась к его руке. – Вы можете сжать мою руку?

– Да.

– Попробуйте.

– Вот сейчас...

– Давайте.

– О-о-о.

Он попытался сжать ей руку.

– Ну, не так плохо, – заметила она.

– Мне это было приятно сделать.

– Вы крепко сжали руку, надеюсь, что у вас не поврежден позвоночник. Я думала, что все будет гораздо хуже.

У нее была крепкая теплая рука, и Спенсер сказал:

– Мне было приятно.

Он закрыл глаза и опять начал погружаться в темноту. Она ждала. Он снова открыл глаза, прежде чем темнота смогла поглотить его.

– Теперь вы можете отпустить мою руку, – сказала она.

– Это не сон, да?

– Нет, это не сон.

Она снова включила фонарик и направила луч света вниз, к его ногам.

– Все-таки очень странно, – сказал он. Она пыталась что-то разглядеть в тонком лучике света. – Мне это не снится, – продолжал он, – значит, у меня галлюцинации.

Она нажала на запор и расстегнула его пояс безопасности.

– Все нормально, – сказал Спенсер.

– Что «нормально»? – спросила она, выключая фонарик и пряча его в карман.

– Что вы пописали прямо на сиденье.

Она засмеялась.

– Мне нравится, как вы смеетесь.

Она все смеялась, пока осторожно пыталась освободить его от ремня.

– Вы никогда раньше не смеялись, – мягко сказал Спенсер.

– Ну, в последнее время я действительно мало смеялась, – заметила она.

– Нет, никогда раньше. Но вы и не лаяли тоже. – Она снова засмеялась. – Я собираюсь купить тебе новую резиновую косточку.

– Вы очень добры.

Он сказал:

– Все так интересно.

– Тут вы абсолютно правы.

– Все настолько реально.

– Но мне все кажется *нереальным*.

Хотя Спенсер не двигался, пока она освобождала его от ремня, все равно у него начала бешено кружиться голова, и перед ним мелькали три женщины. Все предметы в машине стали тоже троиться, как будто изображение было не в фокусе.

Спенсер боялся, что опять потеряет сознание, прежде чем успеет все высказать, и он начал говорить быстро и отрывисто, кусками предложений:

– Парень, ты настоящий друг. Правда. Ты такой друг, о котором можно мечтать.

– Сейчас нам придется несколько поднатужиться.

– Ты единственный мой друг.

– Хорошо, друг, мы подошли к самой сложной части. Как я смогу вытащить вас из этой рухляди, если вы не в состоянии помочь себе?

– Я могу себе помочь.

– Вы в этом уверены?

– Я служил в армии десантником. И еще я был полицейским.

– Да, я это знаю.

– Еще я занимался таэквандо.

– Это нам, безусловно, пригодится, если на нас нападет банда убийц-ниндзя. Но вам следует попытаться помочь мне вытащить вас отсюда.

– Я сумею немного помочь тебе.

– Да, нам, пожалуй, пора попытаться.

– Давай.

– Вы можете немного приподнять ноги и перекинуть их на мою сторону?

– Мне не хочется трогать крысу.

– Где крыса?

– Она уже мертва, но... вы же понимаете.

– Конечно.

– У меня очень кружится голова.

– Тогда давайте немного передохнем, совсем немного.

– У меня очень сильно кружится голова.

– Не нужно волноваться.

– Пока, – сказал он, и его опять подхватил черный вихрь, закрутил и понес прочь.

Почему-то пока он несея в темноту, он вспоминал Тотошку, Дороти и страну Оз.

Задняя дверь флигеля ведет в короткий коридор. Я захожу внутрь. Кругом темно. Окон нет. Зеленый огонек охранной системы – «не готовы к включению» – светит со стены справа. Благодаря его свету я вижу, что в коридоре никого нет. Я оставляю дверь приоткрытой, как и было до того, как я вошел сюда.

Кажется, что я ступаю по совершенно черному полу, но на самом деле это чудесно отполированная сосна. Слева расположены ванная комната и кладовка, где держат припасы. Двери почти неразличимы при слабом свете. Зеленый огонек сигнальной системы похож: на странную нереальную иллюминацию, которая может привидеться во сне. Он не похож на настоящий свет неона. Справа расположена комната, где хранится картотека. Впереди, в конце коридора, есть дверь в большую галерею первого этажа, и оттуда лестница ведет в студию моего отца. Весь второй этаж – одна большая комната, скорее, зал. Именно там расположены большие окна, под которыми стоит фургон.

Я прислушиваюсь к темноте.

Она мне ничего не может подсказать.

Я стою как раз рядом с выключателем, но не прикасаюсь к нему.

В зеленоватой темноте я осторожно открываю дверь в ванную комнату. Вхожу внутрь. Жду, что раздастся какой-нибудь звук. Жду движения, удара. Ничего.

Кладовка тоже пуста.

Я двигаюсь по правой стороне коридора и тихо открываю дверь в комнату с картотекой, потом переступаю порог.

Лампы дневного света, расположенные над головой, не горят. Но есть какое-то освещение, которого здесь не должно быть. Свет отдает в желтизну и весьма неприятен. Полуприглушенный и странный. Он исходит от какого-то непонятного источника в дальнем конце комнаты.

Длинный рабочий стол расположен в центре. Возле него два стула. Шкафы с картотекой стоят вдоль одной длинной стены.

У меня сильно бьется сердце и дрожат руки. Я сжимаю кулаки и прижимаю их к телу, пытаюсь как-то сдерживать дрожь.

Я решаю вернуться в свою комнату и лечь спать.

Теперь я уже в дальнем конце комнаты, хотя и не помню, чтобы сделал хотя бы шаг в этом направлении. Казалось, что я прошел двадцать футов словно во сне.

Как будто меня кто-то позвал к себе. Казалось, что я повиновался сильной команде во время гипноза. Это были молчаливые призывы, без всяких слов.

Я стою перед сосновым шкафом. Он очень высок и достигает потолка и занимает всю стену длиной в тринадцать футов. В этом шкафу имеются узкие высокие дверцы.

Средняя дверца открыта.

Внутри шкафа не должно быть ничего, кроме полок, на которых обычно стоят коробки со старыми квитанциями об уплате налогов, деловой перепиской и ненужными записями, не попавшими в специальные металлические ящики, расставленные вдоль противоположной стены.

В эту ночь полки и их содержимое вместе с задней стеной шкафа отодвинуты назад фута на три или четыре в тайное углубление, которое, оказывается, существует позади этой комнаты. Еще одна скрытая комната, о существовании которой я даже не подозревал. Неприятный желтоватый свет идет именно оттуда.

Мечта всех мальчишек – потайной ход в мир опасности и приключений, далеких звезд и иных миров! В самый центр Земли. К пространствам, заселенным троллями или пиратами. А возможно, там живут умные обезьяны или роботы. Этот путь может увести в отдаленное будущее или назад, к динозаврам. Отсюда лестница ведет в тайну, в туннель, которым я могу отправиться совершать героические подвиги или выйти к станции, которая расположена на пути в неизведанное.

Я сначала радуюсь, представляя, какие экзотические путешествия и удивительные открытия могут ждать меня.

Но инстинкт сразу подсказывает мне, что в конце этого тайного прохода находится что-то странное и страшное. Гораздо страшнее и опаснее, чем чужие миры или казематы Морлока. Мне хочется вернуться домой, в безопасность моей спальни, и спрятаться под одеялом. И сделать это как можно быстрее. Мне нужно бежать. Извращенная притягательность ужаса и неизвестности теперь уже не действует на меня. Я вдруг захотел отказаться от этой странной мечты, предпочесть менее опасное положение в темноте и небытие сна.

Я не помню, чтобы я входил в этот высокий шкаф, но я оказываюсь там вместо того, чтобы срочно бежать домой сквозь ночь под светом луны и мельканием тени совы. Я моргнул и увидел, что продвинулся еще дальше. Я не сделал ни одного шага, но прошел вперед к таинственному месту.

Там есть что-то вроде тамбура – шесть на шесть футов. Стены из бетона. На потолке желтая лампочка в голом патроне.

Я быстро осматриваю заднюю стенку шкафа. Она вместе с прикрепленными к ней полками стоит на маленьких скрытых колесах, и ее просто отодвинули назад.

Справа расположена дверь, ведущая из тамбура. Самая обычная дверь. Если судить по внешнему виду, она довольно тяжелая. Толстые доски, бронзовые ручки, покрашена в белый цвет. В некоторых местах краска пожелтела от времени. Хотя вся дверь белая, кое-где с желтизной, на ней заметны еще какие-то пятна. Многочисленные кровавые отпечатки ладони покрывают дверь от бронзовой ручки до верха. Эти яркие отпечатки делают остальные цвета совершенно неважными. Там, пожалуй, восемь, десять, двадцать, а то и больше, отпечатков женской руки. Ладони и растопыренных пальцев. Каждый отпечаток накладывается на предыдущий. Некоторые из них размазаны, другие очень четкие, как для занесения в файлы полиции.

Все отпечатки свежие – они влажные и блестят. Они действительно абсолютно свежие. Эти алые пятна приводят к воспоминанию о расправленных крыльях птицы, которая приготовилась к полету. Она взлетает в небо, стараясь поскорее улететь от опасности.

Я, как околдованный, смотрел на эти отпечатки. У меня перехватило дыхание, сердце мое выпрыгивает из груди.

Эти отпечатки передают ужас, который владел этой женщиной. Она была в отчаянии и сильно сопротивлялась, чтобы не выходить из серого бетонного тамбура, предвещающего тайный мир.

Я не могу идти вперед. Не могу. Я не пойду туда. Я еще мальчик и стою босиком, безо всякого оружия. Я боюсь. Я не готов к тому, чтобы узнать тайну.

Я не помню, чтобы я поднимал правую руку, но она уже лежит на бронзовой ручке. Я открываю красную дверь.

Часть вторая

К истокам

*Я шел по избранной дороге,
Но вдруг как будто грянул гром:
Куда бредут устало ноги?
Кто я? Где я? И где мой дом?
Не этот путь я выбрал
И не сюда стремился,
Мечта другая в даль звала,
И сон другой мне снился.
Мне в надо в сторону свернуть.*

*Где ж поворот? Не знаю.
Но сам я выбираю путь,
Иду – куда желаю.
Я шел по избранной дороге,
Но вдруг как будто грянул гром:
Кто я? Где я? И где мой дом?
Куда бредут устало ноги?¹*
«Книга памятных печалей»

Глава 11

В полдень в пятницу, после беседы с доктором Монделло, Рой Мирó вылетел из международного аэропорта Лос-Анджелеса на самолете компании «Лиерджет», рассчитывая через час быть в Лас-Вегасе. Единственный пассажир на борту, он сидел с тарелочкой очищенных фисташек на коленях и со стаканом хорошо охлажденного «Шардоне» в руке.

Однако за несколько минут до посадки самолет вдруг сменил курс на Флэгстафф в Аризоне. Ливневые потоки, вызванные самым ужасным за последние десять лет ураганом в Неваде, затопили нижние районы Лас-Вегаса. К тому же молния вывела из строя всю жизнеобеспечивающую систему аэропорта «Маккаррен интернэшнл», и он прекратил обслуживание пассажиров.

К тому времени, когда самолет приземлился во Флэгстаффе, было официально объявлено, что «Маккаррен» возобновит работу через два часа, а возможно, и раньше. Рой остался на борту, чтобы не тратить драгоценное время на прохождение контроля при возвращении к самолету, когда станет известно, что полет можно продолжать.

Он прежде всего связался с «Мамой» в Вирджинии, решив использовать ее богатую информацию и связи для того, чтобы преподать урок капитану Гарри Дескоте, полицейскому офицеру в Лос-Анджелесе, которого допрашивал в тот день. Дескоте и так пользуется очень небольшим уважением высшего начальства. А скоро, в добавление к карибской мелодичности, его голос приобретет и нотку покорности.

Позднее Рой посмотрел документальный фильм на одном из трех телевизионных экранов, которые размещались в пассажирских салонах самолетов этой компании. Фильм рассказывал о докторе Джеке Кеворкяне, названном средствами массовой информации «доктор Смерть». Он избрал миссию помогать неизлечимым больным, выразившим желание расстаться с жизнью, хотя за это его преследовали по закону.

Рой был захвачен этой документальной программой и не раз утирал слезы. В середине повествования он даже стал нагибаться и возлагать свою руку на экран каждый раз, когда доктора Джека Кеворкяна показывали крупным планом. Положив свою ладонь на изображение блаженного лица доктора, Рой *чувствовал* чистоту этого человека, его священную ауру, испытывал духовное потрясение.

В справедливом мире, в обществе, основанном на подлинном правосудии, Кеворкяна оставили бы спокойно заниматься своей работой. Рой был подавлен, когда слышал о страданиях этого человека, причиненных ему силами регресса.

Однако он ощущал облегчение, веруя, что скоро наступит день, когда такой человек, как Кеворкян, не будет третироваться, словно пария. Его обнимет благодарная нация, его обеспечат кабинетом, возможностями и жалованьем, соразмерным его вкладу в улучшение мира.

Мир настолько заполнен страданиями и несправедливостью, что *каждый*, кто хочет, чтобы ему помогли покончить жизнь самоубийством, независимо от того, болен он или нет, должен получить такую помощь. Рой страстно верил в необходимость того, чтобы даже те, кто был хронически, но не смертельно болен, включая многих стариков, могли гарантированно получить вечное успокоение, пожелай они этого.

Те, кто не видел мудрости в самоубийстве, однако не должны быть оставлены. Им следует

¹ Перевод К. Маршак.

дать возможность участвовать в свободном побуждении, пока они не сумеют постигнуть неизмеримую красоту того дара, который им предоставлен.

Ладонь на экране. Кеворкян крупным планом. *Ощущение* силы.

Настанет день, когда бессильные не будут больше страдать от боли и унижения. Исчезнут инвалидные коляски и костыли. Не нужны будут собаки-поводыри для слепых. Не потребуются слуховые аппараты, искусственные конечности, изнурительные занятия с логопедами. Будет только покой вечного сна.

Лицо доктора Джека Кеворкяна заполнило весь экран. Улыбающееся. Ох уж эта улыбка!

Рой положил *обе* ладони на теплое стекло. Он распахнул свое сердце и позволил этой чудесной улыбке проникнуть в него. Он раскрыл свою душу и воспарил с духовной силой Кеворкяна.

Возможно, наука генной инженерии сумеет обеспечить, чтобы рождались только здоровые дети, возможно, все они будут красивыми, сильными, крепкими. Они будут *совершенными*. Однако, пока этот день наступит, Рой видел необходимость в программе помощи самоубийцам, которые появились на свет, обладая не всеми пятью чувствами или четырьмя конечностями. В этом вопросе Рой даже опережал Кеворкяна.

В самом деле, когда его тяжелая работа с Агентством будет завершена, когда страна получит сострадающее людям правительство, которое она заслуживает, и окажется на пороге Утопии, он охотно посвятит остаток жизни помощи самоубийцам-младенцам. Он не мог представить более благодарной миссии, чем держать на руках дефективного ребенка, которому делается смертельная инъекция, баюкая это дитя, пока оно покидает несовершенную плоть и переходит в трансцендентный духовный план.

Его сердце исполнилось любовью к тем, кто был менее удачлив, чем он. Хромым и слепым. Калекам и больным, старым и подавленным, слабоумным.

К тому времени, когда открылся аэропорт «Маккаррена» и «Лиерджет» взлетел, предпринимая вторую попытку достичь Лас-Вегаса, документальная программа закончилась. Улыбка Кеворкяна исчезла с экрана. Тем не менее Рой пребывал в состоянии восторга, которое, он был уверен, продлится по крайней мере несколько дней.

Он был полон сил. Ему больше не грозили ни поражения, ни осечки.

В воздухе его настиг телефонный звонок от агента, разыскивающего Этель и Джорджа Порт, бабушку и деда Спенсера Гранта, которые растили его после смерти матери. В соответствии с записями о владении недвижимостью в графстве, Порты когда-то владели домом в Сан-Франциско, адрес которого был указан в военных документах Гранта, но они его продали еще десять лет назад. Покупатели, в свою очередь, перепродали его через семь лет, а новые владельцы, живущие в доме последние три года, никогда не слышали о Портах и не имели представления, где их можно было бы найти. Агент продолжал свои поиски.

Рой был абсолютно уверен, что Портов найдут. Тогда дело повернется в его пользу. Он *чувствовал* силу.

К тому времени, когда самолет приземлился в Лас-Вегасе, наступил вечер. Хотя небо было затянуто тучами, дождь прекратился.

У выхода Роя встретил шофер, который сказал, что его зовут Прок и что машина ждет перед зданием аэропорта. С хмурым лицом он повернулся, ожидая, что Рой последует за ним, не изъясняя никакого желания разговаривать, такой же невоспитанный, как большинство высокомерных метрдотелей в Нью-Йорке.

Рой решил, что его это должно скорее забавлять, нежели задевать.

Неописуемого вида «Шевроле» был незаконно припаркован поблизости. Хотя Прок казался больше, чем его автомобиль, каким-то образом он поместился внутри.

Воздух был прохладным, но Рой нашел его бодрящим.

Из-за того, что Прок поставил выключатель отопления в самое верхнее положение, внутри «Шевроле» было душно, но Рою показалось, что здесь уютно.

Он был в блистательном настроении.

Они ехали в деловую часть города с недозволенной скоростью.

Хотя Прок держался в стороне от центральных улиц, подальше от суеты отелей и казино, блеск залитых неоном авеню отражался в низких облаках. Это красно-оранжево-зелено-желтое небо могло бы показаться видением ада игроку, только что проигравшему свой многодневный бюджет, но Рой нашел его праздничным.

Доставив Роя в штаб-квартиру Агентства в деловой части города, Прок отбыл, чтобы отвезти в отель его багаж.

На пятом этаже высотки Роя поджидал Бобби Дюбуа. Дежуривший вечером Дюбуа был высокий, худощавый техасец с тусклыми карими глазами и волосами цвета зыбучего песка. Одежда на нем висела, словно на огородном чучеле. Несмотря на свою костлявость и угловатость, веснушки, торчащие уши – кривые, словно надгробные камни на заброшенном кладбище; несмотря на то, что ни один самый доброжелательный критик не нашел бы в нем ни одной правильной черты, Дюбуа обладал обаянием свойского парня и приятными манерами, которые отвлекали внимание от того факта, что он являл собой биологическую трагедию.

Иногда Рой изумлялся себе, как мог он, так долго имея дело с Дюбуа, удерживаться от желания прикончить его милосердным образом.

– Этот парень ловкий сукин сын, как он лихо развернулся возле уличного заграждения и покатил в парк развлечений, – говорил Дюбуа, проводя Роя из своего кабинета через холл в помещение спутникового наблюдения. – И эта его собачка, которая кивает головой вверх-вниз, вверх-вниз, как эти новинки – игрушки с пружинкой в шее, которые обычно кладут перед задним стеклом автомобилей. У этой собачки – паралич или еще что?

– Я не знаю, – сказал Рой.

– У моего дедушки однажды была собачка парализованная. По имени Скутер, но мы говорили «Бумер»¹ из-за привычки ужасно громко пукать. Я говорю о собаке, вы понимаете, а не о моем дедушке.

– Разумеется, – сказал Рой, когда они достигли двери в конце холла.

– Бумер был парализован последний год, – говорил Дюбуа, нерешительно взявшись за дверную ручку, – разумеется, он был уже очень старый, так что в этом нет ничего удивительного. Нельзя было смотреть без содрогания на бедного пса. Паралич – это что-то ужасное. Позвольте сказать вам, Рой, что, когда бедняга Бумер поднимал заднюю лапу и выпускал свою струю, весь при этом парализованный, вам хотелось отвернуться или очутиться в каком-нибудь другом штате.

– Наверное, кто-нибудь должен был усыпить его, – сказал Рой, когда Дюбуа открыл дверь.

Техасец последовал за Роем в Центр спутникового наблюдения.

– Ха, Бумер был хорошей старой собакой. Если бы все могло перевернуться, этот старый пес никогда бы не схватил ружье, чтобы «усыпить» моего дедушку.

Рой действительно пребывал в хорошем настроении. Он мог слушать Бобби Дюбуа часами.

Центр спутникового наблюдения располагался в комнате размером шестьдесят на сорок футов. Только двумя из двенадцати компьютерных установок в центре комнаты управляли люди. Это были женщины, сидевшие в наушниках и бормотавшие в микрофоны у рта данные, которые появлялись на их дисплеях. Третий техник работал за ярко освещенным столом, изучая под лупой несколько больших фотонегативов.

Одна длинная стена была занята огромным экраном, на котором была спроецирована карта всего мира. На ней были отражены облачные образования и погодные условия на всей планете.

Непрерывно мигали красные, синие, желтые и зеленые огоньки, показывая местонахождение множества спутников. Часть из них несла оборудование электронной связи, обеспечивающее передачу микроволновых телефонных, телевизионных и радиосигналов.

¹ Boomer – тот, кто создает вокруг себя очень много шума (англ.). Здесь и далее примеч. перев.

Другие вели топографические съемки, наблюдали за эксплуатацией нефтепромыслов, метеоусловиями, звездами, занимались международным шпионажем и внутренним наблюдением, а также выполняли множество иных заданий.

Кто только не был владельцем этих спутников – и общественные корпорации, и государственные агентства, и военные учреждения. Некоторые были собственностью других государств или деловых кругов за пределами США. Однако независимо от места создания или принадлежности каждый спутник на этом дисплее во всю стену мог быть обследован и использован Агентством, и законные операторы оставались в неведении, что в их системы произведено вторжение.

Остановившись перед огромным экраном у подковообразного контрольного пульта, Бобби Дюбуа сказал:

– Этот сукин сын проскакал из Спэйс-Вегас прямо в пустыню, а у наших ребят нет снаряжения, чтобы охотиться там, изображая из себя Лоуренса Аравийского.

– Вы пустили контролера, чтобы проследить за ним?

– Погода слишком быстро испортилась. Настоящий потоп, словно все ангелы на небесах начали мочиться одновременно.

Дюбуа нажал на кнопку, и карта мира на стене растаяла. На ее месте показались переданные со спутника изображения Орегона, Айдахо, Калифорнии и Невады. Показанные с орбиты, эти четыре штата было трудно разграничить, поэтому границы были обозначены оранжевыми линиями.

Западный и южный Орегон, южное Айдахо, север и центр Калифорнии и вся Невада были скрыты под плотным слоем облаков.

– Это прямая передача со спутника. Происходит всего лишь трехминутная задержка для передачи, а потом преобразования цифрового кода обратно в изображение, – объяснил Дюбуа. Восточнее Невады и восточнее Айдахо сквозь облака, пульсируя, пробивался свет. Рой понял, что он наблюдает молнии во время грозы. Это было необычайно красиво. – Сейчас единственная грозовая активность наблюдается у восточной границы урагана. Сохраняются тут и там отдельные дожди, а так до самых окраин Орегона относительное спокойствие. Но мы не можем высмотреть этого сукина сына даже в инфракрасных лучах. Это все равно что разглядывать дно кастрюли сквозь похлебку.

– Сколько времени должно пройти, пока небо очистится? – спросил Рой.

– Там на больших высотах сильный ветер бьет под зад фронту, подталкивая его на восток и юго-восток, так что мы увидим ясность над пустыней Мохав и примыкающей территорией до рассвета.

Наблюдаемый объект, сидящий под ярким солнечным светом и читающий газету, мог быть заснят на пленку с такой высокой разрешающей способностью, что были бы различимы заголовки в его газете. Однако в ясную погоду в незаселенной местности, где не было ни людей, ни животных, отыскать и идентифицировать движущийся объект такого размера, как «Форд-Эксплорер», было нелегко, потому что территория, которую требовалось обследовать, была очень велика. Тем не менее это приходилось делать.

Рой сказал:

– Он мог покинуть пустыню по той или иной дороге, покрытой щебенкой, и за утро уехать далеко.

– Но, черт побери, в этой части штата очень мало проложено дорог. У нас посланы наблюдательные команды во всех направлениях, на каждую приличную дорогу и жалкую тропу. Дороги между штатами – пятнадцатая, федеральное шоссе девяносто пять, федеральное шоссе девяносто три, плюс дороги штата сто сорок шестая, сто пятьдесят шестая и сто шестьдесят девятая. Высматривают зеленый «Форд-Эксплорер» с повреждениями кузова спереди и сзади. Высматривают также мужчину с собакой в любом транспорте. Высматривают мужчину с шрамом на лице. Черт побери, мы заперли эту часть штата. Она непроницаемей, чем зад у москита.

– Если только он не выбрался из пустыни и не вернулся на шоссе до того, как вы

охватили местность вашими людьми.

– Мы действовали очень быстро. В любом случае, для того чтобы пересечь этот участок при таком урагане, у него было меньше времени, чем требуется, чтобы помочиться. На деле, черт побери, ему страшно повезло, если он не завяз где-нибудь, не важно, ехал ли он на четырех колесах или как-то иначе. Завтра мы припилим этого сукина сына.

– Надеюсь, вы окажетесь правы, – сказал Рой.

– Могу держать пари на свой нос.

– А еще говорят, что уроженцы Лас-Вегаса не игроки.

– А каким образом он связан с этой женщиной?

– Хотел бы я знать, – сказал Рой, наблюдая, как молнии сверкают под облаками у переднего края надвигающегося грозового фронта. – А что там в этой записи переговоров между Грантом и старухой?

– Хотите прослушать?

– Да.

– Они начинаются с того, что он впервые называет имя Ханны Рейни.

– Давайте послушаем, – сказал Рой, отвернувшись от дисплея на стене.

По пути обратно в холл и спускаясь в лифте на подземный этаж здания, Дюбуа говорил о лучших заведениях в Вегасе, где можно попробовать хороший «чили»¹, словно у него были основания полагать, что это интересует Роя.

– Тут есть одно место на Парадиз-роуд, где подают такой жгучий «чили», что некоторые, отведав его, так распалываются, что начинают светиться.

Лифт достиг нижнего подземного уровня.

Двери раздвинулись.

Рой вошел в бетонную комнату без окон.

Вдоль дальней стены стояло множество звукозаписывающих аппаратов.

Из-за компьютерной установки посреди комнаты поднялась ошеломляюще роскошная женщина, блондинка с зелеными глазами, настолько прекрасная, что у него перехватило дыхание, а сердце бешено забилося, так что кровяное давление сразу подскочило до опасного уровня. Она была так хороша, что не нашлось бы соответствующих слов, чтобы описать ее, и не сочинили еще такую музыку, чтобы воспеть ее красоту, – настолько великолепна она была. В этом мрачном бункере своим блеском она ослепила его, он не мог вымолвить ни слова.

* * *

Половодье над обрывом исчезло, словно вода, как в ванне, ушла сквозь сливное отверстие. Теперь река стала просто большой канавой.

На обозримом дне ее почва была в основном песчаной, исключительно пористой, так что ливень не оставлял на ней луж. Падающие струи воды быстро впитывались. Поверхность высыхала и становилась твердой почти с такой же скоростью, как перед этим высохшее русло превратилось в бурную, полноводную реку.

Тем не менее, хотя ее «Ренджровер» обладал почти такой же проходимостью, как танк, прежде чем рискнуть и направить его в канал, она прошла весь путь от разрушенной потоком стенки до «Эксплорера» и проверила состояние почвы. Удовлетворенная тем, что ложе прозрачной реки не было глинистым или размокшим, убедившись, что оно обеспечит надежное сцепление, она направила «Ровер» в спуск и остановилась между двух каменных колонн, зажавших «Эксплорер».

Даже сейчас, когда она уже спасла собаку и посадила ее на заднее сиденье, после того как высвободила Гранта из его ремней безопасности, она продолжала изумляться тому необыкновенному положению, в котором увидела «Эксплорер». Ей пришлось невольно склониться над находившимся в бессознательном состоянии мужчиной, когда она заглянула

¹ Популярное в США латиноамериканское блюдо – мясо под острым соусом из перца. Так же называется и сам этот соус.

через большую дыру на месте бокового стекла, но даже если бы она могла разглядеть в темноте еще что-то, она понимала, что это зрелище будет не из приятных.

Бурный поток поднял машину более чем на десять футов, прежде чем опустил к этим каменным клещам на краю обрыва. Теперь, когда вода осталась на самом дне, «Эксплорер» завис всеми четырьмя колесами в воздухе, словно схваченный щипцами, принадлежавшими великану.

Когда она в первый раз увидела это, то застыла в детском изумлении, открыв рот и вытаращив глаза. Она была бы не больше изумлена, если бы увидела летающее блюдо и его неземную команду.

Она была уверена, что Грант или выпал из машины и разбился насмерть, или находится мертвый внутри.

Чтобы подобраться к его машине, женщина должна была подогнать под нее свой «Ровер», так что его задние колеса опасно остановились на самом краю обрыва. Затем она взобралась на крышу, ее голова едва доставала до нижнего края передней дверцы «Эксплорера» справа. Она смогла дотянуться до дверной ручки и, несмотря на то, что находилась в невероятной позе, сумела открыть дверцу.

Наружу вылилась вода. Но больше всего женщину изумила собака. Дрожащая и несчастная, съежившаяся на пассажирском сиденье, она смотрела на нее со смешанным выражением тревоги и мольбы в глазах.

Женщина не хотела, чтобы собака прыгнула на «Ровер» – она могла поскользнуться на гладкой поверхности и повредить лапу или шлепнуться и сломать себе шею.

Хотя было не похоже, что дворняжка собирается выкинуть какой-нибудь собачий номер, она предупредила ее, чтобы та не трогалась с места. Она слезла с «Ровера», подогнала его вперед на пять футов, развернула так, чтобы фары освещали почву под «Эксплорером», снова вышла из машины и позвала собаку, предлагая прыгнуть на песчаное ложе реки.

Ей пришлось долго уговаривать Рокки. Пристроившись на краю сиденья, собака набиралась мужества, чтобы прыгнуть. Но, почти решившись в очередной раз, она в последний момент отворачивала голову и пятилась назад, словно видела перед собой глубокое ущелье, а не всего лишь десяти-двенадцатифутовую высоту.

Наконец женщина вспомнила, как Теда Давидович часто разговаривала со Спаркль, и попыталась применить тот же подход к этой собаке:

– Ну давай же, миленький, иди к маме, иди. Моя маленькая милочка, моя маленькая, хорошенькая крошка... – В машине наверху дворняжка наострила уши и взглянула на нее с некоторым интересом. – Ну давай же, моя дорогая малышка... – Собачка начала дрожать от возбуждения. – Ну приди к своей маме, маленькая... – Пес присел на сиденье, напряг мускулы, приготовившись к прыжку. – Ну прыгни же, малыш, и поцелуй свою маму, маленький, умненький песик...

Она чувствовала себя настоящей идиоткой, но собака прыгнула. Она вылетела из раскрытой дверцы «Эксплорера», зависла, словно изящная арка, в ночном небе и приземлилась на все четыре лапы.

Пес был настолько поражен собственной отвагой, что сначала взглянул вверх на машину, а затем, словно в шоке, повалился, тяжело дыша, набок.

Она должна была втащить собаку в «Ровер» и уложить в грузовом отсеке сразу за передним сиденьем. Собака немедленно выкатилась на нее глаза и лизнула руку.

– Ну и странное ты существо, – сказала женщина, и собака вздохнула.

Затем пришлось снова обойти «Ровер», подогнать его под застрявший «Эксплорер» и влезть в него, чтобы обнаружить Спенсера Гранта, практически без сознания, уткнувшегося в рулевое колесо.

Он что-то бормотал кому-то, словно в полусне, и она стала размышлять, как сможет вытащить его из «Эксплорера», если он вскоре не очнется.

Она пробовала разговаривать с ним, осторожно трясла, но не получила никакого ответа. Он был в угнетенном состоянии духа и дрожал, так что не было никакого смысла плескаться

ему в лицо водой, зачерпнув ее с днища.

Его раны нужно было как можно быстрее обработать, но не это стало основной причиной, по которой она решила втащить его в «Ровер» и увезти отсюда. Его разыскивали опасные люди. С их возможностями, даже задержанные погодой и топографией местности, они найдут его, если она быстро не перевезет его в безопасное место.

Грант разрешил ее дилемму, не просто обрета сознание, а буквально *взорвавшись*, выйдя из своего неестественного сна. С глубоким вздохом и беззвучным криком он выпрямился на сиденье, вмиг покрывшись потом и вздрогнув так сильно, что у него застучали зубы.

Они были сейчас лицом к лицу, разделенные лишь несколькими дюймами, и даже при слабом свете она увидела ужас в его глазах. Хуже того, в них была мрачность, которая передавала его дрожь в глубину ее сердца.

Он говорил настойчиво, хотя истощение и жажда сводили его голос к хриплому шепоту:

– *Никто не знает.*

– Все в порядке, – сказала она.

– *Никто, никто не знает.*

– Спокойнее, с вами будет все в порядке.

– *Никто не знает*, – настаивал он, казалось, его сжигали страх и беда, ужас и слезы.

Ужасная безнадежность наполняла его искаженный голос и каждую черточку его лица до такой степени, что женщина утрачивала дар речи. Бессмысленно было утешать человека, которому определенно являлись тени бедствующих душ в Царстве теней.

Хотя Спенсер смотрел ей прямо в глаза, казалось, что он вглядывается в кого-то или что-то, находящееся далеко от него, и изливает поток слов скорее себе самому, нежели ей:

– *Это цепь, железная цепь, она проходит сквозь меня, через мой мозг, через мое сердце, через мои внутренности, и нельзя освободиться от нее, нельзя бежать.*

Он опалил ее. Она думала, что ее нельзя так напугать. По крайней мере, не так легко и определенно уж не словами. Но он пугал ее безумно.

– Давай, Спенсер, – сказала она. – Надо двигаться, о'кей? Помоги мне вытащить тебя отсюда.

* * *

Когда мужчина с немного пухлыми щеками и мигающими глазками вышел из лифта в подвальном помещении без окон, он замер на месте и уставился на Еву, как голодный человек мог бы взирать на вазу персиков с кремом.

Ева Джаммер привыкла к тому, что воздействует на мужчин с мощным эффектом. Когда она работала шоу-герл, выступая без лифчика на подмостках среди других красавиц, и тогда взоры всех мужчин выделяли ее из множества женщин и следовали за ней, словно что-то в ее лице и фигуре не просто привлекало глаз, но поражало какой-то гармонией, словно таинственная песня сирены. Она притягивала к себе мужские взоры столь же неизменно, как искусный гипнотизер овладевает сознанием субъекта, помахивая перед ним золотым медальоном на цепочке или просто производя размеренные пассы руками.

Даже бедный маленький Термон Стуки – дантист, который, на свою беду, очутился в гостиничном лифте с двумя гориллами, у которых Ева взяла два миллиона наличными, был поражен ее очарованием в тот самый момент, когда от испуга не мог даже подумать о сексе. Стоя в лифте рядом с трупами головорезов под дулом револьвера тридцать восьмого калибра, направленного ему в лицо, Стуки переводил свой взгляд с револьвера на пышные холмы, приоткрытые низким вырезом Евиного свитера. Нажимая на курок, Ева поняла по блеску его близоруких глаз, что последней мыслью дантиста было не «Господи, помоги мне!», а «Вот это пара!».

Словом, когда ее представили Рою Миро, она ощутила что-то необычное. Трепет в сердце. Легкую дезориентацию, в которой, однако, не было ничего неприятного.

То, что она почувствовала, не могло бы быть названо желанием. Желания Евы все были окончательно взвешены и обозначены, и периодическое их удовлетворение достигалось с математической расчетливостью, не уступающей точности, с какой машинисты поездов в фашистской Германии соблюдали расписание. У нее не было ни времени, ни терпения на спонтанные действия в бизнесе или в личных делах. Вторжение незапланированной страсти было так же отвратительно ей, как, скажем, необходимость съесть червей.

Несомненно, однако, что она чувствовала *что-то* с первого же момента, как только увидела Роя Миро. И минута за минутой, когда они обсуждали запись разговора Грант – Давидович, а затем прослушивали ее, особый интерес к Рою возрастал. Незнакомая дрожь предчувствия охватила ее тело, когда она задумалась, как могут повернуться события.

За всю жизнь она так и не определила, какие качества в мужчине могли бы вызвать ее восхищение. Он выглядел достаточно привлекательно, с веселыми голубыми глазами, лицом мальчика-херувима и обольстительной улыбкой, но он не был красавцем в общепринятом смысле этого слова. В нем было пятнадцать фунтов лишнего веса, он был слишком бледен, и не похож, чтобы богат. Он одевался с меньшим тщанием, чем проповедники, разносившие по домам религиозные брошюры.

Миро часто просил ее повторить кусок из записи, словно содержащий ключ, который требовал внимания, но она понимала, что он просто загляделся на нее и что-то пропустил.

Для них обоих, Евы и Миро, Бобби Дюбуа как бы перестал существовать. Несмотря на его рост и неуклюжесть, несмотря на его живописную и безостановочную болтовню, Дюбуа для них обоих представлял не больше интереса, чем голые бетонные стены бункера.

Когда все в записи было прослушано и переслушано, Миро, после некоторых рассуждений и раздумий, пришел к заключению, что он ничего не сможет поделаться с Грантом в настоящее время. Оставалось только ждать: ждать, когда он объявится где-то, ждать, пока небо очистится настолько, что можно будет начать поиск со спутника, ждать, когда поисковые команды в поле нащупают что-нибудь, ждать, когда вернутся агенты, исследующие другие аспекты этого дела в других городах. Потом он спросил Еву, не одна ли она ужинает сегодня.

Она приняла приглашение с нехарактерным отсутствием застенчивости. У нее было возрастающее ощущение, что она откликается мужчине, обладающему какой-то тайной властью, силой, большей частью скрытой, лишь сквозившей в самоуверенности его легкой улыбки и в этих синих-синих глазах, которые открыты только для веселья, словно этот человек всегда ожидал, что будет смеяться последним.

Хотя Миро заказал машину от бюро Агентства, когда был в Вегасе, он поехал с Евой в «Хонде» в ее любимый ресторан на Фламинго-роуд. Отражение моря неоновых огней в плывущих низких облаках наполняло ночь волшебством.

Она рассчитывала, что за ужином, выпив с ним пару стаканов вина, узнает его получше и к десерту поймет, чем он восхищает ее. Однако его искусность в беседе была эквивалентна его взорам: достаточно приятно, но слишком отвлеченно, чтобы выдать что-либо. Ничто из того, что говорил Миро, ничто из того, что он делал – ни жест, ни взгляд, – не приблизили Еву к пониманию того курьезного интереса, который он вызвал у нее.

К тому времени, когда они покинули ресторан и пересекли автостоянку, направляясь к ее машине, она была раздражена и растерянна. Она не знала, должна ли пригласить его к себе или нет. Она не хотела заниматься с ним сексом. Это было впечатление не того рода. Конечно, некоторые мужчины открывают свое подлинное лицо, когда занимаются сексом: тем, что они любят делать, тем, как они это делают, что они говорят и как ведут себя в то время и после. Но ей не хотелось вести его домой, заниматься с ним любовью, потеть, отдаваться всей этой отвратительной рутине и *по-прежнему* не понимать, что в нем так заинтриговало ее.

Она оказалась перед дилеммой.

Затем, когда они уже подходили к ее машине и холодный ветер завывал в рядах пальмовых деревьев, а воздух был напоен запахом жаренных на древесном угле стейков,

исходившим от ресторана, Рой Миро совершил нечто самое неожиданное и жестокое из всего, что Ева когда-либо видела за свои тридцать два года, насыщенные жестоким опытом.

* * *

В какой-то момент, уже после извлечения из «Эксплорера» и перемещения в «Ренджровер» (может быть, прошло две минуты или час, или тридцать дней и тридцать ночей – Спенсер не знал), он очнулся и увидел мчавшиеся шары перекати-поля. Темные кактусы мелькали в свете фар.

Он повернул голову влево и увидел Валери за рулем.

– Привет.

– Привет.

– Как вы сюда попали?

– Сейчас это вам сложно понять.

– А я сам сложный парень.

– Не сомневаюсь в этом.

– Куда мы едем?

– Подальше отсюда.

– Это хорошо.

– Как вы себя чувствуете?

– Мутит.

– Только не описайтесь на сиденье, – сказала она с явной насмешкой.

– Я постараюсь, – ответил он.

– Хорошо.

– Где моя собака?

– А кто, по-вашему, лижет вам ухо?

– Ох.

– Она прямо за вами.

– Привет, приятель.

– Как ее зовут? – спросила она.

– Рокки.

– Вы, должно быть, шутник.

– Почему?

– Это имя. Не соответствует.

– Я так назвал ее, чтобы придать ей побольше уверенности.

– Но это не действует, – сказала она.

Впереди показались какие-то странные каменные нагромождения, словно храмы богам, забытым еще до того, как человеческие существа получили представление о времени и научились считать проходящие дни. У Спенсера они вызывали трепет, а она вела машину среди каменных глыб с большим опытом, маневрируя, спускаясь вниз по пологому холму в обширную, темную долину.

– Никогда не знал его настоящего имени, – сказал Спенсер.

– Настоящего имени?

– Как его звали щенком.

– Но не Рокки?

– Видимо, нет.

– Не был ли он раньше Спенсером?

– Его никогда не звали Спенсер.

– Значит, в голове у вас достаточно прояснилось, чтобы быть уклончивым.

– Не совсем. Просто привычка. А как вас зовут?

– Валери Кин.

– Лгунишка.

Он снова отключился на какое-то время. Когда он пришел в себя, вокруг по-прежнему простиралась пустыня: песок и камни, кустарники и перекасти-поле, и темнота, пронизываемая лучами фар.

– Валери, – сказал он.

– Да?

– Как ваше настоящее имя?

– Бесс.

– А дальше?

– Беер.

– Назовите по буквам.

– Б-е-е-р.

– В самом деле?

– В самом деле. На сейчас.

– Что это значит?

– Что значит, то и значит.

– Это значит, что сейчас это ваше имя после Валери.

– И что?

– А какое было имя до Валери?

– Ханна Рейни.

– Да, – сказал он, сознавая, что в нем пока работают лишь четыре цилиндра из шести. – А раньше?

– Джина Делюцио.

– А оно настоящее?

– Звучит как настоящее.

– Это имя, с которым вы родились?

– Вы имеете в виду имя, которое я носила щенком?

– Да. Так как вас звали, когда вы были щенком?

– Меня никто давным-давно не зовет моим щенячьим именем.

– Вы очень забавная.

– Вам нравятся забавные женщины?

– Должно быть.

– Значит, так, забавная женщина, – сказала она, словно читала раскрытую страницу, – трусливая собачонка и загадочный мужчина едут по пустыне в поисках своих настоящих имен.

– В поисках места, где можно стошнить.

– О нет.

– О да.

Она нажала на тормоза и распахнула дверцу.

Когда он проснулся, они все еще ехали по пустыне.

– У меня во рту ужасный привкус.

– Я не сомневаюсь в этом.

– Как ваше имя?

– Бесс.

– Брехня.

– Нет, Беер. Бесс. Беер. А как ваше имя?

– Мои преданные друзья индейцы называют меня Кемосэйб.

– Как вы себя чувствуете?

– Дерьмово, – ответил он.

– Ага, выходит, вот что означает «Кемосэйб».

– Мы когда-нибудь остановимся?

– Нет, пока над нами густая облачность.

– А какое значение имеет облачность?

- Спутники, – ответила она.
- Вы самая странная женщина, которую я когда-либо встречал.
- А вы еще подождите.
- Как, *черт возьми*, вы нашли меня?
- Может быть, я телепат.
- А вы телепат?
- Нет.

Он вздохнул и закрыл глаза. Он был почти уверен, что кружится на карусели.

- Мне было назначено найти *вас*.
- Сюрприз.
- Я хотел помочь вам.
- Спасибо.

Он упустил миг пробуждения. Некоторое время были только тишина и спокойствие. И тогда он вышел из тьмы и открыл красную дверь. Там были крысы в катакомбах.

* * *

Рой выкинул сумасшедший номер. Когда он уже совершал все, он даже сам изумился риску, на который шел.

Он решил, что перед Евой Джаммер будет самым собой. Не скрывая своей подлинной сущности. Его глубоко завершенной, сострадательной, любящей сущности, которую он и наполовину не приоткрывал в том вкрадчивом, бюрократичном функционере, каким он представлял перед большинством людей.

Рой хотел рискнуть с этой сногшибательной женщиной, потому что он ощущал, что ее ум был столь же великолепен, как ее прекрасное лицо и роскошное тело. Эта женщина была настолько близка к эмоциональному и интеллектуальному совершенству, что могла понять его, как никто другой.

Во время ужина они не сумели найти ключи к душам друг друга, но они жаждали соединения – это было их судьбой. Когда они покидали ресторан, Рой был озабочен тем, что момент, может быть, упущен и их судьба не сложится как надо. Поэтому он пустил в ход силу, которой одарил его доктор Кеворкян совсем недавно с телевизионного экрана в самолете. Он нашел в себе мужество открыть тайну своего сердца Еве и подстегнуть судьбу.

На автостоянке за рестораном, в некотором отдалении от Евиной «Хонды» припарковался голубой «Додж»-фургон, из него появились мужчина и женщина, видимо, приехавшие поужинать. Им обоим было за сорок, мужчина передвигался в инвалидной коляске. Электрический подъемник, управляемый им без посторонней помощи, спустил его на землю через боковую дверцу фургона.

Больше никого на автостоянке не было.

– Я отойду на минутку, – сказал Рой Еве, – только поздороваюсь.

– Хм?

Рой подошел прямо к «Доджу».

– Добрый вечер, – произнес он, нащупывая под пальто свою кобуру.

Пара взглянула на него, потом оба сказали:

– Добрый вечер, – с некоторым замешательством в голосе, словно пытались припомнить, встречали ли они его раньше.

– Я чувствую вашу боль, – сказал Рой, вынимая пистолет.

И он выстрелил мужчине в голову.

Его вторая пуля была направлена в горло женщине, но не прикончила ее, та упала на землю, забавно подергиваясь.

Рой обошел мертвого мужчину в инвалидной коляске. Женщине на земле он сказал:

– Извините, – и выстрелил в нее снова.

Новый глушитель на «беретте» действовал прекрасно. Под февральским ветром,

завывающим между пальмами, ни один из трех выстрелов не был слышен на расстоянии десяти футов.

Рой повернулся к Еве Джаммер.

Она выглядела потрясенной.

Он подумал, не был ли он слишком импульсивным для первого свидания.

– Это печально, – сказал он, – что некоторые люди вынуждены терпеть, как складывается их жизнь.

Ева взглянула на тела, потом встретилась глазами с Роем. Она не закричала и даже не произнесла ни слова. Конечно, она могла быть в шоке. Но он не думал, что именно из-за этого эпизода. Казалось, она силилась понять, в чем дело.

Может быть, теперь все будет как надо.

– Я не могу их там оставить, – сказал он, убрав пистолет в кобуру и натянув перчатки. – Они имели право сохранить достоинство.

Пульт управления подъемником находился на подлокотнике кресла-каталки. Рой нажал на кнопку, и кресло с мертвецом поднялось над стоянкой.

Рой вошел в фургон через отодвигавшуюся на роликах дверь и вкатил коляску внутрь.

Полагая, что мужчина и женщина были мужем и женой, Рой продумал подобающую неожиданную сцену. Ситуация была настолько очевидной, и у него не было времени проявлять оригинальность. Он должен был повторить все, что сделал с Беттонфилдами вечером в среду в Беверли-Хиллз.

Высокие фонари хорошо освещали автостоянку. В открытую дверцу проникало достаточно света, чтобы позволить ему выполнить свою работу.

Он поднял мертвого мужчину из его кресла и положил на пол лицом вверх. В фургоне не оказалось коврика. Рой посожалел об этом, но под рукой не было ни дорожки, ни одеяла, чтобы обустроить последний приют пары более комфортно.

Он затолкал кресло в угол, чтобы оно не мешало.

Выйдя из машины, Рой поднял мертвую женщину и положил ее внутрь фургона. Ева не спускала с него глаз. Потом он влез опять в машину и положил женщину рядом с мужем. Подняв ее правую руку, он соединил ее с левой рукой мужа.

Глаза женщины были широко открыты, у мужа был приоткрыт один глаз. Рой уже хотел закрыть их своими пальцами в перчатке, когда его осенила другая идея. Он поднял веко закрытого глаза у мужчины и выждал, надеясь, что глаз останется открытым. Так и произошло. Тогда он повернул голову мужчины влево, а голову женщины вправо, так что теперь они глядели в глаза друг другу, в вечность, в которую они отошли, найдя приют гораздо лучший, чем Лас-Вегас в Неваде, чем любое другое место в этом мрачном, несовершенном мире.

Он присел на мгновение в ногах трупов, любуясь своей работой. Нежность, выраженная в их позе, бесконечно умиляла его. Очевидно, они любили друг друга и теперь были вместе навсегда, как желали бы того все любовники.

Ева Джаммер стояла у раскрытой двери и смотрела на мертвую пару. Казалось, даже ветер пустыни признавал ее исключительную красоту и ценил ее, разделяя ее золотые волосы на красивые струи. Казалось, что ветер не обдувал ее, а лелеял.

– Это так печально, – сказал Рой. – Ну что за жизнь они вели: он, прикованный к инвалидной коляске, и она, привязанная к нему узами любви? Их жизнь была так ограничена его немощью, их будущее приковано к этому проклятому креслу. Сейчас им намного лучше.

Рой выбрался из фургона и, бросив последний взгляд на любящую пару, задвинул дверь.

Ева уже ждала за рулем своей машины, включив мотор. Если бы она была напугана, то могла бы попытаться уехать без него или убежать обратно в ресторан.

Он сел в «Хонду» и застегнул ремень безопасности.

Они сидели в молчании.

Она была интуитивно убеждена, что он не убийца, и то, что он сделал, было моральным актом, и действовал он на ином, более высоком уровне, чем средний человек. Ее молчание

лишь свидетельствовало о том, что она прилагает усилия, чтобы перевести интуитивное постижение в интеллектуальную концепцию и тем самым более полно понять его.

Она отпустила сцепление, и машина выехала с автостоянки.

Рой снял свои кожаные перчатки и сунул их во внутренний карман пальто.

Некоторое время Ева просто направляла машину вдоль ряда жилых домов. Ехала, лишь бы ехать, неизвестно куда.

Для Роя же огни, которые мерцали в этом скопище домов, уж больше не казались ни неясными, ни таинственными, какими они представлялись в другие вечера и в других городах, когда он в одиночестве проезжал по схожим улицам. Теперь они были просто печальными: ужасно печальные маленькие огни, освещавшие мелкие печальные жизни людей, которые никогда не будут наслаждаться страстным приобщением к идеалу, подобно Рою, сумевшему обогатить свою жизнь. Эти маленькие печальные люди никогда не вырастут над стадом, как вырос он, никогда не испытают трансцендентных отношений с кем-нибудь таким же исключительным, как Ева Джаммер.

Когда наконец прошло достаточно времени, он сказал:

– Я стремлюсь к лучшему миру. И даже более того, Ева. – Она ничего не ответила. – Совершенному во всем, – произнес он тихо, но с огромным убеждением. – Совершенным законам и совершенному правосудию. Совершенной красоте. Я мечтаю о совершенном обществе, где каждый наслаждается совершенным здоровьем, совершенным равенством; в котором вся экономика действует как идеально отлаженная машина; где все живут в гармонии друг с другом и с природой; где никто никого не оскорбляет и не подвергается оскорблениям; где *все* мечты совершенно рациональны и значительны; где все мечты становятся реальностью...

Он был так захвачен своим монологом, что в конце у него дрогнул голос и пришлось сдерживать слезы.

И опять она ничего не сказала.

Ночные улицы. Освещенные окна. Маленькие дома, маленькие жизни. Так много растерянности, печалей, мольбы и отчуждения в этих домах.

– Я делаю что могу, – сказал он, – чтобы превратить мир в идеальный. Я соскребаю с него некоторые несовершенные элементы и шлифую его дюйм за дюймом. О нет, я не думаю, что могу изменить этот мир. Нет, в одиночку ни я, ни даже тысячи и сотни тысяч таких, как я, этого не сделают. Но я зажигаю маленькую свечу везде, где только могу, одну маленькую свечу за другой и отодвигаю одну тень за другой.

Они уже были в восточной части города, почти на окраине, въезжали в высоко расположенный и менее населенный район, чем те, которые они проехали раньше. На перекрестке Ева вдруг сделала подковообразный разворот и направилась обратно к морю огней, из которого они только что выбрались.

– Ты можешь сказать, что я мечтатель, – допустил рой, – но я не один такой. Я думаю, Ева, что ты тоже мечтательница в своем роде. Если ты согласна, что ты мечтательница... может быть, если все мы, мечтатели, признаем это и объединимся, то мир в какой-то день начнет существовать как одно целое.

Ее молчание было теперь глубоким.

Он осмелился взглянуть на нее: она казалась опустошенной. Его сердце забилося тяжелее и медленнее и словно опустилось под грузом ее красоты.

Когда наконец она заговорила, ее голос дрожал:

– Ты ничего не взял у них.

Не страх заставлял ее голос дрожать, когда слова текли из ее красивого горла и сочного рта, – но скорее огромное возбуждение. А ее прерывающийся голос, в свою очередь, возбуждал Роя.

– Нет, ничего, – сказал он.

– Даже деньги из ее сумочки и его бумажника.

– Конечно, нет. Я не тот, кто отбирает. Я тот, кто дает.

– Я никогда не видела... – Казалось, она не могла подобрать слова для того, чтобы описать, что он сделал.

– Да, я знаю, – сказал он, наслаждаясь ее смятением.

– ...никогда не видела такую...

– Да.

– ...никогда такую...

– Я знаю, дорогая. Я знаю.

– ...такую *силу*, – сказала она.

Это было не то слово, которое, как он думал, она искала. Но она произнесла его с такой страстью, наполнила такой эротической энергией, что он не ощутил разочарования, хотя она еще не постигла полного значения того, что он сделал.

– Они просто направлялись поужинать, – сказала Ева возбужденно. Она вела машину безрассудно быстро. – Просто отправились поужинать, обычный вечер, ничего особенного, и – *ба-бах!* – ты обрушиваешься на них! О Господи, ты приканчиваешь их, и не для того, чтобы отнять что-нибудь; и даже не потому, что они где-то перебежали тебе дорожку или еще что-нибудь в этом роде. А просто для меня. Просто для меня, чтобы показать мне, кто ты есть на самом деле.

– Что ж, да, для тебя, – сказал он. – Но не только для тебя, Ева. Ты не понимаешь? Я устранил две несовершенно созданных жизни и тем чуть-чуть приблизил мир к совершенству. В то же самое время я избавил двух несчастных людей от бремени их жестокой жизни, в которой не могли сбыться их надежды. Я что-то дал этому миру и что-то этим бедным людям, тут никто ничего не потерял.

– Ты как ветер, – молвила она, едва дыша, – ты как фантастический штормовой ветер, ураган, торнадо, и нет метеоролога, который мог бы предостеречь о твоём приближении. Ты обладаешь силой шторма, мощью природы – выметающей в никуда, без причины! *Черт!*

Огорченный, что она не уловила сути, Рой сказал:

– Подожди, подожди минутку, Ева, выслушай меня.

Но она была настолько возбуждена, что не могла дальше вести машину. Она свернула к тротуару и нажала на тормоза с такой силой, что Рой неминуемо врезался бы головой в ветровое стекло, если бы не был пристегнут ремнями.

Рванув ключ зажигания с такой силой, что чуть не сломала его, Ева повернулась к Рою:

– Ты землетрясение, настоящее землетрясение. Люди могут прогуливаться беззаботно, солнышко сияет, птички поют – а потом земля разверзается и просто поглощает их.

Она засмеялась восторженно. Это был девчоночий, заливистый, мелодичный смех, настолько заразительный, что Рой с трудом удержался, чтобы не расхохотаться вместе с ней.

Он взял ее ладони в свои. У нее были красивые руки, с длинными пальцами, исключительной формы, похожие на руки Джиневры, и их прикосновение дарило больше, чем заслуживал любой мужчина.

– Послушай, Ева. Ты должна понять. Это чрезвычайно важно, чтобы ты поняла.

Она сразу стала серьезной, почувствовав, что они достигли самой решающей точки в их отношениях. Когда она становилась такой, почти мрачной, то была даже более прекрасной, чем когда смеялась.

Он сказал:

– Ты права. Это великая сила. Самая великая из всех, вот почему ты должна иметь полное представление о ней.

Хотя свет в кабине исходил лишь от приборной панели, Евины зеленые глаза сверкали, словно отражали лучи летнего солнца. Это были превосходные глаза, такие же безупречные и неотразимые, как глаза той женщины, за которой он охотился весь последний год, чью фотографию носил в своем бумажнике.

Левая *бровь* Евы была также совершенной. Но какая-то легкая неправильность присутствовала в дуге над правым глазом. Эта бровь, к сожалению, чуть выступала, нарушая симметрию с совершенной левой.

Но это пустяк. Это он сумеет пережить. Он просто должен фокусировать свой взгляд на ее ангельских глазах под бровями и на каждой несравненной кисти мускулистых рук. Несмотря на недостатки, Ева была единственной женщиной из всех встреченных им когда-либо, которая обладала более чем одной совершенной чертой. Когда-либо, когда-либо, когда-либо. И ее сокровищами были не только руки и глаза.

– В отличие от любой другой силы, Ева, она не порождается гневом, – объяснил он, желая, чтобы эта драгоценная женщина поняла его миссию и его глубокую внутреннюю сущность. – И она не порождается ненавистью. Это не сила ярости, зависти, горечи, жадности. Эта не та сила, которую некоторые люди черпают в мужестве или славе или которую они получают от веры в Бога. Она превосходит все эти силы, Ева. Ты знаешь, что это такое? – Она была восхищена и не способна говорить. Она только покачала головой: «Нет». – Моя сила, – сказал он, – это сила сострадания.

– Сострадания, – прошептала она.

– Сострадания. Если ты пытаешься понять других людей, почувствовать их боль, по-настоящему понять муку их жизни, полюбить их, невзирая на их ошибки, тебя охватывает такая жалость, такая всеобъемлющая жалость, что становится невыносимо. Она требует высвобождения. И ты погружаешься в неизмеримое, неисчерпаемой силы сострадание. И ты *действуешь*, чтобы высвободить страдание, чтобы облегчить мир, приблизив его хоть на волосок к совершенству.

– Сострадание, – снова прошептала она, будто никогда раньше не слышала этого слова или впервые постигла с помощью Роя его неведомый смысл.

Рой не мог оторвать глаз от ее рта, когда она повторила это слово дважды. Ее губы были божественны. Он не мог понять, почему раньше думал, что губы Мелиссы Виклун совершенны. Для того, кто видел губы Евы, губы Мелиссы казались даже менее привлекательными, чем у отвратительного прокаженного. У Евы были губы, рядом с которыми самые зрелые сливы выглядели бы такими же увядшими, как чернослив; рядом с которыми сладчайшая клубника казалась бы кислой.

Играя роль Генри Хиггинса рядом со своей Элизой Дулиттл, Рой преподавал ей первый урок моральной утонченности.

– Когда ты руководишься исключительно состраданием, когда не преследуешь никакой личной цели, тогда *любой* акт морален, абсолютно морален, и ты не обязан давать никому никаких объяснений, никогда. Действуя из сострадания, ты навсегда освобождаешься от сомнений, и в этом сила, не похожая ни на какую другую.

– Любой акт, – сказала она, настолько захваченная этой концепцией, что едва могла вздохнуть.

– Любой, – заверил он ее.

Она облизала губы.

О Господи, ее язык был таким нежным, так интригующе блестел, так чувственно скользнул по ее губам, был так *совершенен*, что искренние проявления экстаза вырвались из него раньше, чем он вполне осознал это.

Совершенные губы. Совершенный язык. Если бы только ее подбородок не был столь трагически плотским. Другие могли думать, что это подбородок богини, но Рой был одарен большей чувствительностью к несовершенству, чем другие мужчины. Он остро сознавал, что некоторый избыток плоти в ее подбородке придавал ему едва уловимую *пухлость*. Он должен просто фокусировать свой взгляд на ее губах, ее языке и не спускать его с них.

– И как много ты их сделал? – спросила она.

– Сделал? А, ты имеешь в виду то, что у ресторана.

– Да. Сколько?

– Хм... Я не считал. Должно быть... Я не знаю... Это может показаться хвастовством, но я не хочу похвалы. Нет. Я получаю удовлетворение от того, чтобы делать то, что считаю правильным. Это сугубо личное удовлетворение.

– Но сколько? – настаивала она. – Хотя бы приблизительно.

– Ох, право же, не знаю. За столько лет... пару сотен, несколько сотен, что-то в таком роде.

Она закрыла глаза и задрожала.

– Когда ты делаешь их... сразу перед тем, как ты делаешь их и они смотрят тебе в глаза, они боятся?

– Да, но я бы хотел, чтобы они не боялись. Я бы хотел, чтобы они видели, что я понимаю их мучения, что я действую из сострадания и что все произойдет быстро и без боли.

Все еще не открывая глаз, в полуобмороке, она сказала:

– Они глядят в твои глаза и видят силу, которой ты обладаешь над ними, силу *шторма*, и они боятся.

Он отпустил ее правую руку и прикоснулся пальцем к ее лицу сразу над основанием совершенного носа. Это был нос, рядом с которым все другие красивые носы казались такими же бесформенными, как «нос» у скорлупы кокосового ореха. Медленно он провел пальцем по ее лицу и сказал:

– Ты. Обладаешь. Самой. Совершенной. Переносицей. Какую. Я. Когда-либо. Видел.

При последнем слове он коснулся указательным пальцем ее переносицы и ровного участка прямо над ее носом между безупречной левой бровью в виде арки и чуть выступающей, к сожалению, правой.

Хотя ее глаза были закрыты, Ева не вздрогнула от неожиданного прикосновения. Словно они уже давно были близки, она предчувствовала каждое его намерение и малейшее движение, даже не видя и не слыша его.

Он отнял свой палец от ее лица.

– Ты веришь в судьбу?

– Да.

– Мы и *есть* судьба.

Она открыла глаза и сказала:

– Давай поедem обратно, ко мне.

По дороге она без конца нарушала правила уличного движения. Рой не одобрял этого, но воздерживался от критики.

Она жила в маленьком двухэтажном доме в недавно застроенном квартале. Дома здесь были почти одинаковые.

Рой, ожидавший чего-то романтического, был разочарован. Он напомнил себе, что Ева хоть и сногшибательна, но всего лишь, к сожалению, не слишком высокооплачиваемая служащая.

Сидя в «Хонде» в ожидании, когда полностью поднимется автоматическая дверь гаража, он спросил:

– Как может такая женщина, как ты, торчать в этом агентстве?

– Я хотела получить работу, и мой отец постарался, чтобы я ее получила, – сказала она, заводя машину в гараж.

– А кто твой отец?

– Мерзкий сукин сын, – ответила она. – Я ненавижу его. Пожалуйста, Рой, не вникай в это. Не порть настроение.

Чего он меньше всего желал, так это испортить ей настроение.

Выйдя из машины и роясь в своей сумочке в поисках ключа, Ева вдруг стала нервной и неловкой. Она повернулась и придвинулась к нему:

– О Господи, я никак не могу перестать думать о том, как ты сделал их, как ты просто подошел и сделал их. Было столько *силы* в том, как ты это сделал. – Она прямо кипела от желания. Он мог чувствовать, как исходящий от нее жар вытеснял из гаража февральский холод. – Ты должен научить меня многому, – сказала она.

Наступил поворотный момент в их отношениях. Рой должен был объяснить еще одну вещь относительно себя. Ему не хотелось выкладывать все из-за боязни, что она не поймет

еще одну его причуду так же легко, как впитала и приняла то, что он говорил ей о силе сострадания. Но он больше не мог оттягивать.

Когда Ева снова углубилась в свою сумочку и наконец извлекла из нее связку ключей, Рой сказал:

– Я хочу видеть тебя раздетой.

– Да, дорогой, да, – ответила она, и ключи зазвенели в ее пальцах, перебиравших их в поисках нужного.

– Я хочу видеть тебя абсолютно голой.

– Абсолютно, да, все, что ты хочешь.

– Я хочу узнать, вся ли ты так же совершенна, как твое лицо и руки.

– Ты такой замечательный, – проговорила она, торопливо вставляя ключ в замочную скважину.

– От подошв твоих ног до изгиба твоего позвоночника, до мочек твоих ушей, до пор кожи на твоей голове я хочу увидеть каждый дюйм твоего тела, чтобы не осталось ничего скрытого, ничего.

Войдя в дом, она зажгла свет в кухне и проговорила:

– О, ты так много хочешь, потому что ты такой *сильный*. Каждую щелочку, дорогой, каждый дюйм, каждую складочку.

Она бросила ключи и сумочку на кухонный стол и начала снимать пальто, он тут же запустил под него свои руки и сказал:

– Но это не означает, что я хочу раздеться... или что-то еще. – Это остановило ее, она моргнула. Он сказал: – Я хочу видеть. И касаться тебя, но не более. Когда что-то выглядит так совершенно, то хочется только касаться, почувствовать, такая же эта кожа гладкая и шелковистая, какой кажется, попробовать ее упругость, ощутить, так же эластичны эти мышцы, как выглядят. Ты не должна меня трогать вообще. – Тут он заспешил, опасаясь, что потеряет ее. – Я хочу заняться с тобой любовью, любить самые прекрасные части твоего тела, страстно наслаждаться тобой – моими глазами, легкими быстрыми прикосновениями, возможно, но ничего более. Я не хочу отравлять этого, делая то, что... другие люди делают. Не хочу унижить это. Не нуждаюсь в подобных вещах.

Она пристально смотрела на него так долго, что он собрался спасаться бегством.

Неожиданно Ева пронзительно взвизгнула, и Рой отступил назад. Оскорбленная и униженная, она могла накинуться на него, расцарапать лицо, выцарапать глаза.

Но тут, к своему изумлению, он увидел, что она хохочет, но беззлобно и без насмешки. Она смеялась от чистого удовольствия. Она согнулась и пронзительно визжала, словно школьница, и ее невероятные зеленые глаза сияли от восторга.

– Господи, – сказала она, вся трепеща, – ты даже лучше, чем кажешься, даже лучше, чем я думала, лучше, чем я могла надеяться. Ты совершенство, Рой, ты совершенство, совершенство.

Он неуверенно улыбнулся, еще не полностью освободившись от подозрения, что она собирается вцепиться в него.

Ева схватила его за руку и потащила через кухню, через столовую, на ходу включая везде свет и говоря:

– Мне хочется... если ты хочешь *этого*. Я не желаю ничего другого, этого лапанья и хватания, этого потения, мне отвратительно чувствовать на себе пот другого человека, противно это скольжение и прилипание к другому потному телу, я не выношу всего этого, меня просто *тошнит*.

– Флюиды, – произнес он с отвращением. – Что может быть сексуального во флюидах другого человека, в обмене флюидами?

Увлекая его за собой по коридору со все возрастающим возбуждением, Ева сказала:

– Флюиды, Господи, разве от этого не хочется умереть, просто *умереть*, со всеми этими флюидами, которые обязательно появляются в таком количестве, что просто становится *мокро*. Все они хотят лизать и сосать мои груди, вся эта слюна, это так

омерзительно, и засовывают свой язык мне в рот...

– *Слюна!* – сказал он, скорчив гримасу. – Ну что эротичного в обмене слюной, скажи, ради Бога? – Они подошли к двери в ее спальню. Он остановил ее у врат рая, который они собирались создать вместе. – Если я когда-нибудь и поцелую тебя, – предупредил он, – то это будет сухой поцелуй, сухой, как бумага, сухой, как песок. – Ева дрожала от возбуждения. – Без языка, – поклялся он, – даже губы не будут влажными.

– И никогда губы в губы взасос!

– ... потому что даже при сухом поцелуе...

– ...мы обмениваемся...

– ...дыханием...

– ...и в дыхании есть влага...

– ...испарение из легких...

С радостью в сердце, слишком сладостной, чтобы сдерживать ее, Рой понял, что эта блистательная женщина, безусловно, нравилась ему больше, чем тогда, когда он вышел из лифта и впервые увидел ее. Они были два голоса, слившиеся в гармонии, два сердца, бьющиеся в унисон, две души, воспарившие в одной песне. – Ни один мужчина никогда не был в этой спальне? – сказала она, переводя его через порог. – Только ты. Только ты.

Часть стены справа и слева от кровати, так же как и часть потолка прямо над нею, были зеркальными. Остальное пространство стен и потолка было обтянуто темно-синим атласом точно того же оттенка, что и ковер. В углу стояло единственное кресло, обтянутое серебристым шелком. Два окна прикрывали блестящие никелированные жалюзи. Кровать была современной, со срезанными углами, с книжной полкой в изголовье, с высокими шкафчиками по бокам, с полочкой, заставленной темно-синими блестящими лакированными шкатулками, на которых вспыхивали, как звездочки, серебристые крапинки. Над изголовьем тоже располагалось зеркало. На кровать было брошено покрывало из меха серебристых лисиц.

– Это искусственный мех, – заверила Ева, когда Рой выразил беспокойство по поводу защиты прав бедных животных. Это была самая богатая и роскошная вещь, какую он когда-либо видел.

Здесь его окружило волшебство, о котором он мечтал.

Освещение менялось компьютером под воздействием голоса. Чередовались шесть различных вариантов благодаря хитроумным комбинациям умело расположенных галогенных светильников (с различными цветными линзами), окаймленных зеркальными отражателями неоновых трубок трех цветов (они могли включаться поодиночке, по две вместе и все три одновременно), и использованию волоконной оптики. Более того, дополнительные оттенки возникали благодаря реостату, который реагировал на команды «вверх» и «вниз».

Когда Ева коснулась кнопки у изголовья, дверцы высоких шкафчиков поднялись и исчезли из виду. Стали видны полочки, уставленные флакончиками с лосьонами и ароматическими маслами, десять или двенадцать резиновых фаллосов разных цветов и размеров и сексуальные игрушки, сбивающие с толку своим устройством и назначением.

Ева включила плеер, возле которого лежала добрая сотня кассет, и поставила первую попавшуюся.

– Здесь все на свете от Рода Стюарта до «Металлики». Элтон Джонс, Гарт Брукс, «Битлз», «Би Джииз», Брюс Спрингстин, Боб Сигер, Джей Хоукинс, Джеймс Браун и «Фэймоуз Флэймз» и баховские «Вариации Золотой горы». Почему-то больше возбуждает, когда звучит музыка разного рода и когда ты не знаешь, какая мелодия окажется следующей.

Сняв пальто, но оставшись в пиджаке, Рой выдвинул из угла кресло. Он расположил его рядом с кроватью, ближе к ногам, чтобы насколько возможно полно охватить великолепное зрелище и не испортить многочисленные отражения ее совершенств своим соседством в зеркале.

Он уселся в кресло и улыбнулся.

Она стояла возле кровати, полностью одетая, а Элтон Джонс пел об исцеляющих руках:
– Это как сон. Быть здесь, делать именно то, что я люблю делать, но с тем, кто может оценить меня...

– Я ценю тебя.

– ...кто может обожать меня.

– Я обожаю тебя.

– ...кто может отдаться мне...

– Я твой.

– ...не отравив красоты всего.

– Никаких флюидов. Никакого лапанья.

– Я неожиданно чувствую себя так смущенно, словно я девственница, – сказала она.

– Я могу смотреть на тебя часами, даже на одетую.

Она сорвала с себя блузку так яростно, что лопнула ткань и отлетели пуговицы. Через какую-то минуту она оказалась абсолютно голой, и большая часть того, что до сих пор было скрыто, подтверждала свое совершенство.

Он вздохнул, и она поняла, что он восхищен и не верит своим глазам, и сказала:

– Теперь ты понимаешь, почему мне не нравится заниматься любовью обычным способом? Если я могу обладать сама собой, то какая мне нужда в ком-то еще?

После этого она отвернулась от него и начала вести себя так, словно его здесь и не было вовсе. Она явно получала огромное удовлетворение от знания, что может властвовать над ним, даже не дотрагиваясь до него.

Она стояла перед зеркалом, внимательно разглядывая себя со всех сторон, нежно лаская себя, восхищаясь собой, и ее удовольствие от того, что она видела, так возбуждало Роя, что он время от времени проглатывал комок, подступавший к горлу и мешавший дышать.

Потом наконец она подошла к кровати – Брюс Спрингстин в это время пел о виски и автомобилях – и отбросила прочь покрывало из серебристых лис. На какой-то миг Рой испытал разочарование, потому что ему хотелось бы видеть, как она распластается на этой роскоши – не имело значения, искусственный это мех или настоящий. Но она откинула верхнюю простыню, затем нижнюю, обнажив черный резиновый матрас, и это немедленно заинтриговало его.

С полки одного из раскрытых шкафчиков она достала флакон с драгоценным прозрачно-янтарным маслом, отвинтила пробку и вылила небольшое количество на постель. Тонкий и чувственный аромат, такой легкий и свежий, словно весенний бриз, донесся до Роя. Так благоухают не цветы, а растения, которые употребляют как специи: корица, имбирь и какие-то еще, более экзотичные.

Пока Джеймс Браун пел о страстном желании, Ева опустилась на постель и поворачивалась, размазывая лужицу масла. Она смочила в нем руки и стала втирать янтарную жидкость в свою безупречную кожу. В течение пятнадцати минут ее руки умело двигались по всему телу, повторяя каждый изгиб, разминая любовно каждую прелестную округлость и впадинку, включая таинственные расщелины. И все, чего касалась Ева, было совершенно. Но когда она дотрагивалась до тех частей, которые приводили Роя в смущение, он сосредоточивал свое внимание на ее руках, потому что они и сами были безупречны – по крайней мере ниже предплечий.

Вид Евы на этом блестящем черном резиновом матрасе, ее роскошное тело золотистого и розового оттенков, скользкое от флюида, который был восхитительно чист и не являлся продуктом человеческого организма, духовно вознесли Роя Миров. С ним не случалось такого никогда раньше, ни при использовании секретов восточной техники медитации, ни под воздействием сока особого сорта кактуса или вибрирующих кристаллов, или особого массажа, который совершала ему выглядевшая невинной двадцатилетняя девушка, одетая как герлскаут, ни тогда даже, когда к нему явился дух его покойной матери на сеансе в Пасифик-Хейтс. И, судя по ленивым, размеренным движениям Евы, она могла часами вот так наслаждаться своим великолепным телом.

В результате Рой сделал нечто такое, чего он никогда не делал раньше. Он вынул из кармана свой пейджер и, поскольку не было никакой возможности отключить сигнал этого специального модема, снял пластмассовую крышечку с задней части прибора и вынул из него батарейки.

Одну ночь страна может обойтись без него, и страдающее человечество проживет без своего спасителя.

* * *

Боль вывела Спенсера из его черно-белого сна, в котором являлись ему какие-то сюрреалистические архитектурные формы и биологические мутанты, особенно тревожащие из-за отсутствия красок. Все его тело было массой хронической боли, тупой и безжалостной, но именно острая боль в затылке разбила оковы его неестественного сна.

Все еще была ночь. Или снова ночь. Он потерял счет времени.

Он лежал на спине, на надувном матрасе, под одеялом. Его плечи и голова покоились на подушке, под нее еще что-то было подложено, чтобы приподнять голову Спенсера повыше.

Услышав мягкий свистящий звук и ощутив неестественный жар лампы Кольмана, он понял, что источник находится где-то за ним.

Мерцающий свет выявил отшлифованные дождями и ветром каменные образования справа и слева, прямо напротив лежала каменная плита, покрытая ночным инеем, который не смогли растопить лучи лампы. Над головой Спенсера, от одного выступа скалы до другого, был натянут закамуфлированный под цвета пустыни брезент.

Очередной приступ боли охватил голову.

– Лежите спокойно, – услышал он голос Валери.

Тут до него дошло, что подушку она держит на своих скрещенных ногах, так что его голова лежит у нее на коленях.

– Что вы делаете? – он был удивлен слабостью своего собственного голоса.

– Зашиваю раны, – ответила она.

– Вы не должны делать этого.

– Они открыты и кровоточат.

– Я не стеганое одеяло.

– Что это должно означать?

– Вы не врач.

– В самом деле?

– Так вы врач?

– Нет. Лежите *спокойно*.

– Это больно.

– Конечно.

– Вы занесете инфекцию, – забеспокоился он.

– Я выбрила это место, а потом стерилизовала его.

– Вы выбрили мою *голову*?

– Только один маленький участок вокруг раны.

– У вас есть *какое-то* представление о том, что вы делаете?

– Вы имеете в виду варварство или врачевание?

– Последнее.

– У меня есть начальные знания.

– Черт бы их побрал!

– Если вы будете себя вести как ребенок, я прибегну к шприцу с местным обезболиванием.

– Он у вас есть? Почему же вы не использовали его?

– Вы были почти без сознания.

Он закрыл глаза, снова погрузившись в черно-белый мир, потом раскрыл глаза и

произнес:

– Но теперь-то уже нет.

– Что «нет»?

– Не без сознания.

– Только что вы снова теряли его. После нашего разговора прошло несколько минут. И пока вы отсутствовали в этот раз, я почти закончила. Еще один стежок, и все готово.

– Почему мы сделали остановку?

– Вы плохо переносили поездку.

– Да, конечно.

– Вы нуждались в уходе. А теперь вы нуждаетесь в отдыхе. Кроме того, облачность быстро опускается.

– Пора двигаться дальше. Ранней птахе достаются томаты.

– Томаты? Это интересно.

Он нахмурился.

– Я сказал – томаты? Почему вы пытаетесь смутить меня?¹

– Потому что это так легко. А теперь – последний узелок.

Спенсер закрыл воспаленные глаза. В мрачном черно-белом мире шакалы с человеческими лицами рыскали по оббитым плющом камням огромного разрушенного собора. Он слышал плач детей, погребенных под руинами.

Когда он открыл глаза, то обнаружил, что голова его лежит слишком низко. Теперь только подушка приподнимала ее всего на несколько дюймов.

Валери сидела на земле рядом и разглядывала его. Ее темные волосы мягко спадали на одну сторону, в свете лампы она выглядела очень хорошенькой.

– Вы хорошенькая в свете лампы, – сказал он.

– А теперь вы спросите, я Водолей или Козерог.

– Черта с два.

Она рассмеялась.

– Мне нравится ваш смех, – сказал он.

Она снова засмеялась, повернула голову и, размышляя, всмотрелась в темную пустыню.

– А что вам нравится во мне? – спросил он.

– Мне нравится ваша собака.

– Это замечательная собака. А что еще?

Снова взглянув на него, она сказала:

– У вас красивые глаза.

– Да?

– Честные глаза.

– Правда? Были еще красивые волосы. Теперь состриженные. Меня обкромсали.

– Подстригли. Только чуть-чуть в одном месте.

– Подстригли, а потом обкромсали. Что вы делаете здесь, в пустыне?

Она взглянула на него, потом, не ответив, отвела взгляд в сторону.

Но он не хотел позволить ей отделаться от него так легко.

– Что вы делаете здесь? Я буду спрашивать вас до тех пор, пока от повторения вы не начнете сходить с ума.

– Спасая вашу задницу.

– Не выкручивайтесь. Я имею в виду, что вы делали здесь первоначально.

– Искала вас.

– Почему? – удивился он.

– Потому что вы искали меня.

– Но, ради Бога, как вы нашли меня?

¹ Игра слов: «томат» (как в русском языке «персик») – восторженная оценка внешности привлекательной молодой женщины.

– Доска Оуйя².
 – Вряд ли смогу поверить в то, что вы сказали.
 – Вы правы. Это были карты Таро.
 – От кого мы убегаем?
 Она пожалала плечами. Пустыня снова привлекла ее внимание. Наконец она сказала:
 – От истории, я полагаю.
 – Теперь вы снова пытаетесь ввести меня в заблуждение.
 – От Таракана.
 – Мы удираем от таракана?
 – Я так называю его, потому что это приводит его в ярость.
 Он перевел взгляд с Валери на брезент, натянутый в десяти футах над ними.
 – Зачем эта крыша?
 – Сливаются с поверхностью земли. Кроме того, эта ткань рассеивает тепло, поэтому мы будем не слишком заметны для наблюдения сверху в инфракрасных лучах.
 – Наблюдения сверху?
 – Глаз в небе.
 – Бог?
 – Нет, Таракан.
 – У таракана есть глаза в небе?
 – Да, у него и его людей.
 Спенсер задумался над этим и наконец сказал:
 – Я не уверен, проснулся или еще сплю.
 – Несколько дней, – ответила она. – Как и я.
 В черно-белом мире было небо с глазами, и огромный белый полуночник летел над головой, отбрасывая лунную тень, напоминающую ангела.
 Ева была ненасытна, а ее энергия неисчерпаема, и каждый длительный приступ экстаза скорее наэлектризовывал, нежели истощал ее. К концу первого часа она казалась еще более наполненной жизненной силой, более прекрасной, более пылающей. Перед обожающими глазами Роя ее необыкновенное тело словно пульсировало от бесконечных расслаблений-напряжений-расслаблений. Ее корчи-метания-толчки длились почти так же долго, как занимается поднятием веса культурист. Много лет различными способами самостоятельно удовлетворяя себя, она наслаждалась гибкостью, которую Рой определил бы как нечто среднее между гибкостью гимнастки – обладательницы олимпийской золотой медали – и цирковой «девушки-змеи» в сочетании с выносливостью собачьей упряжки с Аляски. Не было никакого сомнения, что такое занятие в постели с самой собой обеспечивает нагрузку каждому мускулу, начиная от ее великолепной головки и до очаровательных пальчиков на ногах.
 Невзирая на поразительные узлы, в какие она завязывала сама себя, невзирая на причудливость всего, что она выделяла с собой, она никогда не выглядела ни абсурдной, ни гротескной, но неизменно прекрасной в каждом повороте, в каждом непристойном движении. Она все время казалась молоком и медом на этом черном резиновом матрасе, персиком со сливками, самым желанным созданием, когда-либо осчастливившим собой этот мир.
 В середине второго часа Рой пришел к убеждению, что шестьдесят процентов этих ангельских черт – ее тела и лица, вместе взятых, – были совершенны даже по самым строгим меркам. Тридцать пять процентов не были таковыми, но настолько *приближались* к совершенству, что его сердце едва не разрывалось, и только пять процентов были обычными.
 И ничто в ней – ни одна легкая линия, ни ложбинка, ни округлость – не было уродливым.
 Рой ждал, что Ева скоро перестанет наслаждаться сама собой или в изнеможении

² Плоская планшетка с алфавитом, знаками зодиака и прочим, используемая при спиритических и телепатических сеансах.

потеряет сознание. Однако к концу второго часа ее аппетит и способности, кажется, удвоились. Сила ее чувственности была столь велика, что каждая новая мелодия сопровождалась изменением в ее танце, который она танцевала лежа, пока не начало казаться, что музыка специально сочинена для порнографического фильма. Даже музыка Баха. Время от времени Ева выкрикивала номер нового светового сопровождения, реостату произносила: «Вверх» или «Вниз», и ее выбор всегда создавал самое волнующее оформление для следующей позы, которую она принимала.

Ее потрясло то, что она видела себя в зеркалах. И глядя на себя, наблюдала за собой. И наблюдала, как наблюдает за собой, глядя на себя. Бесконечность образов переносилась от зеркала к зеркалу, и Ева начинала сама верить, что она наполняла вселенную своими копиями. Зеркала казались волшебными, передающими всю энергию каждого отражения обратно в ее собственную динамическую плоть, переполняли ее силой, пока она не стала стремительно вращаться белокурым эротическим мотором.

Где-то в середине третьего часа выдохлись батарейки в нескольких ее любимых игрушках, вышли из строя механизмы в других, и она стала искусно удовлетворять себя руками. И в самом деле, ее руки казались отдельными существами, каждая из них жила на свой манер. Они были настолько неистовы в вожделении, что не могли заниматься только одним из ее сокровищ сколько-нибудь продолжительное время, они непрерывно скользили по ее бесчисленным изгибам, вверх-вокруг-вниз по ее намащенной коже, массировали, разминали и ласкали, и похлопывали одно восхитительное место, за другим. Они были как пара оголодавших обжор за сказочной скатертью-самобранкой, которая была приготовлена, чтобы отпраздновать приближение Армагеддона, когда останутся лишь драгоценные секунды, чтобы успеть наесться, пока все не исчезнет с появлением новой звезды вместо Солнца.

Но Солнце не сменялось другой звездой, и постепенно эти бесподобные руки стали двигаться все медленнее, медленнее, наконец остановились, пресытившись. Как и их хозяйка.

Некоторое время после того, как все закончилось, Рой был не в состоянии подняться со своего кресла. Он даже не мог откинуться на спинку. Он застыл, словно парализованный, у него онемели все конечности.

Спустя несколько минут Ева встала с постели и прошла в смежную ванную комнату. Когда она вернулась, неся два махровых полотенца – мокрое и сухое, – ее тело уже не блестело от масла. Мокрым полотенцем она вытерла остатки масла с поверхности резинового матраса, потом тщательно протерла его сухим полотенцем. Потом застелила простыней, которую раньше отбросила в сторону.

Рой присоединился к ней на кровати. Ева лежала на спине, волосы рассыпались по подушке. Он растянулся рядом, положив голову на другую подушку. Она по-прежнему была голой, и он оставался полностью одетым – хотя в какой-то из острых моментов этого вечера расслабил узел галстука.

Никто из них не совершил ошибку, пытаясь прокомментировать то, что произошло. Простые слова несколько не отразили бы этот эксперимент, а могли бы только опошлить почти божественную одиссею. Во всяком случае, Рой уже понял, что Ева получила удовольствие, что же до него, то он в эти несколько часов увидел самое физически совершенное существо – причем в действии – из всех, что видел за всю свою жизнь.

Спустя некоторое время, глядя на отражение любимой в зеркале на потолке, Рой начал говорить, и ночь вступила в новую фазу их слияния, которая была почти такой же интимной, насыщенной и изменяющей их жизнь, как и фаза физического общения, что ей предшествовала. Он снова говорил о силе сострадания, развивая свою концепцию. Он говорил ей, что человечество всегда томилось по совершенству. Люди будут испытывать невыносимую боль, выносить ужасающие лишения, мириться со зверской жестокостью, жить в постоянном и жалком страхе, если только они не признают, что их страдания были платой, которую они должны заплатить за достижение Утопии – Царства Небесного на земле. Личность, руководствующаяся состраданием – и также сознающая готовность масс

страдать, – может изменить мир. И хотя он, Рой Миро, с его счастливыми синими глазами и улыбкой Санта-Клауса, не верит, что он может стать лидером лидеров, который бы начал новый крестовый поход за совершенство, – однако он надеялся стать одним из тех, кто будет служить этой особенной личности, и служить беззаветно.

– Я зажигаю мои маленькие свечи, – сказал он, – по одной.

Рой говорил часами, в то время как Ева задавала иногда вопросы и получала разъяснения. Он был очень возбужден; она загорелась его идеями почти так же, как возгоралась от своих приводимых в действие батареек игрушек и от своих собственных опытных рук.

Она особенно заинтересовалась, когда он объяснил ей, как просвещенное общество должно расширить работу доктора Кеворкяна, из сострадания помогая самоустраниться не только настроенным на самоубийство людям, но также тем бедным душам, которые находятся в глубокой депрессии, и предлагая легкий исход неизлечимо больным, бессильным, увечным, психически ущербным.

А когда Рой говорил о своей программе устранения новорожденных, о гуманном решении проблем детей, рожденных даже с легкими дефектами, которые могут сказаться на всей их жизни, Ева издала два всхлипывающих звука, подобных тем, что исторгала в экстазе страсти. Она снова прижала к груди свои руки, но на этот раз лишь в попытке успокоить бешеное биение сердца.

Когда Ева положила руки себе на грудь, Рой не мог оторвать глаз от ее отражения над их головой. В какой-то момент он подумал, что готов разрыдаться над этими совершенными на шестьдесят процентов формами и лицом.

Уже перед рассветом интеллектуальные оргазмы ввергли их в сон, а для физических совсем не оставалось сил. Рой был настолько переполнен всем, что спал без сновидений.

Через несколько часов Ева разбудила его. Она уже приняла душ и оделась, готовая к выходу.

– Ты не была такой сияющей, – сказал он ей.

– Ты перевернул мою жизнь, – ответила она.

– А ты мою.

Хотя она опаздывала на работу в бетонный бункер, она отвезла его в «Стрип-отель», в котором Прок, вчерашний шофер, оставил его багаж. Была суббота, но Ева работала семь дней в неделю. Рой восхитился ее обязательностью.

В пустыне наступало сверкающее утро. Небо было холодным, ясным и голубым.

У отеля, прежде чем Рой вышел из машины, он и Ева договорились о скором свидании, чтобы снова повторились наслаждения прошедшей ночи.

Он стоял у входа и смотрел, как она уезжала. Когда она скрылась из вида, он вошел внутрь. Миновав регистрационную стойку и пройдя через казино, он поднялся в лифте на тридцать шестой, последний этаж главного корпуса.

Рою казалось, что он вплыл, а не вошел в лифт.

Он никогда не представлял, что погоня за беглой сукой и мужчиной со шрамом приведет его к самой совершенной женщине, какая только существует на земле. Судьба – забавная вещь.

Когда двери раздвинулись на тридцать шестом этаже, Рой вышел в длинный коридор, украшенный сделанным на заказ тон в тон стенам ковром Эдварда Филд-са. Достаточно широкий коридор – скорее, галерея – был обставлен французской мебелью начала девятнадцатого века и увешан картинами того времени.

Огромные роскошные апартаменты на этом этаже, как и еще на двух, первоначально предназначались для «денежных мешков», желающих испытать судьбу за игрой в казино внизу. Тридцать пятый и тридцать четвертый этажи использовались по назначению. Однако с тех пор как Агентство получило прибежище, где делались деньги и имелся потенциал для их отмыкания, в апартаментах на последнем этаже обсуждалось проведение операций определенного исполнительского уровня вне города.

Тридцать шестой этаж обслуживался своим собственным консьержем, у которого был маленький офис напротив лифта. Рой взял свой ключ у дежурного Генри, который даже бровью не повел при виде измятого костюма гостя.

С ключом в руке, тихонько насвистывая что-то, Рой спешил к горячему душу, бритве и обильному завтраку в номере. Но, когда он открыл позолоченную дверь и вошел в апартаменты, он обнаружил, что его поджидают два местных агента. Они были в состоянии острого, но вежливого испуга, и, только увидев их, Рой вспомнил, что его пейджер находится в одном кармане пиджака, а батарейки в другом.

- Мы искали вас повсюду с четырех часов утра, – сказал один из визитеров.
- Мы засекли «Экшгорер» Гранта, – сказал второй.
- Брошенный, – добавил первый. – Надо искать по всему пути его следования...
- ... хотя, может быть, он мертв...
- ... или спасся...
- ...потому что, похоже, там кто-то побывал до нас...
- ... и как бы то ни было, там есть следы других колес...
- ...так что у нас немного времени, мы должны двигаться.

Рой представил Еву Джаммер: золотистую и розовую, маслянистую и гибкую, корчащуюся на черном резиновом матрасе, в большей степени совершенную, нежели заурядную. Это поддержит его, независимо от того, насколько трудным выдастся день.

* * *

Спенсер проснулся в пурпурной тени под камуфлированным тентом, но вся пустыня вокруг была залита жестким белым солнечным светом.

Свет ужалил его в глаза, заставив косить, хотя это ощущение было несравнимо с головной болью, что охватывала его голову от виска до виска. Где-то в черепе, за глазным яблоком, мелькали красные искры, словно вылетающие из-под точильного круга.

Ему было жарко. Он весь спекся. Хотя подозревал, что этот день был не слишком жарким.

Он ощутил жажду. Его язык словно распух. Во рту как будто торчал столб, упершийся в небо, как в крышу. В горле першило.

Он все еще лежал на надувном матрасе, головой на тощей подушке, под одеялом, несмотря на невыносимую жару, но теперь он уже лежал не один. Справа от него примостилась женщина, он ощущал ее приятное прикосновение к своему боку. Как-то получилось, что он обнял ее правой рукой, не встретив возражения. *Валяй, Спенс!* – и теперь он с удовольствием чувствовал ее под своей рукой: такая теплая, мягкая, гладкая, пушистая.

Необычно пушистая для женщины.

Он повернул голову и увидел Рокки.

– Привет, приятель.

Говорить было больно. Каждое слово было словно колючка, выдергиваемая из горла. Его собственная речь эхом пронизывала череп.

Собака лизнула правое ухо Спенсера.

Шепотом, пытаясь прочистить горло, он сказал:

– Я тоже тебя люблю, подхалим.

– Я не помешала вашей беседе? – спросила Валери, опускаясь на колени возле Спенсера.

– Это всего лишь парень с собакой в обнимку.

– Как вы себя чувствуете?

– Паршиво.

– У вас бывает аллергия на какие-нибудь лекарства?

– Ненавижу вкус Пепто-бисмол.

– У вас бывает аллергия на какие-нибудь антибиотики?

- Все кружится.
- У вас бывает аллергия на какие-нибудь антибиотики?
- У меня бывает крапивница от клубники.
- Вы бредите или просто плохо себя чувствуете?
- И то и другое.

Должно быть, он немного поплыл, потому что следующее, что он ощутил, это как она делает инъекцию ему в левую руку. Он почувствовал запах спирта, когда она протирала ему кожу над веной.

- Антибиотик? – просипел он.
- Клубника в жидком виде.

Собака больше не лежала возле Спенсера. Она сидела рядом с женщиной и с интересом смотрела, как та извлекает иглу из руки ее хозяина.

Спенсер спросил:

- Я подхватил инфекцию?
- Может быть, вторичная. Я не должна этого допустить.
- Вы сестра?
- Не доктор и не сестра.
- Откуда же вы знаете, что надо делать?
- Он говорит мне, – сказала она, кивнув на Рокки.
- Все шутите. Могли бы стать комиком.
- Да, но у меня лицензия делать инъекции. Как вы думаете, сумеете удержать немного

воды?

- А как насчет яичницы с беконом?
- И вода сейчас достаточно тяжела для вас. В последний раз вы ее выплюнули.
- Отвратительно.
- Вы извинились.
- Я джентльмен.

Даже с ее помощью все, что он мог, это попытаться сесть. Он поперхнулся, когда пил, пару раз, но вода была холодной и вкусной, и он подумал, что сумеет удержать ее в своем желудке.

После этого она опять уложила его на спину.

- Скажите мне правду, – попросил он.
- Если мне она известна.
- Я умираю?
- Нет.
- У нас тут есть одно правило, – сказал он.
- Какое?
- Никогда не лгать собаке.

Она взглянула на Рокки.

Пес помахал хвостом.

- Лгите себе. Лгите мне. Но никогда не лгите собаке.
- Очень здраво звучит это ваше правило, – сказала она.
- Так я умираю?
- Я не знаю.
- Вот так-то лучше, – сказал Спенсер и отключился.

* * *

Рою Миро потребовалось пятнадцать минут, чтобы побриться, почистить зубы, принять душ. Он переоделся в легкие хлопковые брюки, такую же красную водолазку и желтовато-коричневый вельветовый пиджак. На завтрак, о котором он так мечтал, времени уже не было. Консьерж Генри выручил его, снабдив двумя круассанами с шоколадом и миндалем в белом

бумажном пакете и двумя чашками превосходного колумбийского кофе в термосе.

В углу автостоянки отеля Роя ждал небольшой вертолет. Как и в самолете, летевшем из Лос-Анджелеса, он был единственным пассажиром в обтянутой плюшем кабине.

Во время полета Рой съел оба круассона и выпил черный кофе, используя в это время свой компьютер в атташе-кейсе, чтобы связаться с «Мамой». Он выяснил, как продвинулось расследование за ночь.

Ничего особенного не произошло. Вернувшись в Южную Калифорнию, Джон Клек не дал никаких нитей, которые могли бы указать им, куда делась эта женщина после того, как оставила свою машину в аэропорту в Оранж-Каунти. Точно так же они не добились успеха в попытке установить телефонный номер, по которому Грант так ловко по программной системе передал через факс из хижины в Малибу фотографии Роя и его людей.

Самые важные новости, и то не очень богатые, пришли из Сан-Франциско. Агент, отслеживающий Джорджа и Этель Порт – дедушку и бабушку, которые, очевидно, вырастили Спенсера Гранта после смерти его матери, – узнал, что десять лет назад было выписано свидетельство о смерти Этель. Видимо, именно поэтому ее муж продал тогда этот дом. Джордж Порт тоже умер всего три года назад. Теперь, когда агент уже не мог надеяться на то, что ему удастся поговорить с Портами об их внуке, он искал другие пути расследования.

Через «Маму» Рой направил агенту в Сан-Франциско срочное послание, предложив, чтобы тот просмотрел все записи в суде по завещаниям и определил, был ли внук введен в права наследства на какое-либо имение Этель Порт или ее мужа. Возможно, Порты не знали своего внука как Спенсера Гранта и указывали его настоящее имя в своих завещаниях. Если по каким-то необъяснимым причинам они поддерживали и поощряли использование им этого фальшивого имени, включая зачисление на военную службу, они тем не менее должны были проставить его настоящее имя, когда распоряжались своими поместьями.

Это была не слишком многообещающая нить, но ее стоило проследить.

Когда Рой отключил компьютер и закрыл его, пилот потревожил его через громкоговорящую систему, сказав, что они в одной минуте от цели:

– Это будет справа от вас.

Рой склонился к иллюминатору возле своего сиденья. Они летели параллельно реке, текущей почти прямо на восток через пустыню.

Блеск солнечных лучей на песке был невыносим. Рой достал из внутреннего кармана пиджака темные очки и надел их.

Впереди, посреди сухого оврага стояли три джипа-фургона, принадлежавшие Агентству. Вокруг них восемь человек, подняв головы, наблюдали за приближающимся вертолетом.

Вертолет развернулся над джипами и агентами, неожиданно земля внизу провалилась на тысячу футов, когда машина взмыла над краем обрыва. Желудок Роя тоже ринулся вниз из-за внезапного изменения перспективы и еще чего-то, что Рой мельком увидел, но не поверил, что видел это на самом деле.

Высоко над долиной пилот сделал широкий круг, чтобы Рой мог получше рассмотреть то место, где русло выходило на край обрыва. Используя две каменные башни в центре высохшего русла как визуальные ориентиры, летчик описал полный круг – все триста шестьдесят градусов. Рой получил возможность разглядеть «Эксплорер» со всех сторон под разными углами.

Рой снял темные очки – фургон был хорошо виден в ярком солнечном свете. Потом он снова надел очки, когда вертолет пронесся над грузовичком еще раз, а затем приземлился в русло возле джипов.

Когда Рой вылез из вертолета, его встретил Тед Тавелов, агент, за которым был закреплен этот участок. Тавелов был ниже ростом и на двадцать лет старше Роя, тощий и коричневый от загара. У него была задубевшая обветренная кожа и внешность человека, проведшего слишком много лет на открытом воздухе в пустыне. Он был одет в ковбойские

сапоги, джинсы и голубую фланелевую рубашку, на голове – стэтсоновская шляпа. Хотя день был прохладный, на Тавелове не было пиджака, словно он впитал так много жары Мохавы своей опаленной солнцем шкурой, что ему никогда уже не будет холодно.

Когда они направились к «Эксплореру», двигатель вертолета умолк, лопасти еще повращались некоторое время, потом замерли.

Рой сказал:

– Я слышал, что тут нет ни малейших признаков ни человека, ни собаки.

– Внутри ничего, кроме дохлой крысы.

– Неужто вода и в самом деле была *так* высоко, что подняла фургон между скалами?

– Да. Вчера после полудня, в разгар урагана.

– Тогда, может быть, его смыло водопадом?

– Нет, если он был пристегнут ремнями.

– Но может быть, он пытался выплыть по течению реки, а там выбраться на берег.

– Нужно быть идиотом, чтобы попытаться плыть в бурном потоке. Вода неслась со скоростью курьерского поезда. Этот человек идиот?

– Нет.

– Взгляните на эти следы, – сказал Тавелов, указывая на отпечатки в русле потока. – Это несмотря на то, что легкий ветер после урагана уже занес их немного. Но вы все же можете разглядеть, что кто-то проехал к южному берегу под «Эксплорером» и, возможно, поднялся на крышу своего автомобиля, чтобы забраться в этот.

– Но русло должно было для этого уже достаточно высохнуть.

– Когда дождь прекращается, уровень воды быстро падает. А почва здесь – глубокий песок, высыхает очень быстро. Скажем... в семь или восемь часов вчера вечером.

Стоя внизу, в проходе между скалами, глядя вверх на «Эксплорер», Рой сказал:

– Грант не мог выбраться сам и уйти отсюда, пока не прибыла другая машина.

– Это факт, вы можете разглядеть нечеткие отпечатки ног, которые не принадлежат первой группе моих идиотов-ассистентов, затоптавших все вокруг. Судя по ним, можно предположить, что сюда приезжала какая-то женщина и увезла его отсюда. Его и собаку. И его багаж.

Рой нахмурился:

– Женщина?

– Часть следов, судя по размерам, как вы понимаете, должна принадлежать мужчине. Даже у крупных женщин не часто бывают такие большие ноги, которые были бы пропорциональны другим размерам тела. Вторая группа следов – маленькие отпечатки – могла бы принадлежать мальчику, скажем, от десяти до тринадцати лет. Но я сомневаюсь, что какой-нибудь мальчик мог бы приехать сюда сам по себе. Кто-нибудь маленького роста мог иметь ноги такого размера, но таких немного. Поэтому скорее всего это была женщина.

Если женщина могла появиться, чтобы спасти Гранта, Рой был обязан поразмыслить, не *та* ли это женщина-беглянка. Заново всплыли вопросы, которые одолевали его с вечера среды: кем *был* Спенсер Грант, что, черт побери, связывает этого ублюдка с этой женщиной, какого рода он птица, намеревался ли он сорвать их операцию, и угрожает ли им теперь разоблачение?

Вчера, когда Рой стоял в бункере Евы, слушая запись на лазерном диске, он был скорее озадачен, нежели просвещен тем, что услышал. По вопросам и немногим комментариям, которые Грант порой вставлял в монолог Давидович, он немного знал о Ханне Рейни, но по каким-то таинственным причинам он настойчиво узнавал о ней все, что только мог. До этого Рой был убежден, что Грант и эта женщина уже были в каких-то тесных отношениях, так что задача состояла в том, чтобы определить характер этих отношений и вычислить, большой ли информацией эта женщина поделилась с Грантом. Но если этот парень еще не знал ее, то почему он находился в ее бунгало в ту дождливую ночь и почему он поставил целью своего личного крестового похода найти ее?

Рой не хотел верить, что эта женщина объявилась здесь, в пустыне, потому что,

допуская это, он испытывал еще большее замешательство.

– Значит, вы утверждаете, что он кого-то позвал мысленно и она явилась откуда-то, чтобы вытащить его?

Тавелов не был задет сарказмом Роя:

– Кроме крыс, в этой пустыне никто не живет, тут нет ни телефонов, ни электричества. Кое-где есть, конечно, но в радиусе двадцати миль мне о таком неизвестно. А может быть, кто-то путешествовал здесь, в стороне от дорог, для собственного развлечения.

– В бурю?

– Буря уже кончилась. В конце концов, в мире полно дураков.

– И этот кто-то просто наткнулся на «Эксплорер». Во всей этой огромной пустыне.

Тавелов пожал плечами:

– Мы нашли машину. А дальше – ваше дело.

Вернувшись обратно к каменным стенам шлюза, взглядываясь в далекое русло реки, Рой сказал:

– Кем бы она ни была, она въехала в русло с юга и выехала тоже с юга. Можем мы проследовать по этим неясным следам?

– Да, можете – на протяжении, должно быть, четырехсот ярдов они хорошо различимы, затем еще ярдов двести еле видны, потом исчезают. Ветер замел их. В других же местах почва слишком твердая, чтобы на ней оставались следы.

– Ладно, мы проедем дальше, поищем, может быть, след снова появится.

– Мы уже пытались, пока ждали вас.

Тавелов сделал акцент на слове «ждали».

Рой сказал:

– Мой чертов пейджер сломался, и я не знал этого.

– Пешком и на вертолете мы можем хорошо все рассмотреть во всех направлениях от южного берега старого русла. Три мили на восток, три на юг, три на запад.

– Хорошо, – сказал Рой, – расширим поиски. Пройдите шесть миль, посмотрите, может быть, вы снова наткнетесь на след.

– Это будет пустая трата времени.

Рой подумал о Еве, какой она была прошлой ночью, и это воспоминание придало ему силы сохранять спокойствие, улыбаться и разговаривать с характерной для него любезностью.

– Возможно, это будет потеря времени, возможно. Но, я полагаю, мы в любом случае должны попробовать.

– Поднимается ветер.

– Может быть.

– Определенно поднимается. Все заметет.

Совершенство на черном резиновом матрасе.

Рой сказал:

– Тогда попытаемся опередить его. Вовлечем в поиски больше людей, еще один вертолет и прочедем по десять миль в каждом направлении.

* * *

Спенсер не бодрствовал. Но и не спал. Он был как пьяный, балансирующий между двумя состояниями.

Он слышал, как бормочет что-то, но не мог осознать смысла своих слов, потому что еще пребывал во власти лихорадочной суетливости. Определенно в том, что он должен был сказать кому-то, заключалось нечто существенное – хотя что это была за жизненно важная информация и кому он должен был передать ее, от него ускользало.

Он открыл глаза. Расплывчатое видение. Он моргнул. Скосил взгляд. Он не мог разглядеть достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, стоит день или свет идет от лампы

Кольмана.

Как всегда, увидел Валери. Достаточно близко, чтобы даже в его состоянии узнать ее. Иногда она обтирала его лицо влажным платком, иногда меняла прохладный компресс на его лбу. Иногда она просто наблюдала за ним, и он ощущал ее беспокойство, хотя не мог отчетливо разглядеть выражение ее лица.

Однажды, когда он выплыл из своей темноты и пытался разглядеть что-то сквозь все искажающие озера, которые словно заполнили его глазницы, Валери сидела отвернувшись, поглощенная чем-то. За нею, скрытый камуфлированным тентом, стоял «Ровер» с выключенным мотором. Спенсер услышал знакомый звук: слабый, но безошибочный «тик-тик-тик», производимый опытными пальцами, летающими по клавиатуре компьютера. Странно.

Время от времени она разговаривала с ним. Это бывало в те моменты, когда он мог немного сосредоточить свое сознание и бормотать что-то, хоть наполовину понятное, хотя он по-прежнему часто впадал в забытие.

Однажды он очнулся и услышал, как спрашивает:

– ...Как вы нашли меня... где-то здесь... между ничто и нигде?

– "Жучок" в вашем «Эксплорере».

– Таракан?

– Другой вид «жучка».

– Паук?

– Электронный.

– "Жучок" в моем фургоне?

– Правильно. Я поставила его там.

– ...Вы имеете в виду... передатчик? – спросил он озадаченно.

– Что-то вроде передатчика.

– Но почему?

– Потому что вы следовали за мной к моему дому.

– Когда?

– Во вторник вечером. Нет смысла отрицать это.

– Ах да. Вечер, когда мы встретились.

– У вас это звучит почти романтично.

– Для меня так и было.

Валери промолчала. Наконец произнесла:

– Вы шутите?

– Вы мне сразу понравились.

Она снова замолчала, потом сказала:

– Вы пришли в «Красную дверь», заболтали меня, выглядели приятным завсегдатаем, а потом последовали за мной до дома.

Значение ее откровения доходило постепенно, но затем Спенсера медленно стало охватывать изумление.

– Вы заметили?

– Вы действовали неплохо. Но, если бы я не умела распознавать «хвост», я была бы мертва давным-давно.

– А «жучок»... Как?

– Как я поставила его? Вышла через заднюю дверь, когда вы сидели в вашем фургоне на противоположной стороне улицы. А потом какой-то автомобиль появился на улице и остановился в квартале от вас, дождался, пока вы уехали, а потом последовал за вами.

– Последовал за мной?

– А вы и простачок...

– Последовал за мной? В Малибу?

– Последовал за вами в Малибу.

– А я и не видел. Я ничего не заметил.

– Вы не ожидали, что за вами будут следить.
– Господи...
– И там я открыла заднюю дверцу, дождалась, чтобы никакие огни не освещали вашу кабину...

– Господи!

– И укрепила передатчик, работающий от батареек, под багажником вашего фургона.

– У вас случайно нашелся передатчик?

– Вы бы изумились, если бы узнали, какие у меня есть случайные вещи.

– Теперь уже не изумился бы.

Хотя Спенсер не хотел покидать ее, Валери стала растворяться и исчезла в тени. А он снова погрузился в темноту внутри себя.

Позднее, когда он опять выплыл, Валери расхаживала перед ним. Он услышал, как его собственный голос произнес с изумлением:

– "Жучок" в моем фургоне!

– Я хотела знать, кто вы такой, почему следуете за мной. Я понимала, что вы не один из них.

Он слабо сказал:

– Из людей Таракана?

– Правильно.

– Но мог быть одним из них.

– Нет, потому что вы бы вышибли мои мозги сразу же, как только оказались бы рядом.

– Они недолголюбивают вас, да?

– Не слишком любят. Поэтому я и размышляла, кто вы.

– Теперь вы знаете.

– Не совсем. Вы – тайна. Спенсер Грант.

– Это я-то тайна! – Он засмеялся. Когда он смеялся, боль пронизывала всю голову, но он все равно смеялся. – Во всяком случае, вы знаете мое имя.

– Конечно. Разумеется, раз вы мне его сказали.

– Оно настоящее.

– Конечно.

– Законное имя. Спенсер Грант. Гарантирую.

– Может быть. Но кем вы были до того, как стали полицейским, до того, как поступили в университет Лос-Анджелеса, и еще раньше, когда служили в армии?

– Вы все узнали обо мне.

– Не все. Только то, что вы оставляли в разных записях. Только то, что нашел бы всякий, кто хотел этого. Когда вы следовали за мной до моего дома, вы встревожили меня, поэтому я начала выяснять, кто вы такой.

– Из-за меня вы съехали из бунгало.

– Потому что не знала, кто вы, черт возьми. Но я поняла, что если вы смогли найти меня, то и они смогут. Снова.

– И они сделали это.

– Уже на следующий день.

– Так что, когда я напугал вас... я спас вас.

– Можете это так рассматривать.

– Если бы не я, вы бы там остались.

– Возможно.

– Тогда бы эта команда обрушилась на вас.

– Может быть.

– Похоже, что-то подобное должно было произойти.

– Но что *вы* делали там? – спросила она.

– Гм...

– В моем доме.

- Вы исчезли.
- Ну и что?
- Следовательно, это место уже не было вашим домом.
- А вы знали, что это уже не мое место, когда входили туда?

Полное значение ее откровений удержало его от отрицающего движения головой. Он яростно заморгал, безуспешно стараясь яснее разглядеть ее лицо.

- Господи, если вы посадили, «жучок» в мою машину...
- То что?
- То вы следовали за мной в среду вечером?
- Да. Наблюдала, что вы там делаете, – сказала она.
- От Малибу?..
- До «Красной двери».
- И потом обратно до Санта-Моники?
- Но я не была *внутри*, как вы.
- Но вы видели, как это происходило. Нападение.
- На расстоянии. Не уходите от темы.
- Какой темы? – спросил он в замешательстве.

– Вы собирались объяснить мне, почему вы вторглись в мой дом в среду вечером, – напомнила она. В ее голосе не было гнева. Он чувствовал бы себя лучше, если бы она откровенно злилась на него.

- Вы... вы никак не показывали, чем занимаетесь.
- И поэтому вы вторглись в мой дом?
- Я не вторгался.
- Или я забыла, что послала вам приглашение?
- Дверь не была заперта.
- А каждая незапертая дверь для вас приглашение?
- Я был... обеспокоен.

– Ах да, обеспокоен. Давайте-ка расскажите мне правду. Что вы искали в моем доме в ту ночь?

- Я был...
- Что «был»?
- Я нуждался...
- В чем? В чем вы нуждались в моем доме?

Спенсер не знал, от чего он умирает: от ранений или от смущения. Но какова бы ни была причина, он потерял сознание.

* * *

Вертолет доставил Роя Миро из высохшего русла в пустыне к посадочной площадке на крыше высотного здания Агентства в деловой части Лас-Вегаса. В то время как на земле и в воздухе Мохав велись поиски женщины и машины, на которой Спенсер Грант был увезен от своего изувеченного «Эксплорера», Рой после полудня в субботу находился на пятом этаже Центра спутникового слежения.

Не отрываясь от работы, он съел скудный ленч, доставленный по его просьбе и мало напоминавший обильный завтрак, порожденный его фантазией. А позднее ему понадобится вся энергия, какую он сможет мобилизовать, когда снова отправится с Евой к ней домой.

Бобби Дюбуа ввел Роя в ту же самую комнату, в которой он был накануне. Тогда здесь было тихо, работали лишь несколько сотрудников. Сейчас за каждым компьютером и другими приборами сидели люди, и в большом помещении стоял гул голосов.

Похоже, что машина, которую они разыскивали, невзирая на негостеприимность местности, проделала за ночь значительный путь. Грант и эта женщина могли оказаться достаточно далеко и достигнуть магистрали за пределами площади наблюдения, где

Агентство установило посты на каждой дороге, ведущей из южной части штата. В таком случае они снова ускользнули из расставленной сети.

С другой стороны, возможно, они и не уехали далеко. Их машина могла увязнуть в трясине или вовсе сломаться.

Возможно, Грант был ранен. По словам Теда Тавелова, на сиденье водителя обнаружены высохшие пятна крови, не похожей на кровь мертвой крысы. Если Грант был в плохом состоянии, то, пожалуй, они должны были задержаться.

Рою требовалось как следует подумать. Мир – это то, что ты делаешь или пытаешься делать. Вся его жизнь была подчинена этой философии.

Из имеющихся в его распоряжении спутников, двигавшихся по геосинхронным орбитам, позволяющим охватывать западную и юго-западную часть территории Соединенных Штатов непрерывно, три обладали особыми возможностями – Рой Мирот хотел, чтобы они наблюдали за территорией Невады и всех соседних штатов. Один из этих трех наблюдательных постов находился под контролем Агентства по борьбе с наркотиками, второй принадлежал Агентству по защите окружающей среды. Третий был военным объектом, которым официально владели совместно армия, флот, воздушные силы, морская пехота и береговая охрана, но на деле он находился под железным контролем ведомства председателя Объединенного комитета штабов.

Агентство по борьбе с наркотиками, несмотря на деятельность своих агентов, но главным образом из-за вмешательства политиков, основательно провалилось в осуществлении своей миссии. И военные службы по крайней мере в годы, последовавшие за окончанием холодной войны, находились в замешательстве, не имея определенной цели, и хирели, не получая достаточных средств.

В отличие от них Агентство по защите окружающей среды осуществляло свою миссию на беспрецедентном уровне. Отчасти потому, что ему не противостояли хорошо организованные преступные элементы или заинтересованные группы, а отчасти потому, что его работниками руководило жгучее стремление спасти мир природы. Агентство так хорошо сотрудничало с министерством юстиции, что человек, даже по неосторожности загрязнивший охраняемое болото, рисковал провести в тюрьме больший срок, чем гангстер, убивший беременную мамашу и двух монахинь.

Вследствие этих блистательных успехов, вскормленное щедрым бюджетом и возрастающими поступлениями от дополнительных внебюджетных фондов Агентство владело лучшим оборудованием, начиная от оснащения кабинетов до орбитальных спутников наблюдения. Если бы какое-нибудь федеральное ведомство захотело осуществлять независимый контроль за ядерным оружием, то это было бы только Агентство по защите окружающей среды.

Поэтому для поисков Спенсера Гранта и женщины Рой использовал наблюдательный спутник «Страж Земли-3», который находился на геосинхронной орбите над западной частью Соединенных Штатов. Чтобы полностью и безраздельно использовать этот спутник, «Мама» проникла в компьютер Агентства по защите окружающей среды и насытила его ложными данными, в результате в «Страже Земли-3» произошел сбой всех систем. Ученые этого Агентства немедленно подняли вопрос о необходимости провести обследование, чтобы поставить диагноз «заболевания» спутника с помощью дистанционного телемеханического тестирования. Однако «Мама» тайно перехватывала все команды, посылаемые на этот аппарат, напигированный хитроумной электроникой стоимостью в восемьдесят миллионов долларов, и продолжала делать это до тех пор, пока Агентство по защите окружающей среды не отказалось от использования «Стража Земли-3».

Теперь Агентство Роя смогло из космоса осуществлять сверхчувствительное визуальное наблюдение за многими штатами. Спутник был способен сфокусироваться на площади в один квадратный метр, наблюдая за подозреваемой личностью или автомобилем.

«Страж Земли-3» обеспечивал также два способа высокоэффективного ночного наблюдения. Используя инфракрасные лучи боковой направленности, он мог

дифференцировать транспорт и стационарные источники, излучающие тепло, как бы по их тепловому автографу. Система спутника могла также применять технологию ночного видения «Стартрон», чтобы усиливать в восемнадцать тысяч раз свет, делая ночную сцену почти так же ясно видимой, как в солнечный день, – хотя и монохромно, в жутковатом зеленом цвете.

Все изображения автоматически проходили программу усиления на борту спутника, прежде чем кодировались и передавались. После приема контрольным центром в Вегасе они также автоматически, но по более хитроумной программе усиливались и поступали на суперкомпьютер «Крэй» последнего поколения. Здесь очищались до видеоизображения высокой разрешающей способности, прежде чем проецировались на дисплей во всю стену. Если требовалось дополнительное прояснение, нужные кадры могли быть подвергнуты еще одной очищающей программе под наблюдением опытных техников.

Эффективность спутникового наблюдения – и инфракрасного, и ночного видения, и обычной телескопической фотографии – варьировалась в соответствии с наблюдаемой территорией. Обычно в более населенных районах поиски из космоса таких небольших объектов, как человек или автомобиль, оказывались менее эффективными. Рядом находилось множество других движущихся объектов, а также источников тепла, которые было трудно достаточно быстро и точно рассортировать и проанализировать. За небольшими городами было проще наблюдать, чем за крупными, за сельской местностью проще, чем за небольшими городами, а открытые трассы просматривались лучше, чем столичные улицы.

Если Спенсер Грант и эта женщина застряли где-то, как надеялся Рой, они должны пребывать на идеальной территории для прослеживания «Стражем Земли-3». Бесплодная, ненаселенная пустыня.

С полудня и до вечера субботы обнаруженные подозреваемые машины будут или изучены и определены, или включены в список для наблюдения, пока не окажется, что их пассажирами является нужная компания: мужчина, женщина и собака.

После нескольких часов наблюдения за дисплеем во всю стену у Роя сложилось впечатление, что их часть мира с орбиты выглядит *совершенной*. Все цвета были мягкими и приглушенными, все формы – гармоничными.

Иллюзия совершенства становилась более полной, когда «Страж Земли-3» наблюдал обширные, а не мелкие районы, и поэтому использовал меньшее усиление, и когда изображение давалось в инфракрасных лучах.

Чем меньше улавливалось очевидных признаков человеческой цивилизации, тем ближе к совершенству казалась планета.

Возможно, был смысл в высказываниях тех экстремистов, которые настаивали, что во имя спасения экологии население Земли должно быть любыми способами сокращено на девяносто процентов. Какова же будет жизнь в таком мире, где цивилизация превратится в ничто?

Если такая программа сокращения населения была бы когда-нибудь осуществлена, Рой испытал бы глубокое личное удовлетворение, помогая ее проведению, хотя эта работа была бы очень изнурительной и подчас неблагоприятной.

День проходил, поиски беглецов как на земле, так и с воздуха не увенчались успехом. С наступлением темноты охоту придется прекратить до рассвета. И «Страж Земли-3» со своими глазами и методиками поиска оказался не более удачлив, чем люди, шагавшие пешком и летавшие в вертолетах. Хотя по крайней мере он способен был продолжать ночные поиски.

Рой оставался в Центре спутникового наблюдения почти до восьми вечера, после чего отправился с Евой Джаммер ужинать в армянский ресторан. После вкусного, заправленного маслом салата и последовавшего за ним роскошного шашлыка из барашка они обсудили концепцию повсеместного и быстрого сокращения населения. Они представляли, как можно добиться успеха без нежелательных побочных последствий, таких, как ядерная радиация и стихийные бунты на улицах. И продумали *несколько* справедливых методов уничтожения, благодаря которым десять процентов населения выживут, чтобы воплотить менее хаотичную

и намного более совершенную версию человеческой жизни. Они набросали возможную символику для движения за сокращение населения, сочинили вдохновляющие лозунги и обсудили, какой должна быть униформа исполнителей. Они были в состоянии высокого возбуждения к тому времени, когда покинули ресторан и отправились к Еве домой. Они могли убить любого полицейского, который имел бы глупость остановить их за превышение скорости в жилой зоне.

Пятнистые, мрачные стены имели лица. Странные, застывшие лица. С мучительным выражением, видимые только наполовину, с разверстыми ртами, безответно вопиющими о снисхождении. Руки. Тянущиеся руки. Молчаливо умоляющие. Живописные картины, белые, как привидения, местами испещренные серыми и ржаво-красными, коричневыми и желтыми пятнами. Лицо к лицу, тело рядом с телом, иногда сплетенные вместе, но всегда выражающие просьбу, отчаяние нищих – умоляющих, заклинающих, молящихся.

– *Никто не знает... Никто не знает...*

– Спенсер! Вы меня слышите, Спенсер?

Голос Валери эхом доносился до него в длинном тоннеле, где он брел между полудремой и настоящим сном, между отрицанием и принятием, между одним адом и другим.

– Спокойнее, теперь спокойнее, не бойся, все о'кей, тебе просто снится.

– Нет. Видишь? Видишь? Здесь, в катакомбах, катакомбах.

– Это только сон.

– Как в школе, в книгах, на картинах, как в Риме, жертвы, вниз в катакомбы, но хуже, хуже, хуже...

– Ты можешь уйти от этого. Это только сон.

Он слышал свой собственный голос, понижающийся от крика до шепота, несчастного плача:

– О Господи, о Господи, *Боже мой!*

– Вот, возьми меня за руку. Спенсер, ты слышишь меня? Держись за мою руку. Я здесь. Я с тобой.

– Они так боялись, боялись, были одни и боялись. Ты видишь, как они напуганы? Одни, их некому услышать, некому, никто, кто бы понял, как напуганы. О, Иисус, Иисус, помоги мне, Иисус!

– Пойдем, держись за мою руку, вот так, так хорошо, держись крепче. Я здесь, совсем рядом с тобой. Ты больше не один, Спенсер.

Он держался за ее теплую руку, и каким-то образом она уводила его от этих слепых белых лиц, молчаливого крика.

Увлекаемый силой этой руки, Спенсер плыл, легче воздуха, вверх из глубины, через темноту, через красную дверь. Не через дверь с влажными отпечатками рук на пожелтевшем от времени белом фоне. Эта дверь была целиком красной, сухой, покрытой слоем пыли. Она открывалась в сапфирово-синий свет. Черные кабинки и стулья, отделка из полированной стали, зеркальные стены. Пустая площадка для оркестра. Несколько человек, спокойно выпивающих за столиками. В джинсах и замшевом пиджаке вместо юбки с разрезами и черного свитера, она села на высокий стул у стойки рядом с ним, потому что обслуживали очень медленно. Он лежал на надувном матрасе, обливался потом и дрожал от озноба, а она была на этом стуле, как на насесте. Но они были на одном уровне, держались за руки и оживленно болтали, как старые друзья, а сзади шипела лампа Кольмана.

Он понимал, что бредит, но не волновался. Она была такой красивой.

– Почему ты приходил в мой дом в среду вечером?

– Разве я уже не говорил тебе?

– Нет, ты постарался уйти от ответа.

– Хотел узнать о тебе.

– Зачем?

– Ты ненавидишь меня?

- Конечно, нет. Я просто хочу понять.
- Вошел в твою квартиру, гранаты влетают в окна.
- Ты не мог уйти, когда понял, в какой я беде?
- Нет, не мог позволить тебе погибнуть в канаве в восьми-десяти милях от дома.
- Что?
- Или в катакомбах.
- После того как ты понял, что я в беде, почему ты полез в это дело?
- Я сказал тебе. Ты мне понравилась с первого раза, когда мы встретились.
- Но это было всего лишь во вторник вечером! Я чужая для тебя!
- Я хочу...
- Чего?
- Я хочу... жизни.
- У тебя нет жизни?
- Хочу жить... с надеждой.

Помещение бара куда-то исчезло, голубой свет превратился в мрачный желтый. Пятнистые и затененные стены имели лица. Белые лица, мертвые маски, рты, разверстые в беззвучном ужасе, молчаливо умоляющие.

По электрическому проводу, спадавшему петлями, бежал паук, и его искаженная тень металась по пятнистым белым безобидным лицам.

Потом снова возник зал бара. И он сказал ей:

- Ты хороший человек.
- Ты этого не можешь знать.
- Теда.
- Теда о каждом думает, что он хороший человек.
- Она была так больна. Ты заботилась о ней.
- Только пару недель.
- Днем и ночью.
- Не такое уж великое дело.
- А теперь со мной.
- Я еще не выходила тебя.
- Чем больше я узнаю тебя, тем лучше ты оказываешься.

Она сказала:

- Черт возьми, может быть, я святая?
- Нет, просто хороший человек. Слишком саркастичный, чтобы быть святым.

Она засмеялась.

- Я не могу помогать тебе, чтобы нравиться, Спенсер Грант.
- Это очень мило. Начинаем узнавать друг друга.
- Ты полагаешь, мы этим занимаемся?

Импульсивно он произнес:

- Я люблю тебя.

Валери замолчала так надолго, что Спенсеру показалось, он снова потерял сознание.

Наконец она сказала:

- Ты бредишь.
- В этом нет.
- Я сменю тебе компресс.
- Я люблю тебя.
- Ты лучше успокойся, постарайся немного отдохнуть.
- Я всегда буду любить тебя.

– Успокойся, странный человек, – сказала она с выражением, какое, как он верил и надеялся, было проявлением нежности. – Просто успокойся и отдохни.

- Всегда, – повторил он.

Признавшись себе, что надежду он обрел в ней, Спенсер испытал такое облегчение, что

погрузился в темноту без катакомб.

Спустя много времени, неуверенный, проснулся он или продолжает спать, в полусвете, который мог быть рассветом, сумерками, накалом лампы или холодным, без источника, свечением сна, Спенсер изумился, услышав, как он сам произнес:

– Майкл.

– Ах, ты пришел в себя, – сказала она.

– Майкл.

– Здесь нет никого по имени Майкл.

– Ты должна знать о нем, – заявил Спенсер.

– О'кей. Расскажи мне.

Ему хотелось бы видеть ее. Но перед глазами маячили свет и тень, не было даже расплывчатого силуэта. Он сказал:

– Ты должна знать, если... если собираешься быть со мной.

– Расскажи мне, – поддержала она его.

– Только не возненавидь меня, когда узнаешь.

– Я не так-то легко способна возненавидеть человека. Доверься мне и расскажи. Доверься. Спенсер. Кто это Майкл?

Его голос был прерывистым:

– Умер, когда ему было четырнадцать.

– Майкл был твоим другом?

– Он был мной. Умер в четырнадцать... не был похоронен, пока ему не стало шестнадцать.

– Майкл был ты?

– Обретался мертвым два года... потом я стал Спенсер.

– Это была твоя... это твоя фамилия была Майкл?

Тут он понял, что, должно быть, бодрствовал, не спал, потому что он никогда не чувствовал себя так скверно во сне, как в этот момент. Стремление раскрыться дальше не могло подавляться, хотя такое раскрытие означало агонию. Его сердце билось тяжело и часто, тайны пронизывали его болезненно, как иглы.

– Его фамилия была... именем дьявола.

– А каково было имя дьявола?

– Акблом, – сказал он, выплевывая ненавистные слоги.

– Акблом? Почему ты говоришь, что это имя дьявола?

– Ты не помнишь? Ты никогда не слышала?

– Полагаю, ты должен рассказать мне.

– У Майкла, до того как он стал Спенсером, – проговорил Спенсер, – у него был папа. Как все другие ребята, он имел... папу. Но... не такого, как другие папы. Имя его п-папы было... было... его имя было Стивен Акблом. Художник.

– О Господи!

– Не бойся меня, – взмолился он, его голос ломался, слова отчаяния вылетали одно за другим.

– Так ты тот мальчик?

– Не возненавидь меня.

– Почему я должна ненавидеть тебя?

– Потому что... я тот мальчик.

– Мальчик, который был героем, – сказала она.

– Нет.

– Да, ты им был.

– Я не смог спасти их.

– Но ты спас всех, кто мог последовать за ними.

От звука собственного голоса он дрожал сильнее, чем ранее от холодного дождя.

– Не смог спасти их.

- Все в порядке.
- Не смог спасти их.

Он почувствовал руку на своем лице. На своем шраме. Ощупывающую горячую линию его зажившего рубца.

- Бедный мой, бедный, – сказала она.

* * *

Вечером в субботу, сидя на краешке кресла в спальне Евы Джаммер, Рой Миро наблюдал примеры совершенства, которые ему не мог бы показать даже оборудованный самой наилучшей аппаратурой спутник.

На этот раз Ева не сняла атласные простыни и не использовала ароматические масла. У нее был новый – совершенно необычный – комплект игрушек. И хотя Миро был поражен, обнаружив, что такое возможно, но Ева достигла еще больших высот самоудовлетворения и еще сильнее возбудила Роя.

После ночи, посвященной систематизации Евиных совершенств, Рою пришлось набраться величайшего терпения для последовавшего несовершенного дня.

За весь воскресный день спутниковое наблюдение, вертолеты и пешие команды добились не больших успехов в обнаружении беглецов, чем накануне в субботу.

Оперативники в Кармеле, штат Калифорния, посланные туда в связи с откровениями Теды Давидович, сказавшей Гранту, что Ханна Рейни считала это место идеальным для жизни, восторгались красотой ландшафта, окутанного туманом и зимней прохладой. Однако не обнаружили никаких признаков разыскиваемой женщины.

Джон Клек из Оранж-Каунти прислал другой, строго составленный рапорт о том, что он не обнаружил никаких зацепок.

В Сан-Франциско агент, который собирал информацию о семействе Портов, узнал, что они умерли много лет назад, и чуть продвинулся, изучив документы. Он выяснил, что имущество Этель Порт перешло к Джорджу, имущество Джорджа перешло к их внуку – Спенсеру Гранту из Малибу, Калифорния, единственному отпрыску единственного ребенка Портов – Дженнифер. Ничто не указывало на личность его отца и на то, что Спенсер когда-либо носил другое имя.

В углу помещения, в котором размещался центр контроля спутникового наблюдения, Рой говорил по телефону с Томасом Саммертоном. Хотя было воскресенье, Саммертон находился в своем офисе в Вашингтоне, а не в имении в Вирджинии. Как всегда соблюдая меры безопасности, он откликнулся на звонок Роя фразой о неправильно набранном номере, а затем перезвонил ему по надежно защищенной линии, используя скремблер, подобный устройству на аппарате Роя.

- В Аризоне одни неприятности, – сказал Саммертон. Он был разъярен.

Рой не понял, о чем говорит его босс.

Саммертон сказал:

- Этот сраный активист думает, что может спасти мир. Видели новости?

- Слишком занят, – сказал Рой.

– Этот мерзавец достал кое-какие свидетельства по ситуации в Техасе в прошлом году, они ставят меня в затруднительное положение. То, что он вытащил из некоторых людей, основательно подпортит нам дело. Поэтому мы должны быстро придавить его и получить свидетельства его причастности к наркобизнесу.

- Постановление о конфискации имущества?

– Да. Забрать все. Когда его семье будет не на что жить и у него не окажется средств для серьезной защиты, он объявится. Так всегда бывает. Но тогда операция прошла неудачно.

«Так всегда бывает», – устало подумал Рой. Но не высказал этого. Он понимал, что Саммертон не оценит его искренность. Кроме того, такая мысль была бы прямым показателем постыдно негативного мышления.

– Дальше, – строго сказал Саммертон. – Там в Аризоне мертвый агент ФБР.
– Такой же настоящий свободный охотник, как я?
– Настоящий. Жена и мальчишка мерзавца-активиста тоже мертвы, их тела лежат в переднем дворике, а он прицельно стреляет из дома, так что мы не можем убрать тела от телевизионных камер. За квартал не подойти. К тому же сосед все снял на видеокамеру.

– Что, этот парень убил собственную жену и ребенка?
– Хотел бы, чтобы так оно и было. Но возможно, выглядит именно так.
– Даже на видеопленке?
– Ты достаточно давно в деле, чтобы знать: фотосвидетельство редко схватывает что-либо. Вспомни видео Родни Кинга. Вспомни, черт побери, фильм Запрудера об убийстве Кеннеди, – Саммертон вздохнул. – Так что я надеюсь на тебя, Рой. Можешь ты сообщить мне хорошие новости, Рой, что-нибудь такое, что развеселило бы меня?

Будучи правой рукой Саммертона, человеком, готовым на самую черную работу, Рой хотел бы сообщить ему о *некотором* прогрессе в настоящем деле, да не мог.

– Ладно, – сказал Саммертон, прежде чем повесить трубку, – похоже, что сейчас отсутствие новостей и есть для меня хорошая новость.

Прежде чем покинуть офис в Вегасе в воскресенье вечером, Рой решил попросить «Маму» использовать «Нексис» и другие поисковые приборы и к утру сканировать имя «Дженнифер Корина Порт» во всех банках данных всех средств массовой информации, что предлагались им информационными сетями. В последние пятнадцать-двадцать лет выпуски многих ведущих газет и журналов, включая «Нью-Йорк таймс», накапливались с помощью электроники и были доступны для подключения к ним. Предварительно внимательно изучив эти источники, «Мама» обнаружила в них имя Спенсера Гранта только в связи с убийством двух угонщиков автомобилей в Лос-Анджелесе несколько лет назад. Но, может быть, ей больше повезет с поисками имени матери.

Если Дженнифер Корина Порт умерла при каких-то занимательных обстоятельствах или если она имела даже незначительный вес в бизнесе, политике или искусстве, ее смерть должна быть отражена в нескольких влиятельных газетах. И если «Мама» найдет рассказы о ней или обстоятельные некрологи, какое-нибудь ценное упоминание о единственном существующем ребенке может обнаружиться.

Рой упрямо цеплялся за позитивное мышление. Он был уверен, что «Мама» сумеет найти что-либо, относящееся к Дженнифер, и это облегчит раскрытие дела.

Эта женщина. Этот мальчик. Сарай на заднем плане. Мужчина в тени.

Рой достал фотографии из конверта, в котором хранил их, чтобы вспомнить образы с полной ясностью. Этого не нужно было делать. Снимки дразнили его память. Ему казалось, что он видел этих людей когда-то раньше. Много лет назад. При каких-то значительных обстоятельствах.

В воскресенье ночью Ева помогла Рою поддержать его высокое состояние духа и позитивное направление мыслей. Сознывая, что она обожаема и что обожание Роя дает ей полную власть над ним, Ева вела себя с остервенением, которое превзошло все, что он видел когда-либо раньше.

Часть их третьей незабываемой встречи он просидел на закрытой крышке унитаза, наблюдая, как Ева доказывает, что душевая комната может быть использована в эротических играх с не меньшим эффектом, чем меховое покрывало, атласные простыни или резиновый матрас.

Он был изумлен тем, что можно быть столь изобретательным в создании и применении множества водных игрушек, составляющих Евину коллекцию. Все эти приборы были остроумно сконструированы и интригующе эластичны. Они лоснились естественно и были убедительно *биологичны* в вызываемой батарейками или рукой пульсации. Эти загадочные и волнующие змееподобные устройства с набалдашником Рой был способен идентифицировать с теми органами – отчасти человеческими, отчасти машинными, – которые грезились ему иногда во сне. Когда Ева управляла этими игрушками, Рой чувствовал

себя так, словно ее совершенные руки были любящими частями его собственного тела, управляемыми на расстоянии.

В расплывающемся паре, горячей воде и пене от душистого мыла Ева казалась совершенной на девяносто процентов, а не на шестьдесят. Она выглядела столь же нереальной, как идеализированный женский образ на картинке.

Ничто в этой жизни не поглощало так Роя, как наблюдение за Евой, методично стимулировавшей одну какую-либо великолепную зону своего тела с помощью прибора, который выглядел ампутированным, но функционирующим органом любовника из будущего. Рой мог так сконцентрироваться на своем наблюдении, что сама Ева переставала существовать для него и каждая неожиданная сцена в просторной ванной – с кушеткой и поручнями – представлялась экспериментальным соединением какой-то совершенной части тела с его неодушевленным аналогом: эротической геометрией, похотливой физикой, исследованием динамики флюидов ненасытной похоти. Этот эксперимент не портила сама личность Евы или присутствие и участие другого человеческого существа. Рой переносился в высокие сферы наслаждения от созерцания эротических сцен так интенсивно, что почти кричал, словно от боли.

* * *

Спенсер проснулся, когда солнце уже взошло над горами. Свет был медного цвета, и длинные утренние тени разливались к западу по бесплодным землям.

Его виденье не было расплывчатым. Солнце больше не ослепляло его.

За краем тени от тента, на земле, спиной к нему сидела Валери. Чем она была занята, он не видел.

Рядом с Валери сидел Рокки, тоже спиной к Спенсеру. Урчал мотор. У Спенсера хватило сил приподнять голову и обернуться на звук. Урчал «Ровер». В глубине ниши, образованной тентом, оранжевый провод тянулся из раскрытой дверцы «Ровера» к Валери.

Спенсер чувствовал себя скверно, но он был доволен улучшением своего состояния по сравнению с предыдущим возвращением в сознание. Его череп уже не раскалывался от боли, она ослабла и перешла в тупое ноющее подергивание в правом глазу. Во рту было сухо. Губы потрескались. Но в горле уже не горело.

Утро было по-настоящему теплым. Спенсер чувствовал, что тепло не от лихорадки – его лоб был прохладен. Спенсер откинул одеяло.

Он зевнул, выпрямился – и застонал. Все мышцы болели, но после того, как его измяло и избил, этого следовало ожидать.

Когда Спенсер застонал, Рокки кинулся к нему. Дворняжка скалилась, дрожала, мотала хвостом из стороны в сторону в неистовом восторге от того, что видела своего хозяина в сознании.

Пес с энтузиазмом облизал все лицо Спенсера, прежде чем тот сумел зацепить его за загривок и отодвинуть от себя на расстояние длины собачьего языка.

Взглянув через плечо, Валери сказала:

– Доброе утро.

Она выглядела такой же милой при раннем солнце, как и в свете лампы.

Он почти высказал свои чувства вслух, но был обескуражен смутным воспоминанием о том, что уже сказал слишком много, находясь в забытии. Он подозревал, что раскрыл секреты, которые следовало держать при себе. И не изливать ей свои чувства бесхитростно, как этот безрассудный щенок.

Спенсер сел, так и не позволив собаке еще раз облизать его, и сказал:

– Не обижайся, приятель, но от тебя чем-то пахнет.

Он встал на колени, потом поднялся на ноги и пошатнулся.

– Кружится голова? – спросила Валери.

– Нет. Это прошло.

– Хорошо. Я думала, что у вас сильное сотрясение мозга. Я не доктор – как вы уже уяснили. Но у меня есть с собой некоторые справочники.

– Просто небольшая слабость. Хочется есть. Ужасно голоден.

– Я думаю, это хороший признак.

Теперь, когда Рокки уже не трогал его лицо, Спенсер осознал, что запах исходил не от собаки. Пахло от него самого илистым запахом реки и потом после лихорадки.

Валери вернулась к своему занятию.

Стараясь держаться от нее с подветренной стороны и не позволяя игривой дворняжке трепать его, Спенсер приподнял полог тента, чтобы разглядеть, чем занималась эта женщина.

На земле, на черной пластмассовой подставке стоял компьютер. Не портативная модель, а настоящий профессиональный персональный компьютер. Панель с клавиатурой лежала у нее на коленях.

Было странно видеть такую сложнейшую, высокотехническую установку на фоне первобытного ландшафта, который оставался, в сущности, неизменным сотни тысяч, а то и миллионы лет.

– Сколько мегабайт? – спросил он.

– Не мега. Гига. Гигабайт.

– И вам они нужны все?

– Некоторые программы, которыми я пользуюсь, чертовски сложные. Они занимают множество дискеток.

Оранжевый электрический шнур от «Ровера» был подключен к логическому блоку. Другой оранжевый шнур тянулся от задней крышки логического блока к необычному прибору, расположенному в десяти футах от края тени, отбрасываемой их брезентовым укрытием. Он походил на перевернутую «летающую тарелку», которую дети, играя, перебрасывают друг другу. Края «тарелки» сияли, снизу она была прикреплена к шарообразному сооружению, которое, в свою очередь, было зафиксировано на черной четырехдюймовой металлической опоре, вставленной в серый ящик высотой четыре дюйма.

Занятая клавиатурой, Валери ответила раньше, чем он успел задать вопрос:

– Связь со спутником.

– Вы разговариваете с чужеземцами? – спросил он полушутя.

– В настоящий момент с компьютером «дэ-о», – ответила она и сделала паузу, чтобы изучить данные, появившиеся на экране.

– "Дэ-о"? – удивился он.

– Департамент обороны. ДО.

Он присел на корточки.

– Скажите, вы агент правительства?

– Я не сказала, что говорю с компьютером ДО с разрешения ДО. Или с их ведома, что одно и то же. Я связалась со спутниковой телефонной компанией и подключилась к одной из их линий, зарезервированных для проверки систем. Той линии, что ведет к базовому компьютеру ДО в Арлингтоне, штат Вирджиния.

– Базовому, – задумался он.

– Тщательно охраняемому.

– Бьюсь об заклад, что вы получили этот номер не от помощника директора.

– Номер телефона – это не самое трудное. Гораздо труднее заполучить оперативные коды, которые позволят тебе вторгнуться в их систему. Без них все равно ничего не получится.

– И вы располагаете этими кодами?

– Я имею свободный доступ к ДО уже четырнадцать месяцев. – Ее пальцы снова замелькали над клавиатурой. – Самое трудное – это раздобыть код к программе, которая периодически меняет все *другие* коды к доступу. Но если ты не владеешь им, то не можешь оставаться в *этом* потоке, пока они не пришлют тебе очередное приглашение.

– Выходит, четырнадцать месяцев назад вы просто нашли все эти номера на полочке для безделушек в своей гостинице?

– Три человека, которых я любила, отдали свои жизни за эти коды.

Этот ответ, произнесенный Валери не более печальным тоном, чем все, что она говорила, заключал в себе такую эмоциональную тяжесть, что Спенсер замолчал на какое-то время и задумался.

Ящерица длиной около фута, коричневая с черными и золотыми блестками, выскользнула из-под ближайшего камня на солнышко и пробежала по теплему песку. Завидев Валери, она замерла и уставилась на женщину. Ее серебристо-зеленые глазки были выпуклыми, с прозрачными веками.

Рокки тоже увидел ящерицу. И спрятался за своего хозяина.

Спенсер обнаружил, что улыбается рептилии, хотя не был уверен, почему он должен быть так обрадован ее появлению. Потом до него дошло, что он машинально тербит резной медальон из мыльного камня, висящий на груди. Тогда он понял. Луис Ли. Фазаны и драконы. Процветание и долгая жизнь.

Три человека, которых я любила, отдали свои жизни за эти коды.

Улыбка на лице Спенсера исчезла. Он спросил Валери:

– Кто вы?

Не отрывая взгляда от экрана дисплея, она сказала:

– Вас интересует, международная ли я террористка или добрая патриотка Америки?

– Ну, я не хотел бы так выразиться.

Вместо ответа она сказала:

– За последние пять дней я пыталась узнать все, что можно, о вас. Черт возьми, получается не слишком много. Вы словно вытравили себя из официальных анналов. Поэтому я думаю, что имею право задать вам этот же вопрос. Кто вы?

Он пожал плечами:

– Просто некто, кто дорожит своей частной жизнью.

– Конечно. А я, озабоченная и заинтересованная гражданка, в целом не очень отличаюсь от вас.

– Если не считать того, что я не знаю, как вторгнуться в ДО.

– Вы совершили махинацию со своим военным личным делом.

– Это детская игрушка по сравнению с тем огромным обманом, который вы совершаете сейчас. Что вы ищете, черт возьми?

– ДО следит за каждым спутником, находящимся на орбите: гражданским, правительственным, военным, как нашим, так и иностранным. Я выискиваю все спутники, способные вести наблюдение за этим крохотным уголком земли и выследить нас, если мы вылезем отсюда.

– А я думал, что это часть сновидения, – признался он неохотно, – когда вы толковали о глазах на небе.

– Вы изумлены. Изумлены – это всего лишь слово. Что же до наблюдения, то наверху находятся от двух до шести спутников с такой способностью на орбитах, которые проходят над западными и юго-западными штатами.

Он в смущении сел.

– Что произойдет, когда вы обнаружите их?

– ДО располагает входными кодами. Я использую их для связи с каждым спутником, влезу в их текущую программу и увижу, ищут ли они нас.

– Эта ужасающая леди проникает в спутники, – сообщил он Рокки, но на собаку, кажется, это произвело меньшее впечатление, чем на ее хозяина. Валери же Спенсер сказал: – Я не думаю, что слово «хакер» вполне подходит к вам.

– Тогда... как там называли людей вроде меня, когда вы были в этой службе по борьбе с компьютерными преступлениями?

– Я не помню, чтоб мы даже предполагали о существовании таких людей, как вы.

– Что ж, так вот мы есть.

– Они в самом деле охотятся за нами со спутников? – спросил он с сомнением. – Я хочу сказать, неужто уж мы такие важные птицы?

– Они думают, что я такая важная птица. А вы их совершенно обескуражили. Они не могут понять, какого черта вы влезли в это дело. Пока они не разберутся, в чем заключается ваша роль, они будут считать вас таким же опасным для себя, как и меня. Незнакомец – это вы, – с их точки зрения, всегда больше пугает, чем знакомый.

Он поразмыслил над этим.

– Кто эти люди, о которых вы говорите?

– Может быть, для вас безопаснее, если вы этого не будете знать.

Спенсер открыл было рот, чтобы возразить, но сохранил молчание. Ему не хотелось спорить. Пока, во всяком случае. Во-первых, ему нужно привести себя в порядок, во-вторых, что-нибудь поесть.

Не делая передышки в своей работе, Валери объяснила ему, что пластмассовые ящики с бутылками воды, таз, жидкое мыло, губки и чистые полотенца находятся внутри «Ровера» сразу за задней дверцей.

– Только не расходуйте слишком много воды. Это весь наш запас для питья, если нам предстоит выбираться отсюда несколько дней.

Рокки последовал за хозяином к машине, нервно оглядываясь назад на греющуюся на солнышке ящерицу.

Спенсер обнаружил, что Валери захватила из «Эксплорера» его вещи. Он смог побриться и переодеться в чистую одежду, и вдобавок вымыться в тазу. Он почувствовал себя посвежевшим и больше уже не ощущал запах от своего тела. Он только не смог промыть волосы так, как бы хотелось, поскольку его череп был еще очень чувствителен, и не только вокруг раны.

Ее «Ровер» типа грузовичка-фургона, как и «Эксплорер», был основательно загружен всякими припасами от задней дверцы до переднего сиденья. Провиант был уложен так, как это мог сделать только очень организованный человек: в коробках и холодильниках, до которых было легко добраться и с места водителя, и с места пассажира.

Большинство продуктов содержалось в банках и бутылках, за исключением коробок с крекерами. Поскольку Спенсер был слишком голоден, чтобы начинать готовить, он выбрал две маленькие жестянки с венскими сосисками, два пакетика сырных крекеров и жестянку с порцией консервированных персиков.

В одном из стироловых контейнеров, так же легко достигаемых с переднего сиденья, он нашел оружие. Пистолет «СИГ» калибром в девять миллиметров, почти карманных размеров автомат «узи», незаконно переделанный в полностью автоматический. Здесь же было несколько полных магазинов к оружию.

Спенсер рассмотрел оружие, потом повернулся, чтобы взглянуть сквозь ветровое стекло на женщину, сидевшую в двадцати футах от него за компьютером. Она казалась хорошо подготовленной к любой непредвиденной случайности, так что могла послужить образцом не только для герлскаут, но и для переживших день Страшного суда. Она была умна, образованна, забавна, отважна, мужественна и прекрасно смотрелась и при свете лампы, и при солнечном свете – при любом свете вообще. Несомненно, она была так же хорошо подготовлена к владению пистолетом, и автоматом, ибо была настолько прагматична, что запаслась ими обоими. Иначе она просто бы не загромождала место оружием, которым не могла бы воспользоваться. И уж, конечно, не стала бы рисковать, открывая огонь из полностью автоматического «узи», за хранение которого полагалось наказание.

Спенсер размышлял, была ли она когда-нибудь вынуждена стрелять в другое человеческое существо. Он надеялся, что нет. И надеялся, что она никогда не попадет в такие обстоятельства, которые вынудят ее к этому. К сожалению, жизнь, похоже, не предоставляет ей ничего, кроме таких крайних обстоятельств.

Он открыл жестянку с сосисками, потянув за кольцо на крышке. Понуждаемый волчьим

голодом, он сразу набил рот, поедая одну миниатюрную сосиску за другой. Ничто никогда не казалось ему таким вкусным, как эти сосиски. Возвращаясь к Валери, он дожевывал третью.

Рокки танцевал и подпрыгивал рядом, требуя свою долю.

– Это мое, – сказал Спенсер.

Он опустился рядом с Валери, но не заговаривал с ней. Она казалась совершенно поглощенной зашифрованными данными, заполнившими экран дисплея.

Ящерица по-прежнему лежала на солнышке на том же самом месте, где застыла полчаса назад. Крохотный динозавр.

Спенсер открыл вторую жестянку с сосисками и, поделившись двумя с собакой, почти приканчивал оставшуюся, когда Валери вздрогнула от изумления.

– О черт! – выдохнула она.

Ящерица мгновенно юркнула под камень, из-под которого появилась.

Спенсер увидел, как вспыхнуло слово на экране: «Уловлено».

Валери ткнула тумблер питания на логическом блоке.

Перед тем как экран окончательно погас, Спенсер увидел еще два слова, вспыхнувших под первым: «Прослеживаю обратно».

Валери вскочила на ноги, выдернула штыри обоих проводов из компьютера и кинулась на солнцепек к микроволновой тарелке.

– Грузите все в «Ровер»!

Поднимаясь на ноги, Спенсер спросил:

– Что случилось?

– Они используют спутник Агентства по защите окружающей среды. – Она уже собрала микроволновую тарелку и вернулась к нему. – И еще они используют сверхсовершенную, черт бы ее взял, программу обеспечения безопасности. Определяет любой поисковый сигнал и прослеживает его обратно. – Поспешив мимо него, она кивнула: – Помогите мне все уложить. Шевелитесь, черт побери, *шевелитесь*!

Он поставил панель с клавиатурой на монитор и поднял всю установку, включая резиновую подстилку под ней. Когда он последовал за Валери к «Роверу», его пострадавшие мышцы протестовали против спешки.

– Они нашли нас? – спросил он.

– Мерзавцы! – раздраженно выкрикнула она.

– Но может быть, вы вовремя отключились?

– Нет.

– Но как они могут быть уверены, что это мы?

– Они поймут.

– Но это был всего лишь микроволновый сигнал, на нем нет отпечатков пальцев.

– Они идут! – настойчиво сказала она.

* * *

В субботнюю ночь, третью, которую они провели вместе, Ева Джаммер и Рой Миро начали свои страстные, но бесконтактные занятия любовью раньше, чем в предыдущие вечера. Тем не менее, хотя этот сеанс был самым продолжительным и самым пылким, они завершили его к полуночи. После этого они лежали целомудренно бок о бок на кровати, в мягком голубом неоновом свете, каждый из них следил влюбленными глазами за отражениями другого в зеркальном потолке. Ева была так же обнажена, как в тот день, когда появилась на свет, а Рой был полностью одет. На какое-то время они погрузились в глубокий, успокаивающий сон.

Поскольку он прихватил с собой сумку со всем необходимым, Рой был готов приступить утром к работе без того, чтобы возвращаться в свой отель на Стрип-стрит. Он принял душ в гостевой ванной, а не в Евиной, потому что не имел желания раздеться и обнаружить так много несовершенств: его похожие на обрубки пальцы на ногах, шишковатые

колени, его брюшко, россыпь веснушек и две родинки на груди. Кроме того, никто из них не хотел следовать за другим под душ. Если он будет стоять на кафеле, мокрым от воды, стекающей с нее... это приятно, но тревожно, этот акт может нарушить удовлетворяющие сухие отношения, свободные от обмена флюидами, которые они установили и в которых преуспели.

Он предположил, что некоторые люди сочли бы их сумасшедшими. Но тот, кто был влюблен по-настоящему, понял бы их.

Не имея надобности идти в отель, Рой прибыл в Центр спутникового наблюдения рано утром в понедельник. Открыв дверь, он понял, что моментом раньше произошло что-то волнующее. Несколько человек столпились перед настенным дисплеем, глядели на него, и гул их разговоров представлялся позитивным звуком.

Кен Хукман, утренний дежурный, широко улыбался. Явно жаждущий стать первым, кто сообщит приятную новость, он помахал Рою, чтобы тот подошел к подковообразному контрольному пульта.

Хукман был высокий, слащаво красивый, льстивый тип. Он выглядел так, словно поступил в Агентство после попытки сделать карьеру в качестве ведущего на телевидении.

Как говорила Ева, Хукман несколько раз подкатывался к ней, но она давала ему отпор. Если бы Рой подумал, что Кен Хукман представляет какую-то угрозу Еве, он бы снес голову этому ублюдку прямо на месте, и к черту последствия. Но он находил умиротворение в сознании того, что влюблен в женщину, которая может прекрасно и сама постоять за себя.

– Мы нашли их! – провозгласил Хукман, когда Рой подошел к нему у контрольной консоли. – Она связывалась со «Стражем Земли-3», чтобы проверить, не используем ли мы его для спутникового наблюдения.

– Откуда вы знаете, что это она?

– Это ее *стиль*.

– Предположим, она наглая, – признал Рой, – но я надеюсь, что вы опираетесь на что-то большее, чем голый инстинкт.

– Да, но, черт побери, сигнал связи был направлен вверх откуда-то отсюда. Кто еще это может быть? – сказал Хукман, указывая на стену.

С орбиты в настоящий момент транслировалось обычное, словно в телескопе, направленном вниз, изображение южной половины Невады и Юты плюс северная треть Аризоны. Лас-Вегас был в нижнем левом углу. Три красных и два белых кольца, мигающих, словно бычий глаз, отмечали безлюдное место, откуда подавался сигнал.

Хукман сказал:

– Сто пятнадцать миль к северу-северо-востоку от Вегаса, в пустынной равнине северо-восточнее Парок-Саммит и северо-западнее Оак-Спрингс Саммит. Откуда-то отсюда, из середины нигде, как я сказал вам.

– Мы используем спутник Агентства по защите, – напомнил ему Рой. – А может ли оператор, работающий с этим спутником, определить точно место, откуда исходит пучок лучей, то есть засечь компьютер, произвести своего рода аэросъемку? Или произвести спектрографический анализ местности? Или сделать сотню каких-то других вещей?

– Оператор? Но ведь это где-то в середине нигде! – сказал Хукман. Он, похоже, забуксовал на этой фразе, повторяя ее, как навязчивый мотив старой песенки: – Середина нигде...

– Достаточно забавно, – сказал Рой с теплой улыбкой, прикрывающей жало его сарказма. – Проведена масса исследований по изучению окружающей среды прямо отсюда и в самой *окружающей среде*, а вы изумляетесь, что такая большая часть планеты, оказывается, это середина нигде.

– Хм, может быть, и так. Но если это был легальный контакт ученого или кого-то в этом роде, то почему он был таким коротким, что ничего точнее нельзя было установить?

– Вот *это* уже первый кусок мяса, который вы добыли, – сказал Рой, – но этого недостаточно, чтобы надеяться на определенность.

Хукман выглядел сбитым с толку.

– Что?

Вместо того чтобы объяснить, Рой сказал:

– А почему обозначили находку как «бычий глаз»? Цели всегда отмечаются белым крестом.

Ухмыляясь, довольный самим собой, Хукман сказал:

– Я подумал, что так будет интереснее, немного позабавит.

– Похоже на какую-то видеоигру, – сказал Рой.

– Благодарю, – откликнулся Хукман, интерпретируя пренебрежение как комплимент.

– Теперь об увеличении, – сказал Рой, – какова высота, с которой мы как бы наблюдаем этот вид?

– Двадцать тысяч футов.

– Слишком высоко. Опустите нас до пяти тысяч.

– Мы как раз сейчас осуществляем этот процесс, – сказал Хукман, указывая на нескольких операторов, работающих за компьютерами в центре комнаты.

Холодный, мягкий женский голос послышался из громкоговорящей системы контрольного центра:

– *Предоставляем вид с наибольшим увеличением.*

* * *

Местность была неровной, если вообще пригодной для езды, но Валери гнала машину так, словно неслась по гладкой битумной ленте шоссе. Покалеченный «Ровер» кренился и подпрыгивал, дрожал и трясся, когда летел по этой негостеприимной земле, трещал и скрежетал, словно готов был в любой момент развалиться, как заводная игрушка, у которой перекутили пружину.

Спенсер занимал место пассажира, в правой руке он держал девятимиллиметровый пистолет «СИГ». «Узи» лежал на полу между его ногами.

Рокки сидел за ним, в узком пустом пространстве между передним сиденьем и массой снаряжения, занимающего весь грузовой отсек до самой задней дверцы.

Здоровое ухо собаки было на острие, потому что ей была очень интересна эта гонка, второе ухо трепыхалось, словно лоскут.

– Мы не можем ехать чуть медленнее? – спросил Спенсер. Он должен был повысить голос, чтобы Валери услышала его в реве мотора и стуке колес по руслу водостока, словно по стиральной доске.

Валери склонилась к рулю, взглянула на небо, потом повернула голову направо и налево.

– Чистое и голубое, ни облачка, черт побери. Я так надеялась, что нам не придется удирать раньше, чем снова появятся облака.

– А это разве имеет значение? Как насчет этого наблюдения в инфракрасных лучах? Вы говорили, что они могут видеть сквозь облака.

Глядя вперед, как «Ровер» пожирает свою дорогу по крутому склону русла, она сказала:

– Опасно сидеть на месте, в середине нигде, будучи единственным неприродным источником тепла на мили вокруг. Им гораздо труднее, когда мы находимся в движении, особенно, если мы на шоссе, среди других машин, когда они не могут расшифровать тепловой код «Ровера» и выделить его в дорожном потоке.

Верх водостока оказался невысоким гребнем. Когда они перенеслись через него с достаточной скоростью, то машина секунду или две летела по воздуху. Она шлепнулась передними колесами на длинный пологий склон серо-черно-розовой глины.

Комья глины, разбросанные колесами, забарабанили по днищу кузова. Чтобы быть услышанной сквозь шум, сильный, как при урагане, Валери кричала:

– С таким голубым небом нам могут причинить больше неприятностей, чем с помощью

инфракрасных лучей. При таком ясном небе нас можно разглядеть сверху невооруженным взглядом.

– Вы думаете, они уже видели нас?

– Держу пари, что они уже *высматривают* нас, – сказала она едва слышно из-за пулеметной дробы комков глины под ними.

– Глаза в небе, – сказал он скорее себе, чем ей.

Мир, казалось, перевернулся вверх дном: голубые небеса стали местом, где жили демоны. Валери кричала:

– Да, они высматривают нас. И можете быть уверены, это продлится недолго, учитывая, что мы единственный движущийся объект, отличающийся от змей и зайцев. По меньшей мере на ближайшие пять миль в каждом направлении.

«Ровер» съехал с засохшей глины на более мягкую почву, и неожиданное снижение шума было таким облегчением, что рокот мотора, который раньше так раздражал, теперь казался им музыкой струнного квартета.

Валери сказала:

– Черт побери, я установила связь только для того, чтобы убедиться в том, что и так было ясно. Я не думала, что они и в самом деле все еще там, все еще используют спутник третий день подряд. И я не подумала, что они будут фиксировать входящие сигналы.

– Три дня?

– Да. Видимо, они начали вести наблюдение перед рассветом в субботу, как только прошел ураган и небо очистилось. Эх, парень, должно быть, их желание сцапать нас даже сильнее, чем я думала.

– А какой день нынче? – спросил он с беспокойством.

– Понедельник.

– А я был уверен, что воскресенье.

– Вы были на том свете много дольше, чем думаете. Где-то с полудня в пятницу.

Даже если его бессознательное состояние накануне ночью и переходило в нормальный сон, все равно он был в отключке от сорока восьми до шестидесяти часов. Поскольку он очень высоко ценил свой самоконтроль, то почувствовал себя не в своей тарелке, когда понял, как долго был в состоянии некоего безумия.

Он вспомнил какие-то обрывки своего бреда и соображал, что еще мог наговорить ей.

Снова взглянув на небо, Валери сказала:

– Я *ненавижу* этих мерзавцев.

– Но кто они? – спросил он уже не в первый раз.

– Не пытайтесь узнать это, – ответила она не в первый раз, – как только узнаете – вы покойник.

– Похоже, есть хорошие шансы полагать, что я уже покойник, и мне не хотелось бы, чтобы меня ухлопал неизвестно кто.

Она обдумала его слова, когда, не снижая скорости, они стали преодолевать еще один подъем, на этот раз достаточно протяженный.

– О'кей. В этом есть смысл. Но позже. А сейчас я должна сосредоточиться, чтобы выбраться из этой заварухи.

– А выход есть?

– Где-то между маловероятным и нулевым, но есть.

– Я подумал, что с помощью этого спутника они могут нас теперь засечь в любую секунду.

– Могут. Но ближайшее место, где у этих мерзавцев есть люди, это, видимо, Вегас. Сто десять миль отсюда, может быть, даже сто двадцать. Столько я проехала с вечера в пятницу, прежде чем решила, что от тряски вам может стать хуже. К тому времени когда они соберут боевую группу и она вылетит за нами, мы выиграем, как минимум, два часа, два с половиной максимум.

– Чтобы добиться чего?

– Чтобы снова затеряться, – ответила она нетерпеливо.
– Но как мы скроемся от них, если они наблюдают за нами из космоса, ради Бога? – потребовал он.

– Слушайте, *это* уже звучит паранойей, – сказала она.
– Это никакая не паранойя. Это то, что они *делают*.
– Я знаю, знаю. Конечно же, это выглядит сумасшествием. – Тут она симитировала голосок Гуфи, одного из персонажей Диснея. – За нами наблюдают из космического пространства забавные маленькие человечки в остроконечных шляпах, с лучевыми ружьями, они собираются украсть наших женщин и разрушить мир.

Рокки за их спинами негромко затыкал, заинтригованный незнакомыми звуками.

Валери заговорила нормальным голосом:

– А разве мы живем не в безумные времена? Господи Боже мой, разве не так?

Когда они перевалили через вершину холма и совершили еще один прыжок, Спенсер сказал:

– Какую-то минуту я думал, что знаю вас, но уже в следующую понял, что не знаю вовсе.

– Вот и хорошо. Чувствуйте себя настороже. Нам необходимо быть настороже.

– Вам кажется, что это все забавно?

– О, временами я теряю чувство юмора, как вы сейчас. Но мы живем в парке с аттракционами Господа Бога. Если все принимать слишком всерьез, то можно чокнуться. На каком-то уровне все кажется уже забавным, даже кровь и смерть. Вам так не кажется?

– Нет, нет, не кажется.

– Тогда как вы до сих пор уцелели? – спросила она уже вполне серьезно.

– Это было нелегко.

Широкая, плоская вершина холма за гребнем заросла кустарником гуще, чем предыдущие. Но Валери не сняла ногу с педали газа, и «Ровер» шел напролом, сметая все на своем пути.

Спенсер настаивал:

– Но все же, как мы скроемся от них, если они наблюдают за нами из космоса?

– Обманем.

– Как?

– Предпримем некоторые ловкие шаги.

– Например?

– Я еще не знаю.

Он не отставал:

– А когда узнаете?

– Надеюсь, раньше, чем истекут наши два часа. – Она взглянула на одометр и нахмурилась: – Похоже, что мы прошли шесть миль.

– Похоже, что сто. Кажется много больше из-за этой проклятой тряски. Моя жуткая головная боль снова возвращается.

Широкая вершина холма не оборвалась внезапно вниз, но мягко перешла в длинный, пологий спуск, покрытый высокой травой, настолько пересохшей, блеклой и прозрачной, что походила на крылья стрекоз. А внизу виднелись две полосы битума, которые тянулись на запад и восток.

– Что это? – изумился он.

– Старое федеральное шоссе номер девяносто три, – ответила она.

– Как вы узнали, что оно здесь? Как?

– Или я должна была изучить карту, пока вы были в отключке, или выкинула какой-нибудь фортель.

– Возможно, и то и то, – пробормотал он, потому что она снова изумила его.

Из-за того что обзор с высоты пять тысяч футов не давал рассмотреть объекты размером с автомобиль, Рой потребовал, чтобы система фокусирования как бы опустилась до высоты в тысячу футов.

Для достижения ясности это экстремальное увеличение потребовало большего, чем обычно, количества изображений. Дополнительная передача сигналов «Стража Земли-3» максимально мобилизовывала возможности компьютера, и вся другая работа Агентства была приостановлена, чтобы высвободить «Крэя» для этой важной задачи. С другой стороны, теперь больше времени уходило на ожидание проекции изображения.

Вскоре из громкоговорящей системы снова послышался мягкий голос женщины, почти шепот:

– *Подозреваемый экипаж обнаружен.*

Кен Хукман помчался от контрольного пульта к двум рядам компьютеров, за каждым из которых работал оператор. Через минуту он вернулся, по-мальчишески оживленный:

– Мы поймали ее!

– Мы еще не можем знать этого, – предостерегающе сказал Рой.

– Да нет, мы поймали ее, все в порядке, – возбужденно сказал Хукман, повернувшись к лучу на стенном дисплее. – Какой еще экипаж может находиться там в движении, в том самом районе, откуда была сделана попытка послать сигнал?

– Может быть, какой-нибудь ученый из Агентства по защите среды.

– И вдруг он понесся оттуда?

– Может быть, просто ездит так вокруг.

– Двигается *по-настоящему* быстро для этой местности.

– Ну, там же нет ограничений скорости.

– Слишком много совпадений, – сказал Хукман. – Это она.

– Посмотрим.

Пульсируя, перемещаясь слева направо через стенной дисплей, изображение стало меняться. Новое изображение двигалось, расплывалось, подрагивало, снова прояснялось – и они вглядывались вниз с высоты тысячи футов в суровую местность.

Машина неопределяемого типа и модели, по-видимому приспособленная для передвижения по труднопроходимой местности, мчалась по плоской, покрытой кустарником земле. Она все еще была, к сожалению, слишком крохотным объектом, чтобы разглядеть ее хорошенько с такой высоты.

– Сфокусируйте до высоты в пятьсот футов, – приказал Рой.

– *Производится увеличение изображения высшей степени.*

После короткого промедления изображение снова стало пульсировать слева направо. Оно расплывалось, перемещалось, снова расплывалось и прояснялось.

«Страж Земли-3» находился не прямо над двигающейся целью, но на геосинхронной орбите северо-вос-точной ее. Таким образом, цель наблюдалась под углом, что требовало дополнительной автоматической процедуры, чтобы избавить изображение объекта от искажений, вызванных перспективой. В результате появилась картинка, на которой были видны не только прямоугольная крыша и капот, но и под углом часть одного крыла.

Хотя Рой понимал, что элемент искажения все еще остается, он был почти убежден, что может разглядеть пару ярких пятен, сверкнувших в наплывающей тени. Это могли быть стекла кабины водителя, отразившие солнечный свет.

Когда подозреваемый экипаж достиг гребня холма и начал длинный пологий спуск, Рой вгляделся в эти, скорее всего окошки, и подумал, ожидала ли женщина, что она будет обнаружена с другой стороны своей клетки из солнечно-бронзового стекла? Нашли ли они ее наконец?

Цель достигла шоссе.

– Что это за дорога? Надо определить, быстро, – потребовал Рой.

Хукман нажал кнопку на пульте и отдал распоряжение в микрофон.

Когда подозреваемый автомобиль повернул по двух-ленточной магистрали на восток, многокрасочная карта на стене идентифицировала по топографическим предметам эту магистраль как федеральное шоссе номер девяносто три.

* * *

Когда Валери, не колеблясь, повернула на восток, Спенсер спросил:

– Почему не на запад?

– Потому что там нет ничего, кроме бесплодных земель Невады. Первый городишко находится более чем в двухстах милях. Он называется Ворм Спрингс, но он такой маленький, что правильнее было бы сказать Ворм Спит¹. Нам не добраться так далеко. Ненаселенная, пустая земля. Тысячи мест, где они могут прихватить нас, и никто не увидит, что произошло. Мы просто исчезнем с лица земли.

– Так куда же мы направляемся?

– Отсюда несколько миль до Калиенте, затем еще десять до Панаки...

– Это тоже не мегаполисы...

– Затем мы пересекаем границу с Ютой. Модена, Ньюкасл – это тоже не совсем те города, которые никогда не спят. Но за Ньюкаслом будет Седар-Сити.

– Колоссальный центр...

– Четырнадцать тысяч населения или около того... – сказала она. – Хоть какой-то шанс ускользнуть от наблюдения на время, достаточное, чтобы бросить «Ровер» и пересечь во что-нибудь другое.

Двухрядное шоссе отличалось частыми проседаниями покрытия, бугристыми заплатами и неремонтированными выбоинами. Бордюр с обеих сторон был разрушен. Как препятствие такая дорога, конечно, не была вызовом «Роверу» – хотя после тряского путешествия по пустыне Спенсеру хотелось бы, чтобы фургон обладал мягкими рессорами и поглотителями толчков.

Не обращая внимания на состояние дороги, Валери придавила педаль газа, увеличивая скорость не просто до наказуемой, а до безрассудной.

– Надеюсь, дорога скоро станет лучше, – сказал он.

– Судя по карте, после Панаки она, возможно, станет хуже. Оттуда все пути к Седар-Сити ведут по дорогам штата.

– А как далеко до Седар-Сити?

– Около ста двадцати миль, – произнесла она так, словно это была хорошая новость.

Он изумленно взглянул на нее, не веря своим ушам:

– Вы шутите. Даже при удаче по таким дорогам, как эта – а то и хуже! – нам потребуется два часа, чтобы туда добраться.

– Сейчас мы делаем семьдесят миль в час.

– Ощущение такое, словно сто семьдесят! – его голос прервался, когда колеса поскакали по покрытию, похожему на рубчатый вельвет.

Тоже прерывающимся голосом она ответила:

– Я надеюсь, что у вас нет геморроя.

– Но вы не можете все время удерживать такую скорость. Мы въедем в Седар-Сити прямо с этой убойной командой на хвосте.

Она пожала плечами:

– Что ж, держу пари, тамошний люд увидит впечатляющее зрелище. С последнего летнего Шекспировского фестиваля прошло порядочно времени...

* * *

По требованию Роя изображение теперь соответствовало тому, какое они наблюдали бы,

¹ Игра слов. Warm Springs – Теплые ключи, Warm Spit – Теплый плевок (англ.).

находясь в двухстах футах над целью. Увеличение становилось все более трудоемким, но, к счастью, дополнительных возможностей логического блока хватало, чтобы избежать дальнейших промедлений при передаче изображения на дисплей.

Масштаб на дисплее настолько возрос, что цель очень быстро пересекала экран и исчезала справа. Но потом снова появлялась слева, в то время как «Страж Земли-3» проецировал новый сегмент территории, которая простиралась дальше к востоку, по направлению движения цели.

Теперь фургон мчался на восток, а не на юг, как раньше, и под новым углом рассмотрения открывалась часть ветрового стекла, в котором отражалась игра солнечных бликов.

– Цель определена по форме – это последняя модель «Ровера».

Рой Миро взирал на настенный дисплей, пытаясь держать пари с самим собой, что в подозреваемой машине находится, по крайней мере, та женщина, а то и этот мужчина со шрамом.

Временами ему удавалось заметить темные фигуры в «Ровере», но он не мог идентифицировать их. Он даже не мог достаточно хорошо разглядеть, сколько человек едет в этой проклятой машине и какого они пола.

Дальнейшее увеличение потребовало бы долгой, утомительной работы. К тому времени когда удалось бы получить детальные портреты пассажиров «Ровера», они бы уже могли достичь любого из полудюжины больших городов и затеряться в нем.

Можно послать людей, чтобы задержать «Ровер», но вдруг окажется, что его пассажиры не интересующие его люди, и он упустит все шансы пришить эту женщину. Она может выйти из укрытия, пока он отвлечет от нее свое внимание, может проскользнуть в Аризону или вернуться в Калифорнию.

– *Скорость цели семьдесят две мили в час.*

Чтобы уверенно гнаться за «Ровером», требовалось взвесить массу более или менее очевидных обстоятельств. Спенсер Грант выжил, когда его «Эксплорер» был смыт бушующим потоком. Каким-то образом он сумел предупредить эту женщину о своем местонахождении, и она встретила с ним в пустыне, и они вместе уехали оттуда в ее автомобиле. Женщина сумела сообразить, что Агентство может прибегнуть к наблюдению с орбиты, чтобы найти ее, и слилась с землей утром в субботу, прежде чем разошлись облака. А этим утром она вышла из убежища и начала устанавливать связь с доступными спутниками наблюдения, чтобы определить, продолжает ли какой-нибудь из них искать именно ее, была огорошена программой обратного слежения и тут же, несколько минут спустя, кинулась спасать свою жизнь.

Цепь этих обстоятельств была достаточно длинна, чтобы Рой почувствовал себя несколько в затруднении.

– *Скорость цели семьдесят четыре мили в час.*

– Чертовски быстро для дорог в этом районе, – сказал Кен Хукман. – Это она, и она напугана.

В субботу и воскресенье «Страж Земли-2» обнаружил двести шестнадцать подозрительных автомобилей в обозначенной зоне поисков. Прибывшие в большинстве из них люди просто хотели провести свой отдых в стороне от дороги. Водители и пассажиры в конце концов выходили из своих машин, их наблюдали либо со спутника, либо с пролетавшего вертолета и убеждались, что среди них нет ни Гранта, ни той женщины. Эта женщина может оказаться двести семнадцатой в их списке ложных целей.

– *Скорость цели семьдесят шесть миль в час.*

С другой стороны, эта самая подходящая из всех подозреваемых, которые им попались за двое с лишним суток.

Даже спустя столько времени сила Кеворкяна, которого Рой увидел по телевизору в пятницу во Флэгстаффе, штат Аризона, все еще сохраняла над ним свою власть. Она привела его к Еве и изменила его жизнь. Ему следует доверять этой силе, принимая решения.

Он закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и сказал:

- Давайте собирайте команду и посылайте вдогонку за ними.
- Слушаюсь! – ответил Кен Хукман, взметнув вверх кулак, с раздражающим мальчишеским выражением энтузиазма.
- Двенадцать человек с полным штурмовым снаряжением, – сказал Рой. – Подходящий транспорт находится здесь, на крыше, так что нам не придется зря тратить время. Два больших вертолета.
- Будет сделано, – пообещал Хукман.
- Убедитесь, чтобы все поняли, что эту женщину нельзя упустить.
- Конечно.
- Пусть соблюдают крайнюю осторожность. – Хукман кивнул. – Не дайте ей шанса – *ни одного* – снова ускользнуть. Но Гранта мы должны получить живым, допросить его, выяснить, как он попал в эту историю, на кого работает этот сукин сын.
- Чтобы обеспечить вам возможность с помощью спутника видеть все, что происходит внизу, – сказал Хукман, – мы располагаем дистанционным управлением – «Стражем Земли-3». Оно позволит постепенно изменять его программу так, чтобы он следил именно за «Ровером».
- Сделайте это, – сказал Рой.

Глава 12

В то февральское утро, в понедельник, капитан Гарри Дескоте из полицейского департамента Лос-Анджелеса не был бы изумлен, обнаружив, что он умер в предыдущую пятницу и с тех пор находится в аду. Безобразия, обрушившиеся на него, могли бы стоить немалого времени и энергии множеству ловких, злобных, прилежных демонов.

В пятницу вечером, в половине двенадцатого, когда Гарри занимался любовью со своей женой, Джессикой, а их дочери – Вилла и Ондина – спали или смотрели телевизор в своих спальнях, специальная вооруженная команда ФБР, проводя совместную операцию ФБР и Агентства по борьбе с наркотиками, совершила нападение на дом Дескоте на тихой улочке в Бербанке. Налет был совершен крепкими ребятами с безжалостной силой, которую проявляет любой взвод морской пехоты Соединенных Штатов в любой битве, в любой войне, в любой момент истории.

С синхронностью, которой мог бы позавидовать самый требовательный дирижер симфонического оркестра, во все окна дома были брошены оглушающие гранаты. Взрывы мгновенно дезориентировали Гарри, Джессику и их дочерей, а также временно нарушили их нервно-двигательные функции.

Фарфоровые фигурки повалились, все картины закачались на стенах в ответ на сотрясающий грохот, и тут же все передние и задние двери были сорваны. Тяжело вооруженные люди в черных шлемах и пуленепробиваемых жилетах ворвались в обиталище Дескоте и растеклись, как поток в день второго пришествия, по его комнатам.

Только что Гарри под романтичным мягким янтарным светом настольной лампы пребывал в объятиях своей жены, скользя взад и вперед в предвкушении все разрешающего блаженства. А в следующий момент страсть затмил ужас. Гарри был опрокинут яростно в *смутном* свете лампы, голый и растерянный. Его руки и ноги дергались, колени подгибались, а комната казалась перевернутой, словно гигантская бочка в карнавальном доме развлечений.

В ушах у него звенело, он слышал, как по всему дому люди кричали: «ФБР! ФБР! ФБР!» Резкие голоса не избавляли от смятения. Оглушенный гранатами, Гарри не мог сообразить, что означают эти буквы.

Он подумал, что в ночном столике его пистолет. Заряженный.

Он не мог вспомнить, как открывается ящичек. Неожиданно оказалось, что для этого требуется сверхчеловеческая сообразительность, проворность жонглера с факелами.

Затем спальню заполонили люди, огромные, как профессиональные игроки в футбол, все они одновременно кричали. Они заставили Гарри лечь лицом вниз на пол и положить руки за голову.

Сознание его прояснилось. Он вспомнил, что означает ФБР. Ужас и паника не испарились, но уменьшились до страха и растерянности.

Над домом, ревя моторами, завис вертолет. Его прожектора осветили двор. Но даже сквозь оглушительный рев его моторов Гарри услышал звуки, от которых у него застыла кровь в жилах: это кричали его дочери, когда с треском были распахнуты двери в их комнаты.

Приказание лечь голым на пол в то время, как Джессика, тоже голая, была вынуждена встать с постели, было глубоко унижительно. Они заставили ее встать в углу и только позволили прикрыться руками, пока они шарили по кровати в поисках оружия. После того как, казалось, прошла вечность, ей бросили одеяло, и она завернулась в него.

Гарри в конечном счете разрешили, все еще голому, сторающему от унижения, присесть на край кровати. Ему предъявили ордер на обыск, и он был поражен, увидев на бумаге свою фамилию и адрес. До сих пор он был уверен, что они ошиблись адресом. Он объяснил, что является капитаном лос-анджелесского департамента полиции, но они уже знали это.

Наконец Гарри разрешили одеться в серый спортивный костюм, потом его и Джессику провели в гостиную.

Ондина и Вилла приткнулись на диване, обняв друг друга для моральной поддержки. Девочки кинулись было к родителям, но их остановили офицеры и велели им оставаться на месте.

Ондине было тринадцать, а Вилле четырнадцать лет. Обе девочки унаследовали красоту своей матери. Ондина была одета для сна в панталончики и майку с рукавичками и физиономией какого-то певца на груди. Вилла была тоже в майке с рукавичками, коротких пижамных штанах и желтых гольфах.

Некоторые офицеры поглядывали на девочек так, как смотреть права не имели. Гарри спросил, могут ли его дочери надеть халаты, но ответа не получил. В то время как Джессику провели к большому креслу, Гарри подхватили с боков два офицера и попытались вывести из комнаты.

Когда он снова потребовал, чтобы девочкам дали халаты, и его слова опять проигнорировали, он возмущенно вырвался из их рук. Его возмущение было интерпретировано как сопротивление, Гарри ударили прикладом карабина в живот, бросили на колени и надели ему наручники.

В гараже мужчина, который назвал себя «агентом Гарландом», стоял за рабочим столом и исследовал сто килограмм упакованного в пластиковые мешочки кокаина, стоившего миллионы. Гарри уставился на мешочки, не веря своим глазам, с нарастающей дрожью, когда ему сказали, что кокаин обнаружен в его гараже.

– Я не виновен. Я полицейский. Меня подставили. Это безумие.

Гарланд небрежно процитировал ему его конституционные права.

Гарри был взбешен, с каким равнодушием они отнеслись ко всему, что он сказал. Его гнев и раздражение привели лишь к тому, что с ним обращались еще более грубо, выводя из дома и подталкивая к стоявшему у тротуара автомобилю. Вдоль улицы уже высыпали на свои лужайки и крылечки соседи, чтобы посмотреть, что происходит.

Гарри отвезли в федеральный центр предварительного заключения и разрешили позвонить своему адвокату – им был его брат Дариус.

Считая честью быть полисменом и зная, как опасно находиться вместе с ненавидящими копов уголовниками, Гарри ожидал, что его поместят в отдельную камеру. Но его посадили в камеру вместе с шестью мужчинами, ожидающими обвинения в преступлениях, начиная от нелегальной транспортировки наркотиков и кончая зверским убийством федерального судебного исполнителя.

Все заключенные заявили, что были посажены по ложному обвинению. И хотя некоторые из них были явными уголовниками, капитан обнаружил, что почти готов верить в

их невиновность.

В два тридцать ночи в субботу, сидя напротив Гарри за столом с изрезанной столешницей в комнате для встреч адвокатов с клиентами, Дариус говорил:

– Это настоящая ложь, абсолютная, от нее несет за версту. Ты самый честный человек, которого я знаю, прямой, и такой ты с детства. Ты всегда был примером для брата. Ты, черт побери, раздражающий многих святой, вот кто ты такой! Всякий, кто утверждает, что ты наркоделец, – идиот или лжец. Слушай, не расстраивайся из-за этого ни на минуту, ни на секунду, ни на тысячную секунды. У тебя примерное прошлое, без единого пятнышка, у тебя послужной список настоящего святого. Мы добьемся освобождения под залог и, в конечном итоге, докажем, что это или ошибка, или заговор. Послушай, клянусь тебе, это дело никогда не дойдет до суда, клянусь тебе могилой матери.

Дариус был на пять лет моложе Гарри, но настолько похож на него, что иногда их принимали за близнецов. К тому же Дариус был блестящим, сверхэнергичным, великолепным адвокатом по уголовным делам. Если Дариус говорит, что нет оснований для беспокойства, Гарри постарается не беспокоиться.

– Слушай, если это заговор, – сказал Дариус, – кто стоит за ним? Почему? Каких врагов ты себе нажил?

– Я не могу подозревать никого. Не думаю, что кто-то был бы способен сделать такое.

– Это совершеннейшая чепуха. Мы заставим их ползать на брюхе с извинениями, этих негодяев, идиотов, невежественных подонков. Это жжет меня. Но даже святые наживают врагов, Гарри.

– Я не могу на кого-нибудь показать пальцем, – настаивал Гарри.

– Может, святые *ненароком* наживают врагов.

Меньше чем через восемь часов, сразу после десяти утра в субботу, Гарри рядом со своим братом стоял перед судьей. Решено было задержать Дескоте до суда. Федеральный прокурор потребовал залог в два миллиона долларов, Дариус требовал освобождения Гарри под его собственное поручительство. Залог был определен в пятьсот тысяч, что Дариус посчитал приемлемым. Таким образом, Гарри должен был внести десять, а поручитель – девяносто процентов суммы.

Гарри и Джессика владели семьюдесятью тремя тысячами долларов в акциях и на счете в банке. Поскольку Гарри не намеревался сбежать от обвинения, они получают свои деньги назад, явившись в суд.

Ситуация не была идеальной. Но до того, как они начнут юридическое контрнаступление и все обвинения рассыплются, Гарри сохранит свою свободу и избежит чрезвычайной опасности, которая ожидает полицейского офицера в тюрьме. Последние события наконец развивались в нужном направлении.

Через семь часов, в пять вечера в субботу, Гарри был препровожден из камеры в комнату для встреч адвокатов с клиентами, где его уже ждал Дариус – с плохими вестями.

ФБР убедило судью, что есть основания считать дом Дескоте тайным пунктом, использовавшимся в противозаконных целях, и это позволяло немедленно применить федеральный закон о конфискации имущества. ФБР и Агентство по борьбе с наркотиками тем самым приобретали право наложить арест на дом и находящееся в нем имущество.

Чтобы защитить государственные интересы, федеральные судебные исполнители выселили Джессику, Виллу и Ондину, разрешив им взять с собой только несколько предметов одежды. Замки на дверях сменены. По крайней мере на время, у собственности поставлена охрана.

Дариус сказал:

– Это ерунда. О'кей, возможно, это не противоречит букве последнего решения Верховного суда о конфискации собственности, но определенно противоречит его духу. В одном пункте. Суд установил, что они должны поставить в известность владельца собственности о намерении захвата.

– Намерении захвата? – спросил в растерянности Гарри.

– Конечно, они скажут, что осуществили предупреждение одновременно с предъявлением ордера на выселение, как они и сделали. Но суд ясно дает понять, что должен быть соблюден приличный интервал между предупреждением и выселением.

Гарри не понимал:

– Они выселили Джессику и девочек?

– Не беспокойся о них, – сказал Дариус. – Они будут оставаться с Бонни и со мной. У них все в порядке.

– Как они могут выселить их?

– В соответствии с правилами Верховного суда по другим аспектам закона о конфискации выселение может иметь место до слушания дела, что несправедливо. Несправедливо? Господи, это хуже, чем несправедливо, это тоталитаризм. По крайней мере, слушание будет на этих днях, что до недавнего времени не требовалось. Ты предстанешь перед судьей в течение десяти дней, и он выслушает твои аргументы против конфискации.

– Это мой дом.

– Это не аргумент. Мы найдем лучше. Я должен сказать тебе, что слушание не означает многого. Федеральные чиновники используют все существующие в кодексах закорючки, чтобы убедить суд в правильности своего решения всякими красноречивыми историями о поддержке законов о конфискации. Я постараюсь воспрепятствовать этому, постараюсь раздобыть для тебя судью, который еще помнит, что предполагает демократия. Но реальность такова, что федералы в девяноста процентах случаев добиваются от судьи того, чего хотят. Мы получим слушание, но почти наверняка оно закончится против нас в пользу конфискации.

Гарри с трудом воспринимал тот ужас, который нарисовал ему брат. Покачивая головой, он сказал:

– Они не могут выгнать мою семью из дома. Я еще не осужден ни за что.

– Ты коп. Ты должен знать, как работают эти законы о конфискации. Они в кодексах уже десять лет и с каждым годом все более расширяются.

– Я коп, да, но не обвинитель. Я ловлю преступников, а офис районного прокурора решает, под какие законы их подвести.

– Это будет неприятный урок. Понимаешь... чтобы потерять свою собственность по статусу о конфискации, ты не обязательно должен быть осужден.

– Они могут забрать мою собственность, даже если меня признают невиновным? – спросил Гарри, подозревая, что ему видится ночной кошмар, навеянный каким-то романом Кафки, который он читал в колледже.

– Гарри, слушай меня очень внимательно. Забудь об осуждении или оправдании. *Они могут забрать твою собственность, даже не обвиняя тебя в преступлении.* Без того, чтобы привести тебя в суд. Конечно, ты должен быть осужден, это только усилит их позицию.

– Подожди, подожди. Как такое может произойти?

– Если имеется очевидность любого рода, свидетельствующая, что данная собственность была использована в противозаконных целях, *даже если тебе об этом не было известно*, сам факт может быть достаточным основанием для конфискации. Разве это не остроумно? Ты даже не должен знать о преступлении, чтобы потерять свою собственность.

– Нет, я имею в виду не это. *Как такое может происходить в Америке?*

– Война против наркотиков. Вот для чего были написаны законы о конфискации. Чтобы по сильнее прижать наркодельцов, сломать их.

Дариус был даже больше подавлен, чем утром. Его сверхэнергичная натура проявлялась не в обычном потоке красноречия, а в непрерывной суетливости.

Гарри был также встревожен этим изменением, происшедшим с братом.

– Эта очевидность, этот кокаин, все было *подстроено*.

– Ты знаешь это, я знаю. Но суд захочет посмотреть, как ты докажешь это, прежде чем отменит конфискации.

– Ты хочешь сказать, что я считаюсь виновным, пока не докажу невиновность?

– Именно так действуют эти законы о конфискации. Но ты, по крайней мере, обвиняешься в преступлении. Тебе назначен день суда. Доказав, что ты не виновен, в уголовном суде, ты тем самым косвенно получишь шанс доказать, что конфискация была незаконной. Теперь я молю Бога, чтобы они не отказались от обвинения.

Гарри мигнул от изумления:

– Ты надеешься, что они *не* откажутся?

– Если они снимут обвинения, не будет уголовного суда. Тогда твой лучший шанс получить когда-нибудь обратно свой дом – это то слушание, которое я упомянул.

– Мой – *лучший* шанс? На этом жульническом слушании?

– Не совсем жульническом. Просто перед их судьей.

– А какая разница?

Дариус устало кивнул:

– Небольшая. Поскольку конфискация одобрена тем слушанием, если у тебя не будет уголовного суда, который решит твое дело, ты имеешь возможность предпринять законные действия против ФБР и Агентства по борьбе с наркотиками, чтобы отменить конфискацию. Это будет трудная схватка. Адвокаты правительства будут непрерывно подстраивать так, чтобы твое ходатайство отклонялось, пока они не найдут устраивающий их суд. Даже если ты добьешься, что судья или шеренга судей отменят конфискацию, они будут подавать апелляцию за апелляцией, пытаясь довести тебя до полного истощения.

– Но если они откажутся от обвинения против меня, как смогут они удерживать мой дом? – Он понимал то, что сказал ему брат. Он просто не мог понять логику или справедливость этого.

– Как я уже объяснял, – терпеливо проговорил Дариус, – все, что от них требуется, – продемонстрировать очевидность того, что эта *собственность* была использована в противозаконных целях. А не то, что ты или любой член твоей семьи участвовал в такой деятельности.

– Но кто же – ведь они должны будут объяснить – подсунул туда этот кокаин?

Дариус вздохнул:

– Они не обязаны назвать кого-либо.

Пораженный, вынужденный осознать наконец всю чудовищность происходящего, Гарри сказал:

– Они могут захватить мой дом, объявив, что кто-то продавал из него кокаин, но не назвать подозреваемого?

– Поскольку существует очевидность, то да.

– Очевидность, которая была подстроена!

– Как я уже объяснял, ты должен доказать это суду.

– Но если они не обвинят меня в преступлении, я могу никогда не попасть в суд с моим собственным ходатайством.

– Правильно, – Дариус невесело улыбнулся. – Теперь ты понимаешь, почему я молюсь Богу, чтобы они не отказались от обвинения. Теперь ты знаешь правила игры.

– Правила? – сказал Гарри. – Это не правила. Это *безумие*.

Он не мог сидеть на месте, ему нужно было выпустить неожиданную темную энергию, переполнявшую его. Гнев и возмущение были столь велики, что ноги не держали его, когда он попытался встать. Приподнявшись, он вынужден был снова опуститься на стул, словно все еще страдал от воздействия оглушающей гранаты.

– С тобой все в порядке? – забеспокоился Дариус.

– Но эти законы, предполагалось, имели своей мишенью крупных наркодельцов, рэкетиров, мафию.

– Конечно. Людей, которые могут ликвидировать собственность и покинуть страну раньше, чем попадут в суд. Таковы были первоначальные намерения, когда эти законы проводились. Но сейчас существует две сотни федеральных актов, и не просто актов о

наркотиках, а таких, которые позволяют производить конфискацию собственности без суда, и они в прошлом году применялись пятьдесят тысяч раз.

– Пятьдесят тысяч!

– Это становится главным источником дохода для органов юридического принуждения. После ликвидации захваченного имущества восемьдесят процентов идет полиции, задействованной в деле, двадцать – прокуратуре.

Они сидели молча. На стене мягко тикали старомодные часы. Их звук вызывал в сознании образ бомбы с часовым механизмом, и Гарри подумал, что, должно быть, так же чувствовал бы себя, сиди он на таком взрывном устройстве.

Не менее разгневанный, но теперь способный лучше контролировать свой гнев, чем раньше, он сказал наконец:

– Они собираются продать мой дом, не так ли?

– Что ж, по крайней мере, это федеральный захват. Если бы дело было в юрисдикции Калифорнии, все было бы сделано через десять дней после слушания. Федералы дают нам больше времени.

– Они продадут его...

– Слушай, мы сделаем все, что можем, чтобы опровергнуть... – Голос Дариуса словно растаял. Он больше был не в состоянии смотреть в глаза своему брату. Наконец он сказал: – Но даже после того как имущество ликвидируется, если тебе удастся опровергнуть решение, ты можешь получить компенсацию – хотя не все убытки, что ты понесешь, связаны с конфискацией.

– Но я могу только поцеловать мой дом на прощание. Я могу получить обратно деньги, но не мой дом. И не *время*, которое уйдет на все это.

– В Конгрессе лежит законопроект о реформировании этих законов.

– Реформировать? А не выбросить их целиком?

– Нет. Правительство слишком любит эти законы. Даже предложенные изменения не идут слишком далеко и еще не получили широкой поддержки.

– Выселить мою семью... – проговорил Гарри, все еще не веря.

– Гарри, я чувствую себя паршиво. Я сделаю все, что смогу, я вцеплюсь, как тиф, в их задницы, но я должен быть в состоянии сделать *больше*.

Руки Гарри, лежавшие на столе, сжались снова в кулаки.

– Здесь нет твоей вины, мой маленький братишка. Не ты писал эти законы. Мы справимся. Каким-нибудь образом мы справимся. Сейчас самое главное – внести залог, чтобы я смог выйти отсюда.

Дариус поднес свои угольно-черные кулаки к лицу и прижал их осторожно к глазам, стараясь отогнать усталость.

Как и Гарри, он тоже не спал ночь накануне.

– Это можно будет сделать только в понедельник. Первое, что я сделаю с утра, – пойду в мой банк и...

– Нет-нет. Ты не должен вкладывать свои деньги в залог. У нас они есть. Джессика не говорила тебе? И наш банк открыт в субботу.

– Она говорила мне, но...

– Сейчас уже закрыт, но раньше был открыт. Господи, я хотел выйти сегодня.

Оторвав руки от лица, Дариус с неохотой поднял глаза на брата:

– Гарри, они наложили арест и на твой банковский счет тоже.

– Они не могли этого сделать, – сказал он возмущенно, но уже без убеждения. – Или могли?

– Все сбережения, счета, неважно, совместные с Джессикой или оформленные на твое имя. Они называют это нелегальными доходами от наркобизнеса, даже счет в «Кристинс-клуб».

Гарри словно ударили по лицу.

Странное онемение стало охватывать его.

– Дариус, я не могу... Я не могу допустить, чтобы ты вносил весь залог. Не надо этих пятидесяти тысяч. У нас есть акции...

– Твои брокерские счета тоже арестованы до получения решения о конфискации.

Гарри взглянул на часы. Секундная стрелка бежала по циферблату. Часовой механизм бомбы тикал все громче и громче.

Потянувшись через стол и положив ладони на кулаки брата, Дариус сказал:

– Большой братец, я клянусь, мы пройдем через это вместе.

– Если все арестовано... у нас нет ничего, кроме наличных в моем бумажнике и сумочке Джессики. Господи! А может быть, только в ее сумочке. Мой бумажник остался дома в ящике ночного столика, если она не додумалась взять его оттуда, когда... когда они заставили ее и девочек покинуть дом.

– Поэтому Бонни и я вносим залог и не хотим слышать никаких возражений по этому поводу, – сказал Дариус.

Тик... тик... тик...

Лицо Гарри онемело. Его затылок онемел, шея покрылась гусиной кожей. Холодная и онемевшая.

Дариус еще раз ободряюще сжал руку брата, а потом наконец поднялся.

Гарри сказал:

– Но как же мы, Джессика и я, снимем квартиру, если не сможем сразу собрать за первый и последний месяцы и страховой взнос?

– На это время ты переедешь к нам с Бонни. Это уже решено.

– Твой дом не так уж велик. У тебя нет комнат еще для четверых.

– Джесси и девочки уже с нами. С тобой на одного больше. Конечно, будет тесновато, но хорошо. В тесноте, да не в обиде. Мы семья. Мы должны быть вместе.

– Но могут пройти месяцы, пока все не решится. Господи, возможно, даже годы, разве не так?

Тик... тик... тик...

Когда Дариус совсем уже собрался уходить, он сказал:

– Я хочу, чтобы ты как следует подумал о врагах, Гарри. Здесь не просто большая ошибка. Это требует планирования, коварства, связей. Ты где-то заимел умного и могущественного врага, вполне возможно, не сознавая этого. Подумай хорошенько. Если вычислишь несколько имен, это может мне помочь.

Субботнюю ночь Гарри провел в камере без окон, с четырьмя койками, которые разделил с двумя предполагаемыми убийцами и насильником, хваставшимся, что насиловал женщин в десяти штатах. Спал Гарри урывками.

Ночью в воскресенье он спал гораздо лучше, но только потому, что был к этому времени совершенно измучен. Сновидения терзали его. Это были ночные кошмары, и в каждом, раньше или позже, появлялись часы, которые тикали, тикали.

В понедельник он поднялся до рассвета, стремясь поскорее выйти на свободу. Его мучило, что Дариус и Бонни были вынуждены внести огромную сумму залога. Конечно, он не имел намерения сбежать от правосудия, так что они не потеряют свои деньги. А у него уже развилась тюремная клаустрофобия, которая могла вскоре стать совсем невыносимой, просиди он здесь дольше.

Хотя его положение было ужасным, невысказанным, он тем не менее находил некоторое утешение в уверенности, что самое худшее уже позади. Рано или поздно все образуется. Он был нокаутирован, но ему предстоял еще долгий бой, и у него не было иного выхода, как подняться.

Был понедельник, утро. Раннее.

* * *

От Калиенте, штат Невада, федеральное шоссе свернуло к северу, и у Панаки они

съехали с него на дорогу штата, которая поворачивала на восток, в сторону границы с Ютой. Эта деревенская дорога вывела их на возвышенность с застывшим еще в дни творения котлообразным провалом. Здесь словно ничего не изменилось чуть ли не с мезозойской эры, только кое-где выросли стройные сосны.

Хоть это и казалось безумием, но тем не менее Спенсеру передан страх Валери и ее уверенность в наблюдении со спутника. Небо было над ними синее, никаких ужасающих механических предметов, похожих на те, что участвовали в «звездных войнах», но Спенсер испытывал неприятное ощущение, что за ним наблюдают. И так – одна пустынная миля за другой.

Невзирая на глаз в небе и профессиональных убийц, которые могли поджидать их по дороге к Юте, Спенсер ощущал зверский голод. Две маленькие жестяночки с венскими сосисками не утолили его аппетит. Он съел несколько сырных крекеров и запил их колой.

Сидя сзади переднего сиденья, зажатый тесным пространством, Рокки настолько восторженно следил за тем, как Валери вела «Ровер», что не проявил к крекерам никакого интереса. Он широко скалился, и голова его качалась вверх-вниз.

– Что это с собакой? – спросила Валери.

– Ей нравится, как вы ведете машину.

– В самом деле? А большую часть времени малыш казался таким напуганным.

– Я и сам в восторге от этой скорости, – сказал Спенсер.

– А почему он так всего боится?

– С ним плохо обращались, он был весь избит, когда я принес его домой. Я не знаю, что произошло в его прошлом.

– Очень приятно видеть, что он так радуется.

Рокки с энтузиазмом закивал головой.

Мимо проносились тени деревьев. Спенсер сказал:

– Вашего прошлого я тоже не знаю. – Вместо ответа она сильнее придавила педаль газа. Спенсер продолжал настаивать: – От кого вы так убегаете? Теперь они и мои враги тоже. Я имею право знать.

Она внимательно следила за дорогой.

– У них нет имени.

– Что – секретное общество фанатичных убийц, как в романе о Фу Манчу?

– Более или менее. – Она была серьезна. – Это безымянное правительственное Агентство, финансируемое незаконно субсидиями, предназначенными для массы других программ. А также сотнями миллионов долларов в год от дел, подпадающих под законы о конфискации имущества. Первоначально было намерение использовать Агентство для сокрытия незаконных действий и провалившихся операций правительственных бюро и агентств, начиная от почты и кончая ФБР. Политический регулирующий клапан.

– Независимое подразделение для прикрытия.

– Когда репортер или кто-нибудь еще обнаруживал очевидность сокрытия в деле, которое, к примеру, расследовало ФБР, то сокрытие не могло привести к кому-нибудь в самом ФБР. Эта самостоятельная группа прикрывала задницу ФБР, так что Бюро никогда не должно было подкупать судей, запугивать свидетелей, – словом, заниматься грязной кухней. Эти преступники таинственны и безымянны. Нет доказательств, что они государственные служащие.

Небо было по-прежнему голубым и безоблачным, но день казался мрачнее, чем раньше. Спенсер сказал:

– В этой концепции больше паранойи, чем в полудюжине фильмов Оливера Стоуна.

– Стоун видит тень угнетателя, но не понимает, кто отбрасывает ее, – сказала она. – Черт побери, даже средний агент ФБР не подозревает о существовании этого Агентства. Оно действует на очень высоком уровне.

– Насколько высоком? – поинтересовался он.

– Его высшие служащие отчитываются перед Томасом Саммертоном.

Спенсер нахмурился:

– Предполагается, что это имя что-то означает?

– Он обладатель независимого крупного состояния и заправила многих политических дел. А в настоящее время еще и первый заместитель генерального прокурора.

– Чего?

– Королевства Оз – а вы думали чего? – нетерпеливо сказала она. – Первый заместитель генерального прокурора Соединенных Штатов!

– Вы меня разыгрываете.

– Загляните в справочники, полистайте газеты.

– Я не имею в виду, что вы шутите, когда говорите, что он первый заместитель. Я имею в виду, что он вовлечен в заговор, подобный этому.

– Я знаю это точно. Я знаю *его*. Лично.

– Но по своему положению он второй из самых могущественных личностей в министерстве юстиции. Следующее звено в цепи ведет от него...

– У вас кровь стынет, да?

– Как вы полагаете, генеральному прокурору известно об этом?

Она покачала головой:

– Не знаю. Надеюсь, что нет. Мне никогда не попадались такие свидетельства. Но из этого еще ничего не следует.

Впереди навстречу им двигался «Шевроле»-фургон. Спенсеру это не понравилось. В соответствии с расчетами Валери, они не должны были еще находиться в непосредственной опасности, поскольку добрая часть двух часов пока не прошла. Но Валери могла и ошибиться. Может быть, Агентству не надо было высылать убийц из Вегаса, может быть, оно уже имело оперативников в этом районе.

Он хотел сказать ей, чтобы она немедленно свернула с дороги. Они должны спрятаться от любой очереди из автоматического оружия хотя бы за деревьями. Но свернуть было некуда: впереди не намечалось никакого бокового ответвления, а за узким бордюром зияла канава глубиной в шесть футов.

Он положил ладонь на рукоятку «СИГа», лежавшего у него на коленях.

Когда «Шевроле» приблизился к «Роверу», водитель бросил на них взгляд удивленного узнавания. Он был крупным мужчиной. Лет сорока. Широкое твердое лицо. Его глаза расширились, а рот раскрылся, он стал говорить что-то другому мужчине в фургоне. Машина мчалась дальше.

Спенсер повернулся на сиденье, чтобы взглянуть на «Шевроле», но из-за Рокки и полутонны снаряжения ничего не мог увидеть в заднем стекле. Он впился взглядом в боковое зеркало и увидел, как фургон уменьшался, удаляясь от них. Он не развернулся, чтобы последовать за «Ровером».

С опозданием до него дошло, что изумленный взгляд водителя не имел ничего общего с узнаванием. Человек просто был поражен тем, с какой скоростью они ехали. Судя по спидометру, Валери выжимала восемьдесят пять миль в час, на тридцать больше официально разрешенной скорости и на пятнадцать или двадцать миль в час больше того, чем позволяло состояние дороги.

Сердце Спенсера гулко стучало. И не из-за того, как Валери вела машину.

Валери снова встретила с ним взглядом. Она явно чувствовала охвативший его страх.

– Я предупреждала. Вам и в самом деле не нужно было узнавать, кто они. – Она вновь внимательно смотрела на дорогу. – У вас появилась дрожь в коленках, не так ли?

– Это не совсем точное выражение. Я чувствую себя так, словно...

– Словно вам сделали клизму ледяной водой? – предположила она.

– Вы находите даже *это* смешным?

– В какой-то степени.

– Только не для меня. Господи, если генеральный прокурор знает, – сказал он, – тогда *следующее* звено цепи...

– Президент Соединенных Штатов.

– Я не знаю, что хуже: что, может быть, президент и генеральный прокурор санкционировали создание Агентства таким, каким вы его описали, или... или оно действует на таком высоком уровне *без* их ведома. Потому что, если они этого не знают и не догадываются, то...

– То они дохляки.

– И если они не знают, значит, люди, которые управляют нашей страной, это не те люди, которых мы избирали.

– Я не могу сказать, что это простирается столь высоко – до генерального прокурора. И я не знаю, ведет ли ниточка к Овальному кабинету¹. Я надеюсь, что такой нити нет. Но...

– Но вы больше ни за что не ручаетесь, – закончил он за нее.

– Нет, после всего того, через что я прошла. Теперь я не доверяю никому, кроме Бога и себя самой. С некоторых пор я не очень уверена и в Боге.

* * *

Внизу, в бетонной «ушной раковине», где Агентство через миллионы секретных ушей прослушивало Лас-Вегас, Рой Миро прощался с Евой Джаммер.

Не было слез, не было опасений, что они, расставаясь, может быть, никогда больше не увидят друг друга. Они были уверены, что скоро снова будут вместе. Рой все еще был напитан энергией духовной силы Кеворкяна и чувствовал себя бессмертным. Со своей стороны Ева, казалось, никогда не признавала, что *может* умереть или не получить что-нибудь такое, чего она по-настоящему хотела – так, как Роя.

Они стояли близко друг к другу. Он опустил на пол свой атташе-кейс, чтобы взять ее безупречные руки, и сказал:

– Я постараюсь вернуться обратно сегодня вечером, но не могу этого гарантировать.

– Я буду скучать по тебе, – ответила она хрипло. – Но, если ты не сумеешь приехать, я сделаю что-нибудь, что напомнило бы мне, как ты возбуждаешь, и это заставит меня еще сильнее ждать твоего возвращения.

– Что именно? Скажи мне, что ты собираешься сделать, чтобы я мог воспроизвести мысленно этот образ, и тогда время промчится быстрее.

Он был изумлен, насколько приятно было ему вести этот любовный разговор. Он всегда понимал, что был бесстыдным романтиком, но никогда не был уверен, что не растеряется, если найдет женщину, которая будет соответствовать его идеалу.

– Я не хочу говорить тебе это сейчас, – сказала она игриво, – я хочу, чтобы ты мечтал, размышлял, воображал. Потому что когда ты вернешься и я скажу тебе, – *тогда* мы проведем самую потрясающую ночь из всех.

Жар, исходящий от Евы, был просто невероятным. Рой ничего больше не хотел, как закрыть глаза и растаять в ее излучении.

Он поцеловал ее в щеку. Его губы были обветрены воздухом пустыни, а ее кожа горяча. Это был восхитительно сухой поцелуй.

Отвернуться от нее было мучением. Возле лифта, когда двери раздвинулись, он оглянулся.

Она стояла, приподняв одну ногу. На бетонном полу застыл черный паук.

– Дорогая, не надо! – сказал Рой.

Она удивленно взглянула на него.

– Паук – это *совершенное* маленькое создание. Лучшее произведение матушки-природы. Совершенная в своей инженерии убивающая машина. Этот вид уже существовал здесь задолго до того, как первый человек появился на Земле. Он заслужил, чтобы жить в мире.

– Я не слишком люблю их, – сказала она с самой недовольной гримаской, которую Рой

¹ Кабинет президента США в Белом доме.

вообще видел когда-нибудь.

– Когда я вернусь обратно, мы изучим его вместе под увеличительным стеклом, – пообещал он. – Ты увидишь, как он совершенен, как компактен, эффективен и функционален. После того как я покажу тебе, насколько пауки совершенны, они никогда больше не покажутся тебе такими, как раньше. Ты будешь восторгаться ими.

– Ладно, – неохотно сказала она, – все в порядке. – И Ева осторожно переступила через паука, вместо того чтобы раздавить его.

Весь наполненный любовью, Рой поднялся на самый верхний этаж небоскреба. Отсюда он по служебной лестнице прошел на крышу.

Восемь из двенадцати человек ударной группы уже были на борту первого из двух вертолетов. С оглушающим ревом моторов он поднялся вверх и лег на курс.

Второй – точно такой же вертолет – висел над северной стороной здания. Когда посадочная площадка освободилась, он опустился, чтобы принять оставшуюся четверку людей, каждый из которых был в гражданской одежде, но держал вещевой мешок с оружием и снаряжением.

Рой поднялся на борт последним и сел в задней части кабины. Сиденье через проход от него и еще два в переднем ряду были пусты.

Когда вертолет взлетел, Рой открыл свой атташе-кейс и воткнул штыри кабелей питания компьютера и передатчика в розетки в задней стенке кабины. Он отделил сотовый телефон от рабочей панели и поставил на сиденье через проход. Он больше в нем не нуждался. Вместо него он будет использовать коммуникационную систему вертолета. Послав сигнал «Маме» в Вирджинию, он затем идентифицировал себя как «Пух», подкрепив это отпечатком пальца, и получил доступ к Центру спутникового наблюдения в отделении Агентства в Лас-Вегасе.

На экране дисплея Роя тут же появилось миниатюрное воспроизведение того изображения, что передавалось на настенный экран центра. «Ровер» мчался с безрассудной скоростью, и это безошибочно указывало на то, что за рулем сидит женщина. Оставив позади Панаку, машина пуль летела к границе Юты.

* * *

– Что-то подобное этому Агентству должно было раньше или позже появиться, – сказала Валери, когда они приблизились к границе с Ютой. – Настаивая на совершенном мире, мы открыли дверь фашизму.

– Не уверен, что проследил эту мысль.

Он не был уверен, однако, что хотел бы проследить ее. Она заговорила с непреклонной убежденностью:

– Многими идеалистами, состоящими в стремлении к утопии, было написано так много законов, что человек не может и дня прожить без того, чтобы умышленно или по незнанию не нарушить целый ряд их.

– Полицейские просили ввести десятки тысяч законов, – согласился Спенсер, – больше того количества, исполнение которого они могут обеспечить.

– Поэтому законы утрачивают истинное свое предназначение. Они теряют ясность. Вы видели, как это происходит, когда были копом, верно?

– Конечно. И несколько раз случались полемике о разведывательных операциях лос-анджелесского департамента полиции, который выбирал мишенью законные группы граждан.

– Потому что эти специфические группы в то специфическое время были на «неправильной» стороне. Правительство политизировало все аспекты жизни, и все мы еще страдаем от этого, независимо от наших политических взглядов.

– Большинство полицейских хорошие парни.

– Я знаю это. Но скажите мне кое-что: вот сейчас полицейские, которые доросли до постов на верхушке системы... они что, лучшие, или чаще те, кто политически хитроумен, у

кого хорошо подвешен язык, кто знает, чью задницу лизать, как подкатиться к сенатору, к конгрессмену, к мэру, члену городского совета, политикам всех цветов?

– Пожалуй, так бывало всегда.

– Нет. Возможно, мы никогда больше не увидим человека, подобного Эллиоту Нессу на командном посту, но ведь таких было много. Копы уважали бляхи, которым служили. Разве теперь так?

Спенсер в ответ не мог ей возразить.

Валери сказала:

– Теперь это политизированные копы, которые действуют последовательно, распределяют ресурсы. Хуже всего на федеральном уровне. Огромные средства расходуются, чтобы охотиться на нарушителей расплывчато написанных законов против ненавистных преступлений: порнографии, загрязнения среды, подделки продуктов, сексуальных притязаний. Не поймите меня неправильно. Мне бы хотелось видеть мир избавленным от всех изуверов, извращенцев, торговцев ядом, всех этих сопляков, пристающих к женщинам. Но в то же самое время мы живем в обществе с самым высоким числом убийств, насилий и ограблений по сравнению с любым обществом в истории.

Чем более страстно говорила Валери, тем быстрее вела машину.

Спенсер мигал каждый раз, переводя взгляд с ее лица на дорогу, по которой они мчались. Если она утратит контроль, если они вылетят с асфальта в эти островерхие ели, то им не придется волноваться по поводу встречи с ударной командой, высланной из Лас-Вегаса.

Однако сидящий за ними Рокки неудержимо веселился.

Валери продолжала говорить:

– Наши улицы небезопасны. Кое-где люди не чувствуют себя спокойно даже в собственных домах. Федеральные правоохранительные агентства утратили способность фокусировать внимание. А потеряв фокус, они делают ошибки и нуждаются в том, чтобы их выручали из скандалов. Их – политиканов-копов – так же, как политиканов, назначенных и избранных.

– Чем и занимается это безымянное Агентство.

– Счищает грязь, прячет ее под ковром и следит, чтобы ни один политикан не оставил отпечатки своих пальцев на метле, – с горечью сказала она.

Они въехали в Юту.

* * *

Они летели всего несколько минут и все еще находились над окраинами северного Лас-Вегаса, когда второй пилот прошел в пассажирский салон. Он принес секретный телефон со встроенным скремблером и передал Рою, включив в сеть. Телефон был снабжен наушниками, так что руки Роя оставались свободными. Кабина была надежно изолирована, и наушники размером с блюдечко были такого высокого качества, что он не слышал шума моторов и лопастей, хотя чувствовал вибрацию от них.

Звонил Гэри Дюваль – агент в Северной Калифорнии, которому было поручено разобраться с Этель и Джорджем Порт. Но звонил он не из Калифорнии. Сейчас он находился в Денвере, штат Колорадо.

Было сделано предположение, что Порты уже жили в Сан-Франциско, когда умерла их дочь и их внук переехал жить к ним. Это предположение было отброшено как ложное.

Дюваль наконец установил одного из бывших соседей Портов в Сан-Франциско, который припомнил, что Этель и Джордж Порт приехали туда из Денвера. Но тогда их дочь была уже давно мертва, а их внуку, Спенсеру, было шестнадцать.

– Давно? – с сомнением спросил Рой. – Но я думал, что мальчик потерял свою мать, когда ему было четырнадцать, и в этой самой автомобильной катастрофе он и получил свой шрам. Это двумя годами раньше.

– Нет. Не два года. И не автомобильная катастрофа.

Дюваль раскопал секрет. А он явно был один из тех людей, которые получают удовольствие от владения секретами. Ребячливый тон – я-знаю-кое-что-че-го-ты-не-знаешь – указывал, что он будет выпускать свою драгоценную информацию порциями, чтобы получить больше удовольствия.

Вздохнув, Рой откинулся на сиденье.

– Рассказывай.

– Я прилетел в Денвер, – начал Дюваль, – чтобы посмотреть, может быть, Порты продали здесь дом в том же году, что купили дом в Сан-Франциско. Так и было. Тогда я попытался найти каких-нибудь соседей в Денвере, кто помнил их. Без проблем. Я нашел нескольких. Люди не переезжают здесь так часто, как в Калифорнии. И они припомнили Портов и мальчика, потому что это было настоящей сенсацией – то, что произошло с ними.

Снова вздохнув, Рой открыл конверт, в котором все еще хранил несколько фотографий, найденных в коробке из-под обуви в хижине Спенсера Гранта в Малибу.

– Её мать, Дженнифер, погибла, когда мальчику было восемь, – сказал Дюваль, – и вовсе не в автомобильной катастрофе.

Рой вытащил четыре фотографии из конверта. Верхний снимок был сделан, когда женщине было, возможно, двадцать. На ней было простое летнее платье, испещренное солнечными бликами, она стояла возле дерева, покрытого гроздьями белых цветов.

– Дженни была любительницей лошадей, – сказал Дюваль, и Рой припомнил другую фотографию, с лошадьми. – Ездила на них, разводила их. В день смерти она отправилась на собрание ассоциации скотоводов графства.

– Это было в Денвере или где-нибудь в окрестностях?

– Нет, там жили ее родители. Дженни жила в Вэйле, на маленьком ранчо, сразу за окраиной Вэйля, штат Колорадо. Она присутствовала на собрании ассоциации скотоводов, но обратно домой так и не вернулась.

На второй фотографии Дженнифер была снята вместе с сыном на пикнике. Она обнимала мальчика. На нем была бейсбольная шапочка набекрень.

Дюваль сказал:

– Ее автомобиль обнаружили брошенным. Были объявлены ее поиски. Но нигде близко от дома ее не нашли. А через неделю кто-то наконец обнаружил ее тело в канаве, в восьмидесяти милях от Вэйля.

Когда он сидел за кухонным столом в хижине в Малибу утром в пятницу и разглядывал фотографии в первый раз, Роя охватывало ощущение, что ему знакомо лицо женщины. Каждое слово, которое произносил Дюваль, подводило Роя ближе к ответу на ту загадку, что преследовала его еще три дня назад.

Голос Дюваля в наушниках теперь приобрел странную, соблазняющую мягкость.

– Она была найдена голой. Со следами пыток и сексуального насилия. В то время это было самое зверское убийство. Даже и теперь его детали могут вызвать ночные кошмары.

На третьем снимке Дженнифер и мальчик стояли возле плавательного бассейна. Она положила ладонь ему на голову и сделала двумя пальцами «рожки». На заднем плане виднелся сарай.

– Все признаки указывают, что она стала случайной жертвой, – сказал Дюваль, медленно, капля за каплей, опустошая свою фляжку с секретами. – Он социопат. Какой-то парень с автомобилем, но без постоянного места жительства, странствующий по дорогам от штата к штату. Тогда, двадцать два года назад, это был относительно новый синдром, но полиция уже встречала таких довольно часто, чтобы определить: бродячий маньяк-убийца, не связанный ни с семьей, ни с обществом; акула, отбившаяся от стаи.

Женщина. Мальчик. Сарай на заднем плане.

– Преступление оставалось некоторое время нераскрытым. Точнее, шесть лет.

Вибрации от мотора вертолета и его лопастей передавались через фюзеляж в кресло Роя, в его тело и вызывали в нем дрожь. Очень неприятную дрожь.

– Мальчик и его отец продолжали жить на ранчо, – сказал Дюваль. – Там был отец. Женщина. Мальчик. Сарай на заднем плане.

Рой перевернул четвертую, и последнюю, фотографию.

Мужчина в тени. Пронизывающий взгляд.

– Имя мальчика не Спенсер, а Майкл, – выдал Дюваль.

Черно-белая студийная фотография мужчины лет тридцати пяти была сделана с настроением: хорошо проработана в контрастах между ярким светом и темнотой. Специфические тени, отбрасываемые какими-то предметами за пределами кадра, роились на противоположной стене, словно вызванные человеком на снимке, как будто он мог повелевать всеми силами ночи.

– Мальчика звали Майкл...

– Акблом. – Рой наконец оказался в состоянии узнать его, несмотря на то, что тени скрывали по крайней мере половину лица. – Майкл Акблом. Его отец – Стивен Акблом, художник. Убийца.

– Правильно, – сказал Дюваль, несколько разочарованный тем, что пришлось расстаться с секретом.

– Освежи мою память. Сколько тел там, в конечном счете, нашли?

– Сорок одно, – сказал Дюваль. – И думали, что есть еще где-нибудь.

– "И они были все так прекрасны в своих страданиях, а после смерти напоминали ангелов".

– Вы помните это? – в изумлении спросил Дюваль.

– Это было единственное, что Акблом сказал на суде.

– И это было почти единственное, что он говорил полицейским и своему адвокату, и всем прочим. Он не чувствовал, что совершил что-то ненормальное, но понимал, почему общество думает иначе. Поэтому он просил признать себя виновным и принял приговор.

– Они были так прекрасны в своих страданиях, а после смерти напоминали ангелов, – прошептал Рой.

* * *

Когда утром «Ровер» мчал по Юте, солнце играло на иглах вечнозеленых деревьев, вспыхивало и искрилось в ветровом стекле. Игра яркого света и теней так же злила и дезориентировала Спенсера, как и пульсация стробоскопических ламп в темноте ночных клубов.

Даже когда он закрывал глаза, то сознавал, что был более озабочен ассоциацией, которую вызывала в его памяти каждая вспышка, нежели самим солнечным светом. Для его внутреннего взгляда это веселое мерцание было сверканием холодной, смертоносной стали во мраке катакомб.

Он никогда не переставал поражаться, как полно прошлое продолжает жить в настоящем и по-прежнему несет страдания, а стремление забыть его лишь пробуждает память.

Коснувшись пальцами правой руки своего шрама, он сказал:

– Приведите пример. Назовите мне хоть один скандал, который погасило это безымянное Агентство.

Она поколебалась:

– Дэвид Кореш. Вако, штат Техас.

Ее слова заставили его широко раскрыть глаза даже навстречу стальным клинкам солнечного света и темно-красным теням. Он недоверчиво посмотрел на нее:

– Кореш был маньяком!

– Никаких возражений. У него было четыре мании, насколько я знаю, и, разумеется, я не буду спорить, что мир без него стал лучше.

– Я тоже.

– Но, если бы Бюро по расследованию дел, связанных с алкоголем и незаконным хранением оружия, хотело бы задержать его по делу об оружии, они могли бы схватить его в баре в Вако, куда он часто ходил слушать оркестр, который ему нравился. *Затем* они могли внедриться в организацию без сопротивления с его стороны. Вместо того чтобы штурмом брать его дом. А там, Господи помилуй, были дети.

– Дети, не представляющие никакой опасности, – проговорил он.

– Конечно, они там были. И сгорели заживо.

– Несчастный прием, – сказал он осуждающе, играя роль адвоката дьявола.

– Правительство никогда не производило какого-либо запрещенного оружия. На суде они заявляли, что должны были найти оружие, переделанное на полностью автоматический огонь, но там было много несуразностей. «Техасские Рейнджеры» предусматривают только по две единицы огнестрельного оружия на каждого своего члена – все легально. Техас – это штат большого оружия. Семнадцать миллионов населения и свыше шестидесяти миллионов единиц огнестрельного оружия – по четыре на нос. Члены этого общества владеют лишь половиной того оружия, что есть в *средней* техасской семье.

– О'кей. Это было в газетах. Обо всем этом сообщалось, пускай даже не очень широко. Это трагедия и для погибших детей, и для Бюро по расследованию. Но что именно сделало это безымянное Агентство, чтобы замять дело? Это была для правительства весьма неприятная, ставшая общеизвестной, история. Оно оказало Бюро медвежью услугу, пытаясь выгородить его, выставить в лучшем свете.

– О, но они были просто блистательны в сокрытии самого взрывного аспекта этого дела. Кое-кто в Бюро, лояльный Тому Саммертону, директору, намеревался использовать дело Кореша как пробное для применения законов о конфискации имущества к религиозным организациям.

В то время как Юта уже мелькала под их колесами и они приближались к Модене, Спенсер продолжал трогать пальцем свой шрам и размышлять над тем, что она ему раскрыла.

Деревья стали словно уменьшаться. Сосны и ели тут отстояли слишком далеко от шоссе, чтобы отбрасывать тень на проезжую часть, и пляска светотеней прекратилась. Еще Спенсер заметил, что Валери стала щуриться, глядя на дорогу впереди, и вздрагивать слегка время от времени, словно ее мучили собственные воспоминания.

Рокки сзади них, казалось, не обращал внимания на серьезность разговора. Безусловно, для самочувствия собаки так было лучше.

Спенсер наконец сказал:

– Сделать целью захвата имущество религиозных групп, даже сплотившихся вокруг таких одиозных фигур, как Кореш, – это гром среди ясного неба. Если это правда. Налицо полное пренебрежение конституцией.

– В наши дни существует множество культов и самостоятельных сект с миллионным имуществом. Как там зовут этого корейского проповедника – преподобный Мун? Держу пари, его церковь имеет в Соединенных Штатах сотни миллионов. Если любая религиозная организация вовлечена в криминальную деятельность, ее право на освобождение от налогов аннулируется. И тогда, если Бюро или ФБР имеют разрешение на конфискацию имущества, они окажутся первыми, опередив даже департамент государственных сборов, и все заграбастают.

– Устойчивый поток наличности, чтобы покупать больше игрушек – лучшего офисного оборудования для заинтересованных бюро, – сказал он задумчиво. – И помогать держать на плаву это безымянное Агентство. Даже расширять его. В то время как множество парней, местных полицейских, имеют дело с настоящими тяжкими преступлениями, уличными бандами, убийцами, насильниками, а у полиции даже нет средств, чтобы увеличить им жалованье или купить новое снаряжение.

Когда за окном промелькнула и Модена, Валери сказала:

– А подотчетность применяющих федеральные законы о конфискации имущества и

аналогичные законы штатов может только угнетать. Захваченное имущество раскладывается неадекватно – некоторый процент просто исчезает в карманах сопричастных чиновников.

– Легализованное воровство.

– Так как никто никогда не был пойман за руку, оно может быть названо законным. Как бы то ни было, люди Саммертона в Бюро планировали подбросить наркотики, магнитофонные записи крупных сделок с наркотиками и массу запрещенного оружия в «Маунт Кармел-центр» – цитадель Кореша – после успеха первых налетов.

– Но первые налеты провалились.

– Кореш оказался более несдержанным, чем они полагали. Невинные агенты Бюро были убиты. И невинные дети. Это стало золотой жилой для прессы. При множестве свидетелей головорезы Саммертона не смогли подбросить наркотики и оружие. От операции отказались. Но внутри Бюро оставался бумажный след: секретные меморандумы, доклады, файлы. Все это требовалось быстро ликвидировать. Пара *людей* также была ликвидирована, людей, которые знали слишком много и могли проговориться.

– И вы утверждаете, что именно безымянное Агентство убрало всю грязь?

– Это не я *утверждаю*. Они в самом деле это *сделали*.

– Но при чем здесь вы? Откуда вы знаете Саммертона? – Она закусила нижнюю губу и, казалось, задумалась, насколько откровенной может быть. Спенсер спросил: – Кто же вы, Валери Кин? Кто *вы*, Ханна Рейни? Кто вы, Бесс Беер?

– А кто *вы*, Спенсер Грант? – ответила она с деланным возмущением.

– Если не ошибаюсь, я назвал вам имя, настоящее, подлинное имя, когда был не в себе в прошлую или позапрошлую ночь.

Она колебалась, качала головой, но не отрывала глаз от дороги.

Тут он обнаружил, что его голос понизился и стал разве чуть громче шепота. И хотя он не мог заставить себя говорить громче, но, заговорив, чувствовал, что она слышит каждое слово:

– Майкл Акблом. Это имя я ненавидел большую часть своей жизни. Оно уже не мое законное имя четырнадцать лет, с тех пор, как мой дед помог мне обратиться в суд, чтобы получить право сменить его. И с того дня, как судья принял такое решение, я ни разу не произносил это имя, ни разу за все это время. Пока не назвал вам.

Он замолчал.

Она ничего не говорила и, несмотря на его молчание, понимала, что он еще не закончил.

То, что Спенсер хотел сказать ей – он чувствовал, что нуждается в этом, – было легче сказать в приступе безумия, подобно тому, как он сделал свое предыдущее признание. Сейчас его сдерживала даже не робость, а сознание, что он конченный человек, а она заслуживает кого-нибудь получше, каким ему уже не стать.

– И даже если бы я не терял сознание, – продолжил он, – я бы сказал вам все, раньше или позже. Потому что я не хочу ничего таить от вас.

Труднее всего порой даются те слова, сказать которые понуждает глубокая и острая потребность. Если бы у него был выбор, он бы отверг это время, это место на пустынном шоссе, наблюдаемый и преследуемый, мчащийся вперед либо к смерти, либо к неожиданному дару свободы – но в любом случае в неизвестность. Жизнь, однако, выбрала этот неподходящий момент без консультации с теми, кто жил в нем. И боль, когда говоришь от сердца, в конце концов, всегда легче переносится, чем то страдание, которым расплачиваешься за молчание.

Он глубоко вздохнул.

– То, что я пытаюсь сказать вам... это так дерзко. Хуже того. Глупо, смешотворно. Господи, я даже не могу описать, что я чувствую к вам, потому что не могу подобрать нужные слова. А может быть, для этого и не существует слов. Я только знаю, что все, что я чувствую, – чудесно, необычно, отличается от того, что я испытывал раньше, от всего, что некоторые люди считают *возможным* чувствовать.

Она сосредоточила свое внимание на дороге, и это позволило Спенсеру глядеть на нее, пока он говорил. Блеск ее темных волос, нежность ее профиля, сила ее прекрасных загорелых рук, сжимавших руль, вдохновили его продолжать. Если бы в этот момент она встретила с ним глазами, то он, возможно, смешался бы и не смог до конца выразить все, что порывался сказать.

– Безумие в том, что я не могу сказать, *почему* я такое чувствую к вам. Оно просто находится здесь, внутри. Это чувство, которое рвется из меня. И не только сейчас – оно такое, словно всегда жило во мне, словно *вы* всегда *были* здесь, или я всю свою жизнь ждал вас.

Слова теснились и рвались из него, но он все больше боялся, что не сможет подобрать самые *нужные* слова. Она, казалось, понимала, что не должна откликаться или, того хуже, подгонять его. Спенсер балансировал на такой высокой струне открытости, что при малейшем дуновении, пусть и нечаянном, рисковал сорваться.

– Я не знаю. Я очень неловкий в этом. Дело в том, что я был всего лишь четырнадцатилетним мальчиком, на которого обрушилось такое. И эмоции словно замерзли в этом подростковом, он как будто онемел. И если я не могу объяснить, что чувствую или почему я чувствую это, то как могу я ожидать от вас подобных чувств в ответ? Господи, я был прав: «дерзкий» – это не то слово. «Дурацкий» точнее. – И он снова погрузился в спасительное молчание. Но нельзя было пребывать в молчании долго, он чувствовал, что скоро утратит волю и не сможет прервать его. – Пусть это глупо, но теперь у меня есть надежда, и я буду держаться за нее, если вы не скажете мне, чтобы я выбросил это из головы. Я расскажу вам все о Майкле Акблуме, каким он был. Я расскажу вам все, что вы захотите узнать, все, что вы сможете вынести. Но я хочу того же от вас. Я хочу знать о вас все. Никаких секретов. Конец секретам. Здесь, сейчас. С этого момента никаких секретов. Все, что у нас может быть общего – если у нас вообще что-то будет, – должно быть честным, истинным, чистым, сияющим, не похожим на все, что я знал раньше.

Пока он говорил, скорость «Ровера» снизилась.

Его последующее молчание было не просто очередной паузой между болезненными попытками выразить себя, и Валери, казалось, осознала новое значение этого молчания. Она взглянула на него. Ее красивые темные глаза светились теплом и добротой, на которые он и откликнулся в «Красной двери», впервые встретив ее меньше недели назад.

Когда это тепло собралось перейти в слезы, она снова устремила взгляд на дорогу.

С той минуты, как они встретились с ней в пустыне вечером в пятницу, и до этого момента он ни разу не замечал снова эту исключительную доброту и открытость духа. По необходимости она была замаскирована сомнением и осторожностью. Валери не доверяла ему после того, как он проследовал за ней от работы до дома. Жизнь приучила ее быть циничной и подозревать каждого точно так же, как его жизнь научила опасаться того, что однажды он может обнаружить в себе нечто притаившееся и страшное.

Заметив, что сбросила скорость, она нажала педаль газа, и «Ровер» рванулся вперед.

Спенсер ждал.

Деревья снова приблизились к дороге. Узкие клинки света пронизывали стекло, увлекая за собой быстрые полосы тени.

– Мое имя, – сказала она, – Элеонора. Обычно меня называют Элли. Элли Саммертон.

– Не... его дочь?

– Нет. Слава Богу, нет. Его невестка. Моя девичья фамилия Голдинг. Элеонора Голдинг. Я была замужем за сыном Тома, его единственным ребенком. Дэнни Саммертоном. Дэнни сейчас мертв. Его нет уже четырнадцать месяцев. – Ее голос выражал гнев и печаль и часто дрожал на середине слова, растягивая и искажая его. – Иногда мне кажется, что он ушел только на неделю или на месяц, но в какие-то дни я чувствую, что он ушел навсегда. Дэнни знал слишком много. И он собирался заговорить. Его застрелили.

– Саммертон... убил своего собственного сына?

Ее голос стал холодным, кажется, в нем вовсе и не было печали, только гнев:

– Он сделал даже хуже. Он приказал кому-то совершить это. Мои мама и папа тоже были убиты... Только потому, что они оказались рядом, когда люди из Агентства пришли за Дэнни. – Ее голос стал ледяным, и она не побледнела, а побелела. Когда Спенсер был полицейским, он встречал лишь несколько раз такие белые лица, как лицо Элли в этот момент, но это были лица, которые он видел в морге. – И я была там. Я бежала, – сказала она. – Мне повезло. Вот что я говорю себе с тех пор. Мне повезло.

* * *

... – Но Майкл не мог быть спокоен, даже когда переехал в Денвер и стал жить с Портами, своими дедушкой и бабушкой, – говорил Гэри Дюваль. – Каждый мальчишка в школе знал эту фамилию – Акблом. Необычная фамилия. И отец был знаменитым художником до того, как стал знаменитым преступником, убившим свою жену и еще сорок одного человека. Кроме того, фотографии Майкла были в газетах. Мальчик-знаменитость. Он был объектом бесконечного любопытства. Все глазели на него. И каждый раз, когда казалось, что средства массовой информации оставили его в покое, происходила новая вспышка интереса, и они снова набрасывались на него, хотя, Господи, он был просто ребенком.

– Журналисты, – презрительно сказал Рой. – Ты знаешь, каковы они. Холодные ублюдки. Им только дай историю. У них нет сострадания.

– Ребенок прошел настоящий ад, нежеланную известность еще раньше, когда ему было только восемь лет, после того как тело его матери нашли в этой канаве. И теперь он не находил себе места. Дед и бабушка уже были на пенсии, могли жить где угодно. Поэтому меньше чем через два года они решили вместе с Майклом уехать из Колорадо. Новый город, новый штат, новый старт. Вот что они сказали соседям, но не сообщили никому, куда переезжают. Они так сделали, потому что это была единственная возможность создать для него нормальную жизнь.

– Новый город, новый штат – и даже новое имя, – сказал Рой. – Они легально поменяли его, не так ли?

– Еще здесь, в Денвере, до того как уехали. При данных обстоятельствах суд согласился на это, конечно.

– Конечно.

– Но я проверил. Майкл Стивен Акблом сделался Спенсером Грантом без среднего имени и даже инициала. Станный выбор. Похоже, что это имя мальчик взял себе сам, но я не знаю, где он нашел его.

– В старых фильмах, которые ему нравились.

– Хм?..

– Хорошая работа. Спасибо, Гэри.

Нажав кнопку, Рой прервал связь, но не снял с головы наушники телефона.

Он все смотрел на фотографию Стивена Акблома. Человек среди теней.

Моторы, роторы, мощные желания и симпатия к дьяволу вибрировали в теле Роя. Его трясло от озноба, который нельзя было назвать неприятным.

Они были так прекрасны в своих страданиях, а после смерти напоминали ангелов.

То здесь, то там в полумраке под деревьями, куда тень не пускала солнце почти ни на минуту, пятна белого снега сияли, как кости скелета земли.

Настоящая пустыня осталась позади. В этом районе царила зима. Ее прогнала ранняя оттепель, но зима еще обязательно вернется до настоящей весны. Однако сейчас небо было синим. Хотя именно сейчас Спенсер был бы рад лютой стуже, сильным порывам холодного ветра и колючему снегу, чтобы глаза, наблюдающие за ними сверху, ничего не могли бы рассмотреть.

– Дэнни был блестящим создателем компьютерных программ, – сказала Элли. – Он был компьютерным фанатом еще в школе. И я тоже. С восьмого класса я жила только мечтой о компьютерах. Мы познакомились с ним в колледже. То, что я была увлечена компьютерами, –

а ведь этим обычно занимались ребята, – и привлекло ко мне внимание Дэнни.

Спенсер вспомнил, как выглядела Элли, когда она сидела на песке в пустыне, залитая утренним солнцем. Она склонилась к компьютеру. Ее глаза сверкали от удовольствия.

Ей нравилось, что она хорошо во всем этом разбирается. Прядь волос, словно вороново крыло, закрывала ее щеку.

Что бы она ни говорила, но Дэнни привлекла к ней не только ее способность к программированию. Она была привлекательна во многих отношениях и все время казалась более *живой* и полной жизненных сил, чем другие.

Она внимательно следила за шоссе. Но ей было трудно спокойно и отстраненно обсуждать прошлое. Она боролась изо всех сил, чтобы не погрузиться в воспоминания.

– После окончания колледжа Дэнни предлагали разную работу, но его отец настаивал, чтобы Дэнни работал в Бюро по расследованию дел, связанных с алкоголем и незаконным хранением оружия. Еще тогда, до того как он начал служить в судебном департаменте, Том Саммертон возглавлял это Бюро.

– Но оно же находилось в ведении другой администрации.

– О, что касается Тома, ему все равно, кто находится у власти в Вашингтоне, какая там правит партия – левая или правая. Он всегда занимает важное положение в той области, которую они насмешливо называют «общественная служба». Двадцать лет назад он получил в наследство миллиард долларов, сейчас у него, наверное, два миллиарда. Он подкармливает обе партии, причем суммы поистине огромны. Он достаточно умен, чтобы не принимать ничью сторону. Он государственный деятель, а не политик. Человек, знающий, как добиваться своего. Он не льет воду ни на одну идеологическую мельницу. Он всего лишь хочет, чтобы мир стал лучше.

– Но так трудно постоянно изображать из себя подобного человека, – заметил Спенсер.

– Для него все достаточно просто. Он не верит ничему и никому. Только себе самому. И еще – силе и власти. Власть – это его еда, питье, любовь и секс. *Использование* власти волнует его, но не способствует достижению идеалов, во имя которых дается эта власть. В Вашингтоне жаждущие власти постоянно продают дьяволу души, но Том настолько амбициозен, что он, наверное, получил рекордную сумму за свою душу!

Спенсер был поражен той яростью, которую слышал в ее голосе. Он спросил ее:

– Вы всегда так ненавидели его?

– Да, – прямо ответила ему Элли. – Я просто презирала этого вонючего сучьего сына. Я не хотела, чтобы Дэнни работал в Бюро. Он был слишком наивным и чистым, и старик легко манипулировал им.

– Чем он там занимался?

– Он разрабатывал компьютерную систему и программное обеспечение к ней. Позже они все это называли «Мамой». Предполагалось, что в нее будут заложены самые важные и всеобъемлющие данные во всем мире. Это будет система, способная обрабатывать миллионы битов в рекордное время и таким образом связывать федеральные государственные и местные департаменты, служащие правопорядку. Она станет это делать с удивительной легкостью. Она поможет им не дублировать работу друг друга, и наконец-то «хорошие парни» будут работать эффективнее и с меньшими затратами усилий.

– Так все заманчиво.

– Не правда ли? «Мама» и в самом деле оказалась поразительной. Но Том и не мыслил, чтобы эта программа служила операциям, связанным с сохранением правопорядка. Он пользовался средствами Бюро, чтобы люди могли заниматься ее разработкой, да! Но он с самого начала планировал, что «Мама» станет центром его Агентства, у которого даже не было названия!

– И Дэнни понял, что все не так просто?

– Может, и так, но он не хотел признаваться. Он оставался в Бюро.

– Сколько это продолжалось?

– Слишком долго, – грустно ответила она. – До тех пор, пока его папочка не покинул

Бюро и не перешел в судебный департамент. Это случилось спустя год после того, как «Мама» и Агентство уже вовсю функционировали. Потом Дэнни пришлось признать, что «Мама» создавалась с единственной целью: дать возможность правительству совершать преступления безнаказанно. Дэнни просто погибал от злости и презрения к себе.

– И когда он захотел оттуда уйти, они его непустили...

– Мы даже не понимали, что его никогда оттуда не отпустят. Я хочу сказать, что Том, конечно, кусок дерьма, но он все же *отец* Дэнни! Тот был его единственным сыном. Мать Дэнни умерла, когда мальчик был совсем маленьким. Рак. Поэтому казалось, что у Тома не было никого, кроме Дэнни.

После ужасной смерти его матери Дэнни с отцом стали ближе друг другу. Или, может, это лишь казалось ему. До той самой ночи в июле.

Элли сказала:

– Тогда нам стало ясно, что работа в Агентстве – пожизненная, ее просто невозможно оставить.

– Это похоже на работу личным адвокатом Крестного отца.

– Единственный выход был обратиться к общественности, чтобы эти грязные делишки стали известны широкой публике. Дэнни потихоньку подготовил свои секретные файлы из программы «Мамы» и доклад о том, каким прикрытием пользовалось Агентство.

– Вы понимали, какой опасности подвергаетесь?

– Мы понимали, но далеко не все. Мне кажется, что мы оба до конца не могли поверить, что Том способен отдать приказ убить Дэнни. Боже мой, нам было всего по двадцать восемь лет! Смерть была абстрактным понятием для нас. Когда тебе двадцать восемь, трудно поверить, что ты можешь умереть.

– И тогда появилась бригада по уничтожению?

– Нет, это был отряд спецназа. Так было для них гораздо удобнее. Они появились втроем вечером в День Благодарения. С тех пор прошло уже больше года. Это было в доме моих родителей в Коннектикуте. Мой папа... был врачом. Врач, особенно в маленьком городке, никогда себе не принадлежит. Даже в День Благодарения. Поэтому... к концу ужина, я была в кухне... я должна была принести пирог с тыквой... когда прозвенел звонок в дверь...

Спенсеру не хотелось смотреть в ее прелестное лицо. Он закрыл глаза.

Элли перевела дыхание и продолжала:

– Кухня расположена в конце коридора, ведущего из прихожей. Я выглянула из кухни, чтобы посмотреть, кто же пришел. Это было как раз в тот момент, когда моя мама открыла дверь... входную дверь.

Спенсер ждал, пока она наберется сил, чтобы продолжить рассказ. Если он правильно понимал ее, то обо всем, что произошло четырнадцать месяцев назад, Элли рассказывала впервые. Она все время скрывалась. Она не могла никому доверять и не желала рисковать жизнями невинных людей, втянув их в трагедию своей жизни.

– Вошли два человека. В них не было ничего особенного. Они вполне могли быть пациентами отца. На одном была надета клетчатая красная куртка. Он что-то сказал маме, потом прошел в глубь прихожей. Он толкнул маму назад, держа в руках пистолет. Я не слышала звук выстрела. Там был глушитель. Но я увидела... поток крови... и ее голова разлетелась.

Спенсер все не открывал глаза, – ему не хотелось видеть лицо Элли. Но он ясно представлял себе прихожую в Коннектикуте и весь тот ужас, о котором ему рассказывала Элли.

– Папа и Дэнни были в столовой. Я закричала: «Бегите, скорей!».

Я поняла, что это люди из Агентства. Я не побежала к задней двери. Наверное, сработал инстинкт. Они бы меня там убили. Я кинулась в комнату, где мы обычно стирали, за кухней. Оттуда – в гараж и через боковую дверь выбежала из гаража. Участок у дома занимал два акра земли, там были большие лужайки, но я побежала к забору, отделявшему наш участок от участка Дойля. Я уже перебралась через забор, почти перебралась, когда пуля отлетела от

железной решетки. Кто-то стрелял из-за нашего дома. И опять из оружия с глушителем. Никакого звука, просто пуля зазвенела по железу. Я была в ужасе и пробежала по двору Дойлей. Их не было дома, они уехали к своим детям на праздник. Окна были темными. Я пробежала через калитку в лес Святого Георга. Там на шести или восьми акрах стоит пресвитерианская церковь, окруженная лесом – сосны и платаны. Я пробежала некоторое расстояние и спряталась под деревьями. Оглянулась назад. Я думала, что кто-то из них преследует меня, но я была одна. Наверное, я среагировала очень быстро, или, может, они не желали преследовать меня, чтобы никто не увидел, как они размахивают оружием. И в тот момент пошел снег, именно *тогда*, пушистые огромные хлопья...

Не открывая глаз, Спенсер представил ее в тот миг, в этом далеком месте: одна в темноте, полураздетая. Она дрожала и задыхалась, и была вне себя от ужаса. Тяжелые хлопья снега падали на голые ветви платанов. Ей показалось значительным, что снег пошел именно в это время. Она не подумала, что просто изменилась погода. Снег стал знамением для Элли.

– Было в этом что-то странное и непонятно... просто нереальное... – продолжила Элли. Спенсер понял, каковы были ее чувства в тот момент, он и сам бы чувствовал то же самое. – Я не знаю, не могу объяснить... снег был похож на занавес, на покрывало, нет, больше на занавес на сцене, как будто это был конец акта, конец *всего*. Я тогда поняла, что они все погибли. Не только мама, но и папа, и Дэнни.

У нее задрожал голос. Рассказав об убийстве близких в первый раз, она словно обнажила свои раны, разбредила шрамы, которые зарубцевали ее боль. Спенсер понимал, что иначе и не могло быть.

Он с трудом открыл глаза и посмотрел на Элли.

Она была сейчас даже не белая, а пепельного цвета. У нее в глазах стояли слезы, но щеки были сухими.

– Вы не хотите, чтобы я вел машину? – спросил ее Спенсер.

– Нет, лучше я сама. Я не могу отвлекаться, и сейчас... мне не стоит слишком много думать о прошлом.

На придорожном знаке они прочитали, что до города Ньюкасла им осталось проехать восемь миль.

Спенсер посмотрел из бокового окна. Пейзаж показался ему мертвым, несмотря на множество деревьев, и темным, хотя ярко светило солнце.

Элли сказала:

– Потом по улице, за деревьями промчалась машина. В тишине был прекрасно слышен звук мотора. Она пронеслась под уличным фонарем, я смогла рассмотреть человека, который сидел впереди рядом с водителем. На нем была красная клетчатая куртка. В машине был водитель и еще один человек сидел позади – всего трое. После того, как они промчались, я побежала под деревьями к домам. Я хотела позвать на помощь, обратиться к полиции, но остановилась, не успев открыть рот. Я поняла, кто это все сделал, – Агентство, Том. Но у меня не было никаких доказательств.

– Что случилось с файлами Дэнни?

– Они были в Вашингтоне. Некоторые дискеты спрятаны в нашей квартире и еще одна подборка в банке в абонементном сейфе. Было ясно, что у Тома находятся все дискеты, иначе он не был бы... таким наглым. Если я пойду в полицию, если он сможет меня где-то засечь, Том меня достанет. Рано или поздно. Все будет выглядеть как несчастный случай или самоубийство. Поэтому я вернулась домой. Я прошла через лес Святого Георга, вышла через ворота к дому Дойлей, перелезла через забор и вошла в... наш дом. Я еле заставила себя пройти через кухню... потом через прихожую... и подойти к маме. Прошло столько времени, и, когда я пытаюсь вспомнить лицо моей мамы, я всегда вижу эту ужасную рану, кровь и разбитые торчащие кости. Эти ублюдки разрушили мои воспоминания о матери... я помню только это ужасное *месиво*.

Она не могла дальше говорить.

Почувствовав, как Элли плохо, Рокки что-то тихонько простонал. Он уже больше не

улыбался и не качал головой. Он скорчился в своем закутке, опустил вниз голову и повесил уши. Его любовь к скорости не выдерживала сравнения с состраданием к Элли.

Она смогла продолжить, когда им осталось до Ньюкасла всего две мили:

– В столовой лежали отец и Дэнни. Им несколько раз выстрелили в голову, не для того чтобы убить наверняка... просто их убийцы были не люди, а звери. Мне пришлось... касаться тел, чтобы из бумажников достать деньги. Мне был нужен каждый доллар, который я могла найти. Я полезла в мамочкину сумку и забрала все ее драгоценности. Я открыла сейф отца у него в кабинете, забрала коллекцию его монет. Боже мой! Я чувствовала себя воровкой, хуже воровки... осквернительницей могил! Я не стала брать с собой чемодан. Я ушла в том, что было на мне надето. Я начала бояться, что убийцы могут вернуться в дом. Но еще и потому, что... в доме было так *тихо*, только я и тела моих близких. Снег падал за окном. Было так спокойно, как будто погибли не мама, папа и Дэнни, но был мертв весь мир. Словно наступил конец всему, и я одна осталась на всем свете. Совсем одна.

Ньюкасл был похож на Модену. Маленький, изолированный от мира городок. Здесь нельзя было скрыться от людей, которые смотрели на мир сверху вниз, как будто они были боги.

Элли сказала:

– Я уехала из дома на «Хонде». Это была наша с Дэнни машина. Но я понимала, что через несколько часов мне нужно избавиться от нее. Когда Том поймет, что я не пошла в полицию, все Агентство начнет меня искать. У них есть описание машины и наш регистрационный номер.

Спенсер снова посмотрел на Элли. Ее глаза уже не были влажными. Она подавила свою скорбь пламенем злости.

Он спросил:

– Что могла подумать полиция о том, что случилось в доме? Кто мог убить Дэнни и ваших родителей? Куда могли пропасть вы? Я говорю не о людях Саммертона, а о *настоящих* полицейских.

– Мне кажется, что Том намеревался представить дело так, как будто хорошо организованная группа террористов убрала нас, чтобы отомстить ему. Ему было так легко спекулировать симпатией к бедному одинокому отцу! И благодаря этому сочувствию добиться еще большей власти.

– Но, если вы пропали, они не могли представить фальшивые доказательства – вы же могли появиться и все опровергнуть.

– Да, позже пресса решила, что Дэнни и мои родители... ну, вы понимаете, что это был акт неспровоцированного насилия, с чем мы так часто сталкиваемся... и дальше разговоры, домыслы и неясные выводы... Ужасное, мерзкое преступление, и снова рассуждения и рассуждения. Но на первых страницах эти рассуждения продержались всего три дня. Что же касается меня... наверное, преступники забрали меня с собой, изнасиловали и убили, и мое тело лежит в таком месте, где его никогда не найти.

– Это все случилось четырнадцать месяцев назад? – переспросил ее Спенсер. – И Агентство все еще хочет поймать вас?

– У меня есть очень важные коды. Они не знают, что они у меня есть. Дэнни и я выучили наизусть весьма интересные вещи... я обладаю важными сведениями. У меня нет твердых доказательств виновности этих людей, но я о них все *знаю*. Поэтому я весьма опасна для них. Том, пока он жив, не перестанет разыскивать меня.

* * *

Похожий на огромную черную осу вертолет гудел в небе над пустынным каменистым районом Невады.

Рой все еще не снял огромные наушники... Они заглушали шум мотора и винта. Он пытался сосредоточиться на фотографии Стивена Акблома. Самым громким звуком, который

он слышал, было медленное, тяжелое биение его собственного сердца.

Когда стало известно о тайных делах Стивена Акблома, Рою было шестнадцать лет. Он еще пытался разобраться со смыслом жизни и определить свое собственное место в мире. Его притягивали к себе красивые вещи: картины Чайлда Хассама и других художников, классическая музыка, антикварная французская мебель, китайский фарфор, лирическая поэзия. Когда он находился один в комнате, он всегда был счастливым мальчиком. На проигрывателе стояла пластинка с музыкой Бетховена или Баха. Он разглядывал цветные иллюстрации в книгах, посвященных изделиям Фаберже, его пасхальные яйца. Или книги о серебре Поля Сторра, или о фарфоре династии Сун. Он был также счастлив, когда один бродил по залам музеев. Но ему было нелегко общаться с людьми, хотя безумно хотелось иметь друзей. А еще хотелось, чтобы к нему хорошо относились. Рой считал, что он появился на свет, чтобы принести миру огромную пользу. У него было большое сердце, но оно не могло раскрыться перед людьми. Он решил, что стоит только узнать, в чем твое предназначение, и тебя сразу полюбят и станут восхищаться тобой. Но когда тебе шестнадцать и ты нетерпелив, как все в молодости, то трудно ждать, когда же выяснится, в чем твое предназначение и какова будет судьба.

Роя просто околдовали статьи в газетах о трагедии Акблома. В тайне двойной жизни художника он увидел разгадку своего собственного глубокого смятения и растерянности.

Он купил две книги с цветными репродукциями Стивена Акблома. Он был зачарован работой художника. Хотя картины были прекрасными и благородными, энтузиазм Роя вызывали не только и не столько сами картины. Его притягивала внутренняя борьба художника. Он смог увидеть ее в его картинах. Рой считал, что тоже испытывает подобные чувства.

Стивена Акблома волновали в жизни две вещи, и его творчество развивалось, соответственно, в двух направлениях.

Хотя Акблomu было немногим больше тридцати пяти лет, он был весьма увлечен работой и написал множество картин. Половину составляли великолепные натюрморты: фрукты, овощи, камни, цветы, речные и морские камешки, корзинки для шитья со всем их содержимым, пуговицы, инструменты, тарелки, разные старые бутылки, крышки от бутылок. Обычные и неинтересные предметы привлекали его, вызывали вдохновение. Он рисовал с удивительной точностью и вниманием к деталям, настолько реалистично, что изображение выглядело трехмерным и казалось более реальным, чем предмет, послуживший моделью. Рисунки обладали странной и даже неприятной красотой, без налета нарочитой сентиментальности или несдерживаемого романтизма. Точка зрения художника всегда была убедительно трогательной и иногда просто зачаровывала.

Кроме натюрмортов, Акблом писал индивидуальные и групповые портреты. Полностью фигуры он писал редко, и они всегда были обнаженными. Иногда женщины, мужчины и дети на картинах Акблома были удивительно прекрасны, хотя их привлекательность всегда была нарушена каким-то ужасным давлением изнутри, как будто какой-то страшный, властный, отвратительный монстр мог разорвать их нежную плоть в любую минуту. Этот напор искажал только одну какую-то черту лица или фигуры. Это было сделано без нажимов, но тем не менее прекрасные черты всегда были чуточку несовершенны. Иногда художник изображал откровенно уродливых людей и подчас делал это гротескно. Но они тоже страдали от ужасного внутреннего давления, однако в результате в их чертах удивительным образом возникали намеки на идеальную красоту. Изуродованная внешность казалась еще ужаснее из-за того, что отдельные черты были просто прекрасны. В результате видимого конфликта между внешностью и внутренним миром лица на портретах были необычайно притягательны, у них всегда было таинственное выражение, и они производили на вас более сильное впечатление, чем лица реальных живых человеческих существ.

В отзывах об этих портретах в средствах массовой информации сразу были сделаны определенные выводы.

Критики заявляли, что в картинах нашла отражение борьба художника с самим собой.

Акблом, очень красивый мужчина, изображал мучающего его демона, который скрывался под красивой оболочкой. Художник молил о помощи или же предупреждал о том, кем он был на самом деле.

Хотя Рою в то время было только шестнадцать лет, он прекрасно понимал, что картины Акблома говорят не о сущности художника, а о том, как он представлял себе мир. Акблomu не нужно было просить кого-то о помощи или предупреждать о своей истинной сущности. Он не видел в себе черты демона.

Он просто хотел сказать, что ни одно человеческое существо не в силах достигнуть красоты и совершенства, присущих самым простым предметам неодушевленного мира.

Прекрасные картины Акблома помогли юному Рою Мирю понять, почему ему было так хорошо в окружении предметов искусства, созданных человеком, и так трудно в обществе самих людей. Ни одно произведение искусства не бывает безгрешным из-за несовершенства того человека, который создавал его. Но искусство выражает лучшее, что есть в человеке. Таким образом, произведения искусства ближе к идеалу, чем люди, создававшие их.

Значит, неодушевленное выше одушевленного. А искусство более ценно, чем люди.

Это был первый урок, усвоенный им у Стивена Акблома.

Рой захотел побольше узнать об этом человеке, но выяснилось, что художник почти не давал интервью. Это было неудивительно – он старался сохранить о себе и в себе тайну. Рою удалось найти два интервью. В одном из них художник со страстью рассуждал о плохом, далеко не идеальном состоянии человечества.

В тексте можно было легко выделить ключевое высказывание: «Любовь является самой человеческой из всех эмоций, потому что любовь содержит в себе такую грязь. И из всех ощущений, доступных нашему телу и затрагивающих разум, сильная боль – самое чистое, потому что она изгоняет все из нашего сознания и заставляет сосредоточиваться только на ней. В иной ситуации мы никогда не можем достичь подобного эффекта».

Акблом признал себя виновным в убийстве своей жены и еще сорока одной жертвы. Он не желал участвовать в длительных судебных заседаниях, поскольку понимал, что обречен. В зале суда, признавая свою вину, художник вызвал отвращение у судьи, сказав о своих сорока двух жертвах: «Они все были прекрасны в своих страданиях, а после смерти напоминали ангелов».

Рой начал понимать, что делал Акблом в этих потайных комнатах под сараем. Он мучил своих жертв и пытался подвести их к совершенству, когда в течение короткого времени – даже если они еще были живы – они сияли такой красотой, которая была присуща только неодушевленным предметам.

Чистота и красота были одним целым. Чистые линии, чистые формы, чистый свет, чистый цвет, чистый звук, чистые эмоции, чистые мысли, чистая вера, чистые идеалы. Но человеческие существа могли достигнуть чистоты помыслов или поступков очень редко и только в экстремальных условиях – поэтому оставалось лишь сожалеть о судьбе человечества.

Это был второй урок, полученный Роем у Акблома.

В последующие годы жалость Роя к человечеству усилилась и приняла несколько иные формы. На следующий день после того, как ему исполнилось двадцать лет, подобно тому, как бутон внезапно распускается розой, его жалость переросла в сострадание. Он посчитал, что сострадание – более чистая эмоция. В жалости часто содержится элемент отвращения или же превосходства по отношению к тому, кого жалеют. А сострадание – чистое, прозрачное, пронизывающее чувство симпатии к другим людям, ясное понимание их страданий.

Его вело сочувствие и сострадание, и, постоянно пытаясь сделать мир лучше, будучи уверенным в чистоте своих стремлений, Рой стал более увлеченным человеком, чем Стивен Акблом. Он наконец нашел свою судьбу.

И теперь, спустя тринадцать лет, сидя в вертолете, несущем его к Юте, Рой улыбнулся художнику, глядевшему из теней с этой идеальной фотографии.

– Как странно, что все в мире взаимосвязано. Забытое событие или смутно

припоминаемое лицо из прошлого вдруг становятся весьма важными и непосредственно связанными с настоящим.

Художник никогда не был центральной фигурой в жизни Роя. Его нельзя было назвать ментором, но Рой почерпнул у него какие-то идеи. Рой никогда не верил, что Стивен Акблом был сумасшедшим. Таким изображали его журналисты. Он считал, что этот человек просто неправильно ориентировался в жизни.

Рой нашел самый лучший способ вывести человечество из беспомощного состояния. Суть его была в том, чтобы предоставить каждой неидеальной душе только один момент чистой красоты с помощью жуткой боли.

Это был миг жалкого и короткого триумфа. Лучшее решение состояло в том, чтобы, установив, кто же больше всего нуждался в освобождении, с сочувствием и достоинством и с милосердной быстротой освобождать его от неидеального живого состояния.

Но в нужный момент именно художник, сам того не зная, открывал важные тайны неустоявшейся душе юноши. Рой был ему многим обязан, хотя Стивен Акблом был трагической фигурой – он ясно не понимал, что следует делать.

Самая большая ирония и яркий пример космической справедливости заключались в том, что Рой сможет избавить мир от неблагодарного и нестойкого сына, который предал Акблома. Поиски художником человеческого совершенства были направлены не в ту сторону, но, по мнению Роя, он желал только добра. Их грустный мир сможет на капельку приблизиться к идеальному состоянию, когда Майкл (теперь Спенсер) уйдет из этого мира. Исключительно справедливость требует, чтобы Спенсер покинул его после того, как будет подвергнут длительной и мучительной боли таким способом, который сделал бы честь духовному отцу Роя.

Рой снял наушники с головы и услышал, как пилот сказал по радио:

– ...в полном соответствии с контролем из Вегаса и судя по скорости нашей цели, мы находимся в шестнадцати минутах от места предстоящего randevu. Шестнадцать минут до цели.

* * *

Небо было подобно синему стеклу.

Семнадцать миль до Седар-Сити.

На шоссе движение стало более оживленным. Элли часто сигналила, чтобы медлительные водители освободили ей дорогу. Когда водители упорствовали, она демонстрировала чудеса маневренности, чтобы все-таки обойти их. Она даже иногда обходила их справа, когда понимала, что такой обгон возможен.

Им пришлось ехать медленнее из-за интенсивного движения, но из-за постоянных рискованных виражей казалось, что они ехали быстрее, чем было на самом деле. Спенсер старался держаться за что-нибудь, чтобы не соскочить с сиденья. На заднем сиденье Рокки снова начал качать головой.

– Даже если у вас нет доказательств, вы можете обратиться к прессе, – предложил Спенсер. – Вы можете подтолкнуть их в нужном направлении, и Саммертону придется защищаться.

– Я пыталась сделать это дважды. Сначала я связалась с журналисткой из «Нью-Йорк таймс» через компьютер. Мы переговорили и назначили друг другу свидание в индийском ресторане. Я ей четко объяснила, что если она кому-нибудь проговорится, то за мою, да и за ее, жизнь никто не даст ломаного гроша. Я приехала на четыре часа раньше. И начала вести наблюдение за этим местом в бинокль с крыши здания, стоявшего на другой стороне улицы. Мне было нужно убедиться, что она придет одна и там не будет никакой засады.

Я посчитала, что опоздаю к ней на свидание на тридцать минут, а за это время послежу за улицей. Но через пятнадцать минут после того, как она прибыла туда... ресторан взлетел на воздух. Полиция заявила, что это был взрыв газа.

– А эта женщина?

– Она погибла, и с ней еще четырнадцать человек, сидевших в ресторане.

– Боже ты мой!

– Потом через неделю журналист из «Вашингтон пост» должен был встретиться со мной в парке. Я сидела на крыше с сотовым телефоном недалеко от этого места. Мы должны были встретиться спустя шесть часов. До встречи осталось полтора часа, и вдруг прибывает грузовик департамента коммунальной службы. Он останавливается рядом с парком. Рабочие открывают канализационный люк, устанавливают вокруг него ограждение.

– Но они не были настоящими рабочими, так?

– У меня был с собой многоканальный сканер на батарейках. Я настроилась на ту частоту, на которой они вели переговоры этой липовой рабочей команды с липовым вагончиком-бытовкой, расположенным на другой стороне парка.

– Вы же просто умница! – с восхищением сказал он.

– В парке были еще три агента. Один из них делал вид, что он нищий, а два остальные притворялись, что работают в этом парке. Потом наступило время встречи и появился журналист. Он пошел к памятнику, у которого я назначила ему свидание. И этот сучий сын тоже пришел с передатчиком! Я слышала, как он что-то бормотал им, говоря, что он меня не видит, и спрашивал, что ему, бедному, теперь нужно делать. Они его успокаивали, говорили, чтобы он не волновался, что ему следует еще подождать. Этот маленький вонючка, должно быть, получал жалованье от Тома Саммертона и сразу же позвонил ему после разговора со мной.

Не доезжая десять миль до Седар-Сити, они оказались позади «Доджа». Он ехал со скоростью десять миль в час, как было положено на этом участке дороги. Через заднее окно машины были видны два ружья, укрепленные на специальной подставке.

Водитель пикапа слушал, как Элли упорно сигналила. Он не собирался дать ей возможность обогнать его.

– Вот кретин! – возмущалась Элли. Она просигналила еще, но водитель изображал из себя глухого.

– Может, мы возьмем тяжелобольного, которому срочно нужен врач.

– Ну, с таким же успехом он может подумать, что мы – парочка идиотов, накачанных наркотиками и просто желающих устроить гонки на шоссе.

Водитель пикапа, видимо, не испытывал ни страха, ни жалости. Он среагировал на гудки тем, что высунул руку в окно и сделал грязный жест, адресованный Элли.

Слева его невозможно было обойти. Видимость была ограничена, и им навстречу постоянно двигался поток транспорта.

Спенсер посмотрел на часы. Оставалось всего пятнадцать минут от тех двух часов, которые, как решила Элли, были относительно безопасны для них.

Водитель пикапа, по всей видимости, располагал большим временем.

– Осел, – сказала Элли и рванула «Ровер» вправо, решив объехать медленно двигавшуюся машину.

Когда она оказалась рядом с «Доджем», его водитель прибавил скорость, чтобы все-таки не пропустить ее вперед. Элли дважды увеличивала скорость «Ровера», он вырывался вперед, но дважды водитель пикапа проделывал с ними тот же трюк.

Он постоянно поворачивал к ним голову и, сверкая глазами, мерил их взглядом. Ему было около сорока. Было заметно, что его лицо под бейсбольной шапочкой так же интеллигентно, как совок для песка.

Было ясно, что он не собирается дать Элли возможность обогнать его, и ей пришлось снизить скорость.

Этот тип не знал, с кем связывается. Элли быстро все поставила на место. Она вывернула «Ровер» влево и толкнула пикап с такой силой, что испуганный водитель убрал ногу с педали скорости. Пикап начал отставать, а «Ровер» рванулся вперед. «Совок» снова надал скорость, но опоздал. Элли, чуть повернув руль, перекрыла ему путь.

Когда «Ровер» резко повернул сначала влево, а потом вправо, Рокки завизжал от неожиданности и шлепнулся набок. Поднявшись, он фыркнул – было трудно понять, что изображал этот звук – то ли смущение, то ли восхищение.

Спенсер посмотрел на часы.

– Как вы думаете, они свяжутся с местной полицией, прежде чем попытаются нас поймать или уничтожить?

– Нет, они стараются не связываться с местной полицией.

– Тогда куда нам лучше податься?

– Если они прилетят из Вегаса или откуда-то еще, мне кажется, они пожалуют на вертолете. Так им легче маневрировать. У них задействовано спутниковое слежение, и они легко обнаружат «Ровер», подлетят к нам и, как только им представится удобный случай, – взорвут нас.

Спенсер наклонился вперед и через ветровое стекло посмотрел на таящую опасность синее небо.

Сзади них послышался сигнал.

– Черт, – сказала Элли, глядя в боковое зеркало. Спенсер тоже посмотрел в свое зеркало и увидел, что «Додж» догнал их. Злобный водитель не снимал руки с сигнала, как это делала раньше Элли. – Нам это сейчас совершенно ни к чему, – расстроено сказала она.

– Ну что ж, – сказал Спенсер, – может, мы устроим соревнование. Если мы переживем контакт с Агентством, то всегда сможем вернуться и продолжить диалог с этим идиотом.

– Вы считаете, что так будет справедливо?

– С таким, как он, наверное.

Элли еще прибавила скорость, глянула на Спенсера и улыбнулась.

– Вы уже заразились нужным настроением.

– Действительно, оно очень заразно!

По обеим сторонам шоссе стали попадаться дома, ресторанчики и магазины. Это еще не был Седар-Сити, но они явно вернулись снова в мир цивилизации.

Эта улитка в «Додже» сигналила с таким энтузиазмом, словно каждый сигнал похотливо отзывался у него в паху.

* * *

На экране дисплея, находившегося в «дипломате», была картинка шоссе, переданная из Вегаса, а еще ранее со спутника «Страж Земли-3». Она была дана крупным планом. Дисплей показывал отрезок шоссе к западу от Седар-Сити.

«Ровер» демонстрировал чудеса вождения. Сидя в хвосте вертолета с портативным компьютером на коленях, Рой просто наслаждался представлением, которое можно было увидеть только в лучшем триллере. Единственное, что снижало впечатление, то, что спутник снимал из одной позиции, под одним углом зрения.

Никто больше не мчался по шоссе так быстро, переходя с одной полосы на другую, иногда с трудом увертываясь от идущего навстречу транспорта. Так может вести машину или пьяный, или человек, старающийся уйти от погони. Но этот водитель не был пьян. «Ровер» вели просто артистично. Это было смелое управление машиной, но в нем чувствовалось умение и расчет. Судя по всему, за «Ровером» никто не гнался.

Рой решил, что вела эту машину та самая женщина, за которой они охотились. Получив сигнал со спутника с помощью своего компьютера, она не успокоилась, обнаружив, что за ней не гонится машина. Она понимала, что они могут устроить ей засаду впереди на перекрестке или же напасть на нее с воздуха. Поэтому она торопилась въехать в город до того, как произойдет вероятная встреча.

В городе ее машина сможет смешаться с потоком автомобилей или спрятаться возле любого здания, и они не сумеют так легко следить за ней.

Седар-Сити был небольшим городом, где практически невозможно полностью скрыться

от наблюдения. Женщина явно не представляла себе силу и четкость изображения, которое они получали с орбиты.

Сидевшие в пассажирском салоне вертолета четыре офицера из спецназа проверяли свое оружие. Они рассовывали по карманам дополнительные магазины с патронами.

Униформой участников этой операции была гражданская одежда. Задача – снизиться, убить женщину, забрать Спенсера и быстро удрать до того, как полиция Седар-Сити появится на сцене. Если те столкнутся с местными полицейскими, им придется врать, что чревато риском ошибиться и выдать себя. Дополнительная сложность заключалась в том, что они не были уверены, насколько осведомлен Грант и что он может сказать полицейским, если те сумеют настоять на разговоре с ним. Кроме того, если будет задействована местная полиция, процедура отнимет чертовски много времени. На обоих вертолетах были фальшивые регистрационные номера. Участники нападения в гражданской одежде не обратят на себя внимания, и свидетели позже ничем не смогут помочь местной полиции. Самое главное – не оставлять следов!

На каждом участнике экспедиции, включая Роя, был надет бронежилет под одеждой. У каждого было удостоверение Агентства по борьбе с наркотиками. Если вдруг возникнет необходимость, они могли предъявить эти удостоверения местной полиции, чтобы усыпить ее бдительность. Но, если им повезет, после выполнения операции они должны будут снова подняться в воздух через три минуты – с телом женщины и Спенсером. И все участники налета должны остаться живы и здоровы.

С женщиной уже было покончено. Она еще пока дышала, у нее билось сердце, но она уже была мертва.

На компьютере, стоявшем на коленях у Роя, «Страж Земли-3» показал, что цель замедлила скорость. Потом «Ровер» обогнал другую машину, может, это был пикап. Пикап тоже увеличил скорость, и вдруг на шоссе началась настоящая гонка.

Рой нахмурился и еще внимательнее стал следить за событиями на экране дисплея.

Пилот объявил, что до цели осталось пять минут.

* * *

Седар-Сити.

Там было достаточно интенсивное движение, чтобы легко скрыться от наблюдения, но недостаточное для того, чтобы «Ровер» затерялся среди других машин и спутал наблюдателей. Женщине мешало вести машину то, что это была городская дорога, а не открытое скоростное шоссе. К тому же – светофоры. И этот кретин в пикапе, который гудел, гудел, гудел.

Элли на перекрестке свернула направо, оглядывала обе стороны улицы, пытаясь найти что-нибудь подходящее. Закусочные. Станции техобслуживания. Магазины. Она сама не знала, что именно ищет. Однако попадись ей это «что-то», и она сразу же его узнает. Это может быть место или ситуация, которыми они смогут воспользоваться для своего спасения.

Если бы было время, чтобы изучить обстановку и найти, куда спрятать «Ровер» – под кронами вечнозеленых ветвистых деревьев или в большой гараж-парковку! Годилось любое место, где бы они смогли спрятаться от глаз, следивших за ними сверху. Они бы оставили там «Ровер», а сами убрались бы подальше. Потом они бы купили или просто украли новые «колеса», и с орбиты их бы невозможно было узнать.

Она понимала, что в аду ей придется лежать на гвоздях, если она убьет того придурка в «Додже», но удовольствие, которое она получила бы от этой расправы, вполне стоило будущих мучений. Он продолжал сигналить, как будто был разозленной гориллой, остервенело разбивающей чертову игрушку, пока она не перестанет издавать проклятые звуки.

Он пытался обойти их, используя интервалы во встречном движении, но Элли все время блокировала его. Бок пикапа справа от водителя был сильно поцарапан и помят после

того, как она стукнула его. Водитель пикапа, видимо, решил прижать «Ровер» к обочине и заставить ее остановиться.

Она не могла ему этого позволить. У них уже почти не осталось времени. Если придется объясняться с этой гориллой, они потеряют бесценные минуты.

– Скажите мне, что я ошибаюсь, – прокричал Спенсер, пытаясь заглушить звуки сигналов.

– Что такое?

Элли увидела, как он показывает вперед. Темные предметы в небе, на юго-западе. Два больших официального вида вертолета. Оба черного цвета. Оба блестели, как будто были покрыты пленкой льда, и солнце сияло на вращающихся лопастях винтов. Эти вертолеты напоминали двух гигантских насекомых из научно-популярного фильма пятидесятых годов об апокалипсисе и опасности ядерной радиации. Они находились менее чем в двух милях.

Элли увидела слева, немного впереди, большой торговый центр. Она поддалась инстинктивному порыву, прибавила скорость, пролетела налево поперек встречного движения и свернула на дорогу, ведущую к парковке.

За ее правым ухом собака тяжело дышала от возбуждения, и ей вдруг показалось, что это был странный тихий смехок: «Хе-хе-хе-хе...»

Спенсеру пришлось повысить голос, потому что этот бешеный «совок» не отставал от них:

– Что мы собираемся делать?

– Нам нужна новая машина.

– Мы сделаем это в открытую?

– У нас нет выбора.

– Они могут увидеть, как мы будем пересаживаться.

– Нам нужно отвлечь от себя внимание.

– Каким образом?

– Я еще не решила, – ответила ему Элли.

– Я боялся именно этого.

Она слегка притормозила, повернула направо и помчалась вдоль магазина, вместо того чтобы приблизиться к нему.

Чокнутый в пикапе не отставал от них.

Вертолеты были уже всего лишь в одной миле. Они изменили курс, следуя за «Ровером». Приближаясь, они начали снижаться.

Основным магазином в торговом центре был супермаркет, расположенный посередине комплекса. К нему примыкали еще два крыла. Огромное пространство за стеклянными дверями и большими витринами было заполнено разными товарами и залито ярким и неприятным светом неоновых ламп. По обеим сторонам этого гиганта находились более мелкие магазинчики, торговавшие одеждой, книгами, пластинками и экологически чистыми продуктами. В двух боковых пристройках торгового центра также располагались магазины и службы быта.

Было слишком рано, и магазины только еще открывались. Полностью работал лишь супермаркет. На парковке стояло не так уж много машин.

– Дайте мне «пушку», – требовательно сказала Элли. – Положите мне ее на колени.

Спенсер подал ей пистолет, а сам поднял с пола «узи».

У южного крыла комплекса Элли не увидела ничего, что бы помогло ей устроить небольшой переполох. Она резко развернулась и снова устремилась назад, к центру парковки.

Гориллу так поразил ее маневр, что пикап занесло, и он почти перевернулся, стараясь не отстать от «Ровера». Пока он так кувыркался, водитель хотя бы не нажимал на кнопку сигнала.

За спиной Элли собака все еще «хехекала».

Элли мчалась параллельно главной улице, на которой стоял торговый центр.

Она спросила Спенсера:

– Вы собираетесь что-нибудь брать с собой?

– Только чемодан.

– Он вам не понадобится. Я уже вынула из него деньги.

– Что вы сделали?

– Там под двойным дном лежали пятьдесят тысяч, – сказала она.

– Вы нашли мои деньги? – Он был просто поражен.

– Да, я их нашла.

– Вы их достали из чемодана?

– Они находятся в сумке рядом с моим сиденьем. Вместе с компьютером и с остальными вещами.

– Вы взяли мои деньги? – еще раз повторил Спенсер. Он все еще не мог прийти в себя.

– Мы поговорим об этом позже.

– Да, вы можете быть в этом уверены.

Горилла в «Додже» снова догнал их и продолжал жать на сигнал, но все же остался достаточно далеко.

На юго-западе вертолеты были от них всего лишь в полумиле, они резко снижались, и до земли им оставалась какая-то сотня футов.

Она спросила:

– Вы видите ту сумку, о которой я вам говорю?

Он посмотрел за ее сиденьем:

– Да, она лежит позади Рокки.

После того как они столкнулись с «Доджем», Элли не была уверена, что ее дверь будет легко открываться. Она не могла сражаться с дверью, держа в руках сумку и пистолет.

– Забирайте с собой сумку, когда мы остановимся.

– Мы собираемся останавливаться? – спросил он ее.

– О да...

Последний поворот резко направо. Она свернула в средний ряд в центре парковки. Он тянулся как раз к центру супермаркета. Когда она приблизилась к зданию, то положила руку на сигнал, не собираясь снимать ее. Она производила больше шума, чем горилла, не отстававший от них.

– О нет, – сказал Спенсер. Он начал понимать, в чем дело.

– Мы устроим небольшой шум! – прокричала ему Элли.

– Вы просто сошли с ума!

– У нас нет выбора!

– Все равно – это безумие!

Перед входом в супермаркет висели огромные объявления о распродаже. Они были прикреплены на больших зеркальных витринах рядом с рекламой коки и картофеля, туалетной бумаги и душистых солей для расслабляющих ванн. Большинство объявлений висели в верхней части витрины. Через стекло и между этими объявлениями Элли видела кассы. В ярком свете несколько покупателей и продавцов смотрели на улицу. Их взволновали ее громкие сигналы. Когда Элли помчалась в сторону здания, маленькие овалы их лиц стали такими мертвенно-белыми, как раскрашенные маски арлекинов. Одна женщина побежала. Глядя на нее, остальные люди тоже ринулись искать себе убежище.

Элли молила Бога, чтобы они все успели убраться с ее дороги. Ей вовсе не хотелось причинять вред невинным, случайно оказавшимся здесь людям. Но ей также не хотелось, чтобы ее расстреляли люди, которые вот-вот устремятся вниз из зависших над ними вертолетов.

Делай что-то, иначе ты умрешь!

«Ровер» двигался быстро. Весь фокус состоял в том, чтобы перепрыгнуть через бровку тротуара на широкую дорожку перед магазином и пролететь через стеклянную стену и товары, которые были расставлены за стеклом в несколько рядов. Но в то же время скорость

не должна была быть слишком высокой, чтобы машина не налетела на кассы, иначе люди возле них могли погибнуть или получить травмы.

– Мы это сделаем! – Элли вспомнила, что никогда не следует лгать собаке. – Мы постараемся это сделать!

Она вдруг сквозь гудки и шум мотора услышала над головой рокот вертолетов: «Чух-чух-чух».

Может, она даже не слышала, а ощущала движение воздуха, который перемалывали лопасти прямо над парковкой.

Передние колеса уперлись в бровку, и «Ровер» прыгнул. Рокки завизжал, и Элли отпустила сигнал и сняла ногу с акселератора. Она нажала на тормоза в тот миг, когда колеса коснулись тротуара. Дорожка не показалась слишком широкой, когда «Ровер» поскакал по ней со скоростью сорок миль в час. Колеса визжали, как свиньи под ножом мясника. Черт, эта дорожка была совсем не широкой. Она оказалась даже слишком узкой, в конечном итоге. Элли увидела отражение «Ровера» в витрине, и сразу же посыпались каскады стекла. Осколки падали вниз, как разбитые сосульки. Машина пронеслась, сбивая большие ящики, где лежал картофель и еще что-то, и мчалась прямо на ближайшую кассу. Разлетелись панели из пластика, прилавки из нержавеющей стали взлетели вверх, как полоска фольги для упаковки подарков. Резиновый конвейер для подачи продуктов разорвался на две части, соскочил с роликов и взмыл в воздух, как гигантский чернильный плоский червь, а сама касса привалилась к полу. Столкновение не было слишком сильным, как того боялась Элли. И чтобы отпраздновать их счастливое приземление, веселые гирлянды прозрачных пластиковых пакетов быстро взвились в воздух, словно вылетая из карманов невидимого волшебника.

– Все нормально? – спросила она Спенсера, отстегивая пояс безопасности.

Он сказал:

– В следующий раз я поведу машину.

Она нажала на ручку своей двери. Дверь протестовала, хрипела и скрипела, но столкновение с «Доджем» и их взрывное проникновение в супермаркет не заклинили запор. Элли схватила пистолет, лежавший у ее ног, и быстро выбралась из «Ровера».

Спенсер уже выскочил с другой стороны.

Утро было наполнено шумом вертолетов.

* * *

Оба вертолета были видны теперь на экране компьютера, потому что они вошли в полосу наблюдения «Стража Земли-3» с высоты в двести футов. Рой сидел в вертолете и смотрел на него же как бы с орбиты спутника. Его все еще удивляли возможности современной науки.

Пилот снижался прямо над целью. Рой не видел ее ни через левый, ни через правый иллюминаторы. Он смотрел на экран компьютера, наблюдая за «Ровером», когда тот пытался избежать столкновения с пикапом и мотался туда-сюда по парковке. После того как пикап стал набирать скорость после неловкого разворота на парковке, «Ровер» двинулся прямо к центральному зданию. Судя по размерам, это был супермаркет или большой магазин, торгующий по сниженным ценам.

Только в самый последний момент Рой понял, что «Ровер» собирается влететь в супермаркет через витрину. Он с ужасом подумал, что машина превратится в массу разбитого и помятого металла. Но она исчезла из вида, скрывшись внутри здания. Он понял, что машина прошла через витрину, и люди в кабине остались живы.

Рой быстро поставил компьютер на сиденье рядом с собой и вскочил на ноги. Он не стал тратить время на то, чтобы прерывать связь с «Мамой» и отключать компьютер. Он просто поставил его и побежал к кабине пилота.

Судя по тому, что он видел на экране, оба вертолета зависли над парковкой.

Они снижались, сохраняя скорость всего лишь две или три мили в час. Практически машины просто висели в воздухе.

Черт подери, они были так близко от этой женщины, но сейчас она пропала из виду.

Пока они не видят ее, она может быстро удрать от них. Она снова скроется. Нет! Это просто невозможно.

Четыре спецназовца были вооружены и готовы действовать. Они стояли у выхода, мешая Рою.

– Убирайтесь отсюда и освободите проход!

Рой протиснулся мимо них, резко открыл дверь кабины и всунул туда голову.

Пилот был занят тем, что, стараясь не задеть фонари на парковке, искал место между машинами для своего «Джет-рейнджера». Второй пилот обернулся и посмотрел на Роя, открывшего дверь.

– Она въехала в это чертово здание, – сказал Рой, глядя вниз на битое стекло перед супермаркетом.

– Бешеная, да? – ухмыляясь, заметил второй пилот.

Перед магазином оказалось слишком много машин, чтобы приземлиться прямо там. Вертолетам пришлось двигаться к торцам здания, один двинулся к северному, а другой – к южному.

Указав на первый вертолет, в котором сидело восемь агентов спецназа, Рой сказал:

– Нет-нет. Передайте ему, чтобы он садился сзади здания. Не здесь, а сзади. Пусть все восемь человек находятся с тыльной стороны и всех подозрительных задерживают.

Пилот уже говорил по радио с пилотом второго вертолета.

Зависнув в двадцати футах над парковкой, он еще раз повторил приказания Роя по радио.

– Они попытаются пройти через магазин и выйти с противоположной стороны, – сказал Рой, стараясь подавить вспышку гнева и оставаться спокойным.

Дыши глубоко. Вдыхай бледно-персиковый благословенный покой. И выдыхай ядовито-желтый туман злобы, стресса и напряжения.

Их вертолет был слишком низко, и Рой ничего не видел, кроме крыши магазина. Но он вспомнил переданную спутником картинку на дисплее компьютера. Позади торгового центра проходила широкая подъездная дорога, возвышались стена из бетона и дома, окруженные огромным количеством деревьев. Дома и деревья, где легко спрятаться, и много машин, которые можно украсть.

Рой увидел, как второй вертолет, собиравшийся приземлиться на парковке и выбросить из своего брюха вооруженных людей, снова начал подниматься. Пилот получил приказ Роя.

В себя – дыхание персиков, из себя – грязную зелень.

* * *

Ковер из коричневых кусочков собачьей еды хрустел под ногами у Спенсера. Эти кусочки вывалились из порванного пятидесятифунтового мешка. Спенсер, выбравшись из «Ровера», побежал между двумя кассами. В одной руке он держал сумку. В другой крепко сжимал «узи».

Он глянул налево: Элли бежала мимо другой кассы. Торговые проходы были длинными и вели к противоположной стене зала. Спенсер встретил Элли в начале ближайшего прохода.

– Туда, в заднюю часть магазина.

Она побежала в конец супермаркета.

Он кинулся за ней и вспомнил о Рокки. Собака выбралась из машины сразу после него. Где же мистер Рокки-собака?

Он остановился и, повернув назад, сделал два шага и увидел Рокки в том самом проходе, из которого только что выбежал. Рокки жадно поедая сухой собачий корм. Он выбирал целые куски, которые не попали под ноги Спенсеру. Это была чудесная сухая

собачья еда, целых пятьдесят фунтов.

– Рокки! – Собака посмотрела на него и завилась хвостом. – Иди сюда! – Рокки не обратил никакого внимания на приказ. Он схватил еще несколько кусочков и начал с удовольствием хрустеть ими. – Рокки! – Собака посмотрела на хозяина. Одно ухо у нее торчало, а другое опустилось вниз. Пушистый хвост бил по ограждению кассы. Самым суровым голосом Спенсер крикнул: – *Ну!*

Рокки повиновался, но было видно, как ему жаль оставлять столько вкусной пищи. Однако ему было немного стыдно, и он потрусил от еды. Когда он увидел Элли, которая приостановилась, ожидая их, он побежал побыстрее. Элли снова кинулась в конец магазина, и Рокки радостно пустился за ней. Бедный пес не понимал, что они бегут, спасая свою жизнь.

В конце прохода появились трое мужчин и остановились, увидев Элли и Спенсера с оружием и собаку. Двое мужчин были в белой униформе с вышитыми на карманах именами, видимо работники магазина.

На третьем была обычная одежда, в руках он держал французский батон. Наверное, это был покупатель.

Рокки мгновенно среагировал на них так, как это сделал бы кот, а не собака. Вместо того чтобы рваться вперед, он начал отступление. Поджав хвост, пес повернулся и почти на животе пополз к хозяину, ища защиты.

Мужчины выглядели удивленными, но не агрессивными. Однако, застыв в изумлении, они преграждали путь к спасению.

– *Убирайтесь!* – закричал Спенсер.

Он поднял вверх «узи» и выстрелил в потолок. Одна лампа дневного света разбилась, и вниз посыпался дождь из осколков стекла и обломков звукопоглощающего пластика.

Мужчины в ужасе кинулись в разные стороны.

Две вращающиеся двери располагались между молочным прилавком слева и витринами-холодильниками с сыром и разными закусками для ленча справа. Элли проскочила в дверь. Спенсер следовал за ней вместе с Рокки. Они оказались в коротком коридоре, где по обе стороны размещались какие-то комнаты.

Здесь был не так слышен гул вертолетов.

Добежав до конца коридора, они влетели в огромное помещение. Голые стены из бетона, сверху сияют лампы дневного света; вместо потолка над головой видны балки перекрытий. В центре зала было свободно, но вдоль стен стояли ящики и коробки с разными товарами. Там было все – начиная от шампуня и кончая свежими продуктами.

Спенсер увидел нескольких грузчиков и кладовщиков, которые с опаской выглядывали из-за ящиков.

В конце зала были видны огромные металлические ворота. Открывались они, поднимаясь вверх. Через них обычно въезжали грузовики с товарами. Справа от громады ворот была стандартная дверь. Через нее Элли, Спенсер и Рокки выбежали на подъездную служебную дорогу шириной в пятьдесят футов.

Там никого не было.

Над ними нависал козырек, прикрывавший ленточный подъемник, уходивший внутрь здания. Этот подъемник почти достигал середины подъездной аллеи. Козырек защищал людей и продукты от дождя во время разгрузки. Сейчас он послужил Элли и Спенсеру защитой от наблюдения сверху.

Утро было весьма холодным. Хотя и в магазине, и в подсобном помещении было не жарко. Спенсер не ожидал такого холода на улице. В этот день они проехали почти два часа и покинули пустыню. Дорога уводила их все выше, и здесь был уже иной климат.

Спенсеру казалось, что им не следовало бежать по аллее ни вправо, ни влево. В любом случае они только обогнут здание и прибегут на парковку перед входом.

С трех сторон торговый центр окружала стена высотой в девять футов. Она была возведена из окрашенных белой краской бетонных блоков, дополненных кирпичной кладкой. Будь стена высотой футов в шесть, через нее легко можно было бы перебраться. Но девять

футов им не преодолеть. Можно перебросить сумку, но поднять и переместить собаку весом в семьдесят фунтов, надеясь, что она благополучно приземлится по другую сторону... Нет, это было невозможно.

У выхода из супермаркета они услышали, что звук пропеллеров стал громче. Вертолет летел к задней части здания.

Элли побежала направо вдоль магазина. Спенсер понял, что она собиралась сделать. Для них это была единственная надежда. Он последовал за ней.

Она остановилась под краем навеса. Стена торгового центра тянулась дальше, но за ней уже был не супермаркет, а другие магазинчики.

Элли повернулась к Рокки:

– Держись ближе к зданию, прижмись к стене, – сказала она ему, как будто он мог ее понять.

Может, он и понял ее. Элли выбежала из тени на солнце. Она сама не выполняла свой совет, а Рокки бежал между ней и Спенсером, прижимаясь к стене торгового центра.

Спенсер не знал, различает ли спутник их и самое здание. Он также не знал, может ли козырек прикрыть их от наблюдения. Но даже допуская, что Элли рассчитала все правильно, Спенсер интуитивно чувствовал, что за ними наблюдают.

Рокот вертолета стал совершенно невыносимым. Судя по звуку, можно было предположить, что он перелетал над крышей торгового центра и двигался в их сторону.

За стеной супермаркета была расположена химчистка. На двери служебного входа висела табличка с названием заведения. Дверь была заперта.

Небо заполнили звуки апокалипсиса.

За химчисткой находился магазинчик, где продавались открытки. Служебная дверь поддалась. Элли распахнула ее настежь.

* * *

Рой Миро наблюдал из открытой дверцы кабины, как второй вертолет поднялся над зданием торгового центра, завис над ним на секунду, потом полетел над крышей к заднему двору супермаркета.

Рой показал пилоту на свободное пространство, перед магазинчиком, торговавшим открытками, потом сказал пилоту:

– Вот здесь, нам нужно опуститься прямо перед этим магазинчиком.

Пилот начал маневрировать, чтобы приземлиться там, где ему указал Рой, который вернулся к четырем офицерам в пассажирскую кабину. Он снова начал глубоко дышать. Персик внутрь. Зелень наружу.

Он вытащил «беретту» из кобуры под мышкой. На пистолете стоял глушитель. Он его снял и положил во внутренний карман пиджака. Это была не та операция, где необходимы глушители. Все равно они привлекли к себе более чем достаточное внимание. Пистолет будет стрелять точнее, если с него снять глушитель.

Они коснулись земли.

Один из спецназовцев открыл дверь, и они быстро, один за другим, вылезли из кабины. Сильная струя воздуха от работающих лопастей едва не сбила с ног.

* * *

Спенсер последовал за Элли и Рокки через дверь в заднюю комнату магазинчика, торговавшего открытками. Он взглянул вверх в сторону оглушающего звука. Прямо у них над головой, четко выделяясь в синем небе, показались концы лопастей. Они перемалывали сухой воздух Юты. Потом он увидел антенну впереди вертолета. Его ударило потоком воздуха, он вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Он это сделал вовремя – его никто не заметил.

Внутри дверь запиралась на засов. Хотя спецназовцы должны сначала осмотреть заднюю часть супермаркета, Спенсер запер за собой дверь.

Они оказались в узкой, без окон, кладовке. Пахло дезодорантом с розовой отдушкой. Элли открыла следующую дверь еще до того, как Спенсер прикрыл за собой дверь с улицы. За кладовкой находился небольшой офис, освещенный лампами дневного света. Там стояли два стола, компьютер, лежали кипы деловых бумаг.

Из офиса вели две двери. Одна была полуоткрыта – за ней был маленький туалет. Другая дверь вела в торговый залчик.

Узкий длинный магазин заполняли вертушки-витрины с открытками, открытки, сложенные стопками, яркая оберточная бумага, мягкие игрушки, мозаики, декоративные свечи и разнообразные новые игрушки. Приближался День святого Валентина, и магазин пестрел разными наклейками и украшениями – сплошные сердечки и цветы.

Радостные мелочи этого магазина неприятно напомнили Элли и Спенсеру, что вне зависимости от того, что с ними случится в следующие минуты, Земля все равно будет вращаться. И никто не заметит их печального исчезновения. Если их перестреляют в этом магазинчике, то тела быстро уберут отсюда, полы и коврики отчистят от крови, воздух снова станет приятным после того, как кто-то побрызгает дезодорантом с запахом розы. На продажу выставят еще конфетти разных цветов. И поток влюбленных, покупающих поздравительные открытки ко Дню святого Валентина, не прекратится.

Две женщины, видимо работавшие здесь, стояли перед стеклянной дверью, спиной к Спенсеру и Элли. Они смотрели, что происходит на парковке.

Элли направилась к ним.

Спенсер следовал за ней. Ему пришла мысль, не решила ли она взять заложников. Ему не понравилась эта идея. Нет, нет. Боже мой, ни в коем случае! Эти люди из Агентства, как она описывала их – да он и сам видел их за работой, – они ни секунды не станут медлить и взорвут их всех вместе с заложниками. Если даже среди них будет ребенок или женщина. Они просто жаждут захватить Спенсера и Элли и готовы пойти на все. Особенно в начале операции, когда свидетели еще не пришли в себя и впоследствии часто путаются в показаниях, и пока на место действия еще не прибыли репортеры со своими камерами.

Спенсер не хотел, чтобы его руки оказались в крови невинных жертв.

Конечно, они не могут пережидать в магазине, пока участники операции просто скроются отсюда, несолоно хлебавши. Если их не обнаружат в супермаркете, то начнут прочесывать все прилегающие магазины.

Им лучше всего попытаться выскользнуть через переднюю дверь магазина, пока внимание налетчиков приковано к супермаркету. Затем следует пробраться к какой-нибудь машине и попытаться увести ее. Шансов у них, конечно, маловато.

Почти никаких. Лишь крохотный кусочек везения и капля надежды. Но это все, что они могут попробовать сделать, и никаких заложников. Спенсер твердо решил это для себя.

Пока вертолет приземлялся где-то на заднем дворе магазина, сам магазинчик просто качался от порывов ветра, поднятого движением лопастей. Гул был такой, будто Спенсер и Элли сидели прямо под каруселью в парке аттракционов. У них над головой дрожали плакаты, поздравлявшие с Днем святого Валентина. Десятки брелоков для ключей, висевшие на крючках, дрожали и звенели. Небольшие красивые рамочки для картин бились о стеклянную полку, на которой стояли. Казалось, что сами стены магазина вибрировали, как барабан под палочками ударника.

Все вокруг тряслось и дрожало, и Спенсер подумал о прочности этих зданий. Наверное, торговый центр строили небрежно, в спешке и из некачественных материалов, так что гул одного вертолета мог почти разнести его на куски. По крайней мере стены едва не рассыпались.

Элли и Спенсер прошли вперед и стояли за спинами женщин, которые продолжали смотреть в окно.

Теперь стала понятна причина этого жуткого шума – второй вертолет приземлился

перед магазином на широкой аллее возле парковки. Магазинчик как бы оказался между двумя источниками страшного шума и вибрации. Немудрено, что стены еле выдерживали такой напор.

Элли остановилась, увидев вертолет.

Рокки, казалось, почти не волновал шум, но он пришел в ужас от огромного плаката с изображением Бетховена — не знаменитого композитора, а звезды экрана, огромного сенбернара. Рокки попятился назад, пытаясь спрятаться возле Элли.

Обе женщины у окна все еще не подозревали, что у них в магазине гости. Служащие стояли рядом и оживленно переговаривались. Они говорили громко, чтобы перекрыть шум моторов, но Спенсер не мог разобрать слов.

Он подошел к Элли и с ужасом смотрел на вертолет. И в это время дверь вертолета открылась и вооруженные люди прыгнули на асфальт. Они прыгали один за другим. У первого из них был автомат, гораздо больше, чем «узи» Спенсера. У второго тоже был автомат, но другой марки, третий держал в руках гранатометы. Видимо, их заряды содержали паралитический газ или что-то подобное, что могло другим образом вывести из строя людей. У четвертого был тоже автомат, и у пятого пистолет.

Пятый оказался последним и не похожим на остальных, мускулистых и сильных парней. Он был меньше ростом и даже немного полноват. Он держал пистолет дулом вниз и без той грации, с которой двигались четверо спецназовцев.

Ни один из этой пятерки не приблизился к магазинчику. Они ринулись к входу в супермаркет и быстро исчезли из вида.

Мотор вертолета работал тише, винт вращался, хотя более медленно. Налетчики надеялись, что все быстро закончится.

— *Леди*, — сказала Элли.

Женщины не слышали ее из-за шума вертолета и продолжали оживленно болтать друг с другом.

Элли крикнула:

— *Леди, черт бы вас побрал!*

Леди испугались и повернулись к ним, широко раскрыв глаза и испуганно вскрикнув.

Элли не стала направлять на них свой пистолет, но она держала его на виду.

— Отойдите от окон, быстро. — Они колебались, взглядывая друг на друга и на пистолет. — Я не собираюсь причинять вам зла, — искренне сказала Элли, — *но, если вы сейчас же не выполните мои приказания*, мне придется прибегнуть к неприятным мерам.

Женщины отошли от окон. Одна из них двигалась медленнее и разок искоса глянула на дверь.

— Даже не пытайтесь ничего предпринимать, — сказала ей Элли. — Я выстрелю вам в спину. И Бог мне судья, но если вы не погибнете сразу, то всю оставшуюся жизнь проведете в инвалидной коляске. Ну вот, так гораздо лучше, быстро идите сюда!

Спенсер отступил, Рокки прятался за ним. Элли провела испуганных женщин по проходу. Посредине магазина она приказала им лечь на пол, рядом друг с другом, лицом к задней стене.

— Если в течение следующих пятнадцати минут кто-то из вас поднимет голову, я убью вас обеих, — предупредила их Элли.

Спенсер не мог решить, когда она была более искренней — когда говорила, что не *желает* причинять им вред, или сейчас, но ему было ясно, что она не станет колебаться. Он бы на месте женщин не решился поднять голову до самой Пасхи.

Вернувшись к нему, Элли сказала:

— Пилот сидит в вертолете.

Спенсер подошел к витрине магазина. Через боковой иллюминатор можно было разглядеть человека в кабине. Наверное, был и второй пилот.

— Я уверен, что их там двое.

— Они не принимают участия в нападении? — спросила Элли.

– Конечно, нет. Они – пилоты, а не убийцы.

Она подошла к двери и посмотрела в сторону супермаркета.

– Нам придется это сделать. Сейчас нет времени на обдумывание. Мы вынуждены это сделать!

Спенсеру не было нужды спрашивать ее, что она задумала. За четырнадцать месяцев, пока ей удавалось скрываться от смертельной опасности, она набралась опыта и ее инстинкт самосохранения обострился. Спенсер вспомнил, какой стратегии учили его опытные десантники Штатов, – нужно думать, пока действуешь! Нельзя уходить тем путем, каким они попали сюда. Нельзя оставаться в этом магазине – его все равно станут обыскивать. Уже не удастся украсть машину с парковки потихоньку от налетчиков. Все машины стояли перед супермаркетом, и вертолет рядом. Чтобы попасть туда, пришлось бы идти прямо под носом у команды пилотов. Оставался только один выход, один шанс. Маленький, крохотный, рискованный шанс!

Он потребует от них храбрости и немного нахальства, и еще прилива фатализма и безмерной, бездумной самоуверенности. Им двоим придется это сделать.

– Возьмите, – сказал Спенсер Элли, передавая ей сумку с деньгами. – И это. – Он отдал ей «узи».

Потом взял у нее пистолет и запихнул его за пояс джинсов. Она сказала:

– Он может вам пригодиться.

– Нам нужно добежать туда за три секунды. Рокки мог бы домчаться еще быстрее, но мы не можем рисковать – вдруг он остановится.

Спенсер нагнулся и взял собаку на руки. Он стоял, прижимая ее к себе, как ребенка.

Рокки еще не решил, как ему реагировать, – вилять хвостом или сразу испугаться. Он не знал, играют ли они в новую игру или попали в серьезную беду. Было ясно, что он находится на грани нервного срыва. В подобной ситуации он или дрожал не переставая, или, наоборот, застыл от ужаса.

Элли, аккуратно приоткрыв дверь, глянула, что там снаружи.

Женщины, лежавшие на полу, четко выполняли ее приказание.

– Пора, – сказала Элли и, шагнув за порог, придержала дверь для Спенсера.

Он выходил боком, чтобы Рокки не ударился головой о дверную раму. Они вышли на аллею, и Спенсер посмотрел в сторону супермаркета. Все налетчики, кроме одного, были внутри. Бандит с автоматом, оставшийся на страже, смотрел в противоположную от них сторону.

В вертолете пилот изучал что-то, лежавшее у него на коленях, он не смотрел в иллюминатор.

Спенсеру казалось, что Рокки весит семьсот, а не семьдесят фунтов. Он побежал к открытой дверце вертолета. Ему нужно было преодолеть всего лишь тридцать футов, но это были самые длинные тридцать футов во всей вселенной. Это была странная научная аномалия, какая-то насмешка физики, извращение сознания. Он бежал, а расстояние до вертолета все увеличивалось. Наконец он втолкнул собаку внутрь и влез сам в вертолет.

Элли бежала совсем рядом, словно тень Спенсера. Оказавшись в вертолете, она бросила сумку, но не выпустила из рук «узи».

В пассажирском отделении было пусто, если только кто-то не прятался под одним из десяти сидений. Чтобы не сомневаться, Элли проверила все.

Спенсер подошел к кабине пилотов и открыл дверь. Он ткнул дуло прямо в лицо второму пилоту, который начал подниматься на ноги.

– Вставай, – сказал Спенсер первому пилоту. Оба летчика были поражены сильнее, чем леди в магазинчике. – Быстро поднимайся, *быстро!* Или я выбью мозги этому идиоту, а потом то же самое сделаю с *тобой!*

Спенсер орал так остервенело, что обдал слюной обоих пилотов. Он чувствовал, что у него на висках выступили вены, как они обычно проступают на бицепсах у людей, занимающихся тяжелой атлетикой.

Он подумал, что выглядит так же устрашающе, как до этого выглядела Элли.

В супермаркете, у разбитой витрины, рядом с поврежденным «Ровером», прямо на ковре из рассыпанной собачьей еды стояли Рой и еще три агента. Они наставили свое оружие на высокого мужчину с плоским лицом, пожелтевшими зубами и черными глазами, холодными, как у гадюки. Парень двумя руками вцепился в свое полуавтоматическое ружье, и хотя он ни в кого не целился, но выглядел достаточно злым и противным, чтобы применить свое оружие даже против самого Иисуса Христа.

Это был водитель пикапа, он оставил свой «Додж» на парковке, с распахнутой дверцей и влетел в супермаркет, чтобы отомстить за все, что произошло на шоссе, или чтобы поиграть в героя.

– Брось ружье! – в третий раз говорил ему Рой.

– А ты кто такой?

– Ты сам кто такой?

– Я тот, кто надо.

– Ты идиот? Я разговариваю с *кретином*, да? Ты не видишь, что четыре человека стоят, направив на тебя оружие, а ты все еще не желаешь бросать свое.

– Вы полицейские или кто? – спросил малый с глазами гадюки.

Рою хотелось его прикончить. Хватит разговоров и объяснений.

Этот человек был слишком глуп, чтобы продолжать жить. Ему будет лучше, когда он умрет. Это был неизлечимый случай. Общество тоже выиграет, если он покинет этот мир. Его нужно шлепнуть прямо здесь, а потом искать женщину и Гранта.

Однако теперь все осложнилось. Мечта Роя о трехминутной расправе, когда стоило только прыгнуть с вертолета, схватить тех, кто им был нужен, и немедленно улететь до того, как появится местная полиция, уже потерпела крах. Обстоятельства изменились, когда эта проклятая баба влетела в супермаркет. И сейчас дела шли хуже с каждой минутой. Черт, все уже было не просто плохо, а просто ужасно. Им придется иметь дело с полицией Седар-Сити. И будет еще хуже, если один из жителей этого городка, который они должны были защищать, упадет мертвым на холмике собачьей пищи «Пурина» – вкусная еда для собак!".

Если придется работать с местной полицией, то лучше прямо сейчас показать свой значок этому крестину. Из внутреннего кармана Рой достал бумажник, открыл его и начал размахивать фальшивым удостоверением перед лицом мужика с гадючьими глазками.

– Агентство по борьбе с наркотиками.

– А, понятно, – сказал мужик. – Ну, тогда все в порядке.

Он опустил ружье и бросил его на пол. Потом поднял руку и с уважением коснулся козырька своей бейсболки. Рой был вне себя. Он приказал:

– Идите во двор и стойте рядом со своей машиной. Снаружи. Ждите нас там. Если попытаетесь уехать, то наш караульный срежет вам ноги до колен.

– Да, сэр.

Он еще раз вежливо коснулся своей шапочки и вышел вон через разбитую витрину.

Рой еле сдержался, чтобы не выстрелить ему в спину.

Вдыхаем персик, выдыхаем желчь.

– Распределитесь перед магазином, – приказал Рой своим людям. – Внимательно следите за всеми.

Отряд, который высадился сзади супермаркета, тщательно обыщет весь магазин. Они найдут Гранта и женщину, где бы те ни попытались спрятаться. Беглецов приведут сюда, если они сдадутся, или они погибнут от пуль.

Женщину в любом случае убьют, станет она сдаваться или нет. Они больше не могут рисковать с ней.

– Здесь, наверное, есть работники магазина и покупатели, – сказал Рой тройке своих подчиненных. – *Никто* не должен уходить отсюда. Соберите всех у офиса менеджера. Если даже вам кажется, что они *не похожи* на парочку, за которой мы гоняемся, все равно никого не отпускать. Будь это хоть сам Папа Римский, все равно *не отпускать!*

Рокот вертолетного мотора, доносившийся снаружи, вдруг стал очень громким. Пилот явно набирал обороты.

Какого черта?

Рой нахмурился и, пробравшись через завалы, вышел на улицу, чтобы узнать, в чем там дело.

Агент, стоявший перед супермаркетом, смотрел в сторону магазина почтовых открыток, над которым взлетел вертолет.

– Что он делает? – спросил Рой.

– Взлетает.

– Почему?

– Может, ему нужно куда-то слетать.

Еще один кретин. Не волнуйся. Персики в себя, зелень – наружу.

– Кто разрешил ему оставить свою позицию? Кто приказал ему подниматься в воздух? – кричал Рой.

Еще продолжая кричать, он уже знал ответ. Он не представлял, как случилось невозможное, но он знал, почему вертолет поднимался в воздух и кто был на борту.

Рой быстро вложил «беретту» в кобуру, вырвал автомат из рук потрясенного агента и прицелился в поднимающийся вертолет. Он хотел прострелить баки с горючим, чтобы машина рухнула на землю.

Когда Рой уже поднял вверх оружие и его палец лежал на спусковом крючке, он вдруг понял, что не сможет объяснить свои действия нормальному копу из Юты, который не в курсе двойственности применения федеральных законов. Рой стрелял в собственный вертолет и подвергал опасности жизни своих двух пилотов. Ну разрушит он дорогой вертолет, принадлежащий правительству. Возможно, тот даже упадет на магазины, где находятся люди, которые тоже могут пострадать. Большое количество авиационного бензина залетит все вокруг. Уважаемые жители Седар-Сити живыми факелами станут метаться в это февральское утро. Они будут гореть заживо и кричать. Это было бы так волнующе: яркие столбы огня. И они наконец убрали бы эту чертову бабу. Тогда достигнутая цель стоила бы любого количества жизней. Но он никогда не сможет объяснить смысл катастрофы местной полиции. Это все равно что объяснять сложности ядерной физики тому крестину, стоявшему у «Доджа».

Может также случиться, что начальник полиции окажется ярым мормоном¹, тут шансы были пятьдесят на пятьдесят. Такой никогда в своей жизни не пробовал спиртного, никогда не курил. Он никогда не сможет понять, как это не платить налоги, и не сможет переварить, что полиции следует сотрудничать с людьми из Агентства. Рой готов был поклясться, что так и будет. Тот обязательно окажется мормоном.

Рой нехотя опустил автомат.

Вертолет быстро поднимался.

– Почему Юта? – яростно закричал Рой вверх. Он не видел беглецов, но *понимал*, что они, бывшие так близко, уже удрали от них.

Персик внутрь, зелень наружу.

Ему нужно успокоиться. Подумать о чем-то космическом.

Он еще сможет изменить положение в свою пользу. У него есть второй вертолет, и они могут пуститься вдогонку. И «Стражу Земли-3» будет легче обнаружить «Джет-рейнджер», чем «Ровер», потому что вертолет гораздо больше машины и летит он в воздухе, где нет растительности, которая помогает скрыться, и интенсивного движения, как на магистрали, тоже нет.

Вверху похищенный вертолет разворачивался над крышей магазина почтовых открыток.

* * *

¹ Мормоны – члены религиозного объединения, возникшего в начале XIX века в США.

Элли нагнулась к открытой двери и смотрела вниз на торговый центр. Его крыша была под ней. Боже, ее сердце билось так же громко, как шумели мотор и винт. Была опасность, что вертолет качнется и она выпадет наружу.

За последние четырнадцать месяцев она узнала о себе и о своем характере много такого, чего не смогла выяснить за предыдущие двадцать восемь лет. Она, например, не знала, *насколько* огромна ее любовь к жизни, просто радость от того, что она живет. Она поняла это только тогда, когда троих людей, которых она любила больше всего на свете, отняли у нее в одну кровавую, жестокую ночь. Теперь, пережив столько смертей, постоянно подвергая свою жизнь опасности, Элли ценила ласку солнечного теплого дня и холодный ветер бури. Она любила сорняки так же, как роскошные цветы, обожала горькое и сладкое. Раньше она никогда не задумывалась о том, насколько любит свободу.

Необходимость в свободе. Она поняла, что это такое, только теперь, когда ей пришлось бороться, чтобы сохранить свободу. В эти четырнадцать месяцев она с удивлением узнала, что обладает храбростью, чтобы идти над пропастью, перепрыгивать через ущелья и смеяться в лицо дьяволу. Она сама себе удивлялась, понимая, что не теряет надежды. Она знала, что стала беглянкой, что все время ходит по краю черной дыры и сопротивляется закону притяжения. Она также была поражена, как много может вытерпеть.

Конечно, когда-то она, не переставая удивляться, попадет прямо в лапы смерти. Может, это случится сегодня. Стоя у открытого люка и держась за его край, она рискует получить пулю или кончить жизнь долгим страшным падением с высоты.

Они облетели здание и зависли над подъездной дорогой. На ней стоял другой вертолет. Возле него не было никого из налетчиков. Они все, наверное, в супермаркете или под козырьком.

Спенсер отдавал команды пилоту, и они достаточно долго находились над вторым вертолетом, чтобы Элли могла открыть стрельбу из «узи». Она целилась в хвост вертолета, стоявшего на земле. В автомате было два магазина с зарядами – всего сорок пуль. Считая и те, что Спенсер выпустил в потолок супермаркета. Она расстреляла оба магазина, потом сменила их на полные, и снова все расстреляла. Пули разрушили горизонтальный стабилизатор, испортили хвостовой винт и пробили отверстия в хвостовом отсеке. Вертолет был полностью выведен из строя.

Если даже на ее стрельбу отвечали стрельбой, Элли не заметила этого. Налетчики, находившиеся в задней части магазина, видимо, были настолько растерянны и поражены, что не смогли четко реагировать.

Кроме того, вся ее атака на вертолет продолжалась не более двадцати секунд. Элли положила «узи» на пол и закрыла дверь. И сразу же пилот по приказу Спенсера на большой скорости направил машину на север.

Рокки скорчился между двумя сиденьями. Он внимательно смотрел на нее. Он уже так не радовался, как это было утром, когда они покинули стоянку в Неваде. Пес снова вел себя тихо и робко.

– Все в порядке, псина. – Он явно ей не верил. – Ну, могло бы быть еще хуже, – поправила Элли. Рокки заскулил. – Бедный малыш. – Свесив уши и весь дрожа, Рокки просто олицетворял собой грусть и печаль. – Что мне нужно сказать, чтобы ты почувствовал себя лучше? – спросила его Элли. – Мне не разрешают тебе лгать.

Спенсер сказал, не отходя от двери:

– Вы настроены очень мрачно, но мы только что выбрались из ужасно дерьмового положения.

– Но мы еще далеко не в безопасности.

– Ну, я время от времени кое-что говорю мистеру Рокки-собаке, когда он впадает в подобное настроение. Мне это тоже помогает, хотя не могу сказать, что ему становится намного легче.

– Что же? – спросила Элли.

– Что бы ни случилось, нужно помнить – это всего лишь жизнь, и мы прорвемся!

Глава 13

Утром в понедельник, после того как за него был внесен залог, Гарри Дескоте шел на парковку к «БМВ» своего брата. Он дважды остановился, повернув лицо к солнцу. Он просто упивался его теплом, Гарри когда-то прочитал, что темнокожие люди, даже те, у кого была такая угольно-черная кожа, как у него, могут заболеть раком кожи, если будут излишне долго находиться на солнце. Даже если ты негр, ты не застрахован от мела-номы. Конечно, темная кожа не защищает от любого несчастья, совсем даже наоборот. Поэтому меланомы может подождать своей очереди в ряду остальных несчастий, которые выпали или выпадут на его долю. После того как он провел пятьдесят восемь часов в тюрьме, где найти возможность погреться на солнышке было труднее, чем получить порцию героина, он чувствовал, что ему хочется стоять на солнце, пока его кожа не покроется волдырями, пока не растают его кости, пока он не станет одной громадной пульсирующей меланомой. *Все, что угодно*, только не сидеть взаперти в темной тюрьме. Он глубоко вздохнул – даже пропитанный смогом воздух Лос-Анджелеса казался ему необычайно вкусным. Он был похож на сок экзотического фрукта. Это был запах свободы! Гарри хотелось подтягиваться, бегать, прыгать, крутиться, кричать и свистеть. Но существует много вещей, которые не может себе позволить человек сорока четырех лет. Даже если он пьян от ощущения свободы.

В машине, когда Дариус завел мотор, Гарри положил руку ему на плечо. Он не хотел торопиться.

– Дариус, я этого никогда не забуду – того, что ты сделал для меня, и того, что ты продолжаешь для меня делать.

– О, да все в порядке.

– Черт побери, я очень ценю твою помощь!

– Ты бы сделал то же самое для меня.

– Я думаю, что ты прав. Я надеюсь, что ты прав.

– Ну вот ты опять стараешься сделать из меня святого и надеваешь одежды скромности. Слушай, если я знаю, что хорошо и что плохо, я выучил это все с твоей помощью. Поэтому я сделал то, что ты бы сделал на моем месте.

Гарри улыбнулся и слегка хлопнул Дариуса по плечу.

– Братишка, я тебя люблю.

– Я тоже люблю тебя, старик.

Дариус жил в Вествуде, дорога туда отнимала всего тридцать минут. Но в понедельник во время часа пик поездка растягивалась на час. Они могли проехать по бульвару Уилшир и пересечь весь город, или добираться по шоссе Санта-Моника. Дариус выбрал Уилшир потому, что иногда пробки превращали шоссе просто в ад.

Некоторое время Гарри спокойно сидел, наслаждаясь свободой. Он не думал об ужасах судебных разбирательств, которые еще предстояли ему. Но когда они приблизились к бульвару Фейрфакс, ему опять стало плохо. Первым симптомом было головокружение. Ему казалось, что весь город медленно вращается вокруг них. Это ощущение вдруг накатывало на него, потом проходило. Но каждый раз, когда ему становилось плохо, у него начиналась тахикардия, и она усиливалась раз от разу. Его сердце билось, как сердечко пойманной птицы, и Гарри чувствовал, что ему не хватает кислорода. Он попытался глубоко вздохнуть, но вдруг обнаружил, что не может этого сделать.

Сначала он подумал, что воздух в машине застоялся. Чем-то пахло и было жарко. Он не хотел говорить о своем состоянии брату – тот разговаривал по телефону о каких-то делах. Поэтому Гарри проверил, как обстоит дело с вентиляцией. Он пустил струю холодного воздуха прямо себе в лицо. Ничего не помогало. Воздух не был затхлым, он был каким-то *плотным*, похожим на тяжелые токсичные испарения без запаха.

Город снова завертелся вокруг их машины. Сердце Гарри разрывалось от приступов

тахикардии, воздух был густым, как сироп, поэтому нельзя было вдохнуть как следует. Гарри раздражал сильный солнечный свет. Он щурился, чтобы защититься от солнечных лучей, теплом которых только что наслаждался. Он выдержал ощущение ужасного груза, нависшего над ним и угрожавшего вот-вот придавить его. Но тут Гарри начало сильно мутить. Он попросил брата, чтобы тот затормозил. Они пересекали бульвар Робертсон. Дариус остановился сразу после перекрестка, хотя парковка и остановка транспорта здесь запрещались.

Гарри быстро открыл дверцу и наклонился. Его вырвало. Он ничего не ел на завтрак, в желудке было пусто, но его мучили сильные приступы рвоты.

Спазмы сжимали желудок.

Потом приступ прошел. Гарри откинулся назад на сиденье, захлопнул дверь и прикрыл глаза. Его била дрожь.

– Как ты? – заботливо спросил его Дариус. – Гарри, Гарри, что с тобой?

Когда ему стало лучше, Гарри понял, что страдает от приступа тюремной клаустрофобии. Сейчас ему было еще хуже, чем когда он на самом деле сидел за решеткой.

– Гарри, ответь мне!

– Братишка, я был в тюрьме.

– Помни, что я всегда стану тебя поддерживать. Когда мы вместе, мы сильнее всех, так было всегда и так будет впредь.

– Я в тюрьме, – повторил Гарри.

– Послушай, все эти обвинения – сплошное дерьмо! Тебя подставили. Здесь ничего не связывается воедино. Ты больше не проведешь в тюрьме ни одного дня.

Гарри открыл глаза. Теперь ему уже не было больно от блеска солнечных лучей. Ему даже показалось, что февральский день померк со сменой его настроения.

Он сказал:

– Я в своей жизни не украл ни гроша. Никогда не жульничал и исправно платил налоги. Никогда не изменял своей жене. Я аккуратно возвращал все, что брал взаймы. Все годы, пока я был копом, я постоянно перерабатывал. Я честно шагал по жизни. Братишка, я хочу тебе сказать, что не всегда мне было легко выполнять долг. Иногда мне все надоедало, я уставал, мне хотелось идти более легким путем. Мне совали взятки, и эти деньги могли бы пригодиться нам. Но моя рука не могла положить их в карман. Я почти хотел это сделать. Да, я могу сказать, что мне иногда даже хотелось это сделать. И другие женщины... они хотели быть со мной. Я бы мог позабыть о Джессике, когда они были рядом. И может, я бы изменил ей, если бы мне все это давалось немного легче. Я знаю, что я мог бы сделать это...

– Гарри...

– Я тебе говорю, что во мне заложено столько же зла, как и во всех остальных людях. У меня *были* желания, которые пугали меня. Я им не поддавался, но то, что они существуют, меня все равно жутко пугает. Ты можешь смеяться, но я не святой. Однако я всегда четко выполнял закон и никогда не отклонялся от этой чертовой линии. Всегда действовал в рамках закона. Эти чертовы рамки, и эта проклятая правильная линия... Она узкая и прямая, острая как бритва. Она прямо врезается в тебя, если ты следуешь ей достаточно долго. Ты истекаешь кровью, следуя этой линии. Иногда ты даже спрашиваешь себя, почему бы не сойти с нее и не пройтись по прохладной травке... Но я всегда хотел быть человеком, которым могла бы гордиться моя мать. Брат, мне всегда хотелось хорошо выглядеть и в твоих глазах, в глазах моей жены и моих детей. Я так вас всех люблю. Я никогда не хотел, чтобы кто-то из вас узнал о моих жутких переживаниях.

– Гарри, в каждом из нас заложены неприятные черты и сомнения. Так бывает со всеми. Почему ты так казнишь себя? Почему ты так мучаешься?

– Если я ни на секунду не сходил с правильной дороги, и все равно такое случилось со мной, значит, то же самое может случиться с любым из нас?! – Дариус непонимающе смотрел на него. Он пытался понять переживания Гарри, но не мог постичь их до конца. – Братишка, я уверен, что ты сможешь отвести от меня обвинения. Я больше не стану

проводить ночи в тюрьме. Но ты объяснил мне законы о конфискации имущества. Ты прекрасно все объяснил мне. Мне все стало *слишком* ясно. Им нужно будет *доказать*, что я занимался наркотиками, чтобы снова посадить меня в тюрьму. Они никогда не смогут сделать это, потому что все было подстроено. Но им ничего не нужно делать, чтобы конфисковать мой дом и арестовать мои счета в банке. Они только должны заявить, что, возможно, в доме проводились незаконные операции. Они также могут сказать, что подложенные мне наркотики служат достаточным основанием для конфискации, если даже не было *доказано*, что я имею к ним отношение.

– Но в Конгрессе сейчас говорят о реформе закона...

– Все движется так медленно.

– Ну, заранее никогда ничего нельзя сказать. Если пройдет хотя бы часть реформ, тогда, может, удастся связать конфискацию с осуждением.

– Ты можешь мне гарантировать, что я получу обратно мой дом?

– Ну, ты так хорошо работал, и у тебя огромный стаж...

Гарри тихо прервал его:

– Дариус, в рамках существующего закона ты мне можешь *гарантировать*, что я получу обратно свой дом?

Дариус, не отвечая, смотрел на брата. У него в глазах заблестели слезы, и он отвел взгляд от Гарри. Он был адвокатом и старался добиться справедливости. Ему было тяжело сознавать, что он бессилен обеспечить даже минимальную справедливость по отношению к старшему брату.

– Если это случится со мной, такое же может случиться с любым человеком, – продолжал Гарри. – Следующим можешь стать ты. Когда-нибудь подобное может произойти с моими детьми. Дариус... возможно, я получу от этих ублюдков хотя бы *что-то*. Ну, примерно восемьдесят центов с доллара, когда с меня уже сдерут все, что можно. Возможно, мне удастся начать жизнь сначала. Но я же не уверен, что со мной не повторится то же самое где-нибудь посередине нового пути.

Поборов слезы, Дариус в ужасе посмотрел на него:

– Нет, это просто невозможно! Это страшно и несправедливо.

– Почему все не может повториться сначала? – настаивал Гарри. – Если произошло один раз, почему не может произойти во второй? – Дариус не ответил ему. – Если мой дом на самом деле не *мой*, если мои счета в банке на самом деле не принадлежат мне, если у меня могут забрать все, что хотят, даже не доказав моей вины, тогда что может помешать им снова вернуться ко мне и забрать все до конца? Разве тебе это не понятно? Брат, я остаюсь в тюрьме! Даже если больше никогда не окажусь за решеткой, я все равно нахожусь в тюрьме и никогда не буду на свободе. Это ожидание – тюрьма. Страх – тюрьма. Сомнение и недоверие – тюрьма.

Дариус потер лоб. Казалось, он желал освободить себя от мыслей, которые Гарри навязал ему.

В машине ритмично сверкал сигнал вызова и слышался тихий, но назойливый звук, как бы предупреждавший о кризисе в жизни Гарри Дескоте.

– Когда я начал все понимать, – продолжал Гарри, – это случилось за несколько кварталов отсюда, когда до меня дошло, в какой западне я нахожусь, – а в ней может оказаться любой из нас при существующих в наше время правилах и законах, – мне просто... стало плохо... я страдал от клаустрофобии, и поэтому меня вырвало.

Дариус убрал руку со лба. Он выглядел потерянным.

– Я даже не знаю, что сказать.

– Мне кажется, что здесь вообще нечего говорить.

Некоторое время они просто сидели в машине, и поток автомобилей на бульваре Уилшир проносился мимо них. Город кипел и был таким деловым и ярким. Темные пятна современной жизни было невозможно разобрать в тенях под пальмами и в сумраке за дверьми магазинов.

– Поехали домой, – сказал Гарри.

Остальную часть пути они проехали в молчании.

У Дариуса был красивый кирпичный дом с колоннами. Перед домом росло огромное фикусовое дерево. Его ветви были массивными, но весьма красивыми. Они широко раскинулись в стороны. Дерево, наверное, росло с тех пор, когда в Лос-Анджелесе блистали Джин Харлоу и Мей Вест, и В. С. Филдс, а может быть, и еще раньше.

Дариус и Бонни гордились тем, чего они смогли достичь в жизни, особенно если учесть, что начинали они с самого низа социальной лестницы. Теперь из двух братьев Дескоте Дариус обладал большими финансовыми возможностями.

Когда «БМВ» проехал по дорожке, выложенной кирпичом, Гарри стало неприятно, что его собственные беды и невзгоды омрачают гордость и заслуженное удовольствие, с которым Дариус всегда подъезжал к своему дому. Из-за него омрачалась радость от всего, чего Дариус и Бонни добились с таким трудом.

Они уже не смогут гордиться трудными победами и не будут получать такое удовольствие от достигнутого, когда поймут, что их положение зависит от «бешеных королей», которые могут конфисковать у них все, руководствуясь одним только королевским желанием, или наслать на них «черную сотню» под зашитой монарха, чтобы все разрушить и их дом сжечь! Этот прекрасный дом был всего лишь костром, ждущим своего огня. Любуясь своей прекрасной резиденцией, Дариус и Бонни теперь всегда станут принюхиваться, стараясь вовремя обнаружить легкий запах дыма, горький вкус сгоревшей мечты.

Джессика встретила их в дверях и крепко-крепко обняла Гарри.

Она плакала, прижавшись к нему. Нельзя было обнять ее сильнее, не причинив ей боль. Она, его девочки, брат и жена брата – вот и все, что у него оставалось в мире. У Гарри не только отобрали его собственность, но и лишили безоговорочной веры в систему правопорядка и справедливости. С тех пор как он стал взрослым, эта вера питала и поддерживала его в трудные времена. С этого момента он больше не станет верить ни во что и ни в кого, кроме себя и нескольких близких людей. Безопасность, если она вообще существовала, нельзя было купить. Она была подарком его семье и близким друзьям.

Бонни повела Ондину и Виллу в магазин, чтобы приобрести им одежду.

– Мне нужно было бы поехать с ними, но я не могла этого сделать, – сказала Джессика, вытирая слезы в уголках глаз. Она показалась ему такой хрупкой. – Я все еще... все еще не могу прийти в себя. Гарри, когда они явились в субботу с... с уведомлением о конфискации, когда они заставили нас убраться из дома... Нам разрешили взять с собой по одному чемодану – одежду и предметы личной гигиены, и никаких драгоценностей, ни... ничего больше...

Дариус сердито и расстроено сказал:

– Это жуткое нарушение законности.

– Они стояли у нас над душой и смотрели, что мы кладем в чемоданы, – говорила Джессика. – Эти люди, они стояли... и девочкам пришлось при них открывать ящики шкафов, чтобы достать оттуда свои трусики и лифчики.

При этих воспоминаниях ее голос сделался резким и хриплым.

На некоторое время Джессика опять стала сильной, и Гарри был рад, что она справилась с собой. Раньше он просто не мог ее узнать.

– Все было так *отвратительно!* Они были такими наглыми. Эти ублюдки упивались своей властью. Я думала, что если кто-то из них посмеет прикоснуться ко мне, чтобы поторопить, или сделает что-нибудь в этом роде, я так стукну его по яйцам, что ему придется до конца своей жизни носить женское платье и ходить на высоких каблуках!

Гарри удивился, услышав свой смех.

Дариус тоже захохотал.

Джессика сказала:

– Да, я бы сделала это.

– Я знаю, – ответил ей Гарри. – Я уверен, что ты бы сделала именно так.

– Я не понимаю, почему вам смешно?!

– Лапочка, я тоже не понимаю, но это все равно смешно!

– Может, чтобы понять весь юмор, нужно иметь эти самые яйца, – добавил Дариус.

Гарри снова захохотал.

Джессика горько покачала головой. Она не могла понять странное поведение мужчин в целом и этих двух близких ей людей в частности. Она отправилась на кухню. Она собиралась приготовить свои знаменитые пироги с орехами и яблоками. Мужчины последовали за ней.

Гарри смотрел, как она чистит яблоки. У нее тряслись руки.

Гарри заметил:

– А почему девочки не в школе? Можно было бы подождать уик-энда, чтобы купить им одежду.

Джессика и Дариус обменялись взглядами, и Дариус сказал:

– Мы решили, что им лучше не посещать школу в течение недели. Пока немного не успокоится... пресса.

Гарри об этом не задумывался. Его фотография и имя были в газетах. Броские заголовки о копе, который занимался торговлей наркотиками. По телевидению важные персоны радостно болтали и смаковали подробности его тайной криминальной деятельности. Если Ондина и Вилла вернутся в школу, им придется перенести жуткое унижение. И так будет всегда, вернутся ли они туда завтра, или через неделю, или даже через месяц.

«Эй, твой папашка не может мне продать унцию кокаина? Сколько твой старик возьмет с меня, чтобы вернуть мне удостоверение водителя, которое у меня забрали за превышение скорости? Твой папашка занимается только наркотой или, может, он приведет мне девочку?»

Боже ты мой! Это еще одна беда на их головы!

Кем бы ни были его тайнственные враги и что бы они ни хотели сделать с ним, но они должны были понимать, что разрушают не только его жизнь, но и жизнь его близких. Гарри ничего не знал о своих мучителях, но он понимал, что у них полностью отсутствует чувство жалости и они коварны, как змеи.

Гарри позвонил из кухни Карлу Фалкенбергу, своему боссу в Центре Паркера. Ему было тяжело звонить. Он хотел использовать отгулы и свой отпуск, чтобы не появляться на работе в течение трех недель. Он надеялся, что за это время заговор против него каким-то образом прекратится. Но, как он и подозревал, его отстранили от исполнения обязанностей на неопределенный срок. Но ему хотя бы обещали сохранить зарплату. Карл разговаривал с ним удивительно сдержанно. Он отвечал ему так, как будто читал ответы на его вопросы с заранее напечатанного листа бумаги. Даже если обвинения против Гарри отведут или если суд объявит его невиновным, все равно будет параллельно проводиться расследование со стороны полицейского департамента Лос-Анджелеса.

Если комиссия найдет, что он в чем-то замешан, его уволят вне зависимости от решения федерального суда. И поэтому Карл сейчас предпочитал держаться с ним очень сухо.

Гарри повесил трубку и сел за кухонный стол. Он спокойно передал содержание разговора Джессике и Дариусу. Он слышал, как горько звучал его голос, но ничего не мог с этим поделать.

– Тебя отстранили от работы, но хотя бы будут платить, – заметила Джессика.

– Им придется мне платить, иначе их ждут неприятности с профсоюзом, – объяснил ей Гарри. – Они не делают мне подарок.

Дариус заварил кофе, и пока Джессика занималась пирогами, он и Гарри сидели с ней на кухне. Они все втроем обсуждали стратегию и выбор действий в рамках закона. Хотя положение было сложным, но было приятно взвесить и обсудить детали, планируя, как продолжать борьбу.

Но еще один удар судьбы не заставил себя ждать.

Не прошло и тридцати минут, как позвонил Карл Фалкенберг и сообщил Гарри, что внутреннее управление налоговой инспекции прислало законное распоряжение в

полицейский департамент Лос-Анджелеса о наложении ареста на его зарплату как гарантии «по возможным неуплаченным налогам с сумм, полученных от противозаконного распространения наркотиков». Хотя отстранение от должности не лишает Гарри зарплату, ее ему не станут выдавать до тех пор, пока его невиновность или вина не будут установлены во время суда.

Гарри вернулся к столу и сел напротив брата. Потом он сообщил им последние новости. Его голос был таким ровным, как будто с ними говорил автомат.

Дариус в ярости вскочил со стула.

– Черт побери, это все неправильно! Этого не может быть, черт меня побери! Никто еще ничего не доказал! Мы добьемся, чтобы сняли арест на твою зарплату. Мы сейчас же займемся этим. Конечно, на все потребуется несколько дней, но мы засунем им в глотку эту бумагу! Гарри, я тебе клянусь, что они подавятся этим распоряжением!

Он выбежал из кухни, чтобы начать звонить из своего кабинета.

Гарри и Джессика смотрели друг на друга и не могли говорить. Они были вместе так давно, что им не всегда требовались слова, чтобы понять друг друга.

Джессика снова принялась за тесто. Она прищипывала края теста в форме для пирога. В первые минуты после возвращения домой Гарри заметил, как сильно тряслись руки Джессики. Теперь они перестали трястись. Она прищипывала край пирога твердыми пальцами. Ему стало плохо от мысли, что она уже примирилась со всем случившимся. Она уже не могла противостоять мрачным силам, которые старались их уничтожить.

Гарри выглянул в окно. Солнечные лучи пробивались сквозь ветви фикуса. Цветы на клумбах были такими яркими! Сад был роскошным, ухоженным и благоухающим. В центре заднего дворика разместился чудесный бассейн. Любому мечтателю, жившему в нужде, это все могло бы показаться воплощением успеха. Это был такой стимулирующий образ. Но Гарри Дескоте теперь понимал, что это было на самом деле.

Всего лишь еще одна камера в тюрьме.

* * *

Пока «Джет-рейнджер» летел на север, Элли сидела в последнем ряду пассажирского отделения, держа на коленях компьютер. Она начала работу с ним.

Элли все не могла поверить, что ей так повезло. Когда она влезла в кабину и обыскивала ее, чтобы проверить, не спрятался ли кто за сиденьями, она обнаружила компьютер. Она сразу поняла, что это тот самый, созданный для Агентства. Ведь она сидела рядом с Дэнни, когда он разрабатывал важные программы именно для такого компьютера. Элли видела, что компьютер, стоявший на сиденье, не был выключен и находился в рабочем состоянии. Но в тот момент ей было не до него.

Уже в полете, после того как она обезвредила второй вертолет, Элли наконец могла заняться компьютером. Они летели на север в Солт-Лейк-Сити. Элли начала рассматривать компьютер и была поражена, когда поняла, что изображение на экране передавалось со спутника. Она узнала торговый центр, откуда им только что удалось удачно взлететь. Если Агентство могло пользоваться услугами «Стража Земли-3», для того чтобы искать ее и Спенсера, оно должно было делать это с помощью своей собственной компьютерной системы в Вирджинии. Такой, как «Мама». Только «Мама» обладала подобной властью. Рабочая станция, оставленная в вертолете, была связана с «Мамой», этой мегасукой!

Если бы компьютер был выключен, Элли сама не смогла бы связаться с «Мамой». Для этого было необходимо, чтобы ее отпечатки пальцев были внесены в систему. Дэнни не занимался разработкой программ именно для этой системы, но он присутствовал при ее демонстрации и обо всем рассказал Элли. Он волновался, как ребенок, которому показали восхитительную игрушку. Но отпечаток пальца Элли не был заложен в память машины, и поэтому игрушка оказалась бы для нее бесполезной.

Подошел Спенсер. Рокки неуверенно шагнул за ним. Элли удивленно посмотрела на

Спенсера:

– Вам, наверное, не стоит покидать пилотов.

– Я забрал у них наушники, и они не смогут воспользоваться радио. У них нет оружия. Но если бы даже оно и было, совсем не обязательно, чтобы они использовали его против нас. Они – пилоты, а не бандиты-убийцы. Но они считают убийцами нас. Чокнутыми бандюгами-налетчиками. Пока они держатся вполне нормально.

– Они хорошо понимают, что нужны нам, чтобы вести машину.

Элли повернулась к компьютеру. Спенсер взял телефон сотовой связи, который кто-то оставил на заднем сиденье, и сел напротив.

– Понимаете, они считают, что я смогу управиться с этой сбивалкой для яиц, если с ними что-то случится.

– Вы действительно можете это делать? – спросила она, не отрываясь от экрана дисплея. Ее пальцы быстро бегали по клавишам.

– Нет, но, когда я был десантником, я много узнал о вертолетах. В основном это были сведения о том, как их испортить, вывести из строя, как заложить в них взрывчатку и потом взорвать. Я знаю названия всех приборов и могу их отличить друг от друга. Я был весьма убедительным. Они думают, что я до сих пор не убил их только потому, что не желаю выбрасывать тела из вертолета и сидеть на их месте, измазанном кровью.

– Что будет, если они запрутся в кабине?

– Я сломал замок. У них там нет ничего, чем они могли бы завалить дверь.

Она заметила:

– Кажется, вы все предусмотрели.

– Ну, я в этом не уверен. Что это такое?

Элли, продолжая работать, рассказала ему, как им повезло.

– Наш путь просто устлан розами, – заметил он почти без иронии. – Чем вы сейчас занимаетесь?

– Через «Маму» я соединилась со «Стражем Земли-3», спутником, с помощью которого они следили за нами. Я вошла в самую суть этой программы. Вплоть до тонкостей управления ею.

Он даже присвистнул одобрительно.

– Посмотрите, вы произвели впечатление даже на мистера Рокки-собаку.

Элли посмотрела на Рокки и увидела, что он улыбается. Пес энергично вилял хвостом и колотил им по креслам с обеих сторон прохода.

– Вы собираетесь испортить спутник, который стоит много миллионов, превратив его в космический мусор? – спросил Спенсер.

– Только на время. Я заморожу его работу на шесть часов. К тому времени они не будут знать, где нас искать.

– Да ладно, чего там, повеселитесь как следует, сломайте его навсегда.

– Когда Агентство не использует спутник для подобной работы, он приносит пользу людям.

– Значит, вам присуще чувство ответственности, не так ли?

– Ну, я когда-то была герлскаут. Мне кажется, что от этого никогда нельзя излечиться. Думаешь о людях.

– Тогда вы, наверное, не пойдете со мной ночью писать краской всякие глупости на стенах домов и в подземных переходах.

– Вот! – воскликнула Элли и нажала клавишу с надписью: «Вход».

Она внимательно просмотрела данные на экране и улыбнулась:

– "Страж Земли-3" обещал проспать шесть часов. Они нас потеряли. Ну, если им не помогут радары. Вы уверены, что мы точно летим на север и на достаточной высоте, чтобы радар не мог нас обнаружить?

– Парни в кабине уверяют меня в этом.

– Прекрасно.

– Чем вы занимались раньше? – спросил он.

– Я работала программистом и специализировалась на компьютерных играх. Но это была работа-увлечение.

– Вы создавали видеоигры?

– Да.

– Ну конечно, вы это делали...

– Я говорю вам правду: я занималась именно этим.

– Вы меня не поняли, – сказал Спенсер. – Я хочу сказать: конечно, вы это делали. Видно по вашему поведению. А теперь вы принимаете участие в настоящей видеоигре.

– Судя по тому, что творится в мире, вскоре каждый из нас станет участником реальных видеоигр. Черт побери, они будут не очень-то приятными. Это вам не «Супербратья Марио» или что-то такое же слабенькое и сладенькое. Скорее всего что-нибудь типа «Смертельной схватки».

– Теперь, когда вы испортили спутник стоимостью в сотни миллионов долларов, что дальше?

Пока они разговаривали, Элли не сводила глаз с компьютера. Она переключилась со спутника снова на «Маму». Теперь она вызывала разные меню, одно за другим, и быстро прочитывала их.

– Я хочу все просмотреть, чтобы решить, как им больше навредить.

– Вы не можете сначала кое-что сделать для меня?

– Скажите мне, что вы хотите.

Он рассказал ей о ловушке, которую расставил для тех, кто может войти в его дом в его отсутствие.

Теперь уже Элли присвистнула от восхищения.

– Боже, как мне хотелось бы видеть их лица, когда они наконец поняли, что там происходит. А что стало с портретами взломщиков, когда они покинули Малибу?

– Фотографии были переданы в центральный компьютер телефонной компании «Пасифик белл». Но перед этим был передан код, который запустил программу, разработанную мной и тайно переданную этому компьютеру. Благодаря ей фотографии были приняты в компьютере телефонной компании и потом переправлены в центральный компьютер «Иллинойс белл», где я заложил еще одну небольшую тайную программу, которая начинала работать в ответ на специальный код входа. Так что этот компьютер получил фотографии от телефонной компании «Пасифик белл».

– Вы считаете, что Агентство не сможет проследить путь этих фотографий?

– Ну, они точно смогут проследить их до «Пасифик белл», но после того как моя программа отослала их в Чикаго, она стерла запись действия. Она является саморазрушающейся программой.

– Иногда даже саморазрушающиеся программы можно восстановить и работать с ними. Тогда они смогут прочитать ваши инструкции о том, как стереть передачу фотографии в «Иллинойс белл».

– Только не в данном случае. Это была чудесная маленькая саморазрушающаяся программа, ее невозможно восстановить, я это гарантирую. Когда она разрушилась, она забрала с собой значительный блок системы «Пасифик белл».

Элли перестала просматривать программы «Мамы» и посмотрела на него:

– Насколько велик этот значительный блок?

– Ну, примерно тридцать тысяч людей не могли звонить по телефону в течение двух-трех часов, пока в систему не включили дополнительные линии.

– Вы никогда не были герлскаут, – покачала головой Элли.

– Ну, я просто лишен был подобного шанса.

– Вы узнали о компьютерах гораздо больше, чем о вертолетах. Как вы думаете, эти фотографии еще ждут вас в компьютере компании «Чикаго белл»?

– Мы пройдемся с вами по программе и узнаем. Нам могут пригодиться фотографии

этих бандитов, чтобы в будущем мы смогли их узнать. Разве я не прав?

– Я согласна. Скажите мне, что нужно делать. Через три минуты первая фотография показалась на экране. Спенсер перегнулся к ней через проход со своего места. Элли повернула кейс таким образом, чтобы они оба могли смотреть на экран.

– Это моя гостиная, – сказал он.

– Вас мало интересует дизайн, не так ли?

– Мой любимый стиль – «Раннее и полное отсутствие мебели».

– Мне почему-то кажется, что он больше похож на «Поздний монастырский».

Двое мужчин в костюмах десантников быстро двигались по комнате, и фотографии оказались смазанными.

Спенсер попросил Элли нажать на клавишу интервала.

Элли нажимала клавишу, и на экране появлялись одна за другой фотографии. За минуту они просмотрели первые десять снимков. На некоторых можно было ясно разобрать портреты налетчиков. Но очень трудно полностью представить себе лицо человека, если у него на голове шлем, закрепленный ремешком под подбородком.

– Нам придется их все пролистать, пока не наткнемся на что-то интересное, – сказал Спенсер.

Элли начала быстрее нажимать на клавишу интервала. Она пролистала тридцать фотографий, пока не появилось изображение человека без униформы.

– Сучий сын, – сказал Спенсер.

– Я с вами совершенно согласна, – поддержала его Элли.

– Давайте номер тридцать два.

Она нажала клавишу интервала.

– Так.

– Ага.

– Тридцать три.

Нажатие клавиши.

– Мы можем не сомневаться, – сказала Элли.

Тюк. Тридцать четыре.

Тюк. Тридцать пять.

Тюк. Тридцать шесть.

На всех последующих фотографиях был один и тот же человек. Он ходил по гостиной в домике в Малибу. И он был пятым в группе налетчиков, выбравшихся из этого вертолета перед магазинчиком почтовых открыток некоторое время назад.

– Самое странное, – сказала Элли, – держу пари, что мы рассматриваем его фотографию на его компьютере.

– Вы, наверное, сидите на его месте.

– В его вертолете.

Спенсер заметил:

– Боже, он, наверное, писает кипятком!

Они быстро пролистали остальные фотографии. Этот толстомордый, веселенький мужичок был в каждом кадре, пока он вызывающе не плюнул на листок бумаги и не заклеил им линзы камеры.

– Я не забуду его, – сказал Спенсер. – Но жаль, что у нас нет принтера. Нам не помешала бы его фотография.

– Здесь есть встроенный принтер, – сказала Элли, показывая на отверстие сбоку кейса. – Мне кажется, должно быть и листов пятьдесят хорошей бумаги. Я вспоминаю, что Дэнни говорил мне об этом.

– Мне нужна всего лишь одна фотография.

– Две. Одна нужна мне.

Они выбрали самое ясное изображение этого «добродушного» человека, их злейшего врага, и Элли сделала две распечатки.

– Вы его никогда не видели раньше, а? – спросил ее Спенсер.

– Никогда.

– Ну, у меня такое впечатление, что мы с ним еще встретимся.

Элли вышла из файла «Иллинойс белл» и вернулась к «Маме». Та содержала великое множество меню. Глубина и обширность возможностей этой мегасуки действительно делали ее всемогущей и всезнающей.

Спенсер спросил:

– Как вы считаете, можно прикончить «Маму» одним ударом?

Элли отрицательно покачала головой.

– Нет, в нее заложено слишком большое количество защищающих от аварийных ситуаций программ.

– Ну хотя бы раскровенить ей нос?

– Это, наверное, можно сделать.

Работая, Элли чувствовала, что Спенсер не сводит с нее глаз.

Потом он спросил:

– Вам приходилось много разбивать...

– Носов? Мне?

– Сердец.

Элли удивило, что она покраснела.

– Только не это.

– А вам бы легко удалось. – Она ничего не ответила. – Собака слушает нас, – заметил он.

– Что-о-о?

– Я говорю только правду.

– Я не манекенщица и никогда не украшала обложки модных журналов.

– Мне нравится ваше лицо.

– Я бы хотела иметь другой нос, покрасивее.

– Если хотите, я вам куплю другой нос.

– Я подумаю об этом.

– Он будет другим, но не лучше прежнего.

– Вы – странный человек.

– Ну, я имел в виду не только внешность. – Она не реагировала, продолжая просматривать меню «Мамы». Спенсер сказал: – Если бы я был слепым и никогда не видел вашего лица, я все равно знал бы, что вы можете разбить мое сердце.

Когда наконец Элли смогла перевести дыхание, она сказала:

– Как только они поймут, что «Страж Земли-3» не работает, они постараются связаться с другим спутником и снова обнаружат нас. Пора спуститься ниже зоны действия радаров и поменять курс. Хорошо бы сообщить об этом пилотам.

Спенсеру было неприятно, что она никак не отреагировала на его откровенность. Помолчав, он спросил:

– Куда мы направляемся?

– Мы должны подлететь как можно ближе к границе Колорадо.

– Мне нужно узнать, сколько у нас еще осталось горючего. Но почему Колорадо?

– Потому что Денвер является ближайшим действительно крупным городом. Если мы будем в крупном городе, я смогу связаться с людьми, которые сумеют нам помочь.

– Нам нужна помощь?

– Вы что, ничего не замечаете?

– У меня кое-что связано с Колорадо, – сказал он. Его голос звучал весьма напряженно.

– Я понимаю.

– Это была неприятная история.

– Это и сейчас имеет значение?

– Может быть, – ответил Спенсер. Он уже больше не заигрывал с ней. – Нет, я думаю,

что нет. Это всего лишь место...

Она посмотрела ему в глаза:

– Сейчас они идут за нами по горячим следам. Нам нужно добраться до людей, которые могут нас спрятать, пока погоня хоть на время не прекратится.

– Вы знаете таких людей?

– До сих пор не знала. Я всегда действовала в одиночку. Но постепенно... многое изменилось...

– Кто они?

– Хорошие люди. Пока я вам ничего больше не скажу.

– Тогда нам придется ехать в Денвер, – согласился он.

* * *

Мормоны, мормоны были везде, просто нашествие мормонов. Мормоны в прекрасно отглаженной форме, чисто выбритые, с ясными глазами. Слишком красиво рассуждающие для копов.

Настолько вежливые, что Рой даже подумал, может, они все притворяются?! Мормоны слева, мормоны справа. Местное начальство и начальство округа. Вы слишком деловые. Он может поклясться, что они или будут мешать его расследованиям, или же постараются не обращать внимания на все это, подмигнут ему и похлопают его по плечу. Но больше всего не нравилось Рою в этих мормонах то, что они лишили его всяческих преимуществ. В их обществе его добродушные манеры не были чем-то необычным. Здесь его вежливость выглядела весьма заурядно. Его милая улыбка была одной среди лавины подобных улыбок, которые сопровождалась сиянием зубов гораздо белее, ровнее и прекраснее, чем его собственные. Эти мормоны бродили по торговому центру, задавали свои, такие вежливые, вопросы. У них были маленькие записные книжки. VIC'ob-ские ручки и прямой честный взгляд мормона. Рой не знал, верят ли они выдуманной истории, которую он наплел им, или же их убедили его удивительные фальшивые документы.

Он никак не мог найти верный тон, разговаривая с ними, с этими полицейскими из мормонов.

Он даже подумал, не потеплеют ли они в отношении его, если он скажет, что ему нравится их церковный хор. На самом деле он был абсолютно равнодушен к хоровому пению и у него возникло опасение, как бы они не поняли, что он им лжет с целью завоевать их расположение.

Так же равнодушен он был и к пению и танцам Осмондов – главной семьи в шоу-бизнесе мормонов.

Они, безусловно, были талантливы, но не в его вкусе. У Мэри Осмонд были идеальные ноги. Такие ноги Рой мог бы часами гладить и целовать. Он желал бы положить к ним охапки шелковистых красных роз и гладить эти ноги, слегка втирая чудесные лепестки. Но он был совершенно уверен, что полицейские-мормоны не из тех, с кем можно свободно обсуждать подобные вещи.

Рой понимал, что не все копы были мормонами. В полиции придерживались правил, дававших людям разных национальностей и разного вероисповедания равные возможности для работы. Если бы Рой мог вычислить тех копов, которые не были мормонами, он бы сумел установить с ними контакты, чтобы расследование шло быстрее и в нужном ему направлении. Он смог бы этого добиться и выбрался бы отсюда к черту. Но немормонов было невозможно отличить от мормонов, потому что они переняли у последних манеру поведения и речи и стали совершенно неотличимы. Немормоны – кем бы ни были эти чертовы хитрые ублюдки – все вели себя вежливо, чудесно выглядели в отглаженной форме, были трезвыми, с отвратительно чистыми зубами без желтых пятен никотина. Одним из полицейских был чернокожий по имени Харгрейв. Рой был уверен, что нашел наконец хотя бы одного копа, для кого учение Брайгема Янга было не более важным, чем учение Кали – жуткой жестокой

Матери-Богини индуистов. Но как выяснилось, Харгрейв оказался самым верным мормоном среди всех когда-либо вставших на путь мормонов. У Харгрейва бумажник был полон фотографий жены и девятерых детей, включая двух сыновей, которые в настоящее время занимались миссионерской деятельностью в диких дальних уголках Бразилии и Тонги.

Разумеется, Рой был возмущен сложившейся ситуацией и жутко расстроен. Он чувствовал себя так, как будто участвовал в фильме ужасов.

До того, как начали прибывать патрульные машины из города – все они содержались идеально и блестели на солнце, – Рой воспользовался «чистым» телефоном, который было невозможно подслушать. Он позвонил из разбитого вертолета и вызвал еще два вертолета из Лас-Вегаса, но Агентство могло прислать ему только один.

– Боже мой, – сказал Кен Хукман. – Вы расправляетесь с вертолетами, как с салфетками «Клинекс»!

Рою предстояло продолжать преследование женщины и Гранта только с помощью девяти человек из его команды. Это было максимальное количество людей, которое он смог запихнуть в новый вертолет.

На починку разбитого вертолета требовалось не меньше полутора суток, чтобы он смог взлететь из торгового центра, и новый, заказанный Роем вертолет уже вылетел из Вегаса и направлялся в Седар-Сити. Спутник нацелили на слежение за украденным вертолетом. Конечно, они были не в выигрыше, но ситуация полностью не вышла из-под контроля. Один раунд проиграли, может, даже и *не один*, но это совсем не значит, что проигран весь бой!

Роя не успокоил процесс вдыхания персикового аромата и не вернул потерянный покой. Не помогало и выдыхание зеленой желчи ярости и возмущения.

Не действовали и другие способы расслабления, которые обычно вызывали умиротворение. Только одно сдерживало его растущую злобу, которая могла помешать ему в работе. Он думал о Еве Джаммер, о ее почти шестидесятипроцентном совершенстве. Обнаженная, втирающая в кожу крем. Она извивалась. Светлое великолепие на черном фоне.

Новый вертолет ожидали в Седар-Сити не раньше полудня. Рой был уверен, что к тому времени он сможет избавиться от мормонов. Он бродил под их внимательными взглядами. Снова и снова отвечал на их вопросы. Осматривал «Ровер». Все записывал, чтобы дальше можно было работать с этими данными. И все время в его воображении возникал образ Евы, удовлетворявшей себя то своими прекрасными руками, то с помощью разных приспособлений, изобретенных сексуально озабоченными людьми, чей гений изобретателей превосходил способности Томаса Эдисона и Альберта Эйнштейна, вместе взятых.

Рой стоял у кассы супермаркета и проверял компьютер и коробку с двадцатью дискетами, которые достали из «Ровера», и тут он вспомнил о «Маме». Какой-то жуткий момент он пытался уговорить себя, что все в порядке, что он отключил «Маму» или вообще выключил компьютер до того, как покинул вертолет. Ничего подобного! Он видел перед собой горящий экран дисплея в тот момент, когда оставил атташе-кейс с компьютером на сиденье в пассажирском салоне и поспешил покинуть вертолет. На экране в тот момент было изображение торгового центра – вид сверху, со спутника!

– Черт, *дерьмо* какое! – воскликнул Рой, и все мормоны, слышавшие его, вздрогнули, как один.

Рой побежал в конец супермаркета, через склад, выбежал в заднюю дверь, мимо стоявших там полицейских и налетчиков, к разбитому вертолету. Только оттуда он мог позвонить по «чистому» телефону, оборудованному скрэмблером, чтобы никто не подслушал.

Он позвонил в Лас-Вегас и вызвал Кена Хукмана. Тот был в центре слежения.

– У нас неприятности... – Не слушая Роя, который начал объяснять ситуацию, Кен заговорил, как напыщенный осел, считающий, что обладает большим весом в Агентстве. – У нас здесь возникли сложности. Полетел бортовой компьютер «Стража Земли-3». Непонятно почему, но он не работает. Мы пытаемся что-то сделать, но мы...

Рой перебил его, потому что понимал, что женщина воспользовалась его компьютером

и добралась до «Стража Земли-3».

– Кен, слушайте меня, мой портативный компьютер был в украденном вертолете, и он был соединен с «Мамой».

– Черт, вот дерьмо! – сказал Кен, но в центре спутниковой связи не было полицейских-мормонов, и там его язык никого не шокировал.

– Соединитесь с «Мамой», пусть она отключится от моего компьютера и заблокирует его, чтобы с ней было невозможно связаться. *Никогда!*

* * *

«Джет-рейнджер» с шумом летел в восточном направлении через Юту.

Он летел на высоте сотни футов над землей. Была надежда, что на таком расстоянии радары не засекут его.

Рокки остался с Элли, когда Спенсер отправился в кабину пилотов, чтобы понаблюдать за их действиями. Элли была сильно занята, пытаясь как можно больше узнать о возможностях «Мамы». У нее не было ни секунды, чтобы погладить собаку или поговорить с ней. Присутствие собаки показывало, что Рокки понемногу начинает доверять Элли и настроен доброжелательно. Элли было приятно ощущать это.

И лучше бы она погладила собаку и разбила эту чертову машину, потому что, прежде чем ей удалось чего-то добиться, все данные на экране дисплея исчезли и ей только светил синий экран. Потом на нем оказался вопрос, набранный буквами красного цвета: «Кто здесь?»

Элли не была поражена этим. Она ожидала, что ее отсоединят задолго до того, как она сможет что-то подпортить у «Мамы». Система была снабжена многими защитными свойствами. Она обладала защитой от компьютерных воришек и хулиганов и от заражения компьютерным вирусом. Чтобы найти возможность проникнуть поглубже на уровень разрушения программы управления, где она могла бы натворить настоящие беды, Элли понадобились бы не часы, а долгие дни упорной работы. Элли и так повезло, что ей удалось обезвредить «Стража Земли-3». Она никогда не смогла бы это сделать без помощи «Мамы». Замысел не только воспользоваться «Мамой», но еще и «набить ей морду» был поистине невыполним.

Тем не менее, хотя Элли понимала сложность задачи, она все равно должна была попытаться решить ее.

Не дождавшись от Элли ответа на вопрос, написанный красными буквами на экране, компьютер отключился. Экран погас. По-видимому, все закончилось, и не имело смысла снова связываться с «Мамой».

Элли выключила компьютер и положила кейс на сиденье рядом с собой. Она протянула руку к собаке. Рокки оживленно завилял хвостом. Нагнувшись к псу, чтобы его погладить, Элли заметила конверт из плотной коричневой бумаги. Он валялся на полу, скрываясь под ее сиденьем.

После того как она энергично погладила и приласкала собаку, Элли подняла конверт с пола. Там было четыре фотографии.

Она узнала Спенсера, хотя на фотографиях он был совсем мал. На этих снимках можно было узнать будущего мужчину, но он утратил не только юность за прошедшие годы. Он расстался с наивностью и невинностью. На лице ребенка и подростка были заметны сияние и радость жизни. Его улыбка была такой светлой. Жизнь украла у него этот свет. Хотя все это было сложно объяснить, но ощущение потери, страшной и обидной, не проходило.

Элли внимательно взглядела в лицо женщины, которая на двух фотографиях была вместе со Спенсером, и решила, что это его мать.

Если внешность не лжет, а Элли была уверена, что не ошибается, то мать Спенсера была доброй, нежной, милой женщиной, с чудесным, немного наивным юмором.

На третьей фотографии мать была моложе, чем на первых двух. Ей, наверное, было лет

двадцать. Она стояла перед деревом, усыпанным белыми цветами. Казалось, что она излучала радость и чистоту. Наивность, свободную от цинизма и испорченности. Может, Элли что-то навоображала себе, глядя на эту фотографию, но мать Спенсера представлялась такой ранимой, что у Элли на глазах показались слезы.

Она зажмурилась и прикусила губу, стараясь не расплакаться, но ей пришлось вытереть глаза тыльной стороной руки. Ее растрогала не только мысль о той, кого потерял Спенсер. Глядя на женщину в летнем платье, она думала о своей матери, с которой ей пришлось расстаться в такой страшный момент.

Элли словно оказалась на берегу теплого моря воспоминаний, но оно не ласкало и не успокаивало ее. Каждая волна, независимо от того, насколько невинным было наплывавшее воспоминание, будто разбивалась об один и тот же темный прибрежный камень. Какой бы момент из прошлого ни представал перед мысленным взором Элли, лицо матери она видела таким, каким оно было в момент ее гибели – все в крови, изуродованное пулями. На этом лице застыло выражение ужаса.

Казалось, что умершая мать в последний момент смогла заглянуть далеко за пределы того мира и увидела только холодную огромную пустоту.

Элли, дрожа, отвела взгляд от снимка и посмотрела в иллюминатор. Синее небо казалось таким же неприятным и враждебным, как и синее ледяное море. Внизу мелькали расплывчатые очертания скал, зелени и следов человеческой цивилизации, но было сложно что-либо разобрать как следует.

Когда Элли смогла взять себя в руки, она снова взглянула на фотографию.

Потом она увидела последнюю из четырех фотографий. Элли уже обратила внимание на сходство между матерью и сыном, но теперь она была уверена, что сын больше похож на мужчину, которого она увидела на четвертой фотографии. Она подумала, что это скорее всего его отец. Она не узнала печально известного художника.

Сходство с мужчиной наблюдалось в темном цвете волос и глаз, форме подбородка и еще в некоторых чертах. Однако в лице Спенсера не было высокомерия и способности к жестокости. Его отец выглядел очень холодным и надменным.

Может, она разглядела все эти черты в Стивене Акблеме только потому, что знала, какой это монстр. Если бы она увидела фотографию, не зная, кто на ней изображен, или встретила бы человека со снимка в жизни – на улице или где-то в гостях, – она не увидела бы в нем ничего неприятного. Он не показался бы ей более зловещим, чем Спенсер или кто-то другой.

Элли сразу же пожалела об этой мысли, потому что та подтолкнула ее к размышлениям о том, действительно ли Спенсер такой добрый и славный, каким она его считает, или это иллюзия, а возможно, полуправда. К своему удивлению, Элли поняла, что ей не хочется ошибаться или сомневаться в Спенсере. Ей хотелось ему верить безоговорочно, как она уже давно не верила никому и ничему.

Если бы я был слепым и никогда не видел вашего лица, я все равно знал бы, что вы можете разбить мое сердце.

Эти слова прозвучали настолько искренне, они так ярко выразили его чувства к Элли, в них проявилась такая ранимость, что Элли ничего не смогла сказать ему в ответ. У нее не хватило смелости показать Спенсеру, что и она может испытывать подобные чувства к нему.

Дэнни погиб всего лишь четырнадцать месяцев назад. Элли считала, что она еще не выплакала полностью свою скорбь. Так скоро прикоснуться к другому мужчине, заботиться о нем и любить его – ей казалось, что этим она предаст мужчину, которого любила и продолжала бы любить, если бы он был жив.

С другой стороны, четырнадцать месяцев одиночества казались ей вечностью.

Если быть до конца честной с собой, Элли пришлось бы признать, что ее колебания скорее вызваны сомнениями – удобно ли уже снять траур. Дэнни был чудесным и любящим, но он никогда так не открыл бы перед ней свое сердце, как это не раз делал Спенсер после того, как она увезла его из пустыни. Нельзя было сказать, что Дэнни не был романтиком, но никогда открыто не выражал своих чувств. Он мог быть добрым, не скупился на подарки, но

был весьма сдержан в словах. Казалось, что он боялся сплзнить их отношения словами «Я тебя люблю». Ей было непривычно слышать, как Спенсер прямо говорил о своей любви, и кроме того, она не знала, как к этому относиться. Впрочем, это неправда. Ей нравилось, когда Спенсер признавался в своей любви. И даже больше чем нравилось. Элли была поражена, обнаружив в своем заледеневшем сердце отклик на признания Спенсера. Она желала, чтобы он еще и еще раз повторял слова любви. Желание было подобно долгой жажде путешествующего в пустыне. Элли начала понимать, что эта жажда достигла критического уровня.

Она так сдержанно реагировала на откровенность Спенсера прежде всего потому, что не хотела признать, что первая большая любовь в ее жизни не была величайшей любовью. Она считала себя обязанной по-прежнему грустить из-за безвременной смерти Дэнни и родителей, боясь, что способность любить вновь означает предательство. И еще она боялась полюбить кого-то *сильнее*, чем любила своего погибшего мужа.

Может, ничего подобного и не случится. Если она откроется этому, все еще таинственному мужчине, то, возможно, постепенно поймет, что он никогда не согреет ее сердце, никогда не займет в нем то место, которое занимал и всегда будет занимать Дэнни.

Она боялась, что постоянные страдания и воспоминания о Дэнни и прошлом сделают ее лишь сентиментальной. Конечно, люди не могли любить только один раз в жизни, даже те, у кого безжалостная судьба забрала первую любовь в могилу. Если подчиняться строгим правилам, то надо признать, что Бог создал для нас мрачную и суровую землю. Элли приходила к мысли, что любовь и все остальные эмоции подобны мышцам – если их тренировать, они станут только крепче, но если нет – они быстро слабеют. Любовь к Дэнни после его смерти дала ей эмоциональную силу еще сильнее полюбить Спенсера.

Если честно, то Дэнни вырос с отцом, у которого полностью отсутствовала душа.

Мать Дэнни была слишком занята собой, и в их холодных объятиях он научился сдерживаться. Он дал Элли все, на что был способен. Элли была счастлива с ним. Она была настолько счастлива, что не могла представить себе, как проживет оставшуюся жизнь, не получая ни от кого подарка, который первым принес ей Дэнни.

Кто из женщин мог так подействовать на мужчину, чтобы после одного разговора он бросил нормальную жизнь и, несмотря на ужасную опасность, стремился быть с ней?

Элли была поражена, и ей льстила преданность Спенсера. Она чувствовала себя особенной, глупенькой, бесстрашной и почти влюбленной девчонкой.

Помимо своего желания, она была покорена.

Элли нахмурилась и продолжила изучать фотографию отца Спенсера – Стивена Акблома.

Она понимала, что преданность Спенсера и все, что он сделал, чтобы ее найти, может означать не любовь, а скорее наваждение. Если он был сыном жестокого маньяка, который совершил целую серию убийств, любой признак наваждения должен был насторожить ее, напоминая о сумасшествии его отца.

Элли снова убрала все четыре фотографии в конверт и положила его на сиденье.

Она решила, что в главном Спенсер *не* пошел по стопам отца. Он был для нее не более страшен, чем мистер Рокки-собака. За трое суток в пустыне, постоянно слыша его бред, когда он балансировал между сознанием и темной бездной забвения, Элли достаточно много узнала о нем.

Она была уверена, что на этот раз яблочко от яблоньки упало далеко.

Если даже Спенсер и представлял для нее какую-нибудь опасность, ему было не сравниться с Агентством, которое охотилось за ними.

Ей бы только спастись от убийц из Агентства, а потом суметь насладиться волнующей близостью с этим непростым и загадочным человеком. Как ей признался сам Спенсер, у него в душе таилось еще много секретов. Ради него, а не для себя, Элли нужно было раскрыть их прежде, чем они со Спенсером заговорят о будущем, которое у них может быть общим. Это было необходимо потому, что, не освободившись от груза прошлого, он не обретет покой в

душе и не сможет уважать себя. Это было необходимо, чтобы расцвела их любовь.

Элли снова взглянула на небо.

Они пересекали Юту в черном сверкающем вертолете. Они стали изгоями в своей собственной стране. Солнце оказалось позади них. Они направлялись к востоку, к горизонту, откуда через несколько часов придет ночь.

* * *

Гарри Дескоте принял душ в серой с лиловым душевой для гостей в доме своего брата. Но все равно ему казалось, что он не смог смыть с себя запах тюрьмы. Когда их выселяли из дома в Бербанке, Джессика уложила в чемодан какую-то его одежду.

Выбор был скромным. Гарри надел серые вельветовые брюки, кроссовки «Найк» и темно-зеленую трикотажную рубашку с длинными рукавами.

Он сказал Джессике, что хочет пройтись, и она попросила, чтобы он подождал ее, пока она не закончит с пирогами. Дариус, занятый телефонными переговорами, тоже попросил, чтобы Гарри отложил прогулку на тридцать минут, когда Дариус освободится и сможет пройтись вместе с ними. Гарри понимал, что они волнуются за него и не хотят оставлять одного.

Он уверил их, что не собирается бросаться под грузовик, однако ему следует пройтись после пятидесяти восьми часов, проведенных за решеткой. Он еще сказал, что хочет побыть один и кое о чем поразмышлять. Он взял с вешалки кожаную куртку Дариуса и вышел в холодное февральское утро.

Улицы Вествуда были неровными и холмистыми. Пройдя несколько кварталов, Гарри понял, что, просидев без движения в камере, он действительно нуждался в разминке.

Он сказал своим родственникам неправду, заявив, что хочет поразмышлять один. На самом деле он не хотел ни о чем думать. Третий день его мысли ходили по кругу. Все размышления ни к чему не привели, и Гарри только стало еще хуже.

Он немного поспал, но этот короткий отдых ему не помог. Ему снились безликие люди в черной форме и сверкающих черных высоких ботинках.

В его кошмарах они надевали на Джессику, Ондину и Виллу ошейники с поводками, словно на собак, и уводили их прочь, оставляя Гарри одного.

Он и во время сна не мог избавиться от переживаний, и в компании Дариуса или Джессики тоже волновался. Его брат без устали разрабатывал методы защиты от свалившейся на них несправедливости, или обдумывал новую стратегию, или пытался предугадать, что предпримет обвинение.

Присутствие Джессики, так же как и Ондины, и Виллы, когда они вернутся, будет постоянно напоминать ему, что он подвел свою семью и не смог защитить от бед. Конечно, никто из них никогда не скажет ему этого, и Гарри прекрасно понимал, что даже подобные мысли никогда не придут им в голову. Он не сделал ничего, что могло бы вызвать катастрофу. Но хотя он был безгрешен, все равно винил во всем себя. Где-то, когда-то, во время неизвестной ему встречи он кого-то так обидел, что тот стал его врагом. И реакция этого человека была несравнима с той обидой, которую Гарри по недоразумению нанес этому психу. Если бы Гарри что-то сделал по-иному, смог бы удержаться от какого-то обидного заявления или действия, может, тогда с ними ничего и не случилось бы. Каждый раз, когда он думал о Джессике или о своих дочерях, его великая и неизвестная вина казалась ему еще большим грехом.

Люди в черных ботинках, хотя они существовали только в его кошмарах, мешали его общению с близкими, и для этого даже не потребовалось надевать на них ошейники и куда-то уводить.

Его злость и полная беспомощность, и непонятное чувство вины прочнее, чем кирпичи и бетон, отгородили Гарри от тех, кого он любил. И видимо, этот барьер со временем станет еще непреодолимее.

Он шел один по извивающимся, взбирающимся в гору и сбегаящим вниз улицам Вествуда. Кругом росло много пальм, и фикусов, и сосен, и поэтому даже в феврале здесь все было в зелени. Но не меньше стояло обнаженных платанов, кленов и берез. Гарри заставил себя смотреть на интересную игру света и тени в листве деревьев, колыхавшейся от ветра. Он старался довести себя до состояния полугипноза, чтобы избавиться от всех мыслей. Ему хотелось просто шагать и ни о чем не думать.

Он даже достиг какого-то успеха в этой игре. В состоянии полутранса он почти не обратил внимания на ярко-голубую «Тойоту», которая проехала мимо него и, резко затормозив, остановилась у тротуара за целый квартал от Гарри. Из нее вышел человек и открыл капот, но Гарри думал только об игре солнечного света и листвы, света и тени, которые образовывали причудливый узор у него под ногами.

Когда Гарри проходил мимо «Тойоты», ее владелец повернулся к нему и сказал:

– Сэр, я могу подкинуть вам одну мысль, над которой стоит поразмышлять?

Гарри прошел еще пару шагов, прежде чем понял, что мужчина обращался к нему. Он остановился, повернулся, потом, очнувшись от своего гипноза, спросил:

– Простите?

Незнакомец был высоким темнокожим мужчиной лет тридцати. Тощий, как четырнадцатилетний подросток, но его сдержанные манеры напоминали старика, который слишком много пережил и слишком много страдал. На нем были черные легкие брюки, черная водолазка и черный пиджак. Казалось, что он хочет выглядеть зловещим. Но, если он к этому стремился, его подвели огромные очки с очень толстыми стеклами, неестественная худоба и сильный глубокий голос.

Голос был бархатным и приятным.

– Я могу вам подбросить кое-что, о чем стоит подумать, – снова повторил он. И потом добавил, не дождавшись ответа: – То, что случилось с вами, не может случиться с сенатором Соединенных Штатов.

Улица была странно тихой для такого района. Почудилось, что и солнечный свет стал не таким, каким был несколько секунд назад. Блестящие зайчики, которые играли на полированной поверхности «Тойоты», показались Гарри неестественными.

– Многие люди не подозревают, – продолжал незнакомец, – но в течение десятилетий политики освобождали настоящих и будущих членов Конгресса США от подчинения большинству законов, которые они принимают. Например, конфискация имущества. Если копы застукают сенатора, когда он в своем «Кадиллаке» будет торговать кокаином на школьном дворе, его машину нельзя будет у него забрать, как это сделали с вашим домом. – Гарри решил, что он настолько хорошо загипнотизировал себя, что этот человек в черном был просто видением. – Вы можете судить его за торговлю наркотиками и даже признать его виновным, однако коллеги просто отругают его и выведут из состава Конгресса, постаравшись в то же время вообще не допустить суда. Но в любом случае у него не заберут имущество за то, что он торговал наркотиками или совершил еще хоть двести преступлений.

– Кто вы? – спросил Гарри.

Не обращая внимания на вопрос, незнакомец продолжил своим мягким тихим голосом:

– Политики не платят налоги по социальному страхованию. У них имеется свой собственный пенсионный фонд. Им не нужно брать из этого фонда деньги, чтобы финансировать другие программы, как это случается с вашим фондом социального страхования. Их пенсии никогда не пострадают.

Гарри боязливо осмотрелся, нет ли здесь других машин или людей, которые сопровождали этого человека и теперь наблюдают за ними. Хотя незнакомец не казался ему угрожающим, сама ситуация представлялась неприятной и зловещей. Он почувствовал, что рискует попасть в ловушку, цель которой толкнуть его на какое-нибудь неразумное и ненужное заявление, после чего его можно будет арестовать, судить и посадить в тюрьму.

Это был ничем не обоснованный страх. Еще никто не отменял свободу слова. Нигде больше в мире люди не могли так открыто и честно высказывать свое мнение, как в его

стране. То, что с ним случилось, видимо, спровоцировало у него приступ паранойи, с которой ему еще предстояло бороться.

Но, думая так, он все равно боялся что-либо сказать.

Незнакомец говорил:

– Они освободили себя от налогов на развитие здравоохранения, но они собираются навязать их вам. И когда-нибудь вам придется ждать долгие месяцы, чтобы удалить желчный пузырь. Но зато их обслуживают по первому требованию. Иногда мы разрешаем самым жадным и завистливым людям управлять нами.

Гарри собрался с силами, чтобы заговорить. Но он лишь смог повторить свой вопрос, чуть многословнее:

– Кто вы и что от меня хотите?

– Я только хочу вам сказать то, о чем вам следует подумать до нашей следующей встречи, – ответил ему человек в черном. Потом он отвернулся и захлопнул капот «Тойоты».

Гарри, глядя в его спину, расхрабрился, сошел с тротуара и схватил его за руку:

– Послушайте...

– Мне нужно ехать, – сказал человек. – Мне кажется, что за нами никто не следит. Но всегда есть один шанс на тысячу. При новейшей технологии вы не можете быть уверены на все сто процентов в отсутствии слежки. Пока вы выглядели человеком, который, увидев, что у водителя какие-то сложности с машиной, подошел и предложил свою помощь. Но, если мы останемся здесь и будем продолжать разговор, тот, кто, возможно, за нами наблюдает, может приблизиться к нам и включить направленные микрофоны. – Он подошел к дверце «Тойоты». – Будьте терпеливы, мистер Дескоте. Просто плывите по течению, плывите по волнам и вы все узнаете.

– Какие волны?

Открыв дверцу, загадочный незнакомец улыбнулся в первый раз.

– Ну-у-у, мне кажется... микроволны, волны света, волны будущего.

Он сел в машину, включил мотор и уехал, оставив Гарри в угнетенном состоянии.

Микроволны. Световые волны. Волны будущего.

Какого черта, что случилось?

Гарри Дескоте повернулся вокруг своей оси и внимательно огляделся. Все было на месте. Небо и земля. Дома и деревья. Газоны и тротуары. Солнечный свет и тени. Но в ткань дня вплелись нити тайны, которых раньше не было. Они темнели и переливались.

Гарри пошел дальше. Но теперь он время от времени оглядывался через плечо.

* * *

Рой Миро пребывал в империи мормонов. После того как он пообщался с полицией Седар-Сити и заместителями шерифа, на что ушло почти два часа, Рой получил столько «приятных» впечатлений, что ему их хватит до первого июля! Он теперь понимал цену улыбки, вежливости и постоянного дружелюбия. Он пользовался подобными обезоруживающими методами в своей работе. Но полицейские-мормоны явно перестарались. Рою уже не хватало холодного равнодушия полицейских Лос-Анджелеса, жестокого эгоизма полицейских из Лас-Вегаса, даже враждебности и неистовости полиции Нью-Йорка.

Его настроение совсем упало, когда он узнал, что «Страж Земли-3» не работает, и уж совсем разозлило Роя известие о том, что украденный вертолет летит низко над землей и две военные установки, которые пытались за ним следить (они были задействованы, как считали военные, по настоятельной просьбе Агентства по борьбе с наркотиками), потеряли вертолет из вида. И не могли снова его отыскать. Беглецы удрали, и только Бог и парочка захваченных пилотов знали, где они находятся в данный момент.

Рой Миро боялся сообщить обо всем Тому Саммертону.

Через двадцать минут должен был появиться вертолет из Лас-Вегаса, но Рой не знал, что ему теперь с ним делать. Оставить его на парковке этого чертова торгового центра,

сидеть в нем и ждать, пока кто-то преподнесет беглецов на тарелочке?

Так можно сидеть здесь до будущего Рождества. И эти проклятые мормоны-полицейские будут таскать Рою кофе и пончики и стараться помочь ему скоротать время.

Ему повезло, и он избавился от ужаса навязанного ему безделья, когда из Колорадо позвонил Гэри Дюваль. Рой снова смог продолжать работу по розыску двух беглецов.

Звонок был по «безопасному» телефону со скрэмблером, находившемся в разбитом вертолете.

Рой прошел в конец кабины и надел наушники.

– Вас не так легко разыскать, – сказал ему Дюваль.

– У нас возникли осложнения, – мрачно ответил Рой.

– Вы все еще в Колорадо? Мне казалось, что к этому времени вы уже должны быть на пути в Сан-Франциско. Меня заинтересовало дело Акблома. Меня всегда интересовали эти убийцы, которые совершали серии убийств. Дамер, Банди и Эд Гейн, с которым это случилось несколько лет назад. Странные и неприятные вещи. Я стал думать, почему сын убийцы связался с этой женщиной?

– Мы все думаем об этом, – ответил ему Рой.

У Дюваля была такая манера – он выдавал небольшими порциями все, что ему удалось узнать.

– Пока я здесь, я решил пролететь из Денвера в Вэйль и заглянуть на ранчо, где все это происходило. Лететь совсем недалеко. Мы больше времени садились и поднимались.

– Вы все еще там?

– На ранчо? Нет, я только что вернулся оттуда. Но я пока в Вэйле. Вы подождите, я вам сейчас расскажу, что я там узнал.

– Да, мне, наверное, придется подождать.

– А-а-а?

– Жду, – ответил ему Рой.

Дюваль или не обратил внимания на иронию, или просто не почувствовал ее. Он продолжал:

– Я получил две информации, которые заинтересуют вас. Информация номер один: как вы думаете, что случилось с ранчо, когда оттуда забрали все тела и Стивен Акблом был приговорен к пожизненному заключению?

– Там поселились монашки-кармелитки, – ответил Рой.

– Откуда вы это знаете? – спросил его Дюваль. Ему даже в голову не пришло, что Рой попытался сострить. – Там нет никаких монашек. На ранчо живут только двое – Поль и Анита Дресмунд. Они живут там целых пятнадцать лет. Все в Вэйле считают, что это место принадлежит им, а они и не спорят. Им сейчас по пятьдесят пять лет. Но они выглядят и живут как люди, которые могли позволить себе оставить работу в сорок лет – именно так они и говорят, или вообще никогда не работали и проживали наследство. Словом, они идеальная парочка для этого.

– Для чего?

– Чтобы присматривать за этим местом.

– А кто его хозяин?

– Это и есть самая странная вещь.

– Я в этом и не сомневался.

– От Дресмундов требуется играть роль хозяев и держать в тайне, что им платят за то, что они там живут и присматривают за ранчо. Им нравится кататься на лыжах и вообще жить как обеспеченные люди. Им все равно, что у этого места такая репутация. Поэтому они никогда ничего не болтали.

– Но почему они рассказали все вам?

– Ну, вы понимаете, люди иногда более серьезно, чем нужно, реагируют на удостоверения ФБР и на некоторые угрозы, – ответил ему Дюваль. – Еще могу сказать, что до позапрошлого года им платил адвокат из Денвера.

– У вас есть его имя?

– Бентли Лингерхолд. Но мне кажется, что он нам не пригодится. Как я уже сказал, еще полтора года назад чеки Дресмундам приходили из трастового фонда «Мемориальный траст Вэйля», с которым работал этот адвокат. У меня был компьютер, и я связался с «Мамой», она проследила этот фонд. Его уже не существует, но записи о нем сохранились. Он управлялся другим трастом, который все еще существует, – «Активный траст Спенсера Гранта».

– Вот так! Боже мой! – воскликнул Рой.

– Потрясающе, да?

– Значит, ранчо все еще принадлежит сыну?

– Да, и он контролирует дела с помощью других людей и фондов. Полтора года назад право собственности было передано от «Мемориального траста Вэйля», которым владеет сын, в оффшорную корпорацию на острове Гранд-Кайман. Это просто рай в Карибском бассейне, где можно не платить налоги и...

– Да, да, я все знаю. Продолжайте.

– С тех пор Дресмунды получают чеки от какой-то компании под названием «Венишмент интернешнл». С помощью «Мамы» я проник в банк Гранд-Каймана, где у компании имеется счет. Я не смог узнать размер этого счета или что-то по поводу разных действий с ним, но мне удалось выяснить, что «Венишмент» контролируется холдинговой компанией, расположенной в Швейцарии, – «Амелия Эрхарт энтерпрайзес». – Рой заерзал на сиденье. Он жалел, что у него не было с собой ручки и блокнота, чтобы зафиксировать все детали. Дюваль добавил: – Родители матери Спенсера Гранта – Джордж и Этель Порт пятнадцать лет назад организовали «Мемориальный траст Вэйля», через полгода после того, как разразился скандал со Стивеном Акбломом. Они через этот траст могли управлять собственностью, и их имена не упоминались в связи с этим трастом.

– Почему они не продали владение?

– Ничего не знаю. Но годом позже они организовали «Активный траст Спенсера Гранта» для мальчика, своего внука. Это было сделано здесь, в Денвере, через Бентли Лингерхолда, сразу после того, как мальчику официально поменяли имя и фамилию. В то же самое время они обязали траст заниматься делами «Мемориального траста Вэйля». Но «Венишмент интернешнл» начал свою работу только полтора года назад, когда дедушка и бабушка уже давно умерли. Поэтому нужно считать, что сам Спенсер основал этот «Венишмент» и что он большую часть своего состояния вывел из США.

– Все началось примерно в то время, когда он начал стирать свое имя из всех файлов, – заметил Рой. – Теперь скажите мне еще кое-что... когда вы говорили об этих трастах и разных оффшорных компаниях, вы упоминали о больших суммах денег, не так ли?

– Да, они действительно значительные, – подтвердил Дюваль.

– Откуда они взялись? Я хочу сказать, что отец был знаменитым...

– Вы знаете, что с ним случилось после того, как он признал себя виновным?

– Расскажите мне.

– Он был осужден на пожизненное заключение в заведении для ненормальных криминальных личностей. У него не было никакой возможности заслужить прощение и освобождение из-под стражи. Он с этим и не спорил, и не просил прощения о помиловании. Он был абсолютно спокоен с того момента, как его арестовали. Так же он себя вел и во время суда. Никаких вспышек гнева, никаких сожалений.

– Они не имели смысла. Он понимал, что ему ничего не поможет. Он же не сумасшедший!

– Нет? – Дюваль был поражен услышанным.

– Ну, он не отличался иррациональным поведением, он ничего не болтал, не бушевал, или что-то еще. Он понимал, что ему оттуда не выйти. Он реально воспринимал ситуацию.

– Наверное, вы правы. Ну а родители жены объявили его сына законным владельцем всей собственности Акблома. По просьбе Портов суд сразу же разделил ликвидированную собственность, за исключением ранчо, между мальчиком и семьями жертв, где имелись дети

погибших или супруг. Попробуйте угадать, каковы были эти суммы?

– Не берусь, – ответил ему Рой.

Он выглянул в иллюминатор и увидел, что парочка местных полицейских идет вдоль вертолета и внимательно его рассматривает.

Дюваль не обратил никакого внимания на ответ Роя. Он продолжал выдавать новые подробности:

– Так вот, деньги поступили от продажи коллекции картин других художников, которой владел Стивен Акблом. Но большую часть суммы составила прибыль от продажи его собственных работ. Тех самых, которые он никогда не хотел продавать. Всего получилось более двадцати девяти миллионов долларов.

– *После* уплаты налогов?

– Ну, понимаете, цена на его картины подскочила после этого жуткого скандала. Кажется странным, что кто-то захотел повесить у себя дома работы художника, о котором известно такое. Можно было бы предположить, что их никто не станет покупать. Но на рынке картин царило безумие. Цены на картины были «запредельные»!

Рой вспомнил цветные репродукции работ Акблома, которыми он любовался будучи мальчиком, когда стала известна эта история, и про себя не согласился с Дювалем. Работы Акблома были восхитительными. Если бы Рой был в состоянии купить их, он с удовольствием украсил бы дом дюжиной полотен.

Дюваль сказал:

– Все эти годы цены на его картины росли, хотя уже медленнее, чем раньше. Конечно, семейству стоило бы придержать его работы. Но тем не менее мальчику после выплаты налогов осталось четырнадцать с половиной миллионов. Если только он не транжира, то за все эти годы его состояние значительно увеличилось.

Рой вспомнил домик в Малибу, дешевую мебель и ничем не украшенные стены.

– Нет, он жил весьма скромно.

– Вот как? Ну, вы понимаете, его старик жил не так шикарно, как мог бы себе позволить. Он отказывался строить более вместительный дом. Не желал держать слуг. К ним только приходила горничная, и один человек следил за домом и садом, но оба они покидали дом в пять часов. Акблом говорил, что ему нужна спокойная и простая жизнь, чтобы ему не приходилось расходовать впустую свою творческую энергию, – захохотал Гэри Дюваль. – Он просто не желал, чтобы кто-то находился дома ночью и мог поймать его за играми в подвале флигеля.

Мормон-полицейский снова прошел мимо вертолета, глянув через иллюминатор на Роя. Рой помахал рукой.

И полицейские в ответ тоже помахали ему.

Они махали и улыбались.

Дюваль продолжал:

– Очень странно, что жена не обнаружила все гораздо раньше. Он занимался своим «искусством» целых четыре года, пока она не начала его подозревать.

– Она не была художником.

– Что?

– Она не могла даже вообразить что-то подобное. Если она не обладала даром ясновидения... она не стала бы подозревать его без всяких видимых причин.

– Я что-то вас не понимаю. Это же продолжалось целых четыре года. Бог ты мой!

Эти цифры, решил Рой, были совсем неубедительными. Именно слава сделала Стивена Акблома кандидатом в книгу рекордов еще до того, как все узнали о его тайной жизни. В обществе его уважали, кроме того, сыграл свою роль его статус женатого, семейного человека (как правило, киллеры-маньяки были одиночками). Но, безусловно, главным было то, что он применял свой выдающийся талант мучителя для того, чтобы его жертвы могли достигнуть идеальной красоты.

– Но все же почему, – продолжал Рой, – его сын не отказался от этого дома, флигеля и

земли? Ведь с ними было связано так много жутких воспоминаний... Он изменил свое имя. Почему же он не избавился от ранчо?

– Странно, правда?

– Если он этого не сделал, почему это не сделали его дедушка и бабушка? Почему они не продали ранчо, пока были его законными опекунами? Почему они не приняли решение вместо него? Ведь их дочь убили именно здесь... почему же они не расстались с этим владением?

– Значит, что-то такое существует, о чем мы не догадываемся, – заметил Дюваль.

– Что вы хотите сказать?

– Должно существовать какое-то объяснение, какие-то причины. Но все равно в этом есть что-то непонятное и неприятное.

– Эта парочка, которая следит за домом...

– Поль и Анита Дресмунд.

– ...они не сказали, приезжает сюда Грант или нет?

– Нет, не приезжает. Они не видели человека с таким шрамом, как у него.

– Тогда кто же контролирует их?

– До позапрошлого года они видели только двух людей, связанных с «Мемориальным трастом Вэйля». Это был адвокат Лингерхолд или кто-то из его служащих. Они дважды в год приезжали сюда, чтобы проверить, в каком состоянии ранчо и отработывают ли Дресмунды свое жалованье. Кроме того, они проверяли, как расходуются деньги, выделенные на ремонт и поддержание в порядке ранчо.

– А что произошло полтора года назад?

– Так как ранчо перешло к «Венишмент интернешнл», сюда вообще больше никто не приезжал, – сказал Дюваль.

– Боже, как же мне хочется узнать, сколько он припрятал в фонде «Амелия Эрхарт Энтерпрайзес». Но мы ничего не сможем узнать от этих швейцарцев.

В последние годы в Швейцарии были обеспокоены тем, что зачастую власти США пытались присвоить швейцарские счета американских граждан. Они предъявляли постановления о конфискации имущества граждан без доказательств криминальной деятельности этих граждан. Швейцария считала подобные законы оружием политического давления. С каждым месяцем здесь все менее охотно шли на сотрудничество в подобных криминальных случаях, тем самым отказавшись от традиционной помощи, незаменимой именно при подобных обстоятельствах.

– Какая еще новость? – спросил Рой.

– А?

– Вы сказали, что у вас имеются две порции новостей, чтобы подкормить меня.

– Да-да, – подтвердил Дюваль. – У меня действительно есть две порции информации для вас.

– Ну что же, – вежливо заметил Рой. – Я голоден, и мне нужны новости, чтобы утолить информационный голод. – Он гордился своим терпением. Он уже справился со всеми испытаниями, на которые его обрекли мормоны. – Почему бы вам не подать мне второе блюдо?

Гэри Дюваль преподнес ему новости и, как и обещал, доставил Рою удовольствие.

Как только Рой перестал разговаривать с Дювалем, он тут же позвонил в офис в Лас-Вегасе и поговорил с Кеном Хукманом.

Тот вскоре заканчивал свою смену.

– Кен, где «Джет-рейнджер»?

– Он прибудет к вам через десять минут.

– Я хочу отослать его назад вместе с большинством людей, которые находятся здесь.

– Вы что, сдаетесь?

– Вы знаете, что радар не может их засечь?

– Да, это так.

– Они исчезли, и мы не сможем больше выследить их. Но у меня есть еще одна подсказка, очень хорошая возможность, и я собираюсь ею воспользоваться. Мне нужен самолет.

– Госс-споди!!

– Не нужно употреблять имя Божье всуе...

– Простите.

– Вы мне можете прислать тот самолет, на котором я летел ночью в пятницу?

– Он у нас и готов вылететь.

– Где-нибудь здесь, недалеко от меня, нет какой-нибудь военной базы, где он сможет приземлиться, чтобы забрать меня?

– Сейчас я проверю, – сказал Хукман.

Рой ждал его ответа.

И, ожидая, он думал о Еве Джаммер. Сегодня вечером его не будет в Лас-Вегасе. Чем же будет заниматься его сладенькая белокурая милочка, чтобы его не забыть? Чтобы он оставался в ее сердце. Она сказала, что это будет что-то необычное. Он решил, что она начнет отрабатывать новые позы, если еще оставались позы, до которых она не додумалась. Может, она испробует новые эротические приборы, массажеры или вибраторы, которыми она еще не пользовалась до сих пор. Ей нужно потренироваться, чтобы поразить Роя. Чтобы когда они через день или два встретятся, он испытал бы такой восторг, от которого весь содрогался бы и не мог перевести дыхания, как это и случалось с ним до сих пор. Когда он пытался себе представить новые эротические приспособления, у него начинала кружиться голова. Во рту у него пересохло, но ему было так хорошо!

Кен Хукман снова заговорил:

– Мы можем посадить самолет прямо здесь, в Седар-Сити.

– Вы в этом уверены?

– Брайан Хэд находится всего лишь в двадцати девяти милях отсюда к востоку.

– Кто?

– Не кто, а что. Это модный лыжный курорт, там множество дорогих особняков, расположенных на склонах горы. Многие богатые люди и корпорации владеют домами в Брайан Хэд. Все прилетают в Седар-Сити и потом едут оттуда в Брайан Хэд. Конечно, тамошний аэропорт – это всего лишь поле, на которое можно посадить самолет. Никаких баров, магазинчиков или газетных киосков, никаких багажных отделений, но сесть там можно.

– Экипаж к полету готов?

– Конечно. К часу дня они уже будут у вас.

– Прекрасно. Я попрошу, чтобы кто-то из этих улыбчивых жандармов отвез меня в аэропорт.

– Кого попросите?

– Одного из этих воспитанных констеблей, – ответил ему Рой. К нему снова возвратилось хорошее настроение.

– Я не уверен, что правильно понимаю вас из-за этого скрэмблера.

– Один из мормоновских маршалов...

Кен или понял его, или решил не выслушивать болтовню Роя и сказал:

– Им нужно заранее составить план полета. Куда вы двинетесь из Седар-Сити?

– В Денвер, – ответил ему Рой.

* * *

Элли часа два вздремнула, сидя в хвостовой части вертолета. Находясь в бегах четырнадцать месяцев, она научилась спать тогда, когда представлялась возможность, и отбрасывать на время сомнения и опасения.

Когда она проснулась и еще продолжала зевать и потягиваться, появился Спенсер,

надолго застрявший у пилотов. Он сел напротив нее.

Рокки свернулся в проходе у его ног. Спенсер сказал Элли:

– Я хочу сообщить вам хорошие новости. Парни говорят, что эта сбивалка для яиц была изготовлена по спецзаказу. У этой малышки моторы выдерживают дополнительную нагрузку. Поэтому мы несем с собой запас горючего. Эта машина работает более четко, чем обычная модель вертолета. Еще они сказали, что могут доставить нас через границу к Гранд-Джанкшену, и горючее еще останется. Если, конечно, мы захотим лететь так далеко.

– Чем дальше, тем лучше, но не в Гранд-Джанкшен, – сказала Элли. – Нам не стоит попадаться на глаза любопытным. И главное, чтобы мы могли там раздобыть машину.

– Нам еще лететь до Гранд-Джанкшена достаточно долго. Мы там будем примерно минут за тридцать до наступления сумерек. А сейчас еще десять минут третьего. Но по времени в горной зоне – сейчас уже три часа. У нас есть возможность изучить карту и выбрать место для посадки.

Элли кивнула на сумку, лежавшую перед ней на сиденье:

– Послушайте, что касается ваших пятидесяти тысяч долларов...

Спенсер поспешил прервать ее:

– Я был поражен, что вы их нашли, вот и все. Вы имели полное право посмотреть мой багаж, когда нашли меня в пустыне. Вы же не знали, почему я пытаюсь вас отыскать. Я могу предположить, что вы до сих пор полностью не понимаете этого.

– Вы всегда носите с собой такую «мелочь»?

– Я начал это делать полтора года назад, – сказал он. – Я стал копить наличные деньги и золотые монеты в сейфах в Калифорнии, Неваде, Аризоне. В разных городах я открыл счета под вымышленными именами и под разными номерами карточек социального страхования. Все остальное я постарался вывезти из страны.

– Почему?

– Потому что так я могу быстро реагировать на все изменения в стране.

– Вы что, думали, что вам придется скрываться таким образом?

– Нет, мне просто не нравилось то, что происходило в отделе по компьютерным преступлениям. Меня научили работать с компьютерами и объяснили все о свободах. Но на самом деле они старались, насколько возможно, ограничить все свободы.

Элли принялась его расспрашивать:

– Мне казалось, что основная идея состояла в том, чтобы не позволить криминальным типам воровать с помощью компьютеров и портить банки данных в сберегательных банках и во всех прочих.

– Да, я всецело поддерживаю подобный контроль. Но они хотели контролировать абсолютно *всех*... они все время нарушают свободу личности, постоянно копаются тайно и в открытую в банках данных. Этим занимаются все, начиная с налоговой инспекции и до иммиграционных служб. Даже земельное управление. И все старались подкормить наше управление. Меня просто тошнило от этого.

– Вы видите, как приходит новый мир...

– ...как сбежавший грузовой поезд...

– ...и вам это не нравится...

– ...я действительно не желал принимать в этом участия.

– Вы себя считаете панком от кибернетики или просто желали быть вне закона?

– Нет. Я просто хотел выжить.

– И поэтому постарались не фигурировать во всех официальных файлах? Это что-то вроде страховки, так?

Выражение его лица не изменилось, но лицо потемнело. И показалось ей измученным. Это было естественно после перенесенного им за последние дни. Но сейчас вдруг у него глубоко запали глаза, он согнулся и сразу постарел.

Помолчав, заговорил:

– Ну, сначала я просто готовился убраться отсюда. – Он вздохнул и провел рукой по

лицу. – Все это, наверное, странно звучит. Однако поменять имя Майкла Акблома на Спенсера Гранта казалось мне недостаточным. Я уехал из Колорадо и начал новую жизнь... все равно мне чего-то не хватало. Я не мог забыть, кто я был на самом деле... чьим сыном я был. Я решил вообще уничтожить себя медленно, старательно, методично, пока невозможно будет определить, что я вообще существовал, под *любым* именем. То, что я узнал о компьютерах, подарило мне такую возможность.

– А потом? Когда вы уничтожили все следы своего существования?

– Вот этого я как раз и не решил. Что потом? Что дальше? Вообще убрать себя из жизни? Совершить самоубийство?

– Это не для вас.

Элли почувствовала, как ей стало плохо при одной мысли об этом.

– Да, вы правы – это не для меня, – согласился он. – Мне никогда не хотелось сунуть в рот дуло пистолета или сделать что-то подобное. Кроме того, у меня есть обязательства перед Рокки: мне нужно быть рядом с ним и заботиться о нем.

Собака лежала в проходе. Услышав свое имя, она подняла голову и забила хвостом по полу.

– Спустя некоторое время, – продолжал Спенсер, – хотя я еще не знал, как это сделать, я решил, что мне действительно лучше исчезнуть, стать невидимкой. Как вы говорите, наверное, потому, что грядет новый мир. Новый, смелый мир с высокими технологиями, с их благами и отрицательными чертами, с их проклятием.

– Почему вы частично оставили свои файлы о военной службе и еще некоторые полицейские файлы? Вы же могли полностью их стереть очень давно.

Он улыбнулся.

– Возможно, я посчитал себя слишком умным. Я решил просто поменять в этих файлах мой адрес, изменить кое-какие детали, чтобы файлы не могли никому пригодиться. Но, оставляя их, я всегда мог вернуться к ним и проверить, не ищет ли меня кто-то.

– Вы что, поставили там ловушки?

– Да, в некотором роде. Я поместил в эти компьютеры некие маленькие программы. Засунул их очень глубоко и аккуратно. Каждый раз, когда кто-то полезет в мои файлы без особого пароля, который я вложил в эти программы, система добавит небольшую звездочку в конце последнего предложения файла. Я собирался проверять их раз или два в неделю, и, увидев такие звездочки, я бы понял, что кто-то интересуется мной... Ну и, стало быть, пришло время уезжать из дома в Малибу и двигаться как можно дальше отсюда.

– Куда двигаться?

– Куда угодно. Просто двигаться, не прекращая.

– Но это сумасшествие, – заметила Элли.

– Да, наверное, это паранойя. – Она тихо засмеялась, Спенсер присоединился к ней. Потом сказал: – К тому времени, когда я оставил работу в полиции, я уже понимал, судя по тому, как менялся мир, что за каждым из нас будет кто-то следить. И это произойдет достаточно быстро. И поэтому большинству захочется, чтобы их было сложно найти.

Элли посмотрела на часы.

– Может, нам стоит сориентироваться по карте?

– У них в кабине есть карты.

Элли смотрела, как Спенсер шел в кабину пилота. У него были опущены плечи, он выглядел усталым. Казалось, что ему трудно ходить после всех дней, проведенных без движения.

Неожиданно Элли с ужасом подумала, что Спенсер Грант не сумеет преодолеть все, что им предстоит, что он каким-то образом может весьма скоро погибнуть. Это не было предчувствием, но ей стало неприятно.

Ей стало просто плохо от одной мысли, что она может его потерять. Элли поняла, что он гораздо дороже ей, чем она признавалась себе.

Вернувшись с картой, Спенсер спросил:

- Что случилось?
- Ничего. Почему вы спрашиваете?
- У вас такой вид, как будто вы встретились с привидением.
- Просто устала, – солгала она ему. – И еще я хочу есть.
- Это можно устроить.

Он сел в кресло напротив Элли и вынул из карманов своей подбитой мехом куртки четыре шоколадных батончика.

- Откуда они у вас?
- У парней есть целая упаковка, и они поделились с нами. Кстати, они неплохие парни.
- Ну да, особенно под дулом пистолета.
- Именно тогда, – согласился с ней Спенсер.

Рокки сел и поднял свое здоровое ухо, уловив аромат батончика.

– Это нам, – твердо заявил Спенсер. – Когда мы приземлимся, то где-нибудь купим тебе настоящую пищу, что-нибудь более полезное, чем сладости. – Пес облизнулся. – Послушай, парень, – сказал Спенсер. – Я не останавливался в супермаркете и не хватал дармовую «Пурину». Это ты ее там лопал. Мне необходимо съесть этот батончик, или я просто упаду от голода. Теперь ты ляжешь и перестанешь выпрашивать у нас сладости. Ясно?

Рокки зевнул, равнодушно огляделся вокруг и снова растянулся на полу.

– Вы так хорошо понимаете друг друга, – сказала Элли.

– Угу, мы – два сиамских близнеца, нас просто разделили после рождения. Конечно, трудно поверить – ему пришлось подвергнуться множеству пластических операций.

Элли не могла отвести глаз от его лица. Она видела на нем не только усталость. На нем лежала печать смерти.

Спенсер опять поинтересовался, в чем дело. Он не только читал ее мысли, но и ощущал ее эмоции. Ей было труднее что-то скрывать от него.

– Спасибо за батончик.

– Если бы мог поменять его на хороший кусок бифштекса!

Грант развернул карту. Они расстелили ее между креслами и начали изучать район Гранд-Джанкшена, штат Колорадо.

Элли пару раз украдкой взглядывала на него, и каждый раз ее сердце начинало сильнее биться от страха. Она видела очертания черепа у него под кожей. Это было обещание могилы, которое обычно так хорошо скрывается под маской жизни.

Она чувствовала себя глупой и суеверной, как слабый ребенок. Видимо, существовало и другое объяснение приметам, предсказаниям и видениям возможной трагедии. Наверное, после того Дня Благодарения, когда у нее отняли Дэнни и родителей, страх станет мучить ее каждый раз, когда кто-то перестанет просто нравиться ей и она поймет, что любит его.

* * *

Рой приземлился в международном аэропорту Степлтон в Денвере после двадцати пяти минут полета. Местный офис Агентства предоставил ему для работы двух агентов. Рой попросил об этом во время полета по «чистому» телефону. Оба агента – Берт Ринк и Оливер Фордайс – ждали его на парковке. Им было лет по тридцать. Оба высокие, в черных пальто, темно-синих костюмах. Темные галстуки, белые рубашки и черные ботинки на резиновой подошве. Все именно так, как просил Рой.

Ринк и Фордайс привезли новую одежду для Роя. Она была точной копией их собственной. Рой побрился и привел себя в порядок во время полета, и ему осталось лишь надеть свежее белье и костюм, прежде чем пересест из самолета в черный «Крайслер» – длинный-длинный лимузин, который ожидал его у трапа.

День был жутко холодным. Казалось, что замерзали даже кости. Небо было чище арктического моря и глубже, чем само время. Сосульки свисали с крыш служебных зданий. Снежные сугробы обозначали границу взлетной полосы. Степлтон находился в северо-

восточной части города. А с доктором Сабриной Пальма они должны были встретиться в юго-восточном районе. Рой мог бы настоять на полицейском сопровождении под тем или иным предлогом, но ему не хотелось привлекать к себе излишнее внимание.

– Время встречи половина пятого, – сказал Фордайс, когда они с Ринком уселись на заднее сиденье лимузина, глядя в затылок Рою, сидевшему впереди. – Мы спокойно прибудем туда вовремя.

Водителю приказали ехать быстро. Они так рванули от трапа самолета, как будто у них действительно было полицейское сопровождение.

Ринк передал белый конверт Рою:

– Здесь все документы, которые вы затребовали.

– У вас с собой ваши удостоверения секретной службы? – спросил их Рой.

Из внутренних карманов Ринк и Фордайс вытащили бумажники и быстро показали голографические удостоверения с фотографиями и подлинные значки секретной службы. Ринк назывался Сидни Юджин Таркентон, а Фордайс стал Лоуренсом Альбертом Олмейером.

Рой достал свой бумажник. Его удостоверение лежало среди документов в белом конверте. Он сегодня был Дж. Роберт Коттер.

– Мы не должны забывать эти имена и будем называть друг друга только так, как указано в удостоверениях, – сказал Рой. – Я уверен, что вам не придется много говорить, а может, вообще будет лучше помолчать. Говорить стану я. Вы мне требуетесь, чтобы все выглядело совершенно правдиво. Вы войдете в офис доктора Пальма вслед за мной и встанете справа и слева от двери. Ноги раздвинуть примерно на восемнадцать дюймов. Руки опустить вниз перед собою. Одна рука сжимает другую. Когда я вас представлю, вы кивнете головой и скажете: «Доктор» или «Приятно познакомиться». Не забывайте кивнуть головой. Все должно быть очень серьезно и безо всякого выражения, как гвардейцы у Букингемского дворца. Смотреть вперед. Не суетиться. Если вам предложат сесть, вы вежливо ответите: «Благодарю вас, доктор, нет». Я понимаю, что все это выглядит весьма глупо, но именно так люди представляют себе секретную службу. Они судят по героям кинофильмов, поэтому если она увидит в вас обыкновенных людей, это ей покажется странным и фальшивым. Вы все поняли, Сидни?

– Да, сэр.

– Все ясно, Лоуренс?

– Я предпочитаю, чтобы меня называли Ларри, – сказал Оливер Фордайс.

– Все ясно, Ларри?

– Да, сэр.

– Хорошо.

Рой вытащил остальные документы из конверта, внимательно прочитал их и остался доволен.

Он собирался рисковать так, как никогда еще не рисковал в своей жизни, но был удивительно спокоен. Рой не дал задания агентам искать беглецов в Солт-Лейк-Сити или где-то еще к северу от Седар-Сити. Он считал, что их старт в данном направлении был тактической уловкой. Они сразу же поменяли направление после того, как вышли из поля досягаемости радаров. Он не думал, что они могут лететь на запад, обратно в Неваду. В этом штате им было бы трудно скрыться. Итак, оставались юг и восток. Получив две порции информации от Гэри Дюваля, Рой снова проанализировал все, что знал о Спенсере Гранте. Он решил, что, пожалуй, предвидит, куда отправится этот человек, и если им повезет, то он будет не один, а с женщиной. Они двинутся на северо-восток. Более того, Рой даже смог сказать, куда в конце концов прибудет Грант. Он это сделал так уверенно, словно рассчитывал траекторию пули, выпущенной из ружья. Рой был спокоен не только потому, что верил в свои способности к дедукции. Нет, в данном случае судьба шагала с ним в ногу.

– Я хочу знать, тот отряд, о котором я просил раньше, уже следует в Вэйль? – спросил агентов Рой.

– Двенадцать человек, – ответил ему Фордайс.

Глядя на часы, Рой сказал:

– Они именно сейчас должны встретиться с Дювалем.

В течение шестнадцати лет Майкл Акблом, а ныне Спенсер Грант боролся с желанием вернуться на ранчо. Он сдерживал и подавлял в себе это желание. Он не поддавался желанию, которое как магнит тянуло его к этому месту. Но, сознательно или нет, он всегда знал, что должен приехать туда рано или поздно. Иначе он давно бы продал это ранчо, чтобы полностью покончить с прежними воспоминаниями. Он так не хотел их ворошить. Недаром он сменил свое имя. Он не продавал собственность по той же причине, по которой не сделал себе пластическую операцию и не избавился от шрама.

Он себя наказывает ишрамом, так сказал доктор Монделло в своем белом-пребелом офисе в Беверли-Хиллз. Он напоминает себе о чем-то, что он желал бы забыть, но чувствует, что не имеет права это сделать.

Пока Грант спокойно жил в Калифорнии, он мог противостоять зову этого «полигона смерти» в Колорадо.

Но сейчас он спасал свою жизнь и испытывал ужасный стресс. Кроме того, он находился сравнительно недалеко от своего дома. Поэтому призывы сирен прошлого... О, с ними было так трудно бороться! Рой мог побиться об заклад, что сын убийцы-художника вернется на место, где было пролито столько крови, где его настиг тот кошмар.

У Спенсера Гранта еще не были закончены все дела на ранчо недалеко от Вэйля. Только два человека в мире знали, в чем же там было дело.

За сильно затемненными окнами мчащегося лимузина, в сгущавшемся сумраке короткого зимнего дня город Денвер казался задымленным и размытым, как древние руины, покрытые плющом и заросшие мхом.

* * *

«Джет-рейнджер» приземлился западнее Гранд-Джанкшена между нагромождениями красных камней и низкими холмами, где росли сосны и кустарники. Здесь располагался национальный заповедник Колорадо. Все было покрыто сухим снегом, который взметнулся кристаллическим облаком от ветра, поднятого винтом.

В сотне футов от места приземления темно-зеленая стена деревьев служила декорацией, на фоне которой выделялся силуэт белого «Форда-Бронко». Человек в зеленом лыжном костюме стоял у открытой задней дверцы машины и наблюдал за вертолетом.

Спенсер оставался с пилотами, пока Элли пошла поговорить с водителем машины.

Мотор «Джет-рейнджера» затих, лопасти винта перестали вращаться, и в этой долине, окаймленной деревьями и скалами, стало тихо, как в пустой церкви... Элли слышала только хруст снега под своими ногами, ступавшими по мерзлой земле.

Когда она подошла ближе к «Бронко», то увидела фотокамеру, укрепленную на треноге. В машине она заметила разные фотопринадлежности.

Фотограф был с бородой и очень рассерженный. Из его ноздрей струился пар, казалось, еще немного, и он *взорвется*.

– Вы испортили мой снимок. Этот нетронутый снег, покрывавший яркие островерхие скалы. Такой контраст, такое напряжение. И теперь все пропало.

Элли оглянулась на нагромождение скал за вертолетом. Они по-прежнему были ярко-огненными – светящийся красный свет в лучах солнца – и по-прежнему островерхими. Но что касалось снега, он уже не был девственно чистым и нетронутым.

– Простите.

– Из ваших извинений шубу не сошьешь, – резко ответил он. Она посмотрела на снег возле «Бронко» и увидела там только отпечатки следов фотографа. Видимо, он был один. – Какого черта, что вы здесь делаете? – продолжал он нападать на Элли. – Здесь существуют ограничения на шум. И уж, конечно, нельзя тарыхтеть вертолетом, – насканивал фотограф. – Здесь находится заповедник.

– Тогда вам придется нам кое в чем помочь и тем самым сохранить себе жизнь, – сказала Элли, вытаскивая пистолет из кармана кожаной куртки.

В «Джет-рейнджере», передав Элли свой «узи», Спенсер срезал обивку с кресел. Длинными кожаными полосками он связал руки всем трем мужчинам и привязал их к ручкам пассажирских кресел, в которые усадил их.

– Я не стану вставлять вам кляп в рот, – сказал он им. – Здесь все равно никто не услышит, как вы кричите.

– Мы здесь просто замерзнем, – возразил ему пилот.

– Через полчаса вам удастся освободить руки. Еще полчаса или минут сорок понадобится, чтобы дойти до шоссе. Мы пролетали над ним. За это время вы не замерзнете.

Элли добавила:

– Можете быть уверены, приехав в город, мы позвоним в полицию и сообщим им, где вы находитесь.

Наступили сумерки. Начали появляться звезды на темном пурпуре неба.

Спенсер вел машину, а Рокки дышал в ухо Элли, сидя позади нее. Они без труда нашли выезд на шоссе по следам машины фотографа, приехавшего в это красивое и живописное место утром.

– Почему вы им сказали, что мы позвоним в полицию? – спросил ее Спенсер.

– Вы что, хотите, чтобы они замерзли?

– Мне кажется, что этого не случится.

– Все равно не хочется рисковать.

– Да, но в наше время надо быть осторожней. Возможно, каждый звонок принимается в полиции по линии, связанной именно с данным автоматом. Это совсем не то, что вы набираете 911 – телефон спасения. В маленьком городке типа Гранд-Джанкшена невелика преступность, и деньги из бюджета города они могут потратить на всякие новые системы связи с соответствующими сигналами и свистками. Вы им звоните, и они точно знают, откуда вы звоните. Адрес появляется на экране перед оператором в полиции. И тогда они будут знать, в каком направлении мы отправились и по какой дороге.

– Я поняла, но мы им усложним работу, – сказала Элли и объяснила Спенсеру, что она придумала.

– Мне это нравится, – согласился он.

* * *

Тюрьма «Рокки Маунтин» для сумасшедших преступников была построена во времена «великой депрессии» под наблюдением и по рабочим проектам администрации. Она выглядела прочной и неприступной, как скала. В широком приземистом здании маленькие окна в глубине толстых стен были забраны решетками даже в административном крыле. Стены облицованы серым гранитом. Гранит более темного цвета был использован для окантовки окон, дверей и карнизов. Крыша из черного шифера.

Рой Миро почувствовал, что само здание производит мрачное и неприятное впечатление благодаря цвету и пропорциям. Без преувеличения можно было сказать, что здание, стоявшее на холме, давило на окружающий ландшафт, словно живое существо. В сумерках окна тюрьмы отражали от крутых склонов скал и испускали неприятный желтый свет. Он будто исходил из темниц какого-то демона, жившего в глубине гор.

Рой и его команда подъехали к тюрьме в лимузине, постояли перед ней и потом двинулись по коридорам к офису доктора Пальма. Рою стало жаль бедные заблудшие души, которых заперли в этой куче камней. Ему также было жаль и надзирателей, которые по долгу службы должны были проводить много времени в таких ужасных условиях. Если бы все зависело только от него, он бы тщательно заклеил окна и вентиляцию всех помещений, где были поднадзорные и их надзиратели, и спас бы их от страданий с помощью приятного, но губительного газа.

Офис и приемная доктора Сабрины Пальма были чудесно обставлены и так контрастировали с обликом здания, словно находились совершенно в ином прекрасном месте – в каком-нибудь пентхаусе Нью-Йорка или в роскошном особняке в Палм-Бич. Казалось также, что доктор и жила не только в другом месте, но и в другое время, нежели вся тюрьма, для которой будто не кончались тридцатые годы. Диваны и кресла в ее офисе были «от Дж. Роберта Скотта», обитые шелком золотистого и платинового цвета. Столы и зеркала также были «от Дж. Роберта Скотта». Изготовленные из редких пород дерева, они сохраняли его текстуру. На них не было никакого лака, просто хорошая полировка. Лежал толстый бежевый, с таким же рисунком, ковер «от Эдварда Филлса». В центре офиса стоял массивный стол «Монтеверде энд Янг». Он был сделан в виде полукруга и стоил, наверное, сорок тысяч долларов.

Рой никогда не оказывался в более роскошном офисе. Это был оазис вкуса и богатства. Ему не приходилось сталкиваться с подобным даже в офисах высших чиновников в Вашингтоне. Он сразу понял, с кем имеет дело. И еще он понял, что у него в руках надежное оружие, которым он воспользуется без всяких колебаний, если только доктор Пальма посмеет противодействовать ему.

Сабрина Пальма возглавляла медперсонал тюрьмы. Поскольку заведение объединяло тюрьму и больницу, ее должность соответствовала должности надсмотрщика в обычном корректирующем учреждении. Доктор оказалась такой же необычной, как и ее офис.

Черные, как вороново крыло, волосы. Зеленые глаза. Кожа белая, бледная и гладкая, как остуженное молоко. Около сорока лет, высокая, тонкая, с приличной фигурой. На ней были черный трикотажный костюм и белая шелковая блузка.

После того как Рой представился ей, он также познакомил ее с агентом Олмейером...

– Рад познакомиться с вами, доктор.

...и агентом Таркентоном.

– Доктор.

Она предложила им сесть.

– Благодарю вас, доктор, – сказал Олмейер и встал справа от двери, соединявшей офис и приемную.

– Благодарю вас, доктор, – ответил ей Таркентон и встал слева у той же самой двери.

Рой подошел к одному из трех великолепных кресел перед столом доктора Пальма. Сама доктор села на роскошный кожаный трон у не менее роскошного стола.

В рассеянном янтарном свете ее бледная кожа словно озарялась внутренним пламенем.

– Я здесь нахожусь по весьма важному делу, – заявил ей Рой самым вежливым тоном, на какой только был способен. – Нам кажется, нет, мы просто уверены, что сын одного из содержащихся здесь заключенных следит за президентом Соединенных Штатов Америки и собирается его убить.

Когда она узнала имена предполагаемого убийцы и его отца, Сабрина Пальма подняла вверх брови. Проверив документы, которые Рой достал из белого конверта, и услышав, что требуется от нее, она извинилась и вышла в приемную, чтобы сделать несколько важных и неотложных звонков.

Рой ждал ее возвращения.

За тремя узкими окнами была ночь и сияли огни Денвера.

Рой посмотрел на часы. Сейчас с другой стороны гор в наступившей темноте Дюваль и его команда из двенадцати человек уже должны были тихо и незаметно устроиться в засаде. Следовало быть готовыми на тот случай, если путешественники придут раньше, чем их ждали.

* * *

Черная накидка ночи совсем скрыла лицо сумерек к тому времени, когда Элли и Спенсер достигли Гранд-Джанкшена.

В городе с населением тридцать пять тысяч человек вполне можно было заблудиться. Но Элли осветила фонариком карту, которую она взяла из вертолета, и смогла найти самую короткую дорогу.

Проехав почти через весь город, они остановились, чтобы сменить машину. Стоянка машин была расположена рядом с кинотеатром. На большой площадке было полно машин, но людей они не заметили.

Когда Спенсер открыл дверцу «Бронко» и впустил холодный воздух, Элли попросила его, чтобы он выбрал «Эксплорер» или джип.

– Что-нибудь в этом роде, они более удобны.

– Воришки не могут выбирать, – сказал Спенсер.

– Им приходится это делать. – Спенсер пошел на парковку, Элли последовала за ним. – Эй, если вы не выбираете, тогда вы не вор, а сборщик мусора!

Элли ходила по проходу, наблюдая, а Спенсер переходил от одной машины к другой и нахально пытался открыть двери.

Каждый раз, когда ему это удавалось, он наклонялся и заглядывал внутрь, проверяя, нет ли ключей зажигания под козырьком от солнца или под водительским сиденьем.

Глядя на хозяина из бокового окна «Бронко», Рокки расстроено скулил.

– Да, это опасно, – сказала Элли. – Я не могу лгать собаке. Но это не так опасно, как въехать в супермаркет через стеклянную витрину, когда за тобой следит из вертолета целая банда. И тебе следует помнить об этом.

Четырнадцатая машина, которую проверил Спенсер, оказалась большим черным пикапом «Шевроле» с передними и задними сиденьями. Он влез в пикап, закрыл дверь, завел мотор и, дав задний ход, выехал с парковки.

Элли поставила «Бронко» на то место, которое освободил Спенсер. Им понадобилось только пятнадцать секунд, чтобы переместить оружие, сумку и собаку в пикап. После этого они снова тронулись в путь.

На восточной окраине города они начали искать модернизированный мотель. В комнатах старых зданий компьютеры работали плохо.

Они остановились у мотеля, который выглядел так, словно перед входом только что перерезали ленточку. Элли оставила Спенсера и Рокки в пикапе, а сама пошла узнать у клерка, сможет ли она воспользоваться модемом в их комнатах.

– Мне нужно будет связаться с моим офисом в Кливленде утром, – объяснила она ему.

Оказалось, что пользоваться компьютером можно было во всех комнатах. Элли в первый раз воспользовалась удостоверением на имя Бесс Беер, оформила двойной номер с огромной кроватью и сразу же расплатилась наличными.

– Когда мы снова сможем ехать? – спросил ее Спенсер у входа в номер.

– Самое большее минут через сорок пять, но возможно, и через полчаса, – обещала ему Элли.

– Мы далеко уехали оттуда, где взяли пикап, но, мне кажется, нам не следует задерживаться здесь слишком долго.

– Я совершенно согласна.

Элли невольно обратила внимание на оформление номера, хотя ей было совсем не до этого. Она достала портативный компьютер Спенсера из сумки и, поставив на стол рядом со всевозможными вазочками, начала готовить его к работе. Но все равно глаз отметил синий в черную крапинку ковер, синие в желтую полоску занавески, покрывало на кровати с сине-зелеными клетками. Обои на стенах синие с серебряными и золотыми изображениями каких-то амёб. Все вместе было похоже на армейский камуфляж на чужой планете.

– Пока вы заняты компьютером, – сказал Спенсер, – я отведу Рокки по его делам, иначе он просто лопнет.

– По нему этого не скажешь.

– Он всегда стесняется этой процедуры. – В дверях Спенсер повернулся к Элли и сказал: – Я видел через улицу закусовые. Дойду туда и куплю нам бургеры и еще что-

нибудь. Правда, я не знаю, насколько вам понравится эта пища.

– Вы просто купите всего побольше, – ответила ему Элли.

Когда Спенсер с собакой ушел, Элли подсоединилась к центральному компьютеру телефонной системы. Она уже давно влезала в эту систему и здорово там покопалась. Через ответвления телефонной системы по всей стране она раньше могла аккуратно пробираться в компьютеры некоторых региональных телефонных компаний, но она никогда прежде не проникала в систему Колорадо. Для компьютерного «разбойника», так же как для пианиста или члена олимпийской команды по гимнастике, самое главное – тренировки. Они составляют основу успеха. А Элли постоянно совершенствовала свое мастерство.

Когда через двадцать пять минут возвратились Спенсер и Рокки, Элли уже глубоко залезла в региональную систему, она быстро пролистала длинный список телефонов с указанными рядом адресами. Элли выбрала телефон на станции техобслуживания в Монтрозе, штат Колорадо, расположенной в шестидесяти шести милях к югу от Гранд-Джанкшена.

Через главную систему в региональной телефонной компании Элли смогла позвонить в полицию Гранд-Джанкшена. Ее звонок шел из их комнаты в мотеле через платный телефон в Монтрозе. Элли звонила по дежурному номеру для срочной помощи. Соответственно на экране оператора появлялся адрес этого платного телефона.

– Полиция Гранд-Джанкшена.

Элли начала сразу, безо всякого вступления.

– Мы увели вертолет «Белл джет-рейнджер» из Седар-Сити, штат Юта. Это было еще утром... – Когда дежурный оператор попытался прервать ее, чтобы задать уточняющие вопросы, Элли закричала: – Замолчите, замолчите! Я все скажу вам только один раз. Вам лучше все сразу запомнить или могут погибнуть люди! – Она улыбнулась Спенсеру, открывавшему пакеты, которые источали приятнейшие запахи. Он орудовал на маленьком столике. – Вертолет сейчас находится в национальном заповеднике Колорадо. Там остался экипаж. Они не ранены, но связаны. Если им придется провести там всю ночь, они замерзнут. Я сейчас один раз опишу вам, где находится вертолет. Вам лучше ничего не перепутать, если вы хотите спасти им жизнь.

Элли все подробно и четко объяснила и отключилась. Две вещи были сделаны. Трех человек в вертолете скоро найдут. А полиция Гранд-Джанкшена получила адрес телефонной будки в Монтрозе, в шестидесяти шести милях к югу отсюда. У полиции будет повод думать, что Элли и Спенсер поехали или на восток по федеральному шоссе номер пятьдесят в сторону Пуэбло или продолжали путь на юг по федеральному шоссе номер пятьсот пятьдесят в сторону Дюранго. У этих основных шоссе было множество ответвлений. Поэтому розыскные отряды Агентства могли быть полностью заняты. А Элли, Спенсер и мистер Рокки-собака поедут в Денвер по шоссе номер семьдесят.

* * *

Доктор Сабрина Пальма оказалась не такой простой женщиной. Впрочем, Роя это не удивляло. До прибытия в тюрьму он ожидал, что все пройдет не так гладко.

Могли быть выдвинуты возражения, обоснованные медицинскими, политическими принципами и принципами безопасности. Но как только он увидел ее и ее офис, он сразу понял, что самое главное для нее – это соображения финансового плана. Они будут ему мешать, а не этические соображения, которые выдвинет доктор Пальма.

Сабрина Пальма резко заявила:

– Я не могу себе представить никакие обстоятельства, угрожающие жизни президента и требующие одновременно, чтобы Стивен Акблом покинул это заведение. – Хотя она вернулась к своему роскошному креслу, но уже не сидела в нем так расслабленно. Присев на край кресла, она наклонилась вперед и положила руки на полукруглый стол. Ее ухоженные руки то сжимались в кулаки и замирали на блокноте, то нервно перебирали изящные фигурки

животных и ярких рыбок, изготовленных из хрусталя «Лалик». Они тоже стояли у нее на столе. – Он является очень опасной личностью, высокомерный и абсолютно эгоистичный человек. Он никогда не станет с вами сотрудничать, даже чтобы помочь сыну или помочь вам в его поисках. Я вообще не могу себе представить, каким образом он может быть вам полезен.

Рой все еще старался быть с ней предельно вежливым:

– Доктор Пальма, при всем моем уважении к вам, вы не можете себе представить и вам не станут объяснять, каким образом Стивен Акблом может помочь нам в нашей работе. И каким образом мы сможем получить от него помощь и сотрудничество. Речь идет о неотложных мерах национальной безопасности. Я не имею права сообщать вам какие-либо детали, даже если очень хотел бы это сделать.

– Мистер Коттер, этот человек опасен.

– Да, я представляю себе это.

– Вы меня не понимаете...

Рой вежливо перебил ее, указав на один из документов, лежавших на ее столе:

– Вы прочитали постановление суда. Оно подписано судьей высшего суда Колорадо. Оно передает Стивена Акблома на мое временное попечение.

– Да, но...

– Мне кажется, что, когда вы вышли из комнаты, чтобы позвонить, вы сразу же проверили подпись судьи, не так ли?

– Да, но в данном случае все в порядке. Он все еще находится на своем посту, и он лично все подтвердил мне.

Это действительно была настоящая подпись. Этот судья получал деньги от Агентства за сотрудничество с ним.

Но Сабрину Пальма это не удовлетворило.

– Ваш судья ничего не знает о подобном зле! У него нет никакого опыта общения с этим человеком.

Показав на другой документ на столе, Рой сказал:

– Могу ли я быть уверенным, что вы также проверили идентичность письма от моего босса, министра финансов? Вы звонили в Вашингтон?

– Я с ним не разговаривала. Конечно, нет.

– Он весьма занятой человек. Но у него есть заместители...

– Да, – неохотно подтвердила доктор. – Я говорила с одним из его заместителей. Он подтвердил эту просьбу.

Подпись министра финансов была подделана. Его заместитель, один из великого множества, симпатизировал идеям и работе Агентства. Он, видимо, все еще находился в кабинете министра после того, как давно закончился рабочий день. Ему следовало реагировать на нежелательные звонки, которые могли поступать по одному из засекреченных телефонов, который Рой сообщил Сабрине Пальма. Вдруг она пожелает позвонить туда еще раз.

Показав на третий документ у нее на столе, Рой продолжал:

– Теперь по поводу запроса от первого заместителя генерального прокурора. Вы ему звонили?

– Да, я ему звонила.

– Я так понимаю, что вы действительно знакомы с мистером Саммертоном, я прав?

– Да, мы встречались на конференции, посвященной обращению в суд по поводу психического заболевания подсудимого и ответных действий системы суда на подобные обращения. Это было примерно шесть месяцев назад.

– Я уверен, что мистер Саммертон был весьма убедителен.

– Конечно. Послушайте, мистер Коттер, я позвоню в офис губернатора, и мы можем подождать, пока...

– Простите, но боюсь, что у нас нет времени для этого. Я уже заявлял вам, что на карту

поставлена жизнь президента.

– Этот заключенный является чрезвычайно...

– Доктор Пальма, – сказал Рой. В его голосе появились стальные нотки, хотя он продолжал улыбаться. – Вам не следует беспокоиться, что вы потеряете курочку, которая несет вам золотые яйца. Я клянусь, что он вернется к вам под крылышко через сутки! – Ее зеленые глаза сверкнули мрачным огнем, но она ничего не ответила. – Мне не приходилось слышать о том, что Стивен Акблом продолжал рисовать после своего помещения в эту тюрьму, – заметил Рой.

Доктор Пальма быстро глянула на двух мужчин, стоявших у дверей. Они приняли выразительные позы строгих агентов секретной службы. Взгляд доктора Пальма обратился к Рою.

– Да, он рисует понемножку. Совсем мало. Две или три вещи в год.

– По существующим расценкам они стоят многие миллионы.

– Мистер Коттер, здесь не происходит ничего незтичного.

– Я даже не могу себе представить, что здесь может происходить что-то подобное, – невинно заметил Рой.

– Мистер Акблом по своему желанию, без всякого принуждения, отдает все права на свои новые произведения этому учреждению. Он это делает после того, как очередная картина надоедает ему, повисев в его камере. Все деньги от продажи его картин идут на пополнение фондов, которые финансирует наш штат Колорадо. Сегодня, при таком сложном состоянии экономики, штат выделяет слишком мало денег на тюрьмы, как будто осужденные люди не заслуживают нормальных условий жизни.

Рой легко провел рукой по гладкому краю стола стоимостью в сорок тысяч долларов. Его рука просто ласкала мебель.

– Да, я уверен, что без поддержки искусства Стивена Акблома вам было бы нелегко. – Она ничего ему не возразила. – Скажите мне, доктор, кроме двух или трех фундаментальных вещей, которые пишет Стивен Акблом ежегодно, наверное, он что-то еще «чирикает», чтобы быстрее проходили дни в заточении? Ну, может, это наброски или рисунки в карандаше, какие-то еще мелочи, которые он даже не включает в списки вещей, переданных в ведение администрации. Ну, вы понимаете, что я имею в виду: какие-то незначительные наброски, предварительные этюды, которые тем не менее стоят десять, а то и двадцать тысяч долларов каждый. Их ведь можно забрать домой, повесить у себя в ванной, так? Или просто сжечь вместе с остальным мусором? – Она так ненавидела его, что Рой бы не удивился, если бы румянец на ее лице испепелил ее снежно-белую кожу, как волшебную бумагу, которую используют фокусники. – Мне очень нравятся ваши часы, – сказал Рой, показывая на часы Пьяже на ее красивом запястье. На ободке часов бриллианты чередовались с изумрудами.

Четвертым документом, лежавшим на столе, был ордер о передаче Стивена Акблома под временную опеку Рою. Таково было распоряжение Верховного суда Колорадо. Рой все заранее подписал, пока они ехали в лимузине. Теперь этот документ подписала доктор Пальма.

Рой спросил ее:

– Принимает ли в данное время Стивен Акблом какие-то лекарства, которые мы должны продолжать давать ему?

Она посмотрела на него, и ее злость немного утихла.

– Нет, мы ему не даем никаких психотерапевтических средств. Ему они не нужны. Если пользоваться современными определениями психически больных людей, то он не принадлежит к их числу. Мистер Коттер, я хочу, чтобы вы поняли, что этот человек не проявляет никаких классических признаков психически больной личности. Он просто является социопатом. Да, это так. Природа дала ему неверную ориентацию. Он считается социопатом только потому, что мы знаем о его старых проделках. Он не высказывает ничего такого, что бы могло вас насторожить. Он ведет себя вполне нормально. Вы можете проверять его с помощью любого психологического теста, и он великолепно со всем

справится – абсолютно нормальный человек. Прекрасно ориентируется и приспособлен к жизни, сбалансированная личность. Он даже не является невротиком, но...

– Мне известно, что в течение шестнадцати лет он был примерным заключенным...

– Это ни о чем не говорит. Именно это я и пытаюсь вам втолковать. Послушайте, я – врач и специалист в психиатрии. Но в течение долгого времени, базируясь на опыте и наблюдениях, я перестала доверять психиатрии. Фрейд и Юнг – они оба просто дерьмо! – Это грубое слово подействовало на Роя, он не ожидал подобных выражений от такой элегантной дамы. – Их теории по поводу того, как действует человеческий разум, – просто никому не нужные упражнения в самооправдании. Философия, изобретенная, чтобы объяснить их собственные желания. Никто не знает, как действует наш разум. Даже когда мы применяем лекарства и пациент изменяет свое поведение, мы знаем только одно, *что* это лекарство действует, но не знаем *почему*! В случае с Акблом его поведение не связано ни с психическими, ни с физиологическими проблемами.

– У вас нет к нему сочувствия?

Она перегнулась через стол и внимательно посмотрела на Роя.

– Я уже сказала вам, мистер Коттер, что в мире присутствует зло. Зло, существующее без всяких причин, не основанное на чем-то рациональном, зло, не связанное ни с какой травмой или обидой, или насилием, или отсутствием ласки. По моему мнению, Стивен Акблом являет яркий пример зла. Он нормален в психическом смысле, абсолютно нормален. Он прекрасно понимает разницу между правильным и неправильным. Он совершал жуткие вещи, прекрасно понимая весь ужас содеянного. Он это делал, хотя его к этому не побуждали какие-то психические отклонения.

– У вас нет жалости к вашему пациенту? – снова спросил ее Рой.

– Он не мой пациент, мистер Коттер. Он – мой заключенный.

– Как бы он ни назывался, разве он не заслуживает некоторого сочувствия? Он человек, который упал с таких высот!

– Он заслуживает только пули в лоб и того, чтобы после похорон его могилу сровняли с землей, – резко ответила ему доктор Пальма. Она уже не была привлекательной. Она была похожа на ведьму – бледная, с черными, цвета воронова крыла, волосами. Глаза у нее были зеленые, как у злой кошки. – Но поскольку мистер Акблом признал себя виновным и поскольку так легче было поместить его сюда, штат поддержал утверждение, что он – психически больной человек.

Из всех людей, с которыми Рой встречался в своей жизни, ему не нравились весьма немногие и ненавидел он кого-то редко. В своем сердце он всегда находил к ним жалость, вне зависимости от их недостатков или их отношения к нему. Но он просто презирал доктора Сабрину Пальма.

Как только в его плотном рабочем расписании появится окно, он ее так накажет, что все беды, выпавшие на долю Гарри Дескоте, в сравнении с тем, что ждет Пальма, покажутся еще цветочками.

– Если вам не жаль Стивена Акблома, который убивал людей, – сказал Рой, поднимаясь с кресла, – мне кажется, что вам стоит найти жалость и сострадание хотя бы к Стивену Акблomu, который был к вам так щедр!

– Он – воплощение зла! – Доктор Пальма не сдавалась. – Он не заслуживает сочувствия. Вы можете использовать его, как вам будет угодно, а потом возвратите его сюда.

– Ну, может, вы *сами*, доктор, кое-что знаете о зле.

Пальма холодно сказала:

– Я знаю, что совершила грех, воспользовавшись тем, что Акблом находится у нас. Мистер Коттер, я все прекрасно понимаю. И мне все равно придется заплатить за этот грех. Но существует разница между греховным поступком, который совершается по слабости, и чистым злом. Я могу понять разницу между ними.

– Как это прекрасно, – сказал Рой и начал собирать бумаги.

Они сидели на кровати в мотеле и ели королевские бургеры, жареный картофель и шоколадное печенье. Рокки ел на полу, с разорванного пакета, куда ему положили еду.

Они встретили день в пустыне, и с тех пор прошло двенадцать часов, но казалось, что минула вечность.

Элли и Спенсер узнали так много друг о друге. Они ели молча, с удовольствием. Им было легко друг с другом.

Но Спенсер поразил Элли, когда после еды заявил, что хотел бы заехать на ранчо недалеко от Вэйля, по дороге в Денвер. Пожалуй, слово «поразил» не совсем точно передает ее изумление, когда он ей сообщил, что ранчо все еще принадлежит ему.

– Я, наверное, всегда подозревал, что мне придется туда вернуться, – сказал Спенсер, не глядя на Элли. Он утратил аппетит и отложил недоеденный кусок. Он сидел на постели в позе лотоса, положив руки на правое колено и так пристально глядя на них, как будто они были предметами из загадочной Атлантиды. – Вначале, – продолжал он, – мои дедушка и бабушка не стали расставаться с ранчо, потому что не хотели, чтобы кто-то, купив его, сделал из этого места приманку для вездесущих туристов. И чтобы газетчики не лазили в подземные помещения, сочиняя еще более ужасные истории, чем та, что произошла на самом деле. Тела оттуда убрали, все вычистили, но все равно это было то самое место, и оно *могло* привлекать к себе нездоровый интерес. Потом я начал лечиться, я лечился почти целый год. Врач считал, что нам нужно сохранить ранчо до тех пор, пока я смогу туда приехать.

– Почему? – спросила Элли. – Зачем вам нужно туда возвращаться?

Спенсер колебался, но потом ответил ей:

– Потому что я не помню часть той ночи. Я не мог вспомнить, что случилось в самом конце, после того как я стрелял в него...

– Что вы имеете в виду? Вы в него выстрелили и побежали, чтобы позвать на помощь, и это все?

– Нет.

– А что?

Спенсер покачал головой. Он все еще не отводил взгляда от своих рук. Они лежали очень спокойно. Как будто были изваяны из мрамора, руки, лежавшие у него на колене.

Наконец он сказал:

– Мне нужно все выяснить. Мне нужно туда вернуться и спуститься вниз, и все узнать. Потому что, если я не сделаю этого, я никогда не... смогу доверять себе... и примириться с собой, и я не буду хорош для вас...

– Вы не можете туда вернуться сейчас, когда за вами гонится Агентство.

– Они не станут нас искать там. Они не смогут узнать, кто я на самом деле. Кем я был раньше и что меня зовут Майкл. Они не смогут этого узнать.

– Они могут все узнать, – сказала Элли.

Она взяла сумку и достала из нее конверт с четырьмя фотографиями, которые нашла на полу в «Джет-рейнджере» под своим сиденьем. Элли протянула фотографии Спенсеру.

– Они нашли их в коробке из-под ботинок у меня в домике в Малибу, – сказал Спенсер. – Они, наверное, забрали их с собой, чтобы выяснить... Вы не сможете узнать... моего отца. Никто не сможет его узнать по этой фотографии.

– Нельзя быть ни в чем уверенным.

– Но я не владею никакой собственностью под тем именем, которое они могут связать со мной. Даже если они доберутся до закрытых судебных протоколов и обнаружат, что я поменял имя, оставив в прошлом фамилию Акблом. Я владею ранчо с помощью оффшорной корпорации.

– Спенсер, в Агентстве работают умные и хитрые люди.

Спенсер посмотрел ей в глаза.

– Хорошо, я согласен, что они могут все узнать, но не за такое короткое время. Тогда

тем более я должен съездить туда именно сегодня. У меня просто не будет подобного шанса после того, как мы отправимся в Денвер, а потом начнем наше путешествие неизвестно куда. Если я вообще когда-нибудь вернусь в Вэйль, они действительно смогут узнать, что я до сих пор владею ранчо. Значит, я никогда не смогу туда приехать и покончить со старым. Мы проезжаем мимо Вэйля по пути в Денвер. Нам будет нужно шоссе номер семьдесят.

– Я знаю, – сказала Элли дрожащим голосом.

Она вспомнила, что, когда они летели над Ютой, ей вдруг показалось, что он не переживет ночь, чтобы вместе с ней встретить утро.

Спенсер продолжил:

– Если вы не хотите ехать туда со мной, мы можем обо всем договориться. Но... но если даже я буду уверен, что Агентство никогда не узнает, кому принадлежит ранчо, мне все равно нужно туда съездить именно сегодня. Элли, если я не поеду туда сейчас, когда у меня есть смелость, чтобы сделать это, потом у меня уже может не хватить этой смелости. Мне потребовалось шестнадцать лет...

Элли сидела молча, уставившись на свои руки. Потом она встала и пошла к компьютеру. Он все еще был включен и подсоединен к модему. Элли села за компьютер.

Он пошел за Элли к столу.

– Что вы делаете?

– Какой адрес ранчо? – спросила она его.

Этот адрес, как часто бывает в сельской местности, не указывал номер дома на определенной улице. Спенсер объяснил ей это. Потом Элли попросила, чтобы он повторил адрес еще раз.

– Но что такое? Что вы собираетесь делать?

– Как называется оффшорная компания?

– "Венишмент интернешнл"¹.

– Вы шутите?

– Нет.

– И как же называется документ – «Венишмент интернешнл»? И она фигурирует в налоговых инспекциях именно под этим названием?

– Угу. – Спенсер придвинул стул и сел рядом с Элли. Рокки тоже подошел к ним. Он решил проверить, не осталось ли у них еще еды. – Элли, скажите мне, в чем дело?

– Я хочу прочитать записи о владении землей, – сказала она. – Потом попытаюсь получить карту местности, где расположено ваше ранчо. Мне понадобится его точное географическое расположение. Было бы неплохо, если бы мне удалось это сделать.

– И зачем вам все это нужно?

– Боже ты мой, если мы собираемся ехать туда, если мы собираемся так рисковать, тогда нам нужно как следует подготовиться и к возможной неприятной встрече. – Она больше говорила с собой, чем с ним. – Мы должны постараться застраховать себя от любых случайностей.

– О чем вы говорите?

– Слишком сложно. Потом, потом. Теперь мне нужна тишина!

Ее быстрые руки мелькали над клавиатурой. Спенсер смотрел на экран, когда Элли перешла от файлов Гранд-Джанкшена к компьютеру в суде Вэйля. Потом она начала снимать послойно все сведения в банке данных этого района.

* * *

Знаменитый и несчастный Стивен Акблом сидел рядом с Роем в лимузине. На нем были слегка великоватый костюм, который привезли с собой люди из Агентства, и пальто, такое же, как у трех агентов. И еще он был в наручниках и кандалах.

Художнику исполнилось уже пятьдесят три года, но казалось, что он почти не постарел

¹ Vanishment – букв. «исчезновение» (англ.).

с тех пор, когда его имя и фотографии мелькали на первых полосах газет. Тогда короли сенсации называли его «Вампиром из Вэйля», «Сумасшедшим с гор» и «Ненормальным Микеланджело». Его волосы оставались густыми, блестящими и черными, лишь на висках появилась седина.

Красивое лицо было гладким и моложавым, без морщин на лбу. От крыльев носа спускались две бороздки, проложенные улыбкой, и в уголках глаз появились «гусиные лапки», но Акблома это не старило. Совсем наоборот – создавалось впечатление, что хотя в своей жизни он не избежал страданий, но гораздо больше в ней было удовольствий.

Самым привлекательным в Акбломе были его глаза. Они обращали на себя внимание и на фотографии, которую Рой нашел в доме Спенсера в Малибу, и на других фотографиях, появлявшихся в газетах и журналах шестнадцать лет назад. Сейчас у него исчезло то выражение надменности, которое Рой смог разглядеть на старой темной фотографии. Может, он просто его придумал. Теперь на лице Акблома читалась спокойная уверенность. И полностью отсутствовала угроза, которую всегда можно разглядеть на фотографии любого человека, о котором вы знаете, что он преступник.

Взгляд Стивена Акблома был прямым и приятным. В нем не содержалось угрозы.

Рой был поражен, и поражен приятно, когда прочитал в глазах Акблома выражение покоя и нежности мягкости и симпатии. Исходя из этого, Рой сделал вывод, что Стивен Акблом был человеком мудрым и хорошо понимал, чего можно ждать от человечества.

Даже в неосвещенном лимузине, в окна которого отбрасывали слабый свет мелькавшие мимо уличные фонари, Акблом все равно был замечен. Было видно, что он сильная личность. Но ни в коем случае не такая, как пыталась представить падкая на сенсации пресса. Он сидел очень спокойно, но его молчание говорило больше, чем развернутые речи заранее подготовившихся ораторов.

Чувствовалось, что он многое замечает и держится настороже. Он сидел почти не двигаясь. Иногда подкреплял свои слова жестом, и его руки в наручниках двигались так плавно, что цепь почти не издавала никакого звука. Его поза была расслабленной, не напряженной, но и не вялой, в ней чувствовалась сила. Этого было нельзя не заметить. Жизненные силы переполняли его, а мозг, казалось, был подобен машине, способной двигать миры и изменять космос.

За свои тридцать два года Рой Миро встретил только двух людей, чье физическое присутствие почти сразу вызвало влюбленность. Первой была Ева Мари Джаммер, второй – Стивен Акблом. Он их встретил в одно и то же время. В этом удивительном феврале судьба стала его компаньоном и его прикрытием. Он сидел рядом со Стивеном Акбломом и старался не проявлять своего восхищения. Ему очень хотелось, чтобы Стивен Акблом понял, что он – Рой Миро, был личностью, обладавшей глубокой интуицией и много чего добившейся в жизни.

Ринк и Фордайс (Олмейер и Таркентон прекратили свое существование, как только они покинули офис доктора Пальма) ничем не проявляли свою симпатию к художнику. Но Рой был им очарован. Парни не обращали ни малейшего внимания на высказывания Акблома. Фордайс постоянно прикрывал глаза, будто в глубокой задумчивости. Ринк глазел в окно, хотя он ничего не мог рассмотреть в ночи через затемненное стекло.

Когда время от времени жест Акблома вызывал звон наручников или было слышно позвякивание кандалов, Фордайс быстро раскрывал глаза, похожие на невидящие бессмысленные глаза куклы. А Ринк резко переводил взгляд от темного окна на художника. В остальное время они не обращали на него никакого внимания.

К сожалению, Ринк и Фордайс, видимо, уже составили свое мнение об Акбломе. Оно скорее всего основывалось на сведениях, почерпнутых из средств массовой информации. Они были не в состоянии иметь свое собственное мнение, делать свои выводы и заключения. Конечно, Роя это не удивляло.

Ринк и Фордайс были людьми действия, им чужды были любые размышления.

Конечно, Агентству нужны подобные люди, хотя у них отсутствовало чувство

перспективы. Они жалкие, весьма ограниченные личности. Когда они покинут этот мир, он немного приблизится к совершенству.

– В то время я был совсем молодым, всего на два года старше вашего сына, – говорил Рой. – Но я понимал, чего вы старались достигнуть.

– И чего же? – спросил художник. У него был приятный, обволакивающий баритональный тенор.

Судя по тембру голоса, Акблом, если бы захотел, мог бы сделать карьеру профессионального певца.

Рой начал излагать свои теории по поводу работ Акблома.

Он говорил, что загадочные и странные портреты изображают не проклятые желания людей, которые зреют в их прекрасных телах, подобно тому, как растет давление внутри нагревающегося котла. Портреты нужно рассматривать рядом с натюрмортами, и вместе они рассказывают о человеческих желаниях и борьбе людей за совершенство.

– И если ваша работа с живыми существами помогала им достигнуть совершенной красоты даже на короткое время, перед тем как они умирали, тогда ваши преступления были на самом деле не преступлениями, а актами благотворительности, проявлением глубокого сочувствия, потому что в мире почти не существует людей, которые хоть раз в жизни испытали момент совершенства. Вместе с мучениями эти сорок человек, и, видимо, ваша жена тоже, получили великолепный опыт. Если бы они смогли выжить, то, наверное, со временем стали бы вас благодарить.

Рой говорил все это очень искренне, хотя раньше считал, что Акблом заблуждается. Что он использовал не те средства для достижения Грааля совершенства! Но это было до того, как он встретился с Акблом. Теперь ему стало стыдно, что он недооценивал художника – его талант и острый ум.

Ринк и Фордайс не выражали ни интереса, ни удивления, слушая Роя. За время своей службы в Агентстве они наслушались наглой лжи, которая излагалась искренне и красиво, и сейчас явно считали, что их босс играет с Акблом в кошки-мышки, мудро манипулирует им, чтобы этот сумасшедший стал с ними сотрудничать и таким образом облегчил им проведение операции.

Рою было жутко приятно выражать свои искренние чувства и представления и знать, что Акблом полностью понимает это. А Ринк и Фордайс пусть считают, что он ведет с ним хитрые игры.

Рой не пошел так далеко, чтобы поведать о своем личном вкладе в устранение несовершенства мира.

Рассказы о Беттонфилдах из Беверли-Хиллз, Честере и Джиневре из Бербанка, о паралитике и его жене, которых Рой встретил у ресторана в Вегасе, могут поразить даже Ринка и Фордайса, если он поведает обо всем детально. И они, пожалуй, не поверят, что он все только что выдумал, чтобы завоевать доверие Акблома.

– Мир может стать гораздо лучше, – продолжал развивать свою теорию Рой. Он старался не вдаваться в детали. – Необходимо только слегка проредить ряды производителей. Сначала уничтожать наименее идеальных членов общества. Работу всегда следует начинать с самого низа. В конце концов останутся только те, кто соответствует стандартам идеальных граждан, и они помогут построить более возвышенное и грамотное общество. Вы согласны со мной?

– Это будет удивительно интересный и захватывающий процесс, – ответил Акблом.

Рой решил, что художник с ним согласен.

– Да, я тоже так думаю.

– Особенно, если вы окажетесь в комитете по уничтожению неидеальных людей, а не среди тех, кого придется уничтожать, – добавил Акблом.

– Да, конечно, это не подлежит обсуждению.

Акблом лениво улыбнулся.

– Тогда это действительно забавно.

Они ехали к Вэйлю по шоссе номер семьдесят, решив не пользоваться самолетом. На машине дорога займет всего два часа. А если лететь, то придется возвращаться в Денвер из Степлтона, где расположена тюрьма, потом ждать, когда разрешат взлет, потом лететь – все вместе отнимет больше времени. Кроме того, лимузин уютнее, чем самолет, и в нем Рой сможет провести все время с художником. При перелете не представилась бы возможность для столь тесного общения.

Пока машина пожирала милю за милей, Рой начал понимать, почему Стивен Акблом произвел на него такое же сильное впечатление, как Ева Джаммер. Хотя Акблом был интересным мужчиной, в нем не было идеальных черт. Но все равно почему-то он казался идеальным. Рой чувствовал это. От него исходило сияние, рождалось ощущение гармонии. Успокаивающие флюиды. В чем-то Акблом был совершенно идеален. Рой все еще не мог понять, какие именно качества художника приближались к идеалу. Они были окутаны удивительной и манящей тайной, но Рой был уверен, что, когда они прибудут на ранчо, он все поймет.

Дорога поднималась все выше, и лимузин мчался через бескрайние древние леса, покрытые снегом, прямо к серебристому свету луны.

Шуршали шины, и за затемненным окном все, мимо чего они проносились, становилось смазанным пятном.

* * *

Пока Спенсер вел украденный черный пикап на восток по шоссе номер семьдесят из Гранд-Джанкшена, Элли донимала компьютер. Она включила его в зажигалку на приборной доске и положила компьютер на подушку, украденную в мотеле. Элли периодически сверялась с картой и другой информацией о ранчо, которая была у нее на распечатке.

– Что вы делаете? – не первый раз спросил у нее Спенсер.

– Рассчитываю.

– Что это за расчеты?

– Ш-ш-ш-ш. Рокки спит.

Элли достала из сумки мягкие диски и вставила их в компьютер. Видимо, там были программы, разработанные самой Элли. Пока он два дня метался в горячке в пустыне Мохав, она смогла их приспособить к его компьютеру. Когда он спросил ее, почему она решила дублировать работу своего собственного компьютера – он, кстати, пропал потом вместе с «Ровером» – и приспособить свои программы к совершенно иной системе Спенсера, Элли сказала:

– Я раньше была герлскаут. Помните? Мы всегда готовимся ко всему заранее.

Он не знал, какие программы были записаны у нее на дискетах. На экране мелькали схемы и диаграммы. По ее команде вращались голографические глобусы. Она вычленяла какие-то районы с этих глобусов, увеличивала и внимательно изучала их.

Им нужно было всего три часа, чтобы добраться до Вэйля. Спенсер предпочел бы использовать это время для беседы, чтобы побольше узнать друг о друге. Три часа – такой короткий срок, особенно если они окажутся последними часами, проведенными вместе.

Глава 14

Когда Гарри Дескоте вернулся после прогулки по холмистым улицам Вествуда, он ничего не сказал никому о своей встрече с высоким человеком в синей «Тойоте». Он не был уверен, что она не почудилась ему. Все было настолько неправдоподобно. Кроме того, Гарри до сих пор не решил, кто же этот незнакомец – друг или враг. Ему не хотелось волновать Джессику и Дариуса.

Позже, когда Ондина и Вилла вернулись со своей теткой из магазинов, а сын Дариуса и Бонни – Мартин – возвратился из школы, Дариус решил, что им нужно немного развлечься.

Он посадил всех семерых в небольшой автобус, который сам любовно отремонтировал. Они собрались поехать в кино, а потом поужинать в «Гамлет-Гарденс».

Гарри и Джессика не хотели идти ни в кино, ни в ресторан. Им следовало экономить каждый доллар. Даже Ондина и Вилла при всей гибкости их подростковой психики все еще не оправились после налета на их дом и тем более после того, как их всех выгнали из собственного дома.

Но Дариус настаивал, что им следует встряхнуться, чтобы отвлечься от неприятностей. Именно эта настойчивость помогла ему стать прекрасным адвокатом.

Так получилось, что в шесть пятнадцать вечера в понедельник Гарри оказался в кинотеатре, где собралась шумная публика. Он не находил юмора в сценах, над которыми хохотал весь зал, и у него начался новый приступ клаустрофобии. Виной были темнота и теснота в помещении. От толпы исходило тепло многих тел. Сначала Гарри не мог глубоко вздохнуть, а потом у него закружилась голова и его начало мутить. Он испугался, что ему станет еще хуже, и прошептал Джессике, что ему нужно в туалет. Джессика начала волноваться, Гарри потрепал ее по руке, слабо улыбнулся и поспешил из зала.

В мужском туалете никого не было. Гарри пустил холодную воду в одну из четырех раковин и начал плескать в лицо, чтобы прийти в себя от духоты переполненного зала и прекратить головокружение.

Шум воды помешал ему услышать, как кто-то вошел в туалет. Когда Гарри поднял голову, он был уже не один в помещении.

Вошедшему мужчине азиатской внешности было около тридцати лет. На нем были мягкие туфли, джинсы, темно-синий свитер с мчащимся красным оленем на груди. Незнакомец стоял у последней раковины и причесывался. Глядя в зеркало, он встретился глазами с Гарри и улыбнулся:

– Сэр, могу я вам что-то сообщить, о чем вам следует задуматься?

Гарри вспомнил, что человек из синей «Тойоты» тоже обратился к нему именно с таким вопросом. Пораженный, Гарри попятился назад и натолкнулся на вращающуюся дверь одной из кабинок. Он покачнулся, чуть не упал и ухватился за качающуюся дверь.

– Некоторое время экономика в Японии процветала, и мир решил, что большое правительство и большой бизнес смогут работать рука об руку.

– Кто вы? – спросил Гарри. Он все еще не мог понять, в чем дело.

Улыбающийся незнакомец не обратил внимания на вопрос и продолжал:

– Теперь мы слышим о национальной индустриальной политике. Большой бизнес и правительство заключают сделки каждый день. «Бизнес продвигает мои социальные программы и представляет мне большую власть, – говорит правительство, – и я гарантирую ему повышение доходов».

– Какое это имеет отношение ко мне?

– Терпение, мистер Дескоте.

– Но...

– Членов профсоюзов обманывают, потому что их боссы связаны с правительством. Мелкие бизнесмены теряют прибыли и свое дело, потому что они не в состоянии платить огромные деньги. Теперь министр обороны хочет использовать военных в качестве рычага экономической политики. – Гарри вернулся к раковине, где он не закрыл кран с холодной водой, и прикрутил его. – Союз бизнеса и правительства, подкрепленный внутренней и военной политикой, – когда-то все это называлось фашизмом. Мистер Дескоте, мы свидетели фашизма в наше время? Или это что-то новенькое и нам не следует волноваться? – Гарри дрожал. Он чувствовал, что у него с лица капает вода и руки тоже мокрые. Тогда он взял несколько бумажных полотенец из упаковки. – Мистер Дескоте, если даже это что-то новенькое, принесет ли подобное явление кому-нибудь добро? Может быть. Может, мы пройдем через период приспособления, а потом все станет просто великолепно. – Он улыбнулся и кивнул головой, как бы оценивая подобное предположение. – Но возможно, подобный союз превратится в новый ад.

– Мне все это неинтересно, – сердито сказал Гарри. – Я не занимаюсь политикой.
– Вам и не нужно это делать. Чтобы вы могли защищаться, вам следует обладать информацией.
– Послушайте, я не знаю, кто вы такой, мне просто нужно вернуть назад свой дом и возможность жить по-прежнему. Мне хочется, чтобы все было, как раньше.
– Мистер Дескоте, такого не будет.
– Почему все это случилось со мной?
– Мистер Дескоте, вы читали книги Филиппа К. Дика?
– Кого? Нет.
Гарри почувствовал себя героем книжки о Белом кролике и Чеширском Коте¹.
Незнакомец грустно покачал головой.
– Мистер Дик писал о футуристическом мире, это как раз тот мир, в который мы сейчас скатываемся. Это страшное место, мир мистера Дика. И там, как нигде, людям нужны друзья.
– Вы – друг? – спросил его Гарри. – Вообще, кто вы такие?
– Не торопитесь и подумайте о том, что я вам сказал.
Мужчина направился к двери.
Гарри хотел его остановить, но потом передумал. Через секунду он остался один.
У него вдруг закрутило в животе. Значит, он не обманул Джессику – ему действительно нужно было в туалет.

* * *

Когда они подъехали ближе к Вэйлю, Рой Миро позвонил из лимузина Гэри Дювалью.
– Все спокойно? – спросил он.
– Они пока еще не прибыли, – ответил Дюваль.
– Мы скоро приедем.
– Вы думаете, что они здесь появятся?
Угнанный «Джет-рейнджер» и его экипаж нашли в национальном заповеднике Колорадо. Полиция Гранд-Джанкшена проследила телефонный звонок женщины до Монтроза. Следовательно, женщина и Спенсер Грант бежали к югу в сторону Дюранго. Но Рой не верил в это. Он знал, что телефонный звонок можно переадресовать в другое место с помощью компьютера. Он верил не прослеженному телефонному звонку, а власти прошлого над людьми. Там, где встретятся прошлое и настоящее, он и найдет беглецов.
– Они появятся, – сказал Рой. – Космические силы с нами!
– Космические силы? – переспросил Дюваль. Он решил, что это шутка, и ждал, когда можно будет смеяться.
– Они приедут, – повторил Рой и отсоединился.
Акблом сидел рядом с Роем. Он был молчалив и серьезен.
– Мы будем там через несколько минут, – сказал ему Рой.
Акблом улыбнулся:
– Нет места лучше, чем родной дом.

* * *

Спенсер вел машину уже полтора часа, когда Элли наконец выключила компьютер и вытащила вилку из зажигалки машины. У нее на лбу проступал пот, хотя в машине было совсем не жарко.
– Только Господь Бог знает, разработала ли я хорошую защиту или планирую двойное самоубийство, – сказала она Спенсеру. – Может случиться и так и эдак. Но, если нам будет необходимо, мы сможем этим воспользоваться.
– Чем воспользоваться?

¹ Имеется в виду книга Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес».

– Я вам не скажу, – прямо ответила ему Элли. – Объяснения займут много времени. И потом вы попытаетесь меня отговорить и только снова зря потеряете время. Я знаю все контраргументы и уже отмела их прочь.

– Так спорить гораздо легче, выступая от имени обеих сторон.

Элли не улыбнулась.

– Если дело осложнится, у меня не будет выбора, и придется воспользоваться этим, каким бы безумием все ни казалось.

Рокки проснулся, он лежал на заднем сиденье. Спенсер спросил его:

– Парень, ты все понимаешь, не так ли?

– Вы можете спрашивать меня о чем угодно, только не о том, что я подготовила, – сказала Элли. – Если я буду об этом говорить или даже слишком много думать, то побоюсь использовать, когда настанет время, *если* оно настанет. Я молю Бога, чтобы нам не понадобилось все это.

Спенсер раньше не слышал, чтобы Элли рассуждала подобным образом. Она всегда держала себя в руках. Сейчас она его пугала, она просто не владела собой.

Рокки часто задышал и просунул голову вперед между двумя сиденьями. Одно ухо вверх, другое вниз. Он отдохнул, и теперь ему все было интересно.

– Мне кажется, у тебя все в порядке, – сказал ему Спенсер. – Но зато я весь в сомнениях и похож на жука, который бьется головой о стеклянную банку, чтобы наконец выбраться из нее. Однако кажется, что носители высшего разума, как, например, представители собачьих, уже давно поняли, о чем говорит нам эта женщина.

Элли смотрела вперед и задумчиво потирала подбородок косточками согнутых пальцев правой руки.

Она сказала, что он может спрашивать ее о чем угодно, кроме *этого*, не сказав, что *это* такое. Спенсер задал ей вопрос:

– Куда собиралась ехать Бесс Беер, когда я все ей подпортил? Куда вы направлялись на «Ровере» и где хотели начать новую жизнь?

– Я нигде не собиралась оставаться надолго, – сказала Элли. Она его услышала. – Этого нельзя делать. Рано или поздно они меня найдут, если я пробуду слишком долго в одном месте. Я уже потратила много своих денег... и кое-какие деньги моих друзей... купила себе «Ровер». Мне казалось, что я смогу все время двигаться дальше и дальше и побываю почти везде.

– Я вам заплачу за «Ровер».

– Я совсем не это имела в виду.

– Я знаю. Но все мое – оно и ваше.

– О? С каких это пор?

– Я не стану ничего требовать от вас взамен, – сказал ей Спенсер.

– Я всегда сама плачу за себя.

– Нам не стоит спорить об этом.

– То, что вы говорите, подписано и обжалованию не подлежит, так?

– Нет, решающее слово остается за собакой.

– Это Рокки так решил?

– Он заботится о моих финансах.

Рокки улыбнулся – ему нравилось, когда упоминали его имя.

– Если это идея Рокки, я обещаю подумать, – сказала Элли.

Спенсер спросил:

– Почему вы называете Саммертона тараканом? И почему его это так злит?

– Том жутко боится всех насекомых. Любых. Он шарахается даже от обычной мухи. Но особенно ему неприятны тараканы. Когда он видит таракана, – а в Бюро по борьбе с наркотиками и незаконным владением оружием было много тараканов, – он просто пробивает головой потолок. Дело доходило до смешного. Как в комиксах, когда слон видит мышку! Спустя несколько недель после... после того, как убили Дэнни и моих родителей, и

после того, как я оставила свои попытки связаться с журналистами и рассказать им все, что мне было известно, я позвонила старику Тому в его офис департамента юстиции. Я просто позвонила ему с платного телефона в Чикаго.

– Боже мой!

– Я позвонила ему по засекреченному номеру, самому секретному из секретных, он всегда сам снимает трубку этого телефона. Он был удивлен и пытался изображать из себя святую невинность. Он хотел, чтобы я продолжала говорить с ним, пока меня не застукают в этом платном телефоне. Я сказала, что ему не следует бояться тараканов, потому что он сам и есть таракан. И что когда-нибудь я растопчу его, то есть убью. Я не просто ему угрожала. Когда-нибудь, еще не знаю как, я его пошлю прямо в ад!

Спенсер глянул на нее. Она смотрела вперед, прямо в ночь и была мрачной и грустной. И такой тоненькой – на нее было приятно смотреть, как на хрупкий цветок.

Но она была в то же время стойкой и жесткой, как солдат спецназа. Спенсер ясно видел в ней это.

Он безумно любил ее. Его любовь ничем не сдерживалась. Его страсть было невозможно измерить. Он обожал черты ее лица, звук ее голоса, ее необычную живость и выносливость. Обожал доброту ее сердца и остроту ума. Его любовь была такой чистой и сильной, что иногда, когда он смотрел на нее, ему казалось, замирает весь мир. Он молил Бога, чтобы судьба смилостивилась над ней и Элли посчастливилось прожить долгую жизнь, потому что, если она умрет, у него не останется надежды. Совсем никакой надежды.

Он ехал в ночи мимо Райфла, и Силта, и Ньюкасла, и Гленвуд Спрингса. Шоссе часто спускалось на дно узких и глубоких каньонов, расположенных среди отвесных отполированных скал. Днем это были самые прекрасные места в мире.

Но в темноте февральской ночи эти скалистые башни и стены давили на Спенсера. Черные монолиты не давали ему возможности свернуть вправо или влево и постоянно направляли его все выше и выше к таким нагромождениям камней, которые, казалось, ждали гостей еще до того, как мир начал свое существование. Со дна пропасти была видна только узенькая полоска неба с редкими звездами. Казалось, что небеса больше не могут принимать к себе души и вскоре навсегда закроют свои врата.

* * *

Рой нажал кнопку на ручке сиденья. Стекло с тихим шуршанием поехало вниз.

– Все так, как вы помните? – спросил он Стивена Акблома.

Когда они свернули на двухрядную сельскую дорогу, Акблом перегнулся через колени Роя, чтобы глянуть в окно.

Нетронутый снег запорошил круг для выгула лошадей перед конюшнями. В течение двадцати двух лет там не содержали лошадей, со времени гибели Дженнифер. Это она обожала лошадей, а ее муж был к ним равнодушен.

Забор был прочный и такой белый, что с трудом различался на фоне заснеженных полей.

Извивающаяся дорога к дому проходила между высокими сугробами снега. Снегоочиститель воздвиг их по обе стороны от дороги.

По просьбе Стивена Акблома водитель остановил машину перед домом, а не поехал прямо к флигелю.

Рой поднял окно, пока Фордайс снимал с Акблома наручники и кандалы. Рою не хотелось больше подвергать унижению своего гостя.

Во время поездки в горах Рой и художник поняли друг друга. Это взаимопонимание было гораздо глубже той приязни, которую можно было почувствовать за столь короткий срок.

Взаимоуважение могло обеспечить помощь и сотрудничество Стивена Акблома скорее, чем наручники и кандалы.

Рой и художник покинули лимузин. Ринк, Фордайс и водитель остались ждать их.

Ветра не было, но мороз стоял крепкий.

Окруженные забором лужайки, газоны у дома белели и слегка светились в серебристом свете неполной луны. Вечнозеленые кустарники посеребрил снег. Оголенный клен с обледеневшими ветвями отбрасывал слабую тень.

Двухэтажный сельский дом в викторианском стиле был белым с зелеными ставнями. Глубокая веранда занимала всю фасадную часть. Крышу подпирали белые столбы с зеленой окантовкой. Рыжевато-коричневый карниз отмечал границу между стенами и крышей, с которой свисала бахрома маленьких сосулек.

В окнах было темно. Дресмунды не отказали в просьбе Дювалю и проводили эту ночь в Вэйле. Им, должно быть, было любопытно, что происходило на ранчо в это время. Но они продали свои обязанности за ужин в четырехзвездном ресторане – шампанское, апельсиновая клубника в шоколаде и отдых в роскошном номере отеля. Позже, когда Грант погибнет и им уже не придется следить за домом, они, наверное, пожалеют о такой дешевой сделке!

Дюваль и его двенадцать человек рассредоточились по всему поместью. Они знали свое дело – Рой не заметил ни одного из них.

– Здесь так чудесно весной, – сказал Стивен Акблом. Он говорил без сожаления, просто вспоминая красоты этих мест. Он вспоминал майские утра, полные солнца, теплые вечера с огромными звездами на небе и песни сверчков.

– Сейчас здесь тоже чудесно, – заметил Рой.

– Да, верно.

Акблом повернулся, чтобы посмотреть на свое бывшее поместье, на его губах появилась грустная улыбка.

– Я был здесь счастлив.

– Мне легко вас понять, – сказал Рой.

Художник вздохнул:

– "Радость часто мимолетна, но боль жестока и долго не оставляет нас".

– Простите?

– Китс, – объяснил ему Акблом.

– О! Простите, если вам неприятно здесь находиться.

– Нет-нет. Не волнуйтесь по этому поводу. Меня это не расстраивает. Я не подвержен депрессии. Я снова вижу это место и... это сладкая боль, ее стоит пережить.

Они опять уселись в лимузин и поехали к флигелю позади дома.

* * *

В маленьком городке Игл, к западу от Вэйля, Спенсер и Элли остановились, чтобы заправиться. В крохотной лавчонке, рядом с заправочной станцией, Элли удалось купить два тюбика «суперклея» – в лавочке и было всего лишь два тюбика.

– Зачем «суперклея»? – спросил ее Спенсер, когда она вернулась в машину. Он как раз расплачивался наличными с работниками заправочной станции.

– Потому что гораздо сложнее найти здесь сварочный аппарат и все остальное.

– Да, конечно, вы правы, – подтвердил он, как будто понимая, о чем она говорила.

Элли была очень серьезной, словно иссяк запас ее улыбок.

– Сейчас не очень холодно, и я надеюсь, что клей затвердеет...

– Я могу поинтересоваться, что вы собираетесь делать со своим «суперклеем»?

– Склеить кое-что.

– Да, конечно, наверное, это так и есть.

Элли села сзади рядом с Рокки.

Спенсер повел машину, как просила Элли, мимо ремонтной мастерской при заправочной станции и остановился у высокой стены из снега позади станции.

Увертываясь от теплого языка собаки, Элли приподняла вверх стекло маленького окошка между салоном машины и багажным отделением. Она приподняла его только на дюйм.

Из сумки она достала оранжевый удлинитель. Она забрала его с собой, когда им пришлось покинуть «Ровер». У нее был адаптер, который мог превратить зажигалку любой машины в две электрические розетки, работавшие от мотора во время движения машины. И наконец, у нее были компактное устройство спутниковой связи с автоматическим слежением и похожий на летящую тарелку приемопередающий диск.

Спенсер открыл дверцу багажника, а Элли влезла внутрь и истратила почти весь «суперклей», чтобы крепко приклеить микроволновое приемопередающее устройство.

Спенсер заметил, что для этого было бы достаточно всего лишь несколько капель клея.

– Я должна быть уверена, что в самый неподходящий момент ничего не отклеится. Устройство должно быть стационарным.

– Вы использовали столько клея, что теперь для того, чтобы отодрать этот прибор, вам придется применять портативное ядерное устройство.

Рокки наблюдал за ними через заднее окошко машины. От любопытства он наклонил голову набок.

Клей высыхал довольно долго – то ли потому, что Элли не поскупилась, то ли потому, что было слишком холодно. Но через десять минут микроволновый приемопередатчик был накрепко приклеен к полу багажника.

Элли развернула принимающий диск. Она присоединила один конец удлинителя к приемопередатчику, потом засунула пальцы в узкую щель между салоном и багажником и пропустила удлинитель в заднюю часть салона.

Рокки протиснул морду через окно и лизал руки Элли, пока она работала.

Когда провод между окном и приемопередатчиком натянулся, Элли оттолкнула нос Рокки и опустила окно вниз, но так, чтобы не повредить провод.

– Мы что, будем следить за кем-то с помощью спутника? – спросил ее Спенсер, когда она вылезла из багажника.

– Информация – сила, – ответила ему Элли.

Спенсер плотно закрыл багажник и сказал:

– Конечно, конечно, вы правы.

– И я обладаю весьма важной информацией.

– Я в этом ни на минуту не сомневаюсь.

Они вернулись в салон машины.

Элли протянула удлинитель вперед и воткнула вилку в одну из розеток, сделанных с помощью адаптера из зажигалки.

Во вторую розетку она включила компьютер.

– Все в порядке, – мрачно сказала она. – Следующая остановка – Вэйль.

Спенсер включил мотор.

* * *

Ева Джаммер была очень возбуждена, ей даже было трудно управлять машиной. Она ездила по улицам Вегаса и искала возможность стать полностью удовлетворенной женщиной, как учил ее этому Рой.

Проезжая подозрительный бар, где сверкающая неоновая реклама предлагала посмотреть на полуголых танцующих девушек, Ева обратила внимание на жалкого, средних лет мужчину, который выходил из двери. Он был лысым, весил, как минимум, лишних сорок фунтов. На лице у него висела складками кожа. Усталый, он сильно сутулился. Руки в карманах пиджака, опущенная голова... Он шлепал к полупустой парковке рядом с баром.

Ева проехала мимо него и остановилась. Через боковое окно она видела, как он приближается. Он так шаркал ногами, как будто весь груз мира покоился у него на плечах и

ему было трудно выносить подобную тяжесть.

Ева представила себе его жизнь. Слишком старый и непривлекательный, слишком толстый человек, которому было сложно заводить знакомства. Он был слишком беден, чтобы оплатить ласки девушек, которых так сильно желал.

Пропустив пару кружек пива, он направлялся домой. Он возвращался в холодную одинокую постель, проведя несколько часов в баре и любуясь великолепными длинноногими, с большими сиськами девицами. Они были молоды и обладали крепким телом. Он знал, что никогда не сможет ими насладиться. Он был расстроен и обижен, и к тому же ужасно одинок.

Еве стало жаль этого мужчину – жизнь была так несправедлива к нему.

Она вышла из машины и пошла ему навстречу. Он как раз остановился возле своего грязного «Понтиака», которому было не меньше десяти лет.

– Извините меня, – сказала она. Он повернулся и широко раскрыл глаза, увидев Еву. – Вы были здесь вчера, – начала разговор Ева. Она не спрашивала его, а утверждала непреложный факт.

– Ну... да... на прошлой неделе, – сказал мужчина.

Он не мог удержаться и оглядел ее с головы до ног, не замечая, что облизывает губы.

– Я еще тогда обратила на вас внимание, – сказала Ева, делая вид, что испытывает неловкость. – Я... Мне не хватило смелости поздороваться с вами. – У мужчины от удивления отвалилась челюсть. Он был немного настороже, не веря, что такая роскошная женщина может обратить на него внимание. – Все дело в том, – продолжала Ева, – что вы очень похожи на моего папочку.

Здесь она здорово врала.

– Вот как?

Мужчина немного расслабился, когда она упомянула о своем папочке, но в его глазах также уменьшилась и жалкая надежда.

– О, вы очень похожи на него, – продолжала Ева. – И... дело в том... дело в том, что... Я надеюсь, что вы не подумаете, что я – извращенка... но дело в том... но я могу... лечь в постель и достигнуть экстаза... только с мужчинами, напоминающими мне моего отца.

Когда он понял, что ему выпало по билету счастье более волнующее, чем все его фантазии, подпитанные тестостероном, этот жирный и опустившийся Ромео распрямил плечи.

У него заволновалась грудь, он выкатил ее, как влюбленный петух. Улыбка восхищения сделала его лет на десять моложе, но он все равно напоминал слюнявого бульдожку.

И в этот краткий миг, когда бедный мужик стал счастливым и живым, как ни разу за многие недели, месяцы и, быть может, годы, Ева вытащила «беретту» с глушителем из своей большой сумки и три раза выстрелила в него.

У нее в сумке была камера «Поляроид». Ева волновалась, что на стоянку может не вовремя въехать какая-нибудь машина или появятся другие посетители бара, но тем не менее она сделала три снимка мертвого тела бедняги, лежавшего на бетонном покрытии рядом со своим «Понтиаком».

Возвращаясь домой, Ева думала о том, какой чудесный поступок она совершила: она помогла этому милому человеку покончить с его неидеальной жизнью, освободила от горькой участи отверженного, избавила от депрессии, одиночества и грусти. У нее на глазах показались слезы. Она не рыдала и не была слишком взволнованной, чтобы не справиться с управлением машиной. Она плакала тихо-тихо, но сочувствие в ее сердце было глубоким и сильным.

Она плакала всю дорогу домой, когда ставила машину в гараж, плакала дома и в своей спальне. Там она поставила снимки на ночной столик, чтобы Рой мог их увидеть, когда через пару дней вернется из Колорадо. Но потом с ней случилась странная вещь. Она была взволнована своим поступком, у нее из глаз нескончаемым потоком лились искренние слезы, но неожиданно глаза у нее высохли, и она сильно *возбуждалась*.

* * *

Стоя у окна вместе с художником, Рой наблюдал, как лимузин выезжал на проселочную дорогу. Машина вернется за ними, когда закончится драма этой ночи.

Они стояли в передней комнате перестроенного флигеля. Ее едва озарял свет луны, проникавший через окна. Да еще посвечивал зеленый огонек на панели сигнального устройства у двери. Гэри Дюваль узнал пароль у Дресмундов, и Рой отключил устройство, а потом снова включил его, когда он и Стивен Акблом уже были внутри. Детекторы движения отсутствовали, в систему входили только магнитные контакты на каждой двери и окнах, поэтому Рой и Акблом могли свободно передвигаться внутри – сигнализация не срабатывала.

В этом большом помещении на первом этаже раньше размещалась галерея, где Стивен выставлял свои самые любимые картины. Сейчас комната была пуста. Каждый звук эхом отзывался от холодных стен. Прошло шестнадцать лет с тех пор, как великие произведения художника украшали их.

Рой понимал, что этот момент он всегда будет вспоминать в своей последующей жизни, так же как он никогда не забудет удивительное выражение Евиного лица, когда он даровал мир и спокойствие мужчине и женщине на парковке у ресторана.

Состояние человечества было так далеко от идеального, и человеческие драмы всегда превращались в трагедии, однако существовали также события, подобные этому, и хотя они были мимолетны, ради них стоило жить.

К сожалению, большинство людей были слишком нерешительными, чтобы воспользоваться ситуацией и дать себе возможность почувствовать, что же такое превосходство. Но нерешительность никогда не была присуща Рою.

То, что он открыл Еве свое предназначение начать новый крестовый поход на земле, помогло Рою пережить восхитительные мгновения с Евой в ее спальне. Он решил, что ему стоит снова открыться, и именно сейчас. Во время путешествия сюда он понял, что Стивен был в некотором отношении почти идеальным человеком, а этим качеством обладало так мало людей.

Конечно, сущность его идеальности была более скрытой, чем ошеломляющая красота Евы. О ней можно было лишь догадываться. Акблом был таинственной и интригующей личностью. Рой инстинктивно чувствовал, что Стивен Акблом симпатизирует ему. И он был ближе Рою, чем Ева.

Их дружба может стать сильнее и глубже, если он прямо выскажется перед художником. Еще более откровенно, чем он высказался перед дорогим сердечком в Лас-Вегасе.

Стоя у освещенного окна в пустой галерее, Рой Миро начал объяснять свою теорию Стивену Акблomu. Он тактично и с чувством меры рассказывал, что претворяет свои теории на практике таким образом, что даже само Агентство с его наглой силой не смогло бы следовать этим путем. Пока художник слушал его, Рой даже начал надеяться, что беглецы не последуют сюда ни этой ночью, ни следующей, до тех пор пока он и Стивен не проведут вместе достаточно много времени, чтобы у них могла завязаться крепкая дружба. Та самая дружба, которая сделает их жизнь гораздо богаче.

* * *

Служащий в униформе подогнал автобус с парковки к входу в ресторан «Гамлет-Гарденс» в Вествуде. Два семейства Дескоте ожидали его после ужина в ресторане.

Гарри стоял позади всех. Он только собрался сесть в машину, когда до его плеча дотронулась женщина:

– Сэр, я могу вам сказать что-то, о чем вам следует подумать?

Он не удивился и не отшатнулся, как сделал это в туалете кинотеатра. Гарри повернулся и увидел привлекательную рыжую женщину в туфлях на высоких каблуках, в длинном пальто зеленого цвета, который прекрасно гармонировал с цветом ее волос и хорошей кожей.

Модная широкополая шляпа была кокетливо сдвинута набок. Казалось, что женщина собиралась на прием, вечеринку или в ночной клуб.

– Если новый мировой порядок принесет процветание, спокойствие и демократию, как это будет прекрасно для всех нас, – сказала она. – Но вряд ли стоит рассчитывать на такую идиллию. Скорее, мы увидим нечто напоминающее период средневековья и инквизиции. Просто это будет средневековье, оснащенное всеми удивительными достижениями высоких технологий и развлечениями, которые скрасят людям их существование. Но мне кажется, вы согласитесь, что изобилие новых кассет для вашего видеомэгнитофона не станет компенсацией порабощения.

– Что вы хотите от меня?

– Мы хотим вам помочь, – сказала ему рыжеволосая женщина. – Но вы должны желать эту помощь, понимать, что она вам нужна, и быть готовым сделать то, что необходимо.

Из машины на Гарри с любопытством и тревогой смотрела его семья.

– Я не тот революционер, который швыряется бомбами, – ответил Гарри женщине в зеленом пальто.

– Мы тоже этим не занимаемся. Бомбы и оружие – это самое последнее средство сопротивления. На первом месте должно стоять знание, оно – самое главное оружие при любом сопротивлении.

– Разве я обладаю знаниями, которые могут вам пригодиться?

– Ну, прежде всего, вам нужно знать, насколько хрупкой является ваша свобода при существующем положении вещей, – сказала дама в зеленом пальто. – Тогда вы будете обладать той осведомленностью, которую мы так ценим.

Служащий ресторана в униформе хотя и не мог слышать их разговор, однако странно посмотрел на них.

Женщина достала из кармана пальто клочок бумаги и показала его Гарри. Он увидел номер телефона и три слова.

Гарри протянул руку за листком, но она не отдала его:

– Нет, мистер Дескоте. Мне хочется, чтобы вы выучили номер телефона наизусть.

Он легко запомнил номер, не возникло проблемы и со словами.

Пока Гарри смотрел на листок, женщина сказала:

– Имя человека, который проделал все это с вами, – Рой Миро. – Гарри припомнил имя, но не смог вспомнить, где его слышал. – Он приходил к вам и делал вид, что работает в ФБР, – объяснила ему женщина.

– Тот человек, который интересовался Спенсом! – вспомнил Гарри, подняв глаза от бумажки. Внезапно Гарри охватила ярость. Образ врага, ранее безликий, теперь обрел реальные черты. – Но какого черта, что я ему сделал? Мы всего лишь поспорили, говоря об офицере, который раньше работал под моим началом. Вот и все! – Потом до него дошел смысл всех ее слов, и он нахмурился. – *Делал вид*, что работает в ФБР? Но он действительно работает там. Я его проверил, после того как он договорился со мной о встрече.

– Они редко бывают теми, кем кажутся, – проговорила в ответ рыжеволосая леди.

– Они? Кто *они* такие?

– Они те, кем всегда были, в течение многих лет, – сказала женщина и улыбнулась. – Простите, у меня нет времени, чтобы все вам объяснить.

– Я собираюсь получить мой дом обратно, – воинственно заявил ей Гарри.

На самом деле у него не было той уверенности, которую он желал ей продемонстрировать.

– Вам это не удастся. И если даже общественное мнение выскажется достаточно твердо и законы будут изменены, они всегда смогут принять другие законы, дающие им возможность погубить тех людей, на ком они поставили свою метку. Дело не только в законах. Эти люди являются фанатиками власти. Они желают диктовать, как следует жить, о чем вы должны думать, что чувствовать, читать и говорить.

– Как я могу добраться до Миро?

– Никак. У него слишком хорошее прикрытие, и его невозможно разоблачить.

– Но...

– Я здесь не для того, чтобы подсказать вам, как можно добраться до Миро. Я должна вас предупредить, чтобы вы не возвращались обратно в дом вашего брата сегодня вечером.

У него по спине побежали холодные мурашки снизу вверх, до самой шеи. Его охватил ужас. Гарри никогда не испытывал подобного ощущения. Он спросил:

– Что должно сегодня случиться?

– Ваши испытания не закончились. Если вы не станете сопротивляться, они не кончатся никогда. Вас арестуют за убийство двух торговцев наркотиками, жены одного из них и подружки другого и трех малолетних детей. Отпечатки ваших пальцев были обнаружены в доме, где произошло убийство.

– Я никогда никого не убивал!

Служащий парковки услышал это восклицание и скорчил гримасу.

Дариус вылез из машины, чтобы разобраться, в чем дело.

– Вещи с отпечатками пальцев на них были взяты из вашего дома и помещены в дом убитых торговцев наркотиками. Видимо, станут говорить, что вы расправились с конкурентами, которые пытались прорваться на вашу территорию. Вы убили их женщин и детей, чтобы все остальные торговцы понимали, что с вами шутки плохи.

Сердце Гарри билось так сильно, что он бы не поразился, заметив, как содрогается грудная клетка после каждого удара. Ему казалось, что не теплая кровь циркулирует в его теле, а жидкий фреон. Оно было холоднее, чем у мертвеца.

Страх вернул его в незащищенность и беспомощность детства. Он снова попытался найти защиту в вере своей любимой матери, певшей церковные гимны. Той вере, от которой он несколько отошел с течением времени, но теперь старался снова вернуть ее себе. Он жаждал этого с такой искренностью, что сам был поражен.

– Иисус, милый, добрый Иисус, помоги мне!

– Возможно, он вам поможет, – сказала женщина, как раз когда Дариус подошел к ним. – Но мы тоже собираемся вам помочь. Если вы все поняли, позвоните по этому телефону, скажете пароль и будете продолжать вашу жизнь – вместо того чтобы искать встречи со смертью.

Дариус спросил:

– В чем дело, Гарри?

Женщина положила клочок бумаги в карман пальто.

Гарри сказал:

– Но как я смогу продолжать жить после того, что случилось со мной? Как?

– Вы сможете это сделать, – ответила ему женщина. – Хотя вы уже не будете Гарри Дескоте.

Она улыбнулась, кивнула Дариусу и пошла прочь.

Гарри смотрел, как она уходила. У него опять появилось ощущение, что он находится в волшебной стране Оз.

* * *

Давно-давно здесь было так красиво. Когда Спенсер был мальчиком и носил другое имя, он обожал ранчо именно зимой, когда все вокруг покрывалось белой пеленой. Днем поместье являло собой яркую империю снежных крепостей, туннелей и дорожек для катания на санках. Все было подготовлено с любовью и мастерством. Ясными ночами небо над скалистыми горами казалось бесконечней, чем сама вечность. Такое небо нельзя было себе представить. Свет звезд отражался в зеркале сосулек.

Возвратившись сюда после того, как прошла целая вечность, Спенсер не нашел здесь ничего, что бы радовало его глаз. Каждый склон и ложбина, каждое строение, каждое дерево оставались такими, какими были раньше. Хотя за прошедшие годы сильно подросли сосны,

клёны и берёзы. Ранчо тоже не изменилось, но теперь Спенсеру казалось, что это самое неприятное место на земле. Его не украшал даже зимний убор. Резкая геометрия обширных полей и многочисленных холмов могла только резать глаз наблюдателя, подобно архитектуре ада. Деревья были самыми обычными, но Спенсеру они казались уродливыми, иссушенными болезнями и вскормленными ужасами, пропитавшими землю и проникшими в их корни из подземных катакомб. Строения: конюшни, дом, флигель – все они представлялись бесформенными глыбами, полными привидений. Они словно нависали над вами, а окна были черными и мрачными, как разверстые могилы.

Спенсер остановил машину возле дома. Сердце у него колотилось. Пересохло во рту и так сдавило горло, что он не мог глотать. Дверца пикапа открылась с сопротивлением солидного банковского сейфа.

Элли осталась в машине, у нее на коленях лежал компьютер. Она была в полной боевой готовности, чтобы в случае опасности исполнить то, к чему она так тщательно готовилась. С помощью микроволнового приемопередатчика она связалась со спутником и от него пошла дальше в систему компьютера. Она не сказала Спенсеру, в какую именно компьютерную систему она подключилась, та могла находиться в любом месте на земном шаре. Элли сказала, что информация – это власть и сила. Но Спенсер не представлял себе, как информация сможет защитить их от пуль, если сотрудники Агентства притаились неподалеку и ждали, когда добыча сама шагнет в расставленный капкан.

Спенсер подошел к крыльцу. Словно глубоководный ныряльщик, одетый в костюм водолаза, со стальным шлемом на голове, придавленный мощью воды над ним, он с трудом поднялся по ступенькам и остановился у двери. Потом позвонил.

Он слышал, как внутри раздался перезвон. Те самые пять нот, которые оповещали о приходе гостя раньше, когда Спенсер жил здесь мальчиком. Нажимая на кнопку звонка, он боролся с собой, чтобы не повернуться и не убежать отсюда. Он стал взрослым мужчиной, и те страшные гномы, которых пугаются дети, уже не обладали властью над ним. Он вдруг испугался, что за дверью увидит свою мать – мертвую, но она каким-то образом сможет подойти к двери. Она будет обнаженной, такой, как ее нашли в той канаве, и будут явно видны все ее страшные раны.

Он с трудом избавился от страшного образа и снова позвонил в дверь.

Ночь была настолько тихой, что казалось, он мог бы услышать шуршание червей глубоко под землей, ниже замерзшего слоя почвы. Ему нужно только напрячься и послушать, что они там делают.

Когда и после второго звонка никто не открыл, Спенсер достал ключ из тайника над дверью. Дресмундам велели оставлять его там, если вдруг он понадобится хозяину. То же самое касалось и ключей от сарая.

Держа в руках этот кусок металла, который был холоден и прилипал к его пальцам, Спенсер поспешил обратно в машину.

Дорога раздваивалась. Одна вела к сараю, а вторая проходила позади него. Спенсер направился по второй дорожке.

– Мне нужно войти туда так же, как в ту ночь, – сказал он Элли. – Через заднюю дверь, чтобы полностью повторить ситуацию.

Они остановились там, где очень давно стоял фургон с нарисованной радугой. Этот фургон принадлежал его отцу. Той ночью Спенсер увидел его в первый раз, потому что отец всегда оставлял его на чужом участке. Фургон был зарегистрирован на другое имя. Это был охотничий дом на колесах, в котором Стивен Акблом путешествовал подальше от дома, выслеживая и захватывая женщин и девушек, кому судьбой было предназначено стать постоянными жительницами катакомб. Как правило, он приезжал в свое поместье в фургоне, только когда его жена и сын уезжали из дома на скачки или чтобы навестить ее родителей. Но иногда осторожность не могла возобладавать над его темными желаниями.

Элли хотела оставаться в машине, не выключая мотора и не снимая пальцев с клавиатуры компьютера, стоявшего у нее на коленях, чтобы сразу среагировать на любую

провокацию.

Спенсер не догадывался, что она сможет сделать, если действительно кто-то нападет на них, как она сможет отразить нападение бандитов из Агентства. Но Элли была весьма серьезна. Он уже знал ее достаточно и верил, что она разработала хороший план. Он может быть достаточно странным, но хорошо продуманным.

– Их здесь нет, – сказал он ей. – Нас никто не ждет. Если бы они были здесь, то уже напали бы на нас.

– Я в этом не уверена...

– Чтобы вспомнить, что случилось в те забытые мной минуты, мне нужно спуститься вниз... в то самое место. Компании Рокки мне недостаточно. Я не решусь туда идти один. Мне не стыдно в этом признаться.

Элли кивнула головой:

– Вам нечего стыдиться. Если бы я была на вашем месте, у меня не хватило бы мужества даже приехать сюда. Я бы уехала прочь и даже не оглянулась назад.

Она посмотрела на освещенные луной поля и холмы позади сарая.

– Я здесь не один, – сказал он.

– Ладно. – Ее пальцы пробежались по клавиатуре компьютера, и она вышла из той компьютерной программы, куда до этого проникла. Экран дисплея померк. – Пошли.

Спенсер выключил фары и заглушил мотор.

Он взял пистолет, а Элли «узи».

Когда они вылезли из пикапа, Рокки настоял на том, чтобы отправиться вместе с ними. Он весь дрожал. Ему легко передавалось настроение хозяина – он боялся идти с ними, но еще больше боялся оставаться один.

Спенсер посмотрел на небо. Он дрожал сильнее, чем Рокки. Небо было чистым и усеянным звездами, как в ту далекую июльскую ночь. На сей раз луна не осветила ему ни ангела, ни совы.

Звуки приближающейся машины заставили замолчать двух мужчин во флигеле. Там, в темной галерее, Рой рассуждал о многих вещах. Художник его слушал с заметным интересом и даже с уважением. При звуках мотора им пришлось прекратить обмен мнениями.

Чтобы их не увидели, они отступили подальше от окон, но им была видна дорога.

Вместо того чтобы остановиться перед флигелем, машина продолжала двигаться вокруг здания.

– Я привез вас сюда, потому что хочу знать, что связывает вашего сына с этой женщиной, – сказал Рой Акблomu. – Мы не можем его разгадать. Он – как карта из рукава. Кажется, что он связан с какой-то организацией, и это волнует нас. Некоторое время мы считали, что это небольшая организация, которая пытается помешать нашей работе. Иногда им это удавалось, и они причиняли нам неприятности. Может, он связан с этой группой. Если она вообще существует. Может, они помогают этой женщине. Но если учитывать, что Спенсер... О, простите! Принимая во внимание военную подготовку Майкла и его спартанский образ жизни, я не уверен, что он «расколется», если мы станем использовать обычные методы допроса. Если даже мы причиним ему изрядную боль.

– Да, он мальчик с сильной волей, – подтвердил Стивен.

– Но если *вы* станете его допрашивать, он может «расколоться».

– Возможно, вы и правы, – согласился Стивен. – У вас возникла хорошая идея.

– Таким образом, у меня появится шанс исправить зло.

– Какое еще зло?

– Конечно, сын не имеет права предавать своего отца.

– О, и чтобы сильнее отомстить за предательство, можно мне получить еще и женщину? – спросил Роя Стивен.

Рой подумал об этих прекрасных глазах. Их взгляд был прямым и правдивым. Он мечтал о них четырнадцать месяцев. Пожалуй, ему придется отказаться от своей мечты, но только в обмен на возможность наблюдать, чего сумеет достигнуть творческий гений

Стивена Акблома, если он станет работать над живой плотью.

Они боялись, что к ним сейчас пожалуют визитеры, и поэтому разговаривали шепотом.

– Да, так будет справедливо, – согласился Рой. – Но я хочу присутствовать и наблюдать за вами...

– Вам, должно быть, ясно, что то, что я стану делать с ней, будет... сверх всяких человеческих сил.

– Робкие никогда не узнают чувство превосходства.

– Вы абсолютно правы, – согласился Стивен.

– "Они были так прекрасны в своих страданиях, а после смерти напоминали ангелов", – процитировал Рой.

– И вы хотите увидеть этот краткий момент идеальной красоты? – спросил Стивен.

– Да.

От входа до них донеслось царапанье ключа в замке. Потом тишина. И потом слабый скрип дверных петель.

* * *

Дариус остановился перед знаком «стоп». Они ехали на восток. Дом Дариуса находился через два квартала к северу отсюда, но он не стал поворачивать в ту сторону.

За перекрестком стояли четыре автобуса, работающие на программы телевизионных новостей. У них на крышах торчали самые современные микроволновые антенны. Автобусы были припаркованы попарно с обеих сторон дороги. Их освещал желтоватый свет уличных фонарей. Первый автобус обслуживал местный канал национальной ТВ-сети, второй автобус работал на пятом ТВ-канале – это была независимая станция с самым высоким рейтингом в Лос-Анджелесе. Гарри не мог разобрать надписи на других двух автобусах, но решил, что они, наверное, из местных каналов «ABC» и «CBS» в Лос-Анджелесе. За автобусами стояли еще машины. Несколько человек прохаживались рядом.

Голос Дариуса был злым и ироничным:

– Да, эта история станет центральным сообщением всех новостей.

– Ну, пока еще нет, – мрачно сказал Гарри. – Нам лучше проехать мимо них, но не настолько быстро, чтобы они обратили на нас внимание.

Вместо того чтобы повернуть налево к дому, Дариус сделал так, как просил его Гарри.

Когда они проезжали мимо автобусов, Гарри отвернулся от окна и наклонился вперед к радиоприемнику, как будто искал какую-то радиостанцию.

– Их заранее предупредили, и они остановились здесь, чтобы подождать, пока все начнется. Кто-то постарался, чтобы меня вдоволь поснимали, когда будут выводить из дома, закованного в наручники. Если они зашли так далеко, что использовали отряд спецназа, тогда прежде чем они высажат дверь, люди с телевидения уже будут предупреждены, что пора начинать работу.

Ондина, сидевшая сзади, наклонилась к Гарри и спросила его:

– Папочка, ты хочешь сказать, что они все собрались здесь, чтобы снимать *тебя*?

– Это так, мое золотце.

– Негодяи, – возмутилась она.

– Они всего лишь журналисты и делают свою работу.

Вилла была гораздо слабее сестры, и она снова начала плакать.

– Ондина права, – сказала Бонни. – Они – вонючие ублюдки!

С заднего сиденья автобуса Мартин заявил:

– Вот это да! Дядя Гарри, они гоняются за вами, как будто вы – Майкл Джексон или еще кто-нибудь такой же знаменитый!

– Все, мы уже проехали, – сказал Дариус, и Гарри выпрямился.

Бонни сказала:

– Полиция, наверное, думает, что мы дома, потому что система охраны зажигает и

тушит свет в наше отсутствие.

– Система запрограммирована несколькими сценариями, – объяснил Дариус. – Каждый вечер, когда мы отсутствуем, работает одна из программ – в одной комнате зажигаются, а в другой выключаются лампы. Включаются радио и телевизор. Все похоже на то, что в доме идет жизнь. Программы были разработаны, чтобы отпугивать грабителей. Я никогда не рассчитывал, что смогу убедить в нашем присутствии дома полицейских.

Бонни спросила:

– И что теперь?

– Давайте еще немного проедем вперед, – сказал Гарри. Он протянул руки к печке и сидел, не двигаясь.

Он никак не мог согреться. – Поезжай вперед, пока я все обдумаю.

Они уже до этого катались пятнадцать минут, пока Гарри рассказывал им о мужчине, обратившемся к нему, когда Гарри вышел на прогулку. Потом он рассказал им о втором незнакомце, встреченном в мужском туалете, и о рыжеволосой женщине в зеленом пальто.

Даже до того, как они увидели телевизионные автобусы, они серьезно отнеслись к предупреждению женщины. События последних дней уже убедили их в чрезвычайном положении. Они хотели быстро проехать мимо дома и незаметно высадить Бонни и Мартина, чтобы те собрали одежду, которую Ондина и Вилла купили в магазине, и жалкие пожитки, которые удалось привезти к Дариусу Джессике и девочкам в субботу. Через десять минут автобус бы снова оказался у дома, и Бонни с Мартином присоединились бы к остальным. Но их прогулка кончилась тем, что они подъехали к дому с другой стороны и увидели автобусы с телевизионными командами новостей. Тогда они поняли, что дело очень серьезно и предупреждение было сделано вовремя.

Дариус поехал к бульвару Уилшир и далее двинулся на запад, к морю, в направлении Санта-Моники.

– Если меня обвиняют в преднамеренном убийстве семи человек, включая трех детей, – вслух рассуждал Гарри, – то осудят за убийство первой степени при отягчающих обстоятельствах. Это так же точно, как и то, что Бог создал маленькие зеленые яблоки.

Дариус заметил:

– Тебя не выпустят под залог. Тут нет никаких сомнений. Будет заявлено, что риск слишком велик.

Сидя рядом с Мартином, Джессика сказала:

– Если бы даже позволили внести залог, у нас нет возможности достать столько денег.

– Суды завалены делами, – заметил Дариус. – Сейчас много новых законов. Каждый год из Конгресса поступает семьдесят тысяч страниц новых законов. Плюс еще апелляции, выступления защиты. Многие дела обрушиваются на суд, как лавины. Боже мой, Гарри, тебе придется просидеть в тюрьме год или два, чтобы дождаться своей очереди в суде, когда станут рассматривать твое дело...

– Это время будет потеряно навечно, – сердито сказала Джессика. – Даже если его оправдают.

На сей раз заплакали обе девочки – Ондина и Вилла.

Гарри вспомнил приступы клаустрофобии в камере.

– Я не выдержу ни полугода, даже ни одного месяца там.

Колеся по городу, где миллионы ярких огней не могли разогнать темноту, они снова и снова обсуждали все варианты. В конце концов все поняли, что выбора у них нет. Гарри нужно бежать. Но без денег и удостоверения личности он мог убежать очень недалеко, и его скоро бы поймали. Оставалась надежда только на таинственную группу, к которой принадлежала рыжеволосая женщина в зеленом пальто и двое незнакомых мужчин. Гарри почти ничего не знал о них, и ему было страшно верить им свое будущее.

Джессика, Ондина и Вилла не желали с ним разлучаться. Они боялись, что расстанутся навсегда, и поэтому решили бежать с ним. Гарри был уверен, что они правы.

Он не сомневался, что, оставшись без него, они станут следующими жертвами насилия.

Гарри взглянул назад в затемненное нутро автобуса. Он видел там понурые лица своих детей, лицо невестки, потом встретил взгляд жены. Она сидела рядом с Мартином.

– Так не должно было случиться.

– Неважно, самое главное, что мы будем вместе.

– Нам так трудно все доставалось, и вот...

– У нас уже все отобрали.

– ...но начинать все сначала в сорок четыре года...

– Лучше, чем умереть в сорок четыре года, – заметила Джессика.

– Ты – настоящий боец, – с любовью сказал он.

Джессика улыбнулась:

– Ведь могло случиться землетрясение, и дом пропал бы, и вместе с ним погибли бы и мы.

Гарри перевел взгляд на Ондину и Виллу. Девочки перестали плакать, но все еще всхлипывали. В глазах у них светилась решимость.

Он сказал:

– Вам придется оставить всех ребят в школе...

– Подумаешь, ребята. – Ондина старалась не показать, что ей будет трудно расставаться со своими друзьями. Подросткам всегда трудно терять друзей. – Это всего лишь ребята, глупые и несмышленные, вот и все!

Вилла добавила:

– А ты – наш отец.

В первый раз, после того как начался этот кошмар, Гарри прослезился.

– Тогда все решено, – объявила Джессика. – Дариус, нам нужно найти платный телефон.

Они нашли его перед пиццерией, рядом с торговым центром.

Гарри пришлось попросить у Дариуса мелочь для автомата. Он вышел из автобуса и один пошел к телефону. Сквозь окна пиццерии он видел людей, которые ели пиццу, пили пиво, разговаривали, смеялись. За большим столом сидела веселая компания, было видно, что они прекрасно проводят время. Они так смеялись, что заглушали музыку, льющуюся из музыкального автомата. Никому из них не приходило в голову, что мир вывернут наизнанку и летит в тартарары!

Гарри позавидовал им так сильно, ему хотелось разбить витрины, влететь в ресторан, перевернуть все столы, и отобрать у людей их еду, и выплеснуть пиво из кружек. Ему хотелось кричать и трясти посетителей, пока, наконец, их иллюзии нормальной и безопасной жизни не рассыпятся в прах, как это случилось у него. Он был настолько озлоблен, что сделал бы это, мог бы сделать, если бы у него не было жены и двух дочерей. Ему следовало позаботиться о них. Он не мог начинать новую жизнь один. Он завидовал не только счастью этих людей – нет, это была зависть их благословенному незнанию. Гарри так хотелось вернуть себе это блаженное состояние.

К сожалению, было ясно, что если ты что-то узнал, то это уже останется с тобой навсегда.

Он опустил монетки и поднял трубку. Какое-то жуткое мгновение он не мог вспомнить номер телефона, который ему дали. Он слышал гудки и пытался представить цифры, написанные на бумажке, которую держала в руках рыжеволосая женщина. Потом он неожиданно все вспомнил и начал нажимать кнопки. Его рука так дрожала, что он боялся набрать не тот номер.

После третьего гудка мужской голос сказал:

– Алло?

– Мне нужна помощь, – сказал Гарри. Потом он понял, что не представился. – Простите. Я... мое имя... Дескоте, Гарри Дескоте. Один из ваших людей, я, правда, не знаю, кто вы... она сказала, чтобы я позвонил по этому номеру, что вы мне можете помочь, что вы готовы оказать помощь.

Было ясно, что человек колеблется, потом он произнес:

– Если вы получили этот номер в нормальных условиях, тогда вы должны помнить, что существуют определенные правила.

– Правила?

Мужчина молчал.

Гарри вдруг испугался, что он повесит трубку, и уйдет от этого телефона навсегда, и с ним будет невозможно связаться. Он не понимал, чего от него ждут, но потом вспомнил три слова, которые были напечатаны на бумажке под номером телефона. Женщина в зеленом сказала, что он должен запомнить и эти слова тоже. Он произнес:

– Фазаны и драконы.

* * *

У двери флигеля Спенсер набрал несколько цифр на панели сигнального устройства, и оно отключилось. Дресмундам было приказано не менять код, чтобы у владельца не возникло сложностей, если вдруг он решит вернуться в их отсутствие. Когда Спенсер нажал последнюю цифру, надпись на светящемся табло изменилась. Вместо «Включено и находится под охраной» появилось «Готов к включению охраны».

Спенсер принес с собой фонарик из пикапа и осветил стену слева.

– Там находится туалет и раковина, – сказал он Элли. Рядом с туалетом была еще дверь. – Здесь – небольшая кладовка. – В конце коридора огонек высветил третью дверь. – А здесь он устроил галерею. Ее посещали только самые богатые коллекционеры. Из галереи на второй этаж ведет лестница. Там была его студия. – Спенсер перевел луч на правую сторону коридора. Там располагалась только одна дверь. Она была приоткрыта. – В этой комнате хранились документы и нужные бумаги.

Он мог бы зажечь лампы дневного света, укрепленные на потолке. Но шестнадцать лет назад он вошел в полумрак. Единственным освещением тогда служили зеленые буквы на панели сигнальной системы. Интуиция подсказывала Спенсеру, что, только воссоздав обстановку той ночи, ему удастся вспомнить, что же мучило его все эти годы. Тогда во флигеле работал кондиционер. Сейчас он согревал воздух, и слабое тепло напоминало мягкую июльскую ночь.

Резкий свет дневных ламп над головой изменил бы полностью восприятие. Спенсер понимал, что, если он желает хотя бы в общих чертах воскресить свое настроение той ночью, даже свет фонарика чересчур ярок, но у него не хватило духа двигаться в полной темноте, как тогда, в четырнадцать лет.

Рокки визжал и царапал дверь, которую Элли закрыла за собой. Он дрожал и был очень расстроен.

Спенсер не мог понять почему, но Рокки больше всего боялся темноты на улице. Как правило, он не трусил, когда дома было темно, но иногда приходилось включать настольную лампу, чтобы он перестал визжать и трястись.

– Бедняжка, – сказала Элли.

Свет фонарика был ярче, чем свет ночника, и Рокки не должен был так сильно нервничать. Но он дрожал, будто его ребра бились друг о друга, как пластинки ксилофона.

– Все нормально, дружище, – сказал собаке Спенсер. – То, что ты чувствуешь, – это прошлое. Все кончено много лет назад. Теперь здесь ничего не может привести в ужас.

Собаку он не убедил, и она продолжала царапать дверь.

– Может, мне его выпустить? – спросила Элли.

– Нет, он поймет, что на улице ночь, и начнет проситься обратно.

Когда Спенсер снова направил луч на дверь комнаты, где хранился архив, он понял, что сам является источником собачьего страха, то волнение, что бушевало в нем. Рокки всегда очень сильно реагировал на его настроение. Спенсер постарался успокоиться. То, что он сказал собаке, было правдой: аура зла, сохранившаяся в этих стенах, была отголоском

ужасного прошлого, но сейчас уже нечего было бояться.

Однако так Спенсер мог утешить собаку, но не себя. Он до сих пор *жил* в прошлом наполовину. Его не отпускал вязкий деготь памяти. И сильнее держало его то, что память не открывала ему, нежели то, что он ясно помнил. Воспоминание, которое он приглушил и задвинул глубоко в темноту сознания, превратилось именно в такое, державшее его озеро дегтя. События, происшедшие шестнадцать лет назад, были безопасны для Рокки, но Спенсера они могли поймать в западню, поглотить и разрушить его полностью.

Он начал рассказывать Элли о той ночи, о филине, радуге и ноже. Его перепугал свой собственный голос. Каждое слово казалось ему звеном в цепи, с помощью которой вагончик «дороги ужасов» в парке развлечений подтягивался вверх на горку, а потом цепь отпускали, и кабинка с мордой чудовища впереди вдруг срывалась вниз, в наполненную привидениями черноту комнаты ужасов. Цепь несет кабинку только в одном направлении. И если впереди кажется провал или же начнется пожар в самом конце комнаты ужасов, обратного пути не будет.

— В то лето, как и всегда, я спал в своей комнате без кондиционера. Зимой в доме бесшумно работала система обогрева, и я ее не замечал. Но меня раздражал свист и шипение холодного воздуха, который нагнетался через отверстия вентилятора. Меня также раздражало гудение компрессора... Нет, «раздражало» — это не то слово. Меня оно пугало. Я боялся, что из-за этого шума не смогу услышать другие звуки в ночи... Тот звук, который мне следовало услышать и отреагировать на него... иначе я мог погибнуть.

— Что за звук? — спросила Элли.

— Я не знаю. Какой-то детский страх. Или так думал в то время. Я стыдился этого страха. Но мое окно было открыто ночью, и поэтому я услышал крики. Я пытался убедить себя, что это была сова или ее жертва. Что они где-то далеко отсюда, в ночи. Но... крик был таким отчаянным, жалким и полным ужаса... это был крик человеческого существа...

Спенсер рассказал Элли о своем путешествии в ту июльскую ночь. Он говорил быстрее и с большими подробностями, чем когда рассказывал о том же незнакомым людям в барах или Рокки. Спенсер говорил, как он вышел из тихого дома, прошел по зеленому газону, припорошенному снежным светом луны, повернул за угол флигеля, как над ним пролетел филин. Как потом он подошел к фургону, из открытой двери которого несло мочой, как вошел в прихожую, где они сейчас стояли...

— И тогда я открыл дверь в комнату с документами, — сказал он.

Открыв ее теперь снова, Спенсер переступил порог.

Элли последовала за ним.

В темной прихожей Рокки по-прежнему скулил и царапал дверь, пытаясь выбраться отсюда.

Спенсер обвел лучом фонаря комнату. Из нее исчезли длинный рабочий стол и два кресла. Не было и полок с разными документами.

Длинные шкафы из сосны стояли вдоль дальней стены, закрывая ее от пола до потолка. В шкафах было три высоких узких дверцы.

Спенсер остановил луч света на средней и сказал:

— Дверцы были открыты, и странный свет шел изнутри шкафа. Оттуда, где не должно было быть никаких огней. — Он сам ощутил новое напряжение в своем голосе. — Мое сердце сильно билось, у меня дрожали руки. Я сжал их в кулаки, я пытался сдерживаться. Мне хотелось убежать, просто повернуться и убежать обратно в постель и позабыть обо всем.

Он рассказал о том, что чувствовал тогда, много лет назад, но было ясно, что он мог говорить то же самое и о своих сегодняшних ощущениях.

Он открыл среднюю дверцу шкафа. Петли закрипели — дверью слишком давно не пользовались. Он осветил фонарем в глубь шкафа, там были пустые полки.

— Четыре запора удерживают заднюю стенку шкафа, — сказал Спенсер Элли.

Его отец скрыл эти запоры под штукатуркой. Спенсер нашел все четыре: два по бокам задней стенки нижней полки, два — по бокам верхней.

Рокки пришел в комнату, его когти стучали по полированному полу из сосновых досок.

Элли сказала:

– Правильно, песик, тебе лучше оставаться с нами.

Спенсер передал фонарь Элли и толкнул полки. Задняя стенка шкафа откатилась назад в темноту. Небольшие колеса заскрежетали по старым металлическим рельсам.

Спенсер переступил через порог на том месте, где только что были полки. Он стоял внутри шкафа и толкал заднюю стенку все дальше.

Ладони у Спенсера были влажными, он вытер руки о джинсы.

Потом забрал фонарь у Элли и вошел в маленькую комнату за шкафом. С потолка свисали голый патрон с лампочкой и цепочка. Спенсер потянул за цепочку, и загорелся свет.

Свет был таким же неприятным и желтоватым, каким запомнился ему в ту ночь.

Бетонный пол и такие же стены. Все было так, как ему много раз снилось.

Элли закрыла за собой дверцы шкафа. Потом она и Рокки прошли за Спенсером в крохотную комнатку.

– В ту ночь я стоял в комнате с архивом и заглядывал внутрь шкафа. Мне так хотелось убежать отсюда. Меня страшил этот желтоватый свет. Мне кажется, что я даже пытался побежать... но потом обнаружил, что уже нахожусь в шкафу. Я сказал себе: «Беги, беги к черту отсюда». Но я уже вышел из шкафа и оказался в этой комнатке. Но я не помнил, как попал в нее. Все было так... как будто меня втянуло туда... как будто я был в трансе... не мог вернуться обратно, как бы сильно ни желал этого.

– Какой неприятный желтый свет. Такой обычно летом зажигают на веранде, – сказала Элли. Ей показалось это странным.

– Ну да, чтобы отпугивать moskitov. Но те огни не действуют так. Я не знаю, почему он повесил эту лампочку здесь, вместо обычной лампы.

– Может, она ему просто подвернулась под руку.

– Нет. Никогда. Он просто так ничего не делает. Наверное, он решил, что такой свет здесь больше подойдет, будет более эстетичным. Он всегда вел очень продуманную жизнь. Все, что он делал, соответствовало эстетическим идеалам и было тщательно продумано заранее. Начиная с одежды, которую он носил, и кончая тем, как он готовил себе сандвич. Одно это уже делает ужасным все, чем он занимался здесь... то, что он заранее и тщательно продумывал все детали.

Спенсер почувствовал, как трогает шрам на лице пальцами правой руки, переложив фонарь в левую. Он опустил руку к пистолету, который давил ему в живот, но не вытащил его из-за пояса.

– Неужели ваша мать ничего не знала об этом тайнике? – спросила Элли, оглядывая комнату.

– Он владел ранчо еще до того, как они поженились, и переделал флигель тоже до того, как она поселилась здесь. Эта комнатка раньше была частью той, где хранились разные старые бумаги и документы. Он сам установил здесь полки и шкафы, чтобы замаскировать вход в подземелье. Он это сделал после того, как отсюда ушли рабочие. Они не догадывались, что он скрыл вход в подвал. И уже потом он пригласил плотника, который настлал полы из сосны.

Элли повесила «узи» на плечо. Она это сделала, чтобы иметь возможность крепко обхватить себя руками.

– Он все планировал заранее, еще до того, как он женился на вашей матери, до того, как... родились вы?

Ее отвращение было таким, словно она ощущала запах плесени в затхлом воздухе. Спенсер хотел надеяться, что она выдержит все откровения, которые ей еще предстояло услышать, и не перенесет возмущение отцом на его сына.

Он был готов смиренно молиться о том, чтобы в ее глазах оставаться чистым и незапятнанным.

Но сам Спенсер всегда с отвращением замечал в себе любое проявление отцовских

черт. Даже если это было совершенно невинное сходство. Иногда, глядя на себя в зеркало, Спенсер вспоминал, что у его отца такие же темные глаза. И с отвращением отвернувшись от своего отражения, он чувствовал, как подкатывает тошнота.

Он сказал:

– Может, тогда он четко не представлял, для чего ему нужен этот тайник. Надеюсь, что это так. Надеюсь, что он женился на моей матери до того, как у него возникли... подобные желания, которые он удовлетворял здесь. Но мне все равно кажется, что он догадывался, для чего ему понадобятся эти помещения в подвале. Просто тогда он еще не был готов использовать их подобным образом. Примерно так же он вынашивал идею какой-нибудь картины. Иногда он обдумывал ее годами, прежде чем начать писать.

Элли выглядела желтой в этом неприятном свете, но Спенсер понимал, что она бледна как смерть. Она смотрела на закрытую дверь, ведущую к лестнице. Показав на нее, она спросила:

– Он думал, что там, внизу, он тоже будет работать?

– Никто ничего не может сказать точно. Он пытался сделать вил, что это так. Возможно, он просто морочил голову копам и психиатрам. Он мог развлекаться по-своему. Это был удивительно умный человек, и он легко мог манипулировать людьми. Ему нравилось заниматься этим. Кто знает, что происходило в его мозгу? Что он думал на самом деле.

– Но когда он начал это... начал это делать?

– Через пять лет после того, как они поженились. Мне тогда было четыре года. И прошло еще четыре, прежде чем она все узнала... и ей пришлось умереть. Полиция определила сроки после того, как идентифицировала... останки ранних жертв.

Рокки протиснулся между ними к входу в подвал. Он нервно принюхивался к узкой щели под дверью. Вид у него был самый несчастный.

– Иногда, – продолжал Спенсер, – когда мне не спится, я вспоминаю, как он качал меня на коленях, боролся со мной на ковре. Мне было лет пять или шесть, он гладил меня по головке...

У Спенсера задрожал голос.

Он глубоко вздохнул и заставил себя продолжать. Он пришел сюда, чтобы все довести до конца, чтобы наконец разобраться с прошлым.

– Он касался меня... этими руками, этими руками, этими самыми руками, которыми он... в подвале... делал такие ужасные вещи.

– О-о-о, – тихо простонала Элли, как будто ее пронзила боль.

Спенсер надеялся, что не ошибся, заметив в ее глазах понимание всего, что ему пришлось перенести за эти годы. И еще он надеялся, что она испытывает сочувствие к нему, но ни в коем случае не отвращение.

Он сказал:

– Меня начинает мутить... когда я вспоминаю, что мой отец касался меня. Нет, еще хуже... Я думаю о том, что он оставлял свежий труп внизу в темноте, мертвую женщину... и мог возвращаться оттуда, из этого подвала, хорошо помня запах ее крови, он поднимался в дом... он шел вверх в спальню моей матери... в ее объятия... касался ее...

– О Боже мой, – простонала Элли.

Она закрыла глаза, как будто не могла больше смотреть на него.

Он понимал, что является частью этого ужаса, хотя ни в чем не виноват. Он был неразрывно связан с чудовищной жестокостью своего отца, и, чтобы люди могли, глядя на него, не видеть в нем того молодого Майкла, который был рядом с развращающим влиянием этой бойни, он отказался от своего настоящего имени.

Его сердце равными потоками гнало в нем кровь и отчаяние.

Элли открыла глаза, у нее на ресницах блеснули слезы. Она коснулась его шрама. Она так нежно приложила к нему руку – его никогда так никто не касался. Она сказала всего лишь несколько слов, и Спенсер понял, что в ее глазах он ничем не замаран:

– Боже мой, как мне тебя жаль!

Если даже он проживет сто лет, понял Спенсер, он не сможет ее любить больше, чем любит теперь. Ее ласковое прикосновение именно в этот тяжкий для него момент было величайшим проявлением доброты, с которым он никогда прежде не сталкивался.

Единственным желанием Спенсера было так же верить в свою невиновность, как в нее верила Элли.

Ему необходимо восстановить в памяти все, он пришел сюда ради этого. Он молился Богу и взывал к своей погибшей матери, чтобы они были милосердны к нему. Больше всего он боялся узнать, что был во всех отношениях сыном своего отца.

Элли давала ему силу, чтобы пройти до конца весь путь.

Прежде чем у него могла улетучиться решительность, он повернулся к двери, ведущей вниз.

Рокки посмотрел на него и заскулил. Спенсер нагнулся и погладил пса.

Дверь теперь стала грязнее, кое-где с нее слезла краска.

– Она была закрыта, но тогда все было по-другому, – сказал Спенсер. Ему снова вспомнился тот далекий июль. – Кто-то, наверное, отмыл все отпечатки рук.

– Отпечатки рук?

Спенсер показал на дверь.

– Начиная от ручки вверх... шли десять или двенадцать отпечатков ладоней. Они накладывались друг на друга. Это была женская ладонь с пальцами, растопыренными в стороны... как крыло птицы... и кровь была свежая, все еще влажная и такая красная. – Спенсер провел рукой по холодному дереву и увидел, как на нем снова появились эти отпечатки, они блестели при мрачном желтоватом свете. Они казались реальными, как в ту далекую ночь. Спенсер понимал, что это птицы памяти снова старались завладеть его сознанием. Их видел только он, Элли ничего не заметила. – Меня эти следы просто загипнотизировали, я не мог оторвать от них глаз. В них отражался ужас, охвативший женщину... ее отчаяние... она пыталась сопротивляться, когда ее тащили отсюда в тайный... страшный мир внизу. – Спенсер почувствовал, что взялся за ручку двери. Ладонь ощущала холод. Дрожь словно стряхнула с него годы, и его голос стал юношеским. – Я смотрел на кровь... понимая, что ей нужна помощь... моя помощь... но я не мог двинуться вперед. Просто не мог. Боже ты мой! Я не хотел идти вперед. Я был всего лишь мальчик. Господи Иисусе! Я был босой, безоружный, и я боялся. Я не был готов к тому, чтобы узнать всю правду. Но даже будучи испуганным, стоя здесь в нерешительности, я... я каким-то образом открыл красную дверь.

Элли вскрикнула:

– Спенсер!

Изумление, звучащее в ее голосе, и то, как она произнесла его имя, – все это заставило Спенсера вернуться из прошлого.

Он боялся неожиданности, но они были одни по-прежнему.

– Ночью в прошлый вторник, – сказала Элли, – когда вы искали бар... почему вы вошли туда, где я работала?

– Это был первый попавшийся мне бар.

– Только поэтому?

– Я никогда там раньше не бывал. Меня всегда тянет в новое место.

– А его название?!

Спенсер продолжал непонимающе смотреть на нее.

Элли сказала:

– "Красная дверь"!

– Милосердный Боже!

Пока Элли не подсказала ему, он не улавливал связи.

– Вы называли эту дверь «красной дверью», – сказала Элли.

– Потому что... там было все в крови... и эти кровавые отпечатки руки.

Целых шестнадцать лет он набирался мужества вернуться в кошмар за красной дверью.

Когда дождливым вечером он увидел бар в Санта-Монике с выкрашенной красной краской дверью и неоновой надписью сверху «Красная дверь», он не мог проехать мимо. Это была возможность открыть символическую красную дверь, пока он еще не был готов вернуться в Колорадо и открыть другую – самую главную – красную дверь его жизни. Его подсознание не смогло сопротивляться этой возможности, хотя сознание ни о чем не напомнило.

Именно после того как он вошел в ту символическую дверь, он сумел проникнуть в эту комнату за шкафом из сосны, и здесь он должен повернуть холодную медную ручку, которую не согрело прикосновение его руки, открыть настоящую красную дверь и спуститься вниз, в подвал. Туда, где осталась какая-то его частица более шестнадцати лет назад.

Его жизнь была скорым поездом, мчащимся по параллельным рельсам свободного выбора и судьбы. Хотя судьба ощутимо согнула рельсы выбора, чтобы сегодня доставить его сюда, он должен верить, что теперь выбор сможет повернуть рельсы судьбы и вынести его отсюда в будущее, окончательно освободив от прошлого. В противном случае выяснится, что он верный сын своего отца. С таким клеймом он не сможет жить. Ему следовало все узнать про себя.

Спенсер повернул ручку.

Рокки попятился назад, убираясь с его дороги.

Спенсер открыл дверь.

Желтоватый свет из вестибюля осветил первые ступеньки, ведущие вниз, в темноту.

Спенсер протянул руку направо и нащупал выключатель. На потолке зажглась синяя лампочка. Он не знал, почему отец выбрал синий свет. Его неспособность рассуждать, как его отец, понимать такие странные детали, казалось, подтверждала, что он отличался от этого отвратительного человека в самом главном.

Спенсер начал спускаться по крутым ступенькам вниз, выключив фонарь. Теперь освещение будет таким, каким было в ту июльскую ночь и во всех его кошмарах, которые ему пришлось выдержать после нее.

За Спенсером следовал Рокки, а потом – Элли.

Подвал был не таким обширным, как сам флигель, наверное, футов двадцать на двадцать. Сверху находились печь и бойлер, поэтому комната была совсем пустой. В синем свете бетонные стены и пол странно напоминали металл.

– Здесь? – спросила Элли.

– Нет. Здесь он хранил подборки фотографий и видеозаписи.

– Нет...

– Да. Все... он снимал, как они умирали. Все, что он с ними делал, шаг за шагом.

– Боже милостивый, спаси и помилуй нас!

Спенсер ходил по подвалу. Он видел его таким, как в ту ночь, когда он впервые вошел в красную дверь.

– За черным занавесом хранились пленки, разные приспособления и реактивы для проявления фотографий. В конце комнаты еще были телевизор на простой черной металлической подставке и видеомэгнитофон. Перед телевизором стоял единственный в этой комнате стул. Абсолютно простой деревянный стул. Одни прямые линии, без мягкого сиденья, цвета незрелого яблока. Рядом со стулом стоял маленький круглый стол лилового цвета. На нем – стакан с каким-то напитком. Стул был просто покрашен зеленой краской, но стол блестел – его покрыли лаком. Бокал был хрустальным, чудесной огранки, и синий свет искрился в нем.

– Где он... – Элли увидела дверь того же цвета, что и стены. Она отражала синий свет так же, как и они, поэтому ее было трудно заметить на их фоне. – Здесь?

– Да.

Его голос прозвучал так же тихо и отдаленно, как крик, от которого он проснулся в ту июльскую ночь.

Ему казалось, что он больше не выдержит, что почва уходит у него из-под ног.

Элли подошла к нему, взяла за руку и крепко ее сжала:

– Давайте сделаем то, ради чего мы пришли, а потом быстро выберемся отсюда.

Спенсер кивнул. Он не мог вымолвить ни слова.

Он отпустил ее руку и толкнул тяжелую серую дверь. С их стороны на ней не было запора, она запиралась только изнутри.

В ту ночь, когда Спенсер подошел к этому месту, его отец, пришедший незадолго до него, еще только приковывал цепями женщину к каменному ложу, где ей было суждено встретить смерть. Поэтому дверь не была заперта. Когда его жертва будет прочно прикована, художник вернется в комнату наверху, чтобы закрыть дверцы шкафа изнутри. Потом он должен поставить на место заднюю стенку шкафа, запереть дверь комнатки наверху, а потом уже дверь этой камеры пыток изнутри.

Только тогда он может вернуться к своей жертве, будучи уверенным, что ее вопли, какими бы пронзительными и громкими они ни были, никто не услышит во флигеле, а тем более снаружи.

Спенсер переступил высокий бетонный порожек. На стене висела панель с проводами, они уходили отсюда в темноту. Спенсер щелкнул выключателем, и загорелись гирлянды огней. Лампочки держались на петлях проводов, свисавших с потолка, и вели по закруглявшемуся проходу.

Элли прошептала:

– *Спенсер, подождите!*

Когда он глянул назад, то увидел, что Рокки вернулся на лестницу. Собака сильно дрожала, глядя назад в комнату за шкафами. Как всегда, у Рокки было опущено одно ухо, а второе стояло. Он не поджал хвост, а просто опустил его вниз и не вилял им.

Спенсер вернулся в первую комнату и вытащил пистолет из-за пояса.

Элли быстро сняла «узи» с плеча и крепко ухватила его двумя руками. Она протиснулась мимо собаки и встала на лестнице.

Она тихо двигалась вверх и постоянно прислушивалась. Так же осторожно двигался Спенсер.

* * *

В комнате за шкафами художник стоял рядом с открытой дверью. Рой был подле него. Они тесно прижались к стене и внимательно прислушивались к тому, что происходило внизу. Лестничный колодец приглушал голоса, но можно было разобрать каждое слово.

Рой надеялся услышать что-то объясняющее связь Спенсера с женщиной, получить хоть какую-то информацию о заговоре против Агентства, возможно, о какой-то неизвестной организации, о которой он говорил Стивену несколько минут назад в галерее. Но внизу говорили только о том, что происходило шестнадцать лет назад.

Казалось, Стивена забавляло, что они подслушивали разговор именно об этом. Он пару раз поворачивался к Рою с улыбкой на устах и один раз поднял палец, как бы призывая того к молчанию.

В художнике было что-то от малого ребенка, какая-то игривость, которая могла сделать из него хорошего компаньона. Рою так не хотелось возвращать Стивена обратно в тюрьму. Но он никак не мог придумать способ тайно или в открытую освободить художника, особенно в той сложной политической ситуации, которая сложилась в стране. И снова у доктора Сабрины Пальма окажется ее даритель и благодетель. Рой только надеялся на то, что сможет придумать достаточно веские основания, чтобы время от времени навещать Стивена Акблома или даже снова получить право на временную опеку над ним, якобы для консультации по поводу других случаев, встречающихся в работе.

Когда женщина тихо сказала Спенсеру: «Спенсер, подождите!», Рой понял, что собака почувствовала их присутствие. Они не шумели, поэтому учуять их могла только эта чертова собака!

Рой подумал, не стоит ли протиснуться возле художника к открытой двери и

попытаться выстрелить в голову тому, кто первый покажется на лестнице.

Но это мог оказаться Грант. Рой не хотел убивать Гранта, не получив от него ответов на несколько вопросов. А если первой появится женщина, то Спенсер может вообще отказаться отвечать на вопросы. И Стивен не станет помогать Рою допрашивать Гранта, поскольку, убив женщину, Рой лишит Стивена возможности довести ее до состояния ангельской красоты. У художника просто не будет стимула.

Вдыхаем персики, выдыхаем ядовитую зелень.

Еще один вариант: если предположить, что эта парочка все еще вооружена «узи», с помощью которого они разнесли стабилизатор вертолета в Седар-Сити на мелкие кусочки, и что первый из них появится наверху лестницы с оружием в руках, то Рою и Стивену не поздоровится в этом узком пространстве. Если Рой промахнется, стреляя в них, то ответная очередь из «узи» изрешетит его и Акблома.

Видимо, лучше подождать и оставаться пока незаметным.

Рой коснулся плеча Стивена и показал ему, что следует отступить подальше. Они не могли сразу пройти снова в шкаф и через него в архив. Чтобы туда пробраться, им придется мелькнуть в дверном проеме у лестницы. Если даже парочка внизу не сможет их увидеть, когда они будут пересекать комнату прямо под этим желтоватым освещением, то тени выдадут их. Им пришлось плотнее прижаться к стене, чтобы не было никаких теней в комнате. Они попятились от двери к стене, противоположной входу в шкаф. Рой и Стивен с трудом втиснулись в узкое пространство за задней стеной шкафа, которую Грант откатил по металлическим рельсам. Эта подвижная секция была семи футов высотой и более четырех футов шириной. Между ней и бетонной стеной было пространство шириной в восемнадцать дюймов, где только и можно было спрятаться. В этом пространстве Роя и Стивена было трудно заметить.

Если Грант, или женщина, или они оба войдут в комнату и прокрадутся к открытому проходу в задней стене шкафа, Рой сможет выглянуть из укрытия и попытается выстрелить им в спину. Если и не убьет их, то хотя бы ранит.

Попытайся они заглянуть в узкое пространство за стеной шкафа, он все равно выстрелит в них первым.

Персик – в себя, зелень – наружу.

Он чутко прислушался, держа пистолет в правой руке. Ствол был направлен в потолок.

Рой услышал осторожные шаги по бетонной лестнице. Кто-то поднялся к самому ее верху.

* * *

Спенсер еще был внизу. Он бы хотел, чтобы Элли дала ему возможность подняться первым.

Она же остановилась, когда до верха оставались три ступеньки, и прислушивалась, наверное, целую минуту, потом начала снова подниматься. Она постояла тихо, и ее силуэт был виден в ореоле желтоватого света, падавшего из верхней комнаты. Но ее также подсвечивал синий свет из нижнего помещения. Ее фигура напоминала странные изображения художников-модернистов.

Рокки больше не интересовался комнатой наверху. Собака отошла от Спенсера и стояла у серой двери.

Элли переступила порог и остановилась прямо в верхней комнатке. Она прислушивалась, поворачивая голову вправо и влево.

В подвале Спенсер снова посмотрел на Рокки. Тот поднял одно ухо вверх, наклонил голову и весь дрожал. Рокки заглядывал в проход, ведущий в катакомбы и в самое сердце ужаса.

Спенсер сказал, обращаясь к Элли:

– Кажется, у нашего лохматика снова сильный приступ страха. – Элли глянула вниз.

Рокки заскулил. – Теперь он стоит у следующей двери и, наверное, сделает лужу, если я отвернусь.

– Кажется, здесь все в порядке, – сказала Элли и спустилась вниз.

– Его просто пугают призраки этого места, – сказал Спенсер. – Мой лохматый дружок всегда пугается новых мест. Но на этот раз у него для этого есть чертовски веские причины.

Он поставил пистолет на предохранитель и снова сунул его за пояс.

– Трусит не только Рокки, – добавила Элли, вешая «узи» на плечо. – Давайте наконец доведем все до конца.

Спенсер снова переступил порог – это был переход в потусторонний мир. С каждым шагом вперед он все дальше пятился назад в прошлое.

* * *

Они оставили автобус там, где им посоветовал человек, с которым Гарри говорил по телефону. Дариус, Бонни и Мартин пошли вместе с Гарри, Джессикой и девочками через соседний парк по направлению к пляжу, расположенному в полутора сотнях ярдов отсюда.

В кругах света от фонарей никого не было видно, но из темноты доносились странные взрывы смеха. Гарри слышались голоса, непонятные отрывки разговоров. Они неслись со всех сторон и даже перекрывали шум и плеск волн. Послышался женский голос, не совсем трезвый, он все время повторял:

– Ну, малыш, ты настоящий котяра. Нет, ты просто настоящий кот, клянусь тебе!

Темноту ночи пронзил резкий высокий мужской смех. Он раздался чуть в отдалении от невидимой женщины. В другой стороне другой мужчина, судя по голосу, старик, рыдал от горя. Еще один невидимый мужчина с чистым юным голосом повторил три слова, как будто читал мантру:

– Глаза в языках, глаза в языках, глаза в языках...

Гарри начало казаться, что он ведет свою семью сквозь сумасшедший дом, разместившийся на свежем воздухе. Это был настоящий Бедлам, но без крыши – над головой были только кроны пальм и ночное небо.

Бездомные, безработные алкоголики и сумасшедшие жили здесь в разросшихся кустах. Они прятались там в больших картонных коробках, в которые для тепла набивали газеты и старые одеяла, подобранные на помойке. При солнечном свете эта толпа бродяжек расплзалась по закоулкам, и день был наполнен загоревшими любителями серфинга и подростками, которые катались на роликах по асфальтовым дорожкам. Настоящие жильцы этих пляжей, вылезая на свет Божий, проверяли содержание мусорных бачков, попрошайничали и отправлялись по делам, известным им одним. Ночью парк снова принадлежал только им – зеленые поляны, скамейки и площадки для игры в мяч были удивительно опасными местами. В темноте отчаявшиеся души выползали из укрытий, готовые напасть на любого, кто попадется под руку. Они с большой охотой нападали на беспечных отдыхающих, которые считали, что парк – достояние общественности в любое время суток.

Конечно, это было не место для женщин и девочек. Даже вооруженные люди чувствовали себя здесь неуютно, но дорога через парк была самой короткой, ведущей к старому пирсу. На лестнице у пирса их должен был встретить какой-то человек, который поведет их отсюда в новую жизнь. Они двигались к ней вслепую.

Они думали, что им придется ждать. Но из темноты у лестницы навстречу им вышел мужчина.

Несмотря на то, что рядом не было ни одного фонаря и огни города освещали только линию берега, Гарри узнал человека, который пришел за ним. Это был тот самый мужчина с азиатской внешностью в свитере с оленем, заговоривший с ним в мужском туалете кинотеатра в Вествуде несколько часов назад.

– Фазаны и драконы, – сказал тот человек, как будто он не был уверен, что Гарри

сможет запомнить азиата.

– Да, я вас знаю, – ответил ему Гарри.

– Вам говорили, чтобы вы пришли одни, – недовольно заметил мужчина, но сказал это не очень сердито.

– Мы хотели попрощаться, – объяснил ему Дариус. – И мы не знали... Мы хотели знать... как мы сможем связаться с ними там, куда они отправляются.

– Вы не сможете этого сделать, – сказал мужчина с оленем. – Вам будет тяжело с этим смириться, но вы, наверное, никогда больше не увидите их.

В автобусе, еще до того, как Гарри позвонил, и потом, пока они брели по парку, они уже допускали, что, вероятно, им придется расстаться навсегда. Но, услышав это сейчас, какое-то мгновение никто не мог вымолвить ни слова. Они просто смотрели друг на друга, словно парализованные.

Человек в свитере с оленем отошел от них на несколько шагов, чтобы они могли попрощаться, но заметил им:

– У нас очень мало времени.

Хотя Гарри потерял свой дом, счета в банке, работу и вообще все, кроме одежды, которая была сейчас на нем, все эти потери представлялись теперь не самыми страшными.

Из своего горького опыта Гарри вынес, что права на собственность составляют основу всех прав человека и его гражданских прав. Но его переживания по поводу того, что у него украли все, чем он владел, нельзя было сравнить с одной десятой, да что там – одной *сотой* страданий, которые приходилось пережить, теряя любимых, родных людей. Для него было ударом кража дома и всех сбережений, но эта последняя потеря оказалась подобна внутренней ране, как будто у него вырезали кусок сердца. Эту боль почти невозможно было вынести.

Они попрощались и сказали друг другу совсем немного слов – никакие слова не выразили бы их боль.

Все крепко обнимали друг друга, зная, что, вероятно, они прощаются навсегда, пока не встретятся на дальних берегах, лежащих за краем могилы. Их мать верила в эти дальние и прекрасные берега. Повзрослев, они отошли от тех представлений, которые она привила им. Но в этот момент, на этом месте, они снова пытались обрести веру. Гарри крепко обнял Бонни, потом Мартина и наконец подошел к брату. Тот только что со слезами попрощался с Джессикой.

Гарри обнял Дариуса, прижал его к себе и поцеловал в щеку. Он уже давно не целовал своего брата, даже не мог припомнить, когда это было в последний раз-. Они уже давно были слишком взрослыми для подобных нежностей. Теперь Гарри недоумевал, что за глупые правила у взрослых людей, не позволяющие им высказывать нежность друг к другу. Этим последним поцелуем они старались выразить, как сильно любят друг друга.

Волны разбивались об опоры пирса, но их рев казался Гарри тише, чем громкий стук его сердца. Он наконец выпустил Дариуса из объятий. Ему не хватало света, он в последний раз посмотрел в лицо брата, чтобы запомнить его навсегда.

Он желал запечатлеть это мгновение в памяти, потому что расставался с Дариусом, даже не имея ни одной его фотографии.

– Пора идти, – сказал человек в свитере с оленем.

– Может, еще не все потеряно, – сказал Дариус.

– Мы надеемся на это.

– Может, мир еще придет в себя.

– Будьте осторожны, когда пойдете через парк, – сказал Гарри.

– Не беспокойся за нас, – сказал ему Дариус. – Здесь нет никого страшнее меня.

Вспомни, я же адвокат.

Смех Гарри больше напоминал рыдания.

Вместо слов прощания он произнес:

– Мой маленький братишка.

Дариус кивнул головой. В какой-то момент казалось, что он не сможет вымолвить ни слова, но потом он сказал:

– Большой брат.

Джессика и Бонни оторвались друг от друга, прижимая к глазам бумажные салфетки.

Девочки и Мартин тоже попрощались.

Человек в свитере с оленем повел одно семейство Дескоте вдоль пляжа. Вторая семья Дескоте стояла у пирса и смотрела им вслед. Все вокруг было бледным и призрачным, как во сне. Фосфоресцирующая пена волн впитывалась в песок с шуршанием и шипением, как будто властные голоса шептали неразборчивые предупреждения из тьмы ночного кошмара.

Гарри три раза оборачивался и смотрел на оставшихся родственников, но потом у него уже не было сил оглядываться назад.

Они продолжали шагать по пляжу на юг даже после того, как закончился парк. На пути попало несколько ресторанов. Поскольку был понедельник, в этот вечер они все были закрыты. Потом миновали мотель и жилые кварталы. Из окон домов, стоявших на берегу, лился теплый свет. Там продолжалась жизнь, как будто люди за окнами не боялись наступившей темноты.

Пройдя, наверное, мили полторы, а может быть, и две, они снова приблизились к ресторану. Там горели огни, но большие окна были расположены высоко над землей, и Гарри не мог увидеть, есть там посетители или нет. Мужчина в свитере с оленем провел их мимо ресторана к парковке. Они подошли к белому с зеленым домику на колесах, рядом с которым все машины казались маленькими.

– Почему мой брат не мог подвезти нас прямо сюда? – спросил Гарри.

Их проводник ответил:

– Вашему брату лучше не знать про этот домик на колесах и не видеть его номер. Ради его же собственного спокойствия.

Они вошли в домик через боковую дверцу.

Внутри была крохотная прихожая, за ней виднелась кухня. Проводник отступил в сторону и показал, что им нужно пройти дальше внутрь.

Там их ждала женщина-азиатка. Ей было чуть за пятьдесят. На ней были черный брючный костюм и красная блузка с высоким китайским воротничком. Она стояла у стола в комнате за кухней. У нее было чудесное лицо и удивительно милая улыбка.

– Я рада, что вы пришли, – сказала она, как будто они заглянули к ней в гости. – Здесь за столом уместится семь человек, так что нам впятером места хватит. По пути мы сможем поговорить. Нам нужно многое выяснить.

Они все уселись за стол.

Человек в свитере сел за руль и завел мотор.

– Вы можете называть меня Мэри, – сказала женщина. – Вам лучше не знать моего настоящего имени.

Гарри хотел промолчать, но он не умел лгать:

– Боюсь, что я вас узнал, и уверен, что моя жена тоже знает вас.

– Это так, – подтвердила Джессика.

– Мы несколько раз обедали в вашем ресторане, – сказал Гарри. – Он расположен в Западном Голливуде. Очень часто вы или ваш муж встречали гостей у двери.

Она кивнула и улыбнулась:

– Я рада, что вы смогли меня узнать вне... как бы лучше выразиться, вне обычной обстановки.

– Вы и ваш муж такие приятные люди, – заметила Джессика. – Вас не так легко забыть.

– Вам нравилось у нас в ресторане?

– Там просто чудесно.

– Спасибо, вы очень добры. Мы всегда стараемся угодить нашим гостям. Но я не встречалась с вашими прелестными девочками, хотя и знаю, как их зовут, – сказала хозяйка ресторана. Она пожала руку каждой девочке. – Ондина и Вилла, меня зовут Мей Ли. Я рада

познакомиться с вами. Я хочу, чтобы вы ничего не боялись. Теперь ваша жизнь в надежных руках.

Домик на колесах выехал со стоянки на улицу и двинулся дальше.

– Куда мы едем? – спросила Вилла.

– Сначала нам нужно выбраться из Калифорнии, – ответила Мей Ли. – Мы едем в Лас-Вегас. В этих местах много людей путешествуют в таких же домиках на колесах. Мы всего лишь одни из них. Потом я вас покину, и вы отправитесь дальше с другими людьми. Некоторое время фотографии вашего отца будут появляться в газетах, и пока о нем будут рассказывать разные небылицы, вы уже окажетесь в безопасном и спокойном месте. Вам придется изменить свою внешность и научиться помогать таким же людям, как вы. У вас появятся новые имена и фамилии. Вы поменяете прически. Мистер Дескоте, вам, видимо, придется отрастить бороду. Вам еще предстоит поработать с хорошим педагогом, чтобы расстаться с карибским акцентом, хотя его очень приятно слышать. О, вас ждет так много дел и изменений. Но вам будет достаточно приятно, хотя сейчас в это трудно поверить. У вас будет важная работа. Ондина, мир не пропал. Вилла, я повторяю тебе то же самое. Он просто проходит через край темного облака. Нам нужно многое сделать, чтобы это облако не поглотило нас окончательно. Я вам обещаю, что этого не случится. Перед тем как мы начнем, я могу предложить вам чай, кофе, вино, пиво или, может, лимонад?

* * *

...Раздетый до пояса, босой, я так замерз в эту жаркую июльскую ночь. Пройдя мимо зеленого стула и лилового столика, я останавливаюсь в конце комнаты, освещенной синим светом. Я стою перед открытой дверью. Я не желаю продолжать это странное путешествие. Мне хочется поскорее выбежать в теплую темную ночь, где мальчик снова может стать мальчиком. Туда, где правда, которую я, как мне кажется, не знаю, может остаться вечно неизведанной.

Я не успел моргнуть и глазом, как будто меня перенесло с помощью волшебного заклинания, но я уже покинул синюю комнату и оказался в подвале строения, которое раньше было настоящим сараем и располагалось рядом с тем местом, где теперь стоит этот новый флигель. Старый сарай был полностью разрушен, землю разровняли и посеяли там траву. Но подпол остался нетронутым и был соединен с самыми глубокими подвалами нового флигеля.

Снова против моей воли меня потянуло вперед. Или, может, мне кажется, что помимо моей воли. Хотя я дрожу от страха перед какой-то неизвестной мне темной силой, которая увлекает меня, на самом деле мною движет скрытое желание все узнать, обрести и понять правду.

Я пытался подавить это желание с той ночи, когда была убита моя мать.

Я нахожусь в коридоре шириной футов шесть, с наклонным полом.

Со сводчатого потолка петлями свисает электрический провод. Неяркие лампочки, как на рождественской елке, висят на расстоянии фута одна от другой. Стены сложены из обычных красно-черных кирпичей, заляпанных цементом. В некоторых местах на кирпичях заплатки грязной белой штукатурки, гладкой и сальной, как жир на куске мяса.

Я стою в этом крохотном коридорчике, чувствуя, как колотится мое сердце. Я прислушиваюсь к звукам в комнатах подо мной, пытаюсь понять, что меня может ожидать впереди. Я прислушиваюсь к звукам в комнатах, которые я уже миновал. Я хочу, чтобы меня кто-нибудь позвал и я мог бы вернуться в спокойный мир наверху. Но не слышно ни звука ни впереди, ни позади, только стук моего сердца. Хотя мне не хочется прислушиваться к тому, что оно шепчет мне, я понимаю, что сердце уже знает все ответы. В глубине души я понимаю, что правда о моей дорогой мамочке ждет меня впереди и что позади остался мир, который уже никогда больше не будет прежним для меня. Мир, который изменился раз и навсегда, и в худшую сторону. И случилось это тогда, когда я

вошел во флигель.

Пол здесь каменный, и мне он кажется ледяным под моими босыми ногами.

Пол довольно круто идет под уклон, но коридор заворачивает широкой петлей, поэтому при необходимости можно толкать тачку вверх без особого усилия или спускать ее вниз, не рискуя, что она потащит тебя за собой.

Испуганный, я шагаю босиком по этому ледяному полу, поворачиваю и попадаю в помещение длиной в тридцать футов и шириной в двенадцать. Пол здесь ровный, спуск закончился. Низкий ровный потолок. Как бы припорошенные снегом тусклые елочные лампочки на петляющем проводе дают недостаточно света. В прежние дни, до того как на ранчо провели электричество, здесь хранили фрукты и овощи, собранный в августе картофель и сентябрьские яблоки. Подвал достаточно глубокий, чтобы было прохладно летом и ничего не замерзло зимой. Здесь полки были заставлены домашними заготовками фруктов и овощей.

Какой бы ни была эта комната раньше, сейчас она выглядит совершенно иначе. Я просто примерзаю к полу и не могу двигаться дальше. Вдоль одной длинной стены и захватывая половину следующей, стоят фигуры людей в натуральную величину, изготовленные из белого гипса. У каждого своя ниша, и кажется, что люди пытаются выбраться из этих стен. Здесь фигуры взрослых женщин и девочек лет по десять-двенадцать. Все обнажены. Их, должно быть, двадцать, тридцать, а может, и сорок. Некоторые стоят в отдельных нишах, другие составляют группы в два или три человека. Они склонились голова к голове, раскинув руки и иногда соприкасаясь ими. Он нагло заставил одну группу схватиться за руки в безмерном отчаянии, ища спасения друг в друге. На лица невозможно смотреть. Чувствуется, что люди кричали, молили, агонизировали, боролись, корчились от невыносимой боли, страдали от такого кошмара, который было невозможно выдержать. Как правило, их позы выражали униженность. Они пытались защититься, вскинув руки, или умоляюще простирали их, или старались прикрыть ими грудь и гениталии. Одна женщина выглядывала сквозь растопыренные пальцы, прижав руку к лицу. Все они умоляли, плакали. Было видно, что они охвачены ужасом. Даже с первого взгляда можно было понять это. И если первое, что пришло на ум: это всего лишь гипсовые скульптуры, извращенное выражение помутившегося разума, – то тут же я понимаю, что на самом деле все гораздо хуже. Даже в полутьме их незрячие белые глаза зачаровывали меня. Под их взглядами я не мог сдвинуться с места.

Так всякий, взглянувший на лицо Медузы Горгоны, превращался в камень. Но ее лицо было ужасно, а лица передо мной были не такими.

Они пугают потому, что эти женщины могли быть матерями, напоминавшими мою мать, молодыми девушками, которые могли быть мне сестрами, если бы Бог послал мне сестру. Это были люди, которых кто-то любил, и они тоже любили кого-то. Они ощущали у себя на лицах тепло солнца и прохладу дождя. Они смеялись и мечтали о будущем. Они волновались и надеялись. Они превратили меня в камень, потому что я разделял с ними общечеловеческие черты, потому что я делил с ними их ужас и страшился его. Выражение измученных лиц было настолько страшным, что их боль стала моей болью, а их смерть – моей смертью. Их чувство покинутости и страх от того, что они были одиноки в последний час, передались мне.

Выносить это зрелище просто невозможно. Но мне необходимо смотреть на них, потому что хотя мне четырнадцать лет, всего лишь четырнадцать, я понимаю, что те муки, которые они перенесли, требовали сострадания и злости, потому что каждая мать могла быть моей матерью, сестры могли быть моими сестрами. Все они жертвы, подобно мне.

Можно подумать, что кругом всего лишь гипс, которому придали такую странную форму. Но гипс – только оболочка, материал, который помог сохранить выражение муки и ужасные молящие позы. На самом деле это не естественные позы женщин в момент смерти – им придали эти позы, выражающие муку, уже после их смерти. Даже в этой

милосердной полутьме, в мерцающем свете лампочек я мог различить места, где гипс потерял свою первоначальную окраску. Его чистоту нарушили ужасные выделения, которые просочились изнутри, – серый цвет и цвет ржавчины, зеленовато-желтые отметины, биологическая плесень, анализ которой даст возможность установить дату появления фигур в нишах.

Запах в помещении невозможно описать – он настолько интенсивен и включает столько разных оттенков, что мне становится дурно. Позже выяснится, что он использовал колдовские отвары и химические составы, чтобы сохранить тела в их гипсовых саркофагах.

Ему это удалось до некоторой степени, хотя, конечно, происходило медленное разложение. Доминировал кладбищенский запах, запах потустороннего мира, возникающий после того, как живые попрощались с покойником и забили крышку гроба. Но еще присутствовал резкий запах аммония и свежий запах лимонов. Он сочетал в себе оттенки горечи, сладости и кислоты – все вместе создавало такую странную гамму ароматов, что только от одного этого, даже если забыть про ужасные фигуры, мое сердце дико колотится в груди, и моя кровь стынет, как стынута реки в январе.

В той стене, которая еще не до конца заполнена телами, приготовлена ниша для следующего «экспоната»! Он вытащил оттуда кирпичи и сложил их рядом. Снаружи, за стеной, он вынул еще почву. Подле выемки стояли пятидесятифунтовые мешки с готовым гипсом, длинное деревянное корыто для размешивания гипса, внутри обитое железом, две канистры фиксирующего раствора на дегтярной основе, инструменты, необходимые каменщику и скульптору, кучка деревянных кольев, мотки проволоки и многое другое, что я не смог разглядеть в темноте.

Он был готов. Ему была нужна только женицина, которая могла стать следующей фигурой в его выставке ужасов. Но и она уже была у него. Именно она помочилась там в фургоне от страха, и ее руки бились стаяй испуганных птиц о дверь наверху.

Что-то двинулось, быстро и осторожно, вылезая из дыры в стене. Оно двигается между инструментами, через тени и отсветы огня, прозрачные, как лед. Увидев меня, оно застывает, как застыл я при виде замученных женицин в нишах.

Это – крыса, но необычная. Ее череп совершенно деформирован. Один глаз расположен ниже другого, рот скорчен в постоянную изломанную усмешку. За первой крысой следует вторая. Она также застывает при виде меня. Но прежде она поднимается на задние лапы. Она тоже не похожа на обычную крысу, но отличается и от первой – у нее странно длинные и искривленные конечности и небывало широкий нос на узкой морде.

Это, видимо, члены семьи паразитов, которые живут и питаются в катакомбах. Они прорыли туннели позади этих ниш и жрали останки, обильно пропитанные химикатами и веществами, консервирующими плоть несчастных жертв. Каждый год новое поколение паразитов производило новые виды мутантов, и они с каждым годом становились все ужаснее и ужаснее. Животные очнулись от столбняка и побежали обратно к норе, откуда появились. Я никак не могу прийти в себя.

* * *

Шестнадцать лет спустя эта длинная комната уже не была такой, какой она была в ночь сов и крыс. Гипс сорвали со стен и убрали. Жертв освободили из их ниш на стенах. Между колоннами из красно-черных кирпичей, которые отец Спенсера оставил между нишами как подпорки, была видна темная земля. Полиция и судебные патологоанатомы, работавшие долгие недели в этой комнате, попросили добавить вертикальные столбы между этими кирпичными колоннами. Казалось, они не верили подпоркам, которые установил Стивен Акблом.

В холодном сухом воздухе сейчас немного пахло землей и камнем, но это был чистый воздух. Резкие выделения химикатов и запах разложения уже исчезли.

Стоя снова в этой комнате с низким потолком, рядом с Элли и собакой, Спенсер помнил тот испуг, который охватил его, когда ему было всего четырнадцать лет. Но его поразило, что он ощущал не только испуг. Да, был и ужас, и отвращение, но сильнее ощущались жуткая злоба и жалость к мертвым. Сочувствие к тем, кто их любил, и вина за то, что он не смог никого спасти.

Еще он ощущал грусть оттого, что у него уже никогда не будет той жизни, которая открывалась перед ним до сегодняшней ночи.

Кроме того, его охватило неожиданное благовестие, которое чувствуешь в любом месте, где погибли невинные люди, начиная с Голгофы и кончая Дахау и Бабым Яром. Такое происходит на безымянных полях, где Сталин погубил миллионы душ, и в комнатах, где жил Джеффри Дамер, и в камерах пыток инквизиции.

Почва в месте любого убийства осквернена грехами убийц, творящих там свои мерзкие дела. Такие люди часто считали себя избранными, но на самом деле они подобны навозным мухам, а ни один навозный жук или муха не могут превратить даже квадратный сантиметр почвы в священную землю.

Святые становятся их жертвами, погибающие вместо кого-то, кому судьба повелела продолжать жить. Хотя многие, зная или не зная об этом, умирают вместо других людей – эта жертва не менее священна, раз судьба выбрала для них такую долю.

Если бы в этих опустевших катакомбах были жертвенные свечи, Спенсер хотел в зажечь их и смотреть в их пламя, пока не ослепнет. Если бы здесь был алтарь, он бы стал молиться у этого алтаря. Если бы представилась возможность пожертвовать своей жизнью и взамен получить жизнь сорока одной жертвы и жизнь его матери, он ни секунды не колеблясь покинул бы этот мир, чтобы проснуться уже в ином. Но он мог сделать только одно – никогда не забывать, как люди страдали и умирали в этом месте. Такую жертву он приносил им. Он обязан был оставаться свидетелем. Если он забудет, то обесчестит тех, кто погиб здесь и вместо него тоже. Ценой памяти была его душа.

Рассказав про эти подвалы, какими они были, когда он пришел сюда на крик женщины, разбудивший его, Спенсер не мог дальше продолжать рассказ. Он продолжал говорить, по крайней мере ему так казалось, но потом понял, что слова застревают у него в горле. Его губы двигались, но не было слышно ни звука, в комнате царила тишина.

Наконец он издал высокий, резкий, короткий, почти детский вскрик страдания, похожий на тот крик, который вырвал его из сна в ту далекую июльскую ночь. И таким же стал следующий крик, встряхнувший его и освободивший от паралича. Он спрятал лицо в ладони и стоял, сотрясаясь от горя. Его горе было настолько сильным, что он не пролил ни слезинки и не мог рыдать. Спенсер ждал, когда пройдет этот приступ отчаяния.

Элли понимала, что его не утешит ни прикосновение, ни слова.

Рокки, обладая радостной собачьей невинностью, считал, что горе можно облегчить, если как следует помахать хвостом, приласкаться или ласково лизнуть грустного хозяина. Он начал тереться о ноги Спенсера и махать хвостом. Потом он отошел в сторону – его старания оказались напрасны.

Неожиданно Спенсер снова заговорил. Слова возникли так же спонтанно, как минуту назад замерли у него на губах.

– Я снова услышал женский крик. Он доносился из глубины подвала. Крик не был слишком громким, это был не вопль, а скорее жалоба Богу. – Спенсер направился к последней двери в конце подвала. Элли и Рокки шли за ним. – Проходя мимо женщин в нишах, я вспомнил что-то, что случилось шесть лет назад, когда мне было восемь лет, – другой крик. Крик моей матери. В ту весеннюю ночь я проснулся, проголодавшись, и вылез из кровати, чтобы взять что-нибудь перекусить. На кухне в стеклянной банке с крышкой лежали свежие шоколадные печенья. Я отправился за ними вниз. В некоторых комнатах горел свет. Я думал, что увижу маму или отца. Но никого не было.

Спенсер остановился у черной двери в конце подвала, который для него всегда был катакомбами – подземным кладбищем, и им останется навсегда, несмотря на то, что отсюда

убрали все тела.

Элли и Рокки стояли рядом с ним.

– В кухне было темно. Я собирался забрать с собой побольше печенья, гораздо больше того, что мне разрешали съесть за один раз. Я полез в банку, когда услышал крик. Он доносился снаружи. Из-за дома. Я подошел к окну, возле которого стоял стол, и раздвинул занавески. Моя мама бежала по газону от сарая к дому. Он... он бежал за ней и догнал ее во внутреннем дворике у бассейна. Резко повернул к себе и ударил ее. Он бил ее по лицу, она снова закричала. Он бил ее. Бил, бил, бил! Еще и еще раз. Резкие, короткие удары. Мою мамочку. Он бил ее кулаком. Она упала. Он ударил ее по голове. Он ногой ударил мою маму по голове. Она замолчала. Все закончилось так быстро. Все закончилось слишком быстро. Он глянул в сторону дома. Он не видел меня в темной кухне через узкую щелку между занавесками. Он поднял маму и понес ее во флигель. Я все это время стоял у окна. Потом я высыпал печенье в банку, закрыл ее крышкой и пошел наверх. Лег в постель и накрылся с головой...

– И ничего не вспоминали в течение шести лет? – спросила Элли.

Спенсер покачал головой:

– Я далеко запрятал это воспоминание. Именно поэтому я не мог спать при включенном кондиционере. Глубоко подсознательно, не догадываясь об этом, я боялся, что он может прийти за мной ночью и я не услышу его шагов из-за шума кондиционера.

– И в ту ночь, спустя шесть лет, окно в вашей комнате было открыто, и вы слышали другой крик...

– Он взволновал меня сильнее, чем я понимал это сам. Крик поднял меня с постели, привел к флигелю и сюда, вниз. И когда я шел к этой черной двери, на этот крик...

Элли протянула руку к ручке двери, но он удержал ее.

– Нет, не сейчас, – сказал он. – Я еще не готов снова войти туда.

* * *

...Стою босиком на ледяном камне, потом подхожу к черной двери, переполненный страхом от всего, что я видел здесь сегодня. Но во мне еще живет и страх, рожденный той весенней ночью, когда мне было восемь лет. Этот страх подавлялся так долго, но вдруг он вырвался из моей души. Однако я нахожусь в том состоянии, когда уже не чувствуешь страха. Словами нельзя описать мои чувства. Я стою у черной двери, я ее касаюсь. Она такая черная, блестящая, как ночное небо без луны, отраженное на плоском безглазом лице пруда. Мне страшно, и я многого не понимаю. Мне одновременно восемь лет и четырнадцать, и я открываю дверь, чтобы спасти женщину, которая оставила кровавых птиц на двери. Но я еще хочу спасти и мою мать. Прошлое и настоящее слились воедино, и я вхожу в бойню.

Я открываю дверь в глубину, вокруг меня только ночь. Потолок над головой черный, как стены, а стены – черны, как пол. Пол похож на дорогу в ад. Обнаженная женщина в полубессознательном состоянии, окровавленная, с разбитыми губами, мотает головой, как бы пытаясь что-то отрицать. Она прикована к стальной плите. Кажется, что эта плита просто парит в темноте, потому что ее подпорки тоже черные. Единственная лампочка освещает только плиту. Лампочка в черном патроне плавает в пустоте, отражаясь в стальной плите мелкими точками, как какое-то небесное тело или луч резкого света, направляемый инквизитором, вообразившим себя богом. Мой отец весь в черном. Видны только его руки и лицо. Кажется, что они существуют отдельно от его тела, ведут свою собственную жизнь. Все напоминает последний этап создания нового существа. Из ниоткуда он достает тонкий блестящий шприц. На самом деле рядом с плитой находится шкафчик. Его не различишь в полной черноте – черное на черном.

Я кричу:

– Нет, нет, нет!

И бросаюсь на него, чем сильно удивляю отца. Шприц исчезает в темноте, из которой и появился. Я отталкиваю отца от импровизированного стола, из света в страшную темноту, пока мы не врезаемся в стену в конце вселенной. Я кричу и бью его, но мне четырнадцать лет, и я очень худой. Отец находится в расцвете сил, он сильный и мускулистый.

Я пытаюсь ударить его ногой, но я босиком, и толку от удара мало. Отец легко поднимает меня, разворачивается – я словно парю в воздухе – и бьет меня спиной о твердую черноту. У меня захватывает дух. Он ударяет меня еще раз. У меня возникает жуткая боль в спине. Я чувствую дурноту, перед глазами расплывается темнота. Она поднимается откуда-то изнутри, и она чернее, чем темнота вокруг меня. Но женщина кричит еще раз, и ее голос помогает мне прогнать внутреннюю темноту, хотя я и не могу справиться с отцом.

Он прижимает меня к стене своим телом, он приподнимает меня над полом, его лицо прямо предо мной, пряди черных волос падают ему на лоб. Его глаза настолько темные, что походят на дыры, через которые я как будто вижу черноту позади отца.

– Не бойся, не бойся, не бойся, мальчик. Мой малыш, мальчишка. Я тебя не обижу. Ты – моя кровь, мое семя, мое создание, мое дитя. Я тебя никогда не обижу. Все хорошо? Ты понимаешь меня? Да? Ты меня слышишь, сынуля, мой милый мальчик, мой милый малыш Мики, ты меня слышишь? Я рад, что ты здесь. Все должно было случиться рано или поздно. Лучшее, что все уже случилось. Милый мальчик, мой милый мальчик! Я знаю, почему ты здесь, я знаю, почему ты пришел.

Я ошеломлен и растерян, и не могу ориентироваться здесь, в этой темноте. Я в ужасе от всего увиденного в этих катакомбах и из-за того, что отец ударил меня спиной о стену.

В том состоянии меня убаюкивает его голос. Я боюсь отца, но в голосе звучат убаюкивающие нотки, я почти верю, что он не причинит мне вреда. Может, я неправильно понял то, что увидел. Он продолжает говорить со мной таким же гипнотизирующим голосом. Слова льются мутным потоком, он не дает мне возможности подумать. Боже мой, у меня голова идет кругом, он продолжает прижимать меня к стене. Лицо, как огромная луна, нависает надо мной.

– Я знаю, почему ты пришел. Я понимаю тебя, я тебя чувствую. Я знаю, почему ты здесь. Ты – моя кровь, мое семя, мой сын. Ты похож на меня, как мое отражение в зеркале. Ты меня слышишь, Мики, мой милый маленький мальчик, ты меня слышишь? Я знаю, каков ты, почему ты сюда пришел, почему ты здесь, что тебе нужно. Я знаю, что тебе нужно. Я знаю, я знаю. И ты тоже знаешь это. Ты это знал, когда проходил через дверь и увидел ее на столе, увидел ее груди, увидел то, что находится у нее между ног. Ты знаешь, да, о да, ты знаешь, ты этого хочешь. Ты знал, ты знал, что ты хочешь, что тебе нужно и кто ты такой. Все правильно, Мики, все нормально, мой малыш, мой мальчик. Все нормально. Ты такой же, как я. Мы родились такими, каждый из нас, мы такими должны были быть.

Потом мы очутились у стола, я не знаю, как мы там оказались. Женщина лежит передо мной. Мой отец прижимается к моей спине и толкает меня к столу. Он крепко схватил мою правую руку и прижимает ее к груди женщины и тянет вниз по ее обнаженному телу. Женщина почти ничего не чувствует.

Потом она открывает глаза. Я смотрю в них. Я умоляю ее, чтобы она поняла меня, а он силком тянет мою руку к ее телу, касается ею везде. И говорит, говорит, не умолкая. Он мне объясняет, что я могу делать с ней все, что угодно. Все, что мне хочется. Все нормально, я рожден, чтобы делать это. Она здесь только для того, чтобы я делал с ней все, что угодно.

Я немного пришел в себя и начинаю сопротивляться, резко, но несильно, у меня не хватает сил для настоящего сопротивления. Его рука ухватила меня за горло, он душит меня и прижимает к столу своим телом.левой рукой он меня душит, душит. Я чувствую во рту кровь и снова становлюсь таким слабым. Он знает, когда отпустить меня, чтобы я не

потерял сознание. Он не хочет, чтобы я терял сознание. У него другие планы. Я привалился к нему и плачу. Мои слезы попадают на обнаженную кожу прикованной женщины.

Он отпускает мою правую руку. У меня почти не остается сил, чтобы отнять ее от тела женщины. Слышен звук металла. Рядом со мной. Я поворачиваю голову одной рукой, действующей будто сама по себе, – отец перебирает серебристые инструменты, которые тоже словно плавают в темноте. Он выбирает скальпель среди зажимов и пинцетов, лезвий и игл, мерцающих во тьме. Хватает мою руку и вкладывает в нее скальпель. Сжимая мою руку своей, больно прижимает суставы пальцев, он заставляет меня взять скальпель. Женщина снизу видит наши руки и сверкающую сталь, она молит нас не причинять ей боль.

– Я понимаю тебя и знаю, каков ты, – говорит отец. – Я знаю тебя, милый мальчик, мой родной мальчик. Знаю, все знаю. Ты расслабься и будь самим собой. Она тебе не кажется прекрасной? Ты не считаешь, что она самое прекрасное существо, которое ты когда-нибудь видел? Ты подожди, мы покажем ей, как стать еще прекраснее. Папочка покажет тебе, кто ты есть и что тебе нужно, что тебе понравится. Разреши мне показать тебе, как хорошо быть самим собой. Слушай, Мики, слушай меня. Те же самые мутные потоки рождает твое сознание, одна и та же темная река течет через твое и мое сердце. Прислушайся, и ты все услышишь. Ты услышишь, как глубокая темная река ревет там, она быстра и стремительна, и сильно грохочет. Позволь этой реке нести тебя вместе со мной, только со мной. Мы рядом. Высоко подними это лезвие. Ты видишь, как оно сияет? Пусть она увидит его. Ты видишь, что она увидела его? Она уже не отводит от него глаз. Лезвие высоко в воздухе сверкает в твоей и в моей руке. Почувствуй силу, которой мы обладаем, властвуя над нею, над всеми слабыми и глупыми, над всеми, кто никогда нас не поймет. Оставайся со мной, подними лезвие высоко...

Он уже не сжимает мне шею, а держит мою правую руку с лезвием. Левая рука у меня свободна. Вместо того чтобы протянуть руку назад или попытаться ударить его локтем – это не помогло бы мне, – я упираюсь рукой в стальной стол. Мне придают силы страх и ужас, и отчаяние. Напрягшись, я отталкиваюсь от стола. Потом упираюсь ногами. Я отталкиваюсь от стола двумя ногами и ударяю этого ублюдка, он теряет равновесие. Он покачнулся, все еще не отпуская руку со скальпелем, и пытается снова сжать мое горло. Но потом он падает на спину, а я падаю сверху на него. Скальпель летит в темноту. Оттого, что я рухнул на него, у отца перехватывает дыхание. Я свободен. Свободен. Я спотыкаюсь и бегу через черную дверь. Правая рука болит. Я ничем не могу помочь женщине. Я могу привести помощь, полицию. Кого угодно. Ее еще можно спасти. Я спотыкаюсь, но сохраняю равновесие, выбегаю в катакомбы, бегу, бегу мимо всех этих белых гипсовых женщин, пытаюсь кричать. Мое горло кровоточит внутри. Мне больно, и я не могу исторгнуть ни звука, только шепот. Но на ранчо меня никто не услышит. Здесь только я, он и обнаженная женщина. Но я бегу, бегу, кричу шепотом, и меня никому услышать.

* * *

Выражение лица Элли поразило Спенсера.

Он сказал:

– Мне не нужно было приводить тебя сюда, нельзя было подвергать тебя подобному испытанию.

Она казалась серой в беловатом свете лампочек.

– Нет, ты должен был это сделать. Если у меня были какие-то сомнения, они сейчас исчезли. Ты никогда не мог... сделать ничего подобного. Тебе нельзя было продолжать жить с таким грузом на сердце.

– Но мне от этого не отделаться. Мне всегда придется жить с этим. Теперь я не знаю, почему я поверил, что могу нормально жить. Я не имею права перекладывать часть этого веса на тебя.

– Ты можешь продолжать нормальную жизнь... Но тебе нужно все вспомнить. Мне

кажется, что теперь я знаю, что произошло в те минуты, которые ты не помнишь.

Спенсер не мог смотреть ей в глаза. Он смотрел на Рокки. Собака сидела в полном отчаянии – голова была опущена, уши тоже. Рокки сильно дрожал.

Спенсер перевел глаза на черную дверь. От того, что он найдет за нею, зависит, какое будущее его ждет – с Элли или без нее. Может, у него вообще нет будущего.

– Я не пытался бежать к дому, – сказал он, снова возвращаясь к прошлой ночи. – Он поймал бы меня на полпути. Прежде чем я смог бы воспользоваться телефоном. Вместо этого я, выскочив через шкаф, пробежал по комнате с документами и повернул направо в переднюю часть строения, в галерею. Сбегая по ступенькам в его студию, я слышал, как он из темноты бежал за мной. Я знал, что у него был пистолет в нижнем левом ящике стола. Я видел его там однажды, когда что-то искал в столе по его поручению. Вбежав в студию, я зажег свет и пробежал мимо его мольбертов и шкафов с красками, кистями и холстами. Стол в форме буквы L стоял в конце студии, я перепрыгнул через него, свалил стул и, дернув ящик, выдвинул его. Пистолет был там. Я не знал, как из него стрелять, и не знал, стоит он на предохранителе или нет. У меня сильно болела правая рука. Я с трудом удерживал эту чертову штуку двумя руками. Отец сбегал по лестнице и ворвался в студию – он пришел за мной. Поэтому я прицелился и нажал курок. Пистолет не стоял на предохранителе. Отдача почти усадила меня.

– Ты попал в него?

– Я, наверное, дернул пистолет, когда нажимал курок, и пуля попала в потолок. Но я не выпускал пистолет из рук, и отец приостановился. Он стал двигаться гораздо медленнее. Но он был таким спокойным, Элли, удивительно спокойным. Как будто ничего не случилось. Просто мой отец, милый старый папочка, немного волновался из-за меня. Понимаешь, он повторял мне, что все будет хорошо. Он пытался заговорить меня, как он это делал в той черной комнате. Все было так искренне. Он меня гипнотизировал. Он был уверен, что ему это удастся, я должен был только поверить ему.

Элли сказала:

– Он же не знал, что ты видел, как он бил твою мать и понес ее в сарай шесть лет спустя. Он мог предполагать, что ты свяжешь ее смерть с тем, что увидел в тайных комнатах, когда перестанешь паниковать, но до тех пор, он считал, у него еще было время, чтобы манипулировать тобой.

Спенсер не сводил взгляда с черной двери.

– Да, может, он думал именно так. Я не знаю. Он мне сказал, что, если я буду похож на него, я смогу постичь, в чем смысл жизни, узнать всю полноту жизни, без всяких правил и ограничений. Он обещал, что мне понравится то, что он мне покажет. Он еще сказал, что мне уже начало нравиться там, в черной комнате, но я боялся позволить себе насладиться этим чувством, однако скоро я привыкну и смогу получать от всего этого удовольствие.

– Но тебе это не понравилось, ты испытывал отвращение.

– Он повторил, что мне понравилось, что он видел, как мне это понравилось. Он снова говорил, что в моей крови его гены, они текут во мне, как река. Они текут через мое сердце. Наша общая река судьбы, темная река наших сердец. Когда он подошел к столу так близко, что я уже не мог промахнуться, я в него выстрелил. Он упал назад. Было ужасно видеть струю крови. Я был уверен, что убил его. Но до этой ночи я не видел кровь и показавшуюся струйку принял за кошмарный поток крови. Он упал на пол и перевернулся лицом вниз. Он лежал очень тихо. Я выбежал из студии и спустился вниз. Черная дверь все еще ждала его.

Она некоторое время молчала. Спенсер не мог говорить.

Потом Элли сказала:

– И в этой комнате с женщиной... это те минуты, которые ты не можешь вспомнить?

Дверь. Ему следовало взорвать эти старые подвалы. Чтобы все превратилось в пыль и грязь и было замуровано навечно. Ему не следовало оставлять эту черную дверь, чтобы не было возможности снова открыть ее.

– Когда я вернулся обратно, – с трудом продолжал он, – мне пришлось держать

пистолет в левой руке, потому что он смял мне все суставы правой руки, когда сжимал ее. Рука просто пульсировала от боли. Но я чувствовал в ней... не только боль. – Он посмотрел на свою руку. Тогда она была более тонкой, юношеской рукой четырнадцатилетнего мальчика. – Я все еще ощущал... гладкую кожу женщины после того, как он силой приложил мою руку к ее телу. Я чувствовал округлости ее груди. Их упругость и мягкость. Помнил ее плоский живот. Жесткость волос на лобке... и ее жар. Все эти ощущения сохранила моя рука. Они все еще присутствовали так же реально, как и моя боль.

– Ты в то время был мальчиком, – сказала она. В ее тоне не было отвращения к нему. – Ты в первый раз видел обнаженную женщину и в первый раз коснулся женщины. Боже мой, Спенсер, в такой экстремальной обстановке – она была не только страшной и эмоционально насыщенной, все ощущения соединились тогда – многое для тебя в тот момент произошло впервые. То, что ты касался ее, сильно подействовало на тебя. Так могло случиться и при нормальных условиях. Твой отец прекрасно понимал это. Он был умный сучий сын! Он пытался, используя твоё смущение и волнение, манипулировать тобой. Но это все ничего не значит!

Она была такой понимающей и всепрощающей. В этом искореженном мире те, кто был слишком милосерден, расплачивались за свое милосердие.

– Я вернулся сюда через катакомбы, прошел мимо всех мертвецов в нишах. Кровь моего отца стояла перед моими глазами, а моя рука помнила ощущение ее груди. Мне ярко припоминалось ощущение ее твердых, словно резиновых, сосков, когда они упирались в мою ладонь...

– Прекрати истязать себя.

– Никогда не лги собаке, – сказал Спенсер.

На этот раз в высказывании не содержалось даже намека на юмор. В его словах слышались горечь и ярость, пугавшие его.

В его сердце кипела ярость, она была чернее пола в этой комнате и чернее двери перед ними. Он уже не мог избавиться от этой ярости, как не мог в ту жаркую июльскую ночь избавиться от ощущения тепла и округлости женской груди, жившего в его руке, и бархатистости женской кожи. Его ярость не имела выхода и в течение шестнадцати лет лишь росла. Его подкорка хранила ее все эти годы. Он не был уверен, что знает, против кого она направлена – против отца или его самого. У нее не было цели, и он отрицал присутствие этой ярости в себе и глубже загонял ее внутрь. Теперь она конденсировалась в крепкий настой чистейшего гнева, и тот разъедал его, как настоящая кислота.

– ...Я продолжал ощущать ее соски на своей ладони, – продолжал он. Его голос дрожал от страха и гнева. – И вернулся сюда, к этой двери. Открыл ее. Вошел в черную комнату... И потом я помню только, как я уходил отсюда и за мной закрывалась эта дверь...

* * *

...Босиком шагаю через катакомбы, в моей памяти провал более черный, чем комната позади меня. Я не помню, где я сейчас был и что случилось. Прохожу мимо женщин в нишах. Женщины, девочки, матери, сестры. Их молчаливые вопли. Постоянные крики. Где же Бог? Волнует ли все совершенное здесь Бога? Почему Он оставил их здесь? Почему Он оставил меня? Огромная тень паука ползет по их гипсовым лицам, среди петель, провода, на котором укреплены лампочки. Когда я прохожу мимо ниши в стене, приготовленной для женщины, лежащей в черной комнате, мой отец выходит из этой дыры, из темной земли, покрытый кровью, качаясь и хрипя в агонии, но так быстро, слишком быстро, быстро, как паук. Яркий блеск стали разрывает тени. Нож:. Он иногда писал натюрморты и на них изображал ножи. Они у него сверкали, как священные реликвии. Блеск стали и рвущая боль на моем лице. Пистолет падает, и я прижимаю руки к лицу. Кусок щеки болтается до самого подбородка. Я чувствую обнаженные зубы под пальцами. Эта ухмылка идет вдоль всего лица с этой стороны. Язык бьется о пальцы сквозь открытую рану. Отец пытается

снова нанести мне удар. Размахивается, падает. Он слишком слаб и не может подняться. Я прячусь от него, прикладываю кусок щеки на место. Кровь льется между пальцами вниз по горлу. Я пытаюсь соединить свое лицо. О Боже, я стараюсь, чтобы мое лицо не распадалось, и бегу, бегу отсюда прочь. Позади меня он не может подняться с пола от слабости, но у него хватает сил, чтобы кричать мне вслед:

– Ты убил ее, ты убил ее, малыш, мой мальчик, ты убил ее, ты убил ее?

* * *

Спенсер не мог смотреть Элли в лицо. Пожалуй, он уже никогда не сможет смотреть ей прямо в глаза. Он смотрит на нее искоса, он видит, что она тихо плачет. Она оплакивает его, слезы льются градом, и лицо блестит от слез.

Он не может поплакать о себе. Он даже не смог выпустить из себя свою боль и очиститься от нее. Он не знал, заслужил ли он слезы – свои, ее или чьи-то еще.

Он ощущал в себе только ярость, но не знал, на кого ему нужно ее направить.

Он сказал:

– Полиция нашла мертвую женщину в черной комнате.

– Спенсер, *он* убил ее, – сказала Элли. Голос у нее дрожал. – Это обязательно должен был сделать он. Полиция сказала, что это сделал он. Ты был геройским мальчиком.

Глядя на черную дверь, он покачал головой:

– Элли, когда он мог убить ее? *Когда?* Он уронил скальпель, когда мы оба повалились на пол. Потом я побежал, и он устремился за мной.

– Но там были и другие скальпели, другие острые инструменты лежали в этом ящике. Ты же говорил об этом сам. Он схватил один из них и убил ее. На это ему потребовались секунды. Всего несколько секунд, Спенсер. Этот ублюдок был уверен, что ты не сможешь убежать далеко, что он все равно поймает тебя. Он был настолько *взволнован* после схватки с тобой, что не мог больше ждать, он трясся от возбуждения, ему было нужно убить ее, быстро и жестоко!

– Позже он валялся на полу, после того как ранил меня. Я убежал отсюда, и он кричал, спрашивая – убил ли я ее, понравилось ли мне убивать ее.

– О, он все знал. Он *знал*, что она была мертва до того, как ты вернулся сюда, чтобы освободить ее. Может, он был ненормальным, а может, и нет. Но как верно то, что существует ад, так безусловно и то, что он был живым воплощением зла. Разве ты этого не понимаешь? Он не мог совратить тебя и не смог тебя убить, поэтому он решил испортить тебе всю жизнь, если ему это только удастся, посеять семена сомнения в твоем мозгу. Ты был еще мальчиком и почти ничего не видел от ужасного потрясения, у тебя все перепуталось в голове. Он прекрасно понимал твоё волнение. Он все знал и постарался использовать его против тебя. Для него в этом заключалось удовольствие – болезненное, извращенное *удовольствие!*

В течение большей половины своей жизни Спенсер пытался убедить себя, что все происходило, как в том сценарии, который Элли только что представила ему, но провал в его памяти оставался. Продолжавшаяся амнезия, казалось, доказывала, что правда на самом деле была иной, хотя он так старался убедить себя в обратном.

– Иди, – хрипло сказал он. – Беги в машину и уезжай отсюда. Поезжай в Денвер. Мне не следовало привозить тебя сюда. Я не стану тебя просить остаться со мной.

– Я уже здесь и не собираюсь уходить отсюда.

– Я сказал, уезжай скорей!

– Ни за что!

– Уходи и заberi с собой собаку.

– Нет.

Рокки визжал, трясся, прижимаясь к колонне из темного, кровавого кирпича. Он так мучился, Спенсер никогда прежде не видел его таким.

– Возьми его с собой, ты ему нравишься.

Сквозь слезы она сказала:

– Я не уеду. Черт возьми, это *мое* решение, и ты не можешь ничего решать за меня.

Он повернулся к ней, схватил ее за лацканы кожаной куртки и приподнял над полом. Он добивался, чтобы она наконец поняла его. В ярости и страхе, испытывая отвращение к самому себе, ему удалось посмотреть ей в глаза.

– Бога ради, после всего, что ты слышала и видела, неужели ты ничего не поняла? Часть меня осталась в этой комнате, на этом столе, где он кромсал женщин, как мясник. Я оставил здесь то, с чем не могу дальше жить. Бога ради, что это может быть, а? Что-то еще похуже, чем эти проклятые катакомбы? *Хуже*, чем все остальное? Наверное, это самое ужасное, потому что все остальное я был в состоянии вспомнить. Если я вернусь сюда и вспомню, что сделал с ней, я этого уже никогда не забуду. Я не смогу спрятаться от этого. И эта память... она как огонь. Огонь, обжигающий меня. Все, что осталось, что еще не сгорело, – это уже не я. Элли, после того, как я узнаю, что я сделал с ней... И тогда с кем же ты останешься? С кем ты останешься здесь, в этом Богом забытом месте? С кем, я спрашиваю тебя?

Она подняла руку к его лицу и нежно провела пальцами вдоль линии его шрама. Спенсер попытался отпрянуть от нее. Она сказала:

– Если бы я была слепой и никогда не видела твоего лица, я все равно достаточно хорошо тебя знаю, и ты можешь разбить мое сердце.

– О, Элли, не нужно!

– Я никуда не пойду.

– Элли, пожалуйста.

– Нет!

Он не мог злиться на нее. Особенно на нее. Спенсер отпустил Элли и уронил руки. Ему снова было четырнадцать лет. Он стал слабым после своей вспышки. Он боялся и был один.

Она положила руку на ручку двери.

– Подожди. – Он достал пистолет из-за пояса, сдвинул предохранитель, дослал пулю и протянул его Элли. – Лучше, чтобы все оружие было у тебя. – Она начала протестовать, но он ее прервал: – Держи пистолет в руках и не подходи ко мне слишком близко.

– Спенсер, что бы ты ни вспомнил, ты не станешь себя вести, как твой отец. Это не может случиться в одно мгновение, как бы ужасно все ни было.

– Откуда ты все знаешь? Я провел шестнадцать лет, пытаюсь что-то выяснить. Подходил к этой тайне и так и эдак. Я старался освободиться из темноты, но мне это не удалось. Но если что-то случится... – Она поставила пистолет на предохранитель. – Элли...

– Я не хочу, чтобы раздался случайный выстрел.

– Мой отец боролся со мной на ковре, щекотал меня и корчил мне рожи, когда я был маленьким. Он играл со мной в мяч. Когда я захотел научиться рисовать, он терпеливо учил меня. Но до и после ... он приходил сюда, тот же самый человек, и мучил женщин и девочек, час за часом, и иногда даже по несколько дней. Он легко переходил от этого мира к тому, который находился наверху...

– Я не собираюсь держать тебя под прицелом. Я не боюсь, что ты обратишься в какого-то монстра. Я знаю, что это невозможно. Пожалуйста, Спенсер, не проси меня об этом. Нам нужно довести дело до конца.

В тишине катакомб он остановился на мгновение, чтобы подготовить себя к следующему шагу. В этой длинной комнате ничто не двигалось. Никакие крысы, изуродованные, или какие бы то ни было другие твари здесь больше не жили. Дресмунды получили инструкции избавиться от них, прибегнув к яду.

Спенсер открыл черную дверь.

Зажег свет.

Помедлил на пороге, потом вошел внутрь.

Собака с несчастным видом последовала за ним. Может, она боялась оставаться одна в катакомбах. Но может, в этот раз ее страдания *были* полностью связаны с настроением

хозяина. Значит, она понимала, что тому была нужна компания. Рокки не отходил от Спенсера.

Элл и вошла последней, и тяжелая дверь закрылась за ней.

Место бойни было таким же неприятным, как в ночь ножей и скальпелей. Исчез стол из нержавеющей стали, и комната была пуста. В полной черноте не на чем было задержать взгляд. В какой-то момент комната словно сузилась до размеров гроба, а потом вдруг показалась гораздо больше, чем была на самом деле. Единственным источником света оставалась лампочка в черном патроне под потолком.

Дресмундам приказали, чтобы свет был во всех помещениях. Им не говорили, чтобы они убирали в этой комнате, но здесь было совсем мало пыли.

Видимо, потому, что комната была плотно закрыта и в ней не было вентиляции.

Это было хранилище времени, запечатое на шестнадцать лет. Здесь хранилась не память о прошлом, а потерянные воспоминания.

На Спенсера комната подействовала неожиданно сильно. Сейчас, спустя шестнадцать лет, он ясно представлял блеск скальпеля под лампой.

* * *

...Босиком, держа в левой руке пистолет, я спешу вниз из студии, где я стрелял в своего отца. Я пробираюсь сюда через дверцу шкафа, в мир, не похожий на тот, что остался там, наверху, а напоминающий мир из книг Льюиса Кэрролла. Я бегу через катакомбы и боюсь взглянуть направо или налево, потому что мне кажется, что все эти мертвые женщины пытаются освободиться от гипса и из своих ниш. Меня вдруг обуял дикий страх, что они смогут выбраться оттуда – как будто гипс еще не застыл, – они дотянутся до меня и заберут меня с собой в одну из этих ниш. Я сын своего отца, и будет справедливо, если я задохнусь под холодным мокрым гипсом. Он просочится в ноздри и польется вниз в мое горло, и я превращусь в одну из фигур этой выставки, перестану дышать и стану прибежищем для крыс.

У меня так сильно бьется сердце, что после каждого удара немного темнеет в глазах. Это происходит на короткое время, как будто прилив крови разрывает сосуды в глазном яблоке. Я ощущаю каждый удар сердца в своей правой руке. У меня пульсируют от боли фаланги – «лаб-даб», три маленьких сердечка в каждом пальце. Но мне приятна эта боль. Мне нужно почувствовать сильную боль. Там, наверху, и спускаясь вниз, в комнату с синим светом, я несколько раз бил распухшими костяшками по пистолету, зажатому в левой руке. Теперь я бью по нему еще сильнее, чтобы у меня не осталось никаких ощущений, кроме боли. Потому что... потому что вместе с ощущением боли, Господи ты Боже мой, у меня в руке, как грязь на бинтах, остается ощущение гладкой женской кожи. Мягкие округлости и теплая упругость ее плоти, твердые соски, трущиеся о мою ладонь. Плоский живот, напряженные мышцы, когда она борется с наручниками. Влажный жар, в который он силой заставляет меня сунуть пальцы, хотя я сопротивляюсь и женщина даже в полубмороке просит не делать этого. Она не отводит от меня глаз. Ее глаза молят меня о помощи. В них выражение скорби. Но у предательской руки своя память, от которой невозможно отделаться, и от этого мне становится плохо. Все ощущения в моей руке неприятны мне. То же я могу сказать и о чувствах, переполняющих мое сердце.

Я сам себе неприятен, меня охватывают отвращение и боязнь самого себя.

Но существуют и другие – нечистые – эмоции, они связаны с возбуждением моей отвратительной руки. Я останавливаюсь перед черной дверью черной комнаты, приваливаюсь к стенке, и меня начинает рвать. Я весь покрыт потом и дрожу. Я отворачиваюсь от стены, очистился только мой желудок. Я приказываю себе взять ручку двери своей израненной рукой. Боль пронзает всю руку, когда я резко открываю дверь. И вот я внутри черной комнаты.

Не смотри на нее. Не смотри! Не смотри! Не смотри на обнаженную женщину. Ты не

имеешь права смотреть на нее. Нужно, не глядя на нее, подойти к столу. Пусть она будет для тебя формой телесного цвета. Ты можешь найти дорогу и не взглянуть на женщину.

– Все нормально, – говорю я ей, голос у меня хриплый оттого, что отец меня душил. – Все нормально, леди, он – мертв; лежи, я его убил. Я вас сейчас развяжу и выпущу отсюда, не бойтесь. – Потом я понимаю, что не знаю, где искать ключи от наручников. – Леди, у меня нет ключей, нет ключей, мне нужно пойти за помощью, позвать полицейских. Но все в порядке, он – мертв.

Она не издает ни звука. Краешком глаза я вижу, что она не шевелится.

Она, наверное, не пришла в себя после ударов по голове, она, может быть, в полубессознательном состоянии, а может, сейчас потеряла сознание. Но мне не хочется, чтобы она пришла в себя после того, как я уйду: ей будет страшно, она останется одна. Я помню выражение ее глаз – наверное, в глазах моей матери в самом конце тоже было такое же выражение. Мне не хочется, чтобы она боялась, когда придет в себя. Она может подумать, что он вернется к ней. Все, все кончено. Я не хочу, чтобы она боялась. Мне нужно привести ее в сознание, потрясти ее, чтобы она проснулась. Она должна понять, что он мертв, и что я приду, и ей помогут. Я иду к столу, стараясь не видеть ее тела, я собираюсь смотреть ей только в лицо. Меня останавливает запах. Ужасный запах бьет мне в нос. Меня начинает мутить. Голова кружится. Я выставляю одну руку вперед, к столу, чтобы удержаться за него. Это правая рука, она все еще помнит округлость ее груди. Я опускаю руку в теплую, вязкую, скользкую жидкость, которой не было здесь раньше. Я смотрю ей в лицо. Рот открыт. Глаза. Мертвые пустые глаза. Он добрался до нее. Две глубокие раны, резкие и жестокие. Вся его жуткая сила была вложена в эти удары. Раны на горле и на животе. Я отпрянул от стола, от женщины и натолкнулся на стену. Вытирая свою правую руку о стену, я зову Иисуса и мою мать и повторяю:

– Леди, пожалуйста, леди, пожалуйста.

Как будто она сможет прийти в себя, если прислушается к моей мольбе. И все будет нормально, если она проявит свою волю. Я вытираю, вытираю, вытираю руку, сверху и снизу, тру ее о стену. Я стираю не только то, чего я коснулся, но вытираю все, что рука ощущала, когда женщина была живой. Вытираю и сильно прижимаю руку к стене. Сильно, еще сильнее. Вытираю со злостью, тру так, что мне становится больно, пока у меня не начинает гореть рука, пока в ней не остается ничего, кроме боли. Тогда я некоторое время стою спокойно. Я даже не осознаю, где нахожусь. Я помню, что здесь есть дверь, и иду к ней. Прохожу через нее. Да, дальше идут катакомбы.

** * **

Спенсер стоял посредине черной комнаты, держа правую руку перед глазами. Он не сводил с нее взгляда под резким источником света. Казалось, он сомневался, что это была его собственная рука.

Он заявил с удивлением:

– Я пытался ее спасти.

– Я это знала, – сказала Элли.

– Но я никого не смог спасти.

– Это не твоя вина.

В первый раз после того страшного июля он подумал, что, может, не сразу, но постепенно он сможет допустить, что на нем не лежит страшный груз вины. Он был виновен не больше, чем любой другой человек.

Он мог страдать от темных воспоминаний, от того, что знал, какое зло могут творить люди, знал такие вещи, с которыми не захочет столкнуться ни один нормальный человек, а ему пришлось с ними столкнуться, но он не был ни в чем виноват...

Рокки залаял громко, два раза.

Спенсер был поражен и сказал:

– Он никогда не лает.

Элли быстро повернулась к двери, снимая пистолет с предохранителя, но момент упустила. Дверь резко открылась.

Добродушный мужчина, тот самый, который ворвался в домик Спенсера в Малибу, влетел в черную комнату. В правой руке у него была «беретта» с глушителем. Он улыбался и палил из пистолета, вбегая в комнату.

Элли получила пулю в правую руку и взвизгнула от боли. Рука дернулась и выпустила пистолет. Элли отшвырнуло к стене. Она откинулась на эту черноту, еле дыша от шока и от боли в руке. Она видела, что «узи» сползает у нее с плеча. Она пробовала схватить его левой рукой, но он выскользнул из ее пальцев и упал на пол в стороне от нее.

Пистолет тоже проехал по полу по направлению к мужчине с «береттой». Но Спенсер рванулся за «узи» в тот миг, когда автомат падал на пол.

Продолжая улыбаться, человек выстрелил еще раз. Пуля высекла искры из стены в миллиметре от руки Спенсера. Тот был вынужден попятиться, а пуля пронеслась рикошетом по комнате.

Казалось, что стрелок не обратил внимания на визг пули, как будто он был заговорен и его безопасности ничего не могло угрожать.

– Я предпочитаю не стрелять в вас, – сказал он. – Я также не хочу убивать Элли. У меня относительно вас совершенно другие планы. Но одно только неверное движение – и у вас не останется никакого выбора. Бросайте мне «узи».

Вместо того чтобы выполнить приказание, Спенсер подошел к Элли. Он прикоснулся к ее лицу и посмотрел на плечо.

– Как твоя рана?

Она зажимала плечо, не желая выдавать, насколько ей больно, но он мог прочесть правду в ее глазах.

– Нормально, у меня все нормально. Это ерунда, – сказала она.

Но Спенсер видел, что, солгав ему, она покосилась на скулившую собаку.

Тяжелая дверь в «мясницкую» осталась приоткрытой. Кто-то придерживал ее и не давал закрыться. Стрелок отступил в сторону, чтобы некто мог войти. Вторым человеком был Стивен Акблом.

* * *

Рой был уверен, что эта ночь будет одной из самых интересных в его жизни. Такая же выдающаяся, как та, которую он провел с Евой сразу после знакомства. Он, правда, считал, что не предает Еву, надеясь, что сегодняшняя ночь даже превзойдет прежнюю. Здесь было удивительное сочетание событий: наконец он поймал эту женщину; появилась возможность узнать, обладал ли Грант сведениями об организованной оппозиции Агентству; Рой предвкушал удовольствие, которое испытает, когда измученного Спенсера освободит от его бед; возбуждала уникальная возможность быть рядом с одним из величайших художников столетия, когда тот вновь займется делом, которое прославило его; и еще, когда все закончится, может быть, ему удастся сохранить великолепные глаза Элеоноры. Космические силы приложили все старания, задумав такую ночь.

Когда Стивен вошел в комнату, выражение лица Спенсера Гранта окупало для Роя потерю двух вертолетов и одного спутника. Лицо Спенсера потемнело от злобы, черты исказились. Это была ярость в чистом виде, поэтому в ней была видна удивительная красота.

Хотя Грант был в ярости, он отошел к женщине.

– Привет, Мики, – сказал Стивен. – Как у тебя дела? – Сын – раньше Мики, а теперь Спенсер – был не в состоянии вымолвить ни слова. – У меня в порядке, но... обстоятельства... весьма сложные, – продолжал художник.

Спенсер Грант по-прежнему молчал. Рой похолодел, увидев глаза бывшего копа.

Стивен огляделся. Он посмотрел на потолок, черные стены, пол.

– Они обвинили меня и в гибели той женщины в ту ночь. Это ты прикончил ее тогда, но я взял на себя твою вину. Сделал это ради тебя, мой малыш-мальчиш!

– Он к ней не прикасался! – сказала Элли Саммертон.

– Разве? – спросил художник.

– Мы знаем, что это так.

Стивен с огорчением вздохнул.

– Ну конечно, он этого не делал. Но он мог бы это сделать. – Акблом поднял руку и показал расстояние в полсантиметра указательным и большим пальцами. – Еще бы чуть-чуть...

– Ничего подобного, – снова сказала женщина.

Но Спенсер молчал. Он не мог ничего сказать.

– Почему вы так считаете? – опять спросил Стивен. – А мне кажется, я прав. Я думаю, если бы он был немного умнее и я уговорил бы его снять штаны и сначала влезть на нее, то потом он с удовольствием взял бы в руки скальпель. Понимаете, он в то время уже был почти готов к этому.

– Ты – не мой отец, – отсутствующим голосом произнес Спенсер.

– Мальчик мой дорогой, вот тут ты ошибаешься. Твоя мать твердо верила в нерушимость брачных клятв. Я был ее единственным мужчиной. Я уверен в этом. Перед концом, в этой комнате, она не могла скрыть от меня ни единого секрета. – Рой подумал, что Грант полетит через всю комнату с яростью быка, не обращая внимания на пули. – Какая жалкая маленькая собачонка, – продолжал Стивен. – Посмотрите, как она дрожит и повесила голову. Мики, этот красавец как раз для тебя. Он мне напоминает, как ты себя вел здесь тогда. Когда я дал тебе шанс возвыситься, ты оказался слюнтяем и не смог его использовать.

Женщина была вне себя от злости, казалось, что ее злость даже сильнее, чем страх, хотя она, конечно, боялась. Ее глаза никогда не были прекраснее.

– Мики, как давно все это было, и какой это новый мир, – сказал Стивен, делая шаг к сыну и женщине и отгесняя их назад. – Я опередил свое время и был близок к авангарду, не понимая этого. Газеты писали, что я ненормальный. Я должен потребовать, чтобы они отказались от своих слов, ты со мной согласен? Сейчас на улицах полно людей, которые более опасны, чем я в то время. Банды устраивают стрельбу везде, где им заблагорассудится. Детишек расстреливают прямо на игровой площадке в детском саду, и никто ничего не предпринимает. Грамотных людей больше волнует, как бы вы не съели консерванты, которые украдут у вас три с половиной дня вашей жизни. Вы читали об агентах ФБР в Айдахо – они расстреляли там беззащитную женщину. У нее *на руках* был ребенок. Они выстрелили в спину ее четырнадцатилетнему сыну, когда тот попытался убежать. В газетах постоянно пишут о подобных вещах, Мики! Люди, подобные Рою, занимают высокое положение в правительстве. Ты знаешь, я бы сегодня мог стать весьма видным человеком в политике. У меня есть все, что нужно для этого. Мики, я совершенно нормальный человек. Папочка у тебя абсолютно нормальный и никогда не был ненормальным. Безнравственный, да. Я согласен с этим. С самого раннего детства у меня были предпосылки для этого. Я всегда любил получать удовольствие. Мальчик мой, я не сумасшедший. Вот Рой. Он охраняет безопасность людей, является защитником республики. Мики, дорогой, он же буйно помешанный!

Рой улыбался Стивену. Ему было интересно, какую шутку придумал художник. Тот был удивительно забавным. Но Стивен прошел в комнату, и Рой не мог видеть его лицо, только затылок.

– Мики, ты бы слышал, как Рой разглагольствует о жалости и сочувствии. О том, как плохо живут многие люди, и значит, им не следует мучиться. Необходимо уменьшить население на девяносто процентов, чтобы спасти окружающую среду. Он любит всех и понимает, как они страдают. Он плачет об этих людях. И когда появляется шанс, он их убивает, чтобы сделать общество немного лучше. Мики, это же просто чушь! Ему предоставляют вертолеты и лимузины, и денег без счета, и убийц с большими автоматами и

пистолетами. Разрешают бродить, где ему угодно, и строить лучший мир. И это человек, Мики, я подчеркиваю, у которого в мозгу ползают черви.

Рой решил ему подыграть и сказал:

– Черви у меня в мозгу, огромные скользкие черви в моих мозгах.

– Видишь, – сказал Стивен. – Это Рой, он забавный парень. Он хочет всем нравиться. Многие люди похожи на него. Я прав, Рой?

Рой почувствовал, что сейчас последует самое главное заявление.

– Ну, Стивен, мне не хочется хвалиться...

– Понимаешь, – продолжал Стивен, – он еще и скромник. Скромный и добрый человек и всегда кому-то сочувствует. Ты нравишься всем, Рой, не так ли? Давай, не будь таким скромным.

– Ну да, я нравлюсь многим людям, – признался Рой. – Но только потому, что я с уважением отношусь к ним.

– Вот это правда! – сказал Стивен. Он засмеялся. – Рой ко всем относится с глубоким уважением. Почему? Он – киллер-убийца, использующий любые и равные возможности. Равные возможности для всех, начиная от помощника президента, погибшего в парке Вашингтона, – они постарались, чтобы его смерть походила на самоубийство, – и кончая обычным инвалидом, которого расстреляли, чтобы прекратить его ежедневную борьбу за жизнь. Рой не понимает, что такие вещи можно делать ради удовольствия. Только ради удовольствия. Иначе они приобретают оттенок сумасшествия. Правда, это так. Нельзя убивать ради благородной цели. Он относится к этому так серьезно и считает себя мечтателем, идеалистом. Но он поддерживает только свои идеалы. Тут я не стану с ним спорить. Для него нет авторитетов, и у него отсутствуют предрассудки. Для него все равны. Он самый бешеный лунатик из всех живущих на земле. Вы со мной согласны, мистер Ринк? У него от убеждения изо рта брызжет пена.

Ринк? Рой не желал, чтобы Ринк или Фордайс присутствовали здесь. Ради Бога, им не нужно ничего подобного видеть. Они обычные исполнители, лишённые высоких идей.

Он повернулся к двери, удивляясь, почему не слышал, как ее открывали. Рой увидел, что у двери никого нет. И тут же услышав, как царапнул «узи» по цементу, когда Стивен Акблом поднимал автомат с пола, Рой понял, что здесь происходит.

Слишком поздно.

В руках Стивена загрохотал «узи». Пули пронзили тело Роя. Он упал, перевернулся и попытался выстрелить. Хотя у него в руках все еще был пистолет, он не мог заставить свой палец нажать на курок. Парализован. Он был парализован...

На фоне выстрелов и визга отлетавших рикошетом пуль раздалось грозное рычание – это был звук из фильма ужасов. Он эхом отозвался в черных стенах и показался более ужасным, чем свист пуль. От него кровь застыла в жилах. Секунду Рой не мог понять, что это такое и откуда шел ужасный звук. Он почти решил, что это Грант – на лице у человека со шрамом была написана такая ярость. Но в следующий миг он увидел, как зверь летел по воздуху к Стивену. Художник пытался повернуться, чтобы обороняться от обезумевшей собаки. Но это исчадие ада уже налетело на него и вдавило его в стену. Пес грыз его руки. Стивен уронил «узи».

Собака лезла на него, пытаясь добраться до его лица и горла.

Стивен закричал.

Рой хотел объяснить ему, что самые опасные люди, и, наверное, собаки тоже, это те, кого сильно били и унижали. Когда у них отняли гордость и надежду, когда их загнали в последний угол, когда им уже было нечего терять... Необходимо позаботиться, чтобы не было таких отчаявшихся людей, следует проявлять к ним жалость как можно раньше. Только это им требуется. В этом настоящее благородство и самая большая мудрость. Но Рой не сумел поделиться своими соображениями с художником, потому что обнаружилось, что он не только обездвижен, но не может вымолвить ни слова.

* * *

– Рокки, прекрати! Отпусти его, Рокки. Отпусти!

Спенсер тащил собаку за ошейник и боролся с ней до тех пор, пока она не повиновалась ему.

Стивен сидел на полу. Он, защищаясь, подтянул колени и прикрыл руками лицо. Сквозь пальцы сочилась кровь.

Элли подняла «узи». Спенсер забрал у нее автомат.

Он увидел, что у нее кровоточит левое ухо.

– В тебя опять попали.

– Это рикошет, просто касательное ранение, – сказала она.

На этот раз она могла смотреть прямо в глаза собаке.

Опасный ублюдок отнял руки от лица. Он был раздражающе спокоен.

– Они расположили людей по всему периметру усадьбы. В здании нет никого, но как только вы выйдете наружу, вам далеко не уйти. Мики, тебе никуда не уйти отсюда.

Элли сказала:

– Они не слышали выстрелы. Если никто не слышал крики людей, погибавших здесь, значит, и выстрелов тоже не было слышно. У нас есть шанс.

Женоубийца покачал головой:

– Нет, если только вы не заберете с собой меня и удивительного мистера Миро тоже.

– Он – мертв, – сказала Элли.

– Не имеет никакого значения. Мертвый он сможет принести больше пользы, чем живой. Никогда не знаешь, что может сотворить человек вроде него. Я бы сильно волновался, если бы мы забрали его с собой живым. Мы понесем его вместе, мой малыш-мальчиш, ты и я. Они увидят, что он ранен, но не будут знать, насколько сильно. Может, они ценят его и не станут открывать огонь.

– Я не желаю твоей помощи, – сказал Спенсер.

– Конечно, нет, но она тебе понадобится, – ответил его отец. – Они не приближались к твоей машине. Им было приказано держаться подальше, просто наблюдать за вами, пока не поступит приказ от Роя. Таким образом, мы можем положить его в машину между нами. Они не поймут, что тут происходит.

Он с трудом поднялся на ноги.

Спенсер попятился от него, словно от чего-то, возникшего в центре мелового пятиугольника, где вызывают колдуна. Рокки тоже попятился, но продолжал грозно ворчать.

Элли стояла в дверях, держась за ручку. Она была в относительной безопасности.

У Спенсера была собака, что это была за собака! И у него было оружие. У отца не было оружия, и руки его были изранены. Но Спенсер все равно боялся его. Боялся так же сильно, как в ту июльскую ночь и последовавшие за ней.

– Нам он нужен? – спросил он Элли.

– Какого дьявола, конечно, нет!

– Ты уверена, все, что ты проделала с компьютером, поможет нам?

– Я в этом больше уверена, чем в нем.

Спенсер сказал отцу:

– Что случится с тобой, если мы оставим тебя здесь, в их руках?

Художник с интересом смотрел на свои израненные руки. Он не пытался определить, насколько опасны раны. Нет, он разглядывал руки, будто цветок или еще какую-нибудь прекрасную вещь, которую никогда не видел раньше.

– Что случится со мной, Мики? Ты имеешь в виду тот момент, когда я снова вернусь в тюрьму? Я читаю немного, чтобы как-то провести время. Я все еще рисую – ты об этом не знал? Я, наверное, напишу портрет твоей маленькой сучки в обрамлении этой дверной рамы. Я могу себе представить, как она выглядит без одежды. Я также знаю, как она бы выглядела, если бы у меня была возможность разложить ее здесь на столе и помочь ей понять ее

настоящий потенциал. Я вижу, что тебе это противно, мой малыш. Но правда, это было бы такое небольшое удовольствие для меня, если учесть, что она будет прекрасна у меня на холсте. Таким образом, я смог бы разделить ее с тобой. – Он вздохнул и отвел взгляд от рук. Казалось, что его не волновала боль. – Что случится, если ты оставишь меня им, Мики? Ты приговоришь меня к существованию, которое будет зря расходовать мой талант и мою жажду и радость жизни. Это будет бесплодная и скучная жизнь, просто существование в окружении серых стен. Вот что случится со мной, ты, маленький неблагодарный сопляк!

– Ты сказал, что они еще хуже тебя.

– Ну, я знаю, кто я такой.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я прекрасно оцениваю себя, у них эта черта полностью отсутствует.

– Они выпустили тебя.

– Временно, я им был нужен в качестве консультанта.

– Они могут тебя снова выпустить, не так ли?

– Нужно надеяться, что для этого не потребуется еще шестнадцать лет. – Он улыбался, как будто на его окровавленных руках были всего лишь порезы от листа бумаги. – Мы живем в такое время, когда появляются новые поколения фашистов. Я надеюсь, что со временем им понадобятся мои услуги и мой опыт.

– Ты надеешься, что тебе не придется возвращаться в тюрьму, – сказал Спенсер. – Ты думаешь, что тебе сегодня удастся удрать от них. Ты так считаешь?

– Мики, их там слишком много. Большие люди с большими пистолетами и автоматами. Большой черный лимузин «Крайслер». Вертолеты у них тоже есть. Нет-нет, мне, видимо, придется подождать, пока им не понадобится еще одна моя консультация.

– Ты сучий сын, обманщик, убийца моей матери, – проговорил Спенсер.

– О, только не пытайся запугать меня, – ответил его отец. – Я помню эту комнату шестнадцать лет назад. Мики, ты был тогда маленький трусишка, и ты таким же трусишкой остался до сих пор. Малыш, этот шрам ты заработал здесь. Сколько времени он заживал, прежде чем ты смог есть нормальную пищу?

– Я видел, как ты ее избил до полусмерти у бассейна.

– Если тебе легче от признания, тогда – вперед, не останавливайся! Вперед, малыш!

– Я был в кухне. Пошел взять печенье и услышал ее крики.

– Ты взял печенье?

– Когда она упала, ты бил ее по голове ногами.

– Не будь таким нудным, Мики. Ты никогда не был таким сыном, которого я желал бы иметь, но раньше ты не был таким нудным.

Он прекрасно владел собой и был удивительно спокоен. От него исходила аура власти, которая давила на окружающих. В его глазах нельзя было различить признаки безумия. Читай он проповедь, его можно было бы принять за священника. Он сам сказал про себя, что не был сумасшедшим, только порочным.

Спенсер усомнился, так ли это на самом деле.

– Мики, за тобой должок, ты помнишь об этом? Если бы меня не было, ты бы не появился на свет Божий. Что бы ты ни думал обо мне, я – твой отец.

– Меня не существовало бы без тебя. Да. И все было бы прекрасно. Просто чудесно. Но без моей матери я был бы точной копией тебя. У меня долг перед нею. Только перед нею. Это она мое спасение.

– Мики, Мики, ты не должен внушать мне чувство вины! Ты хочешь, чтобы я смотрел на тебя грустными огромными глазами? Хорошо, я могу принять грустный вид. Но твоя мать ничего не значила для меня. Ничего, кроме прикрытия на некоторое время. С ее помощью можно было легко вводить в заблуждение всех остальных, и еще у нее были хорошие сиськи. Но она была слишком любопытной. Когда мне пришлось притащить ее сюда, как всех остальных, – в ней не было ничего возбуждающего. Все оказалось самым обычным.

– Ну и хорошо. Вот тебе за нее, – сказал Спенсер.

Он выпустил короткую очередь из «узи», разорвав отца на куски и отправив его напрямик в ад.

Ни одна из пуль не отрикошетила.

Каждая попала точно в цель. Мертвец потащил их все за собой, падая на пол в лужу крови, темнее которой Спенсер никогда не видел.

При звуках выстрелов Рокки от удивления взвился в воздух. Потом он наклонил голову набок и начал смотреть на Стивена Акблома. Он обнюхивал его, как будто его запах был необыкновенным. Спенсер глядел на мертвого отца и чувствовал, как Рокки с любопытством поглядывает на него. Потом собака пошла к Элли, стоявшей у двери.

– Я думала, сможешь ли ты сделать это, – произнесла Элли. – Если бы ты не смог, стрелять пришлось бы мне. С раненой рукой мне было бы так больно при отдаче.

Он посмотрел ей в глаза. Она не пыталась утешить его. Она сказала ему то, что думала и чувствовала.

– Я сделал это без желания, – заметил Спенсер.

– А я бы с удовольствием!

– Я так не думаю.

– Я бы сделала это с огромным удовольствием!

– Но неприятно мне тоже не было.

– Почему бы тебе было неприятно? Когда ты видишь таракана, его следует растоптать!

– Как твое плечо?

– Жуткая боль, как будто тебя поджаривают в аду. Но кровотечение небольшое. – Она попыталась сжать правую руку и сморщилась от боли. – Я все равно смогу работать на компьютере. Бог мой, помоги мне успеть все сделать!

Втроем они поспешили по пустым катакомбам в сторону синей комнаты, потом желтой и в странный мир наверху.

* * *

Рой не чувствовал боли. На самом деле он вообще ничего не чувствовал. Ему так было легче притворяться мертвым. Он боялся, что они могут его прикончить, если поймут, что он все еще жив. Спенсер Грант, бывший Майкл Акблом, был явно таким же ненормальным, как и его отец, и способен на любое злодеяние. Поэтому Рой закрыл глаза и использовал свое состояние с пользой для себя.

Рой был разочарован в художнике. Он предоставил ему такую блестящую возможность, и что же? Обычная неблагодарность.

Но если честно, то Рой был недоволен и собой. Он неправильно оценил Стивена Акблома. Конечно, художник обладал удивительным талантом и чуткостью. Тут Рой в нем не ошибся. Но он поверил тому, что увидел на поверхности, решив, что это и есть сущность человека. Он не заметил в нем темные стороны.

Конечно, Рой всегда относился к людям с *любовью*, они ему нравились. Именно так и сказал о нем Стивен. Знакомясь с людьми, Рой сразу же понимал, как они страдали.

Это было его отличительной особенностью – Рой и не желал быть человеком с жестоким сердцем. Его тронула судьба Стивена Акблома. Такой остроумный и талантливый человек должен был оставаться в камере до конца жизни. Сочувствие к нему ослепило Роя, и он не понял его настоящей сущности. Он все еще надеялся, что выберется отсюда живым и снова увидит Еву. Он не *чувствовал*, что умирает. Конечно, сейчас он вообще не чувствовал своего тела ниже шеи.

Его успокаивало только одно. Если ему суждено умереть, то он попадет на большой космический прием, где его поприветствуют все его многочисленные друзья, которых он с такой нежностью посылал вперед, раньше себя. Он хотел бы продолжать жить ради Евы. Но наряду с этим существовало и желание проникнуть на более высокий уровень, где у всех единый пол и кожа сияющего голубого цвета, где каждая личность идеально прекрасна в

образе лишенного пола синего существа. Там нет очень тупых или слишком умных существ. Там у всех одинаковые жилищные условия, одинаковые наряды и одинаковая обувь. Везде первоклассная минеральная вода и фрукты, только попроси! Его знакомят со всеми, с кем он сталкивался в этом мире, потому что он их не признает в их новых, идеальных, похожих друг на друга синих телах. Ему показалось грустным не увидеть людей такими, какими они были прежде. С другой стороны, ему бы не хотелось проводить вечность со своей дорогой мамочкой и смотреть на ее разбитое лицо и разможенную голову, как это было, когда он отправил ее в лучший из миров.

Он попытался что-то сказать и обнаружил, что у него это получается.

– Стивен, вы мертвы или только притворяетесь? – Художник, привалившийся к противоположной черной стене, не ответил. – Они ушли и, мне кажется, уже не вернутся назад. Если вы притворяетесь, то не бойтесь, их здесь нет. – Никакого ответа. – Ну, тогда с вами все кончено, и плохо, что у вас был такой конец. Я уверен, что вы теперь жалеете о том, что случилось. Вам бы следовало быть благодарным мне. Вы можете использовать немного вашей космической силы: пройдите через пространство и сотворите небольшое чудо, чтобы я мог снова ходить. Мне кажется, что это было бы нормальным жестом с вашей стороны. – В комнате стояла тишина. Рой не чувствовал своего тела. – Я надеюсь, что мне не придется прибегать к услугам вызывателя духов, чтобы привлечь ваше внимание, – продолжал Рой. – Это было бы весьма неудобно. – Молчание. Тишина. Покой. Холодный белый свет из ничем не прикрытой лампочки. Она светит прямо вниз, в центр всеобъемлющей темноты. – Ну что ж, я подожду. Я уверен, что вам потребуются усилия, чтобы дотянуться до меня оттуда.

Теперь в любой момент могло произойти чудо.

* * *

Открыв дверцу машины, Спенсер вдруг испугался, что потерял ключи. Однако они оказались у него в кармане куртки.

Когда он сел за руль и включил мотор, Рокки уже сидел сзади, а Элли рядом. Подушка из мотеля лежала у нее на коленях, а портативный компьютер сверху на подушке, и Элли ждала, когда заработает мотор машины и даст ток компьютеру.

Мотор заработал, и Элли включила компьютер. Она сказала Спенсеру:

– Пока не трогайся с места.

– Мы здесь на виду, как посадные утки.

– Мне нужно добраться до «Годзиллы».

– "Годзиллы"?

– Это та система, с которой я связалась еще до того, как мы покинули машину.

– Что это за «Годзилла»?

– Пока мы здесь, они, видимо, не станут ничего делать. Просто будут наблюдать за нами. Но как только мы двинемся, им придется действовать. Я хочу, чтобы мы были готовы к отпору!

– Что такое «Годзилла»?

– Тихо, мне нужно сосредоточиться!

Спенсер посмотрел через боковое стекло на поля и холмы. Снег уже не блестел так ясно, как тогда, когда они приехали сюда. Луна уходила за облака. Спенсера учили обнаруживать тайное наблюдение в городе и на природе, но он не заметил ни одного агента, хотя знал, что они где-то здесь.

Пальцы Элли быстро бегали по клавиатуре. Клавиши компьютера тихонько щелкали. На экране возникали и исчезали данные и разные диаграммы.

Спенсер снова перевел взгляд на зимний пейзаж. Он вспоминал снежные крепости, замки, туннели и тщательно подготовленные дороги для катания на санях. Он также вспомнил радость, которую испытывал во время постройки замков и крепостей из снега, и счастье, когда он отправлялся в свои детские путешествия. Это были воспоминания о

счастливых и чистых удовольствиях и временах. Детские фантазии и счастье. Это были давние воспоминания. Но их, видимо, можно было освежить при желании. В течение долгого времени он не мог вспоминать свое детство с радостью и удовольствием. Тот июль не только полностью изменил ожидавшую его жизнь, но и поменял воспоминания о жизни до этой страшной ночи – до сов, крыс, скальпеля и ножа.

Иногда его мать помогала ему строить эти снежные замки и крепости. Он вспомнил, что она тоже каталась на санках вместе с ним. Им больше всего нравилось кататься в сумерках. Вечера были такими чистыми, и мир казался таинственным в черных и белесых тенях. Над головой сияли миллионы звезд. Можно было представить, что санки – ракета, которая мчит в другие миры.

Он подумал о могиле матери в Денвере, и ему вдруг захотелось поехать туда впервые за все это время, после того как дедушка и бабушка увезли его в Сан-Франциско. Ему хотелось посидеть там на земле и вспомнить о ночах, когда они катались на саниках под звездами и ее смех звучал, как музыка, над белыми полями.

Рокки стоял на заднем сиденье, крепко упершись лапами в спинку переднего. Он наклонил голову набок и ласково облизывал лицо Спенсера.

Спенсер повернулся к нему и пощекотал голову и шею Рокки.

– Мистер Рокки-собака, ты сильнее локомотива, быстрее, чем летящая пуля, ты можешь перескакивать через небоскребы одним махом. Тебя боятся все коты и доберманы. Откуда все это взялось, а? – Он почесал за ушами собаки. Потом осторожно кончиками пальцев прощупал раздробленный хрящ. Именно из-за него левое ухо Рокки всегда было опущено. – Тебя когда-то изуродовал какой-то плохой человек: это было очень давно. Он не был похож на того, оставшегося в черной комнате? Может, тебе о чем-то напомнил его запах? Или, может, зло и порок всегда пахнут одинаково? А, парень? – Рокки блаженствовал. – Мистер Рокки-собака, наш мохнатый герой, про тебя следует издать книгу комиксов. Покажи нам свои зубы, немного попугай нас. – Рокки страстно дышал. – Ну-ну, покажи нам свои зубы, – сказал хрипло Спенсер и оскалился. Рокки нравилась эта игра, он тоже оскалил клыки, и они рычали друг на друга и терлись носами.

– Готово, – сказала Элли.

– Слава Богу, – отозвался Спенсер. – У меня уже кончились все игры, с помощью которых я старался не свихнуться.

– Тебе придется помочь мне, чтобы обнаружить их, – сказала Элли. – Я тоже буду их искать, но, боюсь, одной мне не справиться.

Показав на экран, он опять спросил:

– Это и есть «Годзилла»?

– Нет. Это игровая площадка, на которой я и «Годзилла» собираемся играть. Это координатная сетка пяти акров вокруг дома и флигеля. Каждый из этих крохотных блоков сетки соответствует квадрату шесть на шесть метров. Молю Бога, чтобы все мои данные, карты поместья и записи в документах оказались достаточно верными и аккуратными. Я, конечно, понимаю, что они не идеальны, но дай Бог, чтобы они хоть приблизительно соответствовали действительности. Ты видишь этот зеленый контур? Это – дом. А это флигель. Здесь конюшни в конце дороги, ведущей к дому. Эта мерцающая точка – мы. А та линия – дорога, ведущая из поместья. Там мы должны очутиться.

– Это все подобие видеоигр, которые ты разрабатывала?

– Нет, это жуткая реальность, – ответила Элли. – Спенсер, что бы с нами ни случилось... я тебя люблю. Я не представляю ничего лучшего, чем провести с тобой всю оставшуюся жизнь. Я надеюсь, что нам достанется больше пяти минут этой жизни.

Он нажал на акселератор. Элли честно и открыто выразила свои чувства к нему, и ему хотелось поцеловать ее прямо сейчас в первый раз и, может быть, в последний.

Потом он замер и пораженно уставился на Элли. До него начала доходить суть ее работы с компьютером.

– "Годзилла" прямо сейчас смотрит на нас сверху, да?

– Угу.

– Это спутник? Тебе что, удалось добраться до спутника?

– Я хранила эти коды для того дня, когда меня совсем загонят в угол и я не сумею иначе выбраться. Мне больше никогда не удастся воспользоваться этими кодами. Когда мы выберемся отсюда и я выйду из этой программы, они ее прикроют и введут в спутник новую.

– Что он может выполнять, кроме наблюдений за поверхностью Земли?

– Ты помнишь эти фильмы?

– Фильмы о Годзилле?

– Ну да, его белое, горячее, сверкающее дыхание?

– Ты все сама придумала.

– Своим вонючим дыханием он может расплавлять танки.

– Боже мой!

– Сейчас или никогда, – сказала Элли.

– Сейчас, – ответил ей Спенсер и повел машину.

Ему хотелось покончить со всем поскорее, пока он не передумал.

Он включил передние фары и направился, огибая флигель, к дому, повторяя тот путь, которым они ехали сюда.

– Не так быстро, – подсказала ему Элли. – Нам лучше выбираться отсюда на цыпочках, поверь мне на слово.

Спенсер сбавил скорость.

Он медленно проехал мимо главной двери флигеля. Перед ним открылся следующий отрезок пути. Справа был задний двор, потом бассейн.

Яркий белый луч прожектора осветил их из открытого окна на втором этаже дома.

Спенсер на мгновение ослеп, когда посмотрел в ту сторону. Нельзя было разглядеть, есть ли в других окнах снайперы с оружием.

Элли не убирала рук с клавиатуры.

Он глянул на экран и увидел там желтую линию индикатора. Она обозначала пространство в два метра шириной и в двадцать четыре метра длиной, расположенное между ними и домом.

Элли нажала клавишу «Ввод».

Одновременно она сказала ему:

– Закрой глаза.

Спенсер крикнул:

– Рокки, вниз!

На небе среди звезд появилась раскаленная сине-белая точка. Она не была такой жгучей, как ожидал Спенсер, но все же гораздо ярче прожектора, слепящего глаза. Спенсер никогда не видел ничего подобного – точка двинулась к земле, превращаясь в луч света.

Луч имел четкие контуры. Казалось, что, излучая свет, он *сдерживает* атомный огонь под своей светящейся оболочкой, такой же тонкой, как поверхностный слой воды в пруду. Свет сопровождался гулом, от которого завибрировало все тело. Было похоже, что разносится электронное эхо от огромных колонок на стадионе. Кроме того, воздух вдруг стал вибрировать. Как только огонь и свет двинулись по курсу, который Элли проложила для них, в два метра шириной и двадцать четыре метра длиной, стена встала между ними и домом. Она не двигалась ни в одну, ни в другую сторону. Послышался грохот, похожий на предвестие землетрясений. Казалось, что под ними кто-то перемалывает землю. Спенсеру как-то пришлось слышать подобные звуки, но эти были гораздо громче и страшнее. Земля начала трястись так, что машина покачнулась. В этом пространстве двухметровой ширины земля и снег вдруг превратились в пламя и тут же расплавились. Но Спенсер не мог определить глубину воздействия луча. Луч продолжал свое движение, и большой платан исчез в этой вспышке. Дерево не сгорело, оно просто *исчезло*, как будто его вообще не существовало, и оно сразу превратилось в свет и жар, который чувствовался в машине при плотно закрытых окнах. Машина находилась в тридцати ярдах от луча.

Множество поломанных ветвей за пределами четко очерченного луча упали на землю по обе стороны от него и в ту же секунду вспыхнули. Сине-белое лезвие выжгло дорогу возле машины, через задний двор по диагонали от них к дому, захватив угол внутреннего дворика. Бетон тут же испарился. Луч четко продвинулся к концу пути, установленному для него Элли, и потом выключился.

Полоса двухметровой ширины, протянувшаяся на двадцать четыре метра, ослепляла жарким белым светом. Все кипело, подобно лаве, когда она начинала свой путь от вершины вулкана. Магма слегка переливалась через края канавы, в которой клубилась. Она кипела, пускала пузыри, и во все стороны от нее брызгали искры ярко-красного и белого цвета. Они с шумом летели в воздух. Жар ощущался и в машине, окрашивая сохранившийся снег в красно-оранжевый цвет.

Пока все это происходило, они были так поражены, что не могли разговаривать друг с другом. Но, если бы они захотели сделать это, им пришлось бы перекрикивать шум, чтобы услышать друг друга. Теперь наступившая тишина казалась такой абсолютной, как в вакууме глубокого космоса.

В доме люди из Агентства выключили прожектор.

– Поехали, – резко сказала Элли.

Спенсер только теперь обратил внимание, что нажимает на тормоз.

Они снова медленно двинулись вперед. Очень медленно и осторожно пробирались через логово льва. Спенсер рискнул немного прибавить скорость, полагая, что львы, наверное, обделались от страха.

– Господи, благослови Америку, – дрожащим голосом заявил Спенсер.

– О, «Годзилла» – это не наш спутник.

– Нет?

– Японский.

– У японцев есть спутники со смертоносными лучами?

– Да, это передовая лазерная технология. У них есть восемь подобных спутников.

– Я думал, они заняты тем, что собирают самые лучшие телевизоры.

Элли снова была поглощена работой с компьютером. Она готовилась к самому плохому.

– Черт побери, у меня сводит правую руку.

Спенсер увидел, что она выбрала целью дом.

Элли сказала:

– В США есть что-то наподобие этого, но я не знаю пароля, чтобы проникнуть в систему. Наши дураки называют это «Гиперкосмический молот». Конечно, по сути ничего похожего. Они просто содрали это название из видеоигры.

– Ты придумала эту игру?

– Да.

– Есть такой аттракцион в парке развлечений на основе этой игры, да?

– Да.

– Мне приходилось его видеть. – Они уже двигались мимо дома, но не смотрели в окна. Не хотели испытывать судьбу. – Ты можешь командовать секретным японским оборонительным спутником?

– Да, через ДО.

– Департамент обороны?!

– Японцы ничего об этом не знают, но ДО может манипулировать мозгом «Годзиллы», когда ему заблагорассудится. Сейчас я воспользовалась каналами, которые уже установил ДО.

Спенсер вспомнил то, что она сказала ему в пустыне сегодня утром, когда он удивился, узнав о возможности спутников следить за всем, что происходит на земле. Он повторил ее слова:

– "Вы бы удивились, если бы знали, что там вверху творится". «Удивиться» – это самое подходящее слово.

– У Израиля имеется собственная система.

– У *Израиля*?

– Да-да, у маленького Израиля. Но меня он волнует меньше остальных, обладающих подобными системами. Китай. Ты только представь себе это! Может, Франция. Никаких больше шуточек по поводу парижских шоферов. И только Бог знает, кто еще владеет подобными спутниками.

Они уже почти миновали дом.

Маленькая дырочка возникла на боковом стекле позади Элли. Эта круглая дырочка появилась одновременно со звуком выстрела, который взорвался в ночи. Спенсер почувствовал глухой удар в спинку своего сиденья. Скорость пули была такой, что «триплекс» покрылся сетью трещин, но не разлетелся на куски.

Слава Богу, Рокки громко лает, а не пищит от ужаса.

– Глупые ублюдки, – сказала Элли и снова нажала клавишу «Ввод».

Из безвоздушного пространства ринулась вниз сверкающая колонна сине-белого света. Она ударила в двухэтажный сельский дом в викторианском стиле. В нем сразу образовалась дыра диаметром два метра. Остатки здания взорвались. Ночь покраснела от языков пламени. Если даже кто-то остался живым в этом разваливающемся на куски доме, им следовало оттуда убираться как можно скорее. И конечно, им было не до оружия и не до стрельбы по машине.

Элли была потрясена:

– Нельзя допустить, чтобы удар пришелся сзади нас. Если это случится, мы попадем в беду.

– У русских есть подобное оружие?

– Такое же, и еще более страшное.

– Страхное?

– Именно поэтому все хотят иметь у себя новый вариант «Годзиллы». Жириновский. Ты когда-нибудь слышал о нем?

– Один из русских политиков.

Склонившись к компьютеру и давая ему новое задание, Элли сказала:

– Он сам и связанные с ним люди, и большая сеть, которая будет существовать, даже если его не станет – они все коммунисты старой формации, желающие править миром. Но на этот раз они действительно хотят все взорвать, если не добьются своей цели. Больше никаких поражений. И даже если найдется кто-то, кто сможет разгромить фракцию Жириновского, всегда может снова появиться новый маньяк, жаждущий власти. Он может появиться где угодно и называть себя политиком.

В сорока ярдах впереди из засады среди деревьев и кустов вырвался «Форд-Бронко». Он развернулся поперек дороги, блокируя выезд.

Спенсер резко затормозил.

Водитель «Бронко» оставался за рулем, но два человека с мощными ружьями выскочили из машины и, заняв боевые позиции, прицелились.

– Вниз! – скомандовал Спенсер, пригнул голову Элли, и сам тоже соскользнул вниз со своего места. – Не может этого быть, – пораженно проговорил он.

– И тем не менее.

– Они нам не дают проехать?

– Да, два снайпера и «Бронко».

– Они что, ничего не видели? Рокки, не смей подниматься, – сказал Спенсер. Собака снова стояла, положив лапы на спинку переднего сиденья, и взволнованно мотала головой. – Рокки, *вниз!* – резко приказал Спенсер.

Собака взвизгнула, как бы от обиды, но легла на пол сзади.

Элли спросила:

– На каком расстоянии они от нас?

Спенсер быстро глянул на машину и людей, потом снова скользнул вниз. Пуля попала в

замок ветрового стекла. Само стекло не пострадало.

– Наверное, ярдов сорок.

Элли начала набирать программу. На экране появилась желтая полоса справа от дороги. Она была длиной в двенадцать метров и проходила по открытому месту, поворачивая к «Бронко», но заканчивалась за метр или два до края дороги.

– Я не хочу сжигать дорогу, – сказала Элли. – У нас могут расплавиться колеса, когда мы попытаемся проехать по горящей земле.

– Я могу нажать клавишу «Ввод»? – спросил Спенсер.

– Прошу.

Он нажал клавишу, выпрямился и зажмурился, когда дыхание «Годзиллы» задымилось, направляясь вниз сквозь ночь, плава землю. Земля задрожала, и снова прозвучал апокалиптический разряд грома. Он шел откуда-то снизу, как будто планета распадалась на кусочки. Ночной воздух наполнился оглушающим шумом, и беспощадный луч засверкал, следуя курсом, определенным Элли.

Еще до того, как «Годзилла» превратил первые шесть метров земли в белую пышущую жаром лаву, парочка снайперов побросала свои ружья и бросилась в машину. «Бронко» помчался поскорее с асфальта, развернулся на заснеженном поле, перелетел через белый забор, пересек круг для выездки лошадей, пробил еще один забор и промчался мимо первой конюшни. Когда «Годзилла» остановился прямо перед дорогой и ночь снова стала темной и тихой, «Бронко» продолжал быстро удаляться во тьму.

Казалось, что водитель решил ехать куда глаза глядят, пока не кончится бензин.

Спенсер выехал на проселочную дорогу. Он остановился и посмотрел по сторонам. Никаких машин. Спенсер повернул направо к Денверу.

Они молчали, пока не проехали несколько миль.

Рокки стоял, положив лапы на спинку переднего сиденья, словно впередсмотрящий. За те два года, что Спенсер его знал, пес никогда не оглядывался назад. Элли прижимала руку к ране. Спенсер надеялся, что ее знакомые в Денвере смогут обеспечить ей врачебную помощь.

Те лекарства, которые она с помощью компьютера смогла вытянуть из различных фармацевтических компаний, были потеряны вместе с «Ровером».

Наконец Элли заговорила:

– Нам нужно остановиться в Коппер Маунтин. Может, удастся достать новую машину. Наша очень заметна.

– Хорошо.

Она выключила компьютер и вытащила вилку из зажигалки.

Горы были темными под вечнозелеными хвойными деревьями, слегка припорошенными снегом.

Луна светила позади машины. На ночном небе перед ними сверкали звезды.

Глава 15

Ева Джаммер ненавидела Вашингтон в августе. Вообще-то она одинаково ненавидела его во все времена года.

Конечно, можно признать, что город был сравнительно приятным в течение короткого времени, когда цвели вишни. Но обычно он высасывал из человека все жизненные силы.

Огромная влажность, масса народа, шум и гам, грязь и полно преступников.

Кроме того, город изобиловал скучными, глупыми и жадными политиками, идеалы которых продиктованы тем, что у них в штанах или в карманах тех же самых штанов. Место для столицы было выбрано чрезвычайно неудачно. Иногда Ева мечтала о переводе столицы в другое место, когда подвернется подходящий момент. Может быть, в Лас-Вегас.

Она ехала сквозь августовскую духоту, включив кондиционер в своем «Крайслере» на максимальную мощность. Холодный воздух обдувал ее лицо и тело, поддувал под юбку, но ей все равно было жарко. Конечно, частично ее разгоряченность не зависела от погоды – Ева

была настолько сексуально возбуждена, «разогрета», что могла бы совокупиться с кем угодно.

Она ненавидела свой «Крайслер» почти так же сильно, как и Вашингтон. При ее деньгах и положении ей бы следовало водить «Мерседес», а может, и «Роллс-Ройс». Но жене политика следовало быть весьма осторожной. Считалось непатриотичным родственникам политических деятелей выбирать иностранную марку машины.

Прошло полтора года с тех пор, как Ева Джаммер встретила Роя Миро – этот подарок судьбы. Последние шестнадцать месяцев она была замужем за сенатором Е. Джексон Хайнсом. Будучи весьма популярным, он на выборах в будущем году должен стать претендентом от своей партии. Это не просто предполагалось. Все уже было устроено – его соперники так или иначе провалятся на первичных выборах, и он останется один. Человек-гигант, блистающий на мировой сцене.

Она терпеть не могла Е. Джексона Хайнса и разрешала ему к себе прикасаться только на публике. Но даже эти случаи регламентировались правилами, несколько страниц которых ему пришлось выучить наизусть. Вводились ограничения на пылкие объятия и поцелуи в щеку, четко оговаривалось, как следует держаться за руки. В Евином тайнике в Лас-Вегасе хранились видеозаписи, свидетельствующие, что Хайнс занимался сексом с девочками и мальчиками младше двенадцати лет. Поэтому ему ничего не оставалось, как быстро принять ее предложение о браке и подчиниться всем строгим правилам этой супружеской жизни.

Джексон редко возмущался или дулся из-за их отношений. У него впереди была ясная цель стать президентом. Без собрания записей, сделанных Евой и запечатлевших все греховные деяния его серьезных политических конкурентов, ему никогда в жизни не удалось бы на пушечный выстрел приблизиться к Белому дому.

Некоторое время ее волновало, что кто-нибудь из политиков или их патронов, ненависть которых она завоевала в «честной политической борьбе», окажется настолько тупоголовым, что не поймет сразу всю безвыходность своего положения.

Если бы они расправились с ней, то их бы накрыла жуткая волна самых грязных и длительных политических скандалов в истории страны. Но эти скандалы наверняка имели бы продолжение. Многие из «слуг народа» были уличены в таких чудовищных и отвратительных преступлениях, что народ мог ринуться на баррикады, даже если бы на улицах расположились федеральные агенты с пулеметами, направленными на них.

Некоторые из самых твердолобых не могли поверить, что она запрятала копии записей по всему миру и что содержание этих лазерных дисков будет передано в эфир спустя несколько часов после ее смерти многочисленными и во многих случаях автоматизированными передатчиками. Самые упорные поверили ей только, когда она с помощью кабельного ТВ начала вещание в их дома со спутника, правда, предварительно заблокировав телевизоры всех остальных клиентов кабельного ТВ. Она показала своим зрителям один за другим отрывки видеозаписи их преступлений. Они пораженно взирали на экран, сидя в кабинетах или в спальнях, в ужасе от того, что передача транслируется по всему свету.

Компьютерная технология – это чудо!

Многие из твердолобых находились рядом с женами или любовницами, когда на их телевизионных экранах неожиданно появились такие сугубо личные фрагменты их темных делишек. В большинстве случаев дражайшие половины или любовницы были тоже не без греха или так же страстно рвались к власти, поэтому они держали язык за зубами.

Но тем не менее двое – весьма влиятельный сенатор и член президентского кабинета – оказались женаты на женщинах с весьма оригинальными и твердыми моральными принципами. Леди отказались держать в тайне то, о чем узнали из передачи. Однако прежде чем начались бракоразводные процессы и что-то стало известно широкой публике, обе женщины в один и тот же вечер были убиты возле банкоматов. В знак трагедии были приспущены национальные флаги над всеми правительственными зданиями по всему городу в течение суток. Кроме того, в Конгресс поступило предложение принять билль о

необходимости наклеивать предупреждения о возможном «вреде для здоровья» на всех банкоматах.

Ева до отказа повернула ручку кондиционера. При одном воспоминании о выражении лиц этих баб, когда она приставляла к их головам пистолет, она возбудилась еще сильнее.

Ей оставалось две мили до «Кловерфилда». Транспорт в Вашингтоне был просто невыносим. Ее так и подмывало сделать грязный жест некоторым из кретинов, которые, как нарочно, создавали пробки на перекрестках, но ей приходилось сдерживаться и вести себя прилично. Будущая первая леди США не должна позволять себе ничего неприличного. Кроме того, от Роя она усвоила, что злость – это слабость. Злость следует контролировать и потом превращать в единственно приятную эмоцию – сочувствие. Плохие водители не специально мешают движению, им просто не хватает ума, чтобы нормально управлять машиной. Наверное, у них в жизни было много неприятностей. Не стоило злиться на них, нужно лишь посочувствовать им и помочь перейти в другой мир, если только можно это сделать, не привлекая к себе излишнего внимания.

Ева подумывала о том, не записать ли ей номера их машин, чтобы позже, когда у нее будет свободное время, найти этих бедняг и преподнести им несравненный подарок. Но она слишком торопилась, чтобы проявить должное внимание и сочувствие.

Ей не терпелось добраться до «Кловерфилда» и поделиться новостями о папочкиной щедрости. Через сложную сеть международных трастов ее отец – Том Саммертон, первый заместитель Генерального прокурора Соединенных Штатов, – перевел ей триста миллионов долларов. Это, так же как и обладание компрометирующими записями на лазерных дисках, давало ей возможность вести свободную жизнь. А записи свои она накопила, сидя в бункере в Лас-Вегасе рядом с пауками.

Ева считала самым умным шагом в своей жизни, изобилующей умными и продуманными шагами, то, что она не выпрашивала деньги у папочки все эти годы с тех пор, как все узнала о нем. Вместо этого она попросила работу в Агентстве. Папочка решил, что она пожелала работать в бункере, потому что это совсем несложно – ничего не делать, сидеть почитывать журналчик и получать в год сто тысяч долларов.

Он ошибался, думая, что она не очень умная, дешевая проститутка.

Кажется, некоторые мужчины никогда не перестанут думать только одним местом, хотя многим уже давно нужно стать поумнее. Том Саммертон был одним из таких недалеких мужчин.

Много лет назад, когда Евина мать была любовницей папочки, ему следовало относиться к ней получше. Но, когда она забеременела и отказалась сделать аборт, он ее бросил. Это было подло. Даже в то время папочка был богатым молодым человеком, и ему предстояло стать еще богаче. Хотя он не добился большой политической власти, но был весьма амбициозен. Он вполне мог позволить себе позаботиться о маме. Когда мама припугнула его, что поставит под угрозу его карьеру, он подослал к ней парочку бандитов, и те так избили мать, что у нее чуть не случился выкидыш... После этого бедная мамочка до самой своей смерти была напуганной, оставившей иллюзии женщиной.

Папочка был так глуп, позволяя своим штанам решать за него, когда он завел пятнадцатилетнюю любовницу – именно столько было маме в то время. Позже он принимал решения, уступая своей жадности, хотя ему следовало привлечь в советчики голову или сердце.

Он и позднее продолжал думать своим причинным местом, когда позволил Еве соблазнить его, хотя, конечно, он не знал, что она его дочь. К тому времени он забыл бедную мамочку, как будто она была дешевой, девкой на одну ночь, хотя он спал с ней два года, пока не бросил. И если даже он с трудом и вспомнил мамочку, то ее беременность и то, что она ждала ребенка от него, совершенно выветрилось из его памяти.

Ева не только его соблазнила, она *довела* его до животной похоти и тем самым сделала своей легкой добычей. Все продолжалось несколько недель. Когда она ему предложила немного поиграть в «дочки-папочки» и изобразить в постели отца, который изнасиловал

свою дочь, он «завелся» до предела. Когда Ева пыталась ему сопротивляться и якобы приходила в ужас от того, что отец насилует ее, у него здорово разыгрались сексуальные фантазии. Все оказалось записанным на видеокассету. Видеооборудование было великолепным. Она к тому же сохранила сперму Тома, чтобы с помощью сравнительного генетического анализа спермы и своей крови окончательно убедить его в том, что она действительно его дорогая доченька. Если придется предъявить видеозапись экспертам, то небольшое представление будет ими рассматриваться как действительное изнасилование.

После получения такого подарочка папочка в первый раз в жизни начал думать головой. Ей удалось убедить его, что, если даже он ее убьет, это ему не поможет, поэтому он был готов заплатить столько, сколько нужно, чтобы она молчала. Он был поражен и очень доволен, когда она отказалась от денег, но попросила у него верную и хорошо оплачиваемую правительственную работу. Надо сказать, что ему совершенно не понравилось, когда она пожелала больше знать об Агентстве и о тайных подвигах, которыми он пару раз похвалялся, лежа с ней в постели.

По прошествии нескольких трудных дней у него хватило ума привести ее в объятия Агентства.

– Ты – маленькая хитрая сучка, – сказал он ей, когда они наконец пришли к соглашению. Он даже ласково обнял ее и был разочарован, узнав, что они больше не будут спать друг с другом. Но со временем он примирился с этой утратой. Саммертон думал, что лучше всего к ней подходит определение «хитрая». Он не догадывался, как она использовала свою работу в бункере для достижения собственных целей, пока не узнал о ее замужестве с Е. Джексоном Хайнсом после молниеносного двухдневного ухаживания. Он также узнал о том, что она смогла полностью подчинить себе самых важных политиков города. Потом она пожаловала к нему, чтобы начать переговоры в отношении наследства. Только тогда папочка обнаружил, что слово «хитрая» не совсем точно характеризовало его милую дочурку.

Она подъехала к «Кловерфилду» и припарковалась на красной полосе у входа, рядом со знаком, на котором было написано: «Не парковаться в любое время суток!»

Она прикрепила одну из карточек Джексона «Член Конгресса» к ветровому стеклу, еще раз насладились холодным воздухом из кондиционера и вышла в августовскую жару и влажность.

«Кловерфилд» с белыми колоннами и стройными стенами был одним из самых чудесных заведений в США. Еву приветствовал швейцар в ливрее. В приемной сидел весьма почтенный джентльмен – англичанин, которого все называли Денфилд. Ева так и не уточнила: «Денфилд» – это имя или фамилия.

После того как Денфилд записал ее в книгу посетителей и мило поболтал с нею, Ева пошла знакомым путем по тихим коридорам. Картины американских художников прошлого столетия, украшавшие стены, прекрасно сочетались с персидскими дорожками, покрывавшими темно-красный пол из хорошо отполированного дерева.

Когда она вошла в роскошный номер Роя, то увидела, что ее дорогой человек двигался по комнате с помощью «ходунков», чтобы немного поупражняться в ходьбе. Благодаря самым лучшим врачам мира у него начали неплохо работать руки. Он верил, что через несколько месяцев сможет сам передвигаться без посторонней помощи, пусть даже прихрамывая.

Она чмокнула его в щеку, он возвратил ей поцелуй.

– Ты с каждым разом становишься все красивее, – сказал он.

– Да, мужчины на меня все еще поглядывают, – ответила ему Ева. – Но уже не так как раньше, и особенно из-за этих нарядов.

Будущая первая леди Соединенных Штатов не могла себе позволить одеваться, как одевалась бывшая шоу-герл из Лас-Вегаса, которая упивалась тем, что доводила до безумия всех мужчин. Сейчас она даже носила лифчик, который несколько сдерживал ее груди, и казалось, что природа дала ей немного меньше, чем на самом деле.

Но она же никогда не была шоу-герл. Ее фамилия была не Джаммер, а Линкольн. Ну, как президент Абрахам Линкольн.

Она посещала школу в пяти разных штатах и в Западной Германии, потому что ее отец был профессиональным военным, которого постоянно перемещали с места на место. Она закончила Сорбонну в Париже и провела несколько лет, обучая бедных детей в Королевстве Тонга, на южном побережье Тихого океана. Именно так было зафиксировано в ее файлах, и даже самый пронырливый хитроумный репортер, получивший доступ к самому мощному компьютеру, не сможет выудить никаких компрометирующих сведений о ней.

Ева и Рой сидели рядышком на диванчике. На прелестном столике стояли горячий чай, богатый выбор печенья, сливки и джем.

Пока они прихлебывали чай и жевали печенье, она рассказала Рою о том, что папулька перевел на ее счет триста миллионов. Рой был так счастлив за нее, что у него на глазах показались слезы. Он был таким милым.

Они заговорили о будущем.

О том времени, когда они постоянно будут друг с другом. И по ночам... И не нужно будет прятаться. К сожалению, это могло случиться только в весьма отдаленном будущем. Е. Джексон Хайнс приступит к выполнению обязанностей президента двадцатого января, через семнадцать месяцев. Он и его вице-президент будут убиты через год после этого – хотя сам Джексон еще не знал о такой незначительной детали. С одобрения специалистов по вопросам соблюдения конституции и по совету Верховного суда Соединенных Штатов обе палаты Конгресса будут вынуждены сделать беспрецедентный шаг и назначить специальные выборы. Ева Мария Линкольн Хайнс, вдова убитого президента, тоже примет участие в выборах и, победив, начнет работать в качестве президента.

– Через год после моего избрания можно будет снять траур, – сказала она Рою. – Как ты считаешь, год – это достаточно?

– Более чем достаточно. Особенно, если публика полюбит тебя и захочет, чтобы ты была счастлива.

– И тогда я смогу выйти замуж за героя, агента ФБР, который выследил и убил удравшего из тюрьмы маньяка Стивена Акблома.

– Пройдет четыре года, пока мы навеки соединимся, – сказал Рой. – На самом деле это не так долго. Я тебе обещаю, Ева, я сделаю тебя счастливой и с честью буду носить свой титул первого джентльмена страны!

– Я верю тебе, дорогой, – сказала Ева.

– И тогда всех, кому придется не по вкусу то, что ты делаешь...

– Мы сможем позаботиться о них и посочувствовать им.

– Правильно.

– Давай не будем говорить о том, как долго еще ждать счастливого мига. Поговорим о твоих великолепных идеях и о наших *планах* на будущее.

Они долго рассуждали об униформе служащих в тех новых федеральных учреждениях, которые собирались образовать. Но основной вопрос был: не стоит ли заменить традиционные костяные пуговицы «молниями» и металлическими застегивками.

Глава 16

Под горячим солнцем молодые люди с тренированными телами и очаровательные молодые женщины в самых легких бикини принимали солнечные ванны и соблазнительные позы, чтобы привлечь внимание друг друга. Дети строили песочные замки. Пенсионеры сидели под зонтиками в соломенных шляпах, наслаждаясь теплом. К счастью, никто из них ничего не знал о глазах, следивших за ними с неба, и о том, что по желанию или капризу политиков той или иной страны все они могут в одно мгновение исчезнуть. Впрочем, может это произойти и по воле любого чокнутого компьютерного гения «хакера» из Кливленда, Лондона, Кейптауна или Питтсбурга, захваченного киберпанковой фантазией.

Он шел вдоль берега, где прямо рядом с линией прилива огромные отели высились один за другим. Он слегка потер лицо – у него зудел подбородок. Он отращивал бороду

шестой месяц, и она уже не выглядела жалкой бороденкой. Совсем наоборот, она была пышной и мягкой. Элли говорила, что с бородой он стал еще привлекательнее. Но в жаркий августовский день на пляже в Майами подбородок под ней чесался так, будто у него завелись блохи, и поэтому он предпочел бы быть чисто выбритым.

Кроме того, ему просто нравилось его лицо без бороды.

За полтора года, прошедшие с той ночи, когда «Годзилла» атаковал агентов на ранчо в Вэйле, великолепный частный хирург из Англии сделал ему три операции и полностью удалил старый шрам. Осталась тонкая ниточка, почти невидимая, даже когда он загорал. Кроме того, несколько изменились его нос и подбородок.

Теперь он называл себя множеством имен, но никогда не пользовался прежними – Спенсер Грант и Майкл Акблом. Среди близких друзей, работавших с ним в Сопротивлении, он был известен как Фил Ричарде. Элли сохранила свое имя и стала миссис Элли Ричарде. Рокки с готовностью откликался на кличку Киллер – его не смущала смена имени.

Повернувшись спиной к океану, Фил прошел мимо загорающих людей к парку одного из новых отелей. Он был в сандалиях, белых шортах и яркой гавайской рубашке и ничем не отличался от отдыхающих туристов.

Купальный бассейн отеля был больше футбольного поля и по форме напоминал тропическую лагуну. Бортики бассейна были выложены искусственным камнем и в центре также были островки из камня, на которых можно было загорать. Вода в бассейн поступала из искусственного водопада высотой с двухэтажный дом, возле водопада росли пальмы, дававшие тень.

В гроте позади водопада был расположен бар. Туда добирались или вплавь, или пешком. Павильон был выполнен в полинезийском стиле, с использованием бамбука, сухих пальмовых ветвей и ярких раковин. Официантки были в коротеньких кофточках и ярких запахивающих юбках с изображениями огромных орхидей. Легкие сандалии и живой цветок в волосах дополняли этот костюм.

Семья Падракян – Боб, Джин и их восьмилетний сын Марк – сидела за маленьким столиком у стены грота. Боб пил ром с кокой, Марк наслаждался шипучим напитком, приправленным мускатным орехом, Джин нервно рвала салфетку на кусочки и покусывала нижнюю губу.

Фил подошел к столику и испугал Джин, которая видела его впервые, громко сказав ей:

– Привет, Салли, ты выглядишь просто великолепно. – Он обнял ее и поцеловал в щеку, потом потрепал по голове Марка. – Как у тебя дела, Пит? Я как-нибудь захвачу тебя с собой на подводную охоту. Ты как, не против? – Он крепко пожал руку Бобу и продолжал: – Тебе следует обратить внимание на свой живот, приятель, иначе ты станешь похож на дядюшку Морти. – Потом он присел за их столик и тихо сказал: – Фазаны и драконы.

Через несколько минут, выпив пинью коладу¹ и осторожно оглядев остальных посетителей бара, чтобы удостовериться, что никто из них не проявляет излишнего любопытства к Падракьям, Фил заплатил за напитки, и они все вместе направились в отель, болтая о несуществующих родственниках. Они прошли через прохладный вестибюль и снова вышли из помещения в жару и влажность. По мнению Фила, никто не следовал за ними и не вел наблюдение.

Падракяны в точности выполнили все, что им велели по телефону. Они были одеты, как все стремившиеся к солнцу туристы из Нью-Джерси, хотя Боб несколько перестарался, надев черные легкие туфли с черными носками и шорты «бермуды».

К отелю подъехал автобус для туристических прогулок с большими окнами. Он въехал прямо под козырек у входа. На передних дверях были прикреплены магнитные надписи: «Водные приключения капитана Черная Борода». Под надписью над портретом улыбающегося пирата более мелким шрифтом было добавлено: «Морские прогулки под водой в сопровождении инструктора, прокат водных лыж, катание на водных лыжах и морская рыбалка».

¹ Напиток из рома, ананасового сока и кокоса.

Водитель вышел из автобуса и открыл дверь. На нем были мягкая модная рубашка из белого льна, легкие белые брюки и ярко-розовые полотняные туфли с зелеными флюоресцентными шнурками. Даже с баками и серебряной серьгой в одной ухе он выглядел достойно и весьма интеллигентно, как будто на нем был надет строгий костюм с жилеткой или же форма капитана полиции. Как в те дни, когда Фил служил под его командой в отряде полицейского департамента Лос-Анджелеса. Его иссиня-черная кожа казалась еще темнее и блестела на тропической жаре Майами.

Падракияны сели в автобусе на задние сиденья, а Фил рядом с водителем, которого теперь все знали под именем Рональд – Рон Труман.

– Мне нравятся твои туфли, – заметил Фил.

– Эти туфли купили мне мои дочери.

– Да, и тебе они тоже нравятся.

– Не буду спорить, в них так удобно и прохладно.

– Ты почти танцевал, когда шел к нам. Ты просто демонстрировал их всем.

Отъезжая от отеля, Рон улыбнулся и заметил:

– Вы – белые – всегда завидуете тому, как мы двигаемся.

Рон говорил с таким четким английским акцентом, что, если бы Фил прикрыл глаза, он представил бы себя возле Биг Бена. Пока Рон старался избавиться от своего карибского акцента, у него обнаружили способности перенимать интонации и акценты различных диалектов. Он теперь стал человеком с тысячью голосов.

– Должен сказать, – нервно заявил Боб Падракян со своего места позади них, – что мы просто с ума сходим от страха.

– Все будет нормально, – утешил его Фил. Он повернулся к ним и улыбнулся, чтобы ободрить трех беглецов.

– Никто за нами не следит, если только сверху, – сказал Рон, хотя Падракияны, видимо, не понимали, о чем идет речь. – Мне кажется, что сейчас нет никакой слежки.

– Я хочу сказать, – продолжал Боб Падракян, – что мы даже не знаем, кто вы такие на самом деле.

– Мы – ваши друзья, – успокоил его Фил. – Если все сложится у вас так же, как вышло у нас с Роном и у наших семей, тогда, я думаю, мы действительно сможем стать очень близкими друзьями.

– Мы теперь больше чем друзья, – добавил Рон. – Мы стали одной семьей.

Боба и Джина, казалось, мучили сомнения. Они были сильно испуганы.

Марк был слишком молод, чтобы волноваться.

– Пока посидите молча и не тревожьтесь, – сказал им Фил. – Вам все вскоре объяснят.

Они остановились у огромного торгового центра и, войдя внутрь, миновали несколько магазинов и там, где было меньше народа, прошли в дверь с пиктограммами, указывавшими, что здесь туалеты и телефон. Они попали в длинный служебный коридор с телефонами-автоматами. В конце коридора лестница вывела их в большой склад товаров, обслуживавший маленькие магазинчики.

Двое из четырех ворот для въезда грузовиков были подняты вверх, в них стояли трейлеры. Три человека в униформе магазина, который торговал сыром, копченым мясом и деликатесами, быстро разгружали машину. Они складывали картонные ящики на ручные тележки и везли их к грузовому лифту. Рабочие не обратили никакого внимания на Фила, Рона и Падракянов. На многих ящиках, которые они выгружали, было написано: «Быстропортящиеся продукты. Хранить в холодильнике», и время было для этих людей самым главным.

Грузовик, стоявший в отсеке под номером один, казался маленьким по сравнению с восемнадцатиколесным гигантом в отсеке номер четыре. Водитель появился из темноты фургона. Когда они подошли ближе, он спрыгнул вниз. Все пятеро влезли внутрь, как будто для них было обычным путешествовать в кузове грузовика, развозившего товар. Водитель закрыл за ними дверцы, и через секунду они отправились в путь.

Внутри фургона было пусто, если не считать кучи простеганных ватных прокладок, которые используются перевозчиками мебели. Они сидели на этих прокладках в полной темноте. Разговаривать было невозможно из-за шума мотора и громохання металлических стенок кузова.

Грузовик остановился минут через двадцать. Мотор замолк, и через пять минут задняя дверца открылась. Водитель предстал перед ними в ярком солнечном свете:

– Быстро выходите, пока здесь никого нет.

Они вылезли из грузовика и оказались на парковке у общего пляжа. Солнце отражалось от стекол и хромированных частей машин. Белые чайки металась в небе. Фил чувствовал привкус соли в воздухе.

– Нам нужно немного пройти, – сказал Рон Падракиянам.

Пройдя четверть мили, они оказались возле кемпинга. Серо-коричневый трейлер «Роуд Кинг» был огромным. Но здесь таких домов на колесах было множество. Они стояли между пальмами, и к ним подходили различные коммуникации.

Деревья лениво покачивали кронами от легкого и влажного ветерка. В сотне ярдов отсюда, у самой воды, медленно шагали взад и вперед два пеликана. Они ступали в пенящиеся волны, как будто исполняли старинный египетский танец.

Внутри «Роуд Кинга», в гостиной, Элли и еще два человека работали за терминалами. Она встала и, улыбаясь, поцеловала Фила.

Он тоже обнял и поцеловал Элли.

Потом ласково прикоснулся к ее животу и сказал:

– У Рона новые туфли.

– Я их уже видела.

– Скажи ему, что он в них грациозен. Ему будет очень приятно.

– Вот как?

– Да, тогда он чувствует себя полноправным темнокожим!

– Он и так темнокожий.

– Конечно, а кто спорит?

Элли и Фил подошли к Рону и Падракиянам, сидевшим за столом в форме подковы, за которым умещалось семь человек.

Элли села возле Джин Падракиян, чтобы приветствовать ее в этой новой для нее жизни. Она взяла руку женщины и пожала ее. Она это сделала так, как будто Джин была ее сестрой, которую она давно не видела и которой ее рукопожатие могло помочь. Элли обладала таким теплом, что люди вскоре начинали ей доверять и легко себя чувствовали в ее обществе.

Фил смотрел на нее с гордостью и любовью. Он немного завидовал ее способности легко сходиться с людьми.

Боб Падракиян все еще не оставлял слабой надежды снова вернуться к старой жизни. Ему было трудно принять тот факт, что предложенная им новая жизнь навсегда сменит прежнюю, и он сказал:

– Мы потеряли все. Абсолютно все. Хорошо, у меня есть новое имя и новые документы, и мое прошлое никто не поставит под сомнение. Но куда мы поедem отсюда? И как я стану зарабатывать на жизнь?

– Нам бы хотелось, чтобы вы работали здесь с нами, – сказал ему Фил. – Если вы не захотите этого... ну, мы постараемся поселить вас в другом месте и дать вам стартовый капитал, чтобы вы смогли встать на ноги. Вы можете жить, не принимая участия в Сопротивлении. Мы даже поможем вам получить нормальную работу.

– Но вы никогда не будете спокойны, – добавил Рон, – потому что теперь вы прекрасно понимаете, что никто не находится в безопасности при этом новом, смелом мировом порядке.

– Именно ваша и Джин удивительно квалифицированная работа с компьютером принесла вам беду, – сказал Фил. – Нам очень нужны специалисты вроде вас.

Боб нахмурился.

– Но чем точно мы будем заниматься?

– Тревожить и изматывать их при каждой возможности. Внедряться в их компьютеры, чтобы узнать, кто следующий в их списках. Помогать этим обреченным людям ускользнуть, не дожидаясь, пока на них упадет топор. Разрушать незаконные полицейские файлы с досье порядочных людей, которые виноваты только в том, что имеют свое мнение. У нас много работы.

Боб огляделся вокруг, посмотрел на двух людей, сидевших в гостинной за терминалами.

– Мне кажется, что вы хорошо организованы и вас прекрасно финансируют. Здесь присутствует иностранный капитал? – Он твердо посмотрел на Рона Трума-на. – Вне зависимости от того, что творится в этой стране сейчас и что с ней произойдет в будущем, я считаю себя гражданином Америки и всегда им останусь.

Рон оставил свой британский акцент и заговорил протяжно, как говорят жители Луизианы:

– Я такой же американец, Боб, как и вы. – Потом он перешел на вирджинский говор. – Я могу вам процитировать любое место из произведений Томаса Джефферсона. Я помню их все. Полтора года назад я не смог бы вам процитировать ни одного предложения. Теперь его работы стали моей библией.

– Мы получаем деньги, отбирая их у грабителей, – объяснила Элли Бобу. – Мы манипулируем их компьютерными записями, переводим их средства себе. Для этого существует великое множество способов. Их бухгалтерские книги ведутся так небрежно, что в половине случаев они даже не подозревают, что у них забрали деньги.

– Воруете у воров, – проговорил Боб. – Что это за воры?

– Политики, правительство с их «черными фондами», которые они тратят на секретные проекты.

Быстрый топот и стук когтей, скребущих по полу, возвестили о прибытии Киллера из спальни, где он дремал. Он подлез под стол, испугав Джин Падракян и колотя хвостом по попадавшимся ему на пути ногам. Он протиснулся между ножкой стола и Марком и положил ему на колени свои лапы.

Мальчик радостно засмеялся – собака энергично облизывала ему лицо.

– Как его зовут?

– Киллер, – ответила Элли.

Джин забеспокоилась:

– Я надеюсь, что он не опасен?

Фил и Элли посмотрели друг на друга и улыбнулись. Фил объяснил:

– Киллер – это посланник доброй воли. Нам никогда не грозил кризис отношений с тех пор, как он любезно согласился занять этот пост.

В последние полтора года Киллер не был похож сам на себя, то есть на Рокки.

Раньше его шерсть была смешанных оттенков коричневого, бежевого, черного и белого. Сейчас он стал абсолютно черным. Неизвестная порода собаки. Собака скрывается от розыска. Мистер Собакин в изгнании и совершенно изменившийся. Собака-беглец. Фил уже решил, что когда он сбреет свою бороду (уже скоро), тогда пусть и Киллер вернет свой нормальный окрас. Так он ему нравился гораздо больше.

– Боб, – сказал Рон, возвращаясь к прежней теме разговора, – мы живем в такое время, когда самые высокие из высоких технологий дают возможность относительно небольшому количеству тоталитарно настроенных людей подрывать основы демократического общества, контролировать определенную часть правительства и в большой мере экономику и культуру. И делать это с большим коварством. Если они контролируют изрядную часть всего вышеперечисленного в течение длительного времени и им никто не сопротивляется, они становятся только наглее. Тогда у них возникает желание контролировать абсолютно все-все аспекты жизни людей. К тому времени, когда большинство людей начинает понимать, в чем дело, их способность к сопротивлению уже разрушена. Силы, действующие против них, уже просто невозможно одолеть.

– Тогда они переходят от незаметного контроля к явному проявлению жесткой силы, –

продолжила Элли. – Именно тогда начинают действовать лагеря для «перевоспитания людей». Они им нужны, чтобы направить наши души «по правильному пути».

Боб в ужасе смотрел на Элли:

– Вы действительно считаете, что подобное может случиться здесь и что дело дойдет до таких крайностей?

Элли не стала ему отвечать. Она смотрела ему в глаза, чтобы он мог вспомнить и правильно оценить те несправедливости, которые выпали на его долю и на долю его семьи. Именно все случившееся с ними привело их сюда, в это место...

– Боже мой, – прошептал Боб, не отрываясь глядя на свои руки, лежащие на столе.

Джин посмотрела на сына – мальчик радостно ласкал и почесывал Киллера. Потом она перевела взгляд на большой живот Элли:

– Когда должен родиться малыш?

– Через два месяца.

– Мальчик или девочка?

– У нас будет девочка.

– Вы уже выбрали для нее имя?

– Дженнифер Корина.

– Очень мило, – заметила Джин.

Элли улыбнулась.

– В честь матери Фила и моей мамы.

Фил сказал Бобу Падракяну:

– Мы *действительно* живем надеждой. У нас сеть надежда, и поэтому мы заводим детей и надеемся продолжать жизнь, даже работая в Сопротивлении. В современной технологии имеются и положительные стороны. Вам это прекрасно известно. Мы увлечены высокой технологией так же, как увлечены ею вы. Ее преимущества для человечества значительно перевешивают создавшиеся и возникающие проблемы. Но в мире всегда будут Гитлеры. Нам приходится изыскивать новые варианты ведения нового вида войны. Той войны, во время которой следует больше использовать знания, нежели оружие.

– Хотя оружие, – прервал его Рон, – иногда тоже может принести кое-какую пользу.

Боб посмотрел на большой живот Элли, потом повернулся к жене:

– Ты уверена?

– У них есть надежда, – просто сказала ему Джин.

Ее муж, соглашаясь с ней, добавил:

– Тогда существует и будущее.

* * *

Позже, когда начали сгущаться сумерки, Элли, Фил и Киллер отправились на прогулку по пляжу.

Солнце было огромным, красным и спустилось низко к земле. Оно быстро садилось за море.

На востоке над Атлантикой небо стало темным, огромным, пурпурно-черным. Показались звезды, они помогали морякам прослеживать курс по странному и незнакомому морю.

Фил и Элли говорили о Дженнифер Корине и о надеждах, которые они связывали с ней, о башмаках и судах, и о воске, о королях и капусте. Они по очереди бросали мячик, но Киллер никому не уступал право приносить его обратно.

Фил когда-то звался Майклом и был сыном порока. Он также был Спенсером, и его долго не отпускали от себя события страшной июльской ночи. Он обнял свою жену. Глядя на вечные сияющие звезды, он знал, что человеческая жизнь свободна от оков судьбы, за одним исключением – Человеку суждено быть свободным.

Послесловие

*Погружается во тьму (уходит в ночь,
меняет окрас) весь этот наш
звериный оскалившийся мир.*
Джеймс Джойс, «Поминки по Финнегану»

Не существует никакого первого заместителя генерального прокурора Соединенных Штатов. Я придумал пост для Томаса Саммертона, чтобы никак не дискредитировать никого из чиновников федеральной службы.

Наблюдение с помощью высоких технологий, о котором говорится в этой книге, вполне реально. Возможность делать подробные снимки с орбиты вряд ли появится так скоро, и дальнейшая разработка этой технологии, видимо, займет более длительное время, чем я здесь показал. Но развитие технологий быстро подхватывает идеи фантастов, и в данной области тоже.

Существует перспектива создания управляемого атомом лазерного оружия и в дальнейшем его размещения на орбите. Но всего лишь выдумка, что у какой-то мировой державы существует оружие, подобное «Годзилле».

Манипулирование данными и вторжения в компьютерные системы, описанные в этой истории, вполне возможны. Чтобы было легче понять, я упростил некоторые технические детали.

Существуют законы, которые допускают конфискацию имущества, как в случае с Гарри Дескоте. И они все чаще применяются против законопослушных членов общества. В интересах жанра повествования я лишь слегка изменил порядок их применения и несколько преувеличил быстроту, с которой обрушивались на Гарри несчастья. Недавнее решение Верховного суда о том, что требуется слушание дела до конфискации имущества, является совершенно недостаточной мерой по защите демократии. Слушание проходит в присутствии судьи, который, как показывает практика, всегда выступает в пользу правительства. Что еще хуже, не требуется, чтобы существовали доказательства вины владельца имущества, или чтобы против него были выдвинуты обвинения в преступлении.

Лагерь Ветви Давидовой в Вако, штат Техас, был реальным местом. Известно, что Давид Кореш регулярно покидал лагерь и мог быть арестован обычным образом. После нападения на него федеральных служб было обнаружено, что члены этой культовой организации имеют вооружения в два раза меньше, чем население Техаса. Также общеизвестен факт, что до нападения техасские службы по защите прав ребенка расследовали обвинения в плохом отношении к детям, проповедуемом этой религией, и нашли их беспочвенными. Но также существуют предположения, что правительство надеялось использовать членов секты Давида в качестве подопытных кроликов, чтобы в дальнейшем применять законы о конфискации имущества к религиозным группам.

Что касается меня лично, то я считаю верования Ветви Давидовой странными и иногда даже отвратительными. Но мне непонятно, почему их *верования* послужили причиной для нападения на них.

Целый ряд примеров явно криминального поведения правительственных агентов, которые приводятся в данной книге, не являются выдумкой. Военные налеты на отдельных граждан случаются в наше время.

Вот факт, который отражен в книге: Ренди и Вики Вивер и их сын Сэмми переехали в изолированное поместье в Айдахо, размером в двадцать акров. Им хотелось оставить крысиную гонку и начать практиковать учение белого сепаратизма. Будучи сепаратистами, они *не* считали, что люди какой-либо расы могут подвергаться преследованию или быть поработченными. Они просто считали, что расы должны жить отдельно одна от другой. Подобные верования также поддерживают и некоторые черные секты. Хотя я считаю, что

люди, которые разделяют подобные ограниченные взгляды, к сожалению, весьма неграмотны, но конституция США дает им право жить отдельно от всех остальных людей, так же как это разрешено делать всем, если только они не нарушают законов. Агентство по борьбе с наркотиками и ФБР совершили ошибку и решили (неизвестно по какой причине), что мистер Вивер является белым *супрематистом* и опасной личностью. Они постоянно пытались на чем-то подловить его и в конце концов обвинили в техническом нарушении законов о владении оружием. В повестке, призывавшей его явиться на суд, указывалась дата двадцатое марта, а суд был назначен на двадцатое февраля.

Федеральные обвинители признали, что мистеру Виверу неправильно назвали дату суда, но тем не менее, когда он не появился в суде двадцатого февраля, он был осужден за неявку на суд.

В августе 1992 года федеральные агенты, вооруженные пулеметами с оптическими лазерными прицелами, начали осаду поместья Виверов. Четырнадцатилетний Сэмми получил смертельный выстрел в спину. Его убили федеральные агенты. Миссис Вивер стояла в дверях собственного дома, держа на руках десятимесячную дочь Элишебу, — она погибла от выстрела в голову. Собака, принадлежавшая семейству, тоже была прикончена, когда пыталась убежать от этого побоища. Позже агенты несколько раз переехали тело собаки на своих бронетранспортерах.

В июле 1993 года суд присяжных признал мистера Вивера невиновным в убийстве начальника полицейского участка (тот погиб во время конфликта), невиновным в заговоре с целью провоцирования конфликта с правительством и невиновным в подстрекательстве к убийству и пособничестве ему. Жюри было особенно возмущено попытками правительства очернить семью Виверов, представив их в виде неонацистов, когда было совершенно ясно, что они не разделяли взглядов этой партии.

Гэрри Спенс, адвокат защиты, позже заявил:

— Сегодня жюри высказало свою точку зрения, что вы не можете убивать людей только потому, что у вас есть значок агента, и потом прикрывать эти убийства, осуждая невиновных. Что мы теперь сможем сделать для Вики Вивер, матери, которая была убита с ребенком на руках, и для Сэмми Вивера, мальчика, которого убили выстрелом в спину? Кто-то должен ответить за эти смерти.

В то время, когда я пишу это, федеральное правительство избежало настоящего правосудия. Если когда-нибудь по данному поводу правосудие восторжествует, то только с помощью действий государственного прокурора Айдахо.

* * *

Для того чтобы сохранить демократию, необходимы три вещи:

1. Мы должны отменить все законы по конфискации имущества.
2. Конгресс не должен выводить своих членов из-под действия законов, которые управляют жизнью всех нас.
3. Конгресс должен прекратить применение законов, считающих преступными верования, политически неверные или необычные, но не приносящие никому вреда, потому что, как выразился Джордж Оруэлл, такое «мышление преступно».

Дин Кунц, апрель 1994 года